Г. В. Плотников

Ключ на связь

(из дневников солдата)

Глеб Виссарионович Плотников,

гвардии лейтенант, командир взвода связи

232-го гвардейского орденов Кутузова и А. Невского Венского стрелкового полка

80-й гвардейской стрелковой Уманской ордена Суворова дивизии,

автор публикуемых воспоминаний

(фото 1945 г., Вена)

Оглавление

Номер раздела	*Название главы*	*Стра-ницы*
Вступление		6
Глава I	Формирование дивизии	8
Глава II	Боевое крещение	46
Глава III (1 часть)	Сталинградская битва	59
Гл. III (2 часть)	23 августа 1942 года	74
Гл. III (3 часть)	Дави фашистского гада у Сталинграда!	108
Глава IV	В Резерве Верховного Главнокомандования	173
Глава V	Освобождение Полтавщины	228
Глава VI	Битва за Днепр	259
Глава VII	Бои за Кировоградскую область	284
Глава VIII	Христиновско-Уманская операция	331
Глава IX	Ясско-Кишинёвская операция	369
Глава X	Больше пота в учении – меньше крови в бою	451
Глава XI	Битва за Будапешт	498
Глава XII	Битва за Вену	604
Глава XIII	Победа!	670
Послесловие		729

Вступление[1]

Однажды вечером политрук нашей роты связи, в обязанности которого входила и организация «досуга» личного состава, негромко сказал:

- Всё бы ничего, но вот как эту стенгазету выпустить?!

Я стоял неподалёку и ответил:

- Да нет ничего проще! Принесите мне лист хорошей бумаги, красок или цветных карандашей, и на другой день будет у нас газета.

- Неужели сможешь, сделаешь? – недоверчиво переспросил политрук.

- Сделаю, – подтвердил я, – Я в этом деле имею опыт – несколько лет выпускал стенгазету в школе и даже дома семейную стенгазету.

На следующий день политрук принёс мне готовые бланки «Боевого листка» и красно-синий карандаш. И как я ни отнекивался навалившимися в этот момент делами (нужно было вести занятия с радистами), он сразу же посадил меня за оформление этой стенгазеты.

Я написал заметку об отличниках учёбы нашего взвода, о ходе учёбы в телефонных взводах. Почти полгазеты заняла передовая статья (сокращённый вариант передовицы из «Правды»[2], но с добавление задач, стоящих перед нашей ротой).

Политрук посмотрел, одобрил, и ещё через час «Боевой листок» уже висел на стене.

Когда было выпущено номеров пять, политрук отнёс их куда-то, сказав, что будет выставка «Боевых листков» (вот я не обратил внимания, в полку или в политотделе дивизии). Во всех ротах, под руководством политруков,

[1] Эпизод «1» из тетради 94; написан около 15/IV-74 г. В сносках либо в квадвартных скобках основного текста – здесь и далее – приведены комментарии, добавленные не самим автором, а его внуком при оцифровке дневников Глеба Виссарионовича в 2019 году, когда были найдены считавшиеся нами утерянными 10 папок воспоминаний, которые и составляют данную книгу.

[2] Основного ежедневного средства массовой информации КПСС, тогда – ВКП(б), практически – главной газеты нашей страны до 1990-х годов.

выпускались подобные «Боевые листки», и там отражались успехи и недостатки в боевой подготовке, как отдельных солдат, так и подразделений. Потом мл[1]. политрук сообщил мне, что наши выпуски получили одобрение какого-то начальства.

Так я сделался журналистом роты, в одном лице совмещая и корреспондента, и редактора, и типографию[2].

[Далее[3] – тетрадь 1 – собственно начало записей Глеба Виссарионовича.]

[1] Здесь и далее используется авторская сокращённая версия обозначаения воинских званий: мл. – младший (… сержант / … лейтенант / … политрук), ст. – старший (… сержант / … лейтенант / …/ политрук / … батальонный комиссар (для отличия слово «станция» написано курсивом – *ст*.); также сокращённо указано почётное звание гвардейца, к примеру: гв. капитан – «гвардии капитан» и т. д.

[2] Какие эпизоды солдатской жизни, записанные Глебом Виссарионовичем Плотниковым, с декабря 1941 года – связистом 298-й стрелковой дивизии (в феврале 1943 г. переименована в 80-ю гвардейскую стрелковую дивизию), попали на страницы боевых газет, а какие – из разряда того, что передаваётся из уст в уста, умный и подготовленный читатель разберётся самостоятельно.

[3] И далее в квадратных скобках основного текста будут отмечены места переходов записей Глеба Виссарионовича от одной тетради к другой.

Глава I

«Формирование дивизии»

15 декабря 1941 года началась формироваться в Алтайском крае 298-я стрелковая дивизия[1].

Это было время, когда уже закончился период отступления, и началось контрнаступление Советской Армии, а затем, в январе, были предприняты и наступательные операции на важнейших направлениях советско-германского фронта.

В это время «Советские люди воочию убедились в том, что “непобедимая” немецкая армия может быть не только остановлена, но и разбита» («История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.», т. II, с. 296)[2].

В ходе контрнаступления в декабре 1941 года Красная Армия ликвидировала угрозу окружения Москвы, освободила временно захваченные фашистами Калининскую, Московскую, Тульскую, Рязанскую и Ростовскую области, часть районов Ленинградской, Смоленской, Орловской, Курской и Харьковской областей.

Но большая часть территории, захваченной фашистами за первые 6 месяцев после нападения Германии на СССР, оставалась в руках врага, женщины, дети, старики (население оккупированных районов, несколько десятков миллионов человек) ждали своего освобождения.

892-й стрелковый полк формировался в г. Алейске и в посёлке Алейского свеклосовхоза. 886-й и 888-й стрелковые, артиллерийский полк и спецподразделения дивизии формировались в г. Барнауле. Штаб формируемой

[1] Документальные данные из архива можно посмотреть по адресу: https://pamyat-naroda.ru/warunit/80%20%D0%B3%D0%B2.%20%D1%81%D0%B4/.

[2] Оцифрованная версия источника по адресу: http://www.uverenniy.ru/istoriya-velikoj-otechestvennoj-vojni-sovetskogo-soyuza-1941-1.html?page=33.

дивизии помещался в двухэтажном каменном здании на углу проспекта Ленина и улицы Гоголя[1].

Командиром дивизии был назначен полковник Васильев Николай Алексеевич, комиссаром дивизии – полковой комиссар Шлихтер [Артемий Александрович], начальником штаба дивизии – подполковник Джалаухов Христофор Махайлович, начальником политотдела – Шварёв Михаил Анастасович.

Командиром 886-го стр[2]. полка́ был майор Косогоров, нач. штаба – Адамкович, комиссаром – Елисеев Иван Гордеевич; командиром 888-го стр. полка был майор Камышников П. И., командиром 892-го стр. полка – полковник Лыков Иван Иванович, комиссаром полка – ст. батальонный комиссар Оглуздин Александр Петрович; командиром артиллерийского полка – полковник Михайлюченко Михаил Петрович.

Дивизия формировалась в основном из молодёжи различных районов Алтайского края, кроме того, в дивизию направлялись фронтовики, побывавшие в боях и проходившие лечение в госпиталях.

Январь и февраль месяцы 1942 года личный состав дивизии усиленно занимался боевой подготовкой. Нужно было освоить оружие (в том числе, новейшие автоматы ППШ и противотанковые ружья) и военную технику, вплоть до такой сложной, как радиостанции; нужно было научить личный состав действовать на поле боя и в одиночку, и отделением, взводом, ротой, батальоном.

Кроме того, большое внимание уделялось политической подготовке, ведь сила советского бойца в его сознательности, в его стойкости.

В эти суровые зимние месяцы, несмотря на то, что зимний день очень короткий, занятия по боевой, политической и физической подготовке длились по 12 часов в сутки.

---

[1] В настоящее время там, по адресу: проспект Ленина, дом 11, находится дворец бракосочетания города Барнаула.

[2] В данном случае – «стрелкового»; здесь и далее – «стрелковый / стрелковая / ...»

Занимались все: стрелки́ осваивали стрелковое оружие – винтовку, автомат, ручной и станко́вые пулемёты, противотанковое ружьё; артиллеристы – миномёты, 45-миллиметровое и 76-м/м[1] орудия; сапёры изучали установку и снятие различных мин, устройство земляных оборонительных сооружений; связисты осваивали технику связи.

Особое внимание уделялось обучению личного состава борьбе с танками противника. Весь личный состав обучался обращению с противотанковыми гранатами, бутылками с горючей смесью.

Надо сказать, что в этот период большая работа была проделана и работниками служб снабжения дивизии. Несмотря на тяжёлое положение в стране, когда не хватало ни одежды, ни продуктов, защитники Родины с любовью получали всё необходимое. Все солдаты были одеты в тёплое бельё, стёганые брюки, добротные барнаульские полушубки и валенки, шерстяные вязаные подшлемники.

Я прибыл в г. Алейск из рубцовского госпиталя, где лечился после ранения под Москвой, и был зачислен в роту связи 892-го стрелкового полка радистом, так как до мобилизации в армию в 1941 году более десяти лет работал гражданским радистом.

По прибытию в полк нас, группу солдат, выписанных из рубцовского госпиталя, направили в баню при санро́те [санитарной роте] полка.

Направляясь в баню, я увидел у входа высокого стройного командира с зелёными петлицами и со «шпалой» на них. Я, как умел, подтянулся, перешёл на строевой шаг и старательно приложил руку к головному убору, однако «капитан» на моё приветствие не ответил, а сказал:

- Чего тянешься, ты думаешь, я капитан? Нет, я доктор.

Так я познакомился с военврачом 3-го ранга Колупаевым Иваном Николаевичем, с которым потом подружился и был дружен до конца войны.

[1] В своих записях автор использует сокращение с записью через флэш «м/м» для обозначения калибра орудия или снаряда к нему, к примеру, 45-миллиметровое – 45 м/м.

После санобработки мы, четверо направленных в роту связи, пошли в посёлок Алейского свеклосовхоза, где располагалась рота, километрах в десяти от города.

Рота связи занимала часть клуба. В помещении были устроены вдоль стены примитивные трехъярусные нары, в углу отгорожена дощатой перегородкой канцелярия и каптёрка, в проходе стояло два стола.

Я был зачислен в радиовзвод, которым чуть позже стал командовать мл. лейтенант Радейкин[1], перед этим окончивший трёхмесячные курсы командиров взводов радиосвязи. Фамилию первого командира взвода я не помню (он был ранен в первых боях и из полка выбыл).

Взвод радиосвязи состоял в основном из только что призванных молодых людей и частично – из более пожилых, призванных из запаса. Помощником командира взвода был мл. сержант Коган, военный радист, участвовавший в боях. Он и вёл занятия по изучению азбуки Морзе на слух с солдатами взвода. Из других солдат взвода я помню Иконникова Ивана Дмитриевича, Гребенюк ... и повозочного Апухтина. Прибывший вместе со мной Андрей Щербаков был зачислен повóзочным в обоз.

Никакой материальной части радиосвязи во взводе не было. Был примитивный звуковой генератор, изготовленный из одного головного телефона, 80-вольтовой батареи, нескольких палочек и трёх шурупов, а также – плохонький телеграфный ключ.

Более всего времени отводилось на изучение азбуки Морзе (занятия стал проводить я). Солдаты рассаживались на нарах, подобрав под себя ноги, держа на коленях тетрадки; я тоже садился на нары, держа ключ в руках.

Занимались главным образом тренировкой по приёму цифрового шифра. Я понимал необходимость обучения радистов приёму-передаче буквенного текста, но времени для этого не хватало. Совсем плохо было с обучением,

[1] Далее по тексту записана эта версия фамилии, но, может быть, правильно «Родейкин» или «Радайкин».

вернее с тренировкой передачи на ключе, так как ключ был только один. Несмотря на эти сложности, учёба всё же продолжалась.

Очень утомляла неудобная поза во время многочасовых занятий в полутёмном душном помещении, и когда командир взвода или помкомвзвода [помощник командир взвода] выводили нас на улицу для занятий по строевой подготовке, тактике или топографии, все были очень довольны, и после с ещё большим упорством занимались азбукой Морзе.

Начальником связи полка был лейтенант Мишин, зам. командира роты – мл. лейтенант Логачев А. [Логачёв или Ло́гачев], политруком роты – мл. политрук Задае́нко, обязанности старшины исполнял сержант Рассказов, штабным взводом командовал мл. лейтенант Дж. (полностью фамилию вспомнить не могу), кабельным взводом – лейтенант Шаповалов.

Начальник связи, командир роты и командиры взводов только что окончили сокращённый курс Воронежского училища связи (в г. Самарканде), а опыта в связном деле не имели; наиболее близким по профилю была довоенная гражданская профессия мл. лейтенанта Логачева – он до мобилизации работал старшим инженером на Новосибирской широковещательной станции РВ 76.

Вскоре после меня в роту прибыл старший сержант Чебоненко Кирилл[1] (ему это имя не нравилось, и он просил называть его Николаем). Это был подтянутый, всегда бодрый и весёлый, умный, требовательный командир. Он был назначен на должность помощника командира штабного взвода и одновременно помогал старшине (или заменял его). О нём я ещё не раз буду упоминать в своих записках.

Вечером, после ужина, политрук Задаенко беседовал с солдатами, организовывал песни и пляску под гармошку. Но на такой отдых отводилось очень мало – 20 минут личного времени. В это время можно было написать письмо домой, поговорить с товарищами.

[1] Скорее всего, ошибся автор, хотя могла быть допущена опечатка и в дивизионном «Приказе» от 23.09.1944, согласно которому Чебоненко звали Кузьма Ильич, где среди награждённых орденом Красной Звезды он обозначен в п. 11, а под п. 7 значится автор; см. рис. 2*.

Мы, фронтовики, часто рассказывали молодым солдатам, как воюют, в особенности, как погнали фашистов в декабре 1941 года. Бессовестно хвастали подвигами (конечно, чужими) на фронте. Больше всего молодые солдаты расспрашивали, что чувствуешь в бою, страшен ли немецкий танк, и как выглядят немецкие солдаты.

Я рассказывал о первом моём бое в составе 71-й морской ударной бригады[1], действовавшей в ходе контрнаступления под Москвой, под селом Языково, о неуверенности в первом бою и о той уверенности в победе над врагом, что сложилась у нас после первой, хотя и небольшой победы – взятия этого села[2].

Рассказывал им о пленных немцах, взятых бригадой под Москвой; как те шли на морозе в лёгоньких шинельках, вшивые, обросшие, ноги в ботиночках или сапогах, у некоторых – обвязанных украденными у населения шерстяными платками или кусками одеял, голова тоже укутана чем попало, и только помороженный нос торчит из тряпок.

Телефонные взводы также старательно занимались боевой подготовкой. Небольшое количество сильно изношенного телефонного кабеля, пара телефонных аппаратов позволяла организовать тренировку по развёртыванию и свёртыванию телефонных линий, поиску и устранению повреждений. В отличие от радистов, телефонисты почти все занятия проводили на морозном воздухе и возвращались оттуда бодрые, раскрасневшиеся; мы, радисты, им завидовали.

Я поверхностно описал занятия в нашей роте связи. В стрелковых подразделениях и в спецподразделениях занятия проводились не менее интенсивно. При этом ни 40-градусные морозы, ни сильные, характерные для алейских степей, метели не служили препятствием для боевых занятий.

---

[1] 71-я отдельная морская стрелковая бригада 1-й ударной армии; справка об этом боевой соединении – http://www.pobeda1945.su/division/4449.

[2] Другие свидетельства – https://geocaching.su/?pn=101&cid=20161 / карта – https://pamyat-naroda.ru/ops/oboronitelnoe-srazhenie-pod-moskvoy-g-oboronitelnaya-operatsiya-na-dmitrovskom-napravlenii/.

Солдатам внушались основные принципы ратного дела, провозглашённые в русской армии ещё великим полководцем Суворовым: «Тяжело в ученье – легко в бою», «Больше поту в учении – меньше крови в бою». Солдаты это великолепно понимали, и их сознательное отношение к учёбе, несмотря на слабое материальные обеспечение обучения, обеспечивало хорошую подготовку.

К сожалению, не обошлось в нашем полку и без потерь. Командир взвода роты противотанковых ружей объяснял и показывал на гранате РГД, как взвести её и бросить (занятие проходило в небольшой комнате с забитыми почти доверху окнами). Он вставил в гранату нашедшийся у одного фронтовика запал, при неосторожном взмахе сработал боёк, и запал воспламенился; через 4 секунды она взорвалась в руках у младшего лейтенанта. Тяжёлые ранения получил только младший лейтенант, остальные (более 10 человек) получили лёгкие ранения мелкими осколками (к счастью у гранаты не было оборонительного чехла).

Во второй половине февраля состоялись общеполковы́е учения с 30-километровым маршем. Эти учения показали, что полк готов к сражению с врагом, и, в то же время, на этих учениях были выявлены и недостатки в боевой подготовке, которые было приказано в кратчайший срок устранить.

Я на этих учениях оскандалился – на обратном пути закружилась голова, и я упал под ноги своим сослуживцам, после чего меня положили на сани (на которых ехал командир батареи 76-м/м орудий капитан Горный). Сказалось, что я полтора месяца пролежал в госпитале и после, занимаясь с радистами, не тренировался в ходьбе, да и осколок, сидевший под коленкой левой ноги, не стал пока естественной частью меня и мешал ещё при ходьбе.

Вскоре взвод радиосвязи получил несколько УКВ-радиостанций типа РБС. Эти радиостанции носились на ремнях через плечо (размером они были чуть меньше противогазной сумки, но много тяжелее её) и предназначались для связи внутри стрелкового батальона на расстоянии прямой видимости. Однако

качество этих радиостанций было очень плохое, и они часто выходили из строя. Больше времени уходило на наладку, чем на связь, но даже с их помощью мы тренировали радистов правилам вступления в связь и передачи сигналов радиотелефоном. [Далее – тетрадь 2.] В насмешку над этими недостатками радиостанции РБС её прозвали «Я Вас вижу, но не слышу».

Во второй половине февраля в Алейске состоялся общеполковóй (совместно с представителями трудящихся города) митинг, на котором делегация рабочих вручила полку алое шефское знамя.

[Далее – эпизод «2» из тетради 94.]

К тому времени боевая подготовка по специальности, хоть и слабо, но обеспеченная материальными средствами, успешно продвигалась вперёд: телефонисты уже уверенно бегали с катушками, подключали аппараты, могли быстро свернуть и развернуть линию связи, а радисты, пока ещё только телефоном, вступали в связь и осваивали приём на слух и передачу на ключе.

А вот стрелковая подготовка с места не двигалась. Оборудованное в нескольких километрах от посёлка стрельбище было постоянно занято подразделениями стрелкового батальона.

Но вот, в начале последней неполной декады февраля, стрельбище освободилось. В условленный день был сильный буран, какие не редки в этой части степного Алтая. Командир роты приказал всему составу построиться (в помещении оставались только дежурный с одним дневальным). И вот, пока ещё не очень стройная, колонна, человек около пятидесяти, по четыре в ряд, с винтовками (и с примкнутыми к ним штыками) на плечах, с комрóты [командиром роты] и командирами взводов во главе, тронулась к стрельбищу.

Среди воя ветра мы еле расслышали команду «Запевай!», после которой наш ротный запевала, алтайский украинец, рядовой Кизи́ма, было, запел свою любимую «Галю», но первые же слова «Ехали казаки...»[1], что должны были высоко и громко взлететь из его рта, были вдунуты в него обратно следующим

[1] Начало русскоязычной версии украинской народной песни «Їхали козаки» / «Їхали козаки із Дону до дому».

порывом встречного ветра. На очередной шаг левой ноги он повторил свою попытку – и опять захлебнулся щедрым сибирским воздухом. Ветер рвал так, что у многих марширующих срывало с плеч винтовки, которые хозяева с трудом подхватывали уже на лету. К счастью, штыками никто не поранился. Пришлось, не дожидаясь команды, взять винтовки за ремень.

Казаки из песни ещё дважды «порывались встретиться с Галей», как положено по сюжету этой музыкальной истории, но всякий раз природа возражала, закрывая порывами ветра вокальный порыв нашего солиста, таким образом, не оставляя и нам возможности посопереживать: «Ой, ты, Галю, Галю молодая...».

На выходе из посёлка стало ещё хуже, – можно было идти, только сильно нагнувшись вперёд, упираясь грудью в мощный поток встречного ветра, а лица наши забились снегом, т. ч. мы почти ничего не видели (даже спина впереди идущего иногда скрывалась в снежной круговéрти). Под ногами был глубокий снег, и даже следы только что прошедшего переднего ряда оказывались за мгновение опять заметёнными, прежде, чем в него ставил ногу очередной ряд, так что никто не знал, идём мы по дороге или нет.

Очевидно, что в такую погоду идти на стрельбище было бесполезно: не потому что при таких порывах ветра мы не попали бы в цель, – мы бы просто даже не увидели мишень.

Было не понятно, как командир роты определяет дорогу, а, может, подразделение уже давно сбилось с пути (ведь, судя по времени, мы уже должны были оказаться на нужном месте). Но вот последовала команда «Стой!».

Остановившись, мы повернулись к ветру спиной и начали очищать глаза и всё лицо от залепившего их снега. Каким-то чудом догнавший нас дежурный передал командиру роты приказ (очевидно, подумали мы, «Отбой стрельбам!»), и наш строй двинулся в обратный путь.

В казарме мы, только отряхнувшись и захватив котелки, пошли на кухню за обедом, сразу же после которого стали грузить имущество роты на брички. Затем, прихватив свои вещевые мешки, опять строем, двинулись, но теперь уже в подветренную сторону, по направлению к станции города Алейска.

На железнодорожных путях станции стоял эшелон, приготовленный для погрузки, но нас сначала завели в станционное помещение, чтобы обогреться. Здесь была собрана команда для загрузки имущества роты (и самих бричек) на платформы поезда, а также – был назначен наряд (дежурный и два дневальных), который сразу же приступил к своим обязанностям.

Погрузкой бричек и лошадей ловко руководил старший ездовой рядовой Щербаков, и, по всему было видно, что это ему не впервóй. Как чутко и терпеливо обхаживал он пугливых лошадей, боявшихся ступить на шаткий трап, ведущий в вагон! Называя их ласковыми именами, похлопывал по холке, почёсывал за ушами, а когда лошадь успокаивалась, закрывал ей глаза и заводил в вагон.

Несмотря на то, что заранее о сроках погрузки не объявлялось (в целях сохранения военной тайны; даже комроты связи утром не предполагал такой поворот событий), население района каким-то образом узнало о нашем отъезде, и родные солдат и сержантов, жившие поблизости, приехали проститься с отбывающими (все понимали – на фронт). Провожающие были почти исключительно женщины – матери, жёны. Так, ст. сержанта Чебоненко приехала из соседнего села провожать его молодая жена, на лице её было такое выражение горя, что при каждом взгляде на неё, даже у нас, посторонних, навёртывались слёзы на глазах.

Скоро погрузка была закончена, личный состав тоже занял свои места (мне досталась верхняя полка). Посредине вагона весело пылала жаром чугунная вагонная печь, т. ч. непогода, показывающая свою власть там, на улице, нас, находящихся внутри этого передвижного железнодорожного помещения, уже не беспокоила.

Мы сидели в тёплом вагоне, а снаружи всё ещё свирепствовала вьюга, и снежные вихри, то ли желая разделить, то ли, наоборот, – крепче прижать людей друг к другу, обволакивали прощающиеся пары – оставшихся на перроне, никак не смевших отойти от состава солдатских жён, матерей и их мужей, сыновей.

Отправка эшелона ожидалась с минуты на минуту. В это время офицеры нашей роты связи решили сварить пельмени (при отъезде рабочие Алейска вручили всем офицерам полка подарок – килограмм мороженных пельменей), и, оказалось, варить-то это, наверное, одно из самых сибирских блюд, никто из них не умеет. Правда, сибиряками среди офицеров роты связи были только двое – замкомроты [заместитель командира роты] мл. лейтенант Логачев и комвзвода [командир взвода] мл. лейтенант Радейкин, которые тоже в поварском деле не преуспели.

Ссыпав мороженные пельмени в котелок, их залили холодной водой и поставили на печь. К тому же котелки, которые нам выдали, не были приспособлены для этого процесса (а предназначенные были для еды). Мы получили, изготовленные жестянщиками в местных кустарных мастерских, котелки из белой жести, с выпуклым на дне ободком, который образовывал между дном котелка и печкой слой нетеплопроводного воздуха, т. ч. вода в такой посуде закипала очень медленно, а наружный слой большого комка всех сброшенных пельменей за это время превращался в кашу, внутренний – всё ещё оставался сырым, даже подмёрзшим.

Увидев эту печальную картину, офицеры не стали дальше возиться с «неправильными» пельменями, а отдали их нам (размокшую часть нам пришлось выбросить, а оставшиеся подмороженными мы, с трудом, уже позже, ночью, сварили и скушали за здоровье даривших, лепивших и недоваривших).

Раздался паровозный гудок, эшелон, сначала очень медленно, будто тоже, не желая уезжать из этих мест, тронулся. Стоявшие у вагонов и чуть поодаль, офицеры и солдаты, те, что до сих пор не смогли отойти от провожающих их

родных, на ходу, протянув руку находившимся в вагонах, были туда втянуты. Поезд, миновав стрелки станции, набирал скорость, а дежурные по вагону за эти минуты провели проверку личного состава, чтобы позже (на первой остановке) доложить дежурному по эшелону, что отставших нет.

[Далее – продолжение из тетради 2.]

Наш 892-й стрелковый полк был погружен в три эшелона. Эшелоны состояли тогда, главным образом, из 16-тонных крытых железнодорожных вагонов и платформ. В крытом вагоне ехало либо 40 человек солдат, либо 8 лошадей. На платформы грузили повозки, орудия.

Вагон, в котором ехали люди, оборудовался нарами для лежания: справа от двери двое сплошных нар от стены до стены, одни над другими, и слева от двери так же. Посредине вагона установлена чугунная круглая печурка с жестяной трубой, выведенной в крышу вагона; печь топилась углём. По бокам дверей вверху вагона имелись небольшие окна. Ночью вагон освещался железнодорожным фонарём со стеариновой свечой.

Винтовки устанавливались в специальную пирамиду между нарами и торцевой стороной вагона.

На нары ложились солдаты головой к винтовкам, ногами к краю нар; ложились плотно на один бок, десять человек от стены до стены. Лечь на спину не позволяла ширина вагона.

На время движения на каждые сутки назначались дежурные по эшелону и дневальные.

Поражает, какой порядок поддерживался при перевозке воинских частей по железной дороге. На больших станциях (примерно через 300 километров) были оборудованы воинские площадки с великолепными банями и столовыми. По прибытии на такую станцию солдаты строем шли в столовую, где получали сытный горячий обед (два раза в сутки), если была необходимость, начальник эшелона мог заказать баню на любой из этих станций. Весь эшелон (около 1000 человек) мог пообедать меньше чем за час.

В пути эшелоны нашего полка были оборудованы телефонной связью: вдоль эшелона (по его длине, около 500 метров) протягивался телефонный кабель, к которому подключались телефонные станции: у начальника эшелона, дежурного, на паровозе и на хвостовом вагоне.

В пути, по возможности, проводились занятия, читка газет.

В свободное время пели песни и хором, и по отдельности. Телефонист Журилов пел сатирические частушки про Гитлера, Риббентропа и прочих фашистских заправил, а также про их японских союзников; эти солдатские частушки не предназначались для печати, были ядовиты и злободневны, слушавшие их солдаты хохотали чуть не до потери сознания. Потом я таких частушек уже никогда не слышал.

Старший сержант Чебоненко хорошо пел украинские песни, особенно ему удавались грустные песни. Остальных исполнителей я не помню.

Пытались плясать, но в тесноте вагона это не удавалось. Как всегда, в роте нашлись и рассказчики сказок.

Для солдат, подвергавшихся дисциплинарному взысканию в виде ареста, было отведено место под нарами, где они должны были находиться всё время отбывания ареста. Т. к. в нашей роте во время пути никто аресту не подвергался, это место оставалось свободным [далее – эпизод «3» из тетради 94], хотя однажды могло, пусть и не вполне справедливо, найти своего временного постояльца.

Однажды командир роты решил проверить мои знания и, подозвав меня к себе, сказал:

- Плотников, ты ведь работаешь на 6ПК?

- Так точно, – ответил я.

- Сообщи мне тактико-технические данные этой радиостанции.

До войны эти аппараты широко применялись в народном хозяйстве (правда, под названием МРКО-001), в том числе – в радиосети треста Томлес, начальником связи которой я тогда являлся. Там мы их использовали не с теми

антеннами, которыми комплектовались 6ПК в армии, а применяли специально рассчитанные, да ещё поднимаемые на громоздкие 15–25-метровые бревенчатые мачты, что позволяло расширить зону охвата до нескольких сот километров.

Вот, называя дальность действия, я и, указав на зависимость от применяемой антенны, ответил, что до тысячи километров, а в «Инструкции» к 6ПК было указано «дальность – 6–8 километров».

Лейтенант, с этим моим ответом потеряв, видно, ко мне как специалисту интерес, развернулся и пошёл куда-то в другое место, напоследок сказав:

- Не знаешь – лезь под нары!

Я, конечно, продолжил путь на своей верхней полке, а не в арестантском месте под нарами, причём не потому, что мой ответ был правильным, а поскольку ареста мне командир не объявлял.

[Далее – продолжение из тетради 2.]

Через несколько дней пути, в конце февраля 1942 года, эшелоны, в которых следовали части дивизии, стали прибывать под разгрузку на станцию Волово Тульской области. Станция Волово и окружающие её сёла недолгое время находились в руках противника и в ходе нашего контрнаступления были незадолго перед этим освобождены от немецко-фашистских захватчиков.

На самой станции Волово было много разрушенных и обгоревших кирпичных зданий. Штаб дивизии и некоторые её части разместились на станции, а наш 892 стрелковый полк – в селе Волово (в 10 км от станции), и один батальон – ещё в одном селе, расположенном рядом.

Солдаты размещались в основном в крестьянских домах. Нашему взводу радиосвязи тоже отвели крестьянский дом, где я и занимался с будущими радистами тренировкой в приёме и передаче азбуки Морзе на звуковом генераторе. Иногда занятия проводились на улице, в этом случае передача по азбуке Морзе производилась флажками.

[Далее – эпизод «4» из тетради 94.]

В один из дней, когда я, как обычно, занимался с взводом приёмом на слух, пришёл связной и передал мне приказ командира роты связи явиться с двумя солдатами к командиру роты. Я с двумя солдатами, как было приказано, немедленно направился в месторасположение роты связи.

В селе Волово все дома были из красного кирпича и покрыты соломой. Вход, как правило, находился посредине дома, представляя собой двустворчатые ворота, из которых (скорее всего, в это зимнее время) открывалась только одна створка. Половина дома была холодным, с земляным полом, сараем, по одну сторону от которого располагалось помещение для скота, по другую – собственно жилое помещение (с дверью в этот сарай).

Вот, оставив солдат в сарае, я, предварительно постучав, открыл дверь и доложил комроты о прибытии, услышав, что называется, с порога:

- Хватит радистам штаны просиживать, пойдём, я тебе работу дам!

И мы с ним вышли в сарай, где лежали круглые бухты тонкого кабеля АПТВ[1] – медного, толщиной 0,8 м/м, с хлорвиниловой изоляцией. Опытная его партия поступила в полк для полевых испытаний.

- Перемотаете, чтобы без «барашков», кабель с бухты на телефонные катушки, – приказал лейтенант, пояснив, – Ты (обратился он к одному из рядовых) просунешь руки в бухту и медленно её поворачивай, а ты (показывая второму, пришедшему со мной, радисту) – крути ручку телефонного барабана, чтобы кабель внатяжку наматывался на катушку. Только учти, Плотников (предупредил он в моём лице всех нас), если хоть один виток пропустите, он на кабеле завьётся в петлю, а при натяжении – в этом месте провод и лопнет.

Я сразу сообразил, что работы здесь – не на один день. Вот был бы у нас простенький тамбур – вращающийся на вертикальной оси пирамидообразный барабан, чем пользуются линейные электромонтёры и связисты для разматывания бухт телефонной проволоки, тогда бы дело многократно упростилось, ускорилось (мы бы управились за день).

[1] Данная маркировка и в то время, и сейчас, в XXI веке, означает следующее: А – алюминивая или медная жила, П – полимерная композиция изоляции, ТВ – теплостойкий, высокопрочный.

Раз такого, металлического, тамбура нет, подумал я, значит, надо за пять минут сколотить деревянный (из нескольких дощечек). Вот я и обратился:

- Товарищ лейтенант, разрешите, мы сейчас сколотим тамбур, после этого быстро перемотаем кабель, а главное – с полной гарантией, без «барашков».

- Что ещё за тамбур?! Выполняйте приказ! Только, когда закончите одну бухту, связывать кабель с другим не разрешаю, несите мне, – ответил комроты.

Из последней фразы я понял, что лейтенант боится, что мы, связывая кабель, не полностью удалим изоляцию, и такая телефонная линия, естественно, не будет работать, а найти повреждение в ней, в этом случае, очень сложно (на это может уйти уйма времени).

Когда командир ушёл, я с солдатами быстро сколотил из досок разобранного ящика тамбур. Через центр нижней крестовины прибил его большим гвоздём к имевшемуся в сарае чурбану так, чтобы он свободно на этом гвозде вращался. Затем мы надели бухту кабеля на тамбур, и, прикрепив кабель к катушке, быстро и аккуратно перемотали провод.

Командир роты для сращивания кабеля приказал принести и перемотанную катушку, и следующую бухту, в дом, где, кроме него, находился ещё его заместитель, мл. лейтенант Логачев. Тщательно зачистив концы, он завязал их узлом, затем – ещё раз, получилась «восьмёрка» – обычный узел, которым связывают гибкий стальной телефонный кабель. Но когда он стал затягивать узел, хрупкая и недостаточно гибкая медь не выдержала и сломалась. Лейтенант выругался, но снова повторил свой безнадёжный опыт, после которого, понятно, провод обломился опять. Тогда, не дожидаясь третьей попытки с таким итогом, я осмелился заметить:

- Товарищ лейтенант, «восьмёркой» с медью ничего не выйдет [далее – тетрадь 95, от 15/IV-74 г.], здесь надо «московской скруткой».

- Ты ничего не понимаешь, Плотников, кабель срастить – это тебе не клопов ключом давить! – ответил лейтенант и пошёл на третью «восьмёрку».

Когда, в очередной раз, у него обломился кабель (признаваться в своей неправоте ему не хотелось), он сказал своему заместителю:

- Логачев, займись тут с Плотниковым, мне надо в штаб идти, – и ушёл.

Логачев, с искренним интересом и с юмором, спросил:

- Что это за «московская скрутка»? Ну-ка, покажи! А то ведь я, брат, московскую сторожевую знаю, как вязать, а с проводами дела не имел.

Я сложил вместе два зачищенных конца провода, а потом завил их, плотно располагая витки, один к другому. Потом наложил изоленту, – и кабель был срощен надёжно.

- Ну, вот так и дальше действуй, по-московски! – удовлетворённо прокомментировал Логачев.

Вскоре весь кабель был перемотан из бухт на катушки.

[Далее – продолжение из тетради 2.]

В один из очередных дней телефонно-кабельный взвод под командой лейтенанта Шаповалова получил задание установить связь между штабом дивизии, находившимся на станции Волово, и штабом полка – в селе Волово. А по причине крайне малого количества имевшегося телефонного кабеля необходимо было восстановить частично разрушенную постоянную телефонную линию мирного времени, действовавшую между станцией и селом. Телефонисты под непосредственным руководством лейтенанта Шаповалова восстановили разрушенные участки линии, подключили телефонную аппаратуру, однако связи не получили – это означало, что на линии имелись скрытые повреждения.

В течение 3-х дней лейтенант Шаповалов не мог найти эти повреждения. Тогда командир роты вызвал ст. сержанта Чебоненко и приказал ему наладить связь по этой линии, дав сроку 24 часа.

Чебоненко выслушал приказание, чётко повторил его, сказал: «Есть!» – и побежал выполнять. Взяв с собой несколько телефонистов своего отделения, он, последовательно подключаясь телефонным аппаратом к линии, вскоре

нашёл заржавевшую скрутку стального провода и, прочистив её, установил хорошую связь по линии. Так, часа через четыре после получения приказа, он по телефону доложил командиру роты о выполнении поставленной задачи.

В этот же вечер командир роты вызвал всех офицеров роты и старшего сержанта Чебоненко. На этом совещании он объявил о снятии лейтенанта Шаповалова за невыполнение приказа с должности командира кабельного взвода и назначил эту должность старшего сержанта Чебоненко.

В это время дивизия получала недостающее вооружение и военное имущество. Рота связи получила телефонный кабель, барабаны, коммутатор и телефонные аппараты.

Лошади были распределены по взводам и отделениям. Взводу радиосвязи был дан небольшой, серой масти конёк, как самый слабосильный, негодный для перевозки тяжёлых бричек с телефонным имуществом. Запрягался он в двуколку на высоких колёсах.

Хозяйственный командир взвода мл. лейтенант Радейкин сумел достать для коня сена, сверх полагавшегося по норме. Изредка по его распоряжению мы запрягали коня в сани и ездили в лес за дровами или за сеном для хозяйской коровы. Остальных лошадей чтобы дать им отдохнуть перед движением на фронт, комро́ты запретил запрягать.

[Далее – эпизод «9» из тетради 96.]

В один день повозочный доложил командиру взвода, для коней почти нет корма, и тот приказал мне запрячь в сани вечером нашего конька:

- Поедем за сеном, – пояснил он.

И вот, около шести вечера, мы вдвоём едем на станцию (Волово). В сумерки подъехали к громадным скирдам прессованного сена, хранящегося здесь для снабжения армейских лошадей, которых на каждом участке фронта и в ближнем тылу было, наверное, только раз в пятьдесят–семьдесят меньше, чем людей, и без которых (особенно, в первые два–три года войны) невозможно было выстоять.

У проезда, в ограде из колючей проволоки, стоял часовой. Мл. лейтенант Радейкин спросил его:

- Где кладовщик?

- Ушёл кладовщик, – слышим в ответ.

- Вот это уже хуже. А не передал ли он тебе выдать пять тюков сена? – спросил мой комвзвода.

- Нет, не пять – семь, он сказал, когда есть пошёл, – исправил часовой и пропустил нас за сеном.

У этой истории было продолжение, поскольку лошади на сено не смотрели, а ели его, и вот корм опять закончился, т. ч. мы, также под вечер, поехали в знакомое нам место повторно.

У ограды, также, как и в прошлый раз (и, безусловно, всегда), стоял часовой (это был другой солдат). Первая часть нашей беседы повторилась слово в слово, но, не всё коту масленица, на вопрос о тюках, которые нужно было выдать, часовой ответил:

- Ничего он мне не передавал.

Мл. лейтенант Радейкин всем своим видом показывал, что недоумевает и очень огорчён таким странным поворотом, и часовой уже, было видно, готов был выдать нам сено, но что-то заметил на дороге и сказал с облегчением:

- Да вот он сам идёт, от него сами и получите.

Тогда комвзвода сказал мне полушёпотом:

- Быстро прыгай в сани, уезжаем домой.

Вот так, преодолевая всякие превратности, хозяйственный младший лейтенант обеспечивал нашего конька сеном.

[Далее – продолжение из тетради 2.]

Во взводе радиосвязи личный состав был распределён согласно штату. Я был назначен на должность начальника полковой радиостанции для связи со штабом дивизии; в расчёт мне были даны два солдата, фамилии которых я не помню.

Вскоре я получил радиостанцию 6ПК, хотя полагалась радиостанция более мощная – 5АК. 6ПК предназначалась для стрелковых батальонов, переносилась двумя бойцами, с приданной ей антенной обеспечивала связь до 6 км. Другие полки получили 5АК (полковая автомобильная, коротковолновая радиостанция). Эти аппараты в 20 раз мощнее 6ПК, обеспечивали более уверенную и дальнюю связь, однако они были без автомашин, а для переноски непомерно тяжелы.

После получения радиостанции я с расчётом был вызван в батальон связи дивизии для радиоучений, где познакомился с другими радистами дивизионной радиосéти[1] и командирами-радистами.

Командиром взвода радиосвязи штабной роты батальона связи был мл. лейтенант Снегирёв, политруком штабной роты – мл. политрук Горохов. В разговоре с последним выяснилось, что мы в 30-х годах работали с ним в одной радиосети гражданской радиосвязи, а встретились в первый раз. Он сам был великолепным радистом, очень хорошо принимал на слух и чётко передавал на ключе.

Начальник дивизионной радиостанции (для связи с полкáми) сержант Ковордеев Владимир Георгиевич – тоже гражданский радист с большим опытом; начальник радиостанции 888-го полка сержант Арчибасов – опытный военный радист. Начальник радиостанции 886-го полка сержант Сидоров был радистом послабее Арчибасова, но самостоятельно работать мог. Вот и все радисты, имевшиеся в дивизии, больше никто самостоятельно работать на радиостанциях не мог.

На радиоучениях были отработаны вступление в связь, передача небольших радиограмм (цифровым шифром) и сигналов. Основное требование, предъявлявшееся к радистам, – минимальное время работы на передачу (чтобы не засёк противник). А раз минимальное время отводилось на передачу,

[1] Литературная норма произношения этого слова «сéти» и в профессиональной среде всегда использовали только его, в отличие от современного «в сети́ Интернет».

следовательно, и принимающая сторона практиковалась минимум, поэтому эти учения мало что дали радистам.

[Далее – эпизод «5» из тетради 95.]

В день возвращения с учений разыгрался сильный буран, а на утро выяснилось, что не вернулся командир штабного взвода лейтенант Дж. Был он казах по национальности (поэтому не привычная для моего «русского» у́ха его фамилия не сохранилась в памяти), высок, строен, всегда чисто и аккуратно одет, кроме всего – начитан, грамотен и всегда с уважением относился к людям, будь то старший его по званию командир, или подчинённый ему солдат.

Командир роты приказал поехать для розыска пропавшего лейтенанта, указав на карте населённые пункты, где тот мог быть или через которые мог возвращаться в полк.

Зная потерявшегося лейтенанта, как трезвого и осторожного командира, я, в своих поисках, как главную версию, предположил, что он задержался в районе учений, свёртывая линию, и, не рискуя ехать в плохую погоду, задержался в ближайшем к месту учений населённом пункте. Туда я, первым делом, и направился.

В этом селе (название его я не запомнил), в первом же дворе, мне подтвердили ночёвку лейтенанта с двумя рядовыми, показав на дом, в который накануне вечером зашли трое военных.

Ездовой Апухтин стал кормить лошадей, а я, тем временем, в указанном дворе, узнал у хозяина, каким маршрутом наш лейтенант планировал возвращаться обратно. Затем, когда я вернулся к бричке, стоявшей в первом с краю дворе, мы с Апухтиным попросились в дом погреться перед дорогой.

Бедная изба, со скользким от сырости полом, говорила о скромном достатке живущих в нём, однако хозяйка, поставив на стол горшок каши и крынку молока, настойчиво угощала нас. Мы же, ещё молодые солдаты, не приняли это, как должное, и всячески отказывались, ссылаясь на то, что получаем сытный паёк.

Этот случай показывает, как относились к своей армии люди, готовые, в ущерб своему семейству, накормить солдата.

Наш слабосильный конёк («На нём только воздух возить!» – говорил про него старший ездовой Щербаков) не мог соперничать с конём отставшего лейтенанта, поэтому мы ехали позади, в каждой очередной деревне получая сведения, что он проехал здесь несколько часов назад.

В итоге, об этой своей поездке я докладывал командиру роты в присутствии улыбающегося лейтенанта Дж.

[Далее – эпизод «8+» из тетради 96.]

10 марта 1942 года мне исполнилось 30 лет. В этот день я, как обычно, занимался с радистами, а в обед, когда в расположение роты пришёл мл. лейтенант Радейкин, доложил ему, о чём было нужно, получив в ответ его указания. Провожая его, уже в сенках, вдруг вспомнил о своей дате и, без всякой задней мысли, сказал ему:

- Сегодня ведь 10 марта, – мне тридцать лет стукнуло.

- Поздравляю! – пожав мне руку, сказал Радейкин и ушёл.

Вечером, было уже темно, я продолжал занятия при свете керосиновой лампы, когда из приоткрывшейся двери услышал голос комвзвода:

- Плотников, ко мне!

Я вошёл в ещё более тёмные, чем остальное помещение, сени и чувствую, что мл. лейтенант суёт мне что-то в руки.

- Что это? – не понимая, спросил я.

- А ты попробуй. Выпей по случаю своего 30-летия, – ответил комвзвода.

Тут я понял, что это бутылка; направляемый мл. лейтенантом, поднёс её ко рту, чуть глотнул и, почувствовав приятный сладкий вкус рома, сделал ещё пару глотков, уже более смелых. Вернул бутылку командиру, и, переведя дыхание, сказал, не скрывая удивления:

- Так это ж настоящий ром! Спасибо! Разве такое можно где-то достать?!

- Ром? – нет, это просто самогон с сахаром – ответил комвзвода и ушёл.

[Далее – продолжение вставки «5» из тетради 95.]

В один из следующих дней приехавший в полк майор-связист проверял подготовку телеграфистов и радистов в полку. Как проверял, какие выводы сделал, не знаю, поскольку к нам он так и не зашёл, к нему нас не вызывали. Но окончив свою работу, он долго ожидал командира нашего полка полковника Лыкова, чтобы довести до его сведения свои впечатления, какие-то предложения.

Пробыл он у комполка около часа, говорю это уверенно, ведь я в это время ожидал с санями, чтобы отвезти гостя на станцию Волово.

Лицо майора, ещё больше, чем во время ожидания полковника Лыкова, сейчас, после состоявшегося разговора, сообщало: «Всё это никуда не годится!». Всю дорогу он вертелся на устланных соломой санях, нервно курил, а потом бросил мне раздражённо:

- Ваш командир полка в бою останется без связи.

Я удивлённо на него оглянулся и, хотя считал себя каким-никаким профессионалом в радиосвязи и с интересом поговорил бы о том, что можно улучшить, но решил некорректным поддерживать беседу, в которой критикуют моего командира. Поэтому, вновь продолжал всматриваться в ночную даль с таким деловым видом, что каждая секунда моего управления конём решала судьбу, по крайней мере, нас троих (майора, меня и самого, вверенного мне, животного). Майор же, конечно, не подозревая, что его извозчик имеет отношение к той сфере, которую он проверяет, больше ничего не говорил, своей предыдущей фразой разрядив накопившееся недовольство.

[Далее – опять продолжение из тетради 2.]

Другие подразделения полка (как и мы) за это время дополучили материальную часть, вооружение, усиленно шли занятия, главным образом, тактические.

В конце марта состоялись дивизионные учения, на которые были привлечены и радиостанции. Я с расчётом выехал на место учений на лошади,

запряжённой в сани. У всех радистов, в том числе – и у меня, были винтовки со штыками, однако, если ехать с примкнутым штыком в санях, то можно было переколоть друг друга, поэтому мы штыки надели на шомпол, концом штыка в сторону магазина. И вот у одного радиста штык соскочил и незаметно для нас упал на дорогу. Когда мы хватились, найти штык уже не смогли, сколько не искали.

На учениях радиостанция была развёрнута, связь установлена, однако командиры и штабы радиосвязью не пользовались, и мы за весь день учений передали только одну или две учебных радиограмм.

Вернувшись в роту, я доложил командиру взвода о потере штыка, он в свою очередь доложил по команде, и дело о потере оружия было передано в трибунал: к ответственности привлекались радист – хозяин потерянного штыка и командир радиовзвода. Правда, дело о потере штыка было прекращено в связи с направлением дивизии на линию фронта (уже на следующий день мы погрузились в эшелоны и на поезде двинулись к фронту).

Вследствие того, что ехать предстояло недалеко, половину пути вдоль фронта, где железная дорога была под воздействием вражеской авиации, а в районе г. Белёва – и под воздействием артогня, вагоны не были оборудованы для спанья. В любой момент все находящиеся в вагонах должны были готовы выпрыгнуть в обе двери.

На каждом эшелоне на крышах нескольких вагонов были установлены пулемёты для стрельбы по воздушным целям. На пост наблюдения, к пулемётам, были подняты телефонные аппараты.

Один из эшелонов 892-го стрелкового полка подвергся нападению одиночного бомбардировщика противника, но своевременно открытый пулемётный огонь не дал тому прицельно сбросить бомбы, которые упали в стороне от пути.

Немного не доезжая до г. Белёва, где мост через р. Ока подвергался противником артиллерийскому обстрелу, подразделения полка были высажены

из эшелонов, и, обойдя г. Белёв с севера, отдохнув около суток в селе, опять вышли к железной дороге и, погрузившись в вагоны, доехали до *ст.* Барятинская.

[Далее – эпизод «6» из тетради 95.]

Дорога к Барятинской, пешим путём в обход Белёва, запомнилась мне несколькими эпизодами.

Помню, только выскочив из вагона, личный состав роты расположился в мелком лесочке, под горкой, вблизи грунтовой дороги. Шли последние дни марта, снег ещё держался почти везде, но тот участок дороги, который взбирался на солнечный пригорок, что называется, развезло.

Проезжавший по этой дороге порожний грузовик («Газ-АА» – полуторка), ведомый шофёром в красноармейской форме, никак не мог преодолеть этот пригорок. Колёса лёгкого автомобиля пробуксовывали в жидкой грязи, как только он забирался до середины (иной раз – и чуть выше), после чего машина понемногу скатывалась вниз за новой попыткой.

Накануне солдатам задержали выдачу махорки, и мы, докурив последние крошки, с завистью смотрели на водителя, который, выйдя из своей машины, безнадёжно махнул рукой и, направляясь к нам, завёртывал самокрутку, насыпая табак из увесистого кисета.

Поздоровавшись, он попросил нас подтолкнуть его грузовичок в горку. Мы согласились, сказав, что не возражаем покурить после работы. Парень обвёл нас взглядом, как бы пересчитывая (нас было человек пятнадцать), потом посмотрел на свой кисет, прикидывая его возможности, и согласился.

Мы подошли к автомобилю, встали сзади него и по бокам, но ст. сержант Чебоненко, осмотрев дорогу, подошёл к кабине и скомандовал нам:

- Лезьте все в кузов! – затем, потеснив шофёра, сел за баранку.

Машина, натужно урча мотором, медленно, но уверенно забралась в гору. Чебоненко, остановив машину и покидая кабину, произнёс:

- Учись, браток, пока я живой! В следующий раз, не будет людей, грузи в пустой кузов всё, что потяжелее попадётся, – и протянул руку за кисетом.

Завернув по самокрутке, мы, такой компанией, опорожни́ли шофёрский кисет, и каждый, пару раз затянувшись, завернул в газетку остаток, чтобы покурить в следующий раз.

Вскоре подошли ротные брички. Мимо нас проходили подразделения полка, а мы всё сидели, ожидая командира роты. Наконец, он появился и повёл нас по дороге, ещё подмёрзшей, но сверху уже подтаивающей. Для пеших проблем почти не было, но вот колёса бричек, непривычно скрипя, всё чаще, снова и снова, проваливались.

Тут нашу небольшую колонну догнал ехавший верхом на лошади капитан, командир 2-го стр. батальона и потребовал от нашего лейтенанта немедленно освободить дорогу для его подразделений. Как мы поняли из перебранки командиров, наш комроты где-то задержался, и из-за этого рота шла не на своём месте, а вклинилась между рот 2-го батальона.

Вскоре они так разошлись, не желая друг другу уступать, что комбат, наезжая лошадью на лейтенанта, схватился за кобуру. Честно говоря, (и по прошествии многих, даже не лет, а десятилетий), командира у нас в роте не любили – за мелочность, из-за излишней придирчивости, но тут дело касалось чести нашего подразделения. Какой бы он ни был, а он наш командир, и шедшие за ним первые шеренги, взяв винтовки на руки, наставили их острые штыки на лошадь комбата.

Комбат быстро оглянулся, но близко никого из его подчинённых не было, т. к. одна из рот 2-го батальона (та, за которой мы до этого двигались почти вплотную) ушла вперёд во время словесной перепалки офицеров, а те, для кого он расчищал путь, ещё не подошли. Тогда капитан, выкрикивая угрозы в адрес лейтенанта, повернул лошадь, скрывшись в направлении головы колонны.

[Далее – эпизод «7» из тетради 95.]

Мы шли строем: впереди шагал командир роты, за ним – командиры взводов, потом ротная колонна (по четыре в ряд) и, наконец, обоз и несколько парных бричек, впереди которых – наш маленький серенький конёк, тянущий двуколку.

Но вот весеннее солнце подрасплавило снег, и колёса стали, то и дело, проваливаться, а лошади останавливаться, тяжело поводя мокрыми боками. Последовала команда:

- Всем идти за своими бричками!

Наш конёк шёл пока без остановки, и так мы скоро перегнали остальные повозки. Но вот колёса нашей двуколки скатились в большую выбоину. Конь дёрнул раз, другой, но колёса, чуть приподнявшись на передний склон выбоины, медленно скатились обратно, вернув и конька к начальной точке его последнего рывка. Он повернул голову и, казалось, с упрёком посмотрел на нас, как бы говоря:

- Ну что же вы не помогаете?

Я подал команду «К колёсам!» и первым взялся за спицы правого колеса. Потом протяжно произнёс «Шаго-ом марш!», и бричка выкатилась на ровную часть дороги, а мы все продолжили путь.

Я вдруг вспомнил, как в ноябре 1941 года, следуя на фронт, в районе Димитрова Московской области, в рядах конной батареи отдельного артдивизиона 71-й морской бригады, мы почти весь первый день крутили колёса орудийного лафета, помогая упряжке из шести лошадей везти пушку под такую же команду командира орудия.

Колхозные лошади, впервые запряжённые по шесть в одной упряжке, рвали постромки по очереди и поэтому никак не могли столкнуть тяжёлое орудие с места. К концу дня мы изрядно устали, но на второй день умные животные привыкли, и под протяжную команду командира дружно налегали грудью, так что упряжка двигалась уже без помощи бойцов.

Вот и сейчас, у меня сами собой всплыли в памяти, сначала тот темпоритм и сами слова команды, а потом – и весь эпизод моего полугодового прошлого. Той, действенной для Подмосковья и для шестёрки лошадей, командой я решил объединить усилия людей и единственного нашего конька, и, действительно, мы довольно легко вытаскивали повозку из ям.

Солнце поднималось всё выше, и снег таял всё активнее, следовательно, дорога раскисала всё сильнее, а бойцам всё чаще приходилось браться за высокие колёса двуколки. Вот уже самые слабые солдаты стали отставать, нас у двуколки осталось сначала трое, потом – двое.

Может быть, какой-то азарт или терпение, таившиеся во мне, задержали меня у повозки, когда отстал, выбившись из сил, ещё один связист. А скорее это был взгляд нашего конька, поворачивающего свою голову, ожидая команды и помощи всякий раз, когда двуколка попадала в очередную яму.

Заканчивались сила с волей и у меня, уставшие ноги передвигались менее широкими шагами, так двуколка оказалась передо мной на полшага, на шаг, на три, но взглядом я безотрывно смотрел на конька с повозкой, чтоб хотя бы словами подбадривать его на рывки из ям.

Но вот двуколка опять застряла, конь, почти не поворачивая головы, увидел меня, но я уже еле-еле двигал ногами. Тогда я решил подбодрить конька и издали скомандовал «Шаго-ом марш!», и умное животное рвануло вперёд оглобли и, хоть с большим усилием, но в одиночку вытащило повозку. И каждый новый раз, когда колёса попадали в очередную дорожную ловушку, я сразу же, идя в десяти, а потом ужé – в 15–20 шагах сзади, подавал команду, и конь, оставшись один на один с препятствием, преодолевал его.

Меня интересовало, понимают ли лошади, что их обманывают, хотя, даже, если бы наш конёк умел говорить, я бы не осмелился спросить его об этом. Не знаю, надолго бы хватило его сил, вот так, одному, без помогавших раньше людей, а сейчас кое-как бредущих далеко сзади, вновь и вновь

освобождать двуколку из плена ям, снежно-слякотных ловушек, но мы через несколько минут въехали в деревню.

[Далее – эпизод «8/1» из тетради 96.]

На этом марше я вновь убедился, во-первых, в том, насколько умны наши сибирские (наверное, как и другие) лошади, как они быстро привыкают к командам, во-вторых, в том, как трудно даётся первый марш, после длительного сидения на месте. Ведь, если бы в Волово, хотя бы через день, совершались тренировочные прогулки строем по 5–10 километров, то сейчас, в нашей ситуации, скорей всего, не было бы отстающих.

И, хотя я решил, что в дальнейшем буду всегда держать своё подразделение в готовности совершать марши, т. е. постараюсь как можно чаще совершать со своими бойцами тренировочные броски, но в последствии оказалось, что для радистов такая возможность выпадает крайне редко, и каждый раз первый марш давался наиболее тяжело.

[Далее – эпизод «8/2» из тетради 95.]

После марша мы с удовольствием вытянулись на мягкой соломе, густо разбросанной на чистом деревянном полу, но спали плохо, – тянуло курить, и даже (выйдя на улицу, чтобы не подпалить самих себя) пробовали курить солому, но закашлявшись, сразу тушили эрзац-папиросы.

Дальше наш путь лежал опять по железной дороге Белёв – Сухиничи, но, ввиду близости фронта и, опасаясь возможной бомбёжки, командование решило сосредоточить личный состав полка в этом селе, в 15 километрах от железнодорожной станции, а всё имущество – на станции.

Я получил приказ отправиться вместе с обозом (его вёл старшина роты Щербаков) на станцию, чтобы возглавить там охрану ротного имущества. С утра, пока не развезло дорогу, отправились в путь. Я шёл за двуколкой нашего взвода во главе обоза.

Наш маленький серый конёк, больше похожий на крупного осла, чем на лошадь (его малый рост ещё больше подчёркивался большими колёсами

двуколки), тренированный на стоянке в Волово, легко тянул нетяжёлую повозку. А вот, казалось бы, крепкие лошади телефонистов, попарно запряжённые в тяжёлые брички, быстро покрылись потом, поэтому заботливый Щербаков их придерживал. Таким образом, мы с двуколкой вскоре оставили далеко позади себя остальной обоз, тем более, что идти по утреннему морозцу было легко (разве что отсутствие табака мучило, и чем бы я не пытался отвлечь свои мысли, они навязчиво возвращались к желанию покурить).

После нескольких часов пути я немного отстал от двуколки и перестал помогать коню её вывозить из встречающихся ямок, но глазами всё равно продолжал за ним следить.

Вот впереди, у дороги, показались две небольшие деревянные избушки, которые когда-то были покрыты соломой, а теперь эту крышу, очевидно, хозяева скормили скоту, а может быть и лошадям проезжающие солдаты. У избушки стояло несколько военных бричек. Я заметил, как повозочный Апухтин, поравнявшись с этими домиками, свернул с дороги и, остановившись, вошёл в низкие сени.

Я мысленно поругал его, что он оставил без охраны бричку, а в ней ведь радиостанция, батареи, поэтому, приближаясь, не отрывая взгляда, следил за нашим имуществом. Но дорога была пустынна, из избушки тоже никто не показывался, и, дойдя до брички, я решил тоже заглянуть внутрь дома. Причём, я не замёрз, т. е. греться мне не надо было, а вот мысль, нельзя ли здесь поживиться табачком, толкнула меня на этот шаг.

Захожу и вижу: в тёмных сенях стоит Апухтин и курит, – я к нему:

- Апухтин, дай докурить! – и, перехватив винтовку в левую руку, я правой осторожно взял у него маленький окурок и с наслаждением затянулся.

Голова моя, с довольно уже продолжительной прогулки, а, значит, и с лёгкого чувства голода, закружилась, всё вокруг меня пошло колесом, и я, выпустив оружие, попытался руками схватиться за летающие вокруг меня стены, но они ускользнули, и я упал на земляной пол сенок.

Тут же в голове прояснилось, я уверенно поднялся, твёрдо встал на ноги, поднял винтовку, ещё раза два (но уже легче, контролируя своё равновесие) затянулся и равнодушно сказал Апухтину, который с удивлением смотрел на меня:

- Вот теперь снова можно терпеть. Ну, что же, поехали дальше! – и, повернувшись, пошёл к дороге.

В конце концов, когда мы добрались до станции, ночь я провёл в карауле, около лошадей и бричек, а днём подали вагоны, мы в них погрузились, а вскоре эшелон прибыл на *ст.* Дабужа (западнее узловой станции Сухиничи). Оттуда, после разгрузки, ротными колоннами полк двинулся к фронту.

В селе Горелом личный состав разместился по избам. Тут энергичный, хозяйственный командир взвода радиосвязи мл. лейтенант Радейкин задумал организовать баню. Взяв меня с собой, он, с моей помощью, быстро переделал печь в колхозном телятнике в каменку. Я, как следует, протопив эту печь, нагрел во вмазанных в неё двух довольно больших котлах воду. И к вечеру мл. лейтенант доложил командиру роты, что баня готова, а ему предоставляется право «первого пара», однако тот (житель Воронежской области) не был любителем париться, ответил:

- Мойся пока сам, я приду, когда этот ваш пар не будет таким жарким.

Радейкин вернулся в баню (с где-то раздобытым веником), и мы с ним вдоволь хлестались берёзовыми ветками в жарком густом пару.

В холодном просторном закрытом помещении телятника, в которое выходили двери кормокухни, переоборудованной нами в баню, в это время сидел арестант в офицерской шинели, без пояса, а у двери стоял часовой с винтовкой.

Только мы успели отпариться, этот арестант, привлечённый теплом и паром, заглянул к нам, в баню, и спросил:

- Можно с вами арестанту помыться?

Мл. лейтенант приветливо ответил:

- Пожалуйста, товарищ капитан, за компанию с нами!

И тут я узнал в капитане командира 2-го стрелкового батальона, с которым у нашего комроты в дороге в обход Белёва произошла стычка.

Капитан, легонько попарившись, с наслаждением мылся, а мы с мл. лейтенантом одевались, когда в баню вошёл командир роты. Узнав в моющемся капитана, он гневно закричал:

- Кто разрешил арестантам мыться?!...

Он продолжал высказывать что-то ещё, но я, моментально обувшись и подхватив шинель и шапку, выскочил из помещения.

Вышедший вскоре комвзвода, рассказал мне, что в ночь перед погрузкой на *ст.* Волово связной 2-го стр. батальона с пакетом из штаба полка, в котором был запечатан приказ о времени и порядке погрузки в вагоны, не нашёл своего комбата, потому что тот отлучился из штаба батальона, не сказав куда, а т. к. связной должен был передать пакет только лично, начальнику штаба он его не отдал, а в ожидании заснул (держа пакет за пазухой).

В результате 2-й батальон опоздал на погрузку, сорвав график отправления эшелона, и, по прибытию в Горелое, комбат был арестован и дожидался здесь, в бывшем колхозном телятнике, допроса следователя и дальнейшего решения военного полевого суда. Забегая вперёд, скажу, что вскоре дело его следователем было прекращено в связи с отправкой на фронт, а капитан вновь приступил к командованию батальоном.

Однажды, когда все связисты отделения подвижных средств связи роты были «в разгоне», командир роты вызвал меня и спросил:

- Плотников, ты умеешь ездить верхом? В-общем, надо как-то усидеть. Возьми у Щербакова лошадь и доставь из штаба полка в штаб дивизии срочный пакет.

И вот я уже неловко сижу на гладком кавалеристском седле и, подпрыгивая на стременах, еду по глубоким снежным траншеям расчищенной

прифронтовой дороги, днём совершенно пустынной, в деревню Конецполье, где размещался штаб дивизии.

Разыскав по проводам штаб, я слез с коня и вошёл в просторную высокую деревянную избу, в которой толкалось много военных, и офицеров, и рядовых. Остановившись на пороге, я растерянно, так как впервые выполнял подобное поручение, замер, не зная, к кому обратиться.

В это время из противоположной двери вышел офицер с красной повязкой на рукаве, – я рванулся к нему и, назвавшись связным 892-го стрелкового полка, подал пакет, к удивлению, услышав в ответ:

- Оперативный дежурный по штабу дивизии, младший лейтенант Кедров пакет из штаба 892-го стрелкового полка принял, время передачи пакета 16 часов 17 минут. Можете быть свободным.

Скоро вы поймёте, почему я запомнил фамилию дежурного по штабу, хотя пересекался с ним первый и последний раз.

Так вот, вернувшись в полк, я доложил комроты, кому и когда передал пакет, но тот потребовал с меня расписку, а когда я ответил, что расписку мне не давали, он страшно разгневался:

- Да я тебя под суд отдам! Неужели непонятно, что ты не тёще сазана отвёз, это пакет с военными сведениями! Его не просто так первому встречному отдал, – и гуляй, Вася! Сейчас же возвращайся в штаб и без расписки на мои глаза не попадайся! Да! Лошадь сдай Щербакову – иди пешком! Запомнишь, что дурная голова ногам покоя не даёт! Ступай!

- Есть! – ответил я, повернувшись кругом, собрался идти, но опять услышал:

- Плотников! Отставить сейчас – ты так по темноте не туда упрёшь, а мне потом за тебя отвечать! Пойдёшь, как рассветёт, завтра.

Назавтра я, не выспавшись, где-то за час до восхода солнца, не дожидаясь завтрака, повторял свой вчерашний путь в Конецполье, но ужé – пешком. Шёл, смирившись, что быть мне под судом, так как не представлял себе, где и как я

сумею разыскать младшего лейтенант Кедрова. [Далее – тетрадь 96, от 20/IV-74 г.] Ко всему прочему, не понятно, помнит ли он меня и согласится ли дать эту расписку.

По мере удаления от роты (вместе с ротным командиром), настроение моё становилось всё лучше, а подходя к штабу дивизии я уже почти не сомневался, что дело как-нибудь обойдётся без глупых жертв и нервов.

В штабе, по-прежнему, было оживлённо, я, как опытный посыльный, сразу нашёл дежурного по штабу (на дежурстве, конечно, был уже другой младший офицер), обратившись с вопросом, где мне найти дежурившего вчера младшего лейтенанта Кедрова.

- Кедрова? Да он где-то здесь был – так вот он стоит! – ответил дежурный, показав мне в дальнем углу избы на фигуру стоявшего к нам спиной военного (хотя, даже если бы тот стоял к нам лицом, я бы, наверное, мог и не узнать его)

Я подошёл к младшему лейтенанту и объяснил, за чем явился, где-то глубоко ожидая новых испытаний (скажет: «Не помню» или, вообще, отругает и скомандует «Кругом!»), но он, смущённо улыбнувшись, сказал:

- Вы уж меня извините, товарищ, как Ваша фамилия? товарищ Плотников, я должен был вчера сразу же отдать Вам расписку. Сейчас я её найду, – и, подойдя к столу дежурного, достал из папки надорванный конверт вчерашнего пакета с распиской о получении и указанием часов и минут.

Я, с облегчённым сердцем, поблагодарил младшего лейтенанта и пошёл домой, в полк. Мой командир, назначив мне идти пешком, не мог знать, что для меня пройти налегке 10–15 километров не наказание, а истинное удовольствие (я с детства любил ходить пешком)[1].

[1] Позже, в 1974–80 гг., не знаю, как в другие времена года, но летом, когда я, Плотников Константин Юрьевич, школьником приезжал к родителям моего отца, Юрия Глебовича, к деду Глебу и бабушке Нине на летние каникулы, редкие дни Глеб Виссарионович, уже с тросточкой и, страдая астмой, не ходил по лесу, в обычном ежедневном режиме это было где-то с 7-30 до 12–14 часов.

Ещё в селе Волово я получил письмо от жены, в котором она мне писала, что муж её сестры, Николай Щедрин, ввиду военного времени, досрочно выпущенный из Томского медицинского института, работавший зиму в одном из барнаульских госпиталей, добровольно перешёл в военную часть и недавно отбыл на фронт (он не был военнообязанным – не подлежал мобилизации, т. к. у него одна нога была короче другой).

И вот теперь я сообразил, что он может быть в одном из полков нашей дивизии, которая формировалась в Барнауле. Но как об этом узнать? – вскоре такой случай представился.

У меня на левой руке нарвал палец, наколотый телефонным кабелем, и я попал на перевязку к, знакомому мне по Алейску, военврачу третьего ранга Ивану Николаевичу Колупаеву (он ко мне всегда обращался «земляк», а я называл его также или «капитан»). Вот у него я и спросил:

- Капитан, могу я узнать, не знаешь ли ты доктора Николая Щедрина, это родственник моей жены.

- Как не знаю – прекрасно знаю! В 886-м полку служит. Сейчас они стоят в деревне (сообщил её название), километрах в пяти отсюда.

Вернувшись в роту, я рассказал командиру взвода о том, что у меня в 886-м полку служит врачом свояк, и попросил увольнительную на завтра для свидания с ним. Но в ответ комвзвода сказал:

- Плотников, ты пойми, я ведь командир взвода, а увольнительные даёт командир роты, но к нашему, ты ж понимаешь, обращаться бесполезно. Так что я бы, на твоём месте, пораньше встал, чтобы ни комвзвода, ни комроты не видели, да и обернулся за пару часов туда-обратно.

Я так и сделал: утром следующего дня, встав также рано, как накануне (когда надо было идти за распиской в штаб), минут через сорок я уже был в расположении санроты 886-го стрелкового полка. Его, хоть и не сразу, но разыскали. Он меня, в военной форме, не узнал, а когда я назвался, – то обнял, страшно разволновался. Особенно он был смущён, что нечем меня угостить, –

их полк уже третий день почти не получает пищевое довольствие. Выезжая из Барнаула, снабженцы неправильно оформили продовольственный аттестат, и теперь для исправления ошибки был туда отправлен человек, но пока полк на довольствие не оформлен.

Я сказал, что в нашем полку этой ошибки либо нет, либо это незаметно, и я сыт, вот с махоркой, действительно, перебой. У Николая махорки не было, он вытащил из кармана пустую обкуренную трубку, мы её по очереди пососали. Вспомнили жён, и я стал прощаться. Но в это время доктору принесли тарелку жидкого горохового супа и сухарь, и он заставил меня разделить с ним эту трапезу. Затем вынул из полевой сумки пачку чая и смущённо протянул мне:

- Вот, возьми, более ценного я ничего не могу тебе подарить, а помню, ты ведь хороший чай любил.

Я поблагодарил, сунул чай в карман шинели и, попрощавшись, быстро пошёл в полк, боясь, как бы меня не хватился комроты, тогда мне не миновать трибунала. Но всё обошлось хорошо – мл. лейтенант Радейкин «не заметил» моего отсутствия и сделал так, чтобы не узнал о моём свидании комроты.

Но вот полк выступил на фронт. Шли ещё по снегу, который днём уже сильно раскисал. А между тем в полку было много лыж. На лыжах, как на нартах, стояли пулемёты, в такие нарты были приспособлены носилки для эвакуации раненных с поля боя.

Идя в строю роты по широкой расчищенной от снега дороге, как в траншее, я удивлялся, сколько труда затрачено на это. Вот в Сибири дороги никто не чистит, а снега не меньше, так что в конце зимы идёшь или едешь, то взбираясь на сугробы, то спускаясь с них.

[Далее – окончание тетради 2.]

Наш полк расположился в Барятинской, в непосредственной близости от линии фронта (помню, что 892-й стр. полк – стоял в селе Горелое), а штаб дивизии располагался в селе Конецполье. Вскоре я был вызван в Конецполье, в штаб дивизии, на совещание начальников радиостанций, которое проводил

помначсвязи [помощни начальника связи] дивизии по радиотехнике лейтенант (фамилии его я уже не помню).

Он напомнил нам, что мы находимся во фронтовой полосе, а скоро вступим в бой, т. е. непосредственно столкнёмся с противником. Радиосвязь легко прослушивается противником, поэтому мы должны строго соблюдать правила передачи радиокорреспонденции, категорически запрещается передача открытым текстом. При вызове радиостанции позывные не должны повторяться более 3-х раз. Вызов должен производиться только при крайней необходимости. Противник легко может не только подслушать радиопередачу, но и по количеству радиостанций способен определить плотность наших войск, а запеленговав радиостанции, этим самым узнать и местоположение штабов. Как пример, он привёл случай, когда на днях мимо села проезжала по обстреливаемому участку дороги радиостанция на автомашине и работала на передачу; противник её засёк и первым же снарядом, прямым попаданием уничтожил.

Мне, как опытному радисту, было смешно слышать такие рассуждения, и в то же время горько до слёз за погибших солдат. Подобные, неграмотные понятия о радиосвязи были распространены в 1941 году довольно широко среди многочисленной части командного состава и могут быть выражены словом «радиобоязнь». Радиобоязнь среди неспециалистов была понятна, она являлась следствием поверхностных знаний о радиосвязи, а также – переоценки возможностей противника. Тем более было обидно сознавать, что руководитель радиосвязи дивизии заражён этой болезнью, а ведь ему предстояло развить радиосвязь во вверенном ему подразделении; он же с первых шагов глушит её. А что про попавших под обстрел, так ведь на этой дороге были подбиты не только автомашина с радиостанцией, а и ещё ряд машин без радиостанций. Причём тут радиостанция, если дорога систематически простреливалась.

Возвращаясь с этого совещания, я обдумывал, каким образом покончить с этой радиобоязнью – наверное, путём терпеливого разъяснения войсковым

командирам, а главное, – показом на практике значения радиосвязи делать всё для лучшего управления войсками, для победы над врагом.

На этом закончился период формирования нашей дивизии.

[Далее – тетрадь 3.]

Глава II

«Боевое крещение»

К концу марта на Западном фронте сложилось положение, когда наши войска глубоко охватили основные силы группы армии «Центр» (Вермахта), угрожая их полному окружению. Однако части наших войск в районе южнее г. Вязьмы сражались в окружении, отделённые узким, несколько километров, коридором от войск 50-й армии Западного фронта на востоке и от войск Калининского фронта на севере.

Западнее Сухиничи линия фронта проходила почти прямо с севера на юг, пересекая под углом Варшавское шоссе между г. Юхнов и г. Спас-Деменск; при этом г. Юхнов находился по нашу сторону фронта, а Спас-Деменск – у немцев.

В нескольких километрах западнее линии фронта сражались в окружении соединения 33-й армии, 1-го гвардии кавалерийского корпуса и 4-го воздушно-десантного корпуса.

Если бы войскам Западного фронта удалось соединиться с окружёнными частями, а затем совместным ударом с юга западнее г. Вязьмы соединиться с войсками Калининского фронта, тогда бы основные силы немецкой группы армии «Центр» были окружены и разгромлены.

Для выполнения данной задачи (соединения с окружёнными советскими войсками), поставленной 50-й армии Западного фронта, была направлена и наша 298-я стрелковая дивизия (включённая в состав этой, 50-й армии).

В первых числах апреля 1942 года части дивизии походным порядком двинулись из района сёл Конецполья – Горелое на участок фронта северо-западнее с. Кирсанова Пятница[1]. Мы двигались по расчищенным в глубоком снегу дорогам, как в траншее. Навстречу нам попадались обозы с ранеными.

Для перевозки раненых были оборудованы сани-площадки с низким кузовом, в котором могли лёжа поместиться два человека. В кузове также

[1] Деревня Крисаново-Пятница.

устанавливалась маленькая печурка, топка которой производилась снаружи кузова, у возницы, так что последний мог подкладывать в неё дрова, не вставая с места.

Скоро стали слышны, сначала слабо, а потом всё сильнее сливавшиеся в сплошной гул, разрывы снарядов и грохот выстрелов. К вечеру мы в непосредственной близости от фронта расположились в лесу. 886-й и 888-й полки в это время уже вступили в бой, имея задачу овладеть высотой 269,8 у села Зайцева Гора и выйти на Варшавское шоссе, расположенное сразу же за высотой. Наш 892-й стрелковый полк составлял второй эшелон дивизии.

Храбро сражались сибиряки-алтайцы; несмотря на большие потери, хотя и медленно, но уверенно тесня противника к высоте 269,8 (наши солдаты прозвали эту высоту «Заячья гора»).

Противник имел хорошо оборудованную оборону, не терпел недостатка в снарядах и питании, т. к. в его распоряжении находилось Варшавское шоссе.

Немецкий самолёт-разведчик целый день висел в воздухе над нашими боевыми порядками и корректировал огонь своих батарей. Этот самолёт наши солдаты прозвали «Костыль».

Немецкие бомбардировщики систематически бомбили наши войска и тылы. Лесные массивы, в которых располагались тылы и резервы, а также – артиллерийские батареи, бомбились противником в шахматном порядке. 20–25 бомбардировщиков, отбомбив определённый район, улетали и менее чем через час возвращались опять. И так – целый день. Вражеский аэродром располагался у Варшавского шоссе, недалеко от фронта; к концу боёв, когда части нашей дивизии вели бои непосредственно за Зайцеву Гору, мы уже видели, как самолёты садятся на аэродром и вылетают с него.

У нас же, вследствие быстрого продвижения войск на запад, аэродромы отстали, а оборудовать их ближе не успевали ввиду недостатка нужной техники.

В первые же дни боёв, из-за резкого потепления, дороги совершенно раскисли и стали непроходимыми даже для военных бричек. Боеприпасы и продукты для наступающих войск подвозились либо вьюком, на спинах лошадей, либо на передках бричек, и даже – подносились солдатами в вещевых мешках. За 30 километров от ближайшей станции железной дороги таким образом обеспечить продуктами и боеприпасами в нужном количестве не удавалось. Приходилось экономить и продукты, и боеприпасы, особенно – снаряды.

9 апреля вступил в бой в первом эшелоне наш 892-й стрелковый полк; совместно с другими частями дивизии он продвинулся и начал атаковать позиции немцев на склонах Зайцевой Горы. Противник сидел в хорошо оборудованных траншеях, а наши бойцы вынуждены были довольствоваться снежными окопами, т. к. выкопать окоп в земле на низине, лежащей перед горой, было невозможно – его сразу же заливало водой. В особо опасных местах устраивались насыпные траншеи.

Особенно подавляющее действовали на солдат и офицеров беспрерывные бомбёжки. Если от наземного противника ты можешь отбиваться, даже перед бронированным танком ты не чувствуешь себя беззащитным, то, когда над тобой с грозным рёвом моторов, как молнии, проносятся в воздухе штурмующие самолёты, и вот с пронзительным свистом летят пачками сброшенные ими бомбы, ты лежишь на земле, защищён «от смерти чёрной только собственной спиной»[1]. И не сразу, а только с опытом постигаешь, что неподвижного человека самолёт не только в лесу, но и в поле не видит, у спокойно лежащего на земле гораздо больше шансов уберечься от осколков разорвавшейся бомбы.

Во время этих боёв командиры радиосвязью не пользовались. Однако радиосвязь с радиостанцией командира дивизии поддерживалась постоянно.

[1] Цитата из поэмы А. Твардовского «Василий Тёркин», где в контексте строфа звучит так: «И какой ты вдруг покорный / На груди лежишь земной, / Заслонясь от смерти чёрной / Только собственной спиной».

Хотя радиостанция и работала, главным образом, на приём, аккумуляторов хватало еле-еле на сутки, и ежедневно приходилось отправлять их на зарядку. И почти каждый, кто носил аккумуляторы на подзарядку, попадал под бомбёжку, и многие радисты, в т. ч. мл. сержант Качан, были ранены.

Взвод связи под командованием ст. сержанта Чебоненко проводил работы на линии связи и попал под бомбёжку. Взвод залёг, не успев рассредоточиться. Одна из бомб упала среди залёгших связистов. Из всего взвода явился к вечеру в расположение роты связи помкомвзвода мл. сержант Рассказов. С трудом ворочая языком, он доложил о гибели остальных связистов, в том числе – и командира взвода.

Через полчаса после того, как мл. сержант Рассказов был направлен в санроту, явился командир взвода ст. сержант Чебоненко с лёгкой раной руки – он при взрыве бомбы потерял сознание и, очнувшись, перевязал рану и вернулся в роту. Ст. сержант Чебоненко был направлен в госпиталь, а мл. сержант Рассказов два дня отлёживался в обозе роты связи, а когда у него восстановился слух, он вернулся в строй.

Немецкие войска с большим упорством защищали свои позиции, и выбить их сибирякам удалось только после ожесточённых боёв. Когда имевшиеся у немцев танки в первые дни были подбиты, враг, замаскировав под танки автомашины, ночью пускал их вдоль фронта, демонстрируя свою «грозную» технику. Однако в первую же ночь наши солдаты разоблачили эту хитрость и пулемётным огнём подбили все фанерные «танки».

Много подвигов было совершено воинами-алтайцами в этих боях.

Настойчиво тесня фашистов, наши солдаты достигли Зайцевой Горы и начали её штурмовать. Сначала наши атаки захлёбывались, но вот несколько бойцов ворвались в траншею немцев и завязали бой в ней; это воодушевило остальных, и, несмотря на пулемётный огонь, солдаты одним рывком добежали до вражеских позиций и выбили из траншеи немцев. Вскоре нами была занята и вторая траншея.

Но противник не смирился с потерей позиций и бросил в бой авиацию. Несколько десятков самолётов начали сбрасывать на захваченный нашими солдатами участок тяжёлые бомбы. Кругом стояли чёрные тучи поднятой взрывами земли. От взрывов тяжёлых бомб под ногами всё тряслось, как при землетрясении. Самолёты с ужасающим рёвом носились над головами, обстреливая из пулемётов залёгших и перебегающих солдат.

Таким образом, немцам удалось вернуть свои позиции на Зайцевой Горé. Но – ненадолго. На следующий день высота была охвачена с флангов и взята с тыла. Но до Варшавского шоссе наши войска не дошли, и соединиться с окружёнными частями не смогли. Дивизия понесла в этих боях такие потери, что дальше наступать не смогла, и была отведена во второй эшелон.

В «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» про эти бои сказано кратко так: «В конце марта и в первой половине апреля войска Калининского и Западного фронтов предприняли ещё одну попытку разгромить ржевскую, оленинскую и вяземскую группировки врага и соединиться с войсками, действовавшими в его тылу северо-западнее и юго-западнее Вязьмы. Однако и эта попытка не принесла успеха. Противник прочно закрепился на занимаемых рубежах, и преодолеть его оборону наступавшим соединениям не удалось» (т. II, с. 331) и далее: «Начавшаяся весенняя распутица чрезвычайно осложнила работу органов тыла. Регулярный подвоз материальных средств в войска нарушился. Всё чаще стали ощущаться перебои в снабжении войск боеприпасами и продовольствием. Было очевидно, что дальнейшее наступление не сможет изменить обстановку и лишь приведёт к напрасным жертвам. Учитывая всё это, Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение о переходе армий Калининского и Западного фронтов к обороне на достигнутых рубежах»[1].

Много товарищей мы потеряли в районе сёл Фомино-первое, Фомино-второе и на склонах укреплённой немцами высоты 269,8. Погиб нач. штаба 886-

[1] Оцифрованная версия источника – http://uverenniy.ru/istoriya-velikoj-otechestvennoj-vojni-sovetskogo-soyuza-1941-1.html?page=37.

го стр. полка Адамович, получили ранения комиссар 892-го стр. полка Оглуздин и вступивший в командование 886-го полка комиссар Елисеев И. Г. (он после ранения из части не выбыл).

Много героических подвигов совершили солдаты, сержанты и офицеры в этих боях. Все проявления героизма и мужества невозможно не только описать, но и удержать в памяти.

Я не помню фамилию комиссара (одного из батальонов 892-го стр. полка; помню, что по званию он был ст. политрук), который своим личным примером воодушевлял бойцов, невзирая на беспрерывный огонь немцев, засевших на горе, первый ворвался в траншею врага, что решило исход этого боя в нашу пользу.

Командир санитарного взвода, одного из подразделений 886-го стр. полка военфельдшер Рябикова А. А. вынесла с поля боя восьмидесяти четырёх раненных солдат и офицеров. Чтобы накормить их и восстановить силы после ранения (подвоза продовольствия из-за распутицы не было), отважная женщина ночью поползла в тыл врага за продуктами, принесла хлеба и консервы – раненные были накормлены и вскоре эвакуированы в тыл.

Спрашивается, как назвать то чувство, которое побудило молодую женщину, мать двоих детей, знающую, что попади она в руки немецких фашистов, ей грозят издевательства и мучительная смерть, пойти на такой подвиг?! Ответ может быть только один – это страстное желание избавить свою Родину от непрошенных «гостей» – от немецко-фашистских захватчиков.

Ещё при подходе к фронту солдаты-алтайцы своими глазами увидели, как страдает мирное население: от некоторых сёл и деревень остались только печи (всё было сожжено фашистами), а женщины, старики и дети в эту суровую зиму остались без крова и пищи. Немногочисленные жители разрушенных сёл ютились в подпольях и землянках, они рассказывали, как фашисты издевались, как грабили их, отбирая в первую очередь тёплые вещи и продукты. В одном селе колхозники рассказали нам, как немецкие солдаты бросали малолетних

детей в колодец: схватит ребёнка за ноги, размахнётся, ударит его головой об сруб, и – в колодец. Кровь стыла у нас в жилах, когда мы слушали эти рассказы. Мы клялись не щадить немецких извергов.

Сильно выматывал бойцов недостаток продуктов питания, который восполнялся только кониной. Мясо убитых при бомбёжках лошадей шло в пищу, но сваренное без соли, оно было очень неприятно на вкус.

Особенно страдали от бескормицы лошади. Не успевали подвозить боеприпасы и продукты для людей, тем более не могли подвезти сено. Лошади ели мелкие веточки хвойных деревьев. Много лошадей было убито при бомбёжках. Стоящую на ногах лошадь прошивало осколками даже на значительном расстоянии. Мы удивлялись выносливости сибирских лошадей; те из них, что не были убиты, хотя и сильно ослабели, но остались живы.

В конце апреля просохли дороги, подвоз продовольствия был налажен, и солдаты стали нормально питаться и вне боёв какое-то время даже получали «наркомовские» 100 грамм[1].

За время этих боёв большие изменения произошли в командном составе связи – на должности раненных и выбывших вступили те, кто ранее были заместителями, ряд связистов получили очередные воинские звания, я был назначен командиром взвода.

Вскоре дивизия получила пополнение. В том числе, и во взвод радиосвязи поступили радисты, проходившие обучения в Запáсном полку связи на Урале: мл. сержант Фроленков, ефрейтор Щечилин и рядовой Платонов Д.Ф. Но через некоторое время, вследствие отсутствия батальонных радиостанций, взвод был расформирован, и в составе роты осталось отделение радиосвязи под моим командованием.

Сразу же после окончания боёв в батальоне связи дивизии [далее – тетрадь 4] были проведены испытания радистов с присвоением класса и соответствующего звания. Я сдал испытания, и мне было присвоено звание

[1] См. суждения по этой теме на одном из форумов Интернета – https://pikabu.ru/story/narkomovskie_100_gramm_kak_byilo_na_samom_dele_4345522.

старшего сержанта. Телефонисту Журилову, помощнику командира штабного взвода тоже было присвоено звание старшего сержанта, а немного позже он был назначен заместителем политрука, и на его петлицах появились четыре треугольника[1].

В первой половине мая дивизия снялась с фронта и, совершив марш на северо-восток, расположилась в р-не г. Юхнов, поступив в резерв 50-й армии.

Немного более месяца мы провели на фронте и, когда совершали этот небольшой марш, шли, как будто с того света. Когда выбрались из прифронтового леса, в котором даже воздух был пропитан гарью, порохом и трупным запахом, мы с наслаждением вдыхали чистый влажный воздух родных полей.

В течение месяца мы никого, кроме подобных себе военных, не видели, а сейчас встречные гражданские – особенно женщины и дети – казались нам людьми другого мира. А пышная природа этой части Советского Союза: трава выше пояса, густые берёзовые рощи в разгар весны, от одного запаха цветов кружится голова! Как будто из ада мы попали прямо в рай!

Когда дивизия расположилась в этом районе, перед её частями и подразделениями была поставлена задача, находясь в полной боевой готовности, быстро обучить поступившее пополнение. Трудность этой задачи состояла в том, что пополнение прибыло, главным образом, с Кавказа, разных национальностей, многие с трудом понимали друг друга, а русский язык либо знали очень слабо, либо не знали совсем. Приходилось командирам всех рангов, от командира отделения и выше, искать новые методы обучения, меньше употреблять слов и больше – через показ.

Командование дивизии было предупреждено о том, что возможно летом немецко-фашистские войска могут начать наступление, которое, прежде всего, надо ожидать на Западном фронте в направлении Москвы. Поэтому части дивизии должны быть готовы в любую минуту к бою.

[1] Погоны в Красной Армии были введены в 1943 году; об этом событии автор далее рассказывает.

Командир нашего полка, полковник Лыков И. И. вызвал меня и приказал раздать в батальоны имевшиеся в полку радиостанции РБС, а выделенных для работы на них солдат в 24 часа обучить на радистов.

Я сначала был озадачен таким сроком, просто встал в тупик. А потом понял, что радистов я, конечно, за сутки из солдат не сделаю, но натренировать их в работе на радиотелефонных станциях смогу. Я понимал, что в случае маневренных боёв телефонная связь не может обеспечить управление войсками, но меня больше смущало низкое качество и малая дальность действия радиостанций РБС. Однако, когда пришли из батальонов люди, у меня четыре радиостанции были готовы, и я взялся за обучение. Рассказав правила обращения с радиостанцией и правила вызова, я перешёл к тренировке вступления в связь на ходу, на стоянке и из окопа.

На другой день солдаты натренировались и были отправлены в свои батальоны с радиостанциями, но дальность действия этих аппаратов была недостаточной, и радиосвязи с батальонами мы не получили. Кроме того, станции быстро выходили из строя, и их опять пришлось забрать в роту связи и сложить на повозку на вывоз. Даже на бесперебойную работу полковой коротковолновой радиостанции (6ПК) рассчитывать было трудно в сыром климате этой местности.

Ещё в период пребывания на фронте у меня несколько раз отказывала радиостанция, но используя свой опыт работ с ними до войны, мне удавалось быстро восстановить работоспособность аппарата. Но вот в последние дни того фронтового периода, когда радиостанция находилась в шалаше, а влажность воздуха при таянии снега достигла максимума, аппарат перестал работать окончательно. И сколько я с ней не возился, определить причину неисправности не мог (никаких приборов для измерения напряжения и величин сопротивлений и ёмкости у меня не было, работоспособность определялась только наушниками и батареей).

Посреди шалаша для тепла был разложен костёр. Откинув заднюю крышку и повернув радиостанцию к костру, я разглядывал лампы и монтаж, и вдруг аппарат заработал. Но стоило закрыть крышку или повернуть станцию от костра, работа аппарата через полчаса вновь прекращалась.

Днём выяснилось, что радиостанция начинает работать, и когда при открытой задней крышке выставляешь её на солнце. Но сколько я ни бился, причину этого (конкретную неисправную деталь), я без приборов найти не мог. Пришлось отнести аппарат в радиомастерскую батальона связи, технику-лейтенанту Гречишкину В. М. с просьбой выяснить и устранить причину неисправности. Он выдал мне другую радиостанцию, оставив у себя неисправную, однако, немного повозившись с ней, он отправил её в армейские мастерские.

Я знал, что затруднения с радиоаппаратурой временные, что у нас есть хорошие аппараты, но снабдить ими такое количество войск было невозможно, так что нужно использовать имеющиеся радиостанции с наибольшим эффектом. Вследствие расформирования взвода радиосвязи, у меня получился излишек специалистов, и я передал часть солдат в телефонные взводы, часть – в стрелковые батальоны.

В стрелковый батальон ещё в период пребывания на фронте ушёл пожилой радист Гребенюк, которому очень трудно давалась азбука Морзе. В расчете радиостанции оставались: молодой паренёк из Белоруссии, мл. сержант Фроленков (он обучался в учебном батальоне Запáсного полка связи и был наиболее подготовлен для работы на радиостанции, ему не хватало только опыта; на него я и возложил, главным образом, дежурства на радиостанции), ефрейтор Щечилин, пожилой мужчина из г. Болхова Орловской области, и молодой парень, Платонов Дмитрий Фомич из Мстиславского района Могилёвской области Белоруссии. Трое последних работали на ключе слабо, не важно принимали цифровой шифр, а буквенный почти совсем не могли принимать. Вот я и занялся их обучением.

Для занятий по азбуке Морзе приходилось ходить в батальон связи, брать там звуковой генератор и где-нибудь в поле проводить занятия с двумя своими радистами. Тексты для тренировки готовил я сам, налегая в основном на буквенный шифр и реже – на открытый текст.

Один раз, во время занятий подошёл начальник связи дивизии, капитан Красильников, я ему отрапортовал о проводимом обучении. Он взял у меня тексты для шифрования, увидев открытый текст, приказал занятия проводить только шифром, главным образом, цифровым.

Приходилось выполнять приказ старшего начальника, хотя я знал, что одним цифровым шифром возможности радиосвязи не исчерпываются. И всё же, на свой страх и риск, я продолжил тренировку и на буквенном шифре. Вскоре стали рекомендовать использование для радиосвязи «клёра», т. е. смеси шифрованных слов и фраз с отдельными словами открытым текстом; и я стал по многу часов ежедневно тренировать радистов на приём и передачу «клёром». Мы понимали, что надо успевать использовать представившуюся возможность, чтобы при вступлении в бой командование могло управлять войсками через радиосвязь, ведь не всегда связь телефонная обеспечивает управление, а за отсутствие в таких условиях и радиосвязи придётся расплачиваться кровью и жизнью советских людей.

После выхода из боя весь личный состав полка́, так же, как, очевидно, и другие формирования, вымылся в бане, сменил обмундирование и бельё.

Снабжение продуктами с окончанием распутицы было налажено, и солдаты получали всё по высокой фронтовой норме. Правда, первое время не хватало кухонь, и некоторые подразделения, в том числе и рота связи, получали «сухой паёк» – набор продуктов солдатского пайка в специальной упаковке, приготовленный на Московском пищевом комбинате. Там было всё, что полагалось на фронте солдату на сутки: 400 гр. сухарей высокого качества (взамен 800 гр. хлеба), концентрат для приготовления супа и каши, сало (шпиг) или другие жиры, сахар, соль, чай. Обед готовили сами в котелках.

В этот период командиру дивизии Васильеву Николаю Алексеевичу было присвоено звание генерал-майор. Командир дивизии часто бывал в ротах, проверял ход боевой подготовки, как одеты, обуты солдаты, как их кормят.

С мая месяца несколько раз дивизия получала подарки, присланные советскими гражданами из тыла своим защитникам. Несмотря на тяжёлое положение со снабжением в стране и усиленную работу на нужды фронта, наши отцы, матери, жёны и сёстры ничего не жалели, чтобы воины страны Советов всем были обеспечены. Я получил подарок – шёлковый кисет, а в нём – большая пачка лёгкого табака высшего сорта. В подарке была записка, в которой женщина (увы, не помню её фамилии), приготовившая подарок, желала, как можно больше убить немцев, а самому целым вернуться домой, и обещала неустанно работать для обеспечения фронта всем необходимым.

Так, в резерве, дивизия находилась конец июня, июль и половину августа. За это время прошли боевую подготовку вновь прибывшие в дивизию солдаты, были укомплектованы подразделения. На должность командиров взводов назначены проявившие себя в боях сержанты. Многие из них позже стали командирами рот, а некоторые – зам. командиров батальонов.

Большую работу по изучению и распространению боевого опыта, полученного в последних сражениях, проделал полит. аппарат и партийные организации частей нашей дивизии. Дивизионная газета «Атака» ещё во время боёв регулярно, в каждом номере, оповещала о боевых успехах лучших подразделений; ни один подвиг не оставался неизвестным – на страницах боевой газеты печатали то, что служило примером: сообщали фамилии лучших командиров и бойцов. В период нахождения дивизии в резерве 50-й армии газета продолжала рассказывать и о боевом опыте, и об опыте обучения солдат.

Большая разъяснительная работа была проведена в августе, когда в дивизии был получен Приказ Верховного Главнокомандующего № 227. Смысл «Ни шагу назад!» был доведён до каждого бойца.

Между тем, основные бои на советско-германском фронте переместились с Западного фронта на юг. Срыв майского наступления наших войск под Харьковом и большие потери, объявленные в сообщениях Совинформбюро́, были, к сожалению, только первыми из неудач на южном направлении в 1942 году. За этим последовало наступление немцев на Воронеж, и вновь в сводках замелькали названия оставленных нами городов.

Когда под Воронежем немецкое наступление было остановлено, начались бои в большой излучине Дона. Немецкие танковые армии стремительно продвигались на восток и юго-восток. Мы ждали каждый день приказа вступить в бой там, где это потребуется.

И вот в середине августа подразделения нашего полка (как и другие части дивизии) были подняты по тревоге. Солдатам были выданы на руки продукты на 10 суток, и, совершив двухдневный марш, дивизия прибыла в район станции Тихонова пустынь, расположившись в густом лесу. По мере подачи железнодорожных вагонов части грузились в эшелоны, которые начали своё движение. Куда? – Мы этого точно не знали, но предполагали, что вероятнее всего туда, где идут самые напряжённые кровопролитные бои, туда, где отборные силы противника рвались к Сталинграду.

Проехав вблизи Москвы, наш эшелон повернул на юго-восток.

[Далее – тетрадь 5.]

Глава III (1-я часть)

«Сталинградская битва»

В середине июля 1942 года передовые ударные части 6-й армии Паулюса, 4-й и 1-й танковых армий немцев вырвались в большую излучину Дона; появилась угроза их выхода на Сталинград. Войска Юго-Западного фронта, понёсшие большие потери в людях, вооружении и технике, героически пытались остановить врага, но уже не могли воспрепятствовать продвижению превосходящих сил противника.

Сталинград являлся стратегическим пунктом, и как крупный промышленный центр, и как особо важный транспортный узел, соединявший центр Советского Союза с районами Урала, Средней Азии и, что особенно важно, с Кавказом, откуда поступала бакинская нефть. Поэтому советское Верховное Командование принимало все меры, чтобы остановить противника, стремящегося к Сталинграду.

В первой половине июля на рубежи Дона выдвигаются резервные Армии (62-я, 63-я, 64-я). 12 июля создаётся Сталинградский фронт, командованию которого ставится задача остановить противника, не допустить его выхода к Волге, однако «противник превосходил советские войска по численности людей – в 1,3 раза, по авиации – в 3 раза, по артиллерии и танкам – в 1,3 раза» (А. Самсонов. «Сталинградская битва», с. 83).

Вокруг Сталинграда ускоренными темпами, главным образом, – силами мобилизованного гражданского населения самого города, сооружались три оборонительных рубежа.

С 22 июля город подвергался налётам вражеской авиации. Под ударами фашистских бомбардировщиков находились все коммуникации, связывающие город, Сталинградский фронт и контролируемый советскими войсками центр страны. Железнодорожная линия Грязи – Сталинград и река Волга как транспортные артерии были парализованы.

На подступах к Дону завязались упорные бои. Наши армии героически обороняли каждый рубеж на западном берегу реки, часто переходя в контратаки. 5 августа был создан Юго-Восточный фронт (за счёт перевода в его состав ряда частей Сталинградского фронта).

19 августа войскам 14-го танкового корпуса 6-й армии Паулюса при поддержке крупных сил авиации удалось переправиться через Дон в р-не Вертячий – Песковатка, а к утру 23 августа эти части ударили в стык наших 4-й танковой и 62-й армий и вышли к Волге в р-не Рынок, севернее Сталинграда[1].

Советские войска, обращённые на юг и расположенные севернее города от Волги до Дона и вверх по течению р. Дон, входили в состав Сталинградского фронта, а войска, обращённые на север, запад и юг – в состав Юго-Восточного фронта. Позже, с 30 сентября, фронты были переименованы: Сталинградский – в Донской, а Юго-Восточный – в Сталинградский (в дальнейшем мы так и будем называть эти фронты).

Между этими фронтами узкой длинной полосой вклинились войска прорвавшегося к Волге противника. Эта полоса, шириной несколько километров и длиной от Дона до Волги, проходила по степной местности, сильно пересечённой и изрезанной ба́лками (у нас, в Сибири, такие широкие, заросшие овраги и ложбины называют не ба́лка, а лог) и оврагами у реки Дон и более ровной, совершенно безлесой, у Волги.

Севернее этой полосы с запада на восток (и чуть – на юго-восток) проходила единственная тогда железная дорога, связывающая Сталинград с центром страны.[2]

Ещё севернее проходил насыпанный в старые времена высокий земляной вал (вал Анны Иоанновны или Турецкий вал).

---

[1] Оцифрованная информация об этой операции –https://topwar.ru/112018-proryv-6-y-nemeckoy-armii-k-severnoy-okraine-stalingrada.html.

[2] О значении транспортных коммуникаций и мерах, предпринимаемых Ставкой для обеспечения только этой, отдельно взятой военной операции – http://scbist.com/ekskurs-v-istoriyu-zheleznyh-dorog/4797-zheleznye-dorogi-v-vov-transport-v-stalingradskoi-bitve.html.

Когда стремительно разворачивались все эти события на фронте, наша дивизия ехала в эшелонах по железной дороге.

Большая часть пути пролегала вдоль фронта и подвергалась ударам вражеской авиации, поэтому солдаты в вагонах располагались так, чтобы при необходимости можно было быстро, без паники и давки, покинуть вагон в полной боевой готовности. У каждой из двух дверей вагона находился дневальный, готовый в любой момент широко их распахнуть. На крышах вагонов, в каждом эшелоне, были установлены пулемёты с боевыми расчётами, в задачу которых входило отражение атак с воздуха, а также – поражение наземного противника.

Очень вероятной была возможность столкновения эшелона с танковыми колоннами противника, так как на этом участке советско-германского фронта нередкими были случаи, когда фашисты, прорывая нашу оборону, выходили в тыл. Подразделения полка так распределялись по эшелонам, чтобы при необходимости вести бой самостоятельно. До всех нас, следующих в эшелоне, был доведён боевой приказ «быть в постоянной готовности отразить танковую атаку!». Солдаты в вагонах держали винтовки при себе, в каждом вагоне имелись гранаты, каждое подразделение знало, где ему развёртываться и какую задачу выполнять при встрече с танками. Каждый солдат имел каску на голове (на которую, правду сказать, мало надеялся; это я про каску) и сильно мешавшую сапёрную лопату – свою главную надежду и защитницу.

Вдоль эшелона была протянута телефонная линия, связывающая с командирами подразделений, с машинистом на паровозе, с постом на тормозной площадке последнего вагона и с пулемётными расчётами зенитной обороны.

Поезд двигался так быстро, как позволяло состояние железнодорожного пути, и чуть более тысячи километров мы смогли преодолеть только за 1,5–2 суток. За это время солдаты высыпались (но сколько же можно спать!), политруки проводили беседы, и всё ж свободного времени оставалось много.

Семейные вспоминали своих и гадали, как-то они там живут, ведь по письмам родных из тыла судить было нельзя: в каждом сообщалось, что «всё хорошо», «ни в чём не нуждаемся», «о нас не беспокойтесь и скорее с Победой возвращайтесь домой!». Но всё-таки, несмотря на старание родных показать всё в хорошем виде, мы понимали, что это «хорошо» только применительно к военному времени, а на самом деле – и многочасовая работа, и очень скудный паёк.

Молодые вспоминали своих родителей, по которым они уже соскучились, своих сверстников, а чаще всего – своих знакомых девушек, и, конечно, мечтали о встрече с ними, представляя все подробности этой желанной встречи.

Каждый из нас понимал, что такая встреча с невестой, с женой, с детьми ещё очень далека. Хотя, за исключением самых молодых, каждый предпочитал мечтать об этой встрече «про себя», но всё-таки иногда это вырывалось наружу (конечно делились такими личными разговорами, главным образом, с близкими фронтовыми друзьями). Среди людей, живущих одними и теми же заботами, среди тех, кто ест солдатскую кашу из одного котелка, крутит самокрутки, бережно отрывая аккуратные квадратики бумаги от одной газеты, берёт щепоть крепкой махорки (особенно ценилась, за крепость и качество, махорка Бийской фабрики) из одного кисета и прикуривает от одной спички (реже) или от одного тлеющего трута солдатского кресала «Катюша» (как из гвардейского миномёта вылетают огни мин-ракет, так из-под удара стального огнива по кремню летят снопы искр), и вот, среди таких людей близкие друзья встречались очень часто.

Очень часто и особенно остро возникали солдатские диспуты на тему «Когда война кончится». Тут редко находилась хотя бы пара одинаковых мнений; сколько участвующих в разговоре – столько было и мнений. В спорах принимали участие не все одинаково: обычно 4–5 самых горячих спорщиков остальным буквально слова не давали вставить, остальные приводили свои аргументы и доказательства мысленно, да позже – уже кому-то из таких же «молчунов».

Так, во время этого нашего 1,5–2-суточного передвижения по железной дороге сроки конца войны назначались от «через полгода» до «самое, самое большое – через год». Среди «веских» доказательств собственной позиции были такие, как предсказания ворожей и бабок (во время войны такое пользовалось большой популярностью; многие из них, умело играя на чувствах людей, поддерживали веру в нашу победу). Изредка ссылались на религию, библию, некоторых святых и юродивых, но таких было очень мало.

Иногда точку в споре ставили слова политрука, командира роты или пользующего авторитетом бывалого солдата. В нашей роте такие были: Щербаков Андрей Иванович, по должности старший конюх, а фактически выполнявший всю старшинскую работу (вскоре его и назначили на эту должность), а ещё старшина Васин, и. о. замкомроты[1], бывший стрелок-радист, участник финской войны и после второго ранения в ногу списанный из авиации в пехоту. Но часто и авторитет этих товарищей не мог поставить точку в спорах.

Подавляющее большинство яростно спорящих и отстаивающих каждый день приближения победы были согласны в одном: не позже, чем через год, и обязательно в нашу пользу. Сомневающихся в нашей победе я не помню, а тех единичных солдат, которые предполагали возможность затяжки войны более, чем на год, никто не слушал и не допускал к участию в дискуссии.

С одной стороны, это свидетельствовало о бесконечной вере солдат в силу советского народа, в силу советского социалистического строя, в силу партийного руководства, безграничную веру в авторитет и волю Верховного Главнокомандующего тов. Сталина. Во-вторых, вполне естественно такое желание солдат быстрее окончить войну, ведь главным ориентиром при этом было то, что более длительной войны выдержать невозможно, на это просто не хватит ни каких человеческих сил.

[1] И. о. замкомроты – исполняющий обязанности заместителя командира роты.

А наш путь по железной дороге продолжался. Мы, солдаты, младшие и средние командиры, и не знали, куда едем, да этот вопрос, хотя и ставили иногда на обсуждение, но особого интереса не вызывал; у солдат бывает два направления – либо на фронт (гораздо чаще), либо с фронта (очень редко, как правило, – только на санитарном поезде).

На вторые сутки следования нашего эшелона поезд прибыл на станцию Грязи [железнодорожный узел города Липецка]. Этот крупный железнодорожный узел, километрах в ста двадцати от Воронежа и менее чем в 100 км от фронта, имел три раздельных пункта: Воронежские грязи [Грязи-Воронежские], Сталинградские грязи [Грязи-Сталинградские; с 1961 года – Грязи-Волгоградские] и …? (не помню, какие) грязи [Грязи-Орловские].

Здесь очень сильно чувствовалась близость фронта: узел часто подвергался бомбёжкам, имел противовоздушную оборону, состоявшую из наземных зенитных орудий, которые были так хорошо замаскированы, что с воздуха их, наверняка, не заметить. Внимательный взгляд опытного солдата отметил стоящие на путях блиндированные железнодорожные платформы с тяжёлыми зенитными орудиями с дежурными расчётами.

Работающие на станции железнодорожники рассказали нам, что каждую ночь узел подвергается бомбёжкам, что они и ночью работают на станциях, а спать ходят в ближайшие сёла. К нашему удивлению никаких признаков разрушения путей, разбитых вагонов, воронок, разрушенных зданий видно не было, потому что повреждённые объекты быстро восстанавливали.

Наш эшелон следовал по станции Сталинградские грязи, – стало ясно, что едем в направлении Сталинграда, хотя мы тогда не знали, как близко враг к тому времени подошёл к городу. Из последних сводок Совинформбюро, напечатанных в центральных газетах (мы их получали в эшелоне раз в сутки), было известно, что бои идут в большой излучине Дона, но «большая» излучина очень большая.

От Сталинградских грязей на юго-восток вся железнодорожная линия находилась под сильным воздействием вражеской авиации, поэтому мы продолжали путь с раскрытыми обеими дверями вагона (хотя обычно, как минимум, одну полагается держать закрытой во избежание сквозняков). Чем ближе подъезжали мы к Сталинграду, тем чаще нам встречались следы разрушений.

Вот по обе стороны путей, идущих по невысокой насыпи, сброшенные под откос искорёженные остовы вагонов с остатками обгоревшей обшивки, сильно изóгнутые обломки рельсов, скаты тяжёлых вагонных колёс, отброшенные силой взрыва на десятки метров и при падении сильно зарывшиеся в землю. Кое-где можно заметить между остатками вагонов пробитая солдатская каска, раздавленный котелок. Сжались наши солдатские сердца, когда представили, что здесь совсем недавно происходило! Очевидно, эшелон был застигнут пикирующими бомбардировщиками, тяжёлая бомба попала в голову эшелона, и беззащитные, стоящие уже неподвижно, вагоны (сорок человек солдат либо 8 лошадей в каждом) подверглись беспощадной бомбёжке и обстрелу из крупнокалиберных пулемётов.

Сколько наших товарищей погибло при этом! Они спешили на фронт, чтобы броситься в бой на озверевшего врага, чтобы своей грудью защитить детей, матерей, жён (в том числе – и наших). Но, не доехав до фронта и не видя врага, они пали с простреляннными головами, животами, с переломанными ногами и руками, молодые, пожилые. Кто они, эти солдаты? – Может, сибиряки, может, уральцы, может, из Средней Азии или с Кавказа, может, моряки-дальневосточники… Мир праху их! Для них война кончилась, а нам предстоят бои, и нам, во что бы то ни стало, надлежит победить и покарать их убийц!

Едем дальше, а глаза внимательно всматриваются в степь, с быстротой поезда плавно плывущую по обе стороны чуть подёргивающегося на стыках вагона.

Вот впереди крупная станция. Над пристанционным посёлком – облако дыма, соединяющего столбом этого же дыма землю и небо. Это не был чёрный дым бушующего пламени, это был светлый, почти стального цвета, дым догорающего пожара. Вот через дымный воздух проступают контуры громадного элеватора, куда в мирное время свозился собранный со всего степного хлебного края урожай золотой пшеницы. От элеватора тоже поднимаются к небу столбы бледного дыма. В нос ударил запах горящего зерна. Высокие силосные башни элеватора, почти до середины засыпанные снаружи зерном, стояли на холме. Но зерно это было не привычного золотистого цвета, а местами – чёрное, как уголь, местами – цвета золы. Зерно не горит, а тлеет; к нашему появлению верх этой горы уже обгорел, очаги ушли внутрь.

Эшелон, не останавливаясь, идёт через станцию. А ведь совсем недавно здесь пылали деревянные дома, степные мазанки рассыпались от взрывной волны [далее – тетрадь 6], а тяжёлые, засыпанные землёй и покрытые дёрном крыши падали на находившихся под ними людей, сухие камышовые крыши вспыхивали кратковременным пламенем, таким жарким, что лопаются глаза у живых людей даже на расстоянии.

За что пострадали эти невинные женщины, старики, младенцы, ещё не понимающие, что такое жизнь, подростки, мечтающие любить и быть любимыми, строить, изобретать, совершать подвиги?! И кто такие они, «воющие» с детьми, убивающие женщин и стариков? Почему они это делают, за что? – За то, что мы говорим на других языках, чем эти убийцы? За то, что мы не немецкие, а советские? Неужели этих тварей, которых и людьми не назвать, родила женщина-мать?! Рассудок отказывается понимать всё это. Неужели они когда-то лежали в колыбели, и мать пела им песни?! Неужели их, искривлённые гримасами во время таких налётов, твёрдые губы были когда-то пухлыми детскими губками, которые беззаботно сосали материнскую грудь! Не может быть, чтобы они были вскормлены материнским молоком!

Кто же их сделал такими? Ведь они соотечественники Маркса, Энгельса, Карла Либкнехта, Розы Люксембург, они сыны великого немецкого народа, той страны, которая раньше других создала социал-демократическую республику[1]! Рабочий класс Германии был колыбелью рабочего движения; это им, тогдашним школьникам, писали мы, пионеры 30-х годов, свои детские письма на немецком или эсперанто!

Как правители Германии – бывшие (так называемые социал-демократы) и теперешние, а попросту, первые – предатели, а вторые – фашисты, сделали их бессовестными убийцами беззащитных ребят, женщин и стариков?! Будьте же вы прокляты – и те, и другие! Но не думайте, что вам удастся покорить советский народ, что вам удастся уйти от расплаты! Вы будете наказаны! Скоро вы сами будете дрожать, завидев советского солдата, ваши собственные дети проклянут вас!

Конечно, у каждого солдата эти, схожие, мысли выражались разными словами. Фашистские убийцы, творя свои злодеяния, рассчитывали запугать наш народ, запугать солдат, запугать их отцов и матерей, запугать их сыновей и дочерей. Они ждали, что родные советских солдат будут тем писать на фронт: «бросайте оружие, германская армия слишком сильна, чтобы с ней сражаться, сдавайтесь в плен и этим закончите войну, тогда нас перестанут калечить».

Они ошиблись – почти каждое письмо нашим солдатам заканчивалось строками «за нас не беспокойся, спокойно бей врага, не давай ему пощады, отомсти за смерть и муки родных». Письма, в которых отцы получали написанные детской рукой печатные буквы «ПАПА УБЕЙ НЕМЦА», ходили по рукам, и даже молодые солдаты, неженатые, не имеющие детей, читая такое, думали: «Убью, и не одного!».

А те, кто замыслил и начал всю эту страшную, кровавую бойню, не знали советского человека, они просчитались в своих страшных, бесчеловечных планах. Наши сердца каменели, когда мы узнавали новые факты зверств

[1] Речь идёт о Веймарской республике.

фашистов или встречались с подобными случаями лично, каждый из нас давал себе клятву расправиться с фашистскими извергами, может быть, самому погибнуть, но защитить детей, женщин, стариков.

Чем ближе к фронту, тем больше разрушений встречалось на станциях и вдоль пути. Последнюю остановку, уже на рассвете нового дня, эшелон сделал на станции Фролово. Дальше движение в дневное время невозможно из-за активного воздействия вражеской авиации.

Через некоторое время наш состав подали в прогон под разгрузку, и солдаты в полном боевом снаряжении спрыгнули на правую сторону пути и скрылись в густой лесопосадке, шедшей вдоль железнодорожной линии, защищающей её зимой от снежных заносов. В вагоне, чтобы привести его в порядок, остался только наряд – дежурный с дневальным. Быстро были назначены команды на разгрузку лошадей, бричек с ротным имуществом, боеприпасов и продуктов.

С удовлетворением и даже с некоторой радостью мы отмечали, как в голой степи умело и быстро шла разгрузка вагонов – для этого из запасны́х рельсов и шпал, уложенных вдоль пути, смастерили несколько трапов. Быстро откидывались борта платформы, боком укладывалась пара рельсов одним концом на опущенный борт платформы, а другим – опираясь в землю. Так как расстояние между рельсами соответствовало расстоянию между колёс брички, четырёх солдат хватало для того, чтобы скатить её вниз; через минуту–две – и следующая. Другая группа солдат уже сводила по сходням на землю захомутованных лошадей и бегом подводила их к бричке. Ни суеты, ни лишних участников!

Через час последний вагон с боеприпасами нашего эшелона уже был разгружен, и паровоз, дав короткий свисток, задом покатил обратно, на станцию. Всё время разгрузки со специального поста ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи) велось непрерывное наблюдение за воздухом. У станковых пулемётов, установленных на крышах вагонов,

продолжали дежурить расчёты, пока не были установлены такие же на земле. Специальных зенитных пулемётов в дивизии не было, а станок пулемёта «Максим» не приспособлен для стрельбы по воздушным целям (только позже, в 1943–44 годах войска получили станковый пулемёт Горюнова со станком, позволяющим быстро переустановить его для стрельбы по воздушным целям).

Тем временем со станции подвезли воду, и бойцы стали готовить себе обед.

Солдаты оглядывали окрестность. Куда мы попали? Как здесь правильнее воевать? А надо отметить, что эта местность, по сравнению с Западным фронтом, откуда мы прибыли, была чуть ли не противоположной. Под Калугой – сырой воздух, густая высокая, почти в рост человека, трава, многочисленные кочки, густые лиственные и хвойные леса, в которых в любой жаркий день было прохладно, а в густой траве почти до полудня легко можно было промочить ноги. Здесь – сухой раскалённый воздух, которым даже утром трудно дышать, скудная, пересохшая к середине августа трава, редкие полоски низкорослой, редкой пшеницы и простор, простор до самого горизонта, кроме бесконечной двойной полосы, уходящих в обе стороны, рельсов и густой, в несколько метров шириной, бесконечной лесопосадки, ничего в степи нет, – и только высоко в раскалённом безоблачном небе раздаётся пение жаворонков и трескотня бесчисленных кузнечиков, как подтверждение, что и эта сухая степь живёт.

К вечеру весь полк сосредоточился в лесопосадке. Командиры знакомили свои подразделения с обстановкой, ставили задачу младшему комсоставу (так, командир роты связи в присутствии начальника связи знакомил командиров взводов, в том числе – и меня, командира, не входящего во взводы отделения связи). Мы узнали, что нам предстоит форсированный марш, идти будем, сколько выдержат солдаты, равняясь на выносливых, поэтому менее сильным придётся напрягать все свои силы, а слабым необходимо организовать помощь. Ни в коем случае нельзя допустить отставание солдат, так как это ослабит

подразделения (и без того неукомплектованные до полагающегося штатного состава). Сознательное отставание приравнивается к дезертирству, а дезертир подлежит расстрелу.

Полку надлежит двигаться в полной готовности в любую минуту к встрече с противником, в частности, с танками. Порядок развёртывания к бою был объявлен, так же, как и порядок рассредоточения при воздушном нападении. В стрелковых подразделениях назначили расчёты ручных пулемётов для стрельбы по воздушному противнику, из роты связи назначили наблюдателей за воздухом, в батальонах назначили наблюдателей оповещения о воздушной тревоге (были оговорены цвета и количества сигнальных ракет).

К вечеру выступил передовой отряд в составе стрелкового батальона (выставив от себя ГПЗ и ТПЗ[1], до этого ушли разведчики). Чуть погодя, отправились основные силы, а за ними – обоз. Вместе со штабом полка, в голове основных сил, двигалась радиостанция на двуколке (мы её приспособили для работы на ходу, подвесив в повозке на пружинах, а антенну растянули на полутораметровых шестах, прибитых по диагонали к углам кузова).

Схему радиосвязи я получил ещё перед посадкой в эшелон. Радиостанция ехала выключенной, ввиду того, что, во-первых, расстояние до других станций полка в несколько раз превышало возможности получения сигнала, во-вторых, в целях недопущения обнаружения врагом подхода нашего соединения к фронту (что было разумной мерой, а ни проявлением радиобоязни). В радиосвязь было разрешено вступать только в активном бою, при встрече с противником.

Марш начался бодро, сказалась тренировка на учениях ещё на Западном фронте, 2-суточный марш до погрузки в поезд, и, главное, почти 2-суточный отдых во время движения эшелона.

[1] ГПЗ – головная походная застава, ТПЗ – тыловая походная застава.

В первую часть пути привалы объявлялись регулярно. Команда «Привал справа!» звучала для нас неожиданно скоро и частью солдат воспринималась даже с разочарованием. Наверное, только те, кто неаккуратно подвернул портянки, с облегчением вздыхали, услышав эти слова. Командиры отделений опрашивали свой состав о наличии потёртостей, санинструкторы бинтовали некоторым ноги.

Везде дымились самокрутки, как всегда закуренные кучкой от одного кисета, только офицеры, считая из чужого не таким вкусным, курили «свой» табак. На первом привале курили, пользуясь светом, ещё не маскируясь.

За ночь и часть дня колонна нашего 892 стр. полка прошла около 60 километров. Ночью шли по дороге, разбитой ранее прошедшими войсками. Пыль на дороге лежала глубоким слоем, от шагов тысяч ног она тяжело поднималась в воздух и каждый, от ног до головы, и всё, что несли мы на себе, всё было покрыто этой пылью. Несмотря на то, что ночью было прохладно, пот покрывал лицо и шею, и, смешиваясь с пылью, превращался в едкую грязь, так что к утру, когда рассвело, мы с трудом узнавала знакомые, перемазанные этой грязью, лица.

У меня, как и у многих других, в начала марша неудобно сидела на плече скатка, да ещё сбивавшийся вперёд противогаз мешал, сапёрная лопатка била по ноге, и ремень винтовки натирал плечо. Потом всё «притёрлось», слилось с телом и уже не чувствовалось, не мешалось. Но особенно доставалось тем, кто нёс более тяжёлое оружие (правда, станковые пулемёты и 80-м/м миномёты ехали на повозках) ручным пулемётчикам – как 1-м номерам, нёсшим сам пулемёт, так и 2-м номерам, переносившим диски. Стрелки́ роты противотанковых ружей несли свои длинные 16–20-килограммовые ружья вдвоём.

Когда солнце поднялось высоко, земля накалилась, а насыщенный пылью жаркий воздух забивал ноздри, пот уже ручьями тёк по спине, гимнастёрка стала из влажной мокрой, а в подмышках появились белые полосы соли.

В первый день отстающих не было – солдаты хоть и устали, но твёрдо шагали вперёд, хотя, вначале стройные, ряды рот и взводов уже и подрасстро́ились. Тем, кто шёл в первых рядах, было легче, чем идущим сзади, которым приходилось то иногда сдерживать шаг, чтобы не наступить на пятки впередиидущих, то вприпрыжку догонять их.

Днём был сделан привал, во время которого мы успели чуть умыться, поесть, высушить портянки, кто-то – даже вздремнул.

К вечеру опять тронулись в путь. Чем ближе подходили к Дону (к его северо-восточной излучине), тем более пересечённой становилась местность, гуще и выше – растительность (в том числе – пшеница на полях), чаще попадались населённые пункты (хутора и станицы). Помню, один хутор протянулся на много километров, мы его проходили уже ночью, внимательно присматриваясь в хаты донцов (которые до этого видел только на картинках и в кино) с их высокими каменными крышами и посаженными на центральной улице высокими пирамидальными тополями, поразивших нас своей высотой и непривычной для нас формой.

В воздухе (особенно – с наступлением темноты) уже чувствовалась сырость, и дышать стало легче, но вторые сутки марша давались с трудом, и уже приходилось самым слабым помогать, перекладывая на себя часть их поклажи. Иногда такое требовалось только на короткое время, но и за эти минуты, солдат, освободившийся от противогаза или от вещевого мешка (казавшихся такими лёгкими ранее), ранее с трудом плетущийся, отрывал взгляд от земли, с наслаждением расправлял плечи и, приободрённый, находил в себе новые силы, чтобы идти дальше.

Днём вторых суток пути вновь сделали стоянку и пообедали, после чего вздремнули (среди спящих не было, наверное, только постовых да командиров), а к вечеру опять тронулись дальше.

Вновь пошли сухие степи, и дорога от толстого слоя пыли становилась мягче и мягче. Под утро свернули на просёлки, здесь, по твёрдой степной дороге, на которой пыли почти не было, идти стало значительно легче.

Третьи (как позже выяснилось – последние) сутки показались особенно тяжёлыми, кончалась вторая сотня километров пройденного пути, а с этим – кончались силы даже у выносливых. Появились выбившиеся из сил солдаты. Время от времени можно было видеть, как в стороне, у самой дороги, сидит солдат, а над ним стоит командир, находя какие-то слова, чтобы как-то убедить его подняться и шагать дальше. Некоторых подбирали на повозки.

Наконец, на третьи сутки, поздним утром 23 августа подразделения расположились в кустарнике, а их командиры были вызваны к командиру полка для получения дальнейших указаний.

[Далее – тетрадь 7.]

2-я часть главы III

«23 августа 1942 года»

23 августа 1942 года части 14-го танкового корпуса немцев прорвали нашу оборону на стыке 4-й танковой и 62-й армии на восточном берегу Дона и стремительно двинулись к Волге севернее Сталинграда, отрезая войска 62-й армии от остальных войск Сталинградского (позже переименованного в Донской) фронта. В этот же день почти весь 4-й воздушный флот немцев совершил налёт на город. Несколько сот немецких самолётов произвели свыше 2 000 самолёто-атак, сбросив тысячи фугасных и зажигательных бомб. Над Сталинградом поднимались столбы огня и дыма – горели жилые дома, театры, школы, больницы, горели пароходы на пристани. Горела разлившаяся по земле и по реке нефть из пробитых нефтехранилищ. В этот день город на Волге стал фронтом. В этот же день наш 892-й стр. полк 298-й стр. дивизии подходил к месту прорыва немецких танковых и моторизованных частей.

Вскоре комроты пришёл от командира полка и, подозвав к себе командиров взводов (в том числе – и меня), разъяснил обстановку на фронте, задачу всего полка и поставил задачу каждому отдельному взводу. Перед нами, всего в нескольких километрах, находится вал Анны Иоанновны (среди солдат его называли вал Анны Ивановны) и насыпь железнодорожной линии; полку надлежит быстрым маршем, временами бегом, занять эти единственные среди степи места, на которых можно вести оборону, нельзя допустить, чтобы немецкие части заняли их раньше нас и укрепились там. Далее предстоит так атаковать прорвавшиеся к Волге силы немцев, чтобы отрезать их от переправ. Поставленную задачу надо было выполнить немедленно, не дожидаясь полного сосредоточения всей нашей дивизии.

Тяжело поднимая отёкшие ноги, строились солдаты. Без дороги, по безжизненной степи, которая в этом месте чуть понижалась в направлении нашего передвижения, личный состав полк выступил на марш. Беспощадно

палило полуденное солнце, впереди (так же, как и по обе стороны от нас) – голая степь, лишь редко-редко попадались пышные кусты какого-то терновника с длинными колючками-иглами и тёмно-синими ягодами, никакого укрытия, в случае налёта вражеской авиации полк представлял бы прекрасную мишень, но фашисты все самолёты направили на город (на Сталинград). Подступила страшная усталость, голова временами переставала соображать, не чувствовалось ног, которые передвигались, как будто какой-то чужеродный механизм, но чем дальше отходили мы от места привала, тем шире становились шаги.

Наконец, впереди показался высокий земляной вал, раздалась команда «Бегом!», и, со свистом вдыхая горячий воздух, обливаясь потом, солдаты быстро двинулись к возвышению. Ещё немного – и мы на валу, за которым выделялась зелёная полоса клёнов, закрывающих насыпь железной дороги.

Я получил команду развернуть радиостанцию, замаскировав её в лесополосе. Двуколку с радиостанцией, сминая кустарник, протянули между деревьев, лошадь отпрягли, развернули на всю длину антенну, прикрепив её к палкам, привязанным к невысоким деревьям, и уже через несколько минут вступили в связь со штабом дивизии. Слышимость, как в штабе дивизии, так и с нашей стороны, была очень слабая, но опытный радист и при таком качестве может принять сигнал.

Стрелковые роты, достигнув насыпи, развернулись в цепь и продолжили движение вперёд. Командир полка, капитан Шухин контролировал продвижение подразделений с НП (наблюдательного пункта), наскоро оборудованного на высотке южнее железной дороги. И вот уже подразделения полка, вступив в соприкосновение с противником, начали теснить его.

Вскоре к нашей радиостанции, в сопровождении адъютанта, подошёл командир дивизии, генерал-майор Васильев Николай Алексеевич. Я, сняв наушники и спрыгнув с двуколки, доложил:

- Товарищ генерал, радиостанция 892-го стрелкового полка, докладывает начальник станции старший сержант Плотников.

- Ага! Радиостанция, а почему нет связи? – спросил генерал.

- Связь есть, товарищ генерал.

- Ну, хорошо. А где компóлка?

- Командир полка на своём НП, метрах в двухстах на юго-восток.

- Покажите! – приказал комдив.

Я пошёл вперёд, но метров через сто генерал сказал, что дальше разберётся сам, а мне сказал вернуться назад, к станции.

Приблизительно через час к нам пришёл пом. начальника связи дивизии, лейтенант Ковордеев В. Г. Я ему отрапортовал, как ранее командиру дивизии, после чего лейтенант спросил:

- Почему слабая слышимость?

Я объяснил, что расстояние между радиостанциями в несколько раз превышает дальность действия этих аппаратов, и что повысить качество звука можно, только применив специально рассчитанную антенну, причём поднятую на большую высоту. Поскольку ни антенны, ни мачты у меня нет, то такого улучшения в сложившейся обстановке не добиться. Но, добавил я, если в штабдиве на рации будет сидеть классный радист, к примеру, командир взвода Снегирёв или политрук штабной роты Горохов, то и при этой слышимости я устойчивость связи гарантирую.

Лейтенант Ковордеев был опытным радистом, но работая ранее на морском флоте, а, значит, на мощных радиостанциях, привык к солидной громкости и приказал мне подключать третью батарею. Это бы привело к повышению напряжения, подаваемого на передатчик, со 160–180 вольт до 240–270-ти, но увеличение мощности на улучшение слышимости повлияло бы совсем не значительно. Кроме того, зная слабые места радиостанции 6ПК, нельзя сказать, что боялся, – я был уверен: разделительный конденсатор генератора не выдержит этого. Я так и доложил: «Товарищ лейтенант, пробьёт

разделительный конденсатор», на что получил ответ: «Ничего ему не сделается. Включай под мою ответственность, я приказываю».

Ничего не оставалось делать, как выполнять приказание: быстро достав запасну́ю анодную батарею, подключил её, откинув крышку упаковки питания, включил радиостанцию, легко нажав на ключ Морзе – раздался щелчок и аппарат вышел из строя. Тогда лейтенант сказал:

- Сейчас же пришлю Гречишкина – с ним исправите станцию.

Часа через полтора, уже в сумерках, появился техник-лейтенант Гречишкин – радиотехник батальона связи. Он принёс с собой паяльник, но никаких запасны́х частей у него не было. Закрывшись плащ-палаткой, тщательно маскируя огонь, мы принялись за безнадёжный ремонт. Слюдяные прокладки разделительного конденсатора были пробиты, станиолевые пластинки в местах пробития оплавлены – исправить этот конденсатор было невозможно.

Тогда мы отпаяли от схемы блокировочный конденсатор, который мало влиял на работу станции (такие детали, без которых можно обойтись, иногда встречались в радиоаппаратуре того времени) и попробовали перебрать его, что нам удалось, но в схеме высоких частот он, рассчитанный на низкочастотные цепи, работать отказался. Послали донесение начальнику связи дивизии.

Всё это происходило в лесопосадке, у железной дороги, северо-западнее *ст.* Котлубань[1].

Штаб полка, ранее располагавшийся вблизи нашей радиостанции, к этому времени перебазировался на эту станцию. Под утро явился посыльный со штаба и передал записку начальника связи полка ст. лейтенанта Мишина – «Плотников, немедленно переходите на ж/д станцию, – здесь всё есть».

[1] Станция в настоящее время является частью посёлка Самофаловка Городищенского района Волгоградской области; см. справку – https://ru.wikipedia.org/wiki/Самофаловка; ныне исчезнувшее одноимённое село (хутор), тогда находилось в нескольких километрах от станции.

Подняв рацию на плечи (двуколку оставили в лесополосе с приказанием повозочному присоединиться к обозу роты связи, стоявшему неподалёку), я с расчётом и техником-лейтенантом пошёл к Котлубани.

Эта железнодорожная станция имела одноэтажное стандартное здание из красного кирпича, 6–8 путей, на которых вразбивку, по несколько штук, стояли 16-тонные двухосные крытые вагоны и несколько небольших железнодорожных цистерн. Над станцией возвышалась, тоже стандартная, из красного кирпича, высокая водонапорная башня.

Я обшарил несколько вагонов и станционное здание, обнаружив и насобирав несколько слюдяных конденсаторов (от телефонных аппаратов), а также – несколько различных по сечению проводов. Один солдат сказал мне, что неподалёку, в кустах, стоит на автомашине разбитая радиостанция. Я подошёл туда и увидел замаскированную в посадке фургонную машину ГАЗ-ААА, на которой стояла радиостанция РСБ. Двигатель автомобиля был разбит чем-то тупым (очевидно, обухом топора), а вот приёмник, аккумуляторы (щелочные НКН-100) и зарядный агрегат были совершенно целы.

Скорее всего, за неимением бензина, расчёт радиостанции, боясь попасть с аппаратом в плен, разбил двигатель и передатчик, покинув это место.

Я снял и вырезал из разбитого передатчика много деталей (конденсаторы, сопротивления...) на запчасти, монтажный провод, соединительные кабеля и часть оставил себе, остальное отдал Гречишкину. Ещё снял аккумуляторы, но тут принесли исправную радиостанцию 6ПК, – я вступил в связь, передал несколько оперативных радиограмм и радиограмму командиру батальона связи за подписью Гречишкина, с просьбой выслать повозку за зарядным агрегатом и лошадей за походными кухнями, которые были здесь же кем-то брошены, и в которых как раз очень нуждался батальон связи. Вскоре лошадей привели, и техник-лейтенант Гречишкин со всем нажитым радио-добром и походными кухнями отбыл в свой батальон.

Между тем, части дивизии вели бой с прорвавшимся к Волге противником. Немцы, поняв, чем им грозит совместный удар наших частей и с севера, и с юга, подбрасывали к месту прорыва новые и новые силы, предназначенные изначально для взятия города (Сталинграда). Как следствие, усиливая сопротивление атакам соединений нашего Донского фронта, противник, несколько раз переносил сроки взятия города, так как ослаблял себя на том участке, где ему противостояли наши войска Сталинградского фронта.

Почти весь день 23 августа на нашем участке авиация противника не появлялась, но, почувствовав растущую угрозу именно с этого направления, немцы бросили сюда часть имеющихся фронтовых ресурсов люфтваффе.

И вот уже весь вечер того же дня над боевыми порядками нашего полка висела «Рама» – двухфюзеляжный, хорошо оборудованный приборами наблюдения и радиосвязи, немецкий самолёт-разведчик «Фокке-Вульф»-189. Медленно, круг за кругом, переваливаясь с крыла на крыло, передвигался он, как коршун над степью, высматривающий добычу, над нашими позициями. Монотонный рокот его моторов вскоре стал привычным и нами уже не замечался, и только, когда лётчик время от времени выключал моторы, все наши бойцы удивлённо поднимали головы вверх.

Уже с 24 августа, каждое утро, эскадрильи немецких бомбардировщиков заходили с юга, скорее всего, ориентируясь на водонапорную башню станции Котлубань; пролетев станцию, они, иногда – всем отрядом, иногда – разбиваясь на группы, выбирали цели для бомбёжки и обстрела из крупнокалиберных пулемётов: подходящие к фронту колонны наших войск, автомашины, повозки с боеприпасами и продовольствием, артиллерийские позиции. Иногда, завидев в степи даже одного нашего солдата, немецкий самолёт с рёвом своих моторов устремлялся на него, и вот – уже с пронзительным визгом одна, а то и несколько бомб летят на человека, а если боезапас был уже израсходован, лётчик снижал машину до предела, а стрелок открывал огонь из установленных

на самолёте пулемётов; догонит, обстреляет, обгонит, развернётся и – по новой...

Днём из-за действия вражеской авиации невозможно было показаться в степи, поэтому подвоз обедов, боеприпасов, эвакуация раненых производились только ночью. Но, не считаясь с опасностью подвергнуться нападению самолётов, днём приходилось выходить из укрытий связистам, связным с донесениями и приказами; многие были убиты или ранены.

Если во время боёв на Смоленщине[1] легко было маскироваться в лесах, то здесь – голая степь, почти никакого укрытия. Нам, уже побывавшим под бомбёжками вражеской авиации на Западном фронте, было легче, – мы знали, как вести себя при появлении самолёта: лечь и, прижавшись к земле, не шевелится (ведь неподвижно лежащего человека, особенно – при разрывах снарядов, лётчику с самолёта трудно заметить, к тому же, гораздо больше шансов, что тебя осколки или пули не заденут). Правда, надо иметь крепкие нервы, чтобы оставаться на месте в эти страшные минуты, при звуках ревущего авиадвигателя, свиста приближающихся с неба бомб, грохота взрывов, в момент, когда под тобой дрожит земля, и через всю поверхность твоего тела проходит сила ударной волны. Да, всё зависит от того, насколько далеко от тебя произошёл взрыв: давление взрывной волны может перевернуть или даже отбросить человека. Громкость воя подлетающих снарядов нарастает, а высота звука идёт вниз при их приближении; звуки разлетающихся осколков слышны гораздо слабее, лишь тело чувствует близость и величину пролетающего рядом с тобою металла. Хуже, когда осколки не пролетают над тобой, а начинают шлёпаться вокруг, – лежишь и ждёшь, вжимаясь в землю, что сейчас один из них ударит в голову или в спину, и тогда – отвоевался солдат.

[Далее – тетрадь 8.]

Некоторые бойцы во время бомбёжки ложатся на спину, когда смотришь вверх, наблюдаешь за оторвавшимися от самолёта бомбами, и кажется, что они

[1] Под Барятино, почти равноудалённым от Смоленска, Калуги и Брянска.

летят прямо на тебя, и этот момент ожидания – самый страшный (недаром говорят: «Замах хуже удара» [удмуртская пословица]). Когда же лежишь лицом в землю, самый страшный момент – ожидание между ударом бомбы о землю и разлётом её осколков; этот момент гораздо короче.

Хуже всего, когда неопытный солдат, заслышав рёв моторов, начинает бестолково бегать по степи, ища укрытие. Приходилось иногда наблюдать такие картины из окопа, и даже, если кричишь ему, чтобы он бежал (когда это близко) к тебе в окоп, он уже ничего не слышит, а фашистский стервятник будет гоняться за ним, пока не изувечит осколками бомбы или не изрешетит пулями, и пока не упадёт бездыханно тело. А самое страшное, когда группа солдат (отделение, взвод или даже рота) мечется в панике – сколько изувеченных и убитых после соберут санитары!

Когда группа немецких самолётов атаковала какое-либо место (будь это артиллерийская батарея, обоз на дороге или залёгшие, двигавшиеся колонной, солдаты), они выстраивались в круг, один за другим, первый пикирует, сбрасывает бомбы, стреляет из пулемётов и взмывает вверх, пристраиваясь в хвост последнему, и так – без конца…, солдаты прозвали это «карусель».

Взрыв бомбы здесь, на Сталинградском (для нас – Донском) фронте отличался от взрыва такой же бомбы во время боёв под Барятино (под Калугой). Там снаряд, ударяясь о сырую землю, зарывался глубоко, и осколки летели высоко вверх, куда была направлена взрывная волна, перемешиваясь с мягким грунтом. В степи же взрыв бомбы оставлял мелкую воронку, осколки, разносимые взрывной волной и перемешанные с кусками сухой земли, разлетались намного шире.

Нельзя сказать, что авиация немцев свирепствовала совсем безнаказанно. Около вала Анны Иоанновны располагались зенитные батареи, и когда самолёты достигали зоны их действия, зенитчики открывали плотный огонь. Всё небо при этом было усыпано хлопьями разрывов зенитных снарядов, видно, как снаряды рвутся между самолётами противника, а те, как

заговорённые, не изменяя скорости, направления и высоты, правильным ровным строем продолжают движение. Но так продолжалось не долго.

Скоро зенитчики пристрелялись, и на 3– 4-ю неделю всё чаще во время таких налётов можно было с радостью наблюдать, как один, а иногда – и два немецких бомбовоза, задымив, сваливались на одно крыло, падали вниз, оставляя за собой чёрный столб дыма и, в конце концов, врезаясь в содрогающуюся от этого землю. При этом уцелевшие самолёты фашистов, резко меняя высоту и направление полёта, зигзагами вырывались из-под огня нашей батареи, поворачивали назад, в итоге, всё реже предпринимая попытки прорваться через зенитный огонь в наши тылы. Но на всём пространстве от переднего края до вала Анны Иоанновны немецкая авиация продолжала свирепствовать.

В стрелковых подразделениях (в том числе – у нас) не было зенитных средств, а ручные пулемёты было очень трудно приспособить для ведения огня по самолётам. Но с каждым днём, всё чаще и чаще, стрелки́ при приближении бомбардировщиков открывали по ним огонь из винтовок, а один сержант свой ручной пулемёт Дегтярёва при налётах клал на плечо второму номеру и, диск за диском расстреливал в ревущую беснующуюся карусель «Юнкерсов». Правда, сбить самолёт из такого оружия никому не удалось, но этот сержант (его фамилию я за давностью лет позабыл) оставался верен своему порыву, при налётах остался цел и невредим (вот уж действительно, «смелого пуля боится»), а его настрой очень сильно влиял на всех остальных, показывая, что ревущие стремительные самолёты немцев способны на слабого навести панику, но действие их огня и бомбометания не эффективно.

Если на Западном фронте (где мы были весной) окопы вырыть было невозможно, потому что их тут же заливало водой, но, когда вода сошла, мягкая земля легко поддавалась малой сапёрной лопате, и мы быстро окапывались, то здесь, в степи, между Волгой и Доном, твёрдая пересохшая земля почти не поддавалась острию лопаты, и на выкапывание окопа полного

профиля под жарким августовским солнцем уходил целый день изнурительной тяжёлой работы. Степная открытая местность требовала быстро и хорошо окапываться, а если же из-за авианалёта или из-за чего-то ещё работы по рытью окопа прерывалась, хотя бы на день, высыхающая на жаре глина становилась крепкой, как кирпич, и вместо лопаты, удары которой были абсолютно безрезультатными, приходилось брать кирку. Уже выкопанный в такой камнеподобной глине окоп был сух и надёжен, ни взрывы снарядов, ни осколки бомб, ни гусеницы крутящихся танков такое солдатское укрепление разрушить не могли.

Штаб полка, находясь на станции Котлубань, испытывал затруднения в своей работе из-за того, что, как говорилось выше, для пролетающих мимо вражеских лётчиков, направлявшихся на бомбёжку и возвращавшихся на аэродромы, водонапорная башня служила ориентиром, который было видно за много десятков километров. И вот командир полка, капитан Шухин, приказал полковому инженеру взорвать башню. Сапёры заложили взрывчатку, поставили электрический взрыватель, вывели провода в укрытие и подключили их к взрывной машине. Дождавшись, когда несколько тяжёлых самолётов, поравнявшись со станцией, отделились и стали бомбить стоявшие на путях вагоны (при этом несколько цистерн загорелось), наш сапёр, дежуривший у машины, крутанул рукоятку – заряд, заложенный в башне, взорвался и она, покачнувшись, развалилась на несколько частей, рухнувших вниз. С этого времени бомбовозы не пролетали над Котлубанью, и близ командного пункта стало относительно спокойнее.

В первые дни боёв полк понёс значительные потери и среди личного состава, и в вооружении. Уже на первые сутки с воздуха были подбиты два 76-м/м орудия, попали в санчасть многие артиллеристы их расчётов. Вклинивающиеся в боевые порядки немцев подразделения полка вели бой, не имея локтевой связи с соседями; радиостанций в батальонах и на батареях не было, а связь с командиром полка через телефонную линию была не регулярна,

т. к. часто случались обрывы из-за артиллерийского огня и бомб; связисты, ушедшие на поиск и устранение повреждений, один за другим, получая ранения, выбывали из строя.

Связь между штабом (полка) и командиром дивизии поддерживалась по радио (телефонная в первые дни, по названным причинам, почти не работала). В процессе поиска причин отсутствия связи или плохой слышимости телефонисты постоянно пользовались услугами радиосвязи (до этих боёв всё складывалось как раз наоборот), и командиры стали с уважением относится к этому виду связи, хотя полностью использовать её ещё не решались и не умели.

Так, в ночь на 24 августа ПНШ [помощник начальника штаба] полка принёс для передачи по радио открытым текстом донесение, в котором указывалось точное местоположение командного пункта полка (столько-то метров в таком-то направлении от такого-то километра ж/д линии). Я отказался передавать такую радиограмму, потребовал зашифровать её. Шифровщика не оказалось – пошли к начштаба, капитану Гомолко[1], тот согласился, что в таком виде передавать нельзя и приказал мне самому, пользуясь шифром, переписать текст. Имевшимся шифром зашифровать донесение оказалось невозможно, и мне пришлось скомбинировать шифр штаба с шифром радиопереговорной таблицы, а часть – передать открытым текстом. Может быть, такое отсутствие удобного шифра вместе с опасностью употребления открытого текста и было причиной слабого использования радиосвязи в наших войсках в тот период (особенно первый год) войны, хотя в ходе активного маневренного боя первых дней войсковой операции и можно было использовать открытый текст.

Войска Донского фронта за неделю боёв, хотя и не смогли окружить прорвавшиеся дивизии 14-го танкового корпуса немцев (их 16-ю танковую, 3-ю и 60-ю моторизованные дивизии) и восстановить оборону на восточном берегу Дона, однако сумели отвлечь на себя значительные силы 6-й армии Вермахта,

[1] На фото однополчан фамилия записана через «а» – Гамолко.

те, что предназначались ими для взятия Сталинграда и, таким образом, не дали противнику захватить город.

В эти же дни, правее нас, 1-я гвардейская и 21-я армия нанесли чувствительные удары по левому флангу армии Паулюса на южном берегу Дона, в большой излучине Дона, заняв там плацдармы, угрожающие тылам и коммуникациям немецких войск. Но, всё-таки, перевес в силе у 6-й полевой и 4-й танковой армии немцев был значительным, особенно – в самолётах, танках и артиллерии, и поэтому под угрозой окружения наши 62-я и 64-я армии, отошли с восточного берега Дона на средний обвод обороны Сталинграда.

Продвижение же частей нашей дивизии приостановилось, и мы перешли к обороне. К этому моменту на нашем участке фронта стало значительно тише. Солдаты занимались укреплением оборонительных позиций – отдельные окопы соединялись ходами сообщений, копались глубокие траншеи, маскировались пулемётные точки, готовились запасны́е позиции для артиллерийских орудий и миномётов. Были назначены кочующие орудия и миномёты, которые имея несколько оборудованных и замаскированных позиций, вели огонь, постоянно меняя своё положение, так, что немецкая разведка не имела возможность точно определить координаты стрельбы, и, в конечном итоге, подавить их огонь. Ещё устраивались ложные артиллерийские позиции – для этого копали мелкие окопы, небрежно маскировали, вместо орудий поставив передки разбитых бричек и оглобли – вместо стволов.

Всё это делалось по ночам, а утром, как обычно, вылетала «Рама», быстро обнаруживала такую «батарею». Если этот самолёт-разведчик находился близко над нашей радиостанцией, то мы слышали в наушниках лающие немецкие команды, а вскоре появлялась эскадрилья «бомбовозов» и начинала свою карусель над нашей ложной батареей. От первых же выстрелов деревянные «пушки» (или, вернее, их обломки) разлетались в разные стороны, всё заволакивало пылью, а немцы, сбросив все бомбы и израсходовав все патроны, улетали, после чего опять появлялась «Рама», фотографировала

результаты налёта, а в немецкие штабы шло донесение об «успешном уничтожении батареи противника», немецким же лётчикам, скорее всего, вручали какие-то награды. А наши солдаты, особенно артиллеристы, в момент такой бомбёжки, вылезая из окопов и схватившись за живот, хохотали, выкрикивая: «Бей сильнее! Ещё бомбочку! Так её, так!». Одурачить фри́цев[1], до этого поставивших на колени почти всю Европу, среди наших солдат считалось большой заслугой.

Большие неудобства были у нас с водой. Для снабжения ею и личного состава, и для коней, для бани полк пользовался колодцем у переезда через линию железной дороги, восточнее станции Котлубань (здесь же, по обе стороны переезда, в лесополосе стояли тылы полка и почти все обозы). Воды не хватало, хотя колодец этот вычерпывали до дна, старшины устанавливали очередь, и вода доставлялась в подразделения в ограниченном количестве и, как правило, только раз в сутки.

Днём в степи подвести воду на передний край не было никакой возможности – повозку с водой и обедом могли подбить если не самолёты, то вражеские миномёты, да и к самой траншее не подобраться и ползком с термосом. Солдаты часто получали воду только по одной кружке на сутки, этого, конечно, не хватало, да и на вкус она была солоновата, с непривычки сильно действовала на желудок (как слабительное). В первые дни очень многие солдаты страдали желудком. Позже, уже осенью, с водой стало получше, в траншеях устанавливались бочки с водой, которой стало достаточно на весь день, более того – бойцы могли уже регулярно умываться и бриться.

Траншея, которую занимал один из батальонов нашего полка в начале сентября, располагалась правее села Котлубань и в одном месте близко подходила к траншее немцев, а метров в двухстах за этой вражеской траншеей стояло несколько больших стогов сена, за которыми находились небольшие

[1] Фриц – распространённое немецкое имя, а также – немецкая фамилия; потому, наряду с «ганс», стало, распространённым в русской армии и в 1-ю Мировую, и в Великую Отечественную войны, прозвищем немцев; те, в свою очередь, всех русских звали «иван».

миномёты противника. Если от пуль траншея хорошо укрывала, и днём, хотя показаться было и нельзя, но в её глубине была возможность даже отдохнуть, если бы не мины этих вражеских орудий. Взрывы этих мин (на бруствере и позади траншеи), от которых осколки, хотя и редко, попадали внутрь траншеи, убивая и калеча находившихся там бойцов. И вот солдаты и офицеры стали соревноваться, кто сумеет поджечь эти стога. Пробовали стрелять в них разными пулями: и простыми, и бронебойно-зажигательными, и трассирующими, – но результатов – никаких. Дело осложнялось тем, что и стрелять-то надо было осторожно, так как высунуться из траншеи было опасно – немцы беспрерывно вели сильный огонь. Только дней через десять одному офицеру удалось поджечь стога, и миномёты немцев были ими перенесены дальше от нашей траншеи и уже не могли вести стрельбу так метко.

В это время, в процессе ведения позиционной обороны, начало развиваться снайперское движение. Особо меткие стрелки́, чаще всего – бывшие охотники-сибиряки, получали снайперскую винтовку с оптическим прицелом, выбирали себе тщательно замаскированную удобную позицию и весь световой день поджидали неосторожного фрица. Достаточно было немцу на момент выставить свою носатую голову в глубокой каске, как звучал выстрел. Как правило, снайперы промаха не знали, и каждый враг, который попадал им на мушку, срочно покидал ту страну, в которую он незвано явился с оружием, убивая наших детей, женщин, стариков.

Сначала (пока немцы были не пуганные), хотя снайперов было мало, каждый из них на своём счету прибавлял в день несколько врагов, но затем противник стал осторожнее, поэтому снайперам приходилось переходить с одного участка на другой, и количество убитых им фрицев стало уменьшаться.

В каждой части устраивались курсы снайперов, были и фронтовые курсы, совещания, на которых они делились друг с другом опытом. Дивизионная газета «Атака» регулярно печатала фамилии снайперов и количество уничтоженных ими врагов. Если в пе́рвые дни личный счёт самых метких

снайперов доходил до десятка, затем перевалил за сотню, то к ноябрю появились снайперы, поразившие более 200 фашистов. Были такие снайперы и в нашем полку, но их фамилии, к сожалению, моя память не сохранила, но я помню, что в 886-м полку лучшим снайпером был сибиряк сержант Бобрин [или Бобрик] Иван Иванович, а ещё – Небе́ро Николай Михайлович. О последнем в «Атаке» были напечатаны стихи:

«Мне о нём товарищ рассказал, / Парень он приветливый не в меру –
Если немец морду показал, / Рад, доволен Николай Неберо.
У Неберо очень точный глаз – / Одним взглядом сразу сглазит гада,
Где пошлёт Неберо пулю раз, / Там вторую посылать не надо».

[Далее – тетрадь 9.]

В один из ясных сентябрьских дней обоз роты связи менял место своего расположения. Погрузив имущество на двуколку и брички (в составе обоза их было 4 или 5 штук), мы тронулись на новое место. Во главе обоза шёл старшина роты Щербаков Андрей Иванович, который и руководил движением, за ним ехала двуколка, следом – брички; несколько солдат и сержантов следовали по бокам обоза, между бричками и позади.

Пересекли с запада на восток вершину балки, что идёт от села Котлубань к линии железной дороги (т. е. от противника), и стали подниматься на восточный её склон, к пос. Самофаловка. Ехали напрямик, без дороги – вдруг, за нашими спинами раздался голос:

- Стойте! Куда вы едете – здесь же минное поле?!

Оказалось, что мы заехали на минное поле, установленное на танкоопасном направлении, там, где идущие по балке танки противника, упёршись в насыпь железной дороги, неизбежно должны были бы подняться на склон. Солдат, который нам кричал, был поставлен охранять это минное поле, но, прозевав наше приближение, он смог остановить нас в самый последний момент. Мы застыли на том месте, где нас застал этот оклик, а солдат,

внимательно глядя на оставленные нами следы, осторожно подойдя к нам, показал, где мы чуть не наехали на мину.

- Езжайте за мной! Я вас проведу через минное поле, – сказал солдат, и мы со своим обозом под его руководством успешно миновали опасное место (мины, расставленные против танков, располагались достаточно редко, поэтому наши брички и двуколка достаточно легко обогнули смертельно опасные преграды).

В открытой степной, слабо пересечённой местности очень трудно ориентироваться, а у переднего края, который постоянно простреливался, ходить можно было, вообще, только ночью. Именно поэтому бывали случаи, когда солдаты и офицеры блудили по степи, зачастую попадая совсем не туда, куда им было надо. Так, начальник связи нашего полка, ст. лейтенант Мишин, в одну из ночей направился с командного пункта полка в стрелковый батальон и, надеясь на своё знание месторасположения подразделений полка, пошёл не по линии связи (т. е. не пошёл, взяв в руки телефонный кабель) и пропал – больше никто его не видел.

В другой раз поляк, солдат противника (в это время против нас, на этом участке фронта, стоял польский батальон), нёс своему офицеру ужин (в термосе было горячее[1] кофе) и, потеряв в незнакомой ночной местности ориентацию, попал в первую траншею нашего переднего края.

Несколько раз мы видели наши истребители, которые на этом участке появлялись не часто (т. к. их главная задача состояла в том, чтобы прикрывать свои войска в местах ведения противником наиболее интенсивных наступательных действий, а в тот момент это был Сталинград). На наших глазах один советский истребитель отважно вступил в бой с двумя «Мессершмиттами», но был прострелен и, потеряв управление, упал в районе расположения нашего полка, между позициями стрелкового батальона и позициями роты автоматчиков, стоявшей во втором эшелона обороны. Самолёт

[1] Автор, как и большинство русскоговорящих, использует бытовавшую в то время версию разговорного языка, закреплённую ныне как литературная норма.

проборoздил брюхом по земле, мотор у него отвалился от фюзеляжа, а корпус, крылья и хвост остались целы. Лётчик был мёртв. Достав его документы, наши солдаты, погребли тело вблизи самолёта, положив на могилу пропеллер. Так этот герой отдал свою молодую жизнь, прикрывая нас, пехоту, от налёта вражеской авиации.

В конце сентября, при очередной перегруппировке войск, полк принял по фронту вправо. Наблюдательный пункт полка был оборудован над крутым склоном балки Котлубань, наверху, в обрыве вливающегося в балку глубокого оврага.

Ночью, перед рассветом, на наблюдательный пункт пришёл командир полка майор Шухин К.М., с ним – некоторые начальники служб, помню, там был полковой инженер капитан Ренёв, связисты и я со своим расчётом. Уже рассветало, и мы увидели на дне оврага четыре установки гвардейских миномётов «Катюша». Они стояли расчехлённые, готовые к ведению огня. Направляющие были круто задраны от зада машины к кабине; на каждой и под каждой – мины-ракеты. Солдаты, когда видели «Катюшу», всегда удивлялись, каким образом держатся мины, которые висят под направляющей; кто-то выдвигал версию о том, что они удерживаются магнитом (на самом деле, эти реактивные снаряды имеют на т-образные выступы, входящие в т-образные выемки направляющей балки).

Вечером этого же дня, в сумерки, мы вздрогнули от знакомого и приятного нашему слуху звука, но он был необычно близким и громким, т. к. шёл не как обычно, из глубины наших позиций, а снизу; место озарилось отблеском яркого пламени. Повернувшись к оврагу, мы увидели, как в землю, сзади «Катюши», ударила струя огня, мины с характерным свистом, оставляя за собой огненную струю, сначала – будто неторопливо, одна за другой, с ускорением поднимались в воздух и удалялись в сторону позиций немцев. Скоро издали раздались взрывы этих снарядов.

Окончив пуск ракет, «Катюши» выехали из оврага и исчезли в тылу расположения наших войск, а минут через двадцать послышался звук подлетающих немецких бомбардировщиков. Они, построившиеся треугольником в своих группах, показались из сгустившейся темноты и, с рёвом, уже на малой высоте, пролетая над оврагом, начали бомбёжку.

Нам конечно, было радостно, что досадивших противнику «Катюш» уже нет в овраге, и что немцы бомбят впустую. Но, в то же время, было не до смеху, ведь сверху, то и дело, оглушительно нарастал приближающийся гул немецких бомбовозов, непривычно близко проносились они у нас над головами, а вслед за этим раздавалась, больно отдаваясь в ушах, серия оглушающих взрывов на дне оврага, и земля под нашими ногами судорожно вздрагивала, как при землетрясении. Только стихло – и вновь повторяется: гул, взрывы, сотрясение под ногами; и так – несколько раз, пока не был сброшен весь боезапас бомбардировщиков. Но и этого лётчикам показалось недостаточно – самолёты, один за другим, спустились ниже, так, что почти задевали крыльями края оврага и оказались на несколько метров ниже нас, напоследок обстреляв темноту распадка из всего бортового оружия, набрали высоту и скрылись в ночи.

Однако, пока продолжался налёт, работа на нашем НП (наблюдательном пункте) была парализована, а такое иногда может кончиться скверно. Поэтому командир полка был крайне раздражён, ругая того, кто выбрал для НП это место. Дождавшись полной темноты, он сам отправился на рекогносцировку, а через непродолжительное время уже повёл нас на новое, выбранное им, место наблюдательного и командного пункта полка. Это место располагалось правее по фронту, километрах в полутора от балки (Котлубань) и оврага, на совершенно открытом месте, там, где равнина чуть опускалась от переднего края в тыл. Со стороны противника местность не просматривалась, но пули сюда залетали, особенно вечерами, когда немцы открывали заградительный огонь.

Придя в это место на рассвете, мы стали рыть одиночные окопы; командиру полка сапёры готовили землянку. Окопы приходилось копать большой штыковой лопатой, потому что сухая глинистая сталинградская земля была очень крепкой.

Только к вечеру окопы для лежания были выкопаны, и мы, в ожидании обеда, который подвозился часам к 12 ночи, выспались. Когда привезли обед (вместе с ним и завтрак, и ужин), желающих получить его сразу не оказалось – все бросились к бочке с водой, у которой стоял старшина, строго следя, чтобы никто не подходил второй раз, т. к. воды было мало.

Когда без вести пропал ст. лейтенант Мишин, начальником связи на его место был назначен лейтенант Логачев, а командиром роты – лейтенант Чебоненко, зам. командира роты стал старшина Васин (вскоре ему было присвоено звание мл. лейтенанта). В это же время политрука роты связи Задаенко перевели в роту ПТР [противотанковых ружей], а политруком назначили зам. политрука Журилова, который имел в роте большой авторитет.

Парторгом роты был мл. сержант Булгаков (нач. ЦТС [начальник центральной телефонной станции] полка), пожилой, очень развитый, с широким кругозором, товарищ (хотя и имел он всего 4 класса образования). Он организовал выпуск боевых листков, я иногда писал для них заметки, и, хотя за моими плечами было среднее образование, он, прочитав мой материала, ловко в 2–3-х местах его подправит, кое-где вычеркнет – и текст преображается, становится острее, содержательнее.

В это время входивший в состав полка миномётный батальон (80-м/м миномётов) был поротно передан в состав стрелковых батальонов, в состав полка была включена батарея 120-м/м миномётов под командованием ст. лейтенанта Самохвалова из расформированного миномётного дивизиона.

Бывший командир миномётного батальона Толмачёв М. С. был переведён в 886-й стрелковый полк начальником штаба, а командир одной из

радиостанций, ст. лейтенант Старцев В. П. был назначен ПНШ-6[1] в нашем полку. Меня это обрадовало, потому что, если в штабе есть шифровальный работник, мне не придётся задумываться, как передать радиограмму, ведь все они должны проходить для шифрования и дешифрования через руки ПНШ-6, который должен всегда находиться вблизи радиостанции. Однако Старцев пробыл в этой должности недолго и вскоре был переведён на должность ПНШ-5, поэтому мы с ним уже почти не соприкасались.

Мы продолжали работать на радиостанциях 6ПК, которые в сухом климате сталинградских степей служили надёжно, давая вполне удовлетворительное качество связи. Радиостанция располагалась на небольшой приступке в окопе (по брустверу окопа), а чуть возвышаясь над ним, была установлена лучевая антенна. Мои радисты, мл. сержант Фроленков, ефрейтор Щечилин и рядовой Платонов, уже прилично принимали и передавали ключом азбуку Морзе, и им требовалась только тренировка в приёме на слух уже с эфира.

Радиостанции почти всё время работали на приём, каждый час передавали коротенькую цифровую шифровку, донесение об оперативной обстановке на участке полка. Так как на фронте была только редкая ружейно-пулемётная перестрелка, то и шифровка была каждый раз одна и та же, хотя шифр часто менялся. Никакой оперативной необходимости в передаче таких сообщений именно по радио не было, скорее, они передавались исключительно для тренировки радистов и для проверки состояния радиосвязи.

Уровень слышимости на радиостанциях 6ПК не высокий, не устойчивый, избирательность приёмника слабая, и отстроиться от помех было трудно – всё это осложняло работу молодых радистов, но давало им великолепную практику.

[1] ПНШ-6 – помощник начальник штаба по специальной связи; у исполняюего обязанности ПНШ-6 находились кодовые таблицы для кодирования текста перед передачей его по телефону и радио, а также – ключи для кодирования топографических карт.

Зарядка аккумуляторов нас не беспокоила, т. к., кроме двух табельных комплектов (2НКН-10), каждого из которых хватало на сутки, в нашем распоряжении были ещё 5 комплектов аккумуляторов 2НКН-100, взятых мною ранее с разбитой радиостанции РСТ (достаточных для работы в течении 10 суток на каждом). Таким образом, в любой момент для нашей радиостанции имелось заряда не менее чем на месяц автономной работы (даже – с учётом саморазряда). Стоит отметить высокое качество 80-вольтовых анодных батарей, которых хватало вместо 24-х часов на 5–7 суток, правда, этому способствовал местный сухой климат. Но мы были благодарны коллективу того неизвестного нам завода, который выпустил такую продукцию (в военное время наименование и местоположение завода-изготовителя на этикетке и в документах по понятным причинам не обозначались).

Как-то получаю служебную радиограмму с приказом явиться с радиостанцией в расположение батальона связи дивизии, который находился за валом Анны Иоанновны, в глубоком овраге. Взяв с собой рядового Платонова, взвалив радиостанцию на плечи, я направился туда (к этому времени мы уже иногда ходили в тыл и в дневное время).

В батальоне связи меня направили к радиотехнику Гречишкину, которому я сдал нашу 6ПК (эту радиостанцию радисты в шутку обзывали «Шесть-ПэКа–трёт бока») и который выдал мне новую, только что полученную с завода, радиостанцию РБ в полном комплекте. Что это был за аппарат! Принимая обновку, я испытывал, наверное, такие же чувства, что испытывает танкист, принимая после БТ-5 более надёжный и мощный Т-34, или военный лётчик, пересаживающийся с «ишачка» [И-16] на «ястребок» [ЯК-9]. Выдаваемая нам радиостанция коренным образом отличалась и по внешнему виду, и по своим рабочим характеристикам (в удобстве обслуживания, в качестве и устойчивости связи). Вместо фанеры, обклеенной материей (у 6ПК), корпус РБ был сделан из металла, окрашенного прочной светло-серой краской.

Весь монтаж аппарата был герметичен и поэтому мало подвержен воздействию атмосферы.

Мы бережно, как мать – любимое дитя, несли новую станцию на КП [командный пункт] полка, где наш восторг и радость разделили и остальные радисты нашего расчёта. Мне кажется, что я особенно ценил новый аппарат, потому что до этого нам пришлось поработать на 6ПК (другие полки нашей дивизии пользовались радиостанцией 5АК, хотя тоже и не отличающейся высоким качеством связи, но бравшей большей мощностью – 20 ватт против 1 ватта 6ПК и РБ; при этом РБ давала более устойчивую связь, чем в 20 раз более мощная 5АК).

Ещё в первых числах сентября, когда только закончились самые напряжённые бои на нашем участке фронта, меня и нач. связи полка вызвали в штаб дивизии на совещание по радиосвязи, которое проводил комиссар штаба дивизии батальонный комиссар (фамилии его я не знал); там присутствовали нач. связи капитан Красильников, его зам. по радио лейтенант Ковордеев.

Выступавший на совещании старший политрук говорил о недостатках радиосвязи, отметив особо, что радисты, кое-как передавая цифровые шифровки, совершенно не умеют принимать буквенный, особенно, открытый текст, а это в быстротечном встречном и наступательном бою необходимо. «Лишь радиостанция 892-го стр. полка может одинаково хорошо принимать и буквенный, и цифровой текст» – добавил он, после чего меня попросили поделиться опытом радиосвязи. Я вкратце рассказал, каким способом учу и тренирую радистов.

[Далее – тетрадь 10.]

Для того, чтобы противник не имел возможности на основе идентификации радиоточки и логики её перемещения делать выводы о дальнейших планах военных операций[1], военному радисту очень важно уметь работать без почерка, т. е. не иметь характерных индивидуальных особенностей

[1] См., к примеру – http://www.rkk-museum.ru/documents/press/zn.shtml#4 или http://21mm.ru/news/mekhanizm-professii/pocherk-radista/.

передачи, а этого почти невозможно достичь, ведь у каждого они есть, и задача заключается в том, чтобы сделать такие особенности (мельчайшие отклонения в ритме при передаче какого-то знака) как можно менее заметными. Мне это в определённой степени удавалось – принимающие радисты нашей сети не могли отличить, кто в данный момент на ключе: я или кто-то из молодых связистов моего расчёта. Так, нач. радиостанции 888-го стр. полка старшина Арчибасов постоянно выговаривал мне, что я подделываюсь под других, молодых радистов. На самом деле, я старался вести передачу как можно спокойнее и ровнее, обращая внимание не на скорость, а на качество и на чёткость, что в условиях дивизионной радиосети, да ещё с молодыми и даже начинающими радистами на принимающей стороне позволяло бы обеспечить правильный приём выдаваемого сообщения.

Как-то раз я получил приказ командира роты явиться в расположение обоза роты связи и подготовить к сдаче хранящиеся там 4 радиостанции РБС. Обоз находился в посадке у железной дороги, между переездом и станцией Котлубань. Днём ходить по степи безопасно можно было, только когда в небе не было вражеской авиации. Выбрав такой момент, я быстро направился к посадке, однако вскоре послышался всё нарастающий звук моторов – звено немецких бомбардировщиков приближались с юга, и мне пришлось залечь. Как только самолёты пролетели над нашими позициями и начали удаляться в северном направлении, я встал и благополучно добрался до места. Там, часа за полтора, я осмотрел и почистил радиостанции, после чего сдал их замкомроты мл. лейтенанту Васину.

После продолжительного сидения в окопах на командном пункте, здесь, в тени деревьев, было так хорошо – вместо кажущейся безжизненной бесконечной степи приятно, под дуновением ветра, шелестели начавшие уже желтеть листья клёнов.

В посадке были замаскированы брички, а поодаль, среди густых клёнов, была устроена коновязь и ясли для лошадей. Посреди этого небольшого

лесного «оазиса» находилась полянка; вот под клёнами, на краю этой полянки мы с мл. лейтенантом и прилегли, решив, раз представилась возможность, чуть отдохнуть. Я подскрёб в кисете последние крошки махорки и закурил самокрутку (Васин до этого был некурящий).

Совершенно неожиданно, почти беззвучно, на бреющем полёте, в небе над нами показался истребитель «Мессершмитт», который, скорее всего, возвращался с операции, израсходовав боекомплект. Пролетая над нами, лётчик в шлемофоне накренил на одно крыло самолёт и погрозил нам кулаком. Младший лейтенант Васин, сам бывший радист-стрелок, списанный в пехоту после ранения, а до этого летавший на бомбардировщике, глядя на фашистского лётчика, видимого нам по грудь сквозь прозрачный колпак-обтекатель, с досады заскрипел зубами и проговорил: «Сам бомбил, но впервые почувствовал, что чувствует человек, над которым пролетает боевой самолёт!», – и продолжил:

- Если бы у меня сейчас был табак, я б закурил!

В расположении командного пункта воспрещалось всякой передвижение в светлое время суток, да все, кто там находились, чувствовали себя под постоянным наблюдением противника (почти непрерывно висящей в небе «Рамы») и старались лишний раз даже не выглядывать из окопа. Но мало-помалу, убеждаясь в том, что лётчик «Фокке-Вульфа», в сущности, ничего не видит, солдаты стали вести себя в расположении командного пункта всё вольнее и увереннее, даже собирались небольшими компаниями, чтобы о чём-либо поговорить друг с другом.

Воду теперь, и на командный пункт, и в другие подразделения, подвозили в достаточном количестве, потому с этого времени бойцы и умывались, и брились, и стирали себе подворотнички гимнастёрок регулярно.

Для солдат и офицеров переднего края был организован армейский «дом отдыха», куда лучших посылали на несколько дней, чтобы они могли привести себя в порядок, помыться, спокойно поспать в постели, хоть немного

отключиться от постоянного фронтового напряжения (да и питание здесь было улучшенное).

Попал в этот «дом отдыха» и сержант Гребенюк, когда-то начинавший свой фронтовой путь в моём отделении, а позже переведённый в стрелковый батальон. Возвращаясь из «дома отдыха», он зашёл к нам, мы вместе посидели, поговорили, покурили. Из его рассказа мы узнали, что он теперь командует стрелковым взводом, но, когда я предложил ему перейти обратно к нам, он с радостью согласился. Чуть позже, при первой же возможности, я доложил начальнику связи об этом разговоре, тот решил вопрос, и вскоре Гребенюк вернулся в моё отделение радистом.

Организация «дома отдыха», налаженное бесперебойное (и, что немаловажно, в достаточном количестве) снабжение войск продуктами и вещевым довольствием – то, что каждый из нас, находящихся на фронте, почувствовал на себе, начиная с осени 1942 года, всё это свидетельствует о том, что сухие и даже бюрократичные слова про «заботу партии и правительства» о солдате были реальностью грамотно (а принимая во внимание условия войны – часто и талантливо) организованных малых дел и больших мероприятий.

Можно только удивляться, как в те напряжённые месяцы боёв за Сталинград, где на сравнительно небольшой площади были сосредоточено так много войск, удавалось успешно решать вопросы снабжения продовольствием и другим необходимым. Только первые 3– 4 дня по прибытию на фронт к Сталинграду мы испытывали некоторые перебои в снабжении, связанные с тем, что тылы дивизии не прибыли и не организовались. Особенно удивляет, как нас на фронте всегда удавалось снабжать свежим печёным хлебом, – как чётко работала дивизионная ПАХ (передвижная автомобильная хлебопекарня)!

В один, как почти всегда – солнечный, день вблизи моего окопа собралось несколько человек. Каждый из нас занимался своим делом: я осматривал и подсушивал стоявшие в окопе аккумуляторы, ефрейтор Щечилин, работавший до войны парикмахером и имевший набор бритв, брил сидевшего

на земле командира взвода разведчиков. Как обычно, в небе над нами медленно кружила, иногда переваливаясь с крыла на крыло, немецкая «Рама». Эти самолёты, кроме аппаратуры, предназначенной для ведения воздушной разведки, имели ещё довольно мощное пулемётное и пушечное вооружение и 4 небольшие бомбочки.

Мы, за время, проведённое здесь, в степи, успевшие привыкнуть к этому, почти беспрерывно висящему над нами, «безобидному» самолёту, уже не обращали на него никакого внимания. И вот наблюдатели на авиаразведчике, скорее всего, желая проверить, находятся ли внизу солдаты противника (т. е. мы), бросили свои бомбы.

Сквозь привычный гул мотора «Рамы» мы вдруг услышали характерный, с понижающейся высотой и увеличивающейся громкостью звука, свист. Солдаты совершенно непроизвольно, по уже выработавшейся на фронте привычке, ещё не успев сообразить, откуда возникла опасность, в один–два прыжка заскочили в находящийся в непосредственной близости, мой окоп.

Тут же, не так далеко от нас, раздались несколько взрывов. 1–2 минуты мы, втроём в одиночном окопе, ждали, последует ли продолжение: в самом низу находился Щечилин, в вытянутой вперёд руке крепко сжимая раскрытую опасную бритву, на лезвии которой ещё не высохла пена; на «парикмахере» лежал разведчик; сверху же, хотя в момент сбрасывания немцами бомб находился ближе всех к своему окопу, оказался я.

Ещё минут десять, уже разместившись более удобно, как это только позволяли размеры окопа, мы настороженно и смирно находились в этом укрытии, ожидая артналёта, который мог быть организован противником по наводке лётчика, однако, видно, в этот раз тому ничего подозрительного не удалось обнаружить.

Бывало, что по «Раме» некоторые солдаты открывали огонь из пехотного оружия: из автоматов, винтовок, а старшина комендантского взвода Пешков А. Ф. – из СВТ [самозарядной винтовки Токарева]. Однако, видя, как

самолёт продолжает свой полёт, не обращая внимания на наши выстрелы, охотников стрелять становилось всё меньше; те же, кто продолжал, делали это больше для того, чтобы излить через стрельбу свою досаду. Наверное, кто-то даже считал, что сбить этот самолёт не суждено никому, ни с земли, откуда не достать даже зениткам, ни с воздуха.

Как-то «Рама», уже обыденно, кружила над нами, но к уже привычному звуку её мотора стали примешиваться, всё нарастая и нарастая, звуки каких-то незнакомых для нас двигателей.

Глаза всех наших бойцов, что находились на позициях, устремились в небо, – с севера, вырастая в размерах, стремительно приближался чёткий строй девятки штурмовиков со звёздами на крыльях (позже Щечилин подсказал, что это Ил-2).

Мы не знаем, как немецкий лётчик заметил приближение эскадрильи наших самолётов, но через несколько мгновений управляемый им аппарат с непривычной для нас прытью взревел, круто взмыв вверх и скоро скрылся за горизонтом, в направлении немецкого тыла. Этой картиной, обычно – важно-неторопливой, сейчас же – удирающей «Рамы» наши солдаты были очень довольны: «Так вот кто в доме хозяин!». Кстати, ракет Ил`ов боялись не только пехота и танки противника (называя этот самолёт «Чёрная смерть»), но и даже хорошо вооружённые и скоростные немецкие истребители «Мессершмитт».

Однажды, отдыхая в окопе, я услышал какую-то суматошную стрельбу из стрелкового оружия: густой треск пары десятков автоматов, беспорядочные выстрелы винтовок. С одной стороны, это не было похоже на начало боя, с другой стороны, так никогда не стреляли и по «Раме». Высунувшись из окопа, я увидел, как над нашим командным пунктом, тяжело взмахивая неуклюжими крыльями, низко летели, вытянув шеи и отставив длинные мощные лапы, дрофы.

Эти, не очень приспособленные к полёту степные птицы, очевидно, совершали пешую часть своего осеннего перемещения к месту зимовки, а может быть, искали новую стоянку взамен привычной, потревоженной войной.

Летели они нестройной (и по высоте, и по «колонне») линией, на расстоянии нескольких метров друг от дружки, и было их десятка 2–3. Вот одна из них, подбитая пулей, начала падать, а солдаты бросились её искать. Самым удачливым, шустрым или внимательным оказался старшина Пешков с СВТ в руках – подобрав птицу, он заявил всем, что это именно его меткий выстрел подбил дрофу. Всем остальным пришлось согласиться, т. к. проверить, чья именно пуля среди всех, выпущенных из нескольких десятков стволов, было невозможно.

В один из октябрьских дней (уже ближе к ноябрю) приехал к нам, на командный пункт, старшина и сообщил, что, для исполнения распоряжение командира полка всем готовиться к зимовке на этом месте, он получил приказание от командира роты доставить сюда необходимое количество леса для постройки землянок. Но так как ближайшая тополиная роща на контролируемой нашими войсками территории находится за 70 километров, вблизи реки Дон, он сможет дать радистам и телефонистам лишь несколько брёвен, а командирам отделений надо самим сообразить, как при этом минимальном количестве соорудить просторное и тёплое солдатское жильё.

Вот мы начали «ломать голову». Бывая в батальоне связи, я видел, как там, в глубоком овраге, выкапывают в его отвесной стене целые комнаты, и даже без всякого крепления потолка твёрдая сухая глина не обваливалась. Но там, у них, был овраг, а у нас – ровное место.

Но вот кто-то предложил: раз нет оврага – надо его создать. Выкопали мы глубокий (метра два с половиной глубиной) окоп, в одном его углу оставили приступку – под столик для радиоаппаратуры. На полметра выше дна выкопали в отвесной стенке окопа нишу пещеры высотой около метра и глубиной метра полтора. Из окопа вывели наружу земляную лестницу. Прикрыли окоп

несколькими осиновыми брёвнышками, а перед входом на лестницу повесили плащ-палатку – получилась, хоть и довольно низкая, но достаточная для пяти человек, тёплая землянка. Её, метровой толщины, глиняный потолок, от близко разорвавшихся снарядов и авиабомб не обвалится, ну, а прямого попадания не выдержат и несколько накатов брёвен.

Командир роты мл. лейтенант Чебоненко, который до войны работал механизатором, хорошо знал и жестяное дело. Из железа, снятого с крыши разрушенного у железнодорожного переезда домика, он на куске рельса с помощью деревянной киянки изготовил достаточное количество железных печек с трубами. Такую печурку с трубой привёз старшина и нам, мы, конечно, установили её в своей землянке. Попробовали растопить её полынью, целые заросли которой имелись неподалёку, – получилось, но топить постоянно пока ещё не настала пора.

Я ещё с детства болел малярией, но уже много лет эта болезнь меня не тревожила, а тут вдруг начался приступ, через день – второй. Я обратился к врачу Колупаеву И. Н., который жил и принимал больных в светлой просторной землянке метрах в 20-ти от нашей. Доктор направил меня в санроту, попросив отвести туда же солдата-узбека, не понимающего по-русски и поэтому рискующего не дойти туда самостоятельно.

Санрота располагалась в той же посадке за железной дорогой, у переезда, где стоял и обоз роты связи. Часа за полтора мы прошли отделявшие нас от этого места 4–5 километров, и попали в большую палатку, где вела приём врач полка военврач III ранга Чучалова Анна Васильевна.

Посадив на табурет узбека, она спросила:

- Что болит?

Тот, поглаживая себе живот, ответил:

- Кулса́н [«курсант»; скорее всего, имея ввиду самого себя, молодого солдата] бальна́, ой-ой бальна́, бира́м [очень, узб.] бальна!

Анна Васильевна достала какой-то флакон с притёртой пробкой и налила из него в небольшую мензурку грамм 100, в нос сразу ударил запах спирта.

- На, выпей! – подала она мензурку больному солдату.

Тот, понюхав, запрокинул голову и выпил содержимое, зажмурив глаза, потом, довольно зачмокал и произнёс:

- Ай, якши́ [хороший, узб.]! Ай, до́ктал якши!

Мне же врач дала проглотить акрихин, после чего показала нам свободную палатку, в которой мы прожили три дня. Приступы у меня больше не повторялись, и я был выписан.

При выписке я попросил доктора Чучалову дать мне направление в баню, которая, по причине недостатка воды, работала редко, и чтобы там помыться, требовалось специальное направление. Вначале в бане мне было отказано, но, когда я, поблагодарив за приём и помощь, уже пошёл, Анна Васильевна окликнула меня и вручила бумажку-направление, объяснив мне, где находится баня (это оказалось по пути к командному пункту).

Всё время нашего пребывания под Сталинградом стояла ясная сухая, безоблачная погода. За два этих месяца ни разу не было не только дождя, но даже густой облачности (мы и перестали надеяться на нелётную погоду, которая бы смогла помешать бомбардировщикам или самолёту-разведчику противника подняться в воздух). Хотя календарно уже началась осень, но в этих местах всё ещё продолжалось самое настоящее лето, иногда – жаркое, но чаще – просто тёплое.

В баню я шёл широкой разъезженной дорогой, на которой слой сухой пыли достигал, наверное, сантиметров 15–20, так что ступня утопала там. Помню, когда этим же путём мы направлялись на командный пункт первый раз, никакой дороги ещё вообще не было. От поднимающейся из-под ног клубов пыли дышать было тяжело, и я сошёл в сторонку и дальше двинулся по стёжке.

Я нашёл «баню», выкопанную в земле, в небольшой ложбинке. Вполне просторная (по скромным фронтовым условиям), обшитая тёсом, с деревянным

полом. Я с наслаждением помылся (хотя воды дали мало), сменил бельё и на закате вышел из бани.

Быстро дошёл до дороги и тут заметил, что, хотя солнце зашло совсем недавно, вокруг стало не привычно темно. Посмотрев на небо, я увидел, что оно затянуто чёрными тучами. Налетел ветер, который поднял в воздух пыль, и от этого стало ещё темнее. Начал накрапывать дождь, и я развязал плащ-палатку. Только успел накинуть её, как дождь полил прямо «как из ведра».

Завернувшись в плащ-палатку и склонив голову, я полнейшей темноте, несколько раз сбиваясь с пути, шагал вперёд, нащупывая ногами пыль, превращающуюся в грязь [далее – тетрадь 11], снова возвращался на дорогу. Через некоторое время – опять сбился, поворачивая направо–налево, окончательно сбился с правильного маршрута и направился в том направлении, где, как мне казалось, должен быть передний край.

Часов у меня не было (я привык определять время и без них). Иду второй час, а командного пункта не видно, не слышно. Тогда я понял, что дальше идти нельзя – так и на немецкие позиции забрести не трудно (если я уже не попал туда).

В обычную ночь немцы постоянно вели огонь, часто пускали ракеты, и передний край, таким образом, был чётко обозначен. Сегодня же, в такой ливень, всё, как будто погрузилось под воду, и, кроме льющейся с небес, а затем – соприкасающейся с землёй воды, ни звука. Как радисту мне это напоминало поиск нужной частоты, на которой тебя ждёт отвечающая сторона, но вместо этого в наушниках – только шум, нет связи.

Прошло ещё минут 10–12 в моих бесплодных попытках найти (увидеть или услышать) хоть какой-нибудь знакомый ориентир, и я, нащупав ногами небольшую ложбинку, принял решение – улёгся в неё, как можно более плотно завернувшись в плащ-палатку. Под шум дождя моментально заснул.

Проснулся с рассветом, может быть, ещё и потому что окончился дождь. Воздух, профильтрованный долгожданным и для природы, и для людей ливнем, был чист и свеж, как где-нибудь в горах.

Что-то «ёкнуло» в груди, точнее – на груди, – там, забравшись под плащ-палатку, сидела крупная коричневая лягушка. Вот какое мне было оказано доверие! До сей поры в этой местности нам не приводилось встречаться с этими земноводными, да и как, казалось, могут они жить в таком сухом климате! Выходит, жили, да ещё и такие радиосвязисто(т. е. меня)любивые!

Осмотревшись по сторонам, я быстро сориентировался, поняв, что остановился метров 200 от нашего переднего края. Выходит, если б ещё полчаса ночной прогулки, попал бы я, как кур в ощи́п, к немцам.

Когда я вернулся в свой окоп, на командный пункт, радисты мне рассказали, что в моё трёхдневное отсутствие был серьёзный обстрел этих наших позиций – в течение более десяти минут рвались вокруг окопов артиллерийские снаряды, однако прямых попаданий, к счастью, не случилось. Один из снарядов разорвался в метре от землянки радистов, но наше зимнее жилище выдержало, хоть и не имело никаких, кроме само́й земли, дополнительных подпорок.

Прошедшие события показали, что нашей дивизии не хватает тяжёлого артиллерийского вооружения, и вот, не знаю по чьей инициативе, началась кампания по сбору средств на изготовление гаубичной батареи. Стрелки́ и артиллеристы, солдаты и командиры (слово «офицеры» по отношению к командирам любого уровня в Красной армии тогда не употреблялось) единодушно, на собраниях в ротах, на страницах дивизионной газеты, выступали в поддержку идеи собрать всем миром, внося, кто сколько может, денег для приобретения гаубиц. Все понимали, что этим мы облегчим борьбу с врагом, приблизим свою победу, которой, с таким нашим приобретением, будет принесено, хоть немного, но меньше жертв – человеческих жизней, здоровья, страданий.

Приближался праздник 25-й годовщины Великой октябрьской [<социалистической>] революции. Все последние недели, начиная с подхода на эти позиции, подразделения полка вели работы по усовершенствованию нашей обороны: углублялись траншеи, выкапывались хода сообщения, строились землянки, на переднем крае устанавливались минные поля, а разведчики непрерывно прощупывали оборону противника.

В праздник (7 ноября) всему личному составу было выдано по 100 грамм спирта и улучшенный обед. Норма продовольствия на каждого солдата была строго определена, и уменьшить её, чтобы скопить что-то к празднику (так же, как и увеличить в праздник), было нельзя. Поэтому, чтобы создать праздничное настроение и в еде (как это было, наверное, в любой семье в мирное время), наши повара решили приготовить что-нибудь вкусное, необычное – они напекли на каждого по два пирога с пшённой кашей.

Казалось бы, что в этих пирогах необычного, подумаешь, пироги с кашей! Но для солдат, после однообразного питания, которое ежедневно было представлено супом и кашей (а иногда – только густым супом), эти пироги были не менее вкусными, желанными, как сейчас[1] торт или пирожное. Конечно, повара и их помощники потратили на этот сюрприз много своих дополнительных сил и времени, но солдаты, получившие через это стряпанное, как будто, привет из дома, были благодарны работникам кухни.

Если не считать этот кулинарный подарок, в остальном праздник мы встречали без радости – враг занял огромную часть нашей Родины (а в эти дни пытается захватить город, носящий имя нашего вождя и Верховного Главнокомандующего, а на юге бои идут на склонах и перевалах Главного Кавказского хребта), где-то в тылу, далеко от нас, как-то там справляются наши родные, а кто-то уже потерял на этой войне своих близких, друзей.

Всё более становилось понятным: противник выдыхается в этом столкновении под Сталинградом (как надорвался он год назад, под Москвой).

[1] Мемуары писались в 80-е годы, когда большинство советских семей покупали либо готовили торты и пирожные по праздникам.

Ещё в канун праздника, 6-го ноября, мы, затаив дыхание, слушали доклад тов. Сталина на торжественном заседании в Кремле. Я сидел у радиостанции, надев наушники, но, чтобы и остальным находившимся в землянке было слышно, один телефон повернул мембраной наружу. В руках у меня был карандаш, передо мной лежала бумага, но, когда зазвучал знакомый голос вождя, я весь отдался словам и смыслу доклада, просто забыв о том, что собирался кратко стенографировать.

Фраза «и на нашей улице будет праздник!», которой закончился доклад Сталина, запомнилась и заставила нас (пусть не вслух, а про себя), вернуться к тем спорам, когда мы размышляли на самую волнующую тему – «Когда же кончится война»: какие военные усилия предстоит предпринять, чтобы выдворить фашистов, добравшихся уже до Волги? скольких юных, молодых жизней будет это стоить? сколько ещё здоровых мужиков будет искалечено?

Мы понимали, что ответы на эти вопросы зависели и от нас, хотя были среди нас считанные единицы таких, кто не верил в победу, разуверился в силе нашей армии, считая, что такого врага невозможно победить, те, кто смирился с мыслью о неизбежности своей гибели и, потеряв волю, воевал механически.

Политработники нашего полка, читая и разъясняя после праздника доклад тов. Сталина, говорили нам, что слова «и на нашей улице будет праздник!» относятся не к отдалённому будущему, а к самым ближайшим событиям. И, хотя некоторые слушающие качали в сомнении головой, но всё же, как и все остальные, призадумались, гадая, когда и где мы сможем врезать немцу так, чтобы этот праздник, наконец, настал. Большинство сошлось во мнении, что такое событие случится, как и в 1941 году, в декабре под Москвой. О том, что это начнётся у нас, под Сталинградом, да ещё не в декабре, а раньше, ни у кого даже в мыслях не было, ведь никаких признаков подготовки к крупному наступлению здесь не было заметно.

3-я часть главы III

«Дави фашистского гада у Сталинграда!»

19 ноября, на рассвете, я вышел из нашей землянки и в полумгле ранних сумерек увидел у землянки командира не только самого майора Шухина, но и стоящих рядом с ним штабных офицеров. Все они стояли, повернувшись лицом на запад, и тут я обратил внимание, с одной стороны, на необычную тишину на нашем участке фронта, с другой стороны, – на далёкий сплошной (отдельных выстрелов и разрывов слышно не было, они сливались в непрерывное гудение) гул артиллерийской канонады. Несмотря на то, что звук этот доносился издалека и в морозное раннее утро был слышен, хотя и ясно, но достаточно тихо, сразу обращали на себя внимание мощь и плотность ведущегося артиллерийского огня. Масштабность начинающего события, подготавливаемого сотнями орудий, одновременно и завораживала, и пугающе настораживала. Чьи орудия ведут огонь, какая сторона начинает мощное наступление?

В этот момент ко мне подошёл начальник связи ст. лейтенант Логачев и с не скрываемым воодушевлением сказал:

- Вот и начался на нашей улице праздник!

Как позднее мы узнали, в этот день, 19 ноября 1942 года войска Юго-Западного фронта и 65-я армия нашего (Донского) фронта в 7 ч. 30 минут утра начали мощную артиллерийскую подготовку, а в 8 ч. 50 минут их стрелковые и танковые соединения пошли в наступление. После тяжёлых, почти 6-месячных оборонительных боёв, в ходе которых наши войска отошли от северного Дона к Волге, начавшаяся наступательная операция, действительно, была, как праздник – долгожданна и радостна. Позже, уже в январе, завершая разгром попавшей под Сталинградом в окружение немецкой группировки, 76-я стрелковая дивизия и 51-я дивизия пойдут в атаку, как на праздник, под музыку оркестра.

Наступавшая на правом фланге нашего фронта 65-я армия была преобразована из 4-й танковой армии, в которую входила и наша дивизия с начала боёв под Сталинградом до конца сентября. Когда управление 4-ой танковой армии и некоторые, входившие в неё, соединения были отведены на переформирование, наша дивизия, как сохранившая ещё некоторую боеспособность, была передана вместе с занимаемым ею участком обороны в 24-ю армию.

Узнав, что поднявшийся отдалённый орудийный гул – это начало контрнаступления наших войск, я не мог утерпеть и кинулся в землянку, чтобы обрадовать остальных радистов, которые сразу выскочили на улицу, чтобы, хотя бы слушая эти звуки, быть сопричастными такому событию. Можем предположить, что немцы, находящиеся по другую сторону линии фронта, тоже с изумлением слушали эту нашу своеобразную утреннюю зо́рю[1], едва ли предполагая, что им предстоит в ближайшем будущем. «Непобедимые» покорители Европы, они и не представляли, как будут выглядеть через каких-то два с небольшим месяца!

Тем временем на нашем участке фронта никаких изменений не было. Через день, 20 ноября в 10 часов утра начали наступление армии Сталинградского фронта. Когда 23 ноября войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились в районе хутора Советский, вся группировка отборных немецких войск, численностью более 300 тысяч человек, оказалась в окружении. Таким образом, наша дивизия из положения обороняющихся сил перешла в позицию охраняющих окружение.

В этом положении могло появиться настроение самоуспокоенности и беспечности (разъяснительную работу о недопустимости этого проводили политработники), но окружённый противник, как затравленный зверь, был опасен своею обречённостью, – у немцев было ещё много боеприпасов и

[1] Зо́ря – утренний сигнал к сбору в русской армии.

горючего, их многочисленные танки могли атаковать наши позиции и нанести нам серьёзные потери.

По ночам состояние боевой готовности подразделений систематически проверялось работниками штаба. Так, нас, радистов, поражала неутомимость и отвага начальника связи полка ст. лейтенанта Логачева А., который на протяжении всей ночи с подобным заданием начштаба и комполка мог бегать по переднему краю, только к утру возвращаясь на командный пункт, смотрим – а у него пилотка пробита, дыра от пули в шинели, а днём, после этого, он успевал ещё делами связи заниматься!

Осень брала своё: ночью и по утрам стало морозно, кусты полыни и трава стали покрываться густым слоем инея, сначала он после восхода солнца таял, но вот уже и, всё более скромное, солнечное тепло перестало справляться с этой задачей. Изредка в воздухе кружили редкие снежинки, как бы нехотя, в конце концов, опускаясь на землю. Настоящего снега, с которым у нас, в Сибири, уже в середине, в крайнем случае – в конце октября, приходит зима, здесь всё ещё не было; постепенно из уже не тающей росы и упавших одиноких снежинок на земле образовался тонкий слой подобия снежного покрова, который не закрывал даже низкой, выгоревшей за осень, нетоптаной солдатами травы.

Теперь приходилось топить в землянке печку уже почти круглые сутки. Для этого днями заготавливали топливо – толстые стебли высокой полыни; отсырев на воздухе, они не ломались, и мы их сворачивали в пучки. Охапки таких полынных пучков заносили в землянку и складывали около дежурного радиста, в обязанности которого теперь входила и задача поддержания тепла печи. Просохшая в помещении полынь моментально вспыхивала и быстро прогорал; если положить несколько пучков полыни, то огонь вырывался из трубы и демаскировал командный пункт, что было недопустимо, а если прозеваешь и подложишь очередной пучок позже, чем нужно, то он уже не загорался (а спичек было мало, и их старались экономить).

В связи с похолоданием все солдаты были переведены на зимнюю форму одежды: тёплое бельё, тёплые портянки, стёганые брюки, полушубки, шапки-ушанки, шерстяные подшлемники и добротные, белого, маскировочного для зимы цвета, шерстяные валенки. Обувая валенки, я сдал старшине кирзовые сапоги, которые я получил ещё в ноябре 1941 года, ещё в 71-й стрелковой бригаде, и проносил больше года. Я с благодарностью вспоминаю эту свою безотказную обувку, – свободные во взъёме, сапоги удобно сидели на ноге, в них я, никогда не натирая мозоли, легко совершал многодневные марши.

Но вот пришло нам время наступать. Так как дивизия имела всего 2–3 сотни штыков, для усиления ей придали штрафной батальон в составе 5 рот (по численности это превосходило состав нашей дивизии раза в два). Этот батальон был включён в 888-й стрелковый полк и занял исходные позиции и, ещё не закончив сосредоточение, сходу начал наступление.

Средств артиллерийского усиления мы не получили. Правее нас действовали другие дивизии 24-й армии, общая задача которых состояла в овладении хутором Вертячий – хорошо укреплённым опорным пунктом противника, расположенным у самой малой излучины Дона.

Приданный нашей дивизии штрафной батальон действовал на правом фланге атаки (хотя на участке нашего полка активных боевых действий не было). Днём, когда начал наступать 888-й полк, мы сидели в своей землянке, к ней на новеньком вездеходе марки «Ви́ллис» подъехал нач. связи дивизии капитан Дудников, вызвал меня из землянки и приказал немедленно, с радиостанцией и одним радистом, садиться в машину, добавив:

- Сейчас поедем.

Я поинтересовался:

- Куда, товарищ капитан?

- В штрафной батальон, - получил я ответ, который ввёл меня в ступор.

- За что?! – ошарашено спросил я.

- Не за что, а как лучший расчёт радиостанции, для поддержания связи между штабом и штрафным батальоном, ведь сейчас вся сила дивизии в этом батальоне, – ответил капитан.

Я, в целом, знал обстановку, и приказал мл. сержанту Фроленкову помочь мне свернуть рацию и ехать со мной. Мы быстро вынесли рацию, уложили её в машину, Фроленков залез в кузов, а я опять направился к землянке, но тут капитан крикнул:

- Куда? Садись быстро!

- Одну минуту, – я сбегаю за винтовками, – попытался предложить я.

- Некогда! А винтовок там много; понадобится – подберёшь, – закончил разговор капитан.

В кузове автомобиля места не было (там и так было под завязку – кроме шофёра, капитана и моего связиста уже сидели два солдата), я забрался на капот, а чтобы не мешать шофёру, мне пришлось лечь, плотно прижавшись к тёплому, нагреваемому работающим мотором, металлу машины. «Виллис» без дороги, напрямик, тронулся с места, пытаясь сбросить меня как лишнего пассажира, но мне удалось ухватиться руками за какие-то углубления с боку корпуса машины.

Доро́гой мне капитан рассказал, что в штрафном батальоне действовала радиостанция из 886-го полка, но разорвавшимся у самой траншеи осколком мины она была разбита, а начальник радиостанции сержант Плеханов получил лёгкое ранение, именно поэтому нас посылают на замену. Так как днём на командный пункт этого батальона попасть нельзя, нас довезут до наблюдательного пункта начштаба дивизии полковника Джалаухова, а оттуда, дождавшись темноты, мы с Фроленковым должны пробраться до места сами.

Вскоре, проехав возможную часть пути, мы с мл. сержантом выгрузили радиостанцию, не разворачивая, поставили её на наблюдательном пункте. Этот пункт был оборудован на возвышенности, с которой хорошо был виден наш юго-западный фланг атаки – низину, где, вклиниваясь узкой полосой на

глубину до двух километров в позиции противника, вёл наступление штрафной батальон.

Как раз в это время к наблюдательному пункту подошла 5-я рота этого батальона; здесь, перед вводом в бой, солдат кормили обедом.

Наблюдательный пункт имел два бетонных колпака с широкими амбразурами; в правом из них, через стереотрубу, вёл наблюдение за полем боя полковник Джалаухов; в левом – устроился я. Невооружённым взглядом далеко впереди, справа, чуть заметно была видна траншея, из которой начал наступление штрафной батальон. Так как траншея эта глубоко вклинивалась в позиции фрицов, она с трёх сторон простреливалась пулемётным и автоматным огнём. В данный момент там рвались вражеские снаряды, то закрывавшие траншею ярко-чёрными столбами взрывов, то, как будто щадя людей, попавших в такое пекло, падающие рядом – до бруствера или за ним.

Я с напряжением наблюдал за боем, ведь такое радисту обычно не удаётся – в самые напряжённые минуты он должен всё своё внимание отдавать радиосвязи, от которой зачастую зависит жизнь бойцов не меньше, чем от точности выстрелов, плотности огня или надёжности заслона (солдатской каски, брони танка, земляного укрытия окопа). А так хочется хоть одним выстрелом помочь своим, хоть одного вражи́ну подстрелить, пусть бы хоть звук выпущенной тобою пули просвистел у уха ненавистного врага. С такими чувствами каждый раз заставляешь себя во время боя вести эфир – передавать, принимать сообщения, команды, помогающие нанести противнику урон больший, чем твоя пуля.

[Далее – тетрадь 12.]

Незадолго до заката солнца 5-я рота штрафного батальона стала выдвигаться на позиции. С наблюдательного пункта было ясно видно, как в долине, вытянувшись в цепочку, в затылок друг другу, солдаты продвигались к переднему краю. Скорее всего, такие перемещения были видны и противнику, потому что с его стороны начался артиллерийский обстрел этого участка.

Некоторое время снаряды ложились справа и слева от двигающейся колонны наших бойцов, но вот один снаряд разорвался всего в 2–3 метрах от солдата, идущего первым, тот вроде бы продолжил своё продвижение вперёд, но, когда дым от взрыва рассеялся, я увидел, что направляющий лежит, очевидно, сражённый осколком насмерть. Те, кто двигался за ним, обходя мёртвого товарища, всё так же упрямо шли в направлении траншеи немцев и вот уже достигли её, и друг за другом стали там пропадать; по изредка мелькающим каскам было понятно, что рота взяла этот рубеж противника.

Очень скоро стемнело, и мы с Фроленковым, взвалив на плечи радиостанцию, двинулись в ту же, в отвоёванную у немцев 5-й ротой, траншею. Минут через тридцать были на месте, нашли блиндаж командира батальона.

Зайдя внутрь, я увидел на земляной приступке, накрытой плащ-палаткой, сидит, поджав ноги, капитан; на столике перед ним стояли тарелки с какой-то едой; в углу, с телефонной трубкой у уха, сидел телефонист. Доложив о прибытии радиостанции, я спросил, где разворачивать аппарат. Капитан ответил, что это можно сделать где-нибудь в траншее.

Вернувшись в траншею, выкопанную в глиняной земле, с высоким бруствером, я огляделся и сразу понял, что такое укрытие, а точнее, почти полное отсутствие укрытия (несмотря на достаточную глубину – в человеческий рост) мало подходит для надёжной работы связиста, т. к. это пространство с трёх сторон простреливалось и не могло надёжно защитить ни от пуль, ни от снарядов. Только за то время, пока я оценивал обстановку, совсем рядом, то впереди, то сзади, то слева, то справа, с глухими хлопками разорвались несколько неприятельских мин, а неглубокие, но частые воронки от предыдущих попаданий виднелись и на бруствере, и на задней стене траншеи; скорее всего, такой же вот миной и была разбита предыдущая радиостанция (она, со следами разломов, стояла здесь).

Но более приемлемых вариантов не было, и мы, углубили и расширили, уже́ имевшуюся в передней стене траншеи нишу, после чего установили в ней

радиостанцию, прикрыв её плащ-палаткой, а для защиты её от осколков прилетающих мин насыпали перед ней достаточно солидный бугорок земли. Когда мы и сами забрались в подготовленную для работы нишу, стало понятно, что здесь даже значительно теплее, чем в траншее.

Вступив в связь с радиостанцией 888-го полка, я оставил Фроленкова дежурить на приём, а сам стал соображать насчёт ужина. Так как мы, собранные в срочном порядке, прибыли в этот батальон без аттестата, пайка для нас не полагалось. На мой запрос, который я сделал через телефонистов командиру роты связи, мне велели послать к ним кого-либо с котелками для получения питания. Отправив мл. сержанта (Фроленкова), единственного подчинённого мне здесь бойца, я потом уже сообразил, что за 4 километра ночного пути по морозцу, принесёт он мне, в лучшем случае лёд, в худшем – просто прольёт.

В это время пришли старшины штрафного батальона и стали раздавать обед своим солдатам, а так как после прошедшей атаки в личном составе были потери, то термоса с супом и кашей, да ещё много спирта у них осталось. Увидев, что один из старшин не знает, куда девать эти излишки, я, объяснив, как и зачем здесь оказался, попросил накормить и меня. Он сказал:

- Подставляй котелок! Хочешь – налью спирта, – наложил мне каши с мясом и налил в кружку спирта.

Глотнув немного (остальное вылил, чтобы освободить кружку для воды), я поел кашу (тоже не справился с их порцией).

Вскоре вернулся, ругаясь себе под нос, Фроленков, ухитрившийся донести в котелке суп, на поверхности которого уже плавали льдинки.

Прошла ночь. Заканчивался день, и солнце уже шло на закат, когда телефонист сообщил нам, что с наблюдательного пункта полка поступило сообщение: в нашем направлении двигаются пять немецких танков; кроме того, нас предупреждали, что из траншеи, из-за небольшого взгорка, их до последнего, скорее всего, видно не будет, а гул их моторов может потеряться в

шуме постоянных разрывов мин. Тут подошёл капитан и приказал приготовиться к отражению танковой атаки. Бутылок с зажигательной смесью, противотанковых гранат или ружей у нас не было, а вчера начальник связи дивизии мне даже наши с сержантом ружья из землянки не позволил захватить, поэтому я, полазав по траншее, подобрал несколько гранат РГД и разложил их под бруствером, а Фроленкову приказал внимательно слушать вызова, т. к. в случае танковой атаки телефонная связь может быть порвана, а значит, надо быть готовыми все переговоры вести через радиостанцию.

Найдя в траншее приступку, я встал на неё, выглядывая через бруствер, благо, в это время обстрел наших позиций подозрительно прекратился, хотя с флангов всё так же периодично рвались снаряды. И тут я заметил, как со стороны противника показались маленькие коробочки танков, они быстро росли и приближались к нам, уже почти достигнув тех холмиков, за которыми лежали солдаты батальона.

Не открывая огонь ни из пушек, ни из пулемётов, танки миновали цепи наших рот, и у нас под ногами уже начала чувствоваться вибрация земли от движения этих тяжёлых машин. Пушка танка при его приближении казалась, почему-то, короткой и мирной. Опять не знаю, из-за чего, но из всей этой махины взгляд выхватил, ужé с чувством холодящей опасности, ствол пулемёта – было почти физическое ощущение, что вот-вот – и из него появится прерывистое пламя, а перед нами, всё ближе и ближе, там, где в землю вопьются горячие пули, поднимутся пыльные фонтанчики.

В голове мелькнуло: «Пора!», и я взял в правую руку подготовленную ранее связку из пяти гранат РГД (схватив за рукоятку центральную гранату, в которую был вставлен запал; остальные четыре были привязаны так, что рукоятки смотрели в противоположную сторону). Я приготовился оттянуть рукоятку, чтобы поставить её на боевой взвод, но в это мгновение телефонист закричал:

- Танки наши! Это наши, наши танки!

Мелькая убегающими сверху вниз гусеницами, танки подходили к траншее, где мы никак не могли поверить, что стремительная машина, несущая смерть, оказалась другом, но, наконец-то, признали знакомые силуэты Т-34, до этого не различимые в лучах заката, слепящих нас с запада.

Как выяснилось позже, эта танковая группа атаковала противника в полосе наступления нашего правого соседа и, протаранив вражескую оборону и израсходовав все боеприпасы, на последнем горючем выходили к своим на нашем участке.

День, исключая этот эпизод с танками, прошёл в обычной перестрелке, при этом огонь наших стрелков становился всё слабее, а укрепившийся противник нёс сравнительно ничтожные потери. Его огонь из стрелкового оружия вёлся почти с первоначальной интенсивностью, зато миномётчики и артиллеристы, судя по всё снижающейся плотности и частоте обстрела, свои боезапасы начинали экономить.

С вечера на радиостанции дежурил я; около полуночи меня сменил Фроленков, а я задремал, но вскоре проснулся и сразу почувствовал что-то необычное. Потом сообразил: этим непривычным была тишина – и не одного выстрела. Я убедился, что винтовка (я отыскал её в траншее сразу, после счастливого завершения эпизода с танками), действительно, при мне, проверил, на месте ли гранаты и решил до света не спать. Долго крепился, но всё же сон сморил меня. Проснулся – уже светло. Тут пришёл комбат и приказал свернуть радиостанцию и следовать за ним.

Оказалось, войска нашей 65-й армии (бывшей 4-й танковой), переправившись с левого берега Дона в районе Вертячего, ворвались в хутор и начали обходить противника, а именно – те части, которые стояли против нас. Из-за угрозы окружения немцы были вынуждены свернуть свою оборону и начали отходить на юго-восток. Стрелковые роты нашего батальона, следуя за отходящим противником, пошли вперёд. Командир батальона решил разыскать

ушедшие вперёд роты и, в сопровождении двух телефонистов, которые тянули за ним связь, и нас, двух радистов, направился в том же направлении.

Шли мы часа два, но ничего не видели. Затем нам встретился телефонист, который сообщил нам, что дальше идти нельзя, т. к. наших солдат впереди нет, а метров через двести, за высоткой, начинается оборонительная линия противника.

Комбат приказал нам повернуть назад, так, вскоре, в небольшой балке, мы повстречали подполковника, зам. командира 888-го стрелкового полка, передавшего приказ командира полка собираться в ближайшей оставленной немцами землянке, куда он будет присылать рассеявшихся по степи солдат, и куда позже прибудет кадровый командир батальона 888-го полка, который будет командовать сводным стрелковым батальоном.

Мы зашли в просторную, выкопанную в крутом склоне балки, землянку с плотной тесовой дверью; стены были обшиты тёсом, вдоль стены устроены дощатые нары. В углу установлена добротная чугунная печь, около которой аккуратно сложены сухие небольшие поленья-чурочки.

Мы растопили печь и расположились на отдых. Вскоре в землянку стали заходить, группами по 4–10 человек, сержанты и солдаты. Когда эта землянка наполнилась, заняли и соседнюю.

Из разговоров стрелков я понял следующее: когда, после артподготовки штрафной батальон пошёл в атаку, стрелковые роты рывком достигли проволочные заграждения, преодолели их, но неопытные солдаты под пулемётным огнём залегли метрах в 30-ти от противника, сидевшего в хорошо оборудованных траншеях.

Промёрзшая твёрдая земля плохо поддавалась малой сапёрной лопате в неумелых руках, и за два дня большинство залегших было убито и ранено. Теперь из нескольких сотен стрелков в батальоне осталось десятка два-три, самых удачливых, самых умелых.

Когда стемнело, пришёл новый комбат, которого старые солдаты полка хорошо знали и встретили с радостью. Комбат приказал [далее – тетрадь 13] отдыхать (а ночью обещал накормить) всем, в том числе – нам, радистам. Около него уже стоял телефонный аппарат, а рация ему понадобится только утром.

Ночью нас, действительно, разбудили поесть, а мы, быстро справившись с сытным обедом, успели ещё немного поспать до момента, когда прозвучала команда выходить строиться.

Комбат, пересчитав нас (всего набралось около 60-ти человек), пошёл первым, за ним – мы с радиостанцией, позади, небольшой, нестройной колонной шли солдаты с автоматами, винтовками, несколькими ручными и двумя станковыми пулемётами.

К рассвету мы подошли к глубокой балке, и перед спуском в неё комбат, продолжая идти впереди, приказал стрелка́м развернуться в цепь по обе стороны оврага. Быстро светало, и, пройдя вдоль балки, по самому её склону, с километр, поднявшись на небольшой гребень[1], мы услышали звук пулемётной очереди, а около нас засвистели пули.

Комбат приказ всем залечь и перебежками продвигаться вперёд, а сам остался на месте, на гребне, с вершины которого открывался хороший обзор. В это время мы, радисты, развернули радиостанцию. Т. к. пулемётные очереди не прекратились, я лёг на снег и приказал то же самое сделать Фроленкову, однако тот, продолжая стоять, ответил:

- Что мне в снег ложиться что ли?!

После второго приказания он лёг, и мы быстро установили связь, а скоро подбежали, отставшие было, телефонисты со своим аппаратом.

Стрелковые цепи быстро продвигались вперёд, заработали наши «Максимы».

[1] Автор во всех случаях употребляет слово «грива», что может быть связано с названием «Сухая Грива» – горного хребта на северо-востоке Алтая, т. е. из тех мест, где жил до войны Глеб Виссарионович.

Часа через два подошёл капитан, бывший командир штрафного батальона, доложив нашему комбату, что командир полка приказал ему быть в цепи, на что получил ответ:

- Вон, впереди, стрелковая цепь – догоняйте её и командуйте за командира взвода.

Капитан сначала побежал, потом залёг, вновь – побежал...; сразу было видно, что подобные перебежки под огнём для него – привычное дело. Однако через полчаса телефонист сообщил, что этот капитан убит.

В середине дня я через телефониста получил приказ вернуться в свой полк и, доложив комбату и получив от него разрешение, мы с Фроленковым свернули рацию, взяли её на плечи и направились в сторону тыла, где в настоящее время размещался нам полк. Встретившийся по пути начальник связи 888-го полка подтвердил нам приказ скорее явиться на наблюдательный пункт полка, который теперь находился на новом месте.

Пройдя сначала по знакомой дороге, мы, по подсказке начсвязи, свернули влево по фронту, вскоре наткнувшись на телефонную линию, по которой и вышли к командному пункту полка, расположившимся в приготовленных немцами для себя вместительных землянках, с печками и запасами дров.

Рота связи разместилась в одной из таких землянок; там мы немного согрелись и поели. Правда, в роте совсем не было воды, снегом же жажду утолить было нельзя; я оказался более тренированным, а вот Фроленков всё стонал и ругался. Тут, выглянув на улицу, я увидел у штабной землянки, возле часового, кадку и сказал мл. сержанту:

- Вон, в той кадке, скорее всего, есть вода, возьми котелок – и сам напьёшься, и нам принесёшь.

Ушёл он и что-то долго не возвращается. Я начал беспокоиться, выглянул за дверь, тут как раз, чему-то чертыхаясь, Фроленков. Оказывается, желая набрать воды, он подошёл к кадке, а часовой его отгоняет. Фроленков, думая,

что часовой, желая показать свою власть, не пускает его к воде, полез в драку. Недоразумение разъяснилось, только когда мой связист в сердцах вскрикнул:

- Вот сволочь! Простой воды для солдата пожалел!

А часовой ему в ответ:

- Где вода? Там спирт»

Курьёзность ситуации была ещё и в том, что Фроленков ни спирта, ни вина терпеть не мог.

Вскоре его (да и мои) мучения кончились, – старшина привёз обед и воду. Такой вкусной воды, нам казалось, мы не пили никогда!

Находясь здесь, в этой землянке, я никак не мог забыть штрафной батальон, комбата – все события последних суток. Думая, я пришёл к выводу, что в армии, как и в гражданском обществе, попадаются всякие люди, но только здесь, особенно в экстремальных условиях войны, к власти, на командные должности, они проникают гораздо реже и ненадолго там задерживаются.

Вскоре штаб полка передвинулся на другое место. На этот раз он расположился в небольшой балке с крутыми склонами, вновь – в подготовленной немцами (для себя) землянке. К этому месту можно было подъехать из тыла даже на машине, но у самого штаба изредка просвистывали пули.

Вечером этого же дня подъехал автомобиль, который подвёз, кажется, боеприпасы. Нач. связи Логачёв подошёл к машине и встал у переднего колеса, упёршись локтём в крыло. В это самое время в его правую руку, чуть ниже плеча, прилетела пуля, она была на излёте, и, упёршись в кость, не смогла её раздробить, но порвала суставную сумку, поэтому ст. лейтенанта эвакуировали в тыл. По выздоровлению (как мы узнали из письма, которое получили через некоторое время) его направили в другой полк (в какую часть и на какой фронт, понятно дело, он сообщать не имел права).

Этой же ночью один связист Н. (фамилию его я не помню), направившись в один из стрелковых батальонов, пропал без вести. Однако через сутки он нашёлся, и, вернувшись, сидя в тёплой землянке, окружённый внимательно слушающими сослуживцами, рассказывал свою историю, как артист, с юморком, где-то – с ядрёным словцом, примерно так.

Меня послали в этот батальон – так я пошёл. Я ходил туда уже раз десять в эти дни, днём ходил, ночью тоже. Дорогу уже с закрытыми глазами знаю. Проверять связь мне не поручали, так я за кабелем следил по привычке первые пять минут, а потом бросил это дело. Ветерок дует, не сильно, но всё время. Кстати ветром присыпало телефонный кабель, вот я ещё почему перестал по нему ориентироваться. И тропинку тоже подзамело.

Иду, иду, ... ночь светлая, в мороз всегда так, а низи́нки не вижу, это где землянка-то с КП батальонным. Я чуть направо, я влево – не видно нигде ни кабеля нашего, ни тропинки этой, так её растак! И, главное, луны хоть нет, а снег белеет, звёзды каждую яму, каждую кочку большую освещают. А тропинки – нет.

Я начал соображать: заблудился, значит, надо поворачивать обратно. Развернулся, только чуть прошёл, вдруг слышу:

- «Хальт!» [«Стой!», нем.]

Я малость растерялся с такой необжи́данности, а этот сиплый немец опять чего-то по-сво́ему, и снова мне хальтает, да ещё, слышу, затвор на автомате «щёлк». Тут я руки вверх поднял, ведь карабин-то у меня за спиной висел, пока я за ним – тот бы меня. Подбежали двое фрицов, понятно, карабин первым делом отобрали, потом обшарили меня, карманы все, запа́зухом. Потом в спину упёрли своим автоматом, говорят:

- Ком! [скорее всего, сокращённое от «komm schon» – «Ну, давай!», нем.]

А у меня-то в горле ком.

Ну, пока идём, думаю, что дальше – ещё посмотрим, куда ком покатит. Один фриц впереди меня идёт, другой автоматом меня тычет, сзади идёт. Час

идём, фрицы помёрзли в ботиночках-то своих на рыбьем немецком меху, они ж итак уже́ были одеялами с головы до пояса подвязаны, – отобрали у людей, гады. С меня шапку содрали, свою вшивую пилотку взамен мне на голову напя́лили. Руки у меня наверху уже затекли, сами вниз опустились; жду – вот опять заставят поднять – нет, молчат.

Дошли до землянки какой-то и́хней, один немчура́ внутрь, другой меня под автоматом держит. Тот, первый, вышел – второй в землянку. Тут мы с этим, который сменил первого, стояли часа два или три, мне казалось. По-правде, наверно, я потом уже прикинул, может, минут двадцать.

Выходит, и́хний офицер, с полевой сумкой, парабеллум в правой руке держит. Ткнул меня своим пистолетом:

- Ком!

- Так рас-та́к. Новый ком прикатил! – говорю я про себя.

Пошли, он взади́, то «Линкс!» [«Лево!», нем.], то «Рекс!» [«Право!», нем.] мне тявкает. До меня, когда я там стоял, у той землянки, наш дед мороз добрался, особенно до носа – паршивые и́хние пилотки, - тьфу, толку! А пока под парабеллумом гулял, тепло разогнал по жилам.

Только согрелся, а впереди что-то по светлому снегу темнеет, а около фонарики так мы́ргают. Оказалось, что пятно-то – самолёт, а из него фри́цовые солдаты чего-то выгружают, а офицерьё стоит подальше, гавкают друг другу чего-то. Который меня вёл, с ними чего-то пошпре́хал, и опять ко мне со своим «ком!»ом.

Опять идём с ним, идём..., чего-то давно не «ре́ксает» мне, ни «ли́нксает». Ветер дует в правое ухо. Вот, думаю, к своим надо возвращаться, чтобы слева дул, и начал по чуть-чуть, чтобы немчура́ не заметил, забирать влево, ещё, ещё, ещё... Пройду малость прямо, раз! подверну, пройду, ещё подверну. Ветер уже дует в спину. А этот, сзади, иногда только чего-то лопочет себе под нос. Я голову быстро повернул посмотреть, а он шарфом всю свою фашистскую рожу замотал, глаза, наверно, тоже наполовину, чтобы не замёрзли. Сначала думал,

показалось: вроде пистолета у него в руке нет. Второй раз голову повернул – точно, без пистолета, – значит, рука замёрзла, и он парабеллума в кобуру убрал. А я понемногу свыповора́чивал в нашу сторону; уже ветер в левое ухо подувает.

Повезло чуток – я в разрыв немецкой обороны, видать, попал и чувствую, наши места пошли. Тогда я резко назад, за три прыжка к немчуре́, сзади напрыгнул и душить его. У него коленки подогнулись, упали мы с ним на снег, точнее, он – на снег, я-то – на него. Чую, шарить попытался он пистолет свой, а кобура-то на пузе, а он на нём лежит, добраться туда с весом на спине не может. Худой, а жилистый, гад!

Нет, думаю, не справлюсь. Тогда срываю с плеча у него полевую сумку и кинулся бежать. Он стреляет в меня, да мимо. Я сам, когда на стрельбище после отжиманий стрелял, руки дрожат, прицел пляшет, и он после нашей борьбы в снегу, видно, мазал, не мог меня на мушку-то взять. Раза два выстрелил или три.

Я бегу и ору:

- Свои! Не стреляйте!

Думаю, вот как подстрелят свои. Повезло сбежать, а тут свои вдруг подстрелят.

Когда свалился в траншею – не помню, помню: сижу, трясёт меня, как лихорадочного, а двое наших стоят около меня. А я им:

- Брато́чки, я из плена убежал, от фрица, растуды́ его.

- Ругается, значит – свой, – слышу, они промеж собой переговариваются.

Повели меня они к своему ротному, потом – в штаб полка, там оперуполномоченный из особого отдела, один старший лейтенант расспрашивал меня. Так я ему говорю, что я связист из роты связи 892-го стрелкового полка 298-й стрелковой дивизии. Как попал, как сбежал. Сумку фрица у меня забрали, ещё когда в траншее.

Вывели меня наружу. Особи́ст, наверное, узнал по телефону в нашей дивизии про меня. Потом дали мне поесть, показали, как попасть в полк. И вот – я опять дома. Вот та́к «ком» и укатился, ёк-макарёк![1]

На этом связист Н. закончил свой рассказ. Всё это время солдаты слушали, не перебивая, но теперь засыпали вопросами: «Как одеты фрицы?», «Что они едят?» ...

В это время наш полк, понеся большие потери в предыдущих боях и не получая пополнение, имел в батальонах мало активных штыков. Поэтому командование приказало расформировать 2-й стрелковый батальон (им командовал капитан Иванов Григорий Игнатьевич), всех оставшихся солдат передать в 1-й и 3-й батальон.

К нам, в роту связи, явился лейтенант Серебренников, командир взвода связи 2-го стрелкового батальона, с ним был высокий белокурый сержант. Доложив командиру роты лейтенанту Чебоненко о своём прибытии в его распоряжение, Серебренников попросил зачислить в роту связи сержанта Светличного Я. А., его помощника по взводу связи, опытного связиста. Наш командир роты пообещал провести через штаб полка зачисление сержанта в роту связи. Нач. связи лейтенант Васин, которого назначили на эту должность после ранения ст. лейтенанта Логачева, обещал договориться с начштаба, т. к. в роте связи в то время тоже был некомплект. В итоге, лейтенант Серебренников был зачислен в роту связи заместителем командира роты, а сержант Светличный – командиром отделения в кабельный взвод.

Через несколько дней полк опять передвинулся по фронту, и теперь командный пункт располагался в другой балке, тоже – с крутыми склонами, в которых немцами были выкопаны добротные просторные землянки. В это время полк получил небольшое пополнение личного состава; чтобы вооружить вновь прибывших, у нас, связистов, а также – у всех тыловых работников, были изъяты винтовки.

[1] Текст сюжета обработан при оцифровке.

Полк с рассветом должен был одной ротой атаковать позиции немцев. Я получил приказ рано утром выдвинуться в вершину балки и развернуть радиостанцию вблизи наблюдательного пункта командира полка. Командир роты приказал командиру взвода связи лейтенанту Симакову обеспечить связь командира полка с командиром батальона и с командиром наступающей роты.

Лейтенант Симаков стал просить не посылать его на это задание, т. к. он чувствует, что его в этом бою убьют. Было видно, как он нервничает, жесты его были отрывисты, глаза быстро бегали взад-вперёд. Я с изумлением смотрел на него, ведь раньше он таким никогда не был; командир роты же только посмеялся:

- Я же не посылаю тебя на передовую, ты будешь находиться на НП полка, там же будет и нач. связи. Но, чтобы твоя связь работала, как часы! За качество связи отвечаешь головой!

Тогда Симонов стал ссылаться, что у него во взводе людей не хватает для обеспечения связи.

Лейтенант Чебоненко (он не так давно получил новое звание) приказал мне послать одного человека в распоряжение лейтенанта Симонова (я отправил к нему сержанта Гребенюка), и одного – мл. лейтенанту Переверзеву, командиру штабного взвода.

Немного отдохнув перед боем, мы ночью вышли на наблюдательный пункт (я взял с собой мл. сержанта Фроленкова и рядового Платонова). Скоро, мы достигли своей цели, пройдя около километра вверх по балке, к самой её вершине, на которой имелась седловина, ведущая на пологий склон в сторону противника, траншеи которого отстояли от наблюдательного пункта метров на четыреста.

На самой вершине стояло подбитое немецкое зенитное орудие с задранным в небо стволом. Около него, уже нашими, для командира полка и начальников служб был выкопан блиндаж, соединённый ходом сообщения с ячейкой наблюдения, в которой стояла стереотруба, и постоянно находился

дежурный разведчик-наблюдатель. Метрах в десяти от блиндажа был выкопан длинный изогнутый углом глубокий окоп.

Когда я доложил начальнику связи полка о прибытии радиостанции, он мне приказал развернуть рацию в балке на обратных скатах высоты. Вскоре я нашёл небольшой крытый окоп, в котором и установил свою аппаратуру.

У радиостанции всё время кто-нибудь из нас дежурил, хотя позднее, уже во время боя, рацию так ни разу и не использовали, т. к. телефонная связь с командиром дивизии сработала надёжно и бесперебойно.

С рассветом, после небольшой артподготовки рота атаковала позиции противника и уверенно продвинулась вперёд [далее – тетрадь 14], выбив немцев из их траншеи, однако те, подтянув резервы, контратаковали наши передовые отряды и вернули траншею под свой контроль. Понеся потери в первой атаке, рота вновь захватить траншею уже не смогла, все последующие попытки в этом оказались безуспешными.

Когда стемнело, командир полка приказал остановить напрасные атаки и накормить личный состав. Боясь подхода наших резервов, немцы интенсивно обстреливали седловину и высотки по обеим её сторонам. Мины рвались беспрестанно около наблюдательного пункта и рядом с нашим окопом, в котором всё это время находились не только мы, три радиста, но и связной начальника связи, резерв разведчиков, несколько сапёров и несколько офицеров, в т. ч. – командир взвода связи лейтенант Симаков.

Все сидели спокойно на дне траншеи, и только Симаков, явно очень нервничая, после разрыва каждой мины высовывался из окопа, чтобы посмотреть, далеко ли она разорвалась. Где-то около полуночи, когда он после очередного разрыва выглянул вновь, метрах в двух от него разорвалась ещё одна мина. Её крупный осколок попал лейтенанту в голову (около рта), и тот, даже не вскрикнув, замертво повалился на дно окопа. Так сбылось его страшное предчувствие!

Вскоре после этого начальник связи, чтобы послать связиста, сидевшего в окопе с каким-то распоряжением в штаб полка, выскочил из блиндажа. Когда, прижимаясь к земле, он уже подбегал к окопу, осколок мины попал ему в ногу, в ту же самую коленку, в которую он был уже дважды ранен, служа в авиации – сначала в финскую компанию[1], потом – в начале этой войны. Не добежав метра два до окопа, он упал на него животом и крикнул своего связного, тот, выскочив из окопа, схватил лейтенанта за руки и так, по снегу, на животе потащил его по седловине на обратный скат, где недалеко от радиостанции располагался передовой перевязочный пункт. Так мы потеряли ещё одного начальника связи.

Вечером, когда стемнело, неприятель предпринял попытку атаки, на этот раз во главе вражеской цепи шли два танка. До нашей траншеи они не дошли, видать, удовлетворившись тем, что, пройдя по нейтральной полосе, не обнаружили в ней наших солдат, которые под покровом ночи могли бы представлять угрозу внезапного нападения на немецкие позиции. Кроме того, в стереотрубу на наблюдательном пункте было видно, как под прикрытием танков немецкие солдаты стаскивали с наших убитых и не вынесенных с поля боя бойцов шапки-ушанки и валенки; было понятно, что одежда, которой немца снабжало его фатерлянд [das Vaterland – «Отечество», нем.], не годилась для русской зимы.

Наутро, после боя, мы не досчитались сержанта Гребенюка, который в это время дежурил у телефонного аппарата, у командира наступающей роты. Командир роты связи пересмотрел в санроте книгу регистрации раненых, там фамилии Гребенюка не было, среди убитых его тоже не обнаружили, а среди оставшихся у немецкой траншеи погибших бойцов быть не могло (ведь он туда уйти от своего аппарата не имел права). В итоге, подавая строевую записку, командир роты показал нашего сержанта как пропавшего без вести.

[1] Военные действия, вошедшие в историю как советско-финляндская война, продолжались с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г.

Однако в штабе эту записку не приняли, указав, что пропавшим без вести можно объявить только после расследования. Однако человека всё-таки не было, а нас, хоть на войне человек постоянно сталкивается со смертью своих сослуживцев, переполняли горькие чувства потери своего скромного пожилого товарища, всегда очень старательно, аккуратно выполнявшего все поручения, хотя иногда ему это, в силу возраста и отсутствия опыта, давалось нелегко.

Командир попробовал показать сержанта как убитого (в этом случае расследования не требуется), но в штабе опять не приняли эту строевую записку, ответив: «Почему вы раненого подаёте как убитого?». Опять был послан солдат в санроту, и там, действительно, нашёл фамилию Гребенюка, зарегистрированного раненым, правда, не в книге регистрации, где на этот момент уже не осталось свободного места для записи, а на каком-то клочке бумаги (наш сержант был отмечен как тяжелораненый в бедро и эвакуированный в медсанбат).

В письме, которое мы получили из одного уральского госпиталя, он писал, что валяется в гипсе на койке, часто вспоминает нас, своих боевых друзей-радистов, желает всем нам «если смерти – то мгновенной, если раны – небольшой»[1], но больше всего желает кончить фрицев в котле. Сержант подробно описал, как был ранен. Вот эта история.

Когда стемнело, наши атаку прекратили. Командир роты ушёл, меня оставил у телефона. Тут немцы с танками на нас пошли. Я сначала смотрел, а они всё ближе подъежжа́ют. Тогда я решил, что надо связь спасать. Отключил аппарат и с ним перебежками и ползком стал отходить. Тут мне в бедро пуля и прилетела, – нога повисла, я на неё ступить и не могу.

Тогда я пополз на другой ноге. Как на глаза тёмность находит, я замираю. Вижу, что танки у немцев и пехота отвернули назад. А если бы я там с телефоном остался, то его бы и меня с ним порешили бы, а не ранило бы. Как ещё раз в глазах темно стало, то меня и санитары подобрали, в санроту

[1] Цитата из популярной песни Дм. Покрасса на стихи М. Исаковского, созданной в 1936–37 гг.

потащили. Про телефон я не смог у санитаров узнать, вы подберите его там, коли ещё в тех местах.[1]

Вот что мы узнали из письма нашего товарища, сержанта Гребенюка, раненого во время контратаки противника и попавшего из-за этой раны в госпиталь. С излечением, после выписки, он, получив отпуск, смог съездить домой.

В это время наши подразделения продолжали теснить немцев. Небольшое продвижение – и мы у питомника, в котором дрессировали собак-истребителей танков (чуть позже его «воспитанники» выручат нас). В эти места был направлен основной удар 21-й армии, для чего была сосредоточена бóльшая часть артиллерии усиления.

Утром, с рассветом, мы увидели ровное поле, на котором густо, без всяких окопов и прочих укрытий, стояли различные артиллерийские установки, тут же были и зенитные орудия. Казалось, техники больше, чем солдат.

Северо-восточнее, метрах в пятистах находился противник. В том же направлении, но чуть дальше, не видимый для нас, был оборудован их аэродром, и скоро мы убедились в этом, когда с запада изредка стали появляться то один, то другой тяжёлые транспортные немецкие самолёты. Они резко снижались, заходя на посадку, и приземлялись неподалёку. Где-то через час, очевидно, выгрузив боеприпасы и загрузив на борт своих раненых, «Юнкерс»-52 (знающие солдаты сразу определили его по гофрированному фюзеляжу) опять появлялся в небе, набирая высоту и пролетая над нашими головами, держал курс на запад.

Скорее всего, появление наших зенитных орудий было для немцев неприятным сюрпризом, или же дела их были уже настолько плохи, что, несмотря на очевидную опасность быть подбитыми, их самолёты всё же направлялись к этому аэродрому.

[1] Текст сюжета обработан при оцифровке.

Вот зенитчики открыли огонь, хорошо было видно, как рвались снаряды вокруг тяжёлого немецкого самолёта. Ещё несколько вспышек, ближе, ещё ближе – и вот он уже дымит, теряет высоту и где-то сзади нас с грохотом врезается в землю.

Мы давно так не радовались – ни один из вражеских самолётов наши зенитчики не пропустили, каждого встретили своими меткими выстрелами, каждому пришёл капут. После этого немцы снабжали свои войска на данном участке фронта, только сбрасывая контейнеры на парашютах.

К вечеру оборона противника была сбита, и наши части получили возможность продвинуться вперёд ещё. Так, на следующий день, утром, стрелковый батальон направился на восток по нетореной узкой дороге, проходящей по ровному чистому полю.

С приближением к передвинувшейся оборонительной линии противника, солдаты стали развёртываться в цепь, а вот артиллерия (поддерживающего нас 3-го дивизиона артполка дивизии) отстала, т. к. им пришлось объезжать овраги.

Командир полка и я с радистом и радиостанцией, несколько связных и телефонисты потихоньку шли вдоль дороги. Винтовок у нас не было с тех пор, как их забрали для вооружения пополнения.

В это время три немецких танка неожиданно на полном ходу прорвались через, должно быть не успевшие развернуться, стрелковые роты, и один за другим двигались по дороге навстречу нам. «Так как они идут колонной, огонь перед собой может вести только первый танк. Но какое преимущество это даёт нам, безоружным?» – проносилось у меня в голове, а между тем танки всё приближались. «Что делать? Броситься под гусеницы? – Имело бы смысл, будь у нас хоть одна противотанковая или несколько простых гранат, а у нас на вооружении – только рация, несколько телефонов да катушка с кабелем...» – эту мысль я не успел додумать. Не договариваясь, мы повернули на 180 градусов и побежали назад.

Было ли нам стыдно, помнили ли мы в этот момент Приказ № 227? Никто из нас об этом не успел подумать. Мы даже не слышали, а как будто кожей чувствовали, как пули, выпускаемые из пулемёта немецкого танка, или шлёпаются около наших пяток, или, заставляя согнуться, свистят над самыми головами.

Вдруг перед нами, как из-под земли, появились несколько вооружённых винтовками солдат с командиром, который закричал:

- Стой! Куда?! Приказа отходить не было! Немедля назад!

Опешив, мы остановились, кто-то, перехватывая воздух, объяснил:

- Мы ж без винтовок!

А офицер в ответ:

- Знать ничего не знаю. Что вы за солдаты, если не добыли себе оружия?! Поворачивай!

Пришлось подчиниться; мы рассеялись цепью по обе стороны дороги и залегли в снегу.

Тут с правой стороны послышался шум моторов. Повернув головы, мы увидели, что оттуда быстро приближаются мощные тягачи «Комсомолец»[1] [далее – тетрадь 15] с орудиями на прицепе. Один за другим, подминая под себя звенья гусениц, двенадцать этих тяжёлых машин приближались к нам. С другой стороны, продолжали приближаться немецкие танки, но при этом они значительно снизили скорость, как бы в нерешительности раздумывая, куда же им всё-таки надо.

Вот тягачи уже поравнялись с нами, передний остановился, и из его просторной кабины выскочил расчёт во главе с капитаном, командиром дивизиона (мы его сразу узнали по густой чёрной бороде, какие на фронте мало кто носил). Солдаты мгновенно отцепили и на руках развернули орудие, тягач в это же время развернулся и отошёл в сторону. Одновременно с этим справа от

[1] Скорее всего, речь идёт о модели «Т-20».

этого орудия, то же проделали другие расчёты. На первом место наводчика занял сам капитан.

Ещё мгновение, – и ствол нацелен на вражеский танк; раздался выстрел, и, содрогнувшись, «Панцер» (название немецкого танка[1] позже нам сообщили наши артиллеристы) замер. А ствол нашего орудия уже ищет вторую цель; мгновенный выстрел – и вот уже второй танк противника встал, как вкопанный, получив удар под башню. Замыкающий, третий танк решил не дожидаться своей очереди и, развернувшись, с ускорением рванул от очередного снаряда нашего дивизиона. Люки подбитых машин откинулись, оттуда по броне скатились экипажи и со всех ног бросились наутёк.

Как быстро всё поменялось! А ведь ещё несколько минут назад мы бежали от них. Если в момент нашего безоружного позорного бегства от немецких танков каждая секунда казалась нам неимоверно долгой, то всё произошедшее после (встреча с остановившим нас командиром и этот короткий бой) произошло, по нашим ощущениям, моментально. А, между тем, корпус удиравшего танка несколько раз закрывался разрывами снарядов, отправленных нашими артиллеристами, иногда взрыв оказывался за танком или чуть не долетал, но остановить удаляющуюся вражескую машину не удалось.

Всё произошедшее, начинавшееся для нас так не героически, с момента подхода тягачей мы наблюдали лёжа, осторожно приподняв головы, потом – ужé сидя, ну, а когда немцы (и оставшийся целым танк, и экипажи подбитых машин) повернули в обратную сторону, мы вскочили на ноги. Подойдя к оставшимся на дороге вражеским танкам, мы рассмотрели, что у первого был сбит опорный каток (гусеница была цела), а у второго наш капитан своим метким выстрелом заклинил башню. Очевидно, почувствовав удар снаряда, механик-водитель головного танка, сразу выключил сцепление, иначе бы гусеница слетела, а вот второй танк не потерял возможности передвигаться, и

[1]«Немецкое название танка «Panzerkampfwagen III» или «Т-3».

последующая срочная эвакуация и бегство его экипажа говорили о потере ими веры в свои силы.

Моторы у обоих, оставшихся на дороге, немецких танков работали на малых оборотах, а никто из нас не знал, как их выключить. Те, кто слазили внутрь в попытке выключить двигатели, вернулись ни с чем, а точнее – только с одеялами, которыми немцы спасались от нашего русского мороза. Побежали к артиллеристам (водители наших тягачей должны были разбираться в подобной технике лучше), но те, подцепив орудия, в это время продолжили своё движение туда, куда были направлены изначально. Через некоторое время, уже на значительном удалении от места этого скоропостижного боя, мы увидели, как артиллеристы устанавливали орудия – «боги огня» вновь готовы были поддержать «царицу полей».

Пока тягачи перевозили орудия наших спасителей к точке очередной стрельбы, мы тесно прижались к жалюзи работающих моторов брошенных немецких танков, сразу, и спасаясь от пронизывающего ветра (до этого в пылу всех событий мы его и не замечали), и греясь под потоками тёплого воздуха.

Тут, с севера, послышался гул моторов, мы обернулись и увидели, что также три вражеских танка выходят на позицию атаки, против нашей выдвигающейся пехоты. Мы, только что пережившие самые контрастные чувства от нашей встречи с такой же техникой противника, замерли в напряжении, что же будет дальше.

На дороге появилось несколько проводников с собаками. Наверное, никто из нас до этого не встречался с таким «оружием». Сильные овчарки, заслышав шум моторов и завидев танки, рвались с поводка, а проводники, упёршись широко расставленными ногами в землю и отвалившись всем корпусом назад, еле удерживали своих питомцев. От ожидания скорого обеда у голодных собак изо рта текла слюна. У каждой на спине виднелся небольшой привязанный свёрток (с толом), выше которого торчал проволочный ус (высотой сантиметров сорок).

Готовя таких собак к их единственному бою, им подвязывают мясо под днище движущегося (а на первом этапе дрессировки – неподвижного) танка. Именно поэтому, завидев танк, голодная собака устремляется к нему, надеясь получить привычную добычу, но, когда она подныривает под днище, ус, привязанный перед настоящим боем к взрывателю, опускается и приводит к детонации солидный заряд тола. Танку, к которому «летит» такая собака, спасения нет. Взрывается танк, погибает и собака.

В этот раз собаки остались живы, т. к. обстрелянные из противотанковых орудий, два немецкие танки повернули назад, а третий, с гусеницей, перебитой в результате попадания нашего снаряда, остался на поле боя в качестве трофея.

Продолжая греться около работающего танкового мотора, мы услышали частые негромкие хлопки далёкого миномётного залпа. И вот уже воздух и даже, хотя не очень сильно, земля начали сотрясаться от близких разрывов тяжёлых мин, разрывающихся метрах в пятидесяти от нас.

После прогремевших взрывов воздух непривычно долго, не рассеиваясь, оставался тёмным облаком, которое подгоняемое ветром, направилось на нас. Кто-то крикнул: «Газы!» (в одном из последних номеров нашей газеты сообщалось о готовности немцев применить на нашем фронте газ). В то же мгновение мы все бросились врассыпную, повалились ничком в снег и, уткнув в него носы, старались как можно дольше не дышать, пока газовое облако не пронесёт над нами.

Через несколько минут, сначала настороженно, затем более уверенно, один за другим, мы начали подниматься; каждый пытался почувствовать в себе признаки отравления. Тут как раз старшина на санях подвёз обед.

Один из телефонистов взволнованно начал рассказывать о газовой атаке, а ефрейтор Щечилин, и до этого случая отличавшийся мнительностью, схватившись за живот и перегнувшись чуть не пополам, судорожно глотал воздух, его тошнило, немного вырвало, после чего он, сгибаясь в судорогах, повалился на снег.

Быстро освободили сани, положили на них ефрейтора, которого старшина приказал повозочному быстро доставить в санчасть. Мы же, тихие, подавленные, получив свой обед, скучно, без аппетита, ели, постоянно, с каждым глотком, ожидая, что вот-вот и в тебе начнут проявляться признаки отравления газом. Не прошло и часа, как приехал командир роты, а с ним – здоровый-невредимый, Щечилин. Абсолютно никаких симптомов отравления медики у него не обнаружили. Выяснилось, что никакой газовой атаки и не было; тошнота и судороги ефрейтора являлись результатом самовнушения. После этого известия все мы повеселели: начались обычные солдатские шутки, каждый, сбрасывая накопившееся нервное напряжение, наперебой спешил рассказать свои наблюдения за своим мнимым «отравлением» или за тем, как «странно» вёл себя в это время кто-то рядом, в общем, насмеялись до того, что животам стало больно, от смеха.

Командир роты привёз палатку и железную печурку. Так, пересмеиваясь, установили палатку, предварительно разметав снег метрах в пятнадцати от дороги. Поставили печку, которую топить пришлось, как обычно мы здесь в степи делали и раньше, пучками полыни. Если осенью такой обогрев для небольшой землянки был достаточным, то на зимнем морозце в этой палатке печурка, казалось, никак не может согреть саму себя. Лишь у са́мой печки чувствовалось тепло, а за шаг от неё мороз опять пробирал до самых костей.

Кто-то из телефонистов, прокладывая линию, проходил мимо брошенных немцами автомашин и в одной из них нашёл замороженного крупного гуся. Мы такой еды не встречали с мирного времени, и, конечно, у нас не на шутку разыгрался аппетит. Тотчас птицу разрезали на кусочки, растопили в котелке снег и поставили вариться гусятину.

Гусь оказался очень жирным, жир растопился, и в этом жиру плавали кусочки мяса. С каким позабытым наслаждением мы, промёрзшие и так много, (даже по меркам военного времени) испытавшие за день, пили посиневшими от холода губами эту густую жидкость, казавшуюся вкуснейшей амброзией! При

этом ругали того фрица или ганса, перестрелявшего гусей у колхозной семьи (в которой, наверняка, остались одни женщины да дети), к тому же не уберёгшего награбленное.

Начальник связи капитан Друзь Я.Ф. рассказал нам, что этим утром был убит начальник радиостанции командира дивизии сержант С. (фамилии его я не могу вспомнить) – молодой паренёк, очень способный радист, одним из первых освоивший приём на слух и передачу на ключе. Произошло это так. Утром, с рассветом, командир дивизии генерал-майор Васильев выехал на легковой открытой автомашине «Виллис», взяв с собой сержанта с радиостанцией, вслед за продвинувшимися полка́ми. На небольшой высотке он остановил машину, в которой остались водитель и радист, а сам отошёл метров на сто, чтобы в бинокль осмотреть лежащую перед ним равнину, по которой продвигались редкие цепи наших полков.

Очевидно, случилось это перед описанной выше контратакой немецких танков: рядом с «Виллисом» взорвался тяжёлый снаряд, и сержант С., и водитель были убиты. Мне было очень жаль молодого, ещё совсем не пожившего, парня, но к смерти и страданиям на войне приходится всегда быть готовым.

Ночью разрядились (на холоде долго не держались) аккумуляторы радиостанции, и в работу я поставил последний комплект, т. ч. нужно было разрядившиеся отправить на подзарядку и привезти заряженные. Не припомню уже, почему, но мне пришлось ехать самому (кажется, никто из повозочных и радистов не знал, как разыскать зарядную базу батальона связи, а может, мне нужно было самому о чём-то договориться).

Отъехав немного, я опомнился, что безоружен, повозочный – тоже. Велел остановить лошадь, отошёл с дороги и, пошарив в тонком слое снега (немцы, отступая, не успевали подбирать за своими убитыми оружие), нашёл винтовку, которая оказалась не немецкой, а румынской. Патронов в ней не было; вдоль дороги то здесь, то там попадались аккуратный стопки коробок с немецкими

патронами, но к румынской винтовке такие патроны не подходили. Долго я копался в снегу, разгребая его и рукой, и прикладом, пока ни нашёл несколько румынских патронов.

Я сел на сани, хорошенько оттёр от снега винтовку, шомполом прочистил ствол, просмотрел его на просвет. Загнав в магазин патроны, для пробы выстрелил – теперь можно не бояться встречи со случайным фрицем, вдруг застрявшим в нашем тылу.

В батальоне связи, который размещался километрах в десяти от командного пункта полка, я быстро заменил аккумуляторы, переговорил по каким-то нуждам с местным специалистом и, покормив лошадь, поехал к КП.

На старом месте уже никого не было, и мы направились по кабелю дальше. К вечеру мороз крепчал, всё старательнее пощипывал щёки; чтобы лицо мёрзло не так сильно, мы постоянно поворачивали его в подветренную сторону, промерзающие руки, вытаскивая большой и указательный пальцы из напальчников, сжимали их в кулак.

В сумерках разыскал свою радиостанцию, в простой квадратной яме, выкопанной под блиндаж (скорее всего летом 1942 г., когда готовилась оборона на среднем обводе Сталинграда), который не успели доделать. Кроме радистов, на месте оказался командир роты, ст. лейтенант Чебоненко, командир штабного взвода связи лейтенант Переверзев и несколько телефонистов.

Все замёрзли и, чтобы согреться, некоторые приплясывали, стуча о землю застывшими в валенках ногами, другие боролись, взявшись за ремни, туго перетягивающие белые барнаульские полушубки.

Когда я подъехал, командир роты, увидев у меня винтовку, сказал:

- А вот это кстати – мы её сейчас на дрова! Давай её сюда!

Я запротестовал (ведь это было наше единственное оружие, если не считать пистолетов у лейтенантов), но ст. лейтенант настаивал:

- Давай, давай! Не положено красноармейцу вражеское оружие.

Взяв у меня винтовку, он обтесал топором приклад и ствольную накладку; затем один из заряженных патрон, с таким трудом добытых мною в степи, вставил пулей в ствол, расшатал и, вытащив пулю, высыпал порох на расчищенное солдатами место. Колодцем уложили дрова из румынской винтовки, а когда подсыпали порох и подожгли его, костёр загорелся весело и без дыма.

Все присутствующие, чтобы быть как можно ближе к теплу, тесно прижавшись друг к другу, уселись на корточках, протянув застывшие руки к самому костру. Я понимал их, ведь мы с повозочным, хоть и сидели в санях, но всё-таки время от времени были в каком-то движении, а они мёрзли, оставаясь на одном месте.

Скоро солдатское блаженство кончилось: лизнув остатки дерева, последний язычок огня растаял лёгким дымком, а красный угли, быстро теряя на холодном воздухе жар, ещё несколько минут излучали тепло, но вот уже остыли, окончательно почернев.

Было уже темно. Для света в углу ямы подвесили, а затем подожги кусок старого кабеля; он медленно горел, давая больше копоти, чем света.

Подъехал старшина с обедом и объявил, что привёз «горючего», которого мы не получали несколько дней. Командир роты сказал: «Мне, по старшинству, наливай, старшина первому!», – и подставил поданную кем-то большую эмалированную кружку.

Старшина на глаз налил ему положенные 100 грамм. Чебоненко, предвкушая все удовольствия предстоящего события, поднёс кружку к губам, после чего, затаив дыхание, единым глотком выпил спирт, выдохнул его обжигающие дыхание пары, прочувствовал растекающееся по телу тепло (в котором промёрзший организм так нуждался), и... Но убрать кружку ото рта не смог, – на тридцати градусах мороза влажные губы крепко пристыли к железу.

Подавались самые разные советы по избавлению губ от кружки: нагреть кружку руками, налить в неё горячего чая (которого не было), однако

ст. лейтенант решительно (что, может быть, было вызвано и выпитой наркомовской нормой) рванул кружку от себя. На кубах показалась кровь, а он произнёс, переиначив поговорку: «Не на собаке, моментально заживёт».

Свои сто грамм остальные пили уже осторожно, предварительно со старанием нагрев посуду, в которую старшина наливал норму. После – с аппетитом съели густую кашу с мясом, и внутри сразу стало тепло (по моим ощущениям не столько от спирта, сколько от каши).

Сто грамм спирта на морозе, да ещё на голодный желудок, развязали язык. Начался оживлённый разговор. Чуть захмелевшие «собеседники» начинали каждый свой рассказ, свою мысль, не дожидаясь, когда договорит фразу сосед. Чаще всего темой становилось что-то приятное или смешное, случившееся когда-то. Больше всего подсмеивались над командиром роты, придумывая альтернативные варианты продолжения его истории с примёрзшей кружкой, да он и сам, то и дело, прикладывая платок к губам, больше и громче других смеялся над этими шутками.

На следующий день по фронту произошла небольшая передвижка, связанная с перегруппировкой сил. Предстояло прорвать вражескую оборону, заблаговременно оборудованную противником в насыпи кольцевой железной дороги. Нашей дивизии было отведено направление, юго-западнее станции Гумра́к; 886-й и 888-й полки наступали в первом эшелоне, наш 892-й полк – во втором.

На пологом скате понижавшейся к железной дороге местности был хорошо оборудован наблюдательный пункт командира дивизии. В просторном, углублённом в землю, помещении свободно разместились начальники служб и другие офицеры, необходимые командиру дивизии для руководства боевыми действиями; там же установили радиостанцию и телефонный аппарат. Из этого помещения шёл зигзагообразный ход сообщений в ячейку наблюдения, где, за стереотрубой, генерал-майор Васильев наблюдал за ходом боя, координируя

действия подчинённых, для чего и нужна в войсках связь. Связью руководил командир штабной роты батальона связи капитан Языков.

Метрах в двадцати от наблюдательного пункта командира дивизии находился НП командира нашего полка; он был оборудован примерно так же, как НП командира дивизии, но был меньше и имел меньше накатов брёвен (прикрывающих его сверху). Командир полка майор Шухин К.М. мог видеть поле боя из своей ячейки наблюдения, хотя два батальона полка занимали окопы позади первой линии и в предстоящей атаке участвовать не должны были.

Радиостанцию мне было приказано развернуть вблизи НП полка. Трофейными штыковыми лопатами мы быстро выкопали просторный окоп, пологий вход в него; сверху окоп перекрыли подобранными немецкими одеялами, насыпав на их края земли, сверху всё запорошили для маскировки тонким слоем снега; вход завешали плащ-палаткой. В окопе установили небольшую печурку, сделанную нами из 16-килограммовой консервной банки, в которой до этого было сливочное масло; к печке приспособили тонкую жестяную трубу, снятую нами с брошенной немцами отапливаемой автомашины. Печку растапливали щепочками от снарядных ящиков.

[Далее – тетрадь 16.]

В подготовленном таким образом окопе развернули радиостанцию. Мачту-шест нам устанавливать не пришлось, – антенну своей рации мы привязали к мачте дивизионной радиостанции. Работали только на приём, ведь нужды в радиосвязи не было, – командир дивизии был рядом с командиром полка.

В назначенное время, после короткой артподготовки силами собственной артиллерии, пехота начала атаку, однако сразу была вынуждена залечь под плотным пулемётным огнём противника. Редкие цепи стрелковых батальонов, насчитывавших в настоящее время лишь несколько десятков штыков (потерявших свои основные силы в предыдущих боях), разбавленные не

имевшим боевого опыта, наспех влитым в роты, пополнением, не могли преодолеть огонь противника и, после коротких перебежек, залегли.

Немцы занимали очень удобную для обороны насыпь железной дороги, где были хорошо оборудованы огневые точки. Пулемётные гнёзда были обложены мешками с землёй, сверху перекрыты шпалами или рельсами. Кроме того, в отдельных местах в насыпи были устроены ещё и орудийные позиции, в которых стояли 80-м/м орудия прямой наводки. Перед насыпью простиралась простреливаемая со всех сторон покрытая снегом низина. Снег, хотя был и неглубоким, но сильно затруднял перебежки, и на нём, даже в белых маскхалатах, наступающие были хорошо заметны.

Наверху разгорался бой. В районе наблюдательного пункта часто рвались снаряды и мины, а мы сидели в тёмном окопе; я дежурил, остальные же – грелись у печки. Вдруг послышался быстрый топот, кто-то сорвал плащ-палатку, закрывающую вход в наш окоп, голой рукой облокотился о горячую трубу печки.

- Бойцы мёрзнут в окопах, а вы тут греетесь?! Выбросить, выбросить! – услышали мы голос генерал-майора Васильева, но от неожиданности ничего не могли сообразить.

Тут оказавшийся рядом с командиром дивизии адъютант схватил горячую трубу нашей печки и бросил её в снег. Генерал, в это время спустившийся в наш окоп, наклонившись ко мне, приказал:

- «Звезду»! Быстро вызовите мне «Звезду».

Но я ни о какой «звезде» не знал, данных армейской сети радиосвязи у меня не было, о чём я и доложил командиру дивизии.

В этот момент вбежал начсвязи дивизии майор Красильников и по требованию генерала протянул мне схему радиосвязи. Я, быстро перестроив радиостанцию, вызвал “Звезду” и передал всё, что мне продиктовал командир дивизии, после чего получил с той стороны ответ.

Выслушав ответ, который я быстро читал, принимая быстрые чёткие звуки привычной для меня морзянки, отбиваемой опытной рукой хорошего радиста, генерал, сменившимся, уже не холодным и недовольным, а добродушно удовлетворённым тоном голоса сказал:

- Молодцы! Будьте на приёме, пока мне не заменят радиостанцию. Но не смейте топить в окопе, только попробуйте сожгите мне плащ-палатку! Ну, ладно!

После – быстро вышел и направился в сторону своего НП.

Оказалось, что один из снарядов противника разорвался у входа в блиндаж НП, и множество осколков пронизало низкое помещение, в котором тесно стояли и сидели командиры, красноармейцы. Несколько человек убило (так, погиб командир штабной роты связи капитан Языков), кого-то ранило (помню, что начальник радиостанции старшина С. получил несколько осколков по всему телу). Радиостанция была прошита насквозь одним из осколков и потому выбыла из строя. Генерал в это время был в ячейке наблюдения, благодаря чему остался цел и невредим, но оказался без связи, вот почему он оказался в нашем окопе (во время сеанса я понял, что на другом конце связист командующего Армией). Наш командир дивизии, в отличие от многих командиров полков, умело пользовался радиосвязью и всегда держал её около себя.

Вскоре нашему полку было приказано атаковать противника и во что бы то ни стало выбить его с насыпи железной дороги. Чтобы не терять времени и сделать атаку неожиданной для врага, командир полка решил, не производя перегруппировки подразделений, ввести в бой стрелковые батальоны прямо через боевые порядки первого эшелона.

Особенно хорошо действовал батальон, которым командовал гвардии капитан Белоконев И. М.; батальон накануне был пополнен в основном казахами, уже побывавшими в боях и прибывшими из госпиталей после излечения. С НП было видно, как они, сначала – в рост, а потом – низко

пригнувшись, быстро достигли рубежей, на которых залегли бойцы первого эшелона, и почти без задержек, под прикрытием огня своих пулемётов, небольшими перебежками сблизились с противником. Ещё мгновение – и они уже в «мёртвой» зоне под самой насыпью, только несколькими точками, там и тут, остались лежать их убитые или тяжело раненные товарищи. Другие раненые (вместе с теми бойцами, которые уцелели под бешеным огнём) добежали до насыпи и под её прикрытием перевязывали раны друг другу. Вот они уже бросают гранаты через насыпь и сразу же, уже не пригибаясь, преодолевают её, после чего уже не видны нам с НП.

Так насыпь была взята и очищена от противника, и стрелки́ начали преследование, продвигаясь дальше. Командир полка со всем штабом снялись с места; мы тоже, свернув радиостанцию и завернув её в тёплое немецкое одеяло, направились к насыпи.

Послышался мгновенно нарастающий в громкости звук летящего снаряда, который шлёпнулся в двух шагах от нас на землю, разбрасывая вокруг снежный фейерверк. Мы, больше инстинктивно, чем успев что-то сообразить, упали, тесно прижавшись к земле (точнее – влипая в неглубокий снег) и ожидая взрыва. Сердце колотилось так, что, казалось, его удары в затянувшейся тишине слышат другие. Нет, оказывается, тишины нет – вот шипит снег, тающий от соприкосновения с нагретым в полёте снарядом. Так, в бесконечном томительном ожидании проходит долгая минута, затем – другая, а взрыва всё нет! Всё ещё с недоверием, готовые к очевидному в такой ситуации окончанию (или даже – к концу), украдкой приподнимаем голову, ещё больше внутренне сжавшись, пробуем встать, смотрим на снаряд – нам страшно повезло, это оказалась болванка.

Пройдя дальше, мы добрались до нового наблюдательного пункта, устроенного прямо на насыпи. Мы тоже обосновались на западной её стороне, развернув рацию в небольшом окопчике, который предварительно освободили от снега.

С потерей позиций на насыпи железной дороги, до этого неприступная, оборона немцев была взломана, и наши полки быстро продвигались вперёд, вдаваясь клином в неустойчивые порядки противника. За ночь, таким образом, полки нашей дивизии проникли уже туда, где ещё накануне были глубокие немецкие тылы.

Наутро командир полка, а, следовательно, и мы с радиостанцией тронулись вперёд. Перевалив через высотку, мы увидели овраг, а на его противоположной от нас стороне, на ровном поле, – массу немецких машин, стоявших плотно друг к дружке. Их было, наверное, несколько тысяч; по крайней мере, никто из нас столько автомобилей разом не видел.

Как всегда, у немцев, техника была самых разнообразных марок, собранная со всей Европы. Большинство стоящих там машин имели крытые брезентом кузова; как чуть позже мы узнали, во многих находились продукты, хотя, нам тоже стало об этом известно, всё последнее время их солдаты стали получать очень урезанный, «голодный» паёк. Кстати, и с боеприпасами, в этой фазе битвы за Сталинград, у немцев был полный бардак: самолёты, прорвавшиеся сквозь нашу воздушную оборону, доставляли патроны и снаряды, но на некоторых участках фронта у противника с этим всё равно был страшный дефицит, а позднее мы (как я пару дней назад) видели брошенные на обочинах полные коробки с патронами и ящики со снарядами различных калибров (или, вот, громадные танковые снаряды хранились в узких плетёнках).

По краю оврага были сооружены просторные землянки с печами, окнами и дверями. От каждой землянки вглубь оврага сделаны аккуратные ступеньки, укреплённые дощечками.

Перебравшись через овраг и пройдя между тесно стоящими брошенными немцами машинами, мы обустроились в оставшейся от противника землянке, находящейся неподалёку от места, где разместился штаб командира полка́; быстро развернув аппарат, вступили в связь с дивизионной радиосетью, после

чего один из нас остался дежурить у рации, а остальные быстро растопили плиту. Вскрыв три банки найденных консервов (консервы оказались голландские), вывалили всё это греться на имевшиеся тут сковородки.

Тут дверь в землянку отворилась, и к нам вошёл командир дивизии (генерал-майор Васильев). Я встал и доложил:

- Товарищ генерал, радиостанция 892-го стрелкового полка; начальник радиостанции старший сержант Плотников.

- Радиостанция?! А почему нет связи? – спросил генерал.

- Связь есть, товарищ генерал! – ответил я.

- Тогда быстро вызови мне начальника штаба дивизии, – прозвучал приказ командира полка.

Взяв ключ, я попросил к рации начштади́ва [начальника штаба дивизии], он как раз и был у аппарата. Генерал задал ему несколько вопросов, тот ему ответил. Генерал остался доволен, то ли результатами разговора, то ли и самим темпом беседы, которая проходила через меня, отправлявшего и принимавшего азбукой Морзе здесь, в землянке, сообщения соответствующей стороны. Уходя, открыв дверь и задержавшись на пороге, командир дивизии сказал мне:

- Через полчаса я заеду за тобой, будь готов со своей рацией, а то моя где-то отстала.

- Есть, товарищ генерал ..., – проносимое в ответ мной, он, наверняка, не услышал, т. к. дверь на этой фразе уже́ хлопнулась за его спиной.

Я сразу доложил начальнику связи о приказании генерала, но, к моему удивлению, начальник связи лично пришёл к нам в землянку, чтобы сообщить мне ответ: «Командир полка запретил ехать с генералом», на что мне оставалось произнести: «Понял приказ!» (ведь солдат обязан исполнять последний из поступивших приказаний, если они противоречат друг другу; к тому это приказание поступило от моего непосредственного командира).

Мы, наконец-то, смогли подкрепиться теми, оставшимися от немцев голландскими консервами, которые хотели было подогреть перед приходом

генерала. Как раз, с последней ложкой нашего обеда, вновь заходит генерал и командует:

- Радисты, быстро со мной!

Я постарался как можно быстрее свернуть радиостанцию со словами:

- Сейчас, товарищ генерал! Мы только завернём аппарат в одеяло.

Командиру дивизии, очевидно, несмотря на срочность отбытия, такое бережное обращение к рации понравилось, потому что он ответил:

- Правильно, молодцы! Давайте я вам помогу, – и присоединился к процессу «пеленания» радиостанции.

Недалеко от землянки стояла пара лошадей, запряжённых в повозку. Генерал сел с правой стороны, меня усадил рядом, слева от себя, упаковку питания я поставил в ноги, а аппаратуру взял на колени. Заместитель командира дивизии, бывший наш командир полка, полковник Лыков встал сзади на полозья, а офицер связи при генерале (старший лейтенант) и мои радисты пошли пешком.

Перевалив через высотку и проехав метров пятьсот, мы услышали характерный звук «рёва» немецкого шестиствольного миномёта (это чем-то напоминает звучание прерывистой сирены с чередованием повышения и понижения тона). Запущенные этой установкой снаряды пролетели где-то над нами. Мы с полковником, как сиамские близнецы, одновременно соскочили с саней и, сделав пару шагов на обочину, ткнулись лицом в снег. Генерал, казалось, совершенно безмятежно продолжал сидеть в той же позе и посмеивался:

- Вот чудаки! Раз услышал звук, значит, снаряд уже пролетел мимо, дальше. Вот если бы они были «для нас», мы бы их не услышали!

И, в самом деле, вместе с этими его словами далеко, сзади нас, раздались звуки разрывов.

Чуть смущённые, но живые, мы с полковником вернулись в повозку и, уже без происшествий, через пару километров подъехали к глубокой балке,

около которой находились несколько «немецких» землянок; в одной из них расположился генерал (при нём был адъютант и офицер связи), там же я развернул радиостанцию.

Сразу же вступив в связь в армейской сети, я обнаружил, что в 886-м и 888-м полках радиостанции по какой-то причине не работают (ну, а рацию нашего, 892-го полка забрал генерал, это на ней я и работал). Время от времени, по требованию генерал я перестраивался на дивизионную волну, вступая в связь с рацией штаба дивизии.

Подошедшие радисты и повозочный расположились в соседней землянке; коротая время и в поисках более тёплого пристанища, где-то, в одной из этих, брошенных противником землянок, они нашли кипы нового немецкого (солдатского или офицерского?) белья. Мы, в условиях постоянного передвижения фронта, уже давно не получали свежие комплекты, поэтому неожиданный трофей пришёлся кстати. Правда, почему-то все кальсоны были сшиты на необъятной толщины немцев, и мы с трудом их на себе застегнули, обернув ложе штанов чуть ли не дважды вокруг своей талии.

Где-то ближе к ночи из штаба армии запросили о захваченных в этот день трофеях. Мне, не знаю по какой причине, удивительно хорошо запомнился текст радиограммы, что продиктовал мне генерал, отвечая на этот запрос (кстати, он приказал отправить ответ напрямую в штаб армии, минуя штаб дивизии): «Частями вверенной мне дивизии за прошедшие сутки в ходе наступательной операции захвачено у противника: 10-ть тысяч автомашин, 30-ть танков, 30-ть орудий, 40 тысяч винтовок», так что наши кальсоны остались неучтёнными.

Несколько раз мне приходилось перестаиваться для вхождения в связь с рацией штади́ва [штаба дивизии], для проведения переговоров генерала с начальником штаба (другой связи всё это время так и не было). С полками, продвинувшимися вперёд, связи тоже не было, и командир дивизии отправил для решения этой проблемы своего заместителя полковника Лыкова.

Ещё с вечера разыгралась метель. Поздно ночью командир дивизии, не дождавшись Лыкова, решил отыскать его лично. Впереди, по заметённой снегом, еле прощупываемой дорожке шли офицер связи с адъютантом генерала; за ними в повозке ехал сам генерал, вновь усадивший рядом меня с радиостанцией на коленях; позади – шагали три моих радиста.

Таким порядком мы передвигались около двух часов (как мне показалось) и тут наткнулись на немецкую повозку, запряжённую двумя крупными лошадями, одна из которых лежала мёртвой, другая стояла в упряжке, вся заметённая снегом. Повозка была нагружена вещевыми мешками, и сержант Фроленков полюбопытствовал, что же держат фрицы в этих мешках: в первом же он нащупал маленький пистолетик в кобуре из мягкой кожи, передав его мне. Адъютант командира дивизии, увидев такое оружие, предложил подарить его генералу, т. к. тот является страстным коллекционером именно пистолетов (конечно, я охотно передал трофей).

Расставаясь с пистолетом, я вновь осознал, что мы с радистами до сих пор так и не вооружены, а ведь в любую минуту, не ровен час, какой-нибудь отставший или заблудившийся немец встретиться (думая об этом, я с некоторым сожалением вспоминал о румынской винтовке, согревшей накануне нас своими деревянными частями). Я вскочил с места и принялся шарить в снегу (ведь такие мои действия совсем недавно увенчались успехом) – и, действительно, на этот раз мне опять повезло, даже гораздо быстрее: я нашёл и винтовку, и патроны к ней.

Тут генерал подозвал меня и приказал выделить одного радиста в распоряжении офицера связи, который пойдёт искать командиров полков, ведь они должны быть где-то рядом. Я отправил Платонова, а он попросил у меня винтовку, только что найденную мною. Так я опять оказался без оружия, и это меня побудило к активным действиям – уже вместе с сержантом Фроленковым и ефрейтором Щечилиным мы занялись поисками, прошло совсем немного времени, – и каждый из нас стал обладателем брошенной убегающим

противником винтовки. С оружием в руках я (думаю, что и каждый из моих связистов – тоже) чувствовал себя гораздо увереннее.

Между тем прошло около получаса, а офицера связи до сих пор не было. Тогда генерал направил меня в сторону, противоположную той, в какую ушла первая поисковая группа (в т. ч. мой Платонов), но при этом строго наказал «далеко не ходить и быстро ворочаться». Я, взяв с собой Щечилина, направился в темноту.

Мы, через некоторое время, спустившись в ба́лочку, буквально сразу же нашли там несколько брошенных немецких землянок; никаких признаков присутствия людей там не обнаруживалось. Повернули назад, но за это время наши следы уже́ замело, до сих пор не понимаю, как нам удалось в усилившуюся метель, тёмной ночью наткнуться на наши сани, оставшиеся на дороге, которую невозможно было увидеть, стоя даже всего в одном–двух шагах от неё!

Незадолго до нас, но ещё до усиления ветра, вернулась первая группа (офицер связи и Платонов), им удалось отыскать командиров полков, поэтому мы отправились в нужную сторону и минут через 15-ть в небольшой воронкообразной ложбинке увидели три землянки, в каждой из которых как раз и расположились командиры 886-го, 888-го и 892-го полков со своими помощниками. В каждой было тесно, но зато тепло (топились печки).

Генерал расположился в землянке командира 888-го стр. полка подполковника Камышникова, я здесь же развернул радиостанцию, взяв с собою для подмены дежурства сержанта Фроленкова (Щечилин с Платоновым разместились в землянке нашего командира полка, майора Шухина).

Утром я принял из шта́рма [штаба Армии] радиограмму, которой командир дивизии вызывался к командующему армией генерал-лейтенанту Чистякову. Однако днём из нашей ложбинки выбираться было опасно, до противника было метров двести, и все перевалы простреливались.

Тогда генерал приказал своему ездовому с кошёвкой [кушёвка – полузакрытые сани] на рысях прорваться сквозь обстреливаемый перевал. Тот ударил по лошадям и благополучно проскочил. Нам было видно, как вокруг саней, поднимая снежную пыль (на дороге и мелких кустиках), чиркают пули; немцы, так же с опозданием и, к счастью, не метко, за эти несколько мгновений успели выпустить и 3– 4 разрывные пули (во время их полёта был слышен своеобразный звук, такое чоканье), которые противник использовал очень часто. [Далее – тетрадь 17.] Генерал же, выждав минут 15, когда утихнет обстрел, сначала в рост, но потом, поднявшись к перевалу, лёг и проделав остальную часть пути ползком, скрылся на обратной стороне склона. Немного погодя за ним, таким же способом, перебрался адъютант.

Я пошёл в блиндаж 892-го полка, где от своих связистов узнал следующее: наши батальоны вечером настолько продвинулись вперёд, что оторвались от тылов. Дороги были заметены, а все боеприпасы закончились (пулемёты, винтовки, автоматы остались без патронов). В это время в батальонах находился комиссар полка старший батальонный комиссар Оглуздин; он отправил связных в тыловые службы с приказом любым способом доставить боеприпасы, а самим стрелка́м – на время складировать своё, пока бесполезное, оружие и вооружиться трофейным, благо немцы, отступая, оставили после себя немало аккуратных пирамид из ящиков с патронами.

Довольно скоро удалось отыскать (я сразу вспомнил 100-процентную эффективность своих поисков оружия в снегу) и привести в боеспособное состояние несколько пулемётов MG (сейчас уже не припомню, какой серии: MG-34 или MG-42[1]), несколько десятков автоматов, а остальных – обеспечить винтовками с некоторым запасом патронов. Среди наших солдат нашлось достаточно тех, кто мог обращаться с немецким пулемётом, а перестроиться на пользование автоматами и винтовками противника было дело несложное.

[1] Название марки – аббревиатура от полной версии «Maschinengewehr» – «пулемёт», нем., а буквально – «машина-пистолет».

Таким образом, боеспособность полка была восстановлена. Боеприпасы же к нашему оружию были доставлены к утру, и полк вновь сменил вооружение на отечественное, но трофейные пулемёты были оставлены, и они старательно стреляли в своих бывших хозяев, пока не кончились патроны.

Часа через три вернулся командир дивизии, к моменту его возвращения немцев отогнали ещё немного, так что высотка ими уже́ не обстреливалась, и генерал совершенно спокойно проделал на кошёвке весь путь, прямо до землянок командиров полков. Сразу же собрав командиров всех трёх полков, он сообщил, что командующий армией приказал «потерять 100 % танков, 75 % артиллерии, но очистить город [Сталинград] от противника».

Ввиду того, что стрелков в полках осталось маловато, главной силой в предстоящем наступлении должна была стать артиллерия, для чего дивизионные орудия обязаны продвигаться в боевых порядках пехоты. Кроме того, стрелковые батальоны пополняли за счёт полковых и дивизионных тылов.

Выполняя приказ командующего армией, после некоторой перегруппировки, стрелковые полки, тесня противника, начали продвижение вперёд. Штабы полков, конечно, тоже снялись с места, а к вечеру тронулся вперёд и командир дивизии. К ночи стрелки́, наткнувшись на прочную оборону немцев, остановились.

Командиру дивизии был оборудован хороший наблюдательный пункт; обеспечена телефонная связь с полками и штадивом, но большой группы работников штаба на НП не было. Радиостанцию генерал приказал мне развернуть в своей землянке; сам он руководил боевыми действиями из ячейки наблюдения, изредка заходя в землянку, когда ему нужно было связаться со штабом армии по рации.

В один из критических моментов боя он забежал в землянку и потребовал немедленно вызвать соседнюю дивизию, артиллерия которой била по нашим боевым порядкам. Я в это время, работая в сети штабов, а не на командирской рации, принимал длинную шифровку штаба армии; насколько срочная и важная

эта шифровка, никто не знал, ведь смысл сообщения, скрытый в группе цифр, можно было понять только после того, как будет принят последний знак.

Генерал в своём справедливом возмущении был страшен, поэтому я нарушив дисциплину ведения связи, в первую паузу, не обращая внимание на рацию штарма, стал вызывать рацию соседней дивизии. Однако рация штарма тут же дала сигнал, призывая к порядку, и стала продолжать передачу шифровки. Я доложил об этом генералу, он на несколько мгновений замер, видно, стараясь успокоиться, потом сказал: «Ничего не поделаешь!» – и пошёл к телефону, чтобы попытаться связаться с соседской артиллерией (это ему, к счастью, вскоре удалось, и проблему «огня по своим» решили). К моей досаде, принятую большую шифровку прочитать не смогли, т. к. шифровальщик находился на отставшей рации штадива (в дальнейшем, после Сталинградской битвы, в армиях, кроме радиосети штабов, была и сеть командирских радиостанций, незагруженных передачей больших шифровок).

К вечеру ещё продвинулись вперёд; командир дивизии расположился в просторной немецкой землянке, и на этот раз ему была подана телефонная связь, как с полками, так и с штадивом и со штармом; рация работала на приём в армейской сети. В землянке с генералом находились адъютант, офицер связи, телефонист у телефона и я с радиостанцией (мои помощники отдыхали в соседней землянке). Вскоре командир дивизии получил приказ командующего армией прекратить огонь и послать к противнику парламентёров.

Против нас стояла немецкая 100-я легкопехотная дивизия. Почти вся её техника ужé была в наших руках; взята была и штабная автомашина со многими штабными документами, в т. ч. – с дневниками боевых действий, которые были полезны нашим штабистам (к примеру, начальнику штаба дивизии полковнику Джалаухову).

Генерал-майор Васильев, по телефону отдав приказ о прекращении огня, вызвал к себе капитана, которому поручил идти парламентёром (также

готовились трубач и солдат, который должен был нести белый флаг парламентёра).

Я сидел у радиостанции с наушниками на ушах, вдруг аппарат стал дёргаться, будто кто-то дёргает выведенную в окно антенну, своим концом привязанную к трофейному телефонному шесту. Я сбросил наушники, выскочил из землянки и увидел, как адъютант комдива выдёргивает из снега шест-мачту, отрывая от него мою антенну. Я подбежал к нему и с негодованием потребовал вернуть шест, ведь без этого не обеспечить радиосвязь командиру дивизии.

Адъютант, ссылаясь на приказ генерала, отказался отдавать мачту, и, действительно, когда я пришёл к генералу, он мне сказал, что теперь немцы сдадутся, к ночи мы будем в городе и радиосвязь пока не нужна. Шест позже можно будет найти ещё, а сейчас он, может быть, важнее любого самого сильного оружия, ведь самое главное сейчас – склонить противника сдаться, а для этого парламентёрам шест нужен в качестве древка для белого флага. В этот момент адъютант уже приколачивал к шесту белую трофейную простыню.

Генерал дважды проговорил капитану все действия, которые тот должен выполнить: выйти из наших траншей, немного пройдя, остановиться, дождаться, когда трубач сыграет сигнал, затем, с высоко поднятым флагом, пройти, опять остановиться... – и так до самых немецких траншей. Капитану был выдан белый платок для завязывания ему глаз на том участке, когда его будут вести к командованию противника.

Вскоре капитан ушёл выполнять свою миссию, а в это момент повар генерала принёс ужин, однако командир дивизии ужинать отказался, сказав, что есть будет только в Сталинграде. Повар, ворча, ушёл, а генерал, пощупав свои небритые щёки, сокрушённо покачал головой, жалея о том, что нет парикмахера, и что ему неудобно принимать капитуляцию от немецких парламентариев небритым. Я, сидя за рацией, слышал эти его размышления вслух и поэтому предложил:

- Товарищ генерал, у меня в расчёте есть хороший парикмахер, да ещё – с набором добротных бритв...

- Так что же ты сидишь – бегом давай его сюда! – воскликнул комдив.

Я сбегал за ефрейтором Щечилиным с его парикмахерской «кухней», сообщив, кого и для чего ему предстоит побрить. Ефрейтор на месте, не торопясь поправил все имеющиеся у него бритвы, затем, – пробуя их ногтём большого пальца, выбрал лучшую, взбил в чашечке пену, после чего долго и тщательно намыливал генералу щёки. Вот пришла пора брить, – Щечилин, взяв в руку выбранную бритву, несколько раз неуверенно провёл ею по генеральской щеке.

- Что же, братец, у тебя руки-то трясутся? – спросил командир дивизии.

На это ефрейтор, в ещё большем замешательстве, не зная, что ответить, только опустил свой инструмент. Пришлось вмешаться:

- Товарищ генерал, наш парикмахер привык брить солдат, сержантов, старшин, иногда брил лейтенантов, один раз – даже капитана, но вот генерала – первый раз в жизни.

Тогда намыленное лицо генерала разошлось в улыбке, и он сказал:

- Нет, так ты меня обрежешь. Давай бритву, – я сам себя побрею, – и быстро побрился сам, похвалив щечилинский инструмент (бритвы, действительно, были отличные – хорошей кру́пповской стали, тщательно выправленные).

А в это время парламентёры вылезли из траншеи, встав на бруствер; трубач проиграл сигнал, а солдат, высоко подняв белый флаг, слегка помахивал им, чтобы привлечь внимание; капитан-парламентёр и переводчик стояли рядом, под флагом. Когда сигнал трубы прозвучал, все четверо широким спокойным шагом тронулись вперёд. Пройдя метров 25-ть (противник в этот момент прекратил огонь), остановились, трубач повторил сигнал. Наступившая, непривычная для фронта, тишина, а в ней – сигнал горниста, превратили поле

боя в огромную сцену, на которой вот-вот должен начаться какой-то долгожданный спектакль.

По установившимся традициям парламентёр – личность неприкосновенная, и любая сторона обязана принять его, независимо от того, какой ответ будет дан по итогам переговоров. Так бы поступил любой «порядочный» противник, но перед нашими парламентёрами были фашистские оккупанты, и от них можно было ожидать всякого. Поэтому было понятно волнение нашего генерала, который места себе не находил, широкими шагами многократно отмерив землянку вдоль и поперёк; такое же волнение испытывали все мы, особенно – те бойцы, что находились на переднем крае, ну, и, безусловно, сами парламентёры.

Вот наша группа переговорщиков прошла ещё один отрезок пути, белое полотнище флага почти повисло на слабом ветру, трубач поднёс к губам инструмент, звуки которого, призывая к вниманию, зазвучали как-то тоскливо и одиноко после обычного фронтового грохота... Но что это?

Размеренное звучание трубы прорезал такой, до боли, знакомый звук пулемётной очереди! И ещё один раз. Музыкант, опустив инструмент, медленно оседает на снег. Немцы открыли огонь по парламентёрам, да ещё подло, сначала показав, что готовы к переговорам, дождавшись, когда безоружная группа подойдёт поближе?! Когда это поняли наши парламентёры, они залегли и начали по-пластунски возвращаться к своим траншеям. На снегу остался лежать убитый трубач, как напоминание о вероломстве врага; во время отхода пулей был настигнут переводчик (меньше остальных натренированный передвигаться под огнём), но рана оказалась лёгкой.

О том, что немцы открыли огонь по парламентёрам, генералу немедленно доложили по телефону; через некоторое время, когда группа вернулась к нашей траншее, сообщили о том, что, переводчик ранен, а трубач убит (командир дивизии распорядился, чтобы ночью, когда стихнет огонь, вынесли труп музыканта). Представьте себе возмущение генерала, который допускал, что

немцы могут открыть огонь издалека, по только появившимся на наших позициях переговорщикам, как знак нежелания вести переговоры, но так – подло подпустив, да ещё даже без предупредительной очереди!

В порыве справедливого возмущения этими действиями, командир дивизии тут же по телефону дал приказ: в ответ расстрелять пленённых накануне немцев, но уже через несколько минут после этого его звонка телефонист подал трубку нашему генералу, предупредив, что на проводе командарм. Командующий предупредил нашего комдива: противник в данный момент в таком состоянии, что вот-вот начнётся, сначала одиночная, затем групповая, а после – и массовая сдача в плен; для того, чтобы ускорить массовую сдачу в плен, необходимо обеспечить гуманное обращение с пленными, даже зная, что это фашисты. Насилие над немцами (и их прихвостнями, собранными из других стран), избиение их должно строго наказываться, вплоть до расстрела; изъятие у них часов, хлеба и др. вещей строго пресекать! Генерал ответил, что приказ понял и будет его выполнять, а сразу после разговора с командующим всё содержание «беседы» передал командирам полков для доведения до всего личного состава.

После этого случая ещё несколько дней поредевшие цепи стрелкóв медленно теснили выдыхающегося противника, пока наконец, ни вступили в город, очищая его, дом за домом, от врага. На командный пункт комдива прибыл генерал-майор, зам. командующего армией и оставался там почти всё это время.

В один из этих дней (дело было уже после захода солнца) радист Фроленков, переходя на новый командный пункт, наткнулся на брошенное немцами барахло, в которого единственную ценность составляли карманные часы-будильник и маленький пистолет в замшевой кобуре. И то, и другое он передал мне; часы я ему сразу вернул, велев носить при себе и следить за точностью их хода (до этого у нас, на радиостанции не было часов), а пистолет, рассматривая, вертел в руках, пока не зная, что с ним делать. Генерал-майор

(зам. командарма), увидев это, не очень обычное, оружие, попросил подарить пистолет ему, я, согласившись, отдал. Довольный генерал сказал, что у него – ответный подарок и, сняв со своего пояса кобуру, подал мне новенький «Вальтер». Я стал отказываться, говоря, что мне, как младшему командиру, пистолет не положен, и у меня его в полку сразу реквизируют, но генерал заявил, что об этом мне не надо беспокоиться, по его распоряжению мне «Вальтер» запишут в красноармейскую книжку. Я поблагодарил генерала и сразу повесил кобуру с пистолетом на свой ремень.

Оборона немцев всё слабела, продвижение подразделений дивизии всё ускорялось. В районе ангаров аэроклуба, где кончались пустыри и виднелись обгорелые многоэтажные здания, наши стрелки́ смогли особенно быстро пройти вперёд, из-за чего КП командира дивизии значительно отстал от боевых порядков. Комдив сел на сани, запряжённые парой коней, рядом посадил меня с радиостанцией, и мы, среди бела дня, направились в, непонятном пока для меня, направлении.

Но вот, в ложбинке, дорогу нам загородило 45-м/м орудие, один из коней в упряжке которого был убит; около орудия лежали и несколько солдат и офицеров. К нам подбежал капитан Дудников, зам. начальника связи дивизии, и сказал: «Ложитесь! Снайпер», но генерал совсем не хотел вылезать из саней. Капитан настаивал, повторяя, что впереди, на выходе из ложбины, зона обстрела немецкого снайпера, и чтобы остаться целым и невредимым, необходимо выйти из саней, по крайней мере, пригнуться. Я, выбравшись, лёг на снег, генерал тоже вышел, но присел за санками. По команде генерала я вместе с ним, немного пригнувшись, перебежал опасное место, после чего зашли в землянку, уже приготовленную для командира дивизии. (Кстати, как позже выяснилось, огонь вёл не снайпер, а залёгший на верхних этажах дома, не успевший удрать, фриц).

В землянке успели приготовить телефонный аппарат, у которого [далее – тетрадь 18] находился телефонист. Я развернул радиостанцию и остался около неё дежурить на приём.

Вскоре командиру дивизии доложили, что к нашему переднему краю приближаются немецкие парламентёры с белым флагом; в ответ генерал приказал прекратить огонь, а группу переговорщиков немедленно доставить к нему.

Зная о хорошо налаженной на этом месте, надёжной работе телефонной связи, я воспользовался моментом и, посадив дежурить у рации мл. сержанта Фроленкова, сам пошёл «проветриться».

Зайдя в землянку, в которой расположилась рота связи нашего полка, я увидел пленного немецкого рядового. Он сидел, греясь у топящейся печурки, а под мышкой держал буханку солдатского хлеба. Я его спросил, говорит ли он по-русски, на что в ответ услышал:

- Трошки по-украински.

- Ты немец? – спросил я, и он ответил, что судéтский немец, а говорить по-украински научился на Украине, во время службы в оккупационных войсках. Он сказал, что четверо суток не ел, да и до этого у них, солдат, со всей немецкой группировкой попавших в окружение, был полуголодный рацион.

Сдался добровольно и вызвался агитировать своих товарищей, которые мёрзнут и голодают в окопах, сдаться. Сейчас он дожидался темноты, чтобы, не попадая на глаза своим офицерам, вернуться к сослуживцам и привести их сюда же, в спасительный русский плен, где он на себе убедился в человеческом обращении с военнопленными.

Особенно эмоционально он говорил про то, что у русских «ein Brot» [«один хлеб», нем.; имелось в виду «одна буханка»] на «zwei Soldaten» [«два солдата»], а в немецкой армии «ein Brot» на «zwölf Soldaten» [«12-ть солдат», нем.]. За время нашего непродолжительного разговора он на это успел пожаловаться несколько раз.

В это время в землянку, в сопровождении нашего автоматчика, вошли четыре румынских офицера, старший из которых был в звании майора. Красноармеец, приведший румын, передал старшине распоряжение комиссара полка накормить пленных. Их усадили за стол, на который поставили бачок каши с мясной тушёнкой, и голодные румыны, получив ложки, за несколько минут всё умяли.

Для беседы с ними пришёл комиссар полка ст. батальонный комиссар Оглуздин А. П. Перед началом разговора он им предложил по 100 грамм спирта, те с нескрываемым удовольствием выпили и, осмелев, попросили добавить ещё каши. Получив добавку и полностью утолив голод, они стали отвечать на вопросы нашего комиссара. Но прежде наш комиссар заметил:

- Плохо же вас кормит ваш Антонеску!»[1].

- Ах, Антонеску продал нас Гитлеру, а Гитлер нас кормил плохо, мы получали гораздо меньше, чем немецкие солдаты, – ответили румыны.

Старший из пленных, майор, сказал, что он не кадровый военный, а резервист, крестьянин; вопрос комиссара «бедняк, середняк или зажиточный?» румын сначала не понял, а после разъяснения ответил, что не из богатых, у него «всего только» 50 гектаров земли, а 30-ть из них – под виноградниками.

На вопрос о нашей армии румыны особо хвалили русскую артиллерию, поминая «Катюшь, Катюшь!». А на вопрос о качестве румынской артиллерии ответили, что у них своей артиллерии давно нет. «А как же вас бросили воевать без артиллерии?», – спросил комиссар. Румынский капитан (командир артиллерийской батареи) ответил, что пушки у них были, но при первой же контратаке русской армии они их побросали и с тех пор румынские войска поддерживала немецкая артиллерия, а в каждую роту был поставлен немецкий офицер, который фактически и командовал (а румынские офицеры оставались только номинальными командирами). Больше всего румын, судя по их словам и жестам, возмущало отношение к ним «своих союзников» – даже рядовые

[1] Ио́н Антоне́ску – румынский маршал, в то время – практически правитель страны, незадолго до начала войны, заключивший альянс с Гитлером.

немецкие солдаты презирали офицеров румынской армии, немецкий солдат, зайдя в квартиру или в землянку, где уже расположились румынские офицеры, немедленно выгонял их на мороз, не желая делить с ними помещение и не собираясь искать себе что-то другое.

Возмущались румыны (опять зашла речь о еде) и несправедливостью распределения питания: если в окружении немецкие солдаты стали получать крайне недостаточный паёк, то румынские офицеры и тому были бы рады, хотя основной пищей в это время стало мясо румынских коней.

В этот день и позже немецкие транспортные самолёты уже не имели возможности приземляться, а значит, – подвозить в котёл боеприпасы и продукты; вместо этого противник стал сбрасывать контейнеры на парашютах, правда в большинстве случаев эти «посылки» падали в расположение советских войск, поступая в распоряжение (доставаясь) нашим солдатам.

Так, из продовольственных контейнеров мы доставали шоколад, сливочное масло, мясные консервы, «консервированный» свежий хлеб (в целлофане), хрустящие хлебцы. Солдаты с удовольствием съедали немецкие продукты, а поднадоевшая (хотя и более сытная) мясная каша оставалась в кухнях и всё больше раздавалась военнопленным (не поставленным на довольствие).

Количество военнопленных всё увеличивалось, главным образом, за счёт румын, хорватов, поляков, судетских немцев и прочих союзников, а настоящие немцы ещё редко сдавались в плен.

Мне хотелось посмотреть на первых немецких парламентёров (интересно было и то, как их будет принимать командир дивизии), поэтому я поспешил вернуться в землянку комдива, где вновь обменялся местом дежурства у радиостанции с Фроленковым.

Как раз под охраной автоматчиков туда вошли два немца. Один – высокий худой солдат с винтовкой, на штыке которой был привязан белый носовой платочек (трофейных белых простыней, как у нас, они не имели) как

знак парламентёрской неприкосновенности. Другой фриц, обер-лейтенант[1], был пониже ростом.

Офицер доложил по-немецки, а солдат-немец перевёл на русский: «Парламентёрская делегация 100-й легкопехотной дивизии – обер-лейтенант немецкой армии такой-то и солдат такой-то». Генерал пригласил их сесть. В дальнейшем выяснилось, что офицер является командиром артиллерийского дивизиона, а солдат родился и до войны жил в советском Мариуполе, поэтому свободно говорит по-русски.

Генерал предложил им перекусить, но немцы, хотя и подтвердили, что голодны, т. к. почти не ели пять дней, всё же отказались, со словами: «Мы прибыли сюда для переговоров об условиях капитуляции нашей дивизии, а не для еды». Тогда генерал приказал адъютанту налить парламентёрам по сто грамм водки в стопку, получив которую обер-лейтенант, чуть пригубив, поставил на стол, а солдат, запрокинув голову и широко раскрыв рот, залпом опрокинул себе в глотку.

После этого генерал предложил приступить к переговорам, но обер-лейтенант попросил прежде отдать приказ о прекращении артиллерийского огня, ведущегося нами по территории, на которой располагается их дивизия. Генерал тут же отдал такое приказание артиллерии своей дивизии, но обер-лейтенант вновь обратился: «Господин генерал, позаботьтесь, чтобы прекратился огонь и с другой стороны котла, от Волги, вот здесь, с востока», – и показал на карте место, где находилась сейчас его дивизия. Генерал поручил начштабу договориться об этом, а немца спросил, каково качество артогня советской артиллерии. Через переводчика стало понятно, что на этом фронте артиллерия Красной армии последние недели находится на очень высоком

[1] Можно отметить, что немцы прислали на переговоры, с одной стороны, человека в ранге офицера, но, с другой стороны, не соответствующего по рангу того, с кем ему предстояло договариваться, не распоряжающегося в реальных военных действиях подразделением большим, чем взвод, в крайнем случае, рота.

уровне, противник несёт от её огня самые большие потери, а особенно – от «Катюш».

Когда доложили о прекращении нашего артогня и со стороны Волги, начались переговоры, которые очень скоро дали результат: 100-я лёгкопехотная дивизия Вермахта сдаётся на условиях Рокоссовского. Эти условия были хорошо известны немецкой стороне, потому что о них сообщалось в трансляциях из громкоговорителей и в листовках, которые сбрасывали на территорию, занятую врагом. Смысл условий состоял в том, что добровольно сдавшимся в плен солдатам и офицерам гарантировалась жизнь, последующее возвращение после войны на родину, обеспечивалось извещение их семей о пребывании солдата в плену, достаточный рацион питания, а офицерам – сохранялись знаки различия, личное холодное оружие и личные вещи.

Для ознакомления немецкой стороны с принятыми условиями капитуляции в расположение их войск с нашей стороны направлялась делегация, а пока готовились тексты на немецком и на русском языке, генерал повторил предложение перекусить и отдохнуть.

Вызвав повара штаба дивизии, он приказал накормить немецкого офицера-парламентёра и других пленных офицеров. Повар возразил, что привёз обед только по норме, рассчитанной на наших штабных офицеров, а на немцев ничего не имеет, однако комдив повторил своё приказание, добавив, что наши офицеры не останутся голодными, им хватит трофейных продуктов.

Повар пошёл в соседнюю землянку, я последовал за ним, посадив у радиостанции, отдохнувшего за это время, Фроленкова. В этой просторной землянке вдоль стен были устроены двухэтажные деревянные нары, а посредине висела матерчатая занавеска. В одной половине, на нижних койках, сидели трое пленных офицеров-хорватов и обер-лейтенант–парламентёр. В другой половине, за занавеской, кроме нар, находились многоярусные по́лки, на которых стояли фарфоровые тарелки и другая посуда. Тут же стоял

армейский термос с крутой жирной мясной кашей, а рядом – несколько котелков.

Около нар стоял небольшой домашний стол и табуретки. На нём повар порезал буханку солдатского хлеба, затем разложил в котелок кашу и, положив по сторонам четыре ложки, позвал пленных обедать.

Офицеры сели за стол; старший, хорват в звании капитана (гауптман[1]), взял ложку и, отломив кусочек хлеба, раза два по чуть-чуть зацепив каши, положил ложку на стол; остальные вообще ни к чему не притронулись.

Наш повар в ядрёных выражениях, хотя и тихо, выразил своё негодование таким поведением пленных офицеров, недоумевая, что им ещё надо, почему не едят. Тут я высказал предположение, что они брезгуют есть из одной посуды, и посоветовал повару дать им тарелки, на что повар с возмущением заявил: «Где я им ещё каши возьму?! И так последнюю отдал». «Тогда, – говорю, – унеси котелок за занавеску, и там кашу из него в тарелки переложи»; так и было сделано. На этот раз все пленные взялись за ложки, но съев совсем немного, отложили ложки в сторону. Не помогла и водка, которую подали им по стопке.

Пленные сидели за столом, с улыбками на лице, как человек, попавший из кошмара войны в спокойную обстановку. Им больше ежесекундно не грозила смерть, прекратились их страдания от, непривычного для них, иногда – нестерпимого, холода, перед ними стояла настоящая человеческая еда! Но тут я вспомнил, что наше русское гостеприимство было обращено к тем, что пришёл в нашу страну, убивая советских людей, может быть, и женщин, детей; они считают нас и всех остальных «недочеловеками», их Гитлер заранее освободил каждого фашиста от переживаний и сомнений за любые злодеяния.

Вошедший офицер нашего штаба предложил пленным побриться; на это они охотно согласились. Но мне уже было противно смотреть на любые их действия, и я ушёл из землянки.

[1] Чин, находившийся между званий обер-лейтенанта и майора, и, действительно, соответствующий нашему званию капитана.

К этому времени для оформления капитуляции 100-й легкопехотной дивизии немцев была собрана группа наших парламентёров; помню, что в неё вошли командир 2-го стрелкового батальона капитан Иванов Григорий Игнатьевич, командир учба́та [учебного батальона] капитан Суворов и ещё несколько офицеров.

Вечером немецкие переговорщики повели наших представителей в расположение своих войск. Командование их дивизии размещалось в подвале полуразрушенного дома, и когда наши офицеры проходили подвалами, находящиеся там немецкие солдаты оживились – среди немецкой речи всё чаще, с радостными интонациями, звучало русское слово «плен». Вот, значит, до чего дошла непобедимая немецкая армия, «сверхчеловеки»[1], – даже плен им кажется таким желанным!

Однако командир немецкой дивизии отказался принять наших представителей и подписывать, какую бы то ни было, капитуляцию. Будто бы он заявил, что он сдастся в плен только в бою. Отказ от подписи капитуляции, скорее всего, объясняется боязнью немцев за своих, оставшихся в Германии, родных, которым могли не простить добровольную сдачу в плен их находящихся на фронте родственников.

Офицеры нашего штаба (и все, кто знал об этих не афишируемых переговорах), конечно, были разочарованы таким результатом, точнее, почти полным отсутствием этого результата. Обсуждая, как поступить, договорились, что завтра, как только рассветёт, наши стрелки́ пойдут без выстрела в атаку, а за ночь состав немецкой дивизии будет сосредоточен в этом здании; когда атакующие советские бойцы подойдут к дому, немцы, выбросив белый флаг, станут выходить, бросая оружие.

[1] Übermensch / сверхчеловек, нем.; так, в отличие от недочеловека / untermensch – представителей, обозначенных нацистами как низшие расы, – цыгане, евреи и др., воспользовавшись философскими образами, предложенными Фр. Ни́цше, называли себя и подобных себе «истинные арийцы» – А. Гитлер и его последователи.

Неизвестно, как бы назавтра всё произошло: как задумывали мы, или противник выкинул бы очередной фортель, – но тут в боевые порядки полков нашей дивизии прибыло из ремонта два танка (входящих в поддерживающий нас танковый полк, в котором больше машин к этому моменту не осталось совсем). Когда утром цепи красноармейцев выскочили из укрытий и с криком «Ура!» побежали вперёд, к полуразрушенному дому, где сосредоточились остатки 100-й немецкой бригады, в том же направлении выдвинулись танки, дав несколько залпов.

Один из комбатов подбежал к ближайшему танку и, постучав по броне лопаткой, крикнул: «Зачем стреляете? Прекратите огонь!». Высунувшийся танкист, то ли язвительно, то ли с искренним удивлением, спросил: «А что, тебе фрицев жалко?». Комбат объяснил замысел. Пушки танков своими выстрелами стали последним доводом[1], склонившим врага к самому правильному для всех решению, – немцы тут же выбросили белый флаг и стали выходить из подвалов дома, бросая на снег оружие.

Через несколько минут образовалась колонна военнопленных, число которых две тысячи. Но тут возникла ещё одна проблема – конвоировать такую длинную колонну было некому, потому что в нашей дивизии к этому дню насчитывалось всего чуть больше сотни активных штыков. Во главе колонны пошёл с пистолетом мл. лейтенант Голованов, командир взвода связи, а замыкал её один автоматчик.

Воспользовавшись моментом, разведчики дивизии, действующей по соседству с нами, завернули часть пленных в свою полосу. Командир нашей дивизии, узнав о такой «краже» или «дружеской помощи» [далее – тетрадь 19], был этим взбешён, вызвав к себе майора, начальника нашей разведки, потребовал от него, чтобы тот лично ехал в ту дивизию и вернул перехваченных пленных. Однако наш майор съездил впустую – захваченных немцев нам не вернули.

[1] «Ultima ratio regum» / «последний довод королей», лат.; известное выражение, которое когда-то по указанию кардинала Ришелье выливали на пушках.

И вот длинная колонна пленных потянулась в тыл. Измождённые, обросшие, помороженные, неряшливо, кое-как одетые (позже мы узнали, что очень многие из них, из-за плохого качества местной воды и из-за какой-то инфекции, страшно страдали животами), понурив голову и потупив взгляд, шагали непобедимые солдаты Гитлера, покорители Европы.

Многие для защиты от «русского» мороза обвязали уши и лица полотенцами, одеялами, у некоторых и ноги были завёрнуты кусками одеял. Я уже описывал случай, которому сам был свидетелем, когда немцы снимали с оставшихся на поле боя убитых советских солдат шапки-ушанки, валенки; оказывается, так этой зимой, под Сталинградом, они поступали постоянно. Но, готовясь к сдаче в плен, сами солдаты или по указанию своих офицеров, в советском обмундировании появиться на наши глаза не рискнули. На этом фоне ещё разительнее была видна неприглядность этого побитого воинства по сравнению с нашими бойцами: сытыми, румяными, чисто выбритыми, тепло одетыми в валенки, шапки-ушанки, барнаульские полушубки.

Командир нашей дивизии (Васильев) спросил, есть ли в колонне генералы, и получил ответ, что генералов нет, есть один полковник, которого тотчас привели к нашему генералу. (Немецкий генерал-майор, командир этой, 100-й легкопехотной, дивизии, действительно не пожелал сдаться в плен, как это сделали его подчинённые, и в колонне его не было; куда он делся, я достоверно не знаю, потому что, по словам одних, он, де, застрелился, а другие утверждали, что он всё-таки сдался, но только нашим соседям по фронту).

Когда пленного полковника привели к нашему генералу, он спросил немца, не обижают ли того конвоиры или кто-то другой, цело ли его имущество. Немец ответил, что неприятностей ему никто не делал, а личные вещи (чемодан) нёс его денщик, который был уведён по другой дороге. Генерал тут же приказал начальнику разведки разыскать чемодан и денщика немецкого полковника (вскоре начальник разведки доложил, что приказание выполнил).

После пленения немецкой 100-й дивизии наши стрелковые части, быстро продвинувшись вперёд, соединились с подразделениями героической 62-й армии, наступавшей от Волги, этим самым разрезав большой сталинградский котёл на две части – северную и южную; через некоторое время – совместными усилиями покончили с врагом, окружённым в южных кварталах города.

В эти же дни я вернулся в свой полк. Генерал-майор Васильев был назначен заместителем командующего 21-й армией, а командиром дивизии стал полковник Дёмин. Наша 298-я стр. дивизия (в состав которой входил и мой полк) была переподчинена (от 21-й армии) 24-й армии, которая с южного направления доколачивала немецкую группировку.

2 февраля, утром, наш полк был построен для марша на север города, где ещё продолжали сопротивляться окружённые немецкие части, но как раз в это время пришло известие, что и там враг сложил оружие и сдался в плен, т. ч мы остались на месте. Отдельные запрятавшиеся фрицы не сдались, и ещё несколько дней велась зачистка города.

Так, один немец замаскировался в окопе у развалин разрушенного здания, а когда его обнаружили, начал отстреливаться из пулемёта; пришлось целому подразделению проводить операцию по его уничтожению. Пока окружившие его с трёх сторон вели по нему огонь, двое наших бойцов пробрались через развалины с тыла и, бросив гранату в амбразуру, прикончили фашиста.

Другой немецкий офицер был обнаружен в развалинах, где он, запас столько продуктов, что надеялся отсидеться до лета, чтобы уже тогда перебраться через линию фронта к своим (он и не мог предположить, что фронт уже в данный момент, с окружением и уничтожением сталинградской группировки противника, отодвинулся на 400 километров на запад).

В то время, как наша дивизия и части, действующие рядом с нами, ведя бои с окружёнными, продвигалась на восток, войска Сталинградского и Юго-Западного фронтов, отразив попытку танковых дивизий Манштейна прорвать внешнее кольцо окружения, стремительно двинулись на запад. Сначала район

города, где расположились службы нашей дивизии, а потом – и весь Сталинград, стали глубоким тылом.

Последние активные пулемётные и орудийные выстрелы, не смолкавшие здесь более шести месяцев, отзвучали утром 2 февраля 1943 года. Вдруг стало необычайно тихо! Правда, это не было абсолютной тишиной мирного времени, ещё изредка, то тут, то там, раздавались автоматные или пулемётные очереди, а иногда звучал и негромкий выстрел сорокопятки [45-м/м противотанковой пушки] по обнаруженному и не желающему сдаваться немцу, случалось, раздавался взрыв мины, на которую напоролся неосторожный солдат, но всё-таки это не́ были звуки боя. Но несколько дней, пока мы не привыкли к ней, эта внезапная тишина даже немного настораживала.

Во время боёв по ликвидации не сдавшейся части окружённой немецкой группировки мы из газет узнали об упразднении в нашей Красной армии института комиссаров и должности политрука роты (вводилось строгое единоначалие командира). Теперь командир сам руководил политической и воспитательной работой во вверенном ему подразделении. Освободившиеся политработники переводились на командные должности, предварительно пройдя соответствующее обучение.

Комиссар дивизии Шлихтер (его имени-отчества не помню) от нас куда-то выбыл; заместителем командира дивизии по политической части стал начальник политотдела подполковник Шварёв Михаил Анастасович. Рота связи тепло проводила своего политрука младшего политрука Журилова, ветерана роты, уехавшего на командные курсы.

Во время сталинградских боёв старшиной роты был старшина Щербаков, который в таких трудных условиях смог умело организовать хозяйство подразделения. Он всегда знал, где находятся солдаты его роты, вовремя доставлял обед каждому; не было такого случая, чтобы хоть кто-то был чем-либо обделён.

Особенно больших усилий и изворотливости требовалось, чтобы накормить лошадей, но у нашего старшины и они всегда были «в теле». На корм лошадям шло всё, что только можно, иногда даже – трофейные немецкие соломенные «лапти» (которые подвозились противником на фронт откуда-то из тыла и предназначались для того, чтобы солдаты надевали их на ботинки или сапоги). Когда, казалось бы, уже совсем нечем кормить лошадей, и дежурный повозочный просил у политрука: «Товарищ политрук, дайте газетку, пусть хоть лошади почитают, пока им есть нечего!», – запасливый старшина вытаскивал из какой-нибудь брички припрятанный на такой случай мешок концентратов или что-то другое.

Сибирские, неприхотливые к корму, лошади съедали всё, что им ни дадут. Может быть в шутку, рассказывали, что в батальоне связи привязали на ночь восемь лошадей к бричке, так от неё наутро остались одни железки.

А рассказывая о хозяйственности старшины Щербакова, стоит признать не просто его заботу, а даже талант в деле пополнении нашего «боевого» имущества. Для связиста (телефониста) самое важное – наличие достаточного количества кабеля и телефонных аппаратов, и наш старшина, где только предоставлялась возможность, подбирал немецкие барабаны с кабелем, а иногда и сматывал брошенные противником линии. Благодаря его заботам, в кабеле никогда наш полк не испытывал недостатка.

Во время сталинградских боёв из газет мы узнали о введении новой формы и новых знаков различия. Известие о введении погон был встречено по-разному. Пожилые, участники гражданской войны или те, кто был тогда подростком и помнил «белых» и их зверства, недоумевали; молодые же: кто – с равнодушием, кто – с одобрением.

Вскоре, с окончанием в городе активных боёв, состоялся митинг, посвящённый этой исторической победе на Волге. В параде по такому случаю участвовали и подразделения нашей дивизии.

В первые после окончания боёв дни офицеры, сержанты и солдаты тех частей, что стояли за пределами Сталинграда, старались, специально или попутно (при выполнении приказаний командиров), побывать в этом, ставшем историческим, городе, в городе, под стенами которого при жизни одного поколения уже дважды[1] случились грандиозные сражения.

За время боёв город почти весь был разрушен, уцелела только очень малая часть жилых домов, эти, чудом сохранившиеся, небольшие деревянные домишки стояли пустые.

К нашему появлению кое-где оставались немногочисленные жители, которые ютились в погребах и в землянках. Часть населения города было эвакуирована за Волгу с первыми бомбёжками. Несколько десятков тысяч горожан, главным образом, стариков, женщин и детей, погибли при бесконечных бомбардировках вражеской авиации.

Пока город защищался, все мужчины, способные носить оружие, либо были призваны в ряды Красной Армии, либо в отрядах народного ополчения защищали родной город; многие отдали за него свою жизнь.

Более 300 тысяч немецких офицеров и солдат было окружено под Сталинградом; все те, кто не сдался, остался в городе, но мёртвым. Остатки войск генерал-фельдмаршала Паулюса, отборных воинских частей фашисткой Германии мы застали либо уже в виде жалких военнопленных, либо в виде, остававшихся на улицах города, трупов, которые были в первые же дни немецкими военнопленными (под конвоем наших солдат) собраны и преданы огню.

Видя всё это, мы вспоминали бессмертные слова Александра Невского[2] «Кто к нам с мечом придёт, от меча и погибнет!». Не с мечом пришли они к

[1] Первым, оказавшимся по продолжительности более масштабным (с июля 1918 г. по январь 1920 г.), сражением можно считать три обороны Царицына, оставление и возвращение его Красной Армией в ходе Гражданской войны.

[2] Некоторые историки считают такое авторство сомнительным и даже спорным, ссылаясь на древнеримский эквивалент «Кто воюет мечом, от меча и погибает»; история России показала, что эти слова, кто бы их не произнёс, у нас всегда подтверждаются делом.

нам, а с самым совершенным вооружением: автоматами, пулемётами, всевозможными артиллерийскими средствами; их войска были насыщены танками, автомашинами и т. д. Их вооружала, одевала и кормила почти вся Европа. Однако всё это не обеспечило им победы.

В эти дни мне вспоминался Западный фронт, бои под Зайцевой Горой, где наша дивизия участвовала в операции, имевшей целью окружить крупную вражескую группировку в районе Вязьмы. Тогда не получилось – сейчас смогли! Было очевидно, что сила нашей армии растёт, умножаемая опытом и талантом наших полководцев – всё это давало полную уверенность в неизбежности нашей победы, в неизбежности краха фашистской Германии. Когда и как это будет, никому известно не было, но это, несомненно, будет!

Однако, много ещё врагов с «мечом» находилось на нашей, советской, земле; ещё много сил, крови, жизней наших людей потребуется для окончательной победы. Нужно было готовиться к новым сражениям!

[Далее – тетрадь 20.]

Глава IV

«В Резерве Верховного Главнокомандования»

По окончании боёв по ликвидации окружённых под Сталинградом немецко-фашистских войск Донской фронт был ликвидирован; часть Армий, входивших в него, была придана другим фронтам, а часть, – в том числе, наша 24-я, составила Степной фронт, находящийся в Резерве Главного Верховного Командования.

Воинские части нашей дивизии были выведены из города и расположены в районе больницы и в оврагах у реки Царицы. Рыть землянки и готовить другие помещения не пришлось, т. к. много хороших землянок осталось от немцев, готовившихся к другим событиям, нежели им предрекла история и русский солдат.

Эти землянки были обшиты тёсом, в них были окна и двери, железная печка, – чаще всего, вывезенные из разграбляемого фашистами города. Даже заготовленные в каждой землянке дрова в основном были напилены немцами из деревянных домов (специально для этого разрушаемых).

В дни, когда нашу часть вывели из города, проходила съёмка кинокартины «Сталинградская битва», где были задействованы и отдельные подразделения нашей дивизии.

Ведущие в это время наступление войска нескольких наших фронтов продолжали стремительно продвигаться вперёд, на запад, к Днепру, но немецкое командование стянуло в этом направлении все свои резервы, в том числе перебросив силы из Западной Европы, и начало контрнаступление. Чтобы вывести из-под угрозы поражения на данном участке советско-германского фронта, наши войска были отведены назад, при этом были оставлены Харьков и ряд других городов. Сообщение Совинформбюро об этом было встречено нами с недоумением, ведь за последнее время мы начали привыкать к тому, что наши части только наступают. Но война есть война, и,

хотя мы понимали, что отход с этой нашей территории лишь временный, всё же было очень грустно, а главное, – страшно за тех людей, которые оказались под фашистом.

Известие об оставлении нескольких городов, омрачило нашу радость по случаю опубликования приказа о вручении ряду дивизий, в том числе, – и нашей, гвардейских знамён. Так наша воинская часть стала называться 80-я гвардейская стрелковая дивизия. Входящие в состав дивизии подразделения также получили новое наименование: 886-й стрелковый полк стал 217-м гвардейским стрелковым полком, 888-й – 230-м гвардейским, наш, 892-й – 232-м гвардейским стрелковым; артиллерийский полк стал 171-м гвардейским артиллерийским[1]. Новому командиру дивизии, полковнику Дёмину, было присвоено звание генерал-майора.

Вскоре состоялось вручение гвардейского знамени; по этому случаю состоялся парад частей дивизии. Это был первый парад, в котором участвовала наша дивизия.

Наш полк для следования на парад был построен около землянок, и тут мы увидели, как же мало нас осталось! В обычном комплектовании такая численность бойцов составляет роту.

Командир полка подполковник Шухин Константин Михайлович тщательно осмотрел каждого солдата, обойдя строй спереди и сзади. Все солдаты и сержантский состав имели свежие подворотнички, сапоги, которые были тщательно начищены трофейным гуталином (так, что даже на свежем воздухе в нос ударял его специфический запах), хотя 2–3 солдат подполковник отправил из строя из-за недостаточно блестевших задников сапог. Когда, начистив обувь уже безукоризненно, вернулись в строй проштрафившиеся солдаты, полк перестроился в колонну по четыре; была дана команда «На плечо! Шагом марш!», и мы направились к месту парада. С непривычки было

[1] Воевавшие же в составе дивизии, отмеченной таким образом за воинскую доблесть и умение, бойцы стали воинами-гвардейцами: гвардии рядовой, гвардии лейтенант и т. д.

тяжело нести винтовку «на плечо», однако полк довольно стройно прошёл к месту построения всей дивизии.

Звучит команда «Смирно!», тут же заводит дробь барабанщик (могу ошибаться, но мне кажется, что среди уцелевших солдат дивизии нашёлся такой музыкант), и вот – выносят гвардейское знамя, алое полотнище с портретами наших вождей. Командир дивизии и представитель командования (вроде бы, из штаба фронта), вручавший знамя, были в погонах. Это были первые новые погоны, которые мы увидели.

Принимая знамя, наш генерал-майор опустился на одно колено и поцеловал край полотнища. Затем раздалась команда «Под знамя смирно! Равняйсь!», и перед рядами несут гвардейское знамя. Когда полотнище разворачивалось движением воздуха, была чётко видна золотая надпись «80-я гвардейская стрелковая дивизия». Провожая взглядом знамя, каждый из нас думал о том, что рядом с этим флагом незримо, в нашей памяти, стоят наши погибшие друзья, что под этим стягом нам предстоит прогнать врага с советской земли, а кому-то из нас, суждено принять смерть за свободу своей Родины, за своих близких!

Когда знамя заняло своё место на правом фланге, раздалась команда «К торжественному маршу первая рота прямо, остальные – направо!». Такие команды воинской церемонии мы слышали первый раз, и всё это подчёркивало значительность происходящего, и, ещё гораздо сильнее – уникальность произошедшего, перевернувшего не просто войну, а судьбы людей и целых стран. Такое запоминается на всю жизнь.

Вскоре, после парада, всему личному составу были выданы гвардейские значки; вручал их в подразделениях, в торжественной обстановке, зам. командира полка по политической части подполковник Оглуздин Александр Петрович.

В конце февраля приказом командира дивизии все радисты для учёбы сводились в радиовзвод. Командиром батальона связи тогда был капитан Дудников, а командиром взвода радиосвязи – лейтенант Снегирёв.

Я выстроил своё отделение и повёл в расположение батальона связи, который располагался в больших землянках, в районе больницы, на самой вершине солидного по размерам оврага (разрезавшего крутой берег р. Царицы).

В батальоне связи мне, прежде всего, предложили сдать неположенный сержантскому составу пистолет «Вальтер» (подарок зам. Командующего 21-й армии). Я, было, возразил, что пистолет записан у меня в красноармейскую книжку и числится за мной в полку́, но зам. командира батальона на это возразил, что такого нарушения устава он допустить не может, поэтому я обязан, пока нахожусь в батальоне связи, сдать оружие, уходя же в полк, смогу получить его обратно. Таким же образом у всех владельцев были изъяты часы-будильники, как трофейное оружие, хотя положенные по штату часы для радиостанции выданы не были.

В одной из просторных землянок был оборудован добротный радиокласс (такой редко можно было встретить и в мирное время): каждое рабочее место – с ключом Морзе и головными телефонами. На столе преподавателя был коммутатор, позволявший слушать любого из обучающихся радистов, передавать каждому по отдельности или вести циркулярную передачу. Ламповый звуковой генератор обеспечивал устойчивую слышимость.

Обучение в основном состояло из тренировки приёма-передачи на азбуке Морзе, также много времени уделялось изучению (для других, более опытных радистов – повторению) электротехники, радиотехники, материальной части радиостанции; кроме того, гораздо меньше по отводимому времени, шли занятия по физической подготовке, повторению военного устава. Два часа в неделю шли занятия по политической подготовке.

После месяца довольно напряжённой учёбы все радисты могли прилично работать на ключе и принимать на слух, как цифровой, так и буквенный текст;

могли вступать в связь и вести обмен. За такой короткий срок, для тех, кто только на войне столкнулся с профессией радиста, это было большим достижением.

В конце сборов были проведены испытания на классность, после которых присваивалось звание: радистам III класса – младший сержант, радистам II класса – сержант или старший сержант, радистам I класса – старшина. Я, со своим 10-летним опытом работы в гражданской связи, без особого труда сдал на I класс, и приказом командира дивизии мне было присвоено звание старшины (гвардии старшина); такое же звание получили, так же сдав экзамен, Арчибасов из 230-го гв. стр. п. и ещё один радист из батальона связи, фамилии которого я не помню). Мой помощник Фроленков сдал на II класс и получил звание «гвардии сержант», Платонов, сдав на III класс, – «гвардии младший сержант»; один ефрейтор Щечилин не сдал на класс, но и ему было присвоено звание младший сержант, как пом. командира отделения.

Из остальных радистов мне запомнился, своей серьёзностью и быстрыми успехами, начальник радиостанции 217-го гв. стр. п. Плеханов Семён Иванович (он сдал на II класс и получил звание сержанта), а также – ефрейтор Уткин, который как радист был не ахти какой, но всех поражал своим умением в любых обстоятельствах поднять дух, развеселить окружающих. Так, во время этих сборов, мы познакомились и лично, и, в дальнейшем, в сеансах связи, представляли друг друга.

Вскоре же в газете «Атака» были опубликованы приказы командира дивизии и командиров полков о награждении отличившихся в боях под Сталинградом красноармейцев, сержантов и командиров.

Меня, приказом командира полка, наградили медалью «За отвагу»[1]. Я понимал свою роль в обеспечении устойчивой радиосвязи между командиром дивизии и командиром полка, но всё-таки мне казалось, что я не достоин медали с таким названием «За отвагу», ведь, к примеру, стрелки́ первой линии,

[1] Можно посмотреть по адресу: http://podvignaroda.mil.ru/?#id=18838652&tab=navDetailDocument – медаль «За отвагу» (наградной приказ от 06.02.1943; п. 10 на 3-й странице).

в отличие от нас, радистов, вынуждены проявлять смелость каждый раз. Кроме того, я чувствовал на себе долю вины за то, что связь под Сталинградом использовалась всё же недостаточно активно, а командиры и штабные работники ещё не вполне умели использовать её преимущества. Однако командование имело другое мнение, и, выходит дали «За отвагу» – за то, что, вместе с другими боевыми товарищами, отвáдили у врага желание попасть в Сталинград.

Вскоре после опубликования приказа о награждении командир роты вызвал меня, сообщив время и место получения награды. Приведя в порядок своё обмундирование, тщательно надраив кирзовые сапоги, подшив новый подворотничок, я, в назначенный час, направился в клуб дивизии.

Клуб дивизии помещался в, очень больших размеров, землянке, в которой была оборудована небольшая сцена, и могло поместиться около ста человек зрителей.

Когда землянку наполнили солдаты, на возвышение прошёл командир дивизии генерал-майор Дёмин в сопровождении адъютанта и работников штаба дивизии. После команды «Вольно!» все уселись, работник штаба начал зачитывать звания и фамилии награждаемых, добавляя название вручаемого ордена или медали. Под звуки небольшого оркестра вызванные проходили к столу, получая в левую руку коробочку с наградой и временное удостоверение, правой отвечали на рукопожатие-поздравление комдива. Вся эта торжественная процедура продолжалась несколько часов, а в завершении генерал-майор ещё раз поздравил награждённых с получением высоких правительственных наград, пожелав всем успехов в предстоящих боях.

Как я писал ранее, во время боёв винтовки у связистов были изъяты для вооружения пополнения, и мы их получили только после пленения сталинградской группировки немцев. Когда старшина выдал мне 5 винтовок (для меня и для моих подчинённых), я обратил внимание на то, что одна из них длиннее остальных. Оказалось, что эта винтовка ещё 1923-го года (остальные –

1931-го года выпуска, причём все – образца 1881-го года!); досталась она радисту Платонову Д. Ф., как ровеснику этого оружия (и ружью, и бойцу в наступившем году исполнялось 20-ть лет).

У данной винтовки не сохранилось шомпола, а шомпола́ других винтовок были для неё коротки. И вот, во время пребывания в батальоне связи, Платонов решил почистить винтовку двумя шомпола́ми и заклинил их в стволе так крепко, что все усилия вытащить уже никакого положительного результата не дали.

Узнав об этом происшествии, я велел Платонову отставить винтовку и больше ничего не предпринимать, сам пошёл к оружейному мастеру, который, выслушав мой рассказ, велел принести злосчастную винтовку. Но, вернувшись, я обнаружил, что винтовка уже свободна от шомпола́в.

Платонов доложил, что они заложили в патронник патрон без пули, укрепили винтовку наверху окопа, в овраге, а сами спрятавшись в окоп, дёрнули за провод, другим концом привязанный к спусковóй скобé. Пороховые газы выбили застрявшие шомпола. Поругал я их за это (ведь могло и разорвать ствол или просто раздуть), однако дело было сделано.

Кроме учёбы в батальоне связи, мы занимались чисткой трофейного оружия – немецких винтовок. В марте месяце их стало вытаивать из-под снега много, и командование приказало подбирать такое оружие, тщательно чистить и, смазав, уку́поривать в ящики. Не знаю, кто ходил подбирать, чистить же приходилось нам, а это не простое дело – на каждую винтовку, чтобы полностью избавить её от ржавчины, уходило несколько часов.

Спали мы в землянке, человек десять на сплошных нарах, головами к стене, ногами к проходу. Никаких спальных принадлежностей и постельного белья не было. Под голову клался вещевой мешок и (в момент ношения зимней формы) шапка-ушанка; сапоги снимались и ставились в ноги, а на голенища навязывались портянки (и для просушивания, и чтобы по тревоге быстро обуться). Гимнастёрка и брюки не снимались, лишь развязывался пояс, да

расстёгивался ворот. У шинели расстёгивался хлястик, и её хватало, чтобы и постелить её под себя, и укрыться сверху (т. е. – завернуться в неё).

Старшина Арчибасов предпочитал не снимать с ног сапоги. А сапоги у него были трофейные, немецкие кожаные, с толстой подмёткой, пробитой многочисленными гвоздями с большими коническими головками (вроде шипов у подковы). При этом он сразу предупредил нас, что он очень крепко спит, а если есть в этом острая нужда, то, ни в коем разе нельзя становиться против его ног, т. к. он в такое моменты, в полусонном состоянии, «лягается». И, на самом деле, приходилось быть очень осторожным, чтобы не получить очень чувствительный удар тяжёлыми сапогами с гвоздями на подошве.

[Далее – тетрадь 21.]

Обеды мы получали из котла походной кухни батальона связи. Ходить в наряд на кухню нам не приходилось (основной объём работ заключался в чистке картошки, однако в этот период свежей картошки не было, и в суп закладывали сухую).

Кроме того, для выполнения разных работ, на кухне прижился пленный «фриц»; он таскал воду в котлы и мыл их, колол дрова. Воду он доставлял так: три–четыре 20-литровые канистры он привязывал на верёвку и волоком тащил их по дну оврага к реке Царице, у берега набирал воду из родников, а затем, так же, волоком, возвращал ужé полные ёмкости. К концу сборов этот немец был отправлен в лагерь для военнопленных, мы же вернулись по полкам.

По возращению в роту связи мы разместились в просторной землянке с тёплой чугунной печкой. Стены землянки были обшиты тёсом. Вдоль стен стояли двухъярусные койки, сделанные из деревянных брусков. Недалеко от входа стояла пирамида для винтовок. В углу, около печки, стояла трофейная немецкая винтовка, которая предназначалась для растапливания печи. Для этого дневальный брал немецкий патрон, вставлял пулю в ствол, после чего, раскачивая патрон, ослаблял и легко убирал пулю, порох же из патрона высыпался на клочок газеты, который подкладывали под лучину.

Огоньку давала немецкая зажигалка или наша самодельная «Катюша». Трофейных зажигалок к этому времени сохранилось уже мало, поэтому основным орудием добывания огня, и для прикуривания, и для разжигания печки, вновь, как и прежде, до Сталинграда, было кресáло. Если от зажигалки можно было поджечь лучины непосредственно, то с кресáлом требовался порох, который от искры вспыхивал и этим поджигал сухую лучину.

Самодельное кресало состояло из куска камня-кремня́, стальной пластинки и фитиля, который делался из куска бинта, свитого в виде шнурка и проваренного в солёной воде. Защищая рабочий конец фитиля́ от осыпания пепла, его хвостик держали в пустом патроне с отрезанным донышком. Для добывания огня в левую руку (правши) брали кремень с прижатым к нему фитилём, по кремню сильно били стальной пластиной, зажатой между пальцев правой руки. При ударе из кремня вылетал рой искр, и если одна из них попадала на трут, он начинал тлеть (чаще всего, чтобы достичь результата, приходилось с большой силой ударить по кремню раз десять). От тлеющего фитиля прикуривали или, поднеся поближе, воспламеняли порох, от которого загоралась лучина, а затем – и все дрова.

Вспоминая о фронтовом кресале, нельзя не вспомнить о бумаге, из которой крутили папиросы, но, сначала – о газетах. Газеты мы получали аккуратно, прочитывали их поодиночке и группами, часто обсуждали прочитанное. Знакомство с очередным номером чаще всего начиналось у нас с чтения сводки Совинформбюро, хотя я, к примеру, ежедневно утром прослушивал сводку по радио, коротенько записывая её и докладывая позже командиру полка. Так вот, все газеты, после их прочтения, делились между солдатами, т. к. газетная бумага шла на завёртку папирос (изредка мы получали маленькую пачку нарезанной папиросной бумаги, но использовали её лишь при отсутствии газетной).

Занятия с радистами в роте проводить удавалось редко – часто бывали в наряде: на кухне, дневальными, дежурили по роте. Но заниматься было

необходимо, ведь кроме специальной подготовки по радиоделу связисту на войне важно при необходимости уметь и хорошо стрелять, правильно и быстро окапываться, маскировать окоп и радиостанцию, уметь передвигаться под миномётным огнём. Если не научиться всему этому, то трудно рассчитывать, что в бою останешься цел и сохранишь рацию или телефон, от надёжной работы которых очень часто зависит жизнь и здоровье других бойцов.

Не желая полагаться в будущих боях только на удачу, хотя и веря в неё, я каждый день, как только радисты были свободны, проводил с ними занятия.

Однажды мы (человек 15-ть, радистов и телеграфистов[1]) пошли на стрельбище. Так как трофейных патронов в роте имелось в неограниченном количестве, то для стрельбы взяли две немецкие винтовки (в том числе ту, что применяли при растопке) и к ним коробку патронов. Отрабатывали стрельбу лёжа с упора; для этого на стрельбище были приготовлены мелкие окопчики с валиком, на который при стрельбе ложилась винтовка.

Когда были установлены мишени, в одном из окопов лёг радист Платонов и стал прицеливаться, а я встал около его головы, чтобы следить за правильностью прицеливания (чтобы стреляющий не заваливал винтовку). Платонов выстрелил – раздался звук выстрела, и в то же время какой-то предмет с жужжанием пролетел в сторону, мимо меня, однако я, увлечённый наблюдением за тем, как проводит стрельбу Платонов, не обратил на это внимания.

Рядом стреляли телефонисты под руководством командира взвода Переверзева, и когда все стрелявшие произвели по одному, пробному, выстрелу, пошли к мишеням, проверить результат, чтобы в дальнейшем сделать поправки. Смотрим – мишень Платонова чиста, хотя, я видел, прицеливался он правильно и уж, по крайней мере, не в яблочко – так в молоко, должен был попасть. Однако приходилось констатировать, что прицеливание было не верным, раз попадания нет.

[1] Телеграфист – отдельная военная специальность, отличная от специальности «телефонист».

Ещё раз объясняю Платонову правила прицеливания, предположив, в чём могла быть ошибка, рассказал, как устранить. Вручаю второй патрон; Платонов спокойно ложится в окоп, расставив ноги, открывает затвор, закладывает в патронник патрон, прильнув к ложу щекой, прицеливается. Я, не глядя на мушку его ружья, смотрю на прицельную рамку; Платонов в это время, глядя в прорез прицельной рамки, начинает водить стволом из стороны в сторону, тщетно стараясь найти мушку. И вот я слышу: «Товарищ командир, мушки нет!». Я перевёл взгляд на винтовку – действительно, конец ствола отломлен, неровный свежий излом говорил о том, что отсутствующая часть, сантиметров 10 длиной, вместе с мушкой куда-то вынесена выстрелом. Так вот что прожужжало мимо меня при выстреле, и вот почему не было попадания в мишень!

Вскоре кусок отломившегося ствола мы нашли. Догадались и о причине: дневальный, в последний раз готовя порох для растопки, раскачивал пулю в стволе, и она, застряв, там осталась, при выстреле ствол закупорился, и пороховые газы оторвали от него кусок. Я же, дав винтовку Платонову, забыл проверить её сам и не напомнил ему об этом. Произошедшее послужило мне уроком, который я запомнил надолго и перед собственной стрельбой (или, если руководил кем-то) всегда проверял состояние оружия. В этот же раз, сменив винтовку, мы провели стрельбы, а Платонов доказал, что стреляет метко.

В апреле фронт по всей своей протяжённости стабилизировался, и в сводках особо важных сообщений не появлялось, однако эта тишина на фронтах настораживала, и всё больше становилось ясно, что это затишье перед бурей. Часто между солдатами по этому поводу возникали споры: кто, где первым начнёт. Но это были только догадки, ни на чём не основанные.

Сидение в тылу, под Сталинградом, в то время, когда другие части нашей армии бились с врагом на фронте, уже всем надоело, и по поводу того, когда и куда нас повезут, тоже высказывались разные догадки.

Хотя приказа ждали со дня на день, он пришёл внезапно – в одно солнечное утро, в конце апреля, нам приказали приготовиться к погрузке на станции Гумрак, до которой от нас было километров 12-ть. Туда сразу же были посланы представители подразделений для приёмки вагонов; в это же время начали погрузку на повозки имущества, и последующую его перевозку к эшелону. После обеда весь личный состав был построен, и двинулись к железнодорожной станции.

За время сидения в землянке от ходьбы мы отвыкли, и идти было тяжеловато, к тому же мы несли на себе радиостанцию. К этому времени снег давно уже сошёл, но стояли холодные дни с ночными заморозками, и расстилавшаяся степь ещё не зеленела, так что и открывающийся вид особо не вдохновлял и сил не добавлял.

Где-то на середине пути был объявлен привал, это было кстати, т. к. и ноги от ходьбы, и плечи от поклажи уже отваливались. Поставили рацию, с удовольствием сами опустились на землю, сбросили с плеч вещевые мешки. Взмокшие под вещмешком плечи приятно холодило ветерком. Зажав винтовку в коленях, мы с наслаждением закурили (из радистов не курил только один сержант Фроленков).

Но вот звучит команда «Становись!», привал окончен, пора идти дальше, а я подняться не могу – ноги в коленном суставе не разгибаются, при каждой попытке – пронзает острая боль. Такого со мной ещё не бывало. Морщась от боли, опираясь всем телом на винтовку, с трудом понимаюсь, и чуть не последним встаю в строй; радисты смотрели с удивлением, ведь обычно я был первым. С усилием бреду сзади, но минут через 15-ть боль, хотя не прошла, но стала привычнее.

Когда пришли на станцию эшелон находился на путях. Старшина роты, Щербаков Андрей Иванович, стоял у вагона – у него уже всё было готово: повозки и лошади погружены, в каждом вагоне хлопотали дневальные; вагон для личного состава чисто вымыт.

Быстро погрузившись, выделили людей за получением обеда, а когда поели, был подан паровоз, и эшелон тронулся на северо-запад.

Утром, на первой остановке, доложив командиру роты, я пошёл в санроту. С трудом поднявшись в вагон, сел на табуретку и пожаловался доктору Колупаеву Ивану Николаевичу на боль в ногах. Он сказал:

- Закатай штаны!

Ниже коленок у меня на ногах было несколько прыщей, он только взглянул на это, сразу произнёс:

- Цинга.

Затем взял чайную ложку, поддел из банки, как мне показалось, тёмной мази, и поднёс к моему рту:

- Съешь! И будешь приходить утром и вечером за этими витаминами.

По прошествии двух–трёх дней приёма этого витаминизированного повидла у меня уже не осталось признаков цинги. Кроме меня, в полку у многих обнаружилась цинга, большинство так же быстро, как удалось мне, вылечились, однако некоторые болели очень долго.

Во время походов в вагон санроты я встретился с писарем оперативного отдела штаба полка старшим сержантом Архиерейским Павлом Михайловичем. Пожилой, ему было уже за сорок, целый день он сидел в землянке штаба за бумагами, на воздухе и в движении бывал очень редко, и поэтому у него заболевание проходило тяжелее и дольше, окончательно от цинги он оправился только к осени.

Между тем, эшелон всё двигался на северо-запад, и по всему было видно, что мы опять попадём на Западный фронт. Однако тут эшелон подали под разгрузку на небольшой станции Маклец, что вблизи города Сталиногорск (ныне – Новомосковск Тульской области) и крупной станции Узловая.

После разгрузки полк расположился в небольшом селе Маклец, в нескольких километрах от станции.

На Западный фронт мы не попали, а остались в том же Степном фронте, который готовился к наступательным боям. В г. Тула располагался штаб 4-й гвардейской армии, которая формировалась на основе штаба и войск бывшей 24-й армии. Командующим Армии был назначен генерал-лейтенант Кулик Г. И. (бывший[1] Маршал Советского Союза, разжалованный в 1942 году).

В районе *ст.* Узловая помещался штаб 80-й гв. стр. дивизии и её спецчасть. После 1-го мая началось переформирование дивизии по новым штатам: в полку, кроме трёх стрелковых батальонов, создавались две роты автоматчиков. Командирами этих рот были назначены капитан Никифоров (1-я рота), старший лейтенант Бойко (2-я). Сохранилась рота противотанковых ружей, батарея 76-м/м пушек и батарея 120-м/м миномётов (последняя – на автотяге).

171-й гв. артполк вместо гусеничных тягачей получил новые американские машины «Студебéккер» [или «Студебекер»] и стал ещё более подвижным, каждый из его дивизионов получил по гаубичной 120-м/м батарее. Отдельный противотанковый дивизион, который ранее был на конной тяге, теперь был переведён на автотягу, получив полутóнные машины «Виллис».

Отдельный батальон связи дивизии был реорганизован в 112-ю гвардейскую отдельную роту связи; её командиром стал капитан Лютиков [может быть, Литиков], командиром взвода радиосвязи остался лейтенант Снегирёв. Начальником связи дивизии назначен, бывший до этого командиром батальона связи, майор Дудников И. А., его помощников по радио – ст. лейтенант (вскоре – капитан) Ковордеев В. Г. В роте связи полка восстановили взвод радиосвязи, его командиром был назначен я.

Менялось настроение связистов, – если раньше при штабе полка были радиостанции для поддержания связи только с вышестоящими командными пунктами, то теперь эти радиостанции входили в состав взвода радиосвязи дивизионной роты связи, и она на время маршей или боёв посылала

[1] Позже, в 1947 году, был арестован, в 1950-м – расстрелян, в 1957-м реабилитирован и восстановлен в маршальском звании.

радиостанции со своими расчётами в штабы полков, а на взводы радиосвязи стрелковых полков возлагалась задача по поддержанию связи от командира полка до командира батальона. Для этого в составе взвода имелись 4 радиостанции ВР с расчётом по 2 человека, 1 повозка с парой лошадей и 1–2 радиста в резерве, они же возили батареи на зарядку.

Коротковолновая радиостанция ВР позволяла поддерживать радиотелеграфную связь на расстоянии до 6 км (правда, по ночам, из-за плохой избирательности приёмника, радиосвязь была затруднена), а вот телеграфную связь можно было держать круглосуточно, не превышая расстояния в 2 км. Эти аппараты были много лучше радиостанций 6ПК, хотя хуже, чем РБ, но мне, по приказу, пришлось сдать свою РБ в 112-ю гв. роту связи (из расчёта сданной радиостанции к нам прибыл сержант Фроленков, который к этому моменту стал хорошим радистом). Из других полков так же были взяты в дивизию радиостанции с расчётами (в т. ч. из 230-го гв. полка старшину Арчибасова, из 217-го – ст. сержанта Плеханова; это были лучшие радисты дивизионной сети).

Район расположения дивизии, *ст.* Узловая – г. Сталиногóрск – это район подмосковного каменноугольного бассейна и химических заводов в самом городе Сталиногорске. Он тщательно охранялся от нападения с воздуха зенитными батареями с прожекторными установками.

Во время нашего пребывания произошло несколько ночных налётов немецких бомбардировщиков. Каждый раз это происходило так: сначала возникает приближающееся прерывистое гудение, по которому мы узнавали вражеские бомбовозы, потом по небу начинают шарить, временами перекрещиваясь, узкие пучки лучей прожекторов. И вот, сначала редкий, а затем – всё более уплотнённый огонь защитных орудий. Когда прожекторам [далее – тетрадь 22] удавалось взять в перекрестие немецкий самолёт, на таком значительном расстоянии, в их лучах, он сверкал маленьким блестящим крестиком; зенитчики сосредотачивался на нём огонь и почти всегда подбивали.

Но вот в воздухе повисала на парашюте светящаяся авиационная бомба (САБ), и вся местность освещалась каким-то неестественным ярким светом. Даже на значительном удалении от повисшей, казалось, неподвижно, между небом и землёй, бомбы, не было тени (или она была очень коротка), и эта тень была пугающе не похожа на тень под солнцем. При таком освещении некуда спрятаться, и создаётся ощущение, что ты стоишь, как на ладони, видимый со всех сторон, а враг на прерывисто гудящих самолётах оказывается скрыт в ещё более тёмном небе, там, выше ослепительного света саб`а, зенитчики уже не могут видеть самолёты врага, бессильны и лучи прожекторов.

Зенитные пулемёты начинают бить по парашюту осветúловки, и длинные разноцветные пунктиры трассирующих пуль с нескольких сторон протягиваются к саб`у (около самой бомбы уже ничего не видно). А между тем, то тут, то там, начинают раздаваться хлопки раскатистых взрывов сброшенных за это время вражескими самолётами бомб. Светящаяся бомба, всё-таки тоже знакомая с законом всемирного тяготения, медленно снижается, давая всё менее яркий свет, ещё несколько секунд – и мир опять погрузился в тихую темноту, более густую, чем была до этого, если не считать пожаров, образовавшихся после падений обычных бомб, и какую-то более напряжённую.

Такие налёты самолётов противника ночью не приносили сколько-нибудь значительного ущерба ни железнодорожным узлам, ни шахтам, они рассчитаны больше на психологическое воздействие на население, но уже после первой, действительно впечатляющей, встречи, люди привыкали к этим саб`ам, тем более, что эффективность обычного бомбометания была ничтожной.

Почти каждый день, под сумерки, где-то высоко в небе, приближаясь с востока, а затем, постепенно затихая, удаляясь на запад, раздавался ровный, такой успокоительный для всех нас, гул наших бомбардировщиков. В этом гуле нам слышалось что-то благородное, торжественное. Перед рассветом, как знак надежды, что наступающий день будет под нашим контролем, этот гул повторялся, меняя своё направление – приближаясь с запада и удаляясь на

востоке. Такие ночные «угощения», отправляемые врагу, в места тыловых скоплений войск, на транспортные узлы и выпускающие военную технику заводы, не были похожи на прежние разрозненные полёты небольших групп наших бомбардировщиков. Каждый раз, с гордостью слушая слаженный аккорд моторов нашей дальней авиации, мы мысленно желали лётчикам успешного полёта и обязательного возвращения, целым и невредимым, обратно.

Когда взводы́ радиосвязи были пополнены, опять встал вопрос о подготовке пополнения. Для этого всех радистов собрали на сборы в дивизионную роту связи. Получив приказ и нужные документы, я построил подчинённых и повёл в назначенное место, в район станции Узловая.

Шли неширокой просёлочной дорогой, которая тянулась по водоразделу. Справа и слева от дороги расстилались поля, озимые ярко зеленели, а яровые ещё не взошли. Тут мы обратили внимание, что под ногами стали попадаться осколки зенитных снарядов, вот их стало так много, что на любом квадратном метре можно поднять несколько штук. Теперь нам наглядно стало понятно, какая мощная артиллерия охраняет этот наш промышленный район, вот почему вражеские самолёты летают сюда только мелкими группами.

В роте связи дивизии я явился к командиру взвода радиосвязи лейтенанту Снегирёву, назначенному командиром сводной учебной радиороты. По его указанию в небольшом саду, между деревьев, радисты быстро натянули три палатки, а мы, я и другие командиры взводов, под руководством лейтенанта, ознакомившись с программой, почти до утра составляли расписание занятий.

С утра все приступили к занятиям, в ходе которых, кроме специальной части (собственно по связи), была ещё и общевойсковая, а также – полит. подготовка. За время сборов радисты не только пополнили знания по специальности, прошли практику работы на радиостанциях, но, конечно, познакомились друг с другом лично и в деле (хоть и в учебном), в общем, как говорится, сработались.

В конце мая или в самом начале июня сборы были срочно свёрнуты, я, с другими радистами вернулся в полк, который уже готовился к погрузке.

На этот раз, имея полный личный состав и при́данные здесь новые подразделения, полк грузился в три эшелона. Вдоль каждого эшелона протягивалась связь, телефонисты дежурили у аппаратов (как всегда, на паровозе, на задней тормозной площадке и в вагоне дежурного по эшелону). Как и полагается, на крышах некоторых вагонов были установлены станковые пулемёты (для ведения возможного огня по вражеским самолётам).

На крупной станции Ряжск[1] наш состав задержали на несколько суток. Радисты попросили сходить искупаться в протекавшем недалеко Дону (в этой своей верхней части он был небольшой речкой с тёмной водой). Попутно хотели наловить раков. Я в Сибири никогда раков не видел, и попросил поймать мне тоже пару штук.

К вечеру «командированные» вернулись, принеся мне котелок крупных раков. Мы развели между путями небольшой костерок и стали варить их. Когда раки стали медно-красными, принялись за еду. Я ел раков первый раз в жизни (после мне тоже не довелось этого делать), и эта забава (таким мне показался процесс добывания из рака того мизера мяса, что в нём присутствует) немного развлекла в этой вынужденной, истомившей нас, длительной стоянке.

Особенно тяжело было находится днями в вагоне, в котором солнце накаляло крышу так, что и с открытыми настежь дверями стояла невыносимая духота, от которой мы буквально обливались по́том.

Наконец, стоянка закончилась, и состав двинулся дальше, повернув в этот раз на юг (до этого мы совершили переезд в восточном направлении).

Через несколько дней мы уже выгружались на небольшой станции (около *ст.* Усмань) в Воронежской области. Кругом расстилались густые южные леса с заболоченной почвой. Говорили, что в этих лесах, на речках, живут бобры, но мы их не видели.

[1] Город Ряжск Рязанской области находится в 170 километрах от *ст.* Узловая в Тульской области.

Пройдя от станции лесом несколько километров, полк расположился лагерем на опушке леса. Погода стояла сырая, то и дело, шёл дождь, и, судя по всему, так было продолжительное время и до нашего здесь появления, потому что верхний слой земли насытился влагой настолько, что уже не впитывал её в себя, и всюду стояли лужи.

Быстро оборудовали палатки, в них из жердей сделали настилы (на высоте 20–25 см от земли). Спали, подстелив ветки или сено, завернувшись в шинели, по 4 человека в палатке. Уже на первые сутки нашего здесь пребывания шинели и всё прочее обмундирование были очень сырыми, не просыхали портянки, ни за ночь, ни, если это мы пытались при возможности сделать, днём.

Беречь от сырости нужно было и радиостанции (я, по опыту прошлой весны, хорошо помнил, сколько хлопот и неудобств может доставить радисту влажность). Винтовки приходилось чистить, протирать и смазывать несколько раз в сутки.

На второй день начались учения, для чего подразделения уходили в поле, за несколько километров от стоянки. Кухни тоже выезжали за нами, поэтому завтрак, обед и ужин мы получали там же, в поле. Лишь к позднему вечеру подразделения возвращались в лагерь.

Радиостанции были приданы стрелковым батальонам, но для руководства учениями ими не пользовались, поэтому приходилось передавать учебные радиограммы. Текст для них я подбирал открытый, перемежающийся отдельными группами цифрового шифра (клёр), что очень полезен для тренировки радистов, которые таким способом приучаются к работе и с шифром, и с открытым текстом.

В пе́рвые же дни этих занятий в полк прибыли проверяющие из штаба армии. После проведённой проверки нам объявили указание командующего, что солдат должен спать на земле, а офицер – сидя, и приказали демонтировать настилы в палатках.

Вскоре радисты были вновь вызваны на сборы, но успели прозаниматься совсем недолго, – поступил приказ, и дивизия вышла на марш. Во время марша связь должна была поддерживаться по радио, поэтому в полки были при́даны радиостанции дивизионной радиороты. Ст. лейтенант Ковордеев предупредил меня о том, что я ответственен за расчёт на новой радиостанции «Север», через которую будет осуществляться связь головы колонны дивизии со штабом. Однако, вскоре обнаружилось, что эта станция оказалась не штатной, и её пришлось сдать. В итоге, я шёл с полком, во главе своего взвода связи, и, кроме того, руководил работой дивизионной сети.

Первый марш, как первый блин, получился комом. Радисты дивизионной сети, напрактиковавшись в работе на стоянках, ещё совсем не имели опыта работы на ходу (как микрофоном, так и ключом). Остальные подразделения тоже почти не тренировались в движении, поэтому в первый же день стройная колонна полка, уже через несколько километров, рассыпалась, солдаты шли, тяжело меся грязь, выбирая, в каких местах эту грязь можно обойти, разбредаясь на обочины дороги.

После того, как голова колонны, выполнив дневное задание на марш, прибыла в лесок на ночёвку, ещё долго, в течение нескольких часов, подходили отставшие (назавтра строй уже не нарушался). Я тоже в ходе этого марша подрастерял свой взвод. В этот день радиостанция дивизионной сети на ходу не работала, но придя на место, мы быстро вступили в связь.

Первые дни этого нашего марша на север всё продолжала стоять пасмурная, дождливая погода. Ночёвки производили в кустарнике или в лесу, обычно на склоне, вдали от населённых пунктов. Кони с трудом тянули брички по такой дороге. Даже машины зачастую буксовали и отставали даже от пехоты, только трёхосные «Студебеккеры» с пушками и гаубицами на прицепе, с расчётами в крытых брезентом кузовах, тяжело гудя моторами, медленно, но верно продвигались вперёд, да ещё горные «Виллисы» с прицепленными к ним

45-м/м орудиями, казалось, и не подозревают, что едут по непрекращающейся, густой гря́зи.

После трёх дней марша, на четвёртый, по уставу, полагается днёвка, поэтому мы расположились в редком молодом берёзовом лесу. Весь этот день вновь был дождь, он сыпал уже мелкими каплями, но закончиться никак не мог. Разжигать костры приходилось из мелких сырых берёзовых поленьев, но, пока они просыхали и разгорались, тепла ещё долго не давали, а затем уже надо было ложиться спать, а спалось под дождём, с устатку, очень хорошо.

Мы, очередной раз, восторгались удобством и качеством русской солдатской шинели: она под дождём только отсыревала (конечно, становясь потяжелее), но не промокала; во время марша забрызгается грязью, но чуть подсохнет, встряхнёшь – и опять, как новая; на ночёвку завернулся в неё, хоть в мороз, хоть в дождь, – и в ус не дуешь; встал, свернул в скатку, надел через плечо – и иди себе, размахивай свободными руками!

Кроме шинели, каждый второй солдат имел плащ-палатку, которая тоже была удобной для солдатской жизни вещью. На марше, при необходимости, она служила плащом, который закрывал и шинель в скатке, и вещмешок, и подсумки с патронами. На стоянке же из двух плащ-палаток получалась палатка сразу для четверых человек.

Вскоре погода исправилась, марши стали совершать по ночам, а днём спали где-нибудь в лесу. Хоть ночью не пекло ушедшее за горизонт солнце, однако под вещевым мешком и скаткой спина моментально становилась мокрой.

На ходу постоянно клонило в сон, потому ночные марши казались бесконечно длинными. Исключение составляли те случаи, когда с нами, в расчёте дивизионной радиостанции, шёл радист Уткин. Неся на себе довольно увесистый аппарат, он непрерывно, на протяжении всего ночного пути, сыпал шутками, остротами. В такой компании невольно на лицах всех солдат появлялись улыбки, время как будто ускорялось, и идти становилось легко.

Командир взвода связи полковой роты связи старшина Голованов Михаил стал во время ночных маршей пересказывать прочитанные им книги; так за несколько ночей мы прослушали целую серию рассказов про Тарзана («Тарзан», «Сын Тарзана», «Тарзан в дебрях Африки»[1] и другие). Мы удивлялись, как много старшина (он прибыл к нам в роту в мае командиром группы связистов, готовившихся в запáсном полку связи) помнил из прочитанного и как интересно мог это преподнести. Солдаты заслушивались его рассказами, и ночь пролетала незаметно.

Особо тяжело досталось на этих маршах радистам дивизионной радиосети; в нашем полку это был расчёт сержанта Плеханова Семёна Ивановича, состоявший из трёх человек. Один радист нёс на спине упаковку приёмопередатчика (радиостанции РБ и РБМ), начальник радиостанции нёс упаковку питания, шагая за радистом, чтобы иметь возможность подстраивать и переключать аппарат, а третий радист нёс палку, за которую была привязана лучевая антенна станции.

Когда позволяло расстояние связи и другие условия, работали на штыревую антенну, но, чаще всего, не было возможности работать телефоном, поэтому начальник радиостанции в левой руке постоянно держал ключ, а правой – работал на нём. Днём, в сухую погоду, так работать не сложно, а вот ночью, да ещё – на скользкой дороге, при всём желании радистов, нужную дистанцию выдержать не удавалось, поэтому, если задний отставал или вдруг спотыкался, то шланг, соединяющий упаковки, натягивался, нарушал контакты, и связь прерывалась, исправлять же повреждение приходилось в темноте и прямо на ходу. Обычно достаточно было пошевелить концы шланга и подтянуть зажимное кольцо, а вот шнур ключа рвётся внутри, и прямо в движении надо обрезать и заново его заправить.

Первые дни не ладилось и с передачей ключом на ходу, но понемногу всё стало получаться. А для предохранения обрывов шланга питания и ключа

[1] Имеется ввиду рассказ Э. Берроуза «Тарзан и золотой лев».

радисты стали привязываться друг к другу более короткой, чем провода, верёвкой. (Кстати, Семён Иванович Плеханов так приспособился работать на ходу, что потом долго не мог работать ключом на поверхности неподвижного стола, а приставлял ключ к одной из ножек мебели).

Не удавалось полноценно отдохнуть радистам и на стоянках, т. к. телефонная связь не развёртывалась, и радиосвязь была единственной. Кроме того, на стоянке нужно было, перепроверяя все контакты, приводить в порядок аппарат, разбираться с аккумуляторами, батареями и пр. имуществом, а ещё – чистить оружие и поочерёдно дежурить на рации.

На некоторых стоянках мне вообще не пришлось спать (если надо было исправить что-то более серьёзное на радиостанции). Поэтому на марше, после такого «отдыха», я, бывало, отключался прямо на ходу, – голова спит, а ноги продолжают механично передвигаться вперёд. Если в этот момент дорога, а с ней – и колонна, поворачивали в какую-либо сторону, мои ноги продолжали идти прямо, уходя на обочину, там я резко просыпался, какое-то время не понимая, где нахожусь. Только встанешь в строй, чуть прошагал – опять спишь, колонна остановилась – ты, сонный, тыкаешься в спину переднего.

Иногда на стоянке меня и начальника связи полка капитана Друзя́ вызывал [далее – тетрадь 23] в штаб дивизии помощник начальника связи по радио ст. лейтенант Ковордеев. Приходилось после ночного марша ещё идти километров 10–15.

Ст. лейтенант очень строго спрашивал за все ошибки, допущенные во время марша радистами дивизионной сети: недостаточно быстрый ответ на вызов главной радиостанции, излишне переданные позывные или сигналы. По мере улучшения подготовки радистов он всё повышал и повышал требования и, надо сказать, что за дни, проведённые на марше, радиосвязь ощутимо усовершенствовалась. Радисты, которые ещё недавно, под Сталинградом, даже на стоянке, с трудом вступавшие в связь, кое-как принимавшие цифровую шифровку (даже, чтобы передать сообщение открытым текстом, требовалось

немало времени и нервов), теперь, буквально в секунду, и в ночное время, и на ходу (иногда – буквально набегу), и без записи, принимали любое сообщение или команду.

После нескольких дней марша дивизия расположилась лагерем в густом дубовом лесу. Ровные ряды 4-местных палаток, прямые, чётко намеченные дорожки, пирамиды с оружием, дневальные и дежурные в подразделениях – всё представляло образцовый воинский порядок.

В каждой роте из вытесанных обрубков мягкой древесины (клёна и липы) были сделаны столы со скамейками. А как раз в это время в лесу расплодилась масса гусениц, которые тысячами ползали по листве дубов, поедая её. Получил солдат на кухне горячий суп в котелок, оставил его, не закрыв под дубом, – сразу под действием пара гусеницы валились вниз так, что вся поверхность супа покрывалась ковром из этих личинок насекомых. В итоге, кто-то, не очень брезгливый, вычерпывал эту массу, а кто-то всё выливал, так и не поев, зато в следующий раз ел либо в палатке, либо, добравшись до полянки.

В этом лесу мы простояли не менее двух недель, в которые для нас, радистов, вновь были организованы сборы в дивизионной роте связи. Как и во всей дивизии, в лагере 112-й гв. отд. роты связи, поддерживался чёткий воинский порядок, все занятия проходили точно по расписанию.

На этих сборах особый упор приходилось делать на занятия с радистами полковы́х сетей. Каждый командир взвода радиосвязи занимался со связистами своего расчёта. Радисты полковых сетей не тренировались на марше, поэтому теперь, на сборах, с ними приходилось упорно заниматься и радиотехникой, и изучением материальной части, и тренировать их на вступление в связь и передачу-приём радиосигналов и радиограмм; продолжались тренировки и в передаче и приёме азбуки Морзе на слух.

Ещё в тот момент, когда после выезда из Сталинграда полк располагался в с. Маклец, весь личный состав получил обмундирование нового образца и новые знаки различия, т. е. гимнастёрки со стоячим воротником (у старшин был

отложной) и внутренними нагрудными карманами (в старой форме только на офицерских гимнастёрках были накладные, а у солдат и сержантов их вообще не было).

Знаки различия (полоски у сержантов или звёздочки у офицеров) теперь носились на погонах. Естественно, погоны были полевые – защитные. Однако я продолжал носить старые знаки различия, т. к. погоны мне не выдавали – старшина отказал, сославшись на то, что я теперь, как командир взвода, должен получать вещевое довольствие непосредственно в ОВС [обозно-вещевой службе], а нач. ОВС отвечал, что у них погоны только офицерские, а я по званию ещё старшина.

В один из дней я, сидя на краю настила, в приоткрытой палатке, составлял конспект предстоящих занятий по радиотехнике. В это время на линейке проходил полковник–проверяющий, в сопровождении командира роты связи капитана Лютикова. Когда они поравнялись со мной, я встал по стойке смирно, приложив руку к пилотке, доложил: «Командир взвода радиосвязи 232-го гвардейского стрелкового полка старшина Плотников, составляю конспект для занятий!». Полковник сказал: «Вольно!», – взял у меня тетрадь с конспектами, похвалил за аккуратность, а потом спросил, почему я до сих пор в старой форме. Когда я объяснил ему причину, он приказал мне завтра же сходить в ОВС и получить погоны. Очевидно, в этот же день он, встретив и вызвав к себе нач. ОВС, отдал приказание по поводу разрешения моей ситуации и ему, т. к. кладовщик ОВС в тот же вечер принёс мне погоны прямо в роту. Так я последний в полку́ (а может, и во всей армии) надел погоны.

Через несколько дней меня вызвал командир роты капитан Лютиков и приказал завтра провести занятия по радиосвязи с личным составом политотдела. Я возразил, что мне как старшине не удобно учить старший офицерский состав. Однако капитан подтвердил приказ, и вот назавтра я, на полянке оборудованного для занятий (на ней имелись скамейки для слушателей и столик для преподавателя) класса, приготовился давать урок, развернув на

столике радиостанцию ВР, а метрах в ста замаскировав другую радиостанцию с радистами (указав им волну и позывные).

Показался строй офицеров политотдела дивизии; во главе колонны шли майоры, командовал бывший комиссар нашего полка подполковник Оглуздин, к этому времени – пом. нач. политодела. Остановив передо мной строй, подполковник, приложив руку к головному убору, подошёл ко мне строевым шагом и доложил: «Товарищ старшина, личный состав политотдела прибыл для занятий».

Я от такой «неуставной» неожиданности (первый, да, наверное, и последний раз передо мной, старшиной, по команде смирно – строй офицеров) растерялся, стою и не знаю, что же ответить. Тогда подполковник, не относя руки от виска, чуть наклонив ко мне голову и понизив голос до громкого шёпота, произнёс: «Не теряйся, Плотников! Ты думаешь, что они майоры, так больше тебя знают? – ни хера они в радиосвязи не понимают. Вот ты их и поучи!». Только тогда я поздоровался со слушателями и дал команду «Вольно!» и «Садись!».

Коротко объяснив правила вступления в связь, я ту же включил радиостанцию и произвёл вызов, ответил на вызов другой стороны, а затем предложил это проделать кому-нибудь из слушателей.

Выше капитан, взял у меня микротелефонную трубку, нажал клапан, произвёл вызов и опустил клапан, таким образом, произвёл вызов. Вдруг (было видно, как это неожиданно для самого капитана) в трубке он услышал: «Волна, я Волга, вас слышу, приём!». Надо было видеть лицо капитана! Может быть, он изначально подумал, что это бутафорский аппарат (в те времена чаще всего на занятиях, из-за недостатка боевой техники, использовали макеты), и когда услышал ответ, всё изумление было, как на ладони – нет, всё ж – налицо, на лице. Можно было понять его переживания, ведь человек, очевидно, первый раз разговаривал без проводов.

Пришлось начать повторный показ, как отвечать на вызов, поскольку от таких ярких новых впечатлений данные мной первоначальные сведения капитан никак не мог обнаружить в своей памяти. Мои слова вернули его к действительности, он ответил на вызов и с чувством удовлетворения и некоторой гордости сел на место.

За ним, один за другим, стали подходить офицеры и, чаще всего без подсказки (я, не влезая уже в этот процесс, а, только контролируя, давал возможность им самим помогать товарищам), на практике производили вступление в связь и ответ на вызов. В завершении сообщив слушателям некоторые важные технические ограничения и особенности радиосвязи, я закончил урок.

Слушатели остались довольны занятием и, подходя ко мне, а ещё больше и эмоциональнее – разговаривая друг с другом, выражали сожаление, что на изучение радиосвязи отводилось только два часа, а, главное, что в таком виде никто до этого их не познакомил с такими возможностями рации.

Я тоже был очень рад: моё понимание необходимости активного обращения на войне к радиосвязи, наконец, не только совпало с осознанием такой важности и командованием нашей дивизии, но начало осуществляться реальными действиями, – солидная группа офицером ознакомилась с работой по рации и, при необходимости, сможет в бою использовать это, а не будет бояться радиостанций, которые, как будто, непременно должен засечь и накрыть противник.

Офицеры-слушатели были поражены простотой обращения с радиостанцией и тем, что по радио может говорить простой смертный, не обладающий какими-то особенными знаниями, а это я ставил целью при подготовке и проведении занятия.

К сожалению, командиров полков и командиров батальонов тогда ещё не обучали пользованию радиостанциями (позже это было исправлено и стало

обязательным), а ведь именно им, в первую очередь, нужно было использовать и этот вид связи.

Вскоре учебные сборы радистов были свёрнуты, нас распустили по полкам, и дивизия вновь двинулась маршем.

В один из дней полк, отдыхая после марша, расположился недалеко от берега реки Красивая Мечá, увековеченной И. С. Тургеневым в одном из рассказов в «Записках охотника». Штаб дивизии расположился на самом берегу (где-то в 10 км. от полка), а я и начальник связи полка капитан Друзь были вызваны туда, к пом. начальника связи дивизии.

Утром, пока ещё не наступила жара, мы шли берегом Красивой Мечи́ и, вспоминая о рассказе Тургенева, оглядывали окрестности, предполагая, по каким местам ходил здесь писатель, где стоял, чтобы описать уви́денное. Хотя перед нами лежали не помещичьи деревни, а за прошедшее с той поры время появились новые колхозные селения, мы невольно возвращались в старину.

Красивая Меча, как длинная змея, направляющаяся по известному только ей делу, беспрерывно извивалась, а течение её было медленным, как будто она давно прекрасно поняла и для самой себя решила: всё, что должно случиться – непременно произойдёт. Но более того, казалось, что мир вечен и совершенен, как это тихое летнее утро, когда и солнце, даже находясь ещё у горизонта, висит неподвижно, а под его, пока ещё ласковыми, а не обжигающими (что случится скоро, но не сейчас), лучами, нежась в полудрёме, нехотя двигаются воды такой умиротворённой реки.

Правый берег, по которому мы шли, был луговой, низкий, левый – возвышался над нами крутизной в полусотню метров, перерезанной наискось тянущейся вверх просёлочной дорогой. По этой дороге, тоже медленно, как бы нехотя, двигался вверх небольшой воз, запряжённый парой лошадей.

Тишина стояла такая безмятежная и наивная (в отсутствии всякого желания считать секунды, минуты до момента, когда это вдруг чем-то прервётся), что даже и не вспоминалось о гремящей, пугающей, разрушающей,

убивающей и калечащей всё и всех, войне; здесь, рядом с линией фронта, позабылось об осторожности, и существовала только эта тишина и красота.

Вот птицы переговариваются о своём, а это цикады дали пробную серию, готовясь застрекотать на всю катушку... Слух радиста включился, это я начинаю выхватывать из тишины знакомые мирные звуки..., и во мне опять включился солдат.

Может мы попали в глаз бури, которая вертит, губит где-то рядом, но скоро скрутит, начнёт терзать нас и всё это тургеневское вневре́менье. И опять понимаешь: сейчас скроется за облаком этот весёлый луч, камыш на реке будет уже не убаюкивать, а испугано шушукать: «Кыш! Почему стоишь?!»; сама Красивая Меча станет лишь мечтой, загремят взрывы снарядов, заскрипят-зазвенят гусеницы танков, загудят самолёты, а автоматы и пулемёты обильно дополнят всю обычную какофонию войны, а если когда-то, чудом, вдруг и наступит пауза в этой ужасной музыке, то сможешь услышать ты в ней только стон раненного товарища да металлические голоса командиров, которые ещё не сошли с ума и приказывают остаться живыми, а, значит, – победить!

Дойдя до штаба, мы получили свой нагоняй за упущения по радиосвязи. Ст. лейтенант, отпуская нас, приказал торопиться, т. к. через час наш полк выступает на марш. На обратном пути мы и повстречали идущих в колонне наших однополчан, почувствовав, как ещё недавно обволакивавшую нас тишину уже понемногу начала поглощать, пока молчащая, но уже озирающаяся по сторонам, война. Хотя пока не было слышно взрывов, не показались ещё их чёрные фонтаны на берегах Красивой Мечи́, над этой частью Земного Шара, будто бы, кто-то уже подвесил, серый, как дым, белый, как смерть, невидимый, но неотвратимый камуфляж войны.

По просёлочной дороге двигались боевые колонны нашего гвардейского полка. Вот с нами поравнялась головная походная застава, почти неслышно, не поднимая пыли, двигались солдаты, но тишины уже не было. Затем показалась колонна передового отряда стрелковых рот, на несколько метров впереди от

которой, верхом на коне, ехал комбат. Перемежая пешие группы, двигались брички со станковыми пулемётами и миномётами. Ни одной громкой команды, ни звяканья оружия или котелков, ни скрипа колёс – только поверх всей глухой массы неясного шума раздавались чёткие шаги уверенно шагающих по своей земле гвардейцев. (Буду честным и признаюсь, что через несколько часов под жарящим солнцем, превратившим, до этого прохладный, влажный воздух, в тот, что встречается даже не в предбаннике, а в парилке, чёткость слаженных шагов понемногу растопилась).

Пропустив передовой отряд мимо себя, мы остались на месте, ожидая, когда появятся радисты. Вот из-за поворота дороги показалось облако пыли, долго не оседавшей в установившемся безветрии, вот из этих серых клубóв стали различимы сначала сплошная, более тёмная, бесформенная масса, затем – отдельные фигуры солдат, офицеров. Вслед за разведчиками и знамёнами двигалась дивизионная радиостанция, которая, пока позволяло расстояние, работала на штыревой антенне (к ночи, известно по опыту, придётся нести выноснýю, т. е. переходить на работу через неё).

Узнав о наличии радиосвязи, я пропустил спецподразделение вперёд, дождавшись роты связи, где доложил командиру о своём прибытии. Осмотрел солдат своего взвода, дав указания своему помощнику, Щечилину, проверить состояние ног на первом привале (если кто пожалуется на потёртости, лично, самому, переобуть такую ногу), и принялся догонять дивизионную радиостанцию.

Переходя к началу строя, очередной раз убедился: чем дальше от головы колоны, тем гуще стоит в воздухе пыль. Позже, уже после заката, начало продувать лёгким ветерком, и пыль стало относить в сторону, а с этим – и дышать стало намного легче. А сейчас дорога повернула к мосту (у поворота стоял маяк-разведчик), и колонна, перейдя через мост Красивую Мечу, стала подниматься в гору.

Солнце в это время только начало подходить к горизонту, но находилось ещё достаточно высоко и пеклó немилосердно. Крутой длительный подъём добавил нам жару изнутри. Гимнастёрка потемнела в подмышках, затем – под вещмешком, а скоро и спина, и плечи покрылись обильным липким пóтом. Пот тёк ручейками по пыльным щекам из-под касок и пилоток солдат, оставляя грязные полосы. Но испарение пота охладило прожаренное солнцем и ходьбой тело, и идти стало легче.

Я так втянулся в марш, что несколько раз обгонял колонну, но потом понял, почему у меня столько сил, – я не нёс свою винтовку и вещмешок, а помогать уставшим (брать у них на время скатку или вещмешок) уже не надо было, т. к. они прошли свою «стену», о которой говорят марафонцы[1].

Дальнейшие часы марша вели нас по направлению к г. Тула, причём мы вновь шли по «литературным местам» – через деревню Ясная Поляна, которая когда-то принадлежала Льву Николаевичу Толстóму, где в комнате на втором этаже своего дома, он написал большинство своих романов.

Обычно в населённых пунктах на маршах привала не устраивали, но в этот раз сделали исключение, объявив об остановке прямо на улице, напротив парка, где и находилась усадьба писателя. Желающим, сообщив контрольное время, предложили осмотреть достопримечательности.

Среди нас не было ни одного, кто бы ни читал Толстого, на его произведениях были воспитаны все советские солдаты, поэтому большие группы, одна за другой, направились в парк. С изумлением мы стояли под столетним дубом, под которым Лев Николаевич читал новые рассказы крестьянам, выслушивал от них советы, а когда те говорили писателю, что так в жизни не бывает, – и переделывал свой сюжет или какие-то детали.

[1] «Стена» – состояние, при котором невозможно поддерживать темп, даже близкий к тому, с которым справляешься до этого, момент, когда приходится, чтобы не сойти с дистанции, резко замедляться; в марафоне наступает на 30–35 км.

В парке и в усадьбе виднелись следы немецкого присутствия: многие деревья были срублены, часть библиотеки была сожжена, облупленные стены построек неприглядно проглядывали сквозь листву деревьев.

Несмотря на явное запустение, мы с восторгом ходили по этим местам, гордые тем, что нам удалось здесь побывать, а надругательство врага над этой русской и мировой святыней вызывало ещё больший гнев к захватчикам.

По окончании привала в Ясной Поляне, уже на марше, тут и там начинались разговоры о жизни, о писательском творчестве, о личности и самого́ гения русской литературы, Льва Толстого, и нас, простых солдат, идущих своей дорогой войны к долгожданному миру. В каждой компании находился тот, кто знал произведения или биографию писателя больше других, и окружающие прислушивались к каждой фразе этого знатока, в это время душой оставаясь в местечке, в которое нас привела солдатская судьба. Я уверен, что и сейчас, те, кто ещё жив, с восторгом вспоминают минуты, проведённые в самой Ясной из Полян.

Через несколько дней наш марш закончился. Мы расположились временным лагерем в лесу, у окраины Тулы. Здесь дивизия сосредотачивалась для погрузки в железнодорожные эшелоны.

В это время в нашей дивизии (как и во всей 4-й Гвардейской армии) шла перестановка командного состава. Прибыл новый зам. командира по политчасти гвардии подполковник Федорченко. Про появление в полку нового командира – подполковника Зверева рассказал мне как-то начальник стройчасти[1] полка́ ст. лейтенант Гаврилов Пётр Николаевич:

«Один раз, под вечер я сидел в палатке, за столом, сооружённым из ящиков. В палатку пошёл незнакомый подполковник. Я встал, представился. Подполковник [далее – тетрадь 24] ответил на моё приветствие и протягивает мне направление из штаба Армии. Беру, читаю: «Подполковник Зверев Георгий Ефимович направляется в 232-й гвардейский стрелковый полк для

[1] Строевой части – такого структурного подразделения, которое занимается вопросами учёта личного состава и т. п.

продолжения службы». И что странно, никакая должность в бумаге не указана. Ну, я взял это направление, говорю-де: «Сегодня всё будет оформлено, как надо».

Тогда подполковник меня спрашивает: «Скажите, а где мне можно переночевать?», ну, я говорю: «В лагере есть палатка для вновь прибывших офицеров, пойдёмте, покажу». Подходим, внутрь он заглянул, я вижу, эта пустая палатка с клочками соломы для спанья чё-то не очень ему по нраву пришлась. В это время он как раз мне и говорит: «Ну, чего-то для хозяина полка...», тут я и допе́трил, что подполковника-то новым комполка прислали! Я тогда: «Извиняюсь! – говорю, – Севастьян не признал своих крестьян! Стыдно перед всем миром – опозорился перед собственным командиром!», и повёл будущего, получается, командира к бывшему, к подполковнику Шухину»[1].

Новый командир полка принимал подразделение по всем правилам: провёл опрос претензий, отдельно – от рядового состава, отдельно – от сержантского, отдельно – от офицерского.

В это же время прибыл и новый командир дивизии – генерал-майор Бирюков Н. И., который так же тщательно знакомился с личным составом. Когда он пришёл к нам в полк, на поляне были выстроены даже спецподразделения (до этого собирали только стрелковые батальоны). Генерал-майор, поздоровавшись с гвардейцами и подав команду «Вольно», в сопровождении адъютанта (также его сопровождал и командир того полка, перед которым он в данный момент шёл), не торопясь, обходил строй, глядя в лицо каждого солдата, давая возможность и тому рассмотреть себя. Замечая нашивки за ранение, он обязательно спрашивал фамилию, где воевал, где ранен, имеет ли награды, а если в ответ слышал, что нет, бросал адъютанту: «Запишите». С такими же вопросами он обращался и к тем бойцам, у кого нашивки не было, но можно было заметить признаки полученного ранения (шрамами на руках или на лице), или если солдат просто чем-то обращал на

[1] Текст сюжета незначительно стилистически переработан при оцифровке.

себя внимание. Чувствовалось, что новый командир искренне заинтересован теми людьми, которые оказались под его начальством, и настроен с ними по-настоящему познакомиться.

Однако, не успел генерал-майор Бирюков принять дивизию, как его назначили командиром 20-го гвардейского корпуса нашей же Армии, но он, с тех пор, всегда считал 80-ю гвардейскую дивизию своей и вскоре постарался включить её в состав корпуса, на который его поставили (хотя, в дальнейшем, нашу дивизию, исходя из складывающейся на фронте обстановки, перебрасывали в состав и 20-го, и в 21-го, и некоторых других корпусов, а иногда переводили в подчинение и других Армий).

Вместо генерал-майора Бирюкова командиром дивизии был назначен полковник Яковлев Алексей Ефимович (через некоторое время он стал генерал-майором, а в 1945 он получил звание генерал-лейтенанта).

Бывший начальник штаба полка майор Гомолко Константин Константинович, ветеран подразделения, был назначен зам. комполка по строевой части, а на должность начштаба прибыл капитан Тарапон, до этого исполнявший начштаба военного училища и в боевых действиях на фронте пока участия не принимавший.

Командиры батальонов тоже были новые, они ещё не успели познакомиться с личным составом, как с одним из них, капитаном, произошёл такой случай. Проходя по одной из тульских улиц, он, встретив трёх нетрезвых военных, идущих в шинелях внакидку и без погон; остановил их, потребовав предъявить документы и привести себя в порядок. В ответ один из этой троицы заявил: «Отвяжись от нас, я майор!». Через несколько дней, капитан, будучи начальником эшелона, обходя состав, в вагоне-кухне повстречал этого «майора» за чисткой картошки (тот оказался поваром, который, в своё время, попал в полк, как и я, из рубцовского госпиталя). Когда эшелон прибыл на место, капитан посадил повара–лже-майора под арест до приезда командира его

полка. Командир полка не счёл нужным отдавать проштрафившегося под суд трибунала, а ограничился арестом на всю катушку.

Я каждое утро, по установившейся традиции, докладывал командиру полка прослушанную свежую сводку Совинформбюро. Пошёл докладывать и новому комполка. Подойдя к палатке, в которой тот жил, я стал ждать. Через некоторое время оттуда вышли сам командир (подполковник Зверев) и его зам. по политчасти подполковник Федорченко. Я попросил разрешения обратиться, представился и сообщил, с каким докладом прибыл. В ответ Федорченко спросил, знаю ли я о приказе тов. Сталина, запрещающем принимать на боевых радиостанциях сводки Совинформбюро. Я ответил, что знаю, но выполняю приказ командира полка. Подполковник Зверев приказал мне озвучить сводку, а после прослушивания дал указания являться с таким докладом ежедневно, сразу же после поступления свежей информации.

Вскоре полк, укомплектованный и вооружённый по гвардейским штатам, погрузился в три эшелона и, без задержек, направился опять на юг, в сторону Курска. Ехали, вновь – в боевой готовности в любое время отразить возможные атаки противника. Каждое подразделение знало, на какую сторону полотна оно развёртывает боевые порядки при встрече с вражескими танками или пехотой. На крышах некоторых вагонов, как обычно в прифронтовой полосе, для отражения атак с воздуха, стояли станковые пулемёты, возле которых круглосуточно дежурили расчёты. Телефонная связь вдоль эшелона действовала в рабочем режиме.

Уже под конец пути, когда наш эшелон остановился на небольшом полустанке, в ночи, где-то невдалеке, прогудел одиночный бомбардировщик противника, а чуть позже впереди нас раздались звуки отдалённых взрывов, и из-за леса высоко в небо поднялось зарево пожара. Наш состав всю ночь так и простоял в этом месте, на утро же весь личный состав был выведен на речку, где солдаты купались, стирались, на свежем воздухе приводили в порядок своё обмундирование и оружие.

Когда через сутки эшелон двинулся дальше, и, прибыв на станцию, мы застали там следы катастрофы. Оказалось, что ночью, когда на средних путях станции стоял эшелон с боеприпасами и авиационными бомбами, на боковых путях остановились другие составы, в одном из которых на фронт ехали девушки. Неожиданно появившийся немецкий бомбардировщик первой же бомбой разбил и зажёг головной вагон эшелона, а второй бомбой – последний вагон. С начавшимся пожаром все ехавшие в эшелоне военнослужащие были в срочном порядке отведены в лес, и сразу же после этого в разгорающемся пламени начали детонировать мощные боезапасы состава, стоявшего на средних путях. Взрывы были ужасной силы: тяжеленные вагонные скаты разлетелись на десятки метров от пути, тяжёлые стальные рельсы изогнуло и отбросило так, что кое-где они почти вертикально торчали из земли.

Человеческих жертв удалось избежать, но на расчистку и восстановление путей потребовались сутки, на которые нас и задержали. К моменту подхода нашего эшелона на этом, довольно крупном, узле были восстановлены только две железнодорожные нити.

Проехав ещё немного, наш полк выгрузился на одной из станций между Старым и Новым Осколом[1] (в то время Курской, а в настоящее – Белгородской области). Далее, совершив небольшой марш, полк расположился лагерем в густом дубовом лесу, в котором было ещё и много орешниковых кустов.

В это время в полку началось массовое заболевание куриной слепотой, сказалось отсутствие свежей витаминизированной пищи, а отсутствие витаминов, которой наша промышленность не могла снабдить громадную в условиях войны армию, не давало возможности справиться с этой болезнью. Днём больные вели себя нормально, но с наступлением сумерек до утра почти совершенно переставали видеть и потому чувствовали себя беспомощно, а, главное, конечно, не могли нормально участвовать в бою.

[1] Равноудалённых от Курска и от Белгорода.

Пока военных действий нашей частью не велось, последствия этого заболевания особо остро проявились в том, что больные совершенно не могли держать строй. Тогда по приказу командира полка все заболевшие (а их набралось несколько сот человек!) были сведены в одну команду и их по ночам начали тренировать хождению колонной в темноте. Руководство этими тренировками поручили ст. лейтенанту медицинской службы Михайловой Марии Гавриловне.

Сперва тренирующиеся шагали очень неуверенно, судорожно вцепившись в пояс или в подол гимнастёрки впереди идущего, часто спотыкались и падали (а с примкнутым штыком это грозило ранением), иногда – теряли впереди идущего; колонна разрывалась и рассеивалась. Но уже скоро, по прошествии нескольких тренировок, ночные «слепые» привыкли, нога стала твёрдо становиться на землю, рука чуть касалась того, кто шёл впереди, а потом – и без касания, по звуку дыхания, звуку шагов стали ориентироваться в строю.

Как раз в этот момент затишье перед бурей сменилось на фронте грозой. Противник начал наступление на Курск из района Орла и Белгорода. Утром, прослушивая и записывая сводку Совинформбюро, я с напряжённым волнением слушал слова диктора, в них сообщалось об ожесточённых боях, до этого не применявшихся в таком количестве, танков, о массовых воздушных боях.

Мы стояли в глубоком тылу, тщательно замаскировавшись среди густого леса, а в это время там, на фронте, другие наши солдаты исходили кровью в боях с не прекращавшим, несмотря на колоссальные потери в технике, атаки озверевшим противником. Все зверства, всё коварство немецко-фашисткой орды мы, участвовавшие в боях под Москвой, под Сталинградом, видели своими глазами и при случае старались рассказать об этом молодым, только что влившимся в дивизию, солдатам. Мы знали, что скоро нам предстоит вступить в бой с противником, до сих держащим в своих звериных лапах почти всю

Украину и Белоруссию, Литву, Латвию, Эстонию, Молдавию, ждущих своего освобождения от фашистского ига. И мы к этой схватке тщательно готовились.

Большую работу в это время проделали политработники, ведь победить такого врага можно было только тому, кто силён и своим оружием, и выучкой, и духом! На политзанятиях разъясняли положение на фронтах, изменения соотношения сил в нашу пользу, всё, что мы, воевавшие в 1941-м, в 42-м годах, с такой радостью отмечали в появившейся технике, в тактике ведения боя и управления им, в исполняющихся стратегических замыслах советского военного командования. Все занятия проводились под лозунгом «Больше пота в ученье, меньше крови в бою!», при этом часто приводились примеры того, как воины-гвардейцы били немцев под Сталинградом.

По приказу командования бóльшая часть учений проводилась в ночное время, т. к. вести бой предстоит не только днём, но и ночью (тренировка же в дневное время не приучает солдат к ведению боевых действий в тёмное время суток).

Вот сводки Совинформбюро сообщили о том, что вражеское наступление остановлено, вот уже сообщается о переходе наших войск в контрнаступление, и вот освобождены города Белгород и Орёл, а в Москве в честь этого прозвучал первый салют освободителям. В приказе Верховного Главнокомандующего объявили благодарность войскам, отличившимся в этой исторической битве 1943 года, а мы уже не только твёрдо знали, но всё более явно чувствовали: такие салюты станут радовать всю нашу страну всё чаще и чаще!

Газеты, поступающие в подразделения, перечитывали по несколько раз. Читая в них сообщения об успехе наших войск, сердца наши полнились гордостью за нашу Советскую Красную Армию, за наш, советский народ!

Конец июля и часть августа во взводе радиосвязи основное время на занятиях уделяли тренировке расчётов полковой сети в быстроте вступления в связь, в передаче сигналов и радиограмм, в свя́зи на марше. Почти все занятия проходили в ночное время. По выходу из лагеря, перед закатом солнца, я

выдавал расчётам схемы радиосвязи, на которых были указаны маршруты движения радиостанции, пункты и время остановок, выдавал листы с радиограммами и сигналами, с указанием времени их передачи (я всё это время в основном находился при главной станции сети).

Некоторые начальники радиостанций были из ветеранов полка, а часть – влилась из пополнения. Среди старых, опытных радистов: мл. сержант Щечилин, возглавлявший главную станцию сети, мл. сержант Платонов; двумя другими станциями командовали бывавшие в боях солдаты, но ставшие радистами уже в полку: мл. сержант Мурашко и мл. сержант Киселёв. Из радистов помню Водопьянова, Захарова и Иконникова, им азбука Морзе давалась с трудом, они и образование имели низкое, возрастом были постарше.

Занятия проводились по 12-ть часов в сутки, без выходных дней. Один раз в палатке командира роты собрались командиры взводов связи, под руководством зам. комроты лейтенанта Серебренникова составляли расписание занятий роты на следующую неделю. Закончили дело поздно ночью, стали расходиться по своим палаткам. Рядом со мной шёл командир телефонного взвода мл. лейтенант Голованов М. Гляжу – он идёт прямо на ствол дерева, я ему «Миша, стой!». Он остановился и с изумлением оглянулся на меня. «Куда ты на дерево полез?» – спрашиваю, а он: «Какое дерево?! Совершенно чистая тропинка, вот! ...» – и в доказательство махнул рукой, со всего размаху ударившись о дерево кистью руки. Оказывается, он абсолютно не видел дерева! Я довёл его за здоровую руку до палатки, повторяя: «Вот ты какая, эта куриная слепота!»

На следующие сутки, во время ночных занятий передали с одной радиостанции, что ранен нач. рации Платонов, я поспешил туда. Как выяснилось, двигаясь по указанному маршруту, Платонов перестал видеть и, не разглядев окопа, упал в него, сильно отбив руку и ногу. Я отправил его в лагерь, ученья же продолжались.

Через пару дней заболели куриной слепотой ещё два радиста и несколько телефонистов. Уже три радиста вышли из строя, значит, по крайней мере, две станции из четырёх остались не у дел. А ведь вот-вот – в бой, в наступательный бой! А в санитарной роте, хоть и зафиксировали заболевание куриной слепотой, но лекарств-витаминов не было.

Я пошёл к врачу, Николаю Ивановичу Колупаеву, спросить, что нужно достать для излечения больных. Доктор сказал мне:

- Нужно немного, но каждый день пить молоко, по стаканчику, хоть по половинке, – через неделю ваши куриные слепачи́ в темноте вышивать будут.

Когда я доложил об этом в присутствии старшины роты нашему командиру, Андрей Иванович (Щербаков, старшина) пообещал достать молока. Повозочные гоняли поить лошадей к реке через деревню, а там старшина завёл знакомства, и, действительно, уже со следующего дня наши больные куриной слепотой связисты стали получать ежедневно по стакану молока.

Однажды командир роты связи вывел поздно вечером своих подчинённых из лагеря на занятия (перед этим проверив подготовку командиров взводов к этим занятиям). Когда взводы́, под руководством своих командиров, разошлись [далее – тетрадь 25] на занятия, капитан Чебоненко с офицером связи полка, тоже – капитан, отправился в ближайшую деревню.

В деревне, когда они, вспомнив мирное время, уселись отдохнуть на лавочке, к ним подсели две местные женщины. В это время на тёмной улице, медленно спускаясь в местные ямы и, так же, не торопясь, из них выбираясь, показалась легковая машина. Поравнявшись с капитанами, автомобиль повернул, залив компанию ярким светом неожиданно включённых фар.

Ослеплённые лучами капитаны вскочили, а женщины с визгом скрылись за воротцами палисадника. Из машины вылез командир дивизии гвардии полковник Яковлев. Его подчинённые, не ожидавшие, конечно, такой встречи, вытянулись по стойке смирно и, приложив руку к виску, поочерёдно представились. На слова Чебоненки полковник сердито и саркастично спросил:

«Командир роты?! А где твоя рота?»; капитан ответил, что рота находится на ночных занятиях. Комдив, не дав договорить, прибил Чебоненку следующим вопросом-приказом: «Рота на ночных занятиях, а командир роты в это время баб изучает!? Сейчас же оба в расположение штаба дивизии марш! Я туда еду, к моему приезду, чтобы вы уже были на месте!»

Капитаны широкими быстрыми шагами направились к штабу, машина полковника ехала сзади, изредка подсвечивая дорогу фарами. Шагающий офицер связи, подходя к мосту, начал прихрамывать (то ли от сбившейся портянки, то ли от попавшего в обувь камушка), поэтому, остановившись у перил, он быстро стянул сапоги, подхватил их в подмышки, и они вдвоём, с товарищем по этим злоключениям, почти переходя на бег, стремительно припустили в гору. Водитель, нажимая на газ, почти догнал бегунов, но те, поднявшись по дороге на вершину холма, свернули в лес, чтобы срезать путь. Когда автомобиль подъехал на поляну, где располагались палатки штаба, капитаны, тяжело дыша и обливаясь пóтом, ужé стояли там.

На востоке начинало светлеть, когда в полках выбежали из штабов связные с приказом немедленно явиться в штаб дивизии всем командирам от роты и выше. К рассвету все собрались, выстроившись напротив палаток штаба дивизии, но комдив, оглядев строй, нашёл непорядок, – командиры рот и батальонов явились по тревоге без положенных им по штату автоматов, а потому отправил всех за оружием.

Капитан Чебоненко, рассказывая позже о своих переживаниях в эти кое-как тя́нущиеся минуты, говорил, что ждал выговора и наказания, объявленного полковников перед строем. «Но, когда комдив послал всех за автоматами, у меня душа ёкнула – неужели расстреливать будут?!» – думал в тот момент капитан. Был он не из трусливых, но у него даже не явилось мысли, что их проступок не заслуживает такого наказания; видать, в условиях военного времени, ты с какого-то момента смиряешься с тем, что жизнь не твоих руках. Правда, одно дело – отважно погибнуть в бою, а другое – быть расстрелянным

перед строем своих же товарищей. В общем, за эти полчаса наш капитан много пережил!

Но вот все отправленные за оружием офицеры, вернувшись, построились. Комдив, кратко охарактеризовав положение дивизии, её задачи, наконец, поставил перед строем этих двух офицеров связи, заставив их рассказать, где и для какой цели они находились этой ночью. Чебоненко коротко, ясно, искренне рассказал о произошедшем. Тут полковник... отпустил строй, предупредив всех, что в следующий раз никому так дёшево не отделаться.

А боевая подготовка в дивизии продолжалась. Зачастую ход занятий проверялся высшими штабами и командирами. Лучшим в боевой и политической подготовке был признан 1-й стр. батальон 232-го стрелкового полка, а его командир (гвардии капитан) был награждён командующим Армией именными часами.

Но вот кончилось наше стояние в лесу. Как-то вечером, в конце августа, полк был построен для движения за уходящим на запад фронтом (линия фронта к тому времени достигла Харькова). Вслед за ГПЗ [головной походной заставой] тронулся передовой отряд 1-го стрелкового батальона. Любо было смотреть, как стройно, уверенно шагали стрелковые роты батальона, шли за ними пулемётчики и миномётчики, а вот и взвод противотанковых пушек, впереди которого красиво и уверенно сидя на коне, едет их командир, капитан.

Когда передовой отряд прошёл, тронулись главные силы: штаб полка и рота автоматчиков, рота ПТР [противотанковых ружей], 2-й и 3-й спецбатальоны, миномётчики...

Пустив дивизионную радиостанцию впереди штаба полка, вслед за зачехлённым полковым знаменем, я остался дожидаться обоза – мне надо было посадить на повозку ещё страдающего куриной слепотой мл. сержанта Платонова (остальные болевшие радисты, после четырёх стаканов молока, выздоровели). Когда тронулся обоз, я быстрым шагом принялся догонять

ушедший вперёд штаб. Бодро шагали тренированные гвардейцы, но у меня хватило энергии, чтобы, где-то через час, настичь дивизионную радиостанцию.

Продвигались ночами, к рассвету укрываясь в лесу или в кустарниках; для штаба и для командира полка ставились палатки, а солдаты устраивались после завтрака, приготовленного на ходу, спать на земле.

Ночью, на марше, чувствовалось, что передвигается не только наша часть, но и другие подразделения – и впереди нас, и за нами, и параллельно нам. В воздухе тоже происходило какое-то движение, – тарахтя моторами, висели над нами, где-то за облаками, в чёрном небе, не разберёшь, чьи самолёты (очевидно, и наши, и немецкие).

Как-то раз впереди нас случилась вспышка отдалённого взрыва, через несколько секунд дошёл и звук. Приблизительно через час мы подошли к этому месту – догорал крайний дом в небольшом селении, рядом зияла большая воронка и искорёженный металл перевёрнутого тяжёлого орудия. По рассказам жителей, это был артиллерийский гусеничный тягач с орудием на прицепе, двигающийся с неисправным глушителем, сквозь который, время от времени, вырывалось пламя. Пролетавший бомбардировщик накрыл такую заметную для него мишень бомбой. Водитель тягача и весь расчёт, а также – четверо спавших в доме гражданских, погибли.

Солдаты шли в полном боевом снаряжении; облегчать экипировку, складывая на повозку вещмешки, скатку, тем более – противогаз, не разрешалось. Был строгий приказ, чтобы все солдаты передвигались только в касках. Когда мой помощник, мл. сержант Щечилин, снял каску с головы и надел её ремешком на согнутую руку (у него от каски заболела голова), замполит полка, подполковник, заметив это, остановил строй роты и приказал радисту сию секунду надеть каску, остальных – предупредил, что каска предназначена для защиты головы, а не для сбора ягоды. Правда нас смущало, что каски сверкали в свете полной луны (небо к этому моменту очистилось от

облаков, а луна поднялась из-за горизонта), т. ч. колонну можно было издалека заметить по этому блеску.

И вот, в одну из ночей, когда наша рота связи, двигаясь в колонне полка, подходила по полевой дороге к переезду через линию железной дороги, и, перейдя его, поравнялась с лесной посадкой, из-за деревьев вышел генерал и, подозвав, шагавшего впереди строя, гв. капитана Чебоненко, спросил у него: «Где командир полка?». После ответа, что компполка находится в голове колонны, генерал сказал: «Передайте ему, что генерал-лейтенант Кулик приказал срочно снять каски и запрятать их в вещмешок; своим же солдатам прикажите сделать это немедленно!». После того, как солдаты сняли каски, убрав их в вещмешок, все стали чувствовать себя увереннее.

Когда колонна достигла Северного Донца[1], несколько переходов шли вдоль берегов (в этих местах он был маленькой речушкой), а затем пересекли его, и достигли сначала линии нашей обороны, затем – и нейтральной полосы. В этот момент нас уже предупредили, чтобы, ни в коем случае, не сходили с дороги, т. к. по сторонам могли остаться мины и так называемые МЗП (малозаметные препятствия). Так и есть, один из неосторожных солдат, зацепился за проволоку, разбросанную в траве, и чем больше пытался освободиться, тем сильнее запутывался; запутался и его товарищ, пытавшийся помочь боевому другу. Только подошедшие с ножницами сапёры освободили их. До самого конца марша все очевидцы добродушно подсмеивались над бедолагами.

Но вот мы уже́ вошли в полосу обороны противника; видно было, что в этом месте больших боёв не было, а немцы спешно покинули эту линию долговременной обороны.

Вскоре после того, как мы миновали бывшую (совсем недавно, может быть, сутки назад) линию фронта, все обратили внимание на поля, разбитые на узкие, шириной по 5–10 метров, полоски; вот полоска пшеницы, её сменяет

[1] На украинском языке название этой реки – «Сі́верський Доне́ць».

полоса кукурузы, далее – овёс, затем – гречиха, опять пшеница и т. д. Оказывается, немцы в своём ближайшем тылу распустили колхозы и разделили землю (больше мы такого уже не встречали, обычно они сохраняли колхозы, только во главе ставили своего старосту или коменданта). До того странно и непривычно было видеть большой массив земли, искромсанный на микроскопические делянки, где не только на тракторе не развернёшься, но и на лошади с плугом невольно въедешь на чужой клочок. А вспомнив, что не так давно, немногим более 15 лет назад, вся земля делилась на такие полоски, мы удивлялись, как это люди могли так портить землю, как раньше не додумались до простой вещи, – объединить для общего блага и пашню, и свой труд, и сколько сил и средств затратила наша партия для того, чтобы доказать всем естественность, неизбежность и выгодность колхозной жизни.

Походные колонны полка, хотя и приближались к новой линии фронта, но всё же ещё были далеко он него; пока до нас не долетали ни звуки выстрелов, ни разрывы, и даже немецкая авиация, к этому моменту потерявшая своё былое превосходство (и даже – господство, после того, как вероломно начав войну, они уже в первые часы и дни разбомбили десятки наших аэродромов и самолётов, там находившихся), рисковала сюда долетать только ночами.

Так мы пересекли границу Украины. Полк сосредоточился в густом лесу. До нас здесь располагался какой-то запáсный полк, весь лес был усыпан немецкими листовками, в которых солдатам предлагалось бросать оружие и сдаваться в плен, давалось обещание сохранить им жизнь и пр. надо же иметь такое нахальство, – улепётывая во все лопатки на запад, предлагать преследующим их по пятам солдатам прекращать бесполезное сопротивление! Скорее, оказавшись в непривычной для себя ситуации трусливо спасающих свою шкуру, противник не в состоянии был что-либо соображать, а действовал автоматически, как на других территориях раньше.

На следующий день полк был быстро построен и тронулся вперёд. Выйдя на большую дорогу и следуя к переправе – мосту через речку, мы услышали всё нарастающий прерывистый гул большой массы низколетящих самолётов противника. Вот из-за леса показались девятки бомбардировщиков. Была подана команда «Воздух!», и колонна рассыпалась по обеим сторонам дороги. Обогнав нашу колонну, бомбардировщики быстро, по одному, с душераздирающим воем, спикировали на мост. Вой самолётов смешался со звуками разрывающихся бомб. В небо стали подниматься тучи тёмной пыли от поднятой взрывами земли. Бомбардировщики начали крутить знакомую воевавшим солдатам карусель, когда после пикирования очередной самолёт пристраивается в хвост последнего. Отбомбившись, «Юнкерсы» вновь выстроились девятками и «поплыли» на запад.

Колонна полка вновь выстроилась и тронулась дальше. Подойдя к мосту, мы увидели, что он цел, но вокруг вся земля перевёрнута, пыль же, поднятая взрывами, до сих пор не успела осесть на землю, и воздух был темновато-серым.

К утру полк занял боевые порядки на оборону, начав окапываться. Штаб полка расположился в громадном подсолнечном поле. Большие колёса подсолнечных корзинок с почти созревшими семечками тяжело висели на стеблях, толщиной почти в руку. Поистине, сверхплодородна земля родной Украины!

Наблюдательный пункт командира полка был расположен на вершине высокого стога сена. Радиостанции дивизионной и полковой сети расположились вблизи этого стога. Батальонные радиостанции ушли с командирами батальонов. В целях маскировки, работа радиостанций была запрещена, разрешалось начать её только при соприкосновении с противником.

Впереди нас тяжёлые бои. Так, город Ахтырка переходил из рук в руки несколько раз. Наши войска, преследуя отходящего в основном противника,

уже действовали на Полтавщине, но немцы, подбросив свежие танковые соединения и стянув всю авиацию, начали контратаковать.

Временами гул канонады приближался к нам, затем – вновь отодвигался куда-то на запад. Над нами всё чаще начали пролетать парами юркие истребители – наши «Як»и и лендлизовские «Аэрокобры»[1]. Иногда показывались немецкие «Мессершмитты» и «Фокке-Вульфы». В небе, то – там, то – здесь, завязывались воздушные бои. Фрицы, чаще всего, боя не принимали, а, в итоге, скрывались на юго-запад, преследуемые нашими лётчиками.

Но вот пара наших истребителей была неожиданно, из-за облака, атакована несколькими парами вражеских самолётов. Крылатые машины пикировали, взмывали вверх, уходили вправо–влево с такой скоростью, что невозможно было понять, кто, где, что делает, как всё сложится в ближайшее мгновение. Тут один наш истребитель задымил и круто пошёл к земле, падая прямо на траншею одной из рот полка.

Какой-то старший сержант вылез из укрытия и встал перед бруствером, самолёт в эту секунду, не выпуская шасси, коснувшись бруствера, накрыл собою солдата. Пробороздив метров 15-ть, самолёт остановился. Когда находящиеся рядом наши бойцы подбежали к самолёту и открыли колпак, они увидели, что лётчик, мёртвый, пробитый несколькими пулями, сидит на своём сиденье, залитом кровью, но руки его продолжали сжимать рукоятки рычагов, а ноги стояли на педалях. Впереди самолёта, проткнутый стволом самолётного пулемёта, лежал мёртвый старший сержант.

Всё это случилось в считанные минуты, мгновенно; никто из тех, кто стал свидетелем произошедшего, ничего за это время и сообразить не успел, а ещё две жизни оборвались. Молча постояли, сняв пилотки, солдаты над телами своих товарищей, а чуть позже выкопали могилу, положив рядом лётчика и старшего сержанта. Когда над могилой был насыпан холмик рыхлой земли,

[1] Об истории этого американского самолёта можно посмотреть материал по адресу: https://warbook.club/voennaya-tehnika/samolety/bellp-39/.

солдаты автоматными очередя́ми попрощались с героями своей страны и разошлись по боевым местам.

К вечеру впереди, на юго-западе, где гремела неумолкающая канонада, небо резко потемнело: у земли было совсем чёрное, выше понемногу переходя в более прозрачную серость. К утру звуки боя удалились от нас и постепенно совершенно затихли.

В это время в помощь войскам Воронежского фронта, понёсшим в ожесточённых боях потери, стали вводиться войска [далее – тетрадь 26] нашего, Степного, фронта. Полк свернул оборону и походной колонной двинулся вперёд, чтобы после нескольких ночей марша, остановиться где-то на границе трёх украинских областей: Харьковской, Сумской и Полтавской (судя по карте, штаб полка расположился на территории Харьковской, пост ВНОС [воздушного наблюдения, оповещения и связи] – в Полтавской области), вот-вот – и нашу дивизию введут в бой.

А пока, шагая в колонне, то и дело, я переносился в те времена, когда мы, так же, шли алтайскими дорогами, подходили к Заячьей горе, направлялись под Сталинград... Вдруг вспомнилось, как для меня, в первых числах декабря 1941 года, начиналась моя война, когда под Москвой я был радистом артиллерийской батареи 71-й отдельной морской стрелковой бригады.

Наша батарея имела на вооружении пушки образца 1882 г., выпуска 1886 года. Артиллеристам были выданы длинные винтовки с штыками, неудобными и опасными для них самих, в тот момент, когда нужно было крутить колёса, выдвигая орудие на стрельбу прямой наводкой, или помогать, толкая орудие в гору. У пушек были большие деревянные колёса, добавлявшие вес, с которым справлялись сразу 6 лошадей. Ствол мог поворачиваться лишь по полтора градуса влево или вправо, а чтобы перевести огонь на больший угол, самый здоровый из расчёта номер (правильный) брал пушку за «правило» и, как можно быстрее, поворачивал её в нужную сторону. А вступая в бой в первый

раз, артиллеристы не имели ни одного телефонного аппарата, ни одного бинокля (чуть позже бинокль выдали).

Подходя к фронту, перед началом нашего первого (каждому хотелось, чтобы не последнего) боя, там, под Москвой, стоило кому-то пустить слух «автоматчики просочились» или «танки!», как сразу сжимались сердца, и глаза невольно бегали, выискивая подтверждение тому испугу, от которого участился пульс, отдаваясь тюканьем в висках. И только там, в бою, в этой заварухе, понемногу начали мы понимать, что автоматчиков, танки противника можно бить, уничтожать, как это делают наши боевые товарищи, и как-то незаметно вдруг и мы, до этого необстрелянные солдаты, почувствовали свою силу, приобрели уверенность.

Полк, в котором я во второй раз, после ранения и госпиталя, попал на фронт, в апреле 1942 года, вооружён был уже значительно лучше, – в его составе была рота автоматчиков, в достаточном количестве было ружей ПТР, в стрелковых батальонах имелись противотанковые пушки, а в составе дивизии – артиллерийский дивизион противотанковых орудий. 76-м/м орудия артиллерийского полка передвигались на механической тяге, а не лошадьми. И, хотя только единицы командиров и солдат имели опыт боёв, личный состав прошёл солидную предварительную подготовку.

Сейчас, в 1943 году, накануне боёв дивизия была вооружена ещё качественнее. В каждом гвардейском полку было уже две роты автоматчиков, во главе которых стояли опытные командиры (так, в нашем полку такими ротами командовали бывалые фронтовики – капитан Никифоров и старший лейтенант Бойко). Отдельный противотанковый истребительный дивизион 45-м/м орудий имел автотягу более мощную, чем была под Сталинградом. Юркие «Виллисы» с прицепленными сорокопятками в считанные минуты могли, переместившись на любой участок, преградить путь танкам противника. Мощные машины высокой проходимости перемещали 76-м/м современные орудия, выставляя батарею в неожиданном для врага месте.

Связь изменилась так, что год, а тем более, два года назад, навряд ли кто-то из нас о таком думал и мог мечтать. Опытные солдаты-связисты бегом тянули «нитку» за командирами, а при порывах, оперативно восстанавливали связь. При каждом штабе полка или при командире имелись качественные радиостанции с опытными классными операторами-радистами (при том, что в 1942 году во всей дивизии было лишь 3 радиста). А разве можно сравнить аппарат 5АК и 6ПК с имеющимися сейчас, всего лишь год спустя, РБ и РБМ в дивизионной сети и ВР – в полковой! Последние, хоть и чуть слабее РБ и РБМ, но никак не УКВ-станции РБС (прозванных «вижу, да не слышу»), на которых можно было еле-еле клепать на ключе Морзе, и то – одни цифры, а буквы передавали, но вот принять не могли. Сейчас же – без проблем: на ходу, временами – и на бегу, днём, ночью – давали связь ключом на расстоянии до 10 и более километров. На рациях 5АК и 6ПК и мечтать нельзя было об телефонных радиопереговорах, а теперь комполка мог в любой момент переговорить с командиром дивизии или с комбатом, зачастую – даже не подходя к радиостанции, со своего аппарата.

Изменилось и отношение к связистам, особенно заметно – к радистам. Если при формировании полка, это можно было почувствовать, их (нас) считали ненужными бездельниками, то теперь они (мы) стали необходимыми людьми. Да и само отношение к связи! Во время боёв под Зайцевой Горой «радиобоязнь» была массовой, под Сталинградом такие случаи редко, да встречались, теперь же об этом даже разговора не было. Если, ещё во время последних учений», командиры не всегда умели полноценно использовать возможности радиосвязи, то штабы всех рангов уже воспринимали радиосвязь, как самый надёжный и оперативно необходимый вид связи.

Кроме того, личный состав, в своём подавляющем большинстве, уже имел боевой опыт, зная, что немцам, с их хвалёным танкам, с другой, когда-то – самой лучшей, техникой, можно противостоять, а, главное, бойцы знали, как это делать, убедились, что оружие и техника в наших руках и с нашей

смекалкой, волей, верой в свою правоту и в приближающуюся Победу, сильнее! Если в начале войны немецкие мотоциклисты наводили панику, то теперь их, не занимаясь шапкозакидательством, серьёзно и в расчёт не принимали.

Многие командиры, как и солдаты, уже имели боевой опыт и гораздо более солидную выучку. И, конечно, много значило изменение соотношения сил в воздухе, где наши лётчики почти всегда на равных, а всё чаще – и с подавляющим преимуществом, вели борьбу с немцами; мы почти постоянно видели самолёты с красными звёздами, и крылья с немецкими крестами не были так страшны.

Насыщенность войск на данном участке фронта сказывалась на радиосвязи, чаще возникали помехи, потому что радиостанции сидели на близких во́лнах, бывало – и на одной волне. Один раз, когда дежурный радист доложил, что на нашей волне работает какая-то сеть. Я сам сел за аппарат, и обнаружил сразу два «сюрприза»: действительно – какая-то радиостанция произвела вызов телефоном, ей сразу ответил её корреспондент, но переговорить им не дала более мощная немецкая радиостанция, включившаяся тоже на этой волне, и гортанным немецким говором перекрыла всех и вся. Сколько ни бились русские радисты, они не смогли понять друг друга: только замолчит немец, и прозвучит фраза от наших, – опять забормотали, опять всем помешал фриц. Такое повторилось несколько раз. В таком ха́осе невозможно было даже передать сигнал о переходе на запасную волну (а может, у них эта запасная волна и не была оговорена, что является непростительной ошибкой).

Русский радист, работавший на совпавшей с нами волне, измучившись в своих попытках и дождавшись паузы, взмолился: «Фриц, фриц, уйди с моей дорожки!». Мне было и смешно, и грустно, что организация радиосвязи в этой сети была настолько слаба, что радисты не знают другого выхода из сложившейся ситуации.

Иногда я переключался на авиационную волну, иногда – на танковую, везде по переговорам чувствовалось, что и в воздухе, и на земле идут напряжённые бои. Летом 1943 года, как в конце зимы 1941 и в конце зимы 1942, решалась судьба войны. Позже это было сформулировано и передавалось в сводках Совинформбюро: «... эти бои поставили немецко-фашистское государство со всей их звериной идеологией перед катастрофой». Но тогда исход этих боёв ещё не был решён в нашу пользу, и мы понимали, что это предстоит сделать вступающим в бой армиям нашего, резервного, Степного фронта (который вскоре переименовали во II Украинский), т. е. – и нам.

В период после окончания Сталинградских боёв для меня лично произошло событие – я стал кандидатом, а вскоре – и членом Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) – ВКП(б), в дни написания этих воспоминаний – КПСС. С самой школы я воспитывался в духе коммунистической сознательности, и по окончании школы, начав работу в государственных учреждениях и предприятиях, я всегда в своей работе, в отношении к работе и к людям старался походить на коммунистов – передовых людей моего времени. Когда в 1936 году вышел «Краткий курс истории ВКП(б)», и везде создавались кружки по его изучению, я с желанием занимался в таком кружке. Хорошо знал биографию В.И. Ленина. Всю сознательную жизнь я читал <...> [не разобрал слово] газеты, даже в армии, на фронте, и чувствовал, что чего-то я не сделал, чего-то мне не достаёт.

Поэтому, когда мне предложили вступить кандидатом в члены партии на льготных фронтовых условиях, я только усомнился, имею ли я право использовать такие условия, так как я не был непосредственно на передовой линии. Но мне разъяснили, что имею право, как все находящиеся на фронте, по решению ЦК партии: кандидатский стаж снижался до 3-х месяцев, снижался срок совместной службы рекомендующего с рекомендуемым и, кроме того, достаточно было двух рекомендаций.

Рекомендовали меня мои однополчане: начальник связи полка гвардии капитан Друзь Яков Фёдорович и начальник ЦТС [центральной телефонной станции] штабного взвода роты связи, секретарь ротной партийной организации старший сержант Булгаков. Моё заявление было зачитано на собрании ротной парторганизации в моём присутствии, вопросов мне было задано мало, так как все коммунисты роты меня хорошо знали, так я был принят кандидатом в члены ВКП(б).

Вскоре после этого я был вызван на беседу к начальнику политотдела (он же заместитель командира дивизии по политической части) полковнику Шварёву Михаилу Анастасовичу. Он принял меня в кузове крытой автомашины. В беседе он задавал мне много вопросов: про образование, про политическую подготовку, как я читаю газеты, спросил и о некоторых политических событиях, о моём отношении к ним. Но один вопрос меня удивил – полковник спросил меня, почему я до сих пор не на офицерской должности. Я пояснил, что меня, как специалиста-радиста, <в полку> с апреля 1942 года назначили командиром взвода радиосвязи, а затем, вследствие упразднения этой должности из-за нехватки радиостанций, с этой должности перевели опять начальником отделения. Сказал, что по своей специальности, если будет необходимо, могу быть на должности командира взвода, но, не имея никакого военного образования и военного опыта, не могу быть командиром стрелкового взвода, но теперь, добровольно принимая на себя высокие обязанности члена партии, готов служить там, где мне укажет партия и командование.

Для изготовления фотографии на кандидатскую карточку я явился к фотографу политотдела. Его фотолаборатория помещалась в землянке, где для съёмки не хватало света, и он нам, нескольким пришедшим сниматься солдатам и сержантам, велел снять шинель в землянке, а сами выйти на улицу и ожидать его.

На дворе стоял холодный мартовский день, с ветром, а фотограф задерживался, и мы порядком промёрзли в одних гимнастёрках, у меня даже

зубы начали стучать. И когда фотограф снимал, выражение моего лица было не из приятных. Выполнив съёмку, фотограф велел прийти через день, чтобы узнать фотокарточку. Когда я в назначенный день явился к нему, он сказал мне выбрать из лежащих на столе нескольких десятков фотографий свою. Но, сколько я не перебирал их, себя найти не мог. Но фотограф уверял, что моя карточка находится среди выложенных передо мной. И вот, просматривая фотографии уже в четвёртый или пятый раз и обращая внимание не столько на лицо, но и на одежду, я нашёл своё фото, на котором чувство холода сделало моё лицо неузнаваемым. Надписав на обратной стороне фотокарточки мою фамилию, фотограф передал её в политотдел. А через несколько дней я из рук батальонного комиссара полка подполковника Оглуздина Александра Петровича получил на руки кандидатскую карточку. Так, в марте 1943 года в районе г. Сталинграда я стал кандидатом ВКП(б).

Через три месяца кончился мой кандидатский стаж, и я подал заявление с просьбой принять меня в члены ВКП(б). В это время я был уже командиром взвода радиосвязи, но офицерского звания ещё не имел. На этот раз тёплым светлым днём фотограф снял меня нормально. Полк находился в это время на марше, на беседу начальник политотдела меня не вызывал.

Членский билет в красных корочках вручал мне тот же подполковник Оглуздин, но он в это время был уже заместителем начальника политотдела дивизии и прибыл в полк специально для этой церемонии вручения. Все, кому надлежало получить партбилет, были выстроены на небольшой поляне, в том лесу, где полк отдыхал после марша. Подполковник вызывал человека по фамилии, названный откликался и, подойдя, получал членский билет (или кандидатскую карточку). Назвав мою фамилию, замполит добавил: «А этого и глядеть нечего, я его хорошо знаю», – и, вручив билет, тепло пожал мне руку. Когда церемония вручения подошла к концу (пришло получать около 20 человек), подполковник Оглуздин ещё раз поздравил вновь принятых в члены или кандидаты в члены великой ленинской партии коммунистов. Так я в июне

1943 года стал членом ВКП(б), с тех пор эту дату я всегда пишу во всех анкетах.

После того, как мне оказали такое доверие, приняв меня в партию, я стал относиться к себе ещё строже, а в своей службе старался как можно лучше выполнять свои обязанности командира взвода, как по обучению своих подчинённых, так и по их воспитанию. С тех пор я всегда проводил с солдатами и сержантами своего взвода, а иногда – и с сержантами всей роты (т. к. командир роты капитан Чебоненко не был членом партии), политические занятия.

Перед самым началом движения полка вслед за передвинувшимся на запад фронтом мне перед строем был объявлен приказ командующего 4-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Кулика о присвоении мне звания гвардии младшего лейтенанта. Направившись в строевую часть полка, где начальник этой службы гвардии ст. лейтенант Гаврилов, зачитал мне приказ, я получил от него офицерское удостоверение; в тот же день мне выдали офицерские погоны (с одной малой звёздочкой на них и с эмблемой войск связи), я прикрепил их к гимнастёрке и шинели.

[Далее – тетрадь 27.]

Глава V

«Освобождение Полтавщины»

В жаркий летний день, когда нещадно палило южное солнце, колонна 232-го гв. стр. полка уверенно шагала скорым шагом по пыльной дороге на юго-запад. Впереди, на горизонте, стояла туманная дымка, оттуда слышался непрерывный гул интенсивной артиллерийской дуэли. Баханье выстрелов сотен орудий сливались с хлопками сотен последующих взрывов прилетевших снарядов. Иногда из этого далёкого пока для нас тумана вырывались небольшие тёмные крестики немецких бомбардировщиков, которые роясь своею адской каруселью, пикировали на невидимые нам артиллерийские позиции или на колонны советских войск. Шёл ожесточённый бой за город Котельва[1] Полтавской области, расположенный на реке Вóрскла.

Грунтовая пыльная дорога вела нас прямо на Котельву, полого спускаясь к берегу Ворсклы, долина которой, слева ограниченная густым, по южному роскошным, лесом, разлеглась на три–четыре километра.

По обеим сторонам дороги раскинулись добротно возделанные поля, на которых дозревал богатый урожай, кое-где поля уже желтели жёсткой щетиной жнивья.

Каким бы ты был опытным и привычным к бою солдатом, при приближении к месту боя, всё равно тебя невольно, волна за волной, всё возрастая, налетает чувство физически приближающейся опасности, заставляя сердце стучать всё чаще, чаще. Мелькают мысли, которые ты не в состоянии контролировать: «Что там, впереди?», «Как всё закончится?». Через какое-то время начинаешь понимать, что это всё: нервное, неуверенное, растерянное, – оно в тебе, ты хозяин, и твоё усилие включает волю – руки крепко сжимают оружие, ты обмениваешься бодрящими взглядами с находящимися рядом боевыми товарищами (тоже, уже пережившими, изжившими похожие чувства),

[1] Ударение в названии города, скорее всего, на 2-й слог слова: «Котéльва».

как и ты, вспоминающими надёжность своей винтовки или автомата, соображающими, сколько в запасе патронов, инстинктивно ощупывая подсумок или чехол с дисками.

Вдруг с востока возникает, сначала еле заметный, но быстро нарастающий, ровный грозный торжествующе мощный звук десятков авиационных моторов – и уже над головой молнией пролетают несколько девяток штурмовиков Ил-2, «летающих танков», вооружённых ракетами, прозванных немцами «чёрная смерть»; действительно, несущих смерть, врагу, которая для фашистов и должна быть только чёрной!

Уверенность у пехоты, до этого, помимо воли, прижимавшейся к земле, возрастает ещё больше. А солнце безжалостно жарит; вся гимнастёрка под вещмешком и скаткой уже промокла, из-под каски по лицу течёт пот, который попадая в глаза нестерпимо жжёт, хочешь стереть его, а руки от жары и волнения такие же потные, глаза слезятся сильнее, и это совсем не вовремя, – как никогда, жизненно важно быть начеку.

Вот И́лы, отстрелявшись по вражеским войскам, так же стремительно, пролетают над нами, обратно, на свои аэродромы. Несколько пар истребителей, охранявших их, высоко, в ослепительно голубом небе, среди редких небольших облачков, тоже скрываются, удаляясь на восток.

Колонна продолжает движение вперёд, поровнявшись с подходящим к дороге лесным массивом. Вдруг наши уши улавливают, сначала тихий, затем – всё более тревожный и пронзительный гул, неотвратимо нарастающий и идущий со стороны фронта. Глаза напряжённо ищут источник этого звука, так и есть, – с юго-запада приближаются несколько эскадрилий немецких бомбардировщиков. Они летят прямо на нас. Раздаётся команда «Воздух!», и колонна быстро рассредоточивается вправо–влево от дороги. И вот солдат уже не видно, они залегли, прижавшись к земле, но тревога оказалась напрасной, – самолёты, не долетая до нас, отвернули в стороны и начинают бомбить с пикирования одну из дальнобойных батарей, километрах в двух от нас.

Мы, поднимаясь с земли, всё ещё настороженно, оглядываемся по сторонам и замечаем, что приютили нас пышные кусты помидор, буквально усыпанные спелыми, ярко красными, крупными плодами, за которыми руки так невольно и тянутся. И вот уже ты ощущаешь во рту сладкую, утоляющую просто невозможную жажду, мякоть. Такого мы не ели с мирного времени, и кажется, с одной стороны, что что-то подобное было, как будто, не в этой, а в другой жизни, а с другой стороны, словно мгновенно перенёсся домой, где вот, рядом с тобой, за столом, только протяни руку, – жена, мама...

В этот момент моя радиостанция дивизионной радиосети, беспрерывно находящаяся в рабочем режиме всё это время, приняла очередной сообщение (работать на передачу при подходе к фронту разрешается только в крайнем случае); бегу с принятым сигналом к начштаба. Оказалось – необходимо остановить движение и ожидать офицера связи с приказом.

Подразделения полка быстро перемещаются в дубовый лесок, выступом подходящий в этом месте к дороге, и располагаются на неожиданный отдых. Место подвернулось очень удачное – и прохладно, и хорошая маскировка. Старшины рот организуют повозки, которые подвозят солдатам с помидорного поля другую неожиданную радость – роскошный завтрак из сочных плодов.

Скоро прибывший офицер связи передал командиру полка пакет с боевым приказом: форсировать реку Ворскла в районе, левее с. Куземино [Кузе́мин], и двигаясь по правому берегу, действовать по направлению большого села Опо́шня, находящегося в тылу крупной группировки немецких войск, сосредоточившихся в г. Котельва[1].

Подразделения полка, не выходя из лесу, продвинулись к реке, и чуть не доходя до неё, рассредото́чились. Радиостанции развернули на небольшой полянке, где расположился штаб полка.

[1] Кстати, знаменитая, благодаря Н. В. Гоголю, Дика́нька, находится выше по течению Ворсклы, менее чем в 20 км. южнее Опошни.

Вот из штаба дивизии потребовали к радиостанции, для переговоров, командира полка. Я побежал его искать, но никто не знал, где он, не знал и начштаба гв. капитан Тарапон. Я обошёл все подразделения – безрезультатно.

Солнце уже склонялось к закату, тени стали длиннее, жар уже не так донимал. Я стоял и перебирал в уме, где мог пропадать комполка. В это время густые кусты со стороны берега реки раздвинулись, и оттуда показался потный, но с довольным лицом гв. подполковник Зверев (которого я уже отчаялся найти) в сопровождении двух разведчиков.

Как я потом узнал, он, оказывается, ходил на личную рекогносцировку, разведал удобный брод на реке. А в данный момент я доложил комполка о вызове, он распорядился вызвать комбатов, а сам, подойдя к радиостанции, переговорил с комдивом.

Ночью один стрелковый батальон полка форсировал без боя Ворсклу и занял на другом её берегу небольшой плацдарм. Однако на утро обстановка на фронте осложнилась, подошедшая свежая танковая часть противника потеснила наши войска у г. Котельва. Если бы им удалось прорваться в тыл нашей дивизии, мы бы оказались в окружении, а перед немцами была бы открыта дорога на восток.

Исходя из этого, полк получил задание, оставив для заслона роту, остальные подразделения расположить в лесу, в состоянии боевой готовности к контратаке немецких частей (если те направят свой удар на наши тылы). К вечеру все подразделения полка были сосредоточены на левом берегу Ворсклы.

Ночью гв. капитан Чебоненко, командир роты связи, пошёл на плацдарм, чтобы проверить, как телефонисты свернули телефонные линии, и не осталось ли там брошенного имущества, способного обнаружить наше былое присутствие там. Добравшись до места, он ни одного нашего солдата там не обнаружил. «Когда я понял, что нахожусь на линии обороны один-одинёшенек, мне стало жутко, – рассказывал он позже, – тогда я совсем по-другому стал прислушиваться, что делается на стороне противника».

«Тут в ночной тишине я ясно начал различать осторожные шаги, направляющейся прямо на меня со стороны фрицев, небольшой группы людей. А ну как разведка немцев – навалятся, скрутят руки–ноги, кляп в рот – и потащат гвардии капитана, как поросёнка, к своим, да ещё крестов за такого языка наполуча́ют потом! «Нет, не на того, гады, напали! Не бывать капитанской точки»[1], – думаю.

Пригнувшись в неглубоком окопе, до боли напрягая глаза и уши, водя из стороны в сторону дулом карабина, жду – сейчас появятся. А шаги, явно, всё приближаются. Вот начал различать фигуру человека, медленно, так идущего к окопам. Я прильнул щекой к ложу карабина, в этом полумраке начал целиться, – очертания куда-то растворились, просто сгинули. Не отрываю взгляда от линии прицельной рамки, вожу карабином, этот, из темноты, уже должен был близко подойти. Указательный палец на крючке от напряжения уже дрожит: когда нажимать – вот, стой, ждём-ждём...

Параллельно соображаю: в такой темноте нормально прицелиться сложно, неточный выстрел выдаст моё местоположение. Оторвал щёку от карабина, приподнял голову – вглядываюсь. Тут как раз луна из-за облака вышла, светло стало, эта фигура уже метров в 50-ти от меня. Тьфу! Узнаю, – Ренёв! Полковой инженер, тоже капитан. Я ж его чуть не подстрельну́л!

Тихонько окликнул его:

- Ренёв! (Удобная фамилия-то, мелькнуло в голове, долго выговаривать не надо!) Ренёв!», – кричу ему во весь шёпот.

Тот подошёл. Я, на всякий случай из окопа-то не вылажу, спрашиваю:

- Ты чего тут потерял? Будь облако малость побольше – стрельнул бы я тебя; может, и не застрелил бы, по темноте-то, но подзакале́чил. Вот палец уже был готов, спроси его, если не веришь.

[1] «Капитанской точки» – аллюзия на название повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» связана с тем, что главный герой, рассказывающий о себе, был капитаном.

И ты представляешь, что он мне отвечает? – продолжал Чебоненко, – он тоже, ну, как и я, пошёл проверить – своих сапёров, как они, значит, выполнили его задание, ну, то есть, заминировали оборону».

- Так тут ещё и заминировано! – вскричал я так, что швед под Полтавой, ещё Петром Первым побитый, в свой могиле, наверное, вскочил.

Ну, в общем, сказал я инженеру, чтобы он мне дорогу назад, чтоб без всяких этих ихних минных сюрпризов, показал. Шёл я в обра́тку и думал: «Не понос – так золотуха! Недавно самого чуть за прогулку не расстреляли, а, на́ тебе, вот только что чуть на ми́не прощальный вальс не станцевал со старухой! Опять же, и как капитан капитану чуть пулю не подарил из туману!».

Перекурив и окончательно успокоившись, капитан Чебоненко быстро вернулся в штаб, и доложил начштаба полка о том, что роты в окопах нет. Начальник штаба гв. капитан Тарапон, услыхав это, рассвирепел. Громким голосом он вызвал связного той роты, что должна была находиться на плацдарме, – тот тут же явился и был послан за командиром своей роты. В этот момент я соображаю и говорю начштаба, что связной-то с вечера был в штабе, и, наверняка, не знает, что рота ушла из вчерашних окопов, а, значит, побежал туда, в уже пустое место. Капитан, выскочив из палатки, вернул связного, который, на самом деле, рванул к плацдарму. Пришлось ему бежать в батальон, где он отыскал командира роты. Явившись в штаб, командир роты сообщил следующее: получив приказ остаться в заслоне, он решил, что его роту оставляют в прикрытии только до отхода главных сил полка, поэтому, выждав достаточное по его расчётам время, рота была им снята с обороны и догнала полк. Комбат, которому командир снявшейся роты доложил о возвращении своих бойцов, подумал, что, раз рота здесь, значит, её в прикрытии уже сменила другая, поэтому отдал им приказ отдыхать.

Наконец, когда всё выяснилось, рота спешно переправилась через Волсклу, и опять заняла свои позиции. Спустя немного времени явилось отделение разведчиков, ходивших в разведку в том направлении, и доставили

трёх человек в маскхалатах. Когда тех развязали, они оказались в советском обмундировании и назвались разведчиками соседнего полка нашей же дивизии. Однако документов у них при себе не было, поэтому мы связались с соседями справа и вызвали их начальника разведки, чтобы он подтвердил или опроверг слова пойманных.

Как же получилось, что наши разведчики привели из поиска своих же коллег-товарищей? – А оказалось, что, отправившись в разведку, они решили взять чуть правее, зайдя в село Куземино, а это было уже в полосе соседнего полка. Там, наткнувшись на трёх человек в маскхалатах и услышав на свой вопрос «Кто такие?» ответ «Свои» разведчики нашего полка, пользуясь численным перевесом, сбили непонятных им «своих» с ног, связали и притащили в расположение полка, потому что были уверены – перед ними засланные немцами диверсанты. Таким образом, одна за другой, а, на самом деле, практически одновременно, случились две истории: в одной перестраховались (наши разведчики), во второй – чуть не подставились, недостраховались (рота заслона). Всё это показывает, как важно взаимодействие, взаимопонимание, а, значит, и связь.

На следующий день контратаки немцев в районе Котельвы полкóм были отбиты; мы получили приказ продолжать выполнение задачи. 1-й стрелковый батальон перешёл на правый берег и дружной атакой сбил оборону противника, начав продвигаться вперёд, но, расширив плацдарм, он расширил и свою пóлосу наступления, поэтому его атаки стали слабее, продвижение замедлилось.

Вечером через Ворсклу переправились остальные батальоны и штаб полка. С утра следующего дня был введён в бой 2-й батальон под командованием пожилого майора Бавченко, участника гражданской войны. 2-й стрелковый батальон с ходу, как ранее батальон первый, пробил немецкую оборону, и объединив усилия, эти батальоны уверенно теснили врага.

Чтобы остановить такое развитие ситуации на участке фронта, где так успешно действовал 232-й гвардейский полк, противник подключил свою авиацию – несколько девяток «Юнкерсов» стали бомбить наши боевые порядки, артиллерийские и миномётные позиции. Одна бомба разорвалась у командного пункта 1-го стрелкового батальона, и её осколком был убит командир. Вскоре был введён 3-й батальон.

Темп продвижения вперёд нарастал, несмотря на продолжающиеся бомбардировки. 1-й и 2-й стрелковые батальоны, преодолевая сопротивление противника, прошли несколько километров и освобождали уже второе специально укреплённое врагом село.

Штаб полка, разумеется, тоже перемещался вперёд, причём днём передвигаться приходилось небольшими группами, т. к. в небе постоянно висели звенья немецких бомбардировщиков.

Когда мы проходили через одно небольшое село, противник начал его бомбить. Я и радисты моего расчёта залегли в первые, попавшиеся поблизости, ямки. Бомбы сыпались на украинские хаты, в которых не было ни одного солдата. Фашистские изверги опять воевали с детьми, женщинами и стариками. Соломенные крыши вспыхивали одна за другой, лёгкие мазанки при близком разрыве бомбы валились внутрь хат. И когда отбомбившиеся самолёты улетели, мы поднялись и пошли через деревню дальше, пылало несколько домов.

В конце улицы нам встретился старый дед украинец. Осколком бомбы ему рассекло нижнюю губу и щёку, поэтому он не мог говорить, только беспрестанно сплёвывал кровь. Мы показали ему, как найти перевязочный пункт и продолжили свой путь. Скоро, километрах в двух за деревней, на небольшой высотке, нашли командира полка и начштаба, здесь и развернули радиостанцию и быстро выкопали себе окопы.

Продвижение нашего полка, очевидно, серьёзно обеспокоило командование противника, потому что на этот участок было стянуто несколько

десятков танков, которые внезапно атаковали 3-й батальон, и, прорвав его боевые порядки, вышли в тыл 2-му и 1-му батальонам.

В одном из отбитых у немцев блиндажей находился комбат Бавченко, с ним были его начштаба и командир взвода связи. Один из вражеских танков подошёл близко к входу в блиндаж, из открывшегося люка высунулся танкист и ломанным русским языком язвительно крикнул: «Русс, зтавайса!».

[Далее – тетрадь 28.]

«Советские офицеры в плен не сдаются» – ответили ему из блиндажа. Но стрелять из пистолета, винтовки или автомата в лоб немецкой «Пантере» не имело никакого смысла. Гв. майор с начштаба, быстро выскочив из блиндажа, пригнувшись, побежали вправо, а мл. лейтенант, командир взвода связи, также, пригнувшись, – влево. Немец-танкист успел первой же очередью сразить насмерть гв. майора Бавченко и его начальника штаба. Мл. лейтенант благополучно добрался до командного пункта полка, где и доложил о произошедшем.

В результате этого боя 1-й и 2-й стрелковые батальоны оказались отрезаны от штаба полка. 3-й стрелковый батальон был частично рассеян; из всех его офицеров остались в живых только комсорг батальона и командир взвода связи.

Командир полка гв. подполковник Зверев, уяснив создавшуюся обстановку, приказал вызвать на командный пункт свой резерв – 2-ю роту автоматчиков, добавив, что он сам поведёт её в контратаку.

К вечеру совместным ударом, с одной стороны – автоматчиков, с другой стороны – 1-го и 2-го стрелковых батальонов, вклинившиеся в боевые порядки полка немцы были почти целиком уничтожены (в плен они не сдавались), положение было нормализовано. При этом были захвачены значительные трофеи, в том числе – два бронетранспортёра, которыми завладели разведчики полка во главе со своим начальником гв. капитаном Тотенко [может, Т*ю*тенко] Фёдором Ивановичем.

Затем подразделения полка стали уверенно продвигаться вперёд, а надо отметить, что бои последних дней разворачивались на исторических местах – здесь, более двухсот лет назад произошла знаменитая Полтавская битва, в которой русские войска наголову разбили вторгнувшуюся в пределы Украины, считавшуюся непобедимой, шведскую армию. Всё это воодушевляло наших солдат.

Кроме того, на картах, в планшетах командиров, появились всем известные по произведениям Н. В. Гоголя географические пункты – Ми́ргород, Диканька, правда, полоса наступления нашего полка пролегала как раз посредине этих пунктов (первый остался правее, т. е. севернее, а вторая – левее, значит, южнее). Шагая по этим местам, поневоле вспоминаешь гоголевские сюжеты, его красочный, колоритный язык. Но потом приходит на ум, что это уже не та Полтавщина, что была во времена Гоголя, а наша родная Украина, которая уже два года страдает под сапогом фашистских «сверхчеловеков», а точнее – людоедов. Попавшие в оккупацию люди более семисот дней ждут своих избавителей, и нам необходимо выполнить по отношению к ним наш священный долг – освободить эту родную нам землю от захвативших её извергов.

На подступах к большому селению Опошня, у сёл Поповка, Малые и Большие Будища, наступление дивизии натолкнулось на сильную немецкую оборону, насыщенную танками и артиллерией, в результате наше продвижение значительно замедлилось.

Здесь, в эти дни, мы впервые почувствовали, что находимся на Украине, что мы почти не понимаем украинского языка. В качестве примера приведу один случай.

Штаб полка расположился в небольшом селе Поповка (или, как произносили сами украинцы, Попівка). Радиостанции развернулись около штаба. Когда нам привезли обед, я с котелком зашёл в ближайшую украинскую хату и увидел в углу пустой комнаты солидную кучу репчатого лука. Тогда я

попросил у хозяйки: «Дайте, пожалуйста, мне луковку», но по её лицу было видно, что она не поняла моей фразы. И действительно, позвав, по всей вероятности, своего мужа, женщина сказала:

- Нэ мóгу разумы́ть, шо вин прóсэ [Не могу понять, что он просит].

Я повторил свой вопрос, и мужчина сказал хозяйке:

Да вин цыбу́ли прóсэ! [Да он лук просит!]

Цыбули?! – с радостью воскликнула женщина и протянула мне целую пригоршню лука.

Только здесь, на Украине, я, коренной сибиряк с Алтая, впервые увидел воочию, как растут фрукты: сливы, яблоки, груши. Если деревья сливы или яблони как-то соответствовали тому, что я себе представлял по книгам, то местные гигантские грушевые деревья, выше наших, сибирских тополей, изумили меня. Плоды груши остались только на самых верхних ветках, чтобы их увидеть, надо было задирать голову так, что пилотка сваливалась с головы. Плоды на нижних ветках были сняты, но нашим солдатам, сумевшим забраться на самый верх, удалось попробовать, непохожий на сибирскую мелкую кисловатую грушу, вкус этого сочного фрукта.

Здесь же, в Поповке, я познакомился с только что назначенным ПНШ-6 [ПНШ-6 – помощник начальника штаба полка по специальной связи], с которым мне предстояло по службе сотрудничать очень тесно. В его обязанности входило зашифровывать и расшифровывать радиосообщения, и я был обязан отправлять радиограммы только после его обработки, а принятые радиограммы в обязательном порядке попадали в штаб только через его руки.

Прибывший недавно, в мае, в нашу часть, новый ПНШ-6 оказался низеньким, очень молоденьким младшим лейтенантом, фамилия его Калашников. О себе он рассказал мне следующее: прибыл к нам в полк прямо из училища и сначала был назначен на должность командира стрелкового взвода.

Когда полк находился на марше, у него во взводе случайным выстрелом из автомата был убит солдат. Мл. лейтенанта, как командира, ответственного за правильное обращение вверенных бойцов с оружием, судил военный трибунал, который постановил направить Калашникова в штрафной батальон. В штрафбате он рядовым бойцом участвовал в штурме Белгорода, после, по окончании боёв за этот город, судимость с него была снята, и его восстановили в звании и опять направили в наш полк для продолжения службы.

Сегодня (т. е. в день нашей первой встречи) мл. лейтенант явился к начальнику штаба гв. капитану Тарапону, доложив, как положено, по уставу о своём прибытии. Тот посмотрел поданные документы и спросил: «Моим помощником будешь?». Мл. лейтенант, только что восстановленный в звании, явившийся из штрафного батальон ожидал чего угодно, только не подобного предложения, и растеряно молчал. Тогда капитан, не дождавшись ответа, повысив голос, повторил: «Я тебя спрашиваю, моим помощником будешь?»; на этот раз мл. лейтенант сумел промолвить: «Как помощником?! Каким помощником?». Капитан разъяснил обязанности ПНШ-6 по шифровально-секретной службе, так Калашников оказался на этой должности.

Мл. лейтенант оказался очень подвижным, исполнительным, образованным офицером, он органически не мог находиться без дела. А так, как прямые его обязанности в полку отнимали немного времени, то он всегда охотно и добросовестно выполнял все поручения начальника штаба – по проверке приказов командира полка и другие всевозможные задачи.

Перегруппировав свои подразделения, дивизия, после упорного боя, овладела селом Опошня, выйдя, таким образом, в тыл крупного соединения немцев, сдерживающего наши войска у г. Котельва. Боясь окружения, части противника начали поспешный отход, в результате чего весь фронт двинулся вперёд. Правда, вскоре дивизия опять упёрлась в сильную оборону немцев.

Однажды на командный пункт полка явился днём начальник радиостанции 1-го стр. батальона мл. сержант Платонов с аппаратом ВР за спиной, доложив, что станция вышла из строя.

Я спросил его, как он днём, да ещё – с радиостанцией на спине, сумел целым пройти с переднего края; на что он ответил: «Как? – по-пластунски, конечно. Уметь надо!». Я заметил, что незачем было рисковать радиостанцией и собой, ведь можно было через телефонистов известить меня, а я бы прямо на месте исправил повреждение. Но это, как говориться на будущее, сейчас же рассуждать было поздно, тем более, что ремонт занял у меня совсем немного времени, так что после этого я приказал Платонову ещё немного отдохнуть. Вскоре он, взвалив громоздкую радиостанцию, отправился обратно, в батальон.

Напряжённое положение на фронте не позволяло оставлять подразделение без рации до вечера (до того времени, когда становилось безопаснее добираться до места). Я, в волнении за Платонова и за аппарат, как на иголках, сидел у полковой рации, дожидаясь радиосообщения от мл. сержанта. Тут меня позвали к телефону, и я услышал голос Платонова, сообщавшего мне, что, когда он, с рацией на спине, по-пластунски уже почти достиг своей траншеи, пуля, прилетевшая с немецкой стороны, пробила аппарат, поэтому он вновь не работает.

На этот раз я, сунув в полевую сумку несколько радиоламп и других деталей (кусачки и отвёртка всегда были там), отправился в траншею 1-го стрелового батальона. Одному, без тяжёлого аппарата за спиной, пройти к их командному пункту не составило труда. Лишь последние метров пять пришлось ползти, и то – не так сильно прижимаясь к земле.

В аппарате оказалась разбитой одна из радиоламп, да ещё перебит один монтажный провод. Исправив повреждения минут за десять, я передал радиостанцию Платонову, чтобы он вступил в связь, проверив на собственном опыте рабочее состояние аппарата, сам же в это время присел в углу траншеи перекурить. Вытащив из кармана аккуратно сложенную книжечкой газету,

оторвал кусок на самокрутку, загнул большую грань, достал кисет, засыпал щепоть махорки на газетку, одним движением руки скрутил цигарку, провёл по ней языком для склеивания, после чего окончательно докрутил и вставил в рот курительное изделие. У меня сохранилась трофейная зажигалка, от неё я и прикурил, скорее не с наслаждением от ядрёного дыма, а с радостью от выполненного дела.

Мне не так часто приходилось бывать на переднем крае, и потому я чувствовал некую припóднятость (а, может, взволнованное удовлетворение). Время от времени над головой посвистывали пролетающие с немецкой стороны пули, а чаще – раздавались щелчки ударяющихся о бруствер разрывных пуль (звуки выстрелов пулемётов и автоматов с той стороны сюда не доходили). Вот, где-то справа, заработала «стукалка» – автоматическая малокалиберная пушка немцев.

В этот момент Платонов проверил рацию, поэтому я двинулся в обратный путь. Как всегда, приготавливаясь к передвижению ползком, первым делом повернул ремень пряжкой вбок, чтобы не бороздить ею землю. Закинув полевую сумку за спину, поднялся на руках до пояса из траншеи, одновременно наклоняя голову до земли, закинул ноги и заскользил змеёй вперёд. Завернув за первый бугорок, поднялся на ноги и, чуть пригнувшись, временами переходя на лёгкий бег, через полчаса достиг командного пункта.

На следующий день, после полудня, на позиции 2-го стрелкового батальона двинулись в контратаку до десяти танков противника, впереди, уткнув оружие себе в брюхо и чуть поводя в стороны дулом, шли цепью и вели беспрерывный огонь автоматчики, стараясь не столько поразить, сколько воздействовать на психику наших солдат. И цепь, и танки приближались медленно, будто совсем не торопясь, что, безусловно, ещё сильнее действовало на нервы находящихся в это время в траншее бойцов.

Так вышло, что на командном пункте батальона, как раз в это время, не было ни комбата, ни его зáмов, а в окопе сидели только телефонист и два

радиста. Нервы некоторых стрелков не выдержали, и они, выскочив из траншеи, стали отходить, изредка отстреливаясь, то и дело, залегая за естественные прикрытия – за бугры и кочки.

Когда расчёт радиостанции остался на своём участке один перед целой шеренгой немецких автоматчиков, ещё и сопровождаемых мощными танками, начальник станции мл. сержант Киселёв занервничал (радист Водопьянов, постарше его по возрасту, казался спокойнее). Оставаться на месте, дожидаясь, когда автоматчики дойдут до тебя и уничтожат, не было смысла, а драпать, выскочив из окопа, для бывалого воина было стыдно, к тому же он понимал, что погибает первым тот, кто подставляет спину.

«Эх, пулемёт бы! Я ж всё-таки пулемётчик» – воскликнул Киселёв, презрительно тряхнув карабином. «Так вон пулемёт!» – заметил Водопьянов, и, действительно, метрах в пяти за траншеей лежал брошенный кем-то «Максим». Тогда Киселёв ловко выбросился из окопа, несколько раз взмахнул ногами, не отрываясь от земли, и вот – он, таким же образом, скользя, тащит за станок тяжёлый пулемёт. Потребовалось несколько взмахов сапёрной лопаткой, – и на краю окопа уже готово место для ведения стрельбы.

Впившись руками в рукоятку «Максима», прильнув к прицелу, привычно ровно нажав на предохранитель и спуск, мл. сержант дал длинную показательную очередь. Ствол пулемёта начал, слева направо, свой смертельный обзор местной панорамы, несколько автоматчиков упало, остальные, по инерции сделав шага два, залегли. Танкисты, без поддержки, не рискнули вести машины вперёд, боясь истребителей с гранатами и бутылками с зажигательной смесью.

Киселёв, экономя патроны, прекратил стрельбу, но, как только автоматчики делали попытку подняться, он меткой очередью укладывал их опять на землю. Так держал он их почти час. Трескотня собственных автоматов не дала немцам возможность определить, откуда по ним ведёт огонь русский

пулемёт, танки же послали несколько снарядов в самое очевидное место для обороны – в траншею, расположенную метрах в 15-ти от окопа связистов.

Тут в траншею стали возвращаться стрелки́, подбежал комбат; по танкам и автоматчикам открыли огонь наши артиллеристы, и те начали пятиться, скоро скрывшись за своей траншеей.

Младший сержант Киселёв был родом с Урала. В начале войны он, как имеющий среднее образование, был мобилизован и направлен в пулемётное училище. Но, в связи с критическим положением на фронте, всё училище, ещё до окончания курса подготовки, попало на передовую. С тех пор он получил два лёгких ранения, поэтому сменил (после излечения) несколько частей, а в последний раз – попал в наш полк, где был зачислен в роту связи. За лето он довольно прилично освоил профессию радиста, потому был назначен начальником радиостанции.

Об этом подвиге мл. сержанта Киселёва я узнал от командира роты связи, которому всё это сообщил телефонист 2-го стр. батальона. Я получил приказание написать реляцию на награждение героя-связиста орденом. Описав всё произошедшее, я закончил фразой «... достоин награждению орденом Ленина», затем реляцию подписал начальник связи гв. капитан Друзь, однако заместитель командира полка по политчасти гв. подполковник Федорченко наложил на эту реляцию такую резолюцию: «он радист, и незачем ему было браться за пулемёт». Это меня очень обескуражило, но всё же, чтобы поступок Киселёва не остался не отмеченным, я написал вторую реляцию. На этот раз я упирал на то, что начальник радиостанции во время ожесточённых боёв, под градом пуль, уверенно обеспечивал связь, поэтому прошу наградить его орденом Красной Звезды. И эта реляция вернулась от подполковника с пометкой: «он это обязан был сделать в силу своих должностных обязанностей!». Так мл. сержант Киселёв и остался без награды, что долго меня мучило.

Только после окончания войны я понял, что ни один командир не подписал бы такую бумагу, в которой говорилось, что подчинённые оставили без команды позиции. А ведь я мог описать случившееся иначе, упустив те условия, в которых проявил героизм наш связист, жаль, что тогда, по неопытности, я этого не понимал, и никто мне этого [далее – тетрадь 29] не подсказал. Командир роты связи гвардии капитан Чебоненко сам в этом не разбирался, а вот гвардии капитан Друзь был более опытным, но и он, почему-то, не разобрался в причинах двойного отказа.

Между тем, продвижение дивизии остановилось. В этом месте оборона противника представляла собой отдельные огневые точки – закопанные в землю танки, размещённые так, что каждый участок перекрывался не менее чем 2 орудиями. Нижняя, легко поражаемая часть танка была прикрыта землёй, а верхняя (башня) выдерживала даже прямое попадание снаряда. Из-за сплошного пулемётного огня подобраться к такому танку с гранатами было невозможно. Артиллерии приходилось стрелять с предельных дистанций. Было очевидно, что в этом месте, без дополнительной помощи, оборону противника нам не пробить.

Тогда части дивизии приняли вправо по фронту и стали продвигаться вперёд, пока опять не упёрлись в крепкую оборону, и вновь, взяв ещё правее, дивизия смогла прорвать оборонительные линии немцев, продолжив быстрое продвижение вперёд.

В этих боях был ранен заместитель командира полка по строевой части гв. майор Гомолко Константин Константинович. Я в это время находился на высотке, где располагался штаб полка, и видел развитие событий.

В сторону фронта местность понижалась, склоны были изрезаны балками и кое-где поросли кустарником и небольшими деревьями. В сторону тыла продолжался пологий подъём по ровному полю, пересечённому полевой дорогой. Вот на дороге показалась повозка, тут перед ней возник фонтан поднятой взрывом земли, через несколько секунд послышался взрыв. После

первого взрыва повозка ускорила движение, и второй снаряд опустился позади её (т. е. там, где она была бы, продолжая путь с первоначальной скоростью).

В предыдущих аналогичных обстрелах, повозка, немного спустившись после второго выстрела, успевала выйти из поля зрения вражеского наблюдателя и обстрел прекращался.

Подразделения полка, начав утром продвижение, ещё не вошли в соприкосновение с противником. Гв. майор Гомолко наблюдал, как отделение стрелкóв, в полный рост, передвигается у края неглубокой рытвины. Встав на возвышенное место, он начал делать замечание командиру отделения, почему они не используют укрытия от естественных неровностей, и приказал ему передвигаться внутри рытвины и, пригнувшись.

В тот момент, когда уже почти всё отделение спустилось в рытвину и тронулось по ней вперёд, послышался свист пролетавших мимо пуль и заглушенный расстоянием звук пулемётной очереди. Одна из пуль пробила руку майору, всё ещё стоявшему вверху, контролируя уходящих бойцов отделения, которые все остались целы. Скорее всего, противник подпускал их ближе, и, если бы они не спустились, не пригнулись, мало кто смог бы уцелеть.

На командном пункте полка в тот момент находилась бричка роты связи, только что подвёзшая катушки с кабелем. Я сидел у радиостанции, когда кто-то сообщил о том, что ранен гв. майор Гомолко; я спросил у доктора, который в это время делал перевязку, тяжёлая ли рана, вместо ответа он велел приготовить повозку для эвакуации раненого. Повозочный быстро разгрузил катушки, я строго настрого наказал ему промчать как можно быстрее простреливаемый отрезок пути, капитан с перевязанной рукой сел, и повозка тронулась.

Я нервно наблюдал, как они пройдут опасную часть: повозочный ударил по лошадям, в это время сзади опустился снаряд – недолёт, затем снаряд опустился за повозкой – перелёт. Это означало, что артиллеристы противника взяли цель в «вилку», и следующий выстрел накроит наших ребят. С

выскакивающим из груди сердцем я ждал этого третьего взрыва..., но фонтан чёрной земли разлетелся, как и второй раз, позади повозки, которая, невредимой, скрылась за поворотом.

У меня отлегло от души, но всё-таки я ругал доктора, который не оставил майора до вечера, когда эвакуировать было бы гораздо безопаснее. А повозочный оказался смышлёным малым: тоже поняв, что их взяли в вилку, несмотря на естественное в такой ситуации желание, быстрей-быстрей скрыться, попытав судьбу, – вдруг успею, наоборот почти остановил лошадей, дав снаряду пролететь вперёд. К сожалению, этот день не обошёлся и без тяжёлых потерь – был убит начальник артиллерии гв. капитан Виноградов.

Когда сбили оборону противника, и части дивизии стали стремительно продвигаться вперёд, до Днепра осталось преодолеть две серьёзные преграды – реки Псёл и Хорóл. Надо было быстро переправиться через них до того, как немцы сумеют организовать на этом естественном рубеже отлаженную оборону. Однако оказалось, что все дороги, подходы, объезды к берегам противник заминировал.

Сапёры, которые двигались впереди, вместе с разведкой, проводили разминирование дороги прямо перед нашим подходом, и мы, проходя по ней, видели на обочине лежащие кучками круглые тарелки противотанковых мин. Как ни старались сапёры, они нé были в состоянии тщательно прощупать местность, выполняя главную задачу – обеспечения быстрого продвижения передовых частей, поэтому кое-где мины оставались пропущенными. Солдат предупредили о том, что при передвижении по дороге нельзя, ни в коем случае, сходить на обочины. Однако потерь избежать не удалось. Ночью на мине подорвался, получив смертельное ранение, только что прибывший новый командующий Армией генерал-лейтенант.

Радиостанция штаба дивизии (РСБ), смонтированная на машине ГАЗ-ААА, двигалась ночью за машиной оперативного отдела штаба. В целях маскировки двигались без огней, и, в какой-то момент, наш автомобиль отстал,

и сидевший рядом с шофёром командир взвода радиосвязи лейтенант Снегирёв приказал водителю съехать с дороги и остановиться, чтобы выяснить, не заблудились ли они.

Машина съехала и остановилась на ... вражеской мине. Раздался оглушительный взрыв под мотором, который в результате был разбит, но, к счастью, люди не пострадали, только гв. лейтенанту Снегирёву поцарапало лицо и руки осколками ветрового стекла. Кузов машины был прошит в нескольких местах крупными осколками, но спавшие в кузове начальник радиостанции гв. мл. лейтенант Михайлов и радисты задеты не были – всех защитил тяжёлый мотор.

Штаб дивизии передвигался ночью, а полки́ двигались вперёд, главным образом, днём и, лишь изредка, ночью. Преследуя, не выдерживающего атак наших подразделений и уже удирающего, противника, боевые порядки полка были свёрнуты в колонну. Разведка была выдвинута вперёд, на значительном расстоянии, но немцы, отступающие уже не пешим порядком, а на машинах, двигались в юго-западном направлении ещё быстрее.

Отходя, специальные части СС уничтожали всё на своём пути. Население угоняли насильно, под угрозой расстрела, в Германию угоняли и скот, а тот, что не могли, по какой-то причине, захватить с собой, убивали, дома поджигали. И вот, то и дело, перед нами открывалась одинаково страшная картина: селение со сгоревшими крышами и дворами, от чистых белых украинских хат оставались только дымящиеся потрескавшиеся стены. Стены украинских хат делаются из переплетенного хвороста, обмазываемого с обеих сторон глиной. Во время пожара глина раскалялась и трескалась, а хворост внутри медленно, в течение многих часов, тлел. На лугу перед селением или на его улицах, а часто, и там, и там, валялись вздувшиеся на жаре трупы животных (главным образом, медлительных волов и коров) в воздухе стоял запах этих разлагающихся трупов и гари от тлеющих стен домов.

Часть населения, чувствуя скорый конец власти фашистских захватчиков, избегали угона, скрывшись из села, а с появлением наших войск, возвращались в уже погорелые жилища. И хотя они лишились всего: и хаты, укрывавшей от непогоды, и всей одежды, скота, хлеба, – они не плакали, наоборот были довольны, что остались живы и избежали угона на немецкую каторгу.

На пути движения противником были уничтожены все мосты, большие и самые маленькие, поэтому за пехотой не могли продвигаться батареи и автотранспорт (за редкими исключениями). Миномётчики полковых 120-м/м миномётов тащили тяжёлые миномёты на себе, по несколько человек на плиту. В конце концов, 76-м/м и 120-м/м орудия опять перевели на конную тягу, а где-то поставили в упряжку волов, которых нам предоставили местные жители, сумевшие спасти свою скотину.

В редких оставшихся целыми сёлах подразделения полка выходило на улицы встречать коренное население, на лицах людей (в подавляющем числе, это были женщины, старики и дети) сияли неподдельные улыбки. Та холодная вода, которую люди выносили, которой поили нас, в поту нашего походного перемещения имела невыразимую сладость. Часто угощали огурцами, помидорами, пирогами, яйцами, передавая в руки всё это прямо на ходу. И было видно, что они будут глубоко обижены, если солдат откажется взять их добровольные приношения, поэтому бойцы, хоть и были, чаще всего, сыты, но с благодарностью брали эти искренние подарки.

Вот и Псёл! Луговой левый берег кончался небольшим обрывом с песчаной косой у берега. Прозрачная вода на быстрых перекатах сменялась тихими тёмными омутами, в которые, как в зеркало, глядели, свесив свои длинные ветви к самой воде, громадные ивы и тополя.

Дорога у берега разветвлялась, свежая её ветка поворачивала на брод, а старая, давно, не меньше, чем год как заброшенная, – вела к мосту. Мост развалился, а хозяева «нового порядка» не стали утруждать себя его починкой, т. к. он, очевидно, не имел военного значения. От моста остались только сваи да

продольные балки. Не желая мочить обувь и одежду, мы перебрались по балкам моста на правую сторону реки, туда, где располагалось крупное село.

После небольшого отдыха и обеда полк двинулся дальше. Перед рекой Хорол немцы сделали попытку задержать наше продвижение, но были быстро сбиты, т. ч. за нами оставалась всё большая освобождённая территория, и это воодушевляло бойцов ещё сильнее.

В наступлении мы немного пообтрепались, так, у меня с погон отскочили звёздочки, и поэтому я вынужден был ходить с чистыми погонами. Однажды мы зашли в небольшую украинскую хату, стоявшую особняком в поле. В ней находился старый «дід» [«дед», укр.]. Мы, присев за столом, черпали из котелков густую сытную похлёбку (каша пополам с мясом). После обеда закурили. Как раз в это время в хату зашёл командир роты гв. капитан Чебоненко, в золотых погонах, на которых сверкали четыре серебристые звёздочки. Я, сидевший в дверях, первый встал и поприветствовал его. Сразу после того, как капитан ответил на приветствие, мы с дедом вышли на улицу, и дедок спрашивает меня, почему-де, я, капитан, приветствовал первым того офицера, который младше меня чином. Я ответил:

- Нет, вошедший, как раз, капитан, а я только младший лейтенант.

Старик настаивал на своём:

- Дык, с чистыми погонами ходят капитаны, а пока что четыре звезды – только штабс-капитан, знать!

Таким образом, я сам, от него, узнал, что в старой, царской, армии (этот дед прослужил в ней более 7-и лет) капитанские погоны были чистые.

Низкий левый берег Хорóла в большей части был заболочен, и на значительной части этой территории часто попадались маленькие озерки, которые друг с другом соединялись зарослями высокого камыша. И с этим связан ещё один случай. Так, обедая в одной украинской хате, помощник командира полка по МТО [материально-техническому обеспечению] майор Коркин Т. А. в разговоре с хозяином заявил:

- Богата ваша украинская земля, но против нашей, сибирской, её тяжело тягаться, ведь на Украине всё есть, а вот рыбы-то нет! А без рыбы, что за жизнь?!

Тогда хозяин возразил:

- Тю! Рыбы-то у нас, как грязи ... – у вас! У нас озёр, ведь, тыщи! В мы́рно вре́мя у них и жирны караси, «во!» (показывая руками, где-то с солидную совковую лопату) – какие!, и линя́ [линь], и щука – вдоволь. Это в войну ня́кому и ня́чем стало ловы́ть. Так за то ж вре́мя вона́, рыба-то, ду́же бага́та [«много», укр.] поплоды́лась, – набры́дло [«надоело», укр.] выта́скывати.

У хозяйственных старшин нашёлся на повозках небольшой невод, а перспектива угостить солдат внеплановой неучтённой рыбой была так соблазнительна, что майор Коркин разрешил организовать рыбную ловлю. Возглавил эту экспедицию за рыбой гв. ст. лейтенант Старцев.

Быстро освободили одну из бричек (чтобы было на чём улов возить), посадили на неё того украинского мужичка, чтобы показал дорогу, и поехали на озеро. Небольшое озерко заросло редким невысоким камышом. В полном безветрии по нему, там и тут, пробегали будто бы волны. Старший лейтенант понял, что, в самом деле, в озере полно рыбы, и это она ходит настолько густо, что это заметно по движению камыша.

Быстро вытащили и разостлали невод. Четверо солдат, в одних кальсонах, по двое с каждого конца невода, завели его в воду и медленно двинулись к противоположному берегу. Сначала невод шёл не так тяжело, преодолевая сопротивление только воды и камыша, но, чем дальше двигались рыболовы, тем тащить становилось сложнее, чувствовалось, что невод с каждым шагом наполняется добычей.

«Ну, – думают рыбаки, – сейчас за один раз вытащим целую бричку рыбы, весь полк накормим!». И, подбадривая друг друга криками, изо всей своей силы тащили крылья невода к берегу. Уже невозможно было сколько-то натянуть невод, крылья начали сходиться всё ближе, одно к другому. Вот уже

берег, концы выведены на сушу, а за ними – и мотня́, битком набитая уловом. Ст. лейтенант, глядя на это богатство, от восторга не находил себе места. Но, когда покрасневшие от натуги солдаты вытащили тяжелю́щую мотню́ на берег, оказалось, что та переполнена, просто кишит, но не рыбой, а ... черепахами.

Трудно описать разочарование, постигшее рыболовную команду, – это немая сцена напоминала финал последнего акта гоголевского ревизора: солдаты не могли даже выругаться, потому как ужасно устали вести этот невод, местный житель боялся что-то произнести, – как бы не побили за то, что он ввёл всех в заблуждение, а старший лейтенант, видать, подбирал в уме, да никак не мог найти, такие слова, которые бы этих чёртовых черепах загнали обратно в озеро, а взамен – хоть на котелок рыбёшек бы в невод отправили.

Солдаты, в своей безмолвной реакции, поделились в пропорции три к одному: трое стояли, безвольно опустив руки и расширив (как от количества улова, так и от его качества) глаза, а четвёртый – расширил, т. е. развёл в стороны, руки (в смысле, что тут сделаешь) и опустил глаза, как бы с укором, глядя на ту незримую подземную силу, с помощью которой, сначала это озеро, а потом и невод, наполнились этакой экзотической тварью.

Наконец, ст. лейтенант Старцев плюнул и сказал:

- Вот она, Ваша рыба!

На это старик начал повторять свой первый рассказ о том, каких здоровенных карасей и линей ловил он в былые времена, а однажды – и щуку словил, во-от такую!

Знать, – продолжал дед, – не зря люди говорят, что беда одна-то не ходит: немцы со своей войной, да тут и гадость эта в озеро как-то попала, а где такое завелось – рыбе-то уж не место, они ж, гады, всю икру до единой икринки съедают.

Вот такая рыбно-черепаховая история случилось у Хорола.

Хорол (моста, хотя бы разломанного, как на Псёле мы не обнаружили) форсировали вброд и, поднявшись на высокий противоположный берег, вышли

к какому-то небольшому украинскому селу, где опять застали жуткую картину звериного уничтожения фашистами всего живого и ценного.

К вечеру этого же дня подразделения нашего полка, после короткого боя, очистили от врага крупное, богатое украинское село Глобин [Гло́бино]. В этом селе было много небольших, но каменных домов под железными крышами. Однако, бо́льшая часть этих построек была взорвана (большие обломки каменных стен, валялись то тут – то там, перегораживая дорогу), а более привычные для этой местности, глиняные домишки – сожжены. Из развалин вился едкий удушливый дым, пахло палёным мясом и шерстью. Отдохнув немного в менее разрушенной и менее окутанной дымом части села, полк направился дальше.

На другой день нам стало известно, что вблизи Глобина была разрыта большая яма, полная трупов и только чуть присыпанная сверху. В этой братской могиле было три слоя человеческих тел; каждый слой отделялся от предыдущего тонким слоем земли.

На самом [далее – тетрадь 30] низу лежали уже разложившиеся трупы евреев, расстрелянных фашистами в 1941 году сразу после захвата села. Тут были трупы, вернее – уже скелеты, и взрослых, и детей. В своей звериной жажде уничтожения фашистские изуверы не щадили никого: ни седых слабых стариков, ни женщин, которым природа отвела продолжать жизнь на Земле, ни грудных младенцев.

Средний слой почти сохранившихся трупов состоял из расстрелянных несколько месяцев назад советских военнопленных, привезённых сюда из расположенного неподалеку концлагеря. Истощённые на непосильной работе, страдающие от голода, обессилившие, зачастую – пленённые после тяжёлых ранений, контузий, солдаты, уже не способные передвигаться или делающие это через нечеловеческие усилия, были расстреляны и брошены сверху трупов несчастных евреев.

Самый свежий, верхний слой, чуть прикрытый тонким слоем земли, в этой страшной коллективной могиле – тела местных жителей, скрывавшихся от угона в фашистскую неволю и попавших в лапы убийц.

Тот, кто смог узнать в погибших своих родных или друзей, брали тела для захоронения по своим обычаям. А, чаще всего, такими родственниками, были либо малолетние дети, подростки, либо уже почти не дееспособные старики. Всё остальное население либо ушло сражаться с захватчиками (мужчины – в Красной Армии или в партизанских отрядах), либо (молодые женщины и подростки) – было угнано в Германию.

Все эти, обнаруженные в селе Глобино, зверства фашистов были зафиксированы актом, подписанным многочисленными свидетелями и затем направленным в Государственную комиссию по расследованию преступлений, совершённых оккупантами на территории Советского Союза.

Во время боёв за освобождение Полтавской области погиб начальник штаба полка капитан Тарапон. На командном пункте полка находились командир (гв. подполковник Зверев), его замполит (гв. подполковник Федорченко) и начштаба. Всё укрытие на этом командном пункте состояло из глубокого окопа. Ввиду того, что полк продвигался вперёд, более надёжного и удобного укрытия в этих местах для КП не готовилось. Стрелковый батальон отвоевал у врага позиции и готовился к новому рывку, естественно, и комполка готовился менять место дислокации своего штаба.

Ничего не предвещало беды, за последний временно́й промежуток не случилось ни одного взрыва вражеских снарядом или мин. Стоял тёплый ясный погожий день. Все трое, пользуясь затишьем, вылезли из окопа и присели на бруствер. И тут неожиданно прилетели и разорвались несколько мин, одним осколком был наповал убит капитан. Два его боевых товарища, сидевших рядом и успевших при взрыве прыгнуть в окоп, остались абсолютно невредимыми.

После Глобина продвижение полка ускорилось – очень сильно подействовали на солдат вскрытие этой братской могилы с замученными и убитыми советскими людьми, вид сожженных хат мирных украинцев, трупы забитых животных, слёзы женщин и мрачный вид стариков. После такого каждый наш солдат всеми силами стремился вперёд, без отдыха преследуя бегущих фрицев, только бы постараться, не дать им спалить очередное село, не позволить угнать беззащитных людей в рабство.

Так, село с вкусным названием Пирогѝ фашисты сжечь не успели, – наши бойцы вошли в него прямо за спиной отступающего неприятеля. Посредине села протекала маленькая речка, но с крутыми высокими берегами. Мост через речку был разобран. Но наши автоматчики, не смущаясь тем, что артиллерия вновь задерживалась на переправе, бегом бросились через речушку, в заречную часть села, встретив на пути лёгкий немецкий танк с прицепленными к нему сзади тремя орудиями.

Наши солдаты, с криком «Ура!» бросились догонять этот вражеский танк. Видно, услышав их голоса, из люка высунулся немецкий танкист, но тут же скрылся, а грозная машина рванула наутёк. На углу улицы, не справившись с поворотом танк подзавя́з, задев пушкой за стоявший там дом. Тогда из танка выскочил немец и, подбежав к прицепленным орудиям, отцепил их и только запрыгнул обратно в свой танк, как тот на самой максимальной скорости, как трусливый пёс или нашкодивший кот, бросился удирать, вскоре скрывшись за пригорком.

Эта картина: улепётывающий бронированный немецкий танк, и бегущие за ним с одними автоматами советские солдаты, – говорила о многом. Свидетельствовало это о том, что от былой нашей танкобоя́зни и следа не осталось, что сейчас уже не 41-й год; что на противостоящей нам стороне находятся уже не уверенные в своей технике, в своей военной выучке, в своей непобедимости люди, а сильные лишь перед беззащитными и слабыми, сейчас же – лишь, желающие спасти свою шкуру, трусы (как говорят, «знает кошка,

чьё сало съела»). Всё это подтверждало, что коренной перелом в ходе войны наступил окончательно.

Впереди лежал Днепр! До него оставалось уже «рукой подать». Солдат не надо было торопить, они стремились вперёд, отказываясь от отдыха.

Вот уже с высокого пригорка можно различить в дымке утреннего тумана, как кое-где между густыми деревьями, блестит водами знаменитая река. Спустившись вниз, мы вошли в большое приднепровское село Мозолеевка.

Местные жители настойчиво, почти насильно, затаскивали в свои хаты солдат и офицеров, садили их за стол с богатым по военным временам угощением, предлагали выпить самогона в знак благодарности своим освободителям, за то, что не дали фашистам ни спалить село, ни угнать население, ни расстрелять скот. К тому же этот день освобождения села от фашистского «нового порядка» совпал с каким-то (через столько лет, я не могу вспомнить, с каким именно) местным сельским праздником.

Однако задерживаться было нельзя, – надо было спешить, до конца выполнить поставленную задачу, достичь Днепра в районе села Воинская Гре́бля. По сведениям разведки, противника перед нами не было. Мы вышли к берегу Днепра в 17–20 км северо-восточнее г. Кременчуга, а немцы в это время в панике стремился к переправам, расположенным в районе самого города, где скопилось много и живой силы, и техники противника. Именно туда и был нацелен главный удар наших механизированных частей и боевой авиации. Паническое бегство своих солдат немецкое командование объясняло не результатом сокрушительного удара нашей армии, а их, запланированным, стремлением занять позиции в неприступном «Восточном валу» (который, как позже выяснилось, существовал только в воображении фашистских заправил).

Как я рассказывал ранее, солдаты отказывались задерживаться в селениях, даже несмотря на гостеприимные приглашения жителей, желавших отблагодарить своих освободителей, накормить их; кто-то, прямо на ходу

колонны, всё-таки успевал вручить хоть какое-нибудь угощение, чаще всего это были печёные яйца или пироги.

Я с радистами двух раций двигался за ушедшими вперёд батальонами. Кое-как отбившись от жителей, тянувших нас хату, взяв со словами благодарности пару яиц (положив их в карман), я, замыкая нашу группу, вышел за село. Тут меня догнал лейтенант Снегирёв, командир взвода радиосвязи дивизионной роты связи. Ему начальником связи было приказано проверить состояние радиостанций (и наличие заряженных аккумуляторов) в нашем полку. Дело в том, что зарядная база отставала, а предстояло форсировать широкую реку Днепр, поэтому без радиосвязи никак не обойтись (рассчитывать на устойчивую телефонную связь было бы наивно).

Несмотря на начинавшуюся сказываться усталость, накопившуюся за время многодневного продвижения (иногда – почти круглосуточного, но и в то время, когда идти вперёд нельзя или не надо было, постоянно находились разные дела, так что спали крайне мало) по Полтавщине, мы старались бодро шагать, зная, что Днепр совсем рядом.

Скоро мы догнали запряжённую парой волов арбу, в которой сидели 5–6 местных селян. Приветливо поздоровавшись с нами, они спросили, нет ли у нас газетки, т. к. они, кажется, уже целую вечность не видели советской газеты. У меня в полевой сумке оказалась армейская газета, я им её дал. Они поблагодарили и пригласили присесть к ним на арбу. Я вопросительно посмотрел на гв. лейтенанта Снегирёва, но он отрицательно покачал головой, и, поблагодарив за предложение, мы отказались.

Немного сократив шаг, мы шли вровень с невозмутимо тянущими арбу волами (до этого никому из нас не приходилось сталкиваться с этими животными). Через некоторое время лейтенант сказал: «На самолётах я летал, на паровозах и на пароходах ездил, катался на автомобилях и на лошадях. Может, пришла пора попробовать на волах», и мы, под подбадривающие и одобрительные реплики селян, забрались на арбу. Но вскоре нам оказалось не

по пути: местные продолжили движение прямо, нам же надо было уже сворачивать налево.

Тем временем, лейтенант, удовлетворённый моим докладом о состоянии радиостанций и наличием у нас заряженных аккумуляторов, отправился обратно в Мозолеевку, где расположился на тот момент штаб дивизии (и, соответственно, дивизионная рота связи, тоже).

Село Воинская Гребля лежит в стороне от больших дорог, на большом острове между основным руслом Днепра и его протокой. Даже моста через протоку не было, и, когда я подошёл к броду, через который шла торная дорога в село, совсем было, собравшись продолжить путь по воде, ко мне подбежали два украинских подростка и сообщили, что недалеко, чуть вниз по течению, для пеших солдат устроена переправа.

Я направился за ребятами по тропинке, и, в самом деле, за кустами, которыми обильно поросла протока на этом левом берегу, ожидала небольшая лодка, а в ней – пожилой украинец, перевозивший солдат на ту сторону. Он приветливо поздоровался со мной и пригласил садиться. Забравшись в лодку, я первым делом зачерпнул днепровской воды, смыв с лица пыль и пот, затем с удовольствием напился из легендарной реки.

Немцы, отходя, потопили или угнали всё, что сплавлялось по воде, на правый берег, но жители этого села (как и некоторых других) смогли кое-что припрятать, прекрасно понимая, чем им это грозит. Исхитрились они следующим образом – затопили лодки в укромном месте, в заводях днепровских проток.

Протока была неширокая, и, переправившись через неё, я вскоре дошёл до села, там, за окраиной, нашёл командный пункт полка.

Невысокий обрывистый берег местами зарос кустами и деревьями, в просвет между ними была видна мощная струя основного русла Днепра. Чистая вода ярко блестела в прозрачном осеннем воздухе под лучами заходящего солнца. За этой водной преградой находился остров, занятый противником,

потому на самый берег реки ходить было запрещено, чтобы не выдать своего присутствия, и я ограничился осмотром этой красоты лишь из-за кустов.

Вот мы и у берегов великого Днепра, в самом центре Украины! А давно ли вели бои на другой великой реке – на Волге?! В самом деле, с момента окончания битвы под Сталинградом прошло чуть более 6 месяцев, ушедшех на тысячекилометровый путь и оплаченных столькими жизнями! Сердце одновременно и сжималось, исполнилось горечью за погибших, покалеченных, угнанных, и наполнялось гордостью за наш смелый, талантливый, дружный народ, за армию и за каждого солдата, командира, приближавшего этот миг, и час окончательной Победы над страшным и опасным врагом!

«Непобедимая» фашистская армия «сверхчеловеков», 6 месяцев назад уже объявившая о взятии Сталинграда и о выходе к Волге, показала себя сборищем не-человеков и сейчас искала спасения на правом берегу Днепра, хотя это наше дело – правое[1], было, есть и будет!

Конечно, успокаиваться было рано, враг, бежавший последнее время от нас, иногда – даже почти не сопротивляясь, ещё был очень силён, и нам предстояли серьёзные бои за освобождение нашей Родины, но в близкой победе уже никто из нас не сомневался.

[Далее – тетрадь 31.]

[1] «Наше дело – правое!..» – один из главных лозунгов борьбы советского народа в той войне.

Глава VI

«Битва за Днепр»

В начале сентября (1943 года) Советская (Красная) Армия широким фронтом вышла на Днепр. Разбитые немецкие части укрылись за большой рекой.

Форсировать такую крупную водную преграду при наличии серьёзной оборонительной полосы на правом (западном) берегу представлялось очень непростым делом. Поэтому надо было провести это в первые дни, пока, во-первых, противник менее всего ожидает, во-вторых, пока он не привёл в порядок частично разрушенные после, в большей степени, хаотичного отступления свои воинские подразделения и не организовал эшелонированную оборону.

Всем частям, вышедшим к Днепру, предлагалось, каждому на своём участке, не дожидаясь подхода стабильных переправочных средств, на «подручных средствах», форсировать реку.

Немедленно, после выхода к берегу Днепра, командир полка послал сапёров, разыскать все лодки, которые только остались после отхода немцев. Таких, затопленных, зарытых, спрятанных в укромных местах, лодок нашлось достаточно, чтобы одним махом переправить усиленную роту солдат. Сразу же началась подготовка к этой операции.

В день выхода нашей части к реке, я находился на командном пункте полка; мне позвонил из штаба начальник связи гв. капитан Друзь, сообщив, что меня вместе с ним вызывают немедленно в штаб дивизии и, что он, не дожидаясь, уже выезжает туда, так что и мне немедленно надлежит идти в село Мозолеевка (где разместился штаб дивизии).

Тут же отправившись в путь, переправившись через протоку, я встретил командира роты связи гв. капитана Чебоненко, который ехал на лошади замполита полка гв. подполковника Федорченко. Уже издалека было заметно,

что капитан изрядно пьян, очевидно, он не устоял и воспользовался гостеприимством колхозников приднепровских сёл. Заплетающимся языком он спросил, куда я иду. В ответ на мой доклад он произнёс:

- Ты, Плотников, никого не слушай, ты меня слушай. Ты же у меня в роте служишь, ты чьи приказы должен выполнять? – Мои. А всяких там начальников связи не слушай. Иди домой, я тебе говорю, я тебе приказываю. … Вот чёртова кам... (икнув), комиссарова кобыла! – покачнувшись, и едва усидев в седле, на переступившей лошади, воскликнул капитан и продолжил, – Чёрт бы тебя и твоего комиссара побрал!

С последними словами он, скорее от эмоций, чем намеренно, дёрнул вожжи, лошадь сорвалась вперёд, к лодочной переправе, где брода не было.

Я торопился в штаб, но, в то же время, нельзя было оставлять капитана в такой ситуации, и мне повезло – капитан услышал мои слова, что брод не там, и остановил лошадь. Я подбежал, взял кобылу под уздцы и подвёл к броду. Тут я остановился, а командир роты потребовал, чтобы я следовал за ним, но всё-таки мне удалось уговорить его переправляться одному, пообещав, что я сделаю это на лодке. Дождавшись, когда капитан достигнет середины протоки, я было повернулся идти в штаб, но он, повернувшись, начал, с руганью, требовать, чтобы я шёл туда, куда он сказал. На этот раз, уже не обращая внимания, я быстрым шагом, а то – и бегом, поспешил в Мозолеевку.

Вскоре я проходил через какую-то небольшую прибрежную деревеньку. Колхозники, увидев меня, стали звать отдохнуть и перекусить в хату. Не обращая внимания на мои заверения, что я выполняю срочный приказ и не могу задерживаться ни на минуту, местные жительницы (как я понял, хозяйка, какая-то её подруга или родственница и преклонных лет старик – отец, а может, даже дед одной из них), перегораживая мне дорогу, хватали за локти и пытались направить меня в сторону своего дома. Видя, что я упорно продолжаю свой путь, хотя и отговариваюсь вежливо, хозяйка, тут особенно проявился её темперамент, её энергия, побежала в дом, выскочила оттуда, догнала меня

(напомню, что я, в спешке, шёл очень быстрым шагом) и начала перекладывать из своих рук в мои угощенье (это были, наверное, традиционные здесь, пироги и печёные яйца). Я, поблагодарил на ходу, взяв пирог и пару яиц, и, уже́ оборачиваясь назад, пожелал им хорошей жизни.

Пока разворачивалась вся эта история с угощеньями, я успел пройти единственной улицей всё это маленькой украинское селение. Продолжая путь по полевой дороге, шедшей низким берегом протоки, я подумал, что у капитана Чебоненко, который, в отличие от меня, срочный приказ в тот момент не выполнял, было мало шансов прошмыгну́ть незамеченным; разве что, заранее зная, какие хлебосольные люди поджидают его на дороге, вдарить галопом[1] (сначала – коню, потом – самому).

К самой протоке местность вдоль дороги понижалась, но воды видно не было из-за густых кустов. С правой же стороны грунтовки стояли ровные ряды снопов льна, поставленных для сушки. Три снопа ставились вершинами друг к другу, как винтовки в козлы, а сверху лежал четвёртый.

Вот над головой, высоко в небе, медленно, как коршун, двигаясь над дорогой, показалась «Рама». Я не счёл нужным маскироваться (если они меня заметили раньше, мои действия их больше бы насторожили) и продолжил путь. Самолёт обогнал меня, и, сделав круг, вернулся к тому месту, где стояли снопы льна. Очевидно, их серые цвет, правильные очертания и строгое расположение на поле выделялись на зелени луга, и сверху всё это могло напоминать застывшую колонну солдат. Тем более странной могла показаться немецким лётчикам неподвижность такого объекта.

Чтобы развеять свои сомнения, немцы бросили на предполагаемых замерших солдат четыре небольшие бомбочки, сами же, положив самолёт на крыло, стали наблюдать, что будет дальше. Вот в стороне, хотя и вблизи от «строя» взорвались первая, вторая, третья; четвёртая же угодила прямо в середину «колонны», но та, как стояла, так и продолжала стоять, никто никуда

[1] Каламбур, заключающийся в том, что слово «галоп» обозначает и лошадиный шаг, и самый популярный украинский танец.

не разбегался. «Рама», на всякий случай, сделала ещё один круг и улетела восвояси, я же от души посмеялся над тем, сколько керосина и взрывчатки понадобилось потратить фрицам, чтобы так и не победить, и даже не напугать, грозного соломенного «врага» – сохнущие льняные снопы.

Вечерело, когда я прибыл в Мозолеевку и явился к пом. начальника связи гв. капитану Ковордееву В. Г. Совещание начальников связи уже закончилось, и гв. капитан Друзь уже сидел на лошади, чтобы ехать в полк.

Ковордеев кратко ознакомил меня содержанием совещания: нач. связи получили задание приготовить кабель, самые надёжные телефоны и лучших телефонистов для обеспечения связи при форсировании Днепра и удержании плацдарма. Но особо важная задача возлагалась на радистов, т. к. только радиостанции могли обеспечить бесперебойную надёжную связь через реку. Выполнение последней задачи сильно осложнялось тем, что зарядная база отстала от передовых частей, и не было известно, когда же она прибудет.

Я доложил гв. капитану, что у меня на каждой станции имеется полностью заряженный аккумулятор, и что каждого из них хватает на трое суток боя, т. к. в своё время я, вместо табельных 2НКН-22, запасся аккумуляторами повышенной ёмкости 2НКН-100, а ещё, для сохранности заряда, я распорядился выключать все радиостанции и прекращать работу раций, как на передачу (в целях маскировки), так и на приём.

Поздним вечером я вернулся в полк. На командном пункте полка я по телефону всем начальникам раций ещё раз подтвердил приказ о запрещении работы, в т. ч. – категорически запретил слушать и сводки Совинформбюро.

Утром на командный пункт пришёл начальник связи гв. капитан Друзь, от него я узнал подробности вчерашних похождений гв. капитана Чебоненко. Друзь, получив приказание явиться в штаб дивизии, попросил лошадь у замполита, гв. подполковника Федорченко, т. к. все лошади роты связи (в т. ч. и его) ещё не прибыли, переправляемые тыловыми службами части. Отъехав немного от переправы через протоку, он встретил Чебоненко, которого на тот

момент ещё не развезло после угощения, и поменялся с ним лошадьми, чтобы тот вернул замполиту его лошадь, сам же продолжил путь.

Гв. подполковник Федорченко стоял на крыльце хаты, в которой остановился на постой, и в эту минуту заметил пьяного Чебоненко, проезжающего мимо на его же, замполитовской, лошади, ко всему прочему – заплетающимся языком матерящего и «комиссарову» кобылу, и её хозяина («комиссара»). Подполковник окликнул капитана, но тот даже не услышал, и, продолжая ёрзать на седле, силясь усидеть в нём, проехал мимо, в роту. Тогда Федорченко отправил туда кого-то из политработников с заданием уложить капитана (чтобы, пока не проспится, не позорился – не попадался людям на глаза) и привести лошадь.

Через некоторое время посланный за лошадью политработник вернулся и доложил гв. подполковнику, что в расположении роты связи мл. лейтенант Голованов, тоже сильно пьяный, держа на коленях карабин, подкладывал под прицельную рамку цветной трофейный телефонный кабель (они отличались от наших своими яркими цветами – синим и красным), и ударом кулака по рамке отрубал куски кабеля, раздавая их на монисто окружившим его украинским девчатам.

Гв. подполковник Федорченко доложил об этих случаях недостойного поведения офицеров роты связи командиру полка, и просил примерного для назидания другим наказания проштрафившихся. Командир полка, вызвав начальника строевой части штаба гв. капитана Михайленко, приказал ему подготовить приказ, во-первых, о снятии с должности командира роты связи гв. капитана Чебоненко и направлении его в штрафной батальон, во-вторых, о переводе гв. мл. лейтенанта Голованова из роты связи в стрелковый батальон командиром взвода связи.

- Но понимаешь, Плотников, – продолжал свой рассказ гв. капитан Друзь, – он не дал указание, кого же назначить на должность командира роты связи. Я всю ночь не спал, голову ломал, кого предложить, ведь, сам знаешь, заменить

Чебоненко – не простое дело. Вот и пришёл сюда, спросить комполка, кого он думает назначить, ведь приказ о снятии капитана уже подготовлен, – я своими глазами черновик в стройчасти видел.

В самом деле, подыскать замену гв. капитану Чебоненко было нелегко. Прибыв в полк в звании ст. сержанта, назначенный на должность помкомвзвода, он уже через несколько месяцев стал командиром роты. Хороший хозяйственник, требовательный командир, он всегда держал вверенную роту в хорошем состоянии. У него всегда были накормлены солдаты, сыты лошади, всегда имелся в нужном количестве кабель и телефонные аппараты. В любых условиях он всегда был чисто выбрит, сапоги его блестели при любой погоде, и его требования того же от подчинённых все воспринимали не как какую-то блажь, а как реально выполнимые, подкреплённые личным примером командира. Он умел всегда чётко поставить задачу и умел спросить за её выполнение, а некоторые редкие его проступки как-то не сказывались ни на его работе, ни на его авторитете среди солдат.

Когда на командный пункт полка пришёл комполка гв. подполковник Зверев и устало сел на траву, капитан Друзь обратился к нему с вопросом по поводу назначения нового комроты связи (взамен капитана Чебоненко), услышав такой ответ:

- Кто будет командиром? – А Чебоненко и будет.

- Так, значит отменить приказ о его снятии? – спросил Друзь.

- Нет, приказ отменять не нужно, пусть пишут, – отвечал комполка, на что капитан в недоумении развёл руками:

- Простите, товарищ гвардии подполковник, но я ничего не понимаю: Чебоненко надо снять с должности, но он же будет оставаться командиром роты?

С досадой, что капитан не может понять очевидного, подполковник разъяснил:

- Приказ обо всех этих штрафных батальонах пусть пишут, у канцелярии это займёт дня три, а Чебоненку (конечно, найдётся добрый человек) предупредят, вот он эти три дня пусть и попереживает. Потом принесут бумагу с приказом ко мне на подпись, – а я не подпишу, поэтому капитан на своей должности и останется.

Это очевидно, что об этом мудром плане комполка капитан Друзь ничего Чеботенке не сообщил, потому что тот всё это время не находил себе места, потерял аппетит, даже похудел. Он, безусловно, нисколько не боялся штрафного батальона, его угнетало, било по самолюбию снятие с должности.

В итоге, гв. капитан Чебоненко продолжил службу в части на должности командира роты связи, а вот гв. мл. лейтенант Голованов был переведён в 1-й стрелковый батальон, встретив это, казалось спокойно, промолвив:

- И в стрелковых батальонах люди служат, и там неплохо воевать можно.

Вскоре после этих событий в полк пришёл замполит гв. подполковник Федорченко с требованием отменить данное мною начальникам радиостанций распоряжение, запрещающее включать аппараты для прослушивания сводок Совинформбюро:

- Вы ведь знаете о приказе тов. Сталина о разрешении использовать для этого боевые радиостанции!?

Я ответил, что знаю (хотя слышал об этом впервые), но другого выхода у нас нет, – если мы разрядим последние аккумуляторы, которые без задерживающейся на неопределённый срок зарядной базы подзарядить нельзя, мы оставим полк без радиосвязи, поставив под угрозу успех операции по форсированию Днепра. Сводки же можно получать по телефону из политотдела дивизии, где её специально принимают.

Подполковник, бегая вокруг меня и комполка (в присутствии которого происходил наш диалог), обвинял, что я хочу сорвать всю политмассовую работу, он, очевидно, разнервничался, т. к. понимал весомость моих

аргументов, но, не зная о них раньше, не хотел признавать неправоты своей первоначальной позиции. Наконец, остановившись перед комполка, он сказал:

- Ну, товарищ гвардии подполковник, дальше моей власти нет, принимайте Вы меры к нему!

Но подполковник Зверев ответил:

- А я как буду без радистов форсировать Днепр?!

Однако, на этом дело не закончилось. Вечером мне позвонили из 3-го стрелкового батальона, сообщив, что по приказу замполита обоих радистов арестовали за отказ включить рацию; сам, пришедший туда, гв. подполковник Федорченко включил рацию и пробовал записать сводку, но у него ничего не вышло, т. ч. он остался страшно недоволен.

Я, размышляя, что предпринять в сложившихся обстоятельствах, посоветовался с нач. радиосвязи дивизии, но тот ответил:

- Сам заварил кашу, сам – и расхлёбывай, меня в эти разборки не впутывай!

Тогда я пошёл к комбату 3-го стр. батальона и спокойно рассказал ему, в каком глупом, а может, и безвыходном, положении он может оказаться на плацдарме без радиосвязи, когда на рациях кончится заряд аккумуляторов. Ведь ему придётся идти в бой в отрыве от полка и артиллерии, и без работающих раций не вызвать артогонь батарей, которые сначала останутся на левом берегу. Нельзя же думать, что выручит, протянутый через реку, плохо изолированный и, в любую минуту способный быть перебитым любым осколком, телефонный кабель.

Комбат сразу меня понял и заявил, что урегулирует вопрос с замполитом. Действительно, через полчаса радисты были освобождены из-под ареста, им были возвращены радиостанции. Я, во избежание подобных инцидентов, обошёл другие (1-й и 2-й) стр. батальоны, комбаты поняли меня с полуслова, и там никаких эксцессов не случилось. Кстати, в дальнейшем, перед

наступлениями, радиостанции стали опечатывать, и нельзя было, ни в коем случае, срывать печать, даже для проверки работоспособности.

На следующий день я получил секретный приказ выделить радиостанцию в усиленную роту [далее – тетрадь 32], которой предстояло в ближайшую ночь форсировать Днепр, чтобы выбить немцев, сейчас находящихся на, лежащем против нас большом, поросшем лесом и кустарником, острове. Я решил послать в эту роту хорошего специалиста-радиста и солдата, имевшего боевой опыт, – как начальника радиостанции, гв. мл. сержанта Киселёва, радистом к нему – Водопьянова.

Ночью усиленная рота на лодках и плотах отплыла через Днепр. Через час мы услышали интенсивный ружейно-пулемётный огонь на острове, который продолжался в течение минут пятидесяти; затем всё стихло. Радиостанция Киселёва на связь не выходила, а когда стало достаточно светло, с наблюдательного пункта командира полка, мы увидели на песчаной косе острова несколько лежащих тел наших товарищей.

Можно предположить, что противник, обнаружив подплывающую роту, подпустил её ближе к берегу и, открыв неожиданный огонь из всего имеющегося стрелкового оружия, уничтожил наш десант. Некоторые наши бойцы смогли из разбитых лодок добраться до острова, но найти укрытия на голой песчаной косе было просто невозможно.

Эта, скорее даже не попытка форсирования, а разведка боем, окончилась неудачно, трагично для её участников, но подобные действия являются обязательной подготовительной частью больших и малых войсковых операций, по их результатам командование получает более ясную картину обороны противостоящей стороны. А, может быть, это был отвлекающий маневр. Но, жертвы – те жизни, которые отдали наши однополчане в ту ночь, – не оказались напрасными, Днепр был форсирован на многих участках, нашими соседями и выше нас, и ниже нас по течению.

Вскоре полк свернул оборону на берегу Днепра, в районе села Воинская Гребля и, построившись в колонну, двинулся на юг, по берегу Днепра, к городу Градижску. Днём полк расположился отдыхать у большой дороги, под обрывом высоты, на которой и стоит этот город.

Прямо на запад, перед нами, был виден лесистый остров, за которым протекал Днепр, дальше, сквозь дымку виднелся высокий правый берег реки, откуда противник мог прекрасно видеть нас.

Подъехали походные кухни, и повара стали разливать обед в подставляемые солдатами котелки. Но вот, где-то далеко, на западе, раздался хлопок выстрела, и почти сразу за ним нас оглушило громом взрыва снаряда, который разорвался в ста метрах от кухни, за ним прилетели ещё несколько. Повар, бросив раздачу, ударил по лошадям, и отъехал подальше от дороги, продолжив раздавать обед под прикрытием обрыва. Больше «обеденный» обстрел немцами не возобновлялся, но многие солдаты пообещали, что не останутся в долгу – вернут, при первом удобном случае, «десерт» фрицу.

В это время ко мне подскочил замполит гв. подполковник Федорченко, который всё ещё продолжал настаивать на разрешении включать рации для прослушивания сводок. Я попросил его подождать пару дней, тогда выясниться и с зарядкой, и с форсированием.

Вечером, после заката солнца, полк тронулся дальше и перешёл вброд неглубокую протоку Днепра. В глубине острова, окружённого с одной стороны этой протокой, а с другой – основным руслом, подразделения полка были хорошо укрыты от наблюдения противника густым лесом. Всю ночь сюда продолжали прибывать войска и военная техника. Полк получил приказ командира дивизии на форсирование. Операцию предложили начать вечером, с наступления темноты, и продолжать до рассвета; как только станет светать, переправу прекратить, а не переправившиеся подразделения отвести от берега вглубь острова, чтобы избежать потерь от артогня противника, который, наверняка, постарается остановить поступление наших новых сил.

На берегу Днепра (уже у основного русла) был приготовлен наблюдательный пункт командира полка, с хорошими укрытиями и с ячейкой наблюдения; тут же были развёрнуты радиостанции, как для связи с комдивом, так и для связи с командирами батальонов. В целях маскировки радиостанции, до начала переправы, не включали совсем, а позже работали только на приём. Как и положено, включение на передачу было предусмотрено только для радиостанций командиров батальонов, и – лишь в случае соприкосновения с противником.

Наблюдательный пункт комдива расположился в нескольких метрах от НП командира нашего полка. Вся подготовительная (главным образом, организационная) работа была проделана в течении дня; солдаты перед форсированием отдыхали, набирались сил, а командиры батальонов, их заместители и командиры некоторых рот, в который раз, перепроверяли каждую деталь предстоящей операции, перебирали разные варианты её развития и свои предполагаемые ответы, чтобы всё сложилось как можно успешнее, а, главное, – с наименьшими потерями нашей стороны.

После полудня мы с начальником связи гв. капитаном Друзём пошли на наблюдательный пункт командира полка, проверили готовность связи к переправе, а затем легли на песке, около НП, укрытые от противника густыми кустами, которыми порос обрывистый невысокий в этих местах берег Днепра.

Мы были на острове уже более двух суток, берег находился от нас менее, чем в 10-ти метрах, но, до сих пор, самóй реки мы так и не видели. Выглядывать из-за кустов категорически запрещалось, чтобы не демаскировать себя, лишь наблюдатель в ячейке смотрел-«любовался» красотами днепровских пейзажей, следил за обстановкой через стереотрубу, записывая все замечания в журнале.

Затвор автоматического оружия (автомата, пистолета) плохо защищён от попадания песка, а если такое случается – в самый важный момент может не

сработать. Чтобы песок, на котором мы лежали, не попал в пистолеты, мы с капитаном сверху поясов с кобурами надели шинели.

Через некоторое время, уже ближе к вечеру, мимо нас шёл начальник политотдела гв. подполковник Шварёв, поэтому мы с капитаном встали, поприветствовав его; он остановился и, оглядев нас, спросил:

- Кто такие?

Капитан Друзь представился сам и назвал меня, хотя мы знали, что подполковник прекрасно знает нас обоих. Но начполит [имеется ввиду, замполит, а здесь – начальник по политической части] с ехидцей заметил:

- Нет, вы не из нашей дивизии, у нас все офицеры всегда одеты по форме! – и, повернувшись, быстро направился в сторону НП. Только тогда мы сообразили, что ему не понравилось, что мы поверх шинелей не надели поясов.

Уже невысокое сентябрьское солнце, здесь, на Украине, всё ещё по-летнему, ярко светило и хорошо пригревало. Тишина была такая, что просто не верилось, что здесь, на этом острове, сосредоточено столько людей, сколько в мирное время не в каждом городке проживает, а уж про технику и говорить не приходится.

Но вот солнце коснулось своим краем дальних высот на правом, западном, берегу Днепра, в ячейку наблюдения прошёл командир полка гв. подполковник Зверев. Солнце поторапливалось на отдых, будто бы стараясь поскорей спрятаться, зная, что сейчас здесь может начаться. Тишина не расплескала ни грамма своего покоя, и только мы, советские солдаты, знали, что начинается в этом насторожённом и таком ненадёжном покое.

Подразделения полка выходили к местам посадки на лодки, которые вместе с понтонами выводились из кустов и ставились у берега. На одной из лодок, в первой партии, был установлен барабан с катушкой телефонного кабеля, к выведенному через ось концу которого был присоединён телефонный аппарат. Один телефонист всё время следил за катушкой, другой держал у уха телефонную трубку, тихо произнося позывные. Такая процедура продолжается

беспрерывно всё время, пока телефонисты тянут нитку, в данном случае была предусмотрена одна пауза – в момент переключения аппарата с конца первой катушки на конец второй (на каждую помещалось чуть более 500 метров кабеля, а ширина реки в этом месте – метров 800). Кабель был сильно изношенный, с множеством сростков (хотя и тщательно заизолированных), в потрёпанной изоляцией. По этим причинам устойчивость связи через Днепр (кроме, как через специальный подводный кабель) казалась нам недостаточной. Со следующей партии предполагалось протянуть ещё один кабель, что позволит перейти на двухпроводную связь, которая представлялась боле надёжной.

Противоположный берег Днепра молчал. Теперь, под покровом ночи можно было взглянуть на Днепр, но, увы, видимость была всего несколько метров – только внизу, под собой было видно быстрое, мощное движение тёмных вод Днепра. Особенно впечатляет мощь этой реки, когда не сопровождаешь взглядом текущую струю воды, а смотришь в одну точку потока. Из памяти бывших школьников (которыми успели побывать большинство из нас, исключая только некоторых самых возрастных солдат, родившихся задолго до революции и вышедших из низших сословий) всплывали гоголевские строки: «Чуден Днепр при тихой погоде...»[1]. Да, погода пока была тихой: ни единого звука выстрела, ни зависающих над землёй ярких вспышек сигнальных ракет, которыми обычно немцы очерчивали переднюю линию свой обороны, – ничего не слышно и не видно, словно часть заснувшего мира затолкали в плотный мешок, а ей, этой части, оказалось там так уютно, что она не просто тихо спала, но ещё во сне видела сон о том, как сладко спит.

Телефонист с лодки продолжал приглушённым голосом монотонно называть позывные, и слышалось в этом что-то гипнотически убаюкивающее, как в восточной сказке: «... в Багдаде всё спокойно, спите спокойно, жители Багдада». Мы с замиранием сердца продолжали всматриваться в темноту реки,

[1] Из повести «Страшная месть», входящей во 2-й том цикла рассказов «Вечера на хуторе близ Диканьки».

и с каждой секундой этой напряжённой неизвестности было всё понятнее, – мир не заснул, он замер, замер, чтобы не разбудить её, давно, с самого своего появления, сошедшую с ума, орущую, стреляющую, взрывающую, войну.

Те, в чьих головах родилась эта проклятая война, чьими руками она шумела, заставляя стонать раненных, скрежетать зубами от боли потери самых родных людей, от страха совсем терять голос, те люди были на той стороне Днепра. Что они сейчас делали? Может быть, опять, обнаружив наш десант, подпускали поближе, чтобы уничтожить каждого приблизившегося? И невольно ожидаешь, что вот-вот тишина разорвётся треском немецких «Шмайссеров», хлопками, визгом и уханьем их миномётов. Как в этот момент беззащитны наши солдаты, сидящие в утлых лодках и понтонах, – ни окопаешься, ни спрячешься, ни увернёшься, какой бы ты ни был ловкий, от летящего роя пуль и мин, разбрасывающих во все стороны свои острые осколки! Но проходит ещё одна минута, ещё ..., ещё секунда, другая... До войны за это время, кажется, успел бы переделать кучу дел, а тут... Телефонист, таким насторожённо тихим голосом, доложил о высадке на берег и, что лодка двинулась обратно. Противника пока не слышно. Высадившиеся на том берегу начали окапываться, продвигаться вперёд ещё нельзя, чтобы не выдать переправу, сил же на той стороне для самостоятельного боя пока очень мало.

Вот лодки и понтоны вернулись на наш, левый, берег. Мы с облегчением передохнули. Снова безмолвная быстрая, но не суетливая, погрузка, – и лодки с понтонами пошли вторым своим рейсом. Связисты тянут вторую нитку, направлена на правый берег радиостанция со строгим приказом начинать передачу лишь только при соприкосновении с противником и последовавшим за этим обрыве телефонной связи. Но телефонная связь, к нашему удивлению, действовала отлично, даже в сухую погоду, по сухой земле редко была такая уверенная связь. Казалось, вопреки всем физическим законам, родной Днепр магической силой что-то сотворил со своими водами, и вода, такая же трудно

уловимая в своей текучести, такая же мокрая, как и в любой другой, большой и маленькой, реке, стала вдруг здесь, этой ночью, не проводником, а изолятором.

К рассвету на тот берег переправились два стрелковых батальона с двумя взвода́ми 45-м/м противотанковых пушек. Плацдарм десанта расширялся по всему фронту, но, по-прежнему, солдаты оставались на узенькой полоске, около самой воды. Тишина, казалось, истончилась до крайних пределов и была настолько острой, что любой случайный звук – неожиданно вскрикнувшая птица, попавшая под ногу ветка, даже писк комара, не вовремя разбудившего немецкого часового, – мог перерезать тетиву этого взведённого арбалета войны, нашего решающего штурма правого берега Днепра.

Как и планировалось, с рассветом переправу прекратили, а остававшиеся на левом берегу подразделения начали отход от воды вглубь острова. Тут командир дивизии приказал продолжить переправу, однако вблизи оказался только санвзвод [санитарный взвод] (3-го стр. батальона), командиром которого была молодой врач, гв. лейтенант медицинской службы Мария Ивановна Шаврикова. Вот отважная девушка даёт команду, и санвзвод заходит на понтоны. Сапёры налегают на вёсла, держа курс наперерез мощным струям Днепра, и правый берег уже совсем близко. Вдруг ударили немецкие миномёты, и снаряды начали разрываться около понтонов, наши бойцы выскакивают в реку, благо уже не глубоко, – воды по грудь, но и днепровская вода не в состоянии спасти людей от такого количества разлетающихся осколков. Понтоны уже отнесло течением реки ниже нашего плацдарма, с берега ударили вражеские пулемёты, и, один за другим, вся группа третьего десанта – весь санвзвод и все переправлявшие их сапёры – остались под водами недавно ещё такого тихого Днепра. Ни один человек не смог добраться до берега, погибла и Мария Шаврикова.

Больше переправу не продолжали. Командир полка приказал комбатам вести батальоны вперёд, атаковать врага, пока он не успел прийти в себя и не подтянул свежие силы. Оставаться в окопах у самой воды было смерти

подобно, ведь в случае контратаки противника (в чём никто и не сомневался) абсолютно невозможно маневрировать.

Вот стрелковые цепи тронулись вперёд. Метрах в двухстах наткнулись на редкую оборону немцев, которую с ходу сбили. Атаку стрелковых батальонов поддержали огнём артиллерии с левого берега (в стрелковых цепях обязательно шёл артиллеристский наблюдатель, корректирующий огонь).

За утро, к полудню, плацдарм углубился метров на пятьсот. В это время командование противника бросило в атаку несколько маршевых рот. Немцы шли, даже не шли – бежали, густыми цепями, а несколькими рядами с ними двигались три десятка танков. По контратакующему противнику вдарила вся наша, имеющаяся на этом участке, артиллерия. В этот момент, мы – с восторгом, немцы – с ужасом, увидели, как же много артиллерийских орудий и установок дожидались своего часа на нашем, левом берегу! Было ощущение, что сам Днепр приготовил неприятный сюрприз для не прошеных гостей, сменив свои густые левобережные заросли кустарника на сплошную, извергающую огонь, стену.

И даже в этой густой смеси орудийных залпов и взрывов снарядов никакой слух (опять-таки, русский – с гордостью, а немецкий – с обречённостью) не мог пропустить, наполненную мощью и силой, песню «Катюши». «Катюша» не только «пела», траектория полёта извергаемых ею снарядов стройными рядами летящего пламени ракет рисовала смертельный для врага танец.

Одним залпом «Катюш» танки противника были накрыты, но немецкая пехота прорвалась сквозь редкие цепи наших стрелков и усыпала собою весь плацдарм. Тот, правый, берег с берега левого выглядел, как один сплошной взрыв, чем-то это походило на вспыхивающий языками пламени, меняющий цвета, от почти жёлто-белого до сочно-красного, пылающий, небывало широкий костёр. Снаряды рвались беспрерывно, по несколько штук сразу в одном и том же месте.

Провод связи в первые же секунды начавшегося артиллерийского огня был перебит, включились радиостанции. Но вот на фоне всего пожарища правого берега стала видна маленькая фигурка солдата, который быстро бежал к берегу, иногда он падал, и казалось, больше не поднимется, но опять возникал его силуэт, снова и снова заслоняемый, то совсем близко, то поодаль, вспыхивающими взрывами. Оказывается, это телефонист бежал по линии, каждый раз бросаясь на землю, чтобы связать перебитый провод, затем, – включив аппарат и с проводом в руке, продолжая, под свист осколков и грохот взрывов снарядов, выполнять свою работу.

Начальник политотдела дивизии гв. подполковник Шварёв с наблюдательного пункта наблюдал эту картину и по телефону приказал замполиту полка Федорченко немедленно узнать и сообщить ему фамилию связиста и предоставить реляцию на награждение. Замполит передал это приказание начальнику связи полка, а тот – мне, сказав: «Плотников, пиши реляцию на Здоровяка». Я, вытащив из полевой сумки книжку командира, тут же, химическим карандашом, составил бумагу; подписал её начальник связи, затем – замполит и командир полка, через час она была уже у комдива. Командование полка просило наградить ефрейтора Здоровяка за его подвиг орденом Красного Знамени.

К сожалению, мы не успели вручить ему награды. Уже на следующий день, раненный навылет в грудь осколком снаряда, он пробежал метров двести до укрытия, стиснув зубы, скинул через голову гимнастёрку, вытащил из кармана индивидуальный пакет и попросил своего молодого товарища перевязать его. У совсем ещё юного неопытного солдатика от вида страшной раны, из которой сочилась ярко-красная кровь, задрожали руки. Тогда Здоровяк забрал пакет и сам туго перевязал себе рану, после, держа в руках гимнастёрку и карабин, отправился на перевязочный пункт, так спокойно, будто вокруг не свистели пули, не рвались снаряды, [далее – тетрадь 33] и с визгом воздух не прорезали осколки.

Хочется верить, что рана его не была смертельной, но, после того, как его отправили в госпиталь, в наш полк ефрейтор не вернулся, а я так и не знаю, как сложилась его дальнейшая фронтовая (и, для таких людей, как он, особенно хочется пожелать, послевоенная) судьба.

В этот день, ещё до захода солнца, были отбиты ещё несколько контратак, но они были уже точечными, не такими массовыми.

Левее нашего полка форсировал Днепр 230-й гв. стр. полк. Там первой переправилась рота автоматчиков во главе с комроты гв. ст. лейтенантом Приглебским, а за ней – батальон гв. капитана Зарянова Николая Николаевича. За отвагу и мужество, проявленные ими в этом бою, им обоим было присвоено звание Героя Советского Союза (гвардии старшему лейтенанту Приглебскому – посмертно; он в этом бою погиб).

Позже, Герой Советского Союза гв. подполковник (тогда – капитан) Н.Н. Зарянов, вспоминал, как в одной из вражеских контратак того дня немцев вылезло на их плацдарм столько, что всем нашим, присутствующим солдатам хватило работы по их уничтожению: его связной заменил выбывшего из строя наводчика противотанкового 45-м/м орудия, он (комбат) взялся за пулемёт и успевал бить по противнику почти в упор (сколько положил, не знает, потому что внимание обращал только на тех фрицев, которые лезли, как грибы после дождя, на него).

Когда началась первая, самая массовая, контратака немцев на нашем участке, комполка приказал начальнику разведки гв. капитану Тотенко организовать захват языка, чтобы выяснить, что за часть подтянул противник для контратаки, какие силы теперь противостоят полку на плацдарме.

Разведчики на небольшой лодке переправились через Днепр, – теперь, в пылу горячего боя, когда вся артиллерия немцев была нацелена на то, чтобы помочь свои контратакующим частям сшибить нас с прибрежной полосы, на одинокую лодочку, плывущую по реке, особо внимания никто не обращал. Когда контратака уже в основном была отбита, они вернулись, захватив двух

языков, подобрав их в кустах, где те, то ли корректировали огонь собственной артиллерии, то ли отсиживались, пока отстреляются наши «Катюши».

Оба оказались «тотальными» немцами (взятыми в армию в результате объявленной Гитлером тотальной мобилизации [была подписана фюрером 13.01.1943]), одинаково – пожилого возраста, лысоватые, близорукие, с солидным пивным брюшко́м. Подобных ранее в немецкой армии не встречалось. На допросе они показали, что только сегодня утром их подразделение высадили из эшелона, прибывшего из Германии, сразу же на автомашинах привезли сюда, на фронт. Перед атакой их лишь успели покормить и выдали по бутылке «шнапсу». Затем они помнят только то, что куда-то бежали, стреляя, но больше ни чего сказать не могут, т. к. было очень страшно и, чтобы заглушить этот страх, они напились, после чего – забрались или упали в какие-то кусты, а когда грохот прекратился, заснули.

Ночью были переправлены на плацдарм остальные подразделения полка и полковые пушки с миномётами. С утра бой возобновился, стрелковые батальоны продвинулись ещё, отвоевав у врага, в целом, более километра в глубину от береговой полосы.

На третью ночь через Днепр переправился командир полка с начальниками служб и своей радиостанцией. Командный пункт полка расположился метрах в 50-ти от реки, в редкой рощице, которая насквозь просматривалась противником, поэтому днём движение в районе КП воспрещалось. Через наши головы изредка с мощным шелестом летели снаряды и рвались в реке или на левом берегу, хотя теперь, когда передний край уже достаточно отодвинулся от Днепра, лодки более безопасно переплывали с одного берега на другой и днём.

На командном пункте полка был выкопан для комполка просторный блиндаж с перекрытием в три наката толстых брёвен; к нему вела зигзагообразная траншея. Остальные находящиеся на КП укрывались в открытых окопах.

Когда стрелковые цепи продвинулись ещё на несколько сот метров, командир полка перенёс свой наблюдательный пункт вперёд, а радиостанции приказал пока оставаться на старом месте.

Как-то днём, на бруствере одного из окопов сидел гв. мл. лейтенант Калашников и курил; недалеко от него на траве отдыхали несколько бойцов. Вот к младшему лейтенанту подошёл радист дивизионной радиостанции гв. мл. сержант Малюскин и, встав по стойке смирно обратился: «Товарищ гвардии младший лейтенант, разрешите покурить...». Именно в этот момент, как раз между ними, разорвался небольшой немецкий снаряд. Оба (уже бывалые солдаты) мгновенно кинулись на землю, а секунд через 12–15-ть, отряхнувшись, поднялись, не веря, что остались живы: младшего сержанта легко, в районе шеи, зацепил небольшой осколок, а у младшего лейтенанта – точно, как говорят, ни царапины (ещё, правда, лежавший неподалёку рядовой взвода химической защиты получил лёгкое ранение в зад).

В тот же день, после бессонной ночи, командир роты противотанковых ружей, завершая обход своих расчётов, рассредоточенных по всей полосе обороны полка, лёг отдохнуть в тени кустов на самом берегу Днепра. А в течение дня на нашем участке в реку попало несколько тяжёлых снарядов, осколком одного из них он был убит наповал.

К вечеру на КП полка приехал штаб полка и его охрана – автоматчики. И сразу же им привезли обед. Получилось не оправданное демаскирующее движение, а противник это заметил, и в расположение командного пункта разорвалось несколько снарядов.

При этом коротком обстреле пострадал переводчик полка гв. лейтенант (мы почти не сталкивались по службе, и фамилии его я не помню). Он, за отсутствием котелка, получил суп в тарелку и двумя руками держал её перед собой, выбирая место, на котором было бы удобнее присесть на обед. В это время разорвался первый снаряд, и осколки посыпались кругом. Тогда младший лейтенант решил укрыться в траншее, ведущей в блиндаж штаба, но

там уже было полно. В нерешительности, всё ещё держа тарелку в выставленных перед собой руках, он остановился, скорее всего, думая, что всё обошлось, и, в этот момент осколок очередного снаряда прилетел ему в бедро, почти меж ног. Тогда уж, отбросив тарелку, скатился в траншею, на головы сидевших там однополчан, крича:

- Санитара!

Его передали в блиндаж, где находилась и санитарка роты автоматчиков Маша. Она ему быстро перевязала окровавленное бедро, за это время он несколько раз переспрашивал:

- Машенька, скажите, целы ли яйца? – пока санитарка не ответила:

- Успокойтесь, оба там, где надо.

Вскоре его отправили в тыл, через Днепр, на излечение, а на КП, после этого случая, был установлен порядок, лишнего хождения уже не было.

Как-то я подошёл к уныло сидевшему на земле полковому инженеру гв. капитану Ренёву и спросил:

- Что, товарищ капитан, приуныли?

Он в ответ:

- Да что тут веселиться-то?! – Один песок кругом, ни тебе курочки достать, ни самогону!

Тогда я его успокоил, что спиртное можно и здесь организовать, и прочитал известное стихотворение Демьяна Бедного: «Вот настали времена: что ни день – то чудо...»[1]. Капитан впервые слышал его и полчаса хохотал, не в силах успокоиться; с той поры, как встречал меня – всегда декламировал эти строки.

В последующие дни через Днепр были наведены прочные понтонные мосты для переправки орудий и другой техники, а также – штурмовые мостки для пехоты, и на плацдарм переправились ещё несколько дивизий нашей Армии, в связи с этим наш полк передвинулся правее (к северу).

[1] Где продолжение: «...Водку гонят из г...вна. По три литра с пуда».

Я получил задание установить радиостанции на новом месте расположения НП командира полка. Вскоре после полудня я с расчётом двух радиостанций двинулся сначала вправо по фронту, а потом – вперёд к фронту. Сначала двигались редким леском, затем открытым местом, по направлению к какому-то спалённому селу, от которого не осталось даже печных труб, а о существовании жилища говорили только погреба. За селом виднелись многочисленные песчаные холмы, высотой метров 5–8, а за ними – высоты в тылу противника.

Передний край на тот момент проходил где-то между песчаными холмами. Когда мы проходили тесной группой (нас было 5 человек) по просматриваемому участку пути (там, где раньше было село), противник нас обстрелял из миномётов. Как только рядом с нами начали рваться первые снаряды, я понял, что залегать на открытой местности нельзя, и, окинув взглядом окрестность в поисках укрытия, увидел почти под ногами, в стороне, метрах в 3-х, на уровне земли, крышку погреба. Подскочив и быстро откинув её, спрыгнул вместе с радистами, пережидая, пока немцы не отстреляются и не потеряют к нам интерес. Мы понимали, что в таком укрытии нас, если и достанет, то – только тяжёлый артиллерийский снаряд (который по небольшой группе пеших солдат враг, скорее всего, тратить не будет).

Вскоре мы услышали, что разрывы мин снаружи прекратились. Я выждал ещё минут 10, а затем приказал всем враз вылезти и быстро перебежать открытое место до ближайшего песчаного холма. Там мы отдышались и двинулись вперёд, к переднему краю обороны.

В одном месте, между двумя холмами, надо было преодолеть метров 50 открытого пространства, на котором лежали уже несколько наших убитых солдат. Здесь нас предупредили, что этот промежуток, между холмами, находится под обстрелом немецкого снайпера, что он и подстрелил за день тех ребят, тела которых пока невозможно было забрать и похоронить. Лишь двоим–троим удалось проскочить это место.

Я призадумался, как же нам быть. Если перебегать по одному, то больше шансов насторожить снайпера, который, если и пропустит первого, то за остальными будет готов охотиться. Остаться здесь до наступления темноты – не выполнить приказ. Потерять радиостанцию или кого-то из людей – вообще, самое последнее дело, да и, опять-таки, тоже означает, не выполнить приказ. Тогда я решил, что снайпер не может постоянно держать под прицелом это пространство, а, значит, надо перебежать всем сразу. Предупредил всю группу, что тот, кто отстанет, рискует попасть на мушку снайперу. И вот по моей команде вся наша ватага стартовала и успешно финишировала в безопасном месте, за соседним холмом.

Вскоре мы подошли к тому холму, на склоне которого был оборудован НП командира полка; на наблюдательном пункте в тот момент находился начальник разведки полка, разведчики и телефонист (с телефонным аппаратом).

Я приказал радистам выкопать под радиостанции одиночные окопы на обратном скате холма; сам тоже принялся копать окоп, что было не сложно в песчаном и не сыром грунте не заняло много времени. Радиостанции установили, связь проверили, переведя в режим «на обрыв» (т. е. аппараты не включались до той поры, пока работала телефонная связь). В случае обрыва телефонной связи, по какой бы причине это не произошло, телефонистам приказано, прежде, чем они начнут искать и устранять причину потери связи, обязательно сообщить радистам, чтобы те включались в связь.

Кстати, несмотря на это, в один из нескольких дней нашего стояния на этих холмах произошёл такой случай. Утром меня позвал телефонист, сообщив, что со мной хочет говорить начальник связи дивизии гв. майор Дудников; взяв трубку и доложившись, я услышал вопрос:

- Почему ночью, при порыве телефонной связи, не включилась радиостанция?

Я ответил, что телефонисты не извещали ни меня, ни других радистов о выходе из строя телефонной связи.

- А Вы где были, почему не контролировали связь?!, – продолжал «атаку» майор, и мне, ничего не оставалось, как ответить:

- Виноват, товарищ гвардии майор.

- Ну, раз виноват, – получи трое суток ареста, – закончил разговор начальник связи, даже не дослушав моё: «Есть, трое суток ареста»[1].

А под конец этого, первого, дня на приднепровских дюнах, уже после захода солнца, пришёл командир полка, я в это время закончил повторную проверку обеих линий телефонной связи (с батальоном и со штабом дивизии), а затем лёг спать в песчаный окоп, подстелив под себя плащ-палатку и, не снимая шинели, укрыв лицо в поднятый её воротник. Ночью проверял связь ещё несколько раз (т. к. был на НП единственным офицером-связистом), смотрел, как спят в своих окопах радисты, и, может, от этого, а может из-за накопившейся за штурмовые дни (точнее и дни, и ночи) усталости, я на рассвете особенно крепко заснул.

Проснулся я из-за навалившейся на меня какой-то тяжести, земля подо мной ходила, как при хорошем землетрясении. С трудом поднялся сквозь засыпавший меня песок, осмотрелся, где опасность, чтобы не оказаться к ней спиной. Оказалось, под утро на склоне холма, находящегося сразу за нашим, установили несколько 76-м/м артиллерийских орудий, и на рассвете сделали несколько выстрелов для пристрелки, но почему-то не приняли в расчет, что впереди находится холм (на котором мы и находились), и три снаряда с близкого расстояния прилетели к нам. Глубоко зарывшись в рыхлый песок, они вызвали землетрясение (точнее – холмотрясение), последствия которого мы на себе и почувствовали. К счастью, всё обошлось благополучно, несколько человек, как и меня, засыпанных землёй, мы быстро освободили из песчаного плена, а солдаты потом шутили: «Вот земля: вечером легко копать – трудно по

[1] Глеб Виссарионович, автор этих строк, скромно умолчал об другой, справедливой, оценке командованием его участия в операции по форсированию Днепра, выразившейся награждением его Орденом Красной звезды; см. наградной приказ от 22.09.1943 – http://podvignaroda.mil.ru/?#id=45896723&tab=navDetailManAward.

утрам вставать!», правда, кто-то в сердцах побежал ругаться к артиллеристам, да те уже и сами поняли, что малость «обосрами́лись».

До обеда наши батальоны предприняли попытку наступления, но почти не продвинулись вперёд. К этому времени (стоял конец октября) немцы создали вокруг плацдарма, отвоёванного нашими частями на правом берегу Днепра, хорошо насыщенную оборону. Сосредоточить войск столько, чтобы можно было бы перейти в решительное наступление, наше командование пока не имело возможности, т. к. эта операция по форсированию большой реки проходила непосредственно после отражения мощнейшего наступления ударных групп немецкой армии под Белгородом и Орлом и последующего прорыва долговременной обороны противника, в результате непрерывных трёхмесячных боёв от Северного Донца до Днепра. К тому же, подобных нашему, плацдармов на правом берегу было создано несколько; особенно удачно развивалось наступление наших войск, форсировавших Днепр в районе Днепропетровска[1].

Хоть наш плацдарм и перестал расширяться, и дивизии нашей Армии перешли здесь к обороне, но и у противника, особенно после того, как сюда была переправлена вся артиллерия наших частей, не было сил сбить нас. А то, что мы не собираемся отходить назад, говорил факт прибытия на плацдарм всех тылов и обозов дивизий.

Мы, было, уже собирались зимовать в песчаных приднепровских дюнах, но тут пришёл приказ, и о событиях за ним последовавших будет рассказано в следующей главе.

[Далее – тетрадь 34.]

[1] После переименования города в 2016 году в Днепр последняя фраза звучала бы, как тавтология.

Глава VII

«Бои за Кировоградскую область»

Ночью стрелковые батальоны нашего полка были сменены подразделениями другой дивизии, а днём (скорее всего, это случилось 1 ноября) тронулись к переправе через Днепр (как я ранее уже сообщал, левый берег, пару дней до этого, был соединён с плацдармом на правом берегу несколькими понтонными мостами и штурмовыми пешеходными мостиками). Наша рота связи направилась на пешеходный мостик, а обоз пошёл через понтонный мост.

Как всегда, идёшь с переднего края в тыл с приподнятым настроением. Конечно, речь идёт о состоянии солдата, в первую очередь, после успешных боевых действий, а мне судьба предоставила именно такие случаи, ведь и под Москвой, откуда я попал с ранением в госпиталь, и под Заячьей Горой, и под Сталинградом, и здесь, на Днепре, мы выстояли против опытного, отлично вооружённого и подготовленного врага, а где-то – и дали фрицу прикурить. Солдаты, оживлённо перебивая друг друга, постоянно что-то рассказывали, делясь пережитым, благодаря удачу или кого-то из сослуживцев за то, что остались целы, вспоминая тех, кто сложил голову в этих боях...

Ступив на пешеходный мостик, я невольно чуть не остановился (хорошо понимая, что задерживать переправу нельзя), зачарованный величием этой, непоколебимой (несмотря на все события, произошедшие в предыдущие века, и события, свершающиеся прямо сейчас) в своей мощи, реки. После тесных окопов, землянок, и даже после степных пейзажей, любоваться которыми не пришлось из-за постоянного присутствующего у солдата чувства прифронтовой готовности к любым действиям противника, простор днепровских вод (основного русла, да ещё причудливо дополняемого протоками), простор приднепровских ширей, будто, физически расправлял затёкшие от поклажи плечи, наполняя грудь свежим воздухом. Сформировавшаяся на фронте

солдатская привычка контролировать всё, что происходит вокруг, заставила оглянуться назад, туда, где виднелись песчаные холмы, покинутые нами ночью, а дальше, у горизонта, синели высоты, с которых противник мог наблюдать нас. Тут же мелькнула мысль, а где ближайшее укрытие, но со всех сторон была только зеркальная гладь Днепра, неугомонная река переваливала свои воды даже снизу, под зыбкими мостками, как паутинка перекинутыми для нас с одного берега на другой.

Только мы подошли к середине мостика, мимо нас, с большой высоты, со звоном, свистом, пролетел осколок. Этот привет от войны, возвращавший нас к действительности, сначала показался галлюцинацией уставшего и привыкшего к взрывам мозга, но затем раздались ещё несколько разрывов тяжёлых снарядов, правда – тоже далеко от нас. Солдаты привычно бодро продолжали шагать по мокрым доскам к противоположному бе́регу.

На левом берегу́ полк выстроился в походную колонну, чуть позже к ней присоединился и обоз. Передовой отряд, ускорив шаг, оторвался от главных сил и скрылся впереди, за складками местности. Я занял своё место у радиостанции, почти сразу за знаменем полка, во главе основной колонны.

Пройдя город Градижск и обогнув Кременчуг, полк продолжал движение на юго-восток. Шли в темпе форсированного марша, привалы были коротки и редки, а для сна останавливались в лесочках, кустарниках или садах.

Начало ноября – это у нас, в Сибири, уже почти зима, деревья стоят голые, земля замёрзла, а трава, если не под постоянным снегом, то всё равно, пролежав под инеем несколько недель, даже близко не составит конкуренции местной ноябрьской зелени, продолжающей украинское лето: вдоль дорог и в садах деревья – во всей своей пышной густоте, на которой только самый внимательный взгляд может обнаружить одинокий, чуть пожелтевший, лист.

Несмотря на то, что местность эта была очищена от противника всего только 3– 4 недели назад, следы войны попадались уже редко: вот у дороги валяется обгоревшая немецкая машина или раскуроченный вражеский танк, но

чаще всего – торчащие одинокие печи с трубами на месте сожжённых хат. Обилие садов и урожая, в некоторых местах – до сих пор остающегося на деревьях и кустарниках, поражало. Как-то один сад с левой стороны дороги мы проходили в течение нескольких часов, и всё это время на равном расстоянии друг от друга, как солдаты в строю, стояли яблони, груши, сливы, и, как какие-то санинструкторы перед строем, то и дело, среди этих деревьев белели печи для сушки фруктов.

По дороге, от штабных офицеров, я узнал, что в районе Днепропетровска войска 2-го и 3-го Украинского фронтов, с ходу переправившись через Днепр, успешно и быстро двигались на юг, к Кривому Рогу. Противник же, перебросив под этот город значительные силы, перешёл в контрнаступление, прорвав растянувшуюся в этом месте линию обороны наших войск, и устремился опять к Днепру. Для того, что успеть не только подойти раньше немцев, но и построить оборону, нашей дивизии было приказано ускоренным маршем достичь узловой станции Пятихатка.

За трое суток пешим порядком предстояло преодолеть около 200 километров. Обед солдаты получали регулярно прямо на марше; кухни топили на ходу. Несмотря на тяжёлые условия, предыдущие недели боёв, бессонных ночей, солдаты шли бодро, быстро поднимались с привала, без раскачки включались в темп очередного перехода. Так как путь наш пролегал вдоль фронта (а основные маршруты во время войны связывают тылы и переднюю линию), дороги были не разбитые, твёрдые, пыли на них было мало, т. ч. и дышалось легче, чем обычно на марше из тыла или с фронта, и ноги ступали увереннее. К тому же, сказались летние тренировки и опыт марша по Полтавской области.

Вот и новая встреча с Днепром! Через всю ширь многоводной реки перекинулся полузатопленный понтонный мост. Въезд на него и выезд с него были хорошо скрыты в разросшемся на берегу тальнике. Мост охранялся батареями зенитной артиллерии.

На правом берегу Днепра, у самого выезда с моста, в фургоне машины, стояла дивизионная радиостанция. Когда наша радиостанция поравнялась с дивизионной, из кузова автомобиля вышел помощник начальника связи дивизии гв. капитан Ковордеев. Я доложил ему о состоянии связи, а когда он спросил о наличии заряженных аккумуляторов, то, сообщив, что их вместе с батареями хватит на недельную работу, почти бегом бросился догонять своих.

Радиосвязь на марше была организована следующим образом: полковая радиостанция дивизионной радиосети работала на приём, изредка проверяя связь короткими позывными, а радиостанции полковой сети следовали в колоннах стрелковых батальонов, не включаясь, но в полной готовности в любую минуту вступить в связь. Главная задача радиосвязи состояла в готовности дать связь в случае встречи с противником, но, в то же время, не выдать в эфире подхода нашей дивизии к линии фронта.

К концу третьих суток марша полк вступил на станцию Пятихатка. После короткого отдыха стрелковые батальоны заняли оборону. Разведка нащупывала противника, о котором никаких точных сведений пока не было.

Я с расчётами радиостанции расположился в беленькой украинской хатке. Поражало, как хозяйки поддерживали в таких помещениях, где даже пол был глиняный, идеальную чистоту. Хозяева этой небольшой хаты встретили нас очень радушно. Хозяйка, затопив печь, поставила варить картошку. Несмотря на наши заверения, что мы сыты, она настояла, и нам пришлось сесть за стол. И мы нисколько не пожалели – свежая картошка, сваренная в русской печи, оказалось необыкновенно вкусной!

Мы узнали, как была взятá нашими войсками Пятихатка. Сбитые с обороны на берегу Днепра, немцы сели на автомашины и, добравшись до этого села, расположились в домах местных жителей на ночлег, зная, что русские пешком ещё не скоро преодолеют 30– 40 километров. Все улицы посёлка были в беспорядке забиты, стоявшими как попало, автомобилями и танками; никаких

проходов оставлено не было. На путях станции стояло 15 эшелонов с награбленным добром. Никакой охраны выставлено не было.

Между тем, разведка наступавшей на данном участке советской дивизии была снабжена автомобилями, и, подъехав на рассвете к станции, рота развернулась в цепь, с криком «Ура!», стреляя из автоматов, двинулись в атаку. Ошарашенные неожиданным нападением, немцы, вылетая из хат, вскакивали в свои машины, но в таком беспорядке проехать почти никому не удавалось. Танки, поставленные вперемежку с легковыми и грузовыми автомобилями, калеча эту технику своею мощью и тяжестью, пытались контратаковать, но без чёткого управления и без координации, только создали больше шума, беспорядка, аварий, заторов. В итоге, и танкисты, а с ними – те солдаты и офицеры, которые сидели в машинах, обезумев от всё приближающегося «Ура!», роняя и бросая чемоданы, ранцы, винтовки, бросились наутёк, оставив все 15 гружённых железнодорожных эшелонов, много автомашин и несколько десятков танков и артиллерийских орудий.

Оборона Пятихатки была организована нами не в пример немецким воякам, однако обороняться было не от кого. Тогда поступил приказ продвинуться и занять оборону на 40–50 километров южнее станции. Полк, вновь построившись в колонну, двинулся на юг. Этот марш дался нам уже с трудом, под конец пути все изрядно выдохлись, темп шага замедлился, привалы пришлось увеличивать. С привала солдаты поднимались, тяжело опираясь на винтовки. Радисты тоже заметно пригнулись под тяжестью радиостанций. В конце пути радиосвязь на ходу была потеряна (расстояние между радиостанциями сети превышало возможности аппаратов).

Но вот, преодолев последние, самые тяжёлые километры, мы вышли на берег небольшой речушки. Радисты начали разворачивать радиостанцию, подняв антенны на высокое дерево. На первый же вызов ответила радиостанция штадива, передав нам сигнал, означавший ожидать на месте офицера связи с боевым приказом.

Когда радисты под моим руководством разворачивали радиостанцию, командир полка подполковник Зверев, который тоже шёл пешком, устало опустившись на землю, шутливо бросил мне:

- Плотников, не торопись связываться, а то добавят ещё полста километров!

Почти так и получилось – подъехавший офицер связи привёз пакет с приказом продолжить марш. Пришлось сниматься и идти дальше.

Ноги с трудом делали первые шаги, но потом организм включил какие-то резервные батареи или какой-то автоматический режим, словно передвигалось что-то независящее от тебя, да голова была пустой от запредельной усталости – в мозгу пробегали не просто не связанные друг с другом мысли, а странные и неуловимые их обрывки. Только что-то вспомниться, и через мгновение уже не помнишь ни детали, ни тему, просто – ничего. А ноги механически шагают и опять шагают, кажется, це́лую вечность.

Попробовали спеть какую-то хорошую песню, но куплеты путаются, слова пропадают; тогда кто-то запел бесконечную песню: «Жила-была бабушка на краю местечка, захотелось бабушке искупаться в речке...» [«... бабка хитрая была, купила мочало, эта песня хороша – начинай сначала»]. Так, с песней или без, в полубреду, мало чего соображая, прошли ещё 20–25 километров, и, оказывается, после этого нашлись ещё силы сходить за ужином. Поели с большим аппетитом, а потом, без особой нужды стали ходить от одной группы к другой: то попросить огоньку (хотя в кармане своя зажигалка, а товарищ долго бьёт кресало), то попросить газетки (а у самого – такая же), и ещё что-то.

Штаб полка и спецподразделения расположились в небольшом украинском селе с двойным названием, не то Анна-Марьевна, не то Марея-Ганновна [Марто-Ивановка, рус. / Марто-Іванівка, укр.], оно стояло на речке Ингуле́ц. Южнее нас, ниже по реке, находился город Кривой Рог – центр железорудного бассейна.

Это было 6 ноября 1943 года. В Москве уже шло торжественное заседание, Верховный Главнокомандующий тов. Сталин, не торопясь, и с таким привычным акцентом, спокойно бросал в эфир короткие фразы своих исторических докладов. На следующий день, с утра, мы поздравляли друг друга с праздником; обед был праздничным, а к обеду – 100 грамм. Но это был праздник в военных условиях, о чём мы скоро вспомнили.

А пока – быстро стемнело, стал накрапывать дождь.

Солдаты завёртывались в шинели и плащ-палатки и располагались в садах, под деревьями. Я решил, чтобы не мокнуть, спать в хате. Зашёл в хату, где располагался ПНШ-1 гв. капитан Рындин со своими помощниками, но, как ни крутился, заснуть, несмотря на усталость, не мог. Тогда пошёл в другую хату, где разместился нач. связи гв. капитан Друзь и комроты связи гв. капитан Чебоненко, и было немного просторнее. Опять снял сапоги, пояс и воротник, но снова, ворочался, ворочался – не спится. Тогда обулся и вышел на улицу. Натянул пилотку глубже на уши, не снимая шинель, завернувшись в плащ-палатку, лёг на сырую землю и моментально провалился в сон.

За остаток ночи стрелки выкопали одиночные окопы, а за день окопы были улучшены, но траншеей их соединить не успели, и это затрудняло маневрирование огнём и гибкое управление им. К тому же, солдаты, в отдельных окопах чувствовали себя оторванными друг от друга.

В 2–3 километрах южнее селá, в котором встал наш полк, оборону держали четыре наших танка «Т-34». Против них стояла более крупная танковая группа немцев. Когда стрелковые батальоны в первом эшелоне, а роты автоматчиков – во втором, заняли оборону, «Т-34» ушли (не знаю, за снарядами, за горючим или по какой-то другой причине). На огневые точки для стрельбы с закрытых позиций вышли батареи полковых 76-м/м орудий и 120-м/м миномётов.

В это же время для командира полка на высоте был приготовлен наблюдательный пункт, а к вечеру я получил приказание развернуть там

радиостанцию. Вместе с четырьмя радистами (я впереди, а они – сзади, с ящиками за спиной) мы шли полевой дорогой, середина которой была промыта водой, бежавшей здесь в период дождей.

Сначала – пологая, дорога стала круто подниматься вверх к высоте, на вершине которой и был расположен НП. Левее дороги шла балка с крутыми, поросшими травой, склонами. Дрога шла как раз по кромке левого откоса этой балки. Левее, за балкой, местность была несколько ниже и более полого поднималась на юг.

Когда мы поднимались к вершине высоты по высокой обочине дороги, левее, метрах в трёхстах от нас, по склону спускался какой-то танк. До этого изредка нам были слышны звуки пушечных выстрелов танка. Я принял этот танк за наш, посчитав, что он возвращается, сдав оборону нашему полку. Но в это время пушка танка повернулась в нашу сторону, и с мощным шелестом над нашими головами воздух прорезал танковый снаряд; видно было, как он тускло светился раскалённым металлом в сумерках ноябрьского вечера. Снаряд глухо шлёпнулся в пяти метрах от нас, но взрыва не последовало – это была «болванка». Тут до меня дошло, что это немец, но как он мог оказаться в тылу стрелковых батальонов?!

[Далее – тетрадь 35.]

И как я, приближаясь к наблюдательному пункту и к переднему краю, пренебрёг элементарными правилами маскировки?! Когда над нашими головами пролетел первый снаряд, мы бросились в рытвину посредине дороги и стали невидимы вражеским танкистам. Однако ещё 2 или 3 снаряда разрезали около нас воздух, прежде чем танк прекратил огонь. Надо было разобраться в остановке, и я приказал радистам сесть на дно рытвины, а сам осторожно выглянул налево. На северном крутом склоне высоты и немного дальше – на южном виднелось ещё несколько танков. Звуков их выстрелов не было слышно, но ясно было видно, как из переднего пулемёта вылетает пламя, и длинный пунктир трассирующих пуль показывал направление его огня.

В этот момент вокруг переднего танка, один за другим, начала разбрызгиваться земля, через несколько секунд до нас долетел и звук разрывающихся там мин; такого «приветствия» танк не выдержал и начал на неожиданно высокой скорости пятиться назад, пока не скрылся на обратном склоне высоты, так же спрятался и другой танк.

Мы двинулись дальше и через несколько минут были на наблюдательном пункте. Выслушав мой доклад о прибытии и встрече с танками неприятеля, командир велел занять под радиостанции землянку в 10–15 метрах от НП. Через пару минут радиостанции были готовы к работе, мы установили связь со штабом дивизии, тут же отозвались 1-й и 3-й стрелковые батальоны, а вот 2-й никак не отвечал, а между тем ПНШ-1 гв. капитан Рындин требовал немедленно установить с ними радиосвязь, ведь и телефонной связи с ними не было.

Подошедший ко мне гв. мл. лейтенант Калашников (ПНШ-6) рассказал, что перед закатом до 10-ти танков неприятеля атаковали наш передний край на участке 2-го стр. батальона, сбив его боевые порядки (а ещё – и порядки роты автоматчиков, стоявшей во втором эшелоне). До сих пор нигде не могут найти их комбата, телефонная связь с ним оборвалась, а посланный на исправление связист не вернулся. Второй связист, вернувшись, доложил, что на линии стоит немецкий танк, а остальные прорвавшиеся танки отогнаны огнём миномётной батареи, артдивизион 171 гв. артиллерийского полка ещё не прибыл. Командир полка объявил: кто подобьёт немецкий танк, стоящий на телефонной линии, получит орден. «Давай, Плотников, пойдём подобьём!», – предложил Калашников. «А гранаты есть?», – спросил я, на что мл. лейтенант ответил: «Вот в том-то и загвоздка – на всём КП ни одной гранаты, а то стоял бы он тут, холера!». На моё «Ну, тогда и говорить нечего», Калашников по-юношески задорно воскликнул: «Ты как хочешь, я пойду, хоть посмотрю, что можно сделать», – и выскочив из землянки, быстро скрылся в темноте. «Вот чудак, – подумал я, – у меня хоть ТТ на боку и две обоймы, но и с таким оружие было

бы смешно на танк лезть, всё равно, что Моська на слона; а у Калашникова – наган с единственным патроном в барабане. Но он не первый день на фронте, и одинаково хорошо осознаёт и задачу прогнать танк, и свои возможности».

Минут через тридцать в эфир вышла радиостанция 2-го стр. батальона, и я сразу же побежал на НП докладывать об этом, но, войдя в землянку, услышал, как гв. капитан Рындин по телефону передаёт приказ командира полка командиру этого батальона, а, значит, телефонная связь восстановлена, поэтому радиосвязь уже не нужна.

Вскоре привезли обед, и мы уже начали есть, когда в землянку с котелком вошёл мл. лейтенант Калашников и, с аппетитом хлебая густые солдатские щи, рассказал: «Иду я по линии с телефонистом, у него всё-таки – карабин, хоть и без штыка, смотрим – а никакого танка нет, только следы от гусениц на земле и изодранный в клочья телефонный кабель, там, где танк крутился. Удрал, гадёныш, с моей медалью. Верно, почуял, что я иду его подбивать, а не захотел, чтобы потом все фрицевские газеты рассказывали: «Позор! Наш танк подбил какой-то Калашников, да даже не гранатой и не из своего автомата, а из нагана!». Досадно так мне стало, вроде, как кот к норе мышиной пришёл, а мышь вещи собрала, эмигрировала куда. Телефонист-то не зря прогулялся – он линию связывать остался. Думаю, а я-то какого рожна здесь понятым стою?

И пошёл я по проводу комбата искать, а вдруг ещё мой фриц на танке перебрался в другое место, на проводе крутиться. А я, да и кто другой, без провода-то, ни за что не сыскáл бы комбата-то, они там так замаскировались! Опять же, если бы не попрятались так хитрó, немец бы их, заместо [вместо, разг.] провода, гусеницей закрутить мог. Сидят такие, в мелких окопчиках, накрытые полынью, и головы в плечи поглубже затолкали: телефонист и ваших двое радистов, комбат тут же с адъютантом. Рация-то, про между прочим, исправная, да они её, в целях маскировки, не включали.

Кстати, теперь роты уже на местах, не потеряли ни одного, между прочим, – вот что значит, умело полынь на голову намотать да танк проводом

накормить, а ему, оказывается больше и не надо! Но он ведь, шельма, улизнул от меня, прямо из-под носа орден утащил! Я-то, ещё когда на охоту-то пошёл, на танк этот, наганом дырочку уже почти проковырял, под орден-то. Ну, да ладно, зашивать не буду, у немцев, поди, ещё танки не закончились, – если этот-то танкист обсирáкался со мной драться, то другого пришлют. Будет на нашей улице праздник подбитого Калашниковым танка!», – оптимистично закончил свой рассказ мл. лейтенант.

На следующий день, опять перед самым закатом солнца, атака танков противника повторилась, но, на этот раз, их встретили, как дóлжно, приготовив и соль, и перец – гранатами и огнём 171-го артполка сразу были подожжены 4 танка, остальные сразу же (танк Калашникова, должно быть, тоже) стали, не дожидаясь, отходить назад. Так что, когда я по темноте вышел из землянки на высоту, то, сколько хватало глаз, на запад и на восток, везде редкими кострами горели немецкие танки, я даже сначала подумал, что это стога сена пылают, но гв. капитан Рындин подтвердил: «Вчерашних гостей подожгли-таки!». Всего я насчитал 15 таких стальных костров. Эта история повторялась ещё 2–3 дня, видно, у немцев нет поговорки про грабли, на которые умный вообще не наступает, а уж дважды – и дураку достаточно, поэтому они продолжали свои попытки наступления. В итоге, потеряв много танков, противник всё-таки присмирел и прекратил свои бесполезные атаки.

Потом пошла в наступление наша дивизия. Наш полк продвинулся вперёд на несколько километров, освободив от врага небольшое село. Дальнейшие атаки наших подразделений уже не могли преодолеть обороны противника, успевшего перебросить в этот район подкрепление. Тогда наш полк сдал участок другой дивизии 57-й Армии (в которую вошла и наша дивизия). А то, что, кроме стрелков сюда прибыла танковая бригада, указывало на готовящееся крупное наступление, мы же перешли во второй эшелон, в готовности развивать более мощный удар тех сил, которые были собраны командованием наших войск.

И, действительно, это наступление наших войск началось, рано утром следующего дня; сразу же была прорвана оборона противника, танки вошли в прорыв и стали быстро продвигаться вперёд. Тронулся вперёд и второй эшелон, в который была переведена наша дивизия: головным шёл 2-й стр. батальон, затем, с разрывом в несколько километров, – штаб и остальные подразделения.

Ближе к вечеру мы увидели, как несколько десятков немецких бомбардировщиков, выстроившись в карусель, с пикирования атакуют что-то впереди. Как оказалось, наши танки завязли в грязи в одной балке, их-то и бомбили вражеские самолёты. Так наступление и закончилось; наш полк тоже получил приказ остановиться на месте. В этот момент штаб как раз проходил через какое-то небольшое село, поэтому в нём и разместился. Передовой 2-й стр. батальон остановился в соседнем селе, километров в 7-ми впереди нас. У них забарахлила рация, и связь была неустойчивой. Телефонную линию разматывать на 7 км не имело смысла, так как в любую минуту мог прийти приказ на дальнейшее движение, тогда телефонисты вынуждены будут сматывать кабель и могут безнадёжно отстать. Тогда комроты связи приказал мне немедленно выехать верхом во 2-й батальон, чтобы наладить устойчивую связь. Для надёжности со мной вызвался ехать замкомроты гв. лейтенант Серебренников, который днём был уже в этом селе, поэтому хорошо знал дорогу.

И вот мы вдвоём, сев на лошадей, отправились в путь по южному украинскому шляху. Копыта лошадей мягко ударяли по влажной земле, по бокам дороги, за глубоким кюветом, изредка тёмными теня́ми проплывали деревья. Вскоре мы были уже на месте. Я за полчаса нашёл и исправил повреждение в радиостанции, и вот мы едем обратно.

Осенняя безлунная облачная ночь. Видимости – никакой. Над нами, где-то вверху, чуть ниже облаков, тарахтят моторами лёгкие ночные разведчики-бомбардировщики, но это не наши «У-2» (их в народе называли в шутку «кукурузники» или «Русь-фанера»). У тех, которые оказались сейчас над нами,

тарахтение было не такое, по-домашнему привычное, что настораживало. Едем тихой рысью (кони бегут «домой» охотно, в роту их подгонять не приходится), изредка перекидываемся отдельными фразами: как работает связь, что нужно сделать завтра, гадаем, какую задачу полк будет выполнять завтра и т. д., дойдя до дежурного солдатского «Когда война кончится». Первым делом, конечно, вглядываемся в темноту, чувствуя по ударам копыт дорогу, а вторым каким-то чувством следим за звуком моторов над нами.

И вот тренированное ухо радиста отметило, как к этому звуку присоединился ещё один – зловеще высокий нарастающий свист падающей бомбы. Не успев ещё ничего подумать, не договариваясь, мы инстинктивно прыгаем с лошадей и прижимаемся к прохладной влаге земли в кювете шляха. Почти одновременно со своим приземлением чувствуем несильный удар бомбы о землю, ещё пуще вжимаемся в грунт, ожидая, как после взрыва ударит воздухом по ушам и по всей поверхности тела, кругом полетят осколки вперемешку с комьями земли. Но секунды идут, а взрыва всё нет и нет. Кажется, прошла если не вечность, но эта ночь... «Ну, значит, бомба уже не рванёт, бывает и так», – подумал я, собираясь подняться, как раздался несильный взрыв, – разбрасывая во все стороны клочья яркого огня, разорвалась зажигательная бомба. Сзади нас, слева от дороги, всё поле заиграло, как зал с новогодней ёлкой. «Ага, значит, ищут наши танки, стараясь их поджечь», – перекинулись мы догадкой, сели на лошадей и поехали дальше.

К месту взрыва зажигательной бомбы со всех сторон потянулись ночные бомбардировщики, чтобы сбросить свою смертельную поклажу. Мы-то хорошо знали, что никаких танков там нет, а значит, немец потратит запас впустую, сам, вернувшись, отчитается об энном количестве уничтоженной техники русских. Может быть, получит железный крест за заслуги от начальства, а скоро – и от нас, но уже́ – деревянный.

Добрались до села. Наша рота связи расположилась в погребе. На хранящуюся там картошку местных жителей набросали соломы и, тесно

прижавшись друг к другу, спят. В углу, у самой лестницы поставлена радиостанция. Проверили – связь с дивизией и батальонами устойчивая. Я завернулся в шинель и заснул.

Утром полк двинулся вправо по фронту, занимать оборону на отведённом ему участке. В это время заморосил мелкий осенний дождь, от тёплой земли поднимался туман, именно поэтому видимость не превышала 20–30 метров. Я с радиостанциями следовал за командиром полка. Двигались по полевой дороге, обсаженной с обеих сторон небольшим кустарником. Но вот комполка остановился и указал место левее дороги, у самых кустов лесной полосы.

Радисты быстро выкопали себе окоп, я тоже выкопал, двое сапёров заканчивали готовить окоп командиру полка. Почти сразу же, протянув провод от штаба дивизии, подключили телефон комполка к коммутатору штаба, от которого имелась связь и «вверх» (со штабом дивизии), и «вниз» (с батальонами).

Осенью, чем глубже копаешь окоп, тем суше и тем теплее земля, и если на поверхности земля раскисла от дождя, то через несколько сантиметров она только влажная и мягкая от воды, а возьмёшь на штык – земля совсем сухая. На метровой глубине земля совсем тёплая, и когда залазишь в такой окоп даже в мокрой шинели, комфортно (при этом и шинель быстро высыхает).

Впереди по фронту, слева от дороги и от нас, находился противник, – там время от времени раздавались непродолжительные пулемётные очереди, мимо нас пролетали пули и, встречаясь с землёй, негромко щёлкали (немцы, как правило, почти всегда, стреляли разрывными).

Телефонист поднял телефонный аппарат на бруствер своего окопа и сел рядом с ним, прижимая плечом к уху телефонную трубку. К нему подсел начальник артиллерии полка капитан «Овсов» (фамилии его я никогда не знал, «Овсов» был его позывной; он прибыл в полк незадолго до этих событий, после того, как в сентябре погиб прежний командир, капитан Виноградов).

Тут с дороги послышался шум мотора, – из тумана показался юркий «Виллис», из которого вылез начальник политотдела гв. полковник Шварев. Подойдя к телефонисту, он спросил, есть ли связь со штабом дивизии (в этот момент его машина развернулась и скрылась в туманной дымке). Получив утвердительный ответ, полковник приказал связисту вызвать политотдел, а сам сел рядом с ним (по другую сторону уже находился капитан).

Взяв трубку у начальника артиллерии, связист вызвал «Розу», назвал позывные политотдела, а когда в трубке раздалось «12-й слушает», вокруг них зацокали пули. Капитан схватился за правую руку, полковник, негромко вскрикнув, откинулся на спину, – из его бедра сочилась кровь. Телефонист громко крикнул: «Полковник ранен», и из окопа выскочил комполка, приказав немедленно сообщить в штаб дивизии и просить их скорее выслать любую машину. Именно в это время на дороге зафыркал мотор, и показался «Виллис» с сорокопяткой [пушкой 45-го калибра] на прицепе. Гв. подполковник остановил машину и приказал командиру расчёта (ст. сержанту) отцепить пушку; в машину положили полковника, рядом сел раненый капитан, и автомобиль пропал в тумане.

Нам было жаль начальника политотдела, – гв. полковник Шварев был начальником политотдела с самого формирования дивизии, был ранен на Западном фронте; он пользовался большим авторитетом и уважением. Большинство коммунистов дивизии носили на груди красную книжечку партбилета за его подписью, с каждым из нас (потому что я был в их числе) он хотя бы раз беседовал. И если входное отверстие разрывной пули – лишь маленькая дырочка, то выходное даже страшно вообразить!

Вечером командир полка (и мы с ним – тоже), перешёл на хорошо подготовленный командный пункт полка [далее – тетрадь 36] расположенный на высотке, на тыловом его скате, недалеко от ячейки наблюдателя.

Для командира полка и для штаба сапёры за сутки приготовили хорошие тёплые землянки в 3– 4 наката, а мы выкопали себе узкие окопы, накрыв их

хворостинами и сухой полынью (помня, как надёжно запрятался под нею два дня назад 2-й стрелковый батальон). На этом месте КП продержался недели две. Мы успели привыкнуть каждый к своему окопу; бывало, пойдёшь к кому-нибудь поговорить, что-то узнать, и в этот момент начнётся обстрел КП, так в чужом окопе чувствуешь себя, как на голом месте, ждёшь – не дождёшься, скорей бы к себе, вот там безопасно.

В одной из землянок на КП, размещалась радиостанция; радисты вырыли глубокие узкие окопы, сверху накрыв их веточками и, традиционной для нашего местного камуфляжа, полынью. Полынь служила не только маскировкой, но и неплохо предохраняла окопы от частых осенних дождей, которые шли в этих местах даже в первых числах декабря, пока ещё не переходя в снег.

Фронт на этот период, более–менее стабилизировался, но обе стороны часто проводили разведывательные операции, прощупывая силы противника, чтобы своевременно обнаружить накопление сил на реализацию масштабных наступательных замыслов.

В один из ясных солнечных дней ко мне зашёл ПНШ-6 гв. мл. лейтенант Калашников, которого я до этого не видел уже несколько дней. Он пришёл с котелком и, опустившись около окопа, с аппетитом расправлялся с едой. Когда котелок опустел, младший лейтенант рассказал мне, что вторые сутки готовит по заданию начштаба одну из стрелковых рот для разведки боем, так как попытки наших разведчиков выяснить систему огневых точек противника результатов не принесли почти никаких. На данный момент, по его мнению, рота вполне готова для такой операции, и утром им предстоит атаковать врага, чтобы заставить его выдать имеющиеся огневые средства.

Мой товарищ спрашивал моего совета, нужно ли ему завтра идти во главе роты в атаку, на что я ответил отрицательно, ведь таким образом, он поставит в неловкое положение действующего командира роты, да и солдаты не будут знать, от кого ждать приказа: от комроты или от представителя штаба полка.

Калашников выслушал меня внимательно. Дослушав, не отводя взгляда своих светло-голубых мальчишеских глаз, минуты три что-то обдумывал, а потом сказал:

- Нет, мне надо идти во главе роты, ведь я готовил их к этому бою и должен быть с ними. Иначе, что они подумают обо мне, – скажут: «На словах был боек, а дошло до дела – не слез с коек... А слез – да в кусты залез!».

Проговорив это, он быстро встал на ноги, и стремительно ушёл.

Утром, в день атаки, был сильный туман. Немцы тоже решили произвести поиск в таких выгодных погодных условиях и тихо подкрадывались к окопам стрелковой роты. В назначенное время мл. лейтенант выскочил из траншеи с криком «Ура! За Родину! За Сталина!» побежал вперёд, солдаты, воодушевлённые его поступком, быстро выскакивали за юным командиром, но обогнать его не могли, и, когда подошедшие и залёгшие вблизи немцы открыли огонь из автоматов, гвардии младший лейтенант Калашников был сражён насмерть целой очередью. Видя гибель своего командира, солдаты залегли, а затем, понемногу отползая, вернулись в траншею.

Своей смертью молодой командир предупредил следовавших за ним солдат и многих из них спас от неожиданных, почти в упор выпущенных, автоматных очередей.

Одинокое маленькое тело до вечера лежало, метрах в тридцати от траншеи. И каждый раз, когда взгляды солдат попадали туда, лица их суровели, а глаза опускались вниз. Увы, уже ничем не вернуть к жизни этого пацана, который не пожил и 20-ти лет и который, ничего кроме войны и не видел. Да, сделала она из него помощника начальника штаба полка по шифровально-секретной службе, но об этом ли мечтал он, для этого родила его мама?! Воспитанный ленинским комсомолом, он поступил так, как велело ему его молодое горячее сердце! То открытое честное сердце, которое не хотело себя щадить никогда, ни в этот последний день, ни неделю назад, когда он пошёл с

одним наганом против танка, то сердце, которому бы любить и чувствовать ответную любовь, хоть немножко, а не вот так – замолчать, уже навсегда.

Вдруг выяснилось, что, уходя в роковую для себя атаку, младший лейтенант не сдал в штаб секретные документы – переговорные шифровальные таблицы и что-то там ещё, а оставил их при себе, в командирской сумке. Начальник штаба гв. майор Волков, как узнал о гибели Калашникова и о том, что полевая сумка до сих пор на нём, там, на нейтральной полосе, приказал комбату немедленно вытащить труп и документы.

Как назло, туман уже рассеялся, и попытки подползти к телу днём закончились трагически, – посланный туда солдат был убит, следующий – тоже. Только ночью тело юного командира (и двух солдат, отправленных за ним днём, и сумку с документами) вынесли с поля последнего боя; мы проводили его в последний путь. Хотя я и понимал, что для погибшего это уже безразлично, но чувствовал себя виноватым и за несправедливо, страшно короткую, его жизнь, за эту смерть, за то, что даже прочувствовать это горе тогда не было времени. Мы хоронили своих боевых товарищей почти каждый день, часто – и не по одному, других, при нас и без нас, увозили – с лёгкими или со страшными ранами, с увечьями – в госпиталя́[1]. Смерть младшего лейтенанта я описал, как одну из сотен, а может, тысяч увиденных мной, как и другими солдатами, как одну из миллионов, отданных нашим народом войне, жизней! Она почему-то запомнилась мне больше, хотя, говорят, время стирает боль и всё плохое. Да, так и есть, но этот парнишка остаётся в моих воспоминаниях искренне улыбчивым и деловито серьёзным, таким, каким не стыдно быть в жизни![2]

Между тем, зима брала своё. Вскоре земля покрылась инеем, а затем и тонким слоем снега.

[1] Принятый среди военных вариант ударности слова, хотя литературная норма «го́спитали».

[2] Эти воспоминания автор писал через три с лишним десятка лет после войны.

Наша оборона не была пассивной, подразделения полка, то и дело, атаковали врага, и вскоре выбили его с позиций и заняли вершину балки, остальная же часть балки оставалась у противника.

Как-то в утреннем тумане, в середине декабря, несколько немецких танков пробрались по одной балке в тыл подразделениям полка и, пользуясь тем, что в это низине они были недосягаемы для огня противотанковых пушек, огнём пулемётов и гранатами, которые метали из открытых люков в одиночные окопы, вывели из строя бóльшую часть полка. Целыми остались только две роты 2-го стр. батальона и две роты автоматчиков. Полк стал небоеспособен, и командование решило его заменить.

Ночью ожидались прибывающие, сменяющие нас, подразделения, а накануне, днём, командир приказал мне с радиостанциями отправиться в балку, близ селá Петровское [село Петрокóрбовка, находящееся как раз между сёл Марто-Ивановка, около которой стояла часть ранее, и Верблюжка, о которой, пойдёт речь далее; в последующем тексте, подправив автора, будет указано это название], где помещались тылы полка, в распоряжение пом. комполка гв. майора Коркина, а сам обещал туда прибыть утром.

Мы быстро свернули радиостанции и, сначала немного пригнувшись, а затем – в полный рост, направились в Петрокорбовку. Пригибались мы неспроста – более десяти дней пробыл КП на этом месте и за это время неоднократно подвергался артобстрелу. Один раз метрах в пяти от моего окопа разорвался крупный реактивный снаряд, выпущенный противником из 6-ствольного миномёта; его воронка напоминала воронку солидной авиационной бомбы. К счастью, другие снаряды этого залпа упали гораздо дальше, т. к. этот немецкий 6-ствольный миномёт, в отличие от нашей «Катюши», не отличался меткостью, сильно разбрасывая снаряды.

Были, конечно, и дни затишья. В такие часы мы писали письма домой, беседовали между собой, изредка читали. Солдаты роты связи уже почти год носили с собой случайно подобранный где-то томик «Петра I» Алексея

Толстого, и все его перечитали, а некоторые любители чтения, в том числе, и я, – на несколько раз.

В один из таких дней подходит ко мне начальник связи полка гв. капитан Друзь и посмеивается. Я спросил его, что ему смешно, а он: «Да, знаешь, Плотников, командир полка вздумал меня экзаменовать по географии; спрашивает, знаю ли я столицу Германии, Франции, Англии». (А надо сказать, что Я.Ф. Друзь перед войной окончил Воронежский университет по почвенно-географическому факультету, получив специальность географа, а командир полка имел образование, далёкое от высшего.)

- Ну, и чем же, – спрашиваю, – закончился этот экзамен?

- Я, конечно, ответил, хотя и обиделся на детские вопросы, а потом говорю: «А разрешите Вам задать вопрос по географии, товарищ гвардии подполковник?».

Подполковник мне отвечает: «Что, ты думаешь, я географии не знаю?! Ну, спрашивай!».

- Какой город – столица Канады? – говорю.

- Ну, знаешь, Канада ведь не самостоятельная страна, это ж колония, – ответил подполковник, вот мне и смешно» – закончил свой рассказ капитан Друзь.

Тогда я его спрашиваю:

- Товарищ гвардии капитан, а разрешите я Вам вопрос по географии задам?

Капитан Друзь, разведя руками:

- И ты считаешь, что я географии не знаю?! Задавай!

- Нет, я знаю, что Вы знаете географию полнее и лучше меня, но, может, так, для шутки?

- Ну!

- Какая столица у Исландии, ведь не Копенгаген?

Задумался капитан, чувствует, что какой-то подвох здесь есть, а не знает – какой, и всё-таки, вынужден повторить ответ подполковника:

- Нет, Исландия – колония Дании, поэтому у неё собственной столицы быть не может, всем в этой стране командует Копенгаген.

- Никак нет, товарищ капитан – несколько дней назад в газете было сообщение о том, что Исландия объявила об отделении от Дании, следовательно, с этого дня у неё столица – Рейкьявик. (Про Рейкьявик в газете не писали, но у меня почему-то с детства это название в памяти отложилось).

Но, возвращаясь к нашему походу в Петрокорбовку: подходим мы к балке, на склоне которой выкопаны землянки тылов полка, спрашиваем у караульного: «Где разместился гвардии майор Коркин?», он показал.

Землянка эта была оборудована дверью; толкаю её – попадаю в тепло, вижу, сидит гв. майор Коркин, ветеран полка. Докладываю о прибытии, майор радостно приветствует меня и приглашает разместиться здесь, у него, пока не обзаведусь собственной землянкой.

Утром прибывают остальные подразделения полка, и мы в отведённом для роты связи месте копаем землянку для всех радистов (для всех расчётов радиостанций, собравшихся со стрелковых батальонов); телефонисты, тут же, роют жилище для себя. Отдельно подготавливается землянка для комроты с заместителем и старшиной, отдельно – для девушек-телефонисток (недавно, одну из них, хотя она была не радисткой, прислали в нашу часть для пополнения рядов специалистов, на место погибших на Днепре, под Воинской Греблей гв. мл. сержанта Киселёва и рядового Водопьянова).

Я приказал выкопать землянку на троих (где со мной должны разместиться сержант Платонов, радист, и мой связной – рядовой Захаров), размером два метра на полтора и высотой от пола до потолка (брёвен для наката не было) восемьдесят сантиметров, дополнительно добавив поперёк полуметровой ширины прокоп, углубляющий ещё на семьдесят сантиметров. В таком проходе, общей высотой полтора метра, можно стоять, чуть нагнув

голову, а на остальной части землянки – лишь лежать либо сидеть, поджав под себя или свесив в проход ноги. У высокой стенки прокопа подрыли печурку с выходом трубы на поверхность земли. Покрыли землянку тонкими акациями, сантиметров через тридцать друг от друга, затем набросали полыни и соломы, уже сверху укрыли небольшим слоем земли. Свежую землю замаскировали, опять-таки, полынью, да потом подсоби́ла природа, – присыпала сверху снежком.

Печку топили тоненькими коротенькими дровами. Вместо двери висела плащ-палатка. Места лежания были укрыты тоже плащ-палатками. В общем, тепло, темно и мухи не кусают, как шутили солдаты.

Такие же палатки были оборудованы и для остальных радистов, в каждой из них помещалось по 3– 4 человека. У командира роты землянка была оборудована чуть лучше: с прокопом посередине, там стоял стол (щит из ящиков на вкопанных в землю кольях), с дощатой дверью и небольшим окошком над ней.

После небольшого отдыха организовали занятия с радистами, на этих занятиях, кроме углубления знаний по материальной части и по общим правилам работы, обобщали опыт обслуживания радиостанции ВР в полковой сети, в т. ч. – по их развёртыванию и пр.

По заданию штаба полка я провёл два двухчасовых занятия по радиосвязи с командирами батальонов, познакомив комбатов с правилами работы на радиостанциях, попрактиковав их в работе на аппаратах ВР для того, чтобы каждый из них мог, при необходимости, включить радиостанцию и вступить в связь, а не смотрел на это, как телёнок на новые ворота. Так же рассказал о возможностях радиостанций по обеспечению связью, о случаях, когда их использовать в целях маскировки не рекомендуется, познакомив с возможностями пеленгации, чтобы командиры не боялись, что рацию «засекут и накроют первым же снарядом» (такой стереотип, к сожалению, до сих пор не был полностью изжит среди командного состава). Все три комбата уже имели

возможность убедиться в пользе радиосвязи и всегда в бою держали рацию и радистов при себе.

Зимняя погода (и ухудшение проходимости дорог, и усложнение навигации по Днепру, где шла шуга) и насыщение нашей группировки на плацдарме создали объяснимые трудности в снабжении войск. Потому наш полк, как не участвующий в данное время в боях, должен был сам себя обеспечивать продовольствием. Солдаты собирали оставшуюся на полях кукурузу, ячмень; из ячменя выпекали хлеб, кукуруза дробилась на муку, из которой варился суп, куда закладывали мясо отбракованных и списанных лошадей.

Ячменный хлеб, очень пышный и белый, был вкусен, пока не чёрствый, а черствел он очень быстро – через 2–3 часа после выпечки. Но, к счастью, это продолжалось не долго, вскоре снабжение опять наладилось.

Днём 31 декабря в расположение роты связи пришёл командир полка гв. подполковник Зверев со своим заместителем по политчасти (гв. майором). Когда они подходили к землянке командира роты (гв. капитана Чебоненко), тот сидел в шерстяных носках, скрестив ноги, на койке, т. к. опустить их в проход, хоть и была возможность, но холод позволял находиться в такой позе лишь несколько минут, дальше – сначала пальцы, ступни, а потом – всё тело, промерзали, как будто попал из Украины в Антарктиду (печку топили редко из-за недостатка дров).

Тут капитан Чебоненко попал в неловкое положение: если начнёт обуваться, не успеет встретить подполковника, если встретит без сапог, нарушит форму. Но он недолго оставался в раздумьях – выскочил в одних носках и чётко отрапортовал, как положено по уставу. Когда комполка осмотрел землянку, то, похвалив за находчивость старшину, сумевшего достать рамку со стеклом для окошка, приказал показать ему и остальные землянки роты. Гв. капитан Чебоненко попросил разрешения обуться и повёл командира на «экскурсию».

Осматривая жилище девушек, комполка похвалил их за чистоту, но сделал замечание комроты со старшиной, что себе в землянке сделали окно, а вот девчатам не потрудились, и те живут в темноте. Чебоненко пообещал завтра же передать в распоряжение девушек-телефонисток землянку попросторнее, с проделанным для дневного освещения окном. Подполковник усмехнулся:

- Ну, что ж, завтра буду на новоселье!

Мы удивились такой реакции командира, ведь обычно он старался разговаривать с подчинёнными в нейтральном тоне, без шуток, без скепсиса.

- Плотников, показывай теперь ты, как живёшь! – сказал подполковник и, когда я показал нашу землянку, спросил, – А кто с тобой живёт ещё?

- Сержант [далее – тетрадь 37] Платонов и рядовой Захаров, – ответил я.

- А как же ты с подчинёнными живёшь? – спросил комполка, – Так ты авторитет перед ними иметь не будешь.

- За свой авторитет я не боюсь, товарищ гвардии подполковник, – отвечаю, – Мой авторитет в умении работать на радиостанциях, в моих знаниях и в моём поведении.

На этом осмотр расположения радиороты командиром полка окончился. После его ухода, комроты с заместителем и старшиной наметили, как будут завтра выполнять указания подполковника. Старшина пообещал съездить и привести оконную раму в землянку девушек. Командир штабного взвода связи лейтенант Переверзев получил указание выделить с утра четырёх человек для расширения этой землянки.

Лишь только офицеры кончили обсуждение этих вопросов, из штаба полка пришёл посыльный с приказом, согласно которому наша часть должна через 4 часа выступить для перехода на новый участок фронта, в 30– 40 километрах отсюда, в лесной посадке, близ посёлка Верблю́жка.

Тогда только нам стало понятно, почему улыбался комполка на заверения Чебоненко о завтрашних улучшениях в условиях проживания в здешних землянках, и на какое новоселье он собрался показаться.

Пришлось капитану Чебоненко отменить все поручения, данные на завтрашний день ещё пять минут назад, и отдавать новые указания.

Вечером 31 декабря полк, а вернее – то, что от него осталось, построился и двинулся правее по фронту. Колонна полка, после тех потерь среди личного состава, которые понесла наша часть пару недель назад, представляла собою длинный обоз, впереди которого шло несколько небольших пеших команд. Передвигались просёлочными дорогами.

Снег лежал на земле тонким слоем, чуть прикрывая её и следы войны на ней. На лёгком морозце (где-то минус 10) шагалось легко; а может, было ощущение лёгкости, потому что мы знали, что предстоит идти не, как в последний наш марш, сотни километров, а каких-то несколько десятков. К тому ж, у нас, радистов, радиостанции лежали не на плечах, а на повозках.

Так, на марше, мы встретили Новый 1944-й год, и все восприняли это, как предзнаменование, что весь грядущий год предстоит нам перемещаться, мы твёрдо знали, – только вперёд! Как почти всегда бывает, начали делиться своими воспоминаниями о предыдущих встречах нового года: ещё в кругу семьи – в мирное время, в самое трудное время – канун 1942-го (я его, залечивая ранение, встретил на койке рубцовского госпиталя), и, казалось, так давно, – уходящий, 1943-й, под Сталинградом.

Пройдя от одной великой реки до другой, от Волги до Днепра, сколько рек и речушек, вброд или по мостам, преодолевая вражеский огонь и теряя друзей, иногда – на радость, без боя, прошёл за год наш полк. Сколько километров прошагали солдатские ноги за этот год – год коренного перелома в войне (мы это твёрдо знали, мы это видели по всем признакам)?! И если 1941 и 1942 годы были в основном годами горьких поражений, то 1943 год, несмотря на жестокие потери, стал годом побед, годом, когда в Москве начали звучать

победные салюты в честь освобождения советских городов; мы обоснованно считали, что несколько залпов прозвучало и в честь бойцов под командованием гвардии полковника Яковлева (командира нашей гвардейской дивизии).

Безусловно, в этом были уверенны абсолютно все, предстоящий, 1944 год будет годом наших побед, будет годом окончания войны, но кто же вернётся домой, к мирной жизни, к семье (ну, хотя бы покалеченный), а кто отдаст жизнь за счастье своей советской Родины? Как много предстояло ещё освободить городов и сёл нашей страны, всё, что сейчас находилось под фашистом! Кто-то из солдат уже начинал рассуждать, закончится ли война, после освобождения нашей территории.

Дороги войны провели нас в этом году мимо (хотя и близко от) Харькова, Ахтырки, Котельвы, Полтавы, Кременчуга, наша дивизия не принимала участия в освобождении крупных городов, поэтому не получила дополнительного наименования[1], и солдаты, меж собой, в шутку, называли её «мимо-харьковской», «мимо-полтавской» и т. д.

Втянувшись в марш и согревшись на ходу, затянули песню. За длинную зимнюю ночь можно много пройти и пропеть, ... но вот и Верблюжка.

Само селó растянулось на много километров, по карте в нём значились аж 3 сельсовета, а потом мы узнали, что до войны здесь было 9 колхозов. Так что, скорее всего, это было целое скопление небольших, когда-то отдельных друг от друга, деревень. Деревеньки эти (отдельные части села) располагались по балкам, иногда вплотную одна к другой, иногда – на значительном расстоянии (через пустыри). Так, впоследствии, чтобы добраться до расположенной в том же селе дивизионной роты связи (где была зарядная база), нам, связистам, нужно было пройти не менее 2-х километров.

На юго-восточной стороне села находился пруд с плотиной и мостком на середине этой плотины. От мостка остались только одни балки, поэтому пехота

[1] О традиции давать воинским частям названия, в т. ч. – по освобождённому ими населённому пункту можно узнать по адресу: http://ogeraldike.ru/books/item/f00/s00/z0000010/st010.shtml.

пошла по плотине, а обоз спустился на лёд пруда, в объезд разрушенного мостка.

Я пошёл с обозом. Лёд был совсем не крепкий (всё ж не Сибирь, с её крепкими морозами), и в одном месте двуколка роты связи провалилась, застряв в воде. Спущенный пруд в этом месте имел глубину всего около метра, а где-то – и того мельче, т. ч. большие колёса двуколки, провалившись, сидели чуть глубже оси, но сил запряжённой кобылицы не хватало, чтобы выдернуть их из провала на лёд. Тогда подпрягли ещё одну лошадь – всё равно результат нулевой, а сзади уже образовалась пробка – несколько повозок и машина уперлись в нас.

Нечего делать – пришлось заходить в воду и помогать лошадям, проводить вперёд, приподнимая, колёса. Повозочный к этому моменту уже забрался в воду, откуда и стегал лошадь вожжами, и пару раз пустил крепкого мата, но больше умолял кобылицу:

- Ну, милая, давай налегай! Хорошая моя, славная, не дай загúбнуть мне в этой холодной воде, ведь меня тоже ждёт две малых ребят, ведь осиротишь их!

Умная кобыла, в ответ на такие слова, поворачивала голову, и своими большими выпуклыми глазами жалобно смотрела на него; напрягала свои силы, но их было, явно, не достаточно.

Тогда гв. старшина Щербаков, тоже уже по пояс мокрый, дал команду разгрузить двуколку. Когда груз перетащили на брички, кобылка смогла вытянуть повозку из проломленной полыньи на лёд, весь обоз продолжил движение.

Сначала, когда на морозе опустишься в холодную воду, и она сквозь одежду доходит до тела, чувствуешь что-то похожее на ожог, потом до каждой клеточки организма начинает доходить сводящий мышцы холод. На ходу, в работе, с этим холодом борется кровь, перегоняемая по телу, но быть неподвижным (стоять или сидеть) – просто невыносимо, поэтому, когда отдохнувшие лошади тронулись вперёд, мы (повозочный, старшина, я и

комроты) очень быстрым шагом, а где хватало сил – бегом, устремились в деревню. Повозочный, чтобы не отстать от нас, перевёл лошадей на лёгкую рысь. Лошади оказались более жилистыми и легко догнали нас, но и мы, наполненные и подгоняемые студёной водой, в нижней части могли, наверное, сейчас сравниться с легендарными кентаврами (хотя более желали бы превратиться в пегаса, чтобы не бежать, а скорей долететь, если не до жаркой Греции, то хотя бы до тёпленькой печурки).

Подъехав к первой хате, командир роты завёл туда повозочного и велел хозяевам положить того на печь и хорошенько прогреть, пообещав, что назавтра приедет за ним. Обоз тронулся дальше. Полку предстояло устраиваться в зимней лесной посадке, что нам троим, промокшим после вынужденного купания в ледяной воде, не казалось праздником.

На наше счастье, стало известно, что командование решило остановить полк на днёвку в селе, однако на улице, выбранной для полка, ни одной свободной хаты уже не было – везде уже полно солдат. Пришлось нашей роте связи разместиться в небольшом плетнёвом сарайчике, где ранее, скорее всего, жили куры (такой вот новогодний маскарад у нас получался – после лошадиной пробежки превращаться по среде обитания в птицу невысокого полёта).

Солдаты, утомлённый долгим маршем, быстро легли на тонком слое соломы, вплотную друг к другу. Я устроился рядом с радистами, головой к стене, ногами, подогнув их к животу (так было хоть чуть-чуть теплее), в середину. Моя поза с поджатыми к себе ногами оказалась более комфортной не только для меня – воспользовавшись оставшимся, сэкономленным мною, пространством, в центре сарайчика поместился связной командира роты ефрейтор Козлов.

То, что нас оказалось чрезвычайно много для этого, рассчитанного на более мелкую птицу, помещения, быстро обернулось на нашу пользу – несколько десятков человек мгновенно надышали комфортную теплоту; я,

быстро перестал чувствовать мокрый холод одежды и, – не помню, в каком порядке это произошло, – согрелся и заснул.

Через час или два, но́ги, согнутые в коленках, заболели, и я, непроизвольно, во сне, вытянул их и попал Козлову, кажется, в нос. От этого столкновения я проснулся, заметив, как ефрейтор приподнял голову, чтобы узнать, кто его разбудил, но, увидев, что это лейтенант, только недовольно проворчал: «У-у ... радисты, не дадут спокойно поспать раз в году!». Я вновь подобрал коленки и опять заснул. Во сне снова вытянул ноги, и... Так до утра повторялось раз пять, и, думаю, ефрейтор готов был меня уже распять!

С утра, сменённые нашей дивизией, части стали покидать село, и мы получили возможность разместить людей по хатам.

Командиру полка гв. подполковнику Звереву разведчики достали хороший немецкий многоканальный приёмник с питанием от аккумулятора и анодной батареи. Я установил этот аппарат на квартире комполка, и он теперь сам слушал сводки Совинформбюро, освободив меня от обязанности докладывать их содержание ему каждый день.

Поскольку наш полк был небоеспособен, а пополнить его личным составом, очевидно, было неоткуда, в части было оставлено минимальное количество солдат, только для ухода за лошадьми и имуществом; остальные были направлены в 217-й и 230-й гв. стрелковые полки (нашей же дивизии). Офицеры были оставлены в полку в качестве офицерского резерва дивизии, поэтому для них были организованы регулярные занятия.

Я получил приказ командира дивизии возглавить курсы радистов; из всех полков на них были откомандированы курсанты (всего – 15–20 человек), а мне в помощь был прикомандирован мл. лейтенант Михайлов, начальник радиостанции РСБ дивизионной роты связи. Преподавание азбуки Морзе я возложил на младшего лейтенанта, а электро- и радиотехнику, матча́сть [материальную часть] преподавал сам.

Под учебный класс приспособили летнюю половину крестьянской хаты. Мебели не было, поэтому курсанты сидели вдоль стен, кто на чём. Преподавателю приспособили небольшой столик и стул. Из фанеры соорудили классную доску.

Тетрадей и карандашей тоже было крайне мало - мне выдали в штабе дивизии для этих курсов десяток маленьких карандашей, но и их пришлось разрезать на две части, поэтому хватало каждого всего на несколько дней. Пришлось выходить из положения, используя вместо бумаги и карандашей подручные средства: куски фанеры или железа заменили листы бумаги, а уголь и мел (им белят на Украине хаты, и он всегда есть в запасе) – заменили карандаши. Тетради и карандаши берегли для записи самой важной информации – формул, основных положений и правил по электротехнике и радиотехнике.

Я был очень доволен составом курсантов, – набранные из стрелковых подразделений, они все имели солидный боевой опыт, а это освобождало меня от необходимости обучать их тактике и гарантировало, что они сумеют сохранить в бою аппаратуру и самих себя (зная элементарные правила не только в теории, но и приобретя какие-то собственные солдатские хитрости). Все курсанты, несмотря на сложные условия, с жаром, с энтузиазмом взялись за изучение радиодела и азбуки Морзе.

Сложность уроков по азбуке Морзе состоит в том, что там необходимо постоянное слуховое внимание, нельзя отвлечься ни на мгновение, запоминая комбинации звуков, но наши курсанты напряжённо вслушивались в многочисленные повторы, медленно и старательно записывая буквы на своих фанерках или железках. Мл. лейтенант Михайлов чётко, в очень неторопливом – по возможностям новичков, темпе выстукивал на ключе буквы и цифры. У опытных, профессиональных радистов такая медленная работа на ключе презрительно называется «давить клопов», и специалисты с большим стажем редко могут передавать на ключе в значительно более сдержанном темпе, но

Михайлов имел не только опыт радиста, но и опыт обучения новичков, заключающийся не только в выборе доступного для них темпа, но и в умении разрядить уместной, но не отвлекающей шуткой напряжение от однообразных монотонных занятий.

Но вот на продолжительных занятиях по электро- и радиотехнике, когда программа непродолжительного курса заставляла вкладывать в один час содержание 2–3 часов обычного, мирного обучения, я просто удивлялся, как простые, обычные советские солдаты, многие – не имеющие полноценного начального образования, одни – быстро схватывают сущность того или иного физического явления, другие – моментально схватывают формулы (математическую зависимость явления). Мне никогда не приходилось напоминать курсантам о необходимости внимательно слушать урок или вести себя как следует. А ведь занимались мы по 12 часов в сутки!

Ещё раньше, когда мы стояли у села Петрокорбовка, разведчики принесли нам немецкую радиостанцию ультракоротковолнового диапазона; с тех пор она валялась у нас во взводе, я хранил её, чтобы в случае нужды можно было использовать имеющиеся в ней радиодетали.

Как-то, в один из январских дней, младший лейтенант, как обычно, вёл занятия с курсантами, а я готовился к занятиям в основной комнате избы; тут в помещение входит гв. полковник Ходке́вич П. Г., новый начальник политотдела дивизии (и замполит) в сопровождении инструктора политотдела. Я представился ему и доложил, чем занимается в данный момент личный состав (и я, и курсанты), он же решил побывать на уроке.

После положенного приветствия и рапорта младшего лейтенанта Михайлова, урок продолжился, а я, видя, как полковник внимательно смотрит на фанерки и железки в руках курсантов, подумал, что сейчас будет разнос за такое материальное обеспечение. Ну, думаю, ничего – зато, может, после этого найдут и выдадут бумаги и карандашей. Однако замполит похвалил за находчивость, но захотел узнать, есть ли толк от такой учёбы и способны ли

курсанты после таких экзотических «пишущих» принадлежностей что-то показать на деле.

Я предложил ему для проверки написать на листочке несколько слов, после чего передал эту бумажку мл. лейтенанту Михайлову, который отстучал на ключе написанное, а курсанты, слушая «точки–тире», переводили услышанную морзянку, вновь записывая текст русскими буквами на своих фанерках и листах железа. Обойдя всех курсантов-радистов, полковник убедился в правильности их записей, после чего сказав:

- Молодцы! – и пожелав всем успешной дальнейшей учёбы, вышел со мной в другую комнату.

Там он сказал мне:

- Видно, что специальность свою Вы знаете, и умеете научить ей других. А вот новый Гимн Советского Союза Вы сами знаете и изучали ли его с курсантами? Можете рассказать мне слова нашего нового Гимна?

Я без запинки рассказал слова, правда, ошибся в одном слове.

Тогда полковник стал допытываться, имеются ли у нас трофейные немецкие приёмники, на что я ответил:

- Так точно. Есть одна трофейная УКВ-радиостанция, но она не годится для прослушивания широковещательных станций, т. к. дальность её действия ограничена пределами прямой видимости.

Замполит приказал её принести, что я сделал, после чего подключил и питание, а он сам покрутил ручку, убедившись в справедливости моих слов, а затем спросил, у кого в полку имеются радиоприёмники, годные для слушания сводок Совинформбюро. Я ответил, что только у командира полка, но полковник этим ответом удовлетворён не был, и ещё долго допытывался, может, ещё у кого есть неучтённый радиоприёмник.

Замполит ушёл, я решил, закончив занятие, явиться к командиру полка гв. подполковнику Звереву, чтобы доложить об этом визите и о содержании нашей беседы. Но, когда я прибыл на КП полка, я узнал, что полковник

Ходкевич посетил подполковника Зверева ещё до своего визита к нам, приказав тому немедленно сдать радиоприёмник как незаконно присвоенное трофейное имущество, однако наш комполка отказался это сделать, и тогда уже замполит отправился с визитом ко мне, в надежде, что у радистов-то должен быть трофейный приёмник.

Вскоре до всех офицеров был доведён приказ замполита о том, что каждый должен научиться танцевать западноевропейские танцы фокстрот, танго и др. Для этой цели к нам в полк прибыл духовой оркестр, а в роли учителя выступит гв. мл. лейтенант Михайлов, оказавшийся знатоком по этой части. Объявили, что занятия будут проходить в клубе села [далее – тетрадь 38] ежедневно, вечером. Посещение для всех офицеров – обязательно.

В первый день, придя на эти занятия, т. к. никогда не танцевал и мало видел, как танцуют, я так и не сделал даже попытки повторить какие-то па. В тесном сельском клубе оглушительно ревел духовой оркестр; на фоне войны, зная, что рядом, за селом, в траншеях, свистят пули, и рвутся снаряды, странно было слышать весёлые звуки фокстротов. Я умом понимал целесообразность этого мероприятия, и в преддверии появления наших офицеров в европейских странах (теперь, после объявления политруком данных курсов, почти никто не сомневался, что мы пойдём освобождать от фашистов соседние страны, чтобы добить противника в его логове), и как отвлечение солдат, всё равно остающихся людьми, от всей мрачности и жестокости войны. Но всё-таки мне как-то стало не по себе, и я ушёл, и больше на эти танцы не ходил, да и времени у меня на это не было, потому что надо было тщательно готовиться к занятиям с радио-курсантами (я знал, что качество моего преподавания отразится на качестве связи в бою, а значит, способно сохранить жизни этих людей и тех, с кем они служат), а ведь учебников в моём распоряжении не было, и надо было составлять конспекты по памяти.

В этот период наша дивизия входила в состав 53-й Армии (до Верблюжки – в состав 57-й Армии). 217-й и 230-й гвардейские стрелковые полки́ держали оборону, иногда отбивали атаки вражеской пехоты и танков противника.

Для усиления противотанковой обороны на наш участок обороны прибыли огнемётные подразделения. Огнемётчики имели на вооружении ранцевые огнемёты, довольно солидного размера и веса; такой солдат напоминает радиста с батальонной радиостанцией за спиной. Поэтому, когда они проходили через село, я показал их своим курсантам, призывая навсегда запомнить, что для противника они, связисты, не менее, а более опасны, чем огнемётчики, поэтому враг будет стараться использовать любую возможность уничтожить такого солдата с большим ящиком за спиной. «Потому, – говорил я слушателям курсов, – ваша первоочередная задача – сохранить себя и свою аппаратуру, правильная работа которой сохранит жизни десяткам, даже – сотням, а может – и тысячам других наших солдат!».

Между тем, положение на нашем участке фронта стабилизировалось, и готовясь к зимним операциям, в дивизии был сформирован лыжный батальон. Его командиром был назначен гв. капитан Вýйцик, бывший до этого зам. командира по строевой части во 2-м стр. батальоне нашего полка. По приказу командира полка в этот лыжный батальон я выделил радиостанцию с расчётом – командиром стал ефрейтор Иконников Иван Дмитриевич, радистом к нему рядовой Захаров.

Лыжный батальон предназначался для активных действий против неприятеля – для проведения глубоких стремительных рейдов в тыл и для преследования в случаях отступления врага. Погода стояла морозная, снежный покров был небольшим, но устойчивым; в январе и начале февраля оттепелей в нашей местности не было, поэтому лыжный батальон успешно проходил обучение.

Забегая вперёд, сообщу, что через некоторое время, когда полк совершал марш, лыжный батальон на лыжах сначала вырвался вперёд, но вот снег раскис,

– солдаты лыжи на плечо, а там ведь уже винтовка или пулемёт; тащили, тащили лыжи, и стали их бросать, таким образом, их подразделение растянулось, а потом и вообще растеряло свой личный состав (отдельные солдаты примкнули на марше к другим ротам нашего полка), потому лыжный этот батальон был расформирован. Радисты Иконников и Захаров, вообще, как в воду канули. Потом уже я узнал, что их зачислили в дивизионную роту связи: Иконников в пункт сбора донесений попал, а Захаров – ординарцем к начальнику связи дивизии гв. майору Дудникову и его помощнику гв. капитану Ковордееву. Командира расформированного лыжного батальона гв. капитана Вýйцика опять заместителем комбата в наш полк отправили.

А вот почему полк наш выдвинулся на марш. В это время на правом фланге нашего фронта, где действовала 4-я гвардейская Армия (в которую ранее входила и наша дивизия), произошли события, повлиявшие на весь фронт. К февралю месяцу отдельные плацдармы на правом берегу Днепра слились в один, большой, плацдарм. Армии правого фланга нашего фронта перешли в наступление и совместно с войсками 1-го Украинского фронта окружили крупную группировку немецких войск в районе Корсунь-Шевченковского. Продвижение правого фланга потребовало передвижения всех войск фронта направо, поэтому и наша дивизия сместилась в этом направлении, – сдав свой участок фронта, мы тронулись на северо-запад, на правый фланг 53-й Армии, на стык её с 4-й гв. Армией.

Сначала этот марш проходил легко, по твёрдой зимней дороге. Наш полк, по-прежнему, представлял собою практически один обоз, лишь наши курсанты-радисты двигались пешим строем. Первую ночь провели в одном большом селе, но все хаты были битком набиты солдатами, и мы, в сильный мороз, ночевали в каком-то холодном сарайчике.

Прошли областной город Кировоград; затем погода начала резко меняться – мороз сменился оттепелью, снег быстро растаял, дороги размякли, колёса бричек вязли в грязи́ по сту́пицу. На первых порах пробовали

направлять повозки с разъезженных в грязь дорог, где завязали сапоги, к обочинам, которые скоро тоже становились непроезжими. Мокрые лошади с трудом тянули брички. Курсанты с вещевыми мешками за плечами, с противогазами и карабинами, на каждом очередном шаге с усилием вытаскивали ноги из грязевой вязкой каши. То и дело, пахота или о́зимь налипала на обувь, приходилось всё чаще очищать её, наступая одной ногой на другую; регулярно, то один, то другой солдат оставлял сапог в этой киселеобразной жиже.

Я шёл с курсантами, поставленными в хвост колонны, хотя здесь, после всего обоза, идти сложнее, но зато все подопечные были перед глазами. По такой дороге немудрено было растерять людей, но новоиспечённые радисты шли на удивление дружно, и за весь путь не было ни одного случая отставания. Моего помощника, мл. лейтенанта Михайлова, пришлось посадить на повозку, т. к. он пришёл к нам в полк в валенках, а у нашего старшины на замену не нашлось подходящей пары.

Несмотря на тяжёлую дорогу, шли весело; с утра особенно часто звучала какая-нибудь весёлая песня, курсанты перебрасывались шуточками; по мере уставания каламбуры и остроты становились реже, постепенно утихали, уступая место более серьёзным, задушевным разговорам: одни вспоминают довоенную, мирную жизнь или гадают, как сейчас там родные, другие (как правило, молодые парни) мечтают, что будут делать после победы. А вот огорчённый курсант, у которого порвались сапоги, гневно материт Гитлера и его «гитлерёнков». К концу маршевого перехода, когда смолкают всякие разговоры, приходится вмешиваться мне, – чаще что-либо из истории: о битве Александра Невского на Чудском озере, о походах суворовских чудо-богатырей. Идущие из последних сил, отвлекаются от своих проблем (с поистрепавшейся обувью, с уставшими ногами), внимательно слушая, изредка задавая вопросы, и вот строй подтягивается, и вдруг, не заметив, как это случилось, мы приходим к месту ночёвки.

Но тут мы вошли в узкий (не более 10 километров) коридор, отделяющий окружённую группировку от основного фронта. По коридору проложена одна единственная дорога, но и та страшно разъезжена; справа и слева от неё слышны не особо далёкие звуки боя, по обочинам стоят противотанковые орудия, на случай прорыва танков противника с той или другой стороны. Иногда нашу колонну обгоняют машины со снарядами или продуктами; они достаточно медленно (хотя и быстрее нас, пеших), ревя моторами, движутся вперёд, раздвигая колёсами густую грязь.

Вот впереди, справа от дороги, раздался взрыв. Оказалось, два офицера нашего полка ехали по озими, правее дороги, и одна из лошадей наступила на противотанковую мину: обе лошади убиты, один офицер тяжело ранен в ногу.

Дорога спускается вниз, и на самом дне балки, в жидкой грязи застряли несколько машин и повозок, образовалась пробка, наш обоз остановился. Курсанты расселись по бричкам, ведь сидеть, пережидая, в грязи, никому не хотелось. Пробку ликвидировали только часа через четыре, и колонна машин, повозок, людей начала продвигаться вверх, в гору.

Всё время, пока колонна стояла, солдаты нет-нет, да поглядывали в небо. Действительно, если бы в этой ситуации налетели несколько немецких самолётов, они бы устроили нам настоящую бойню, мало бы было шансов кому-то уцелеть. К счастью, обошлось, небо было к нам благосклонно – один раз низко над землёй пролетел самолёт, им оказался наш истребитель.

Поднявшись в гору и пройдя ещё несколько километров, мы вступили в большое украинское село Лебеди́н (тогда – Киевской [ныне – Сумской] области). Белые украинские хаты, крытые высокими соломенными крышами, окружены садами; яблони, сливы, вишни, посаженные правильными рядами, стояли в это время года с голыми ветвями. Представить эти деревья в цвету я не могу, т. к. никогда до этого не видел цветущего сада, да и весь наш солдатский путь, через грязное месиво местных дорог, был не самым поэтичным.

Наш полк разместился на одной улице села; для курсантов я занял две усадьбы: одна из которых находилась на той же улице, где расквартировались мы – я, младший лейтенант, расчёт дивизионной радиостанции и ещё несколько офицеров, обучающихся на курсах; другая (маленькая хатка) – стояла в переулке, там поселились остальные курсанты.

Нашу дивизию подчинили 4-й гвардейской Армии, 20-му гв. корпусу. Говорят, что командир этого корпуса, гвардии генерал-майор Бирюков Н. И., узнав в присоединении к его подразделению нашей дивизии, спросил: «Почему в ней всего два полка, что за куцая гвардия?», – и приказал немедленно сформировать третий полк. Вскоре из Запасного полка поступило 600 человек пополнения, правда, оружия для них ещё подвезти не успели.

217-й и 230-й гвардейские полки встали в оборону около станции Шпóла, на внешнем кольце окружения, отбивая яростные атаки танковых соединений противника, стремящегося любой ценой пробиться к окружённым. Разведка всё время доносила о подходе к фронту всё новых немецких танковых частей, а также – о накоплении танковых сил в ближайшем вражеском тылу.

Оборона была активной; так, иногда в тыл противника ночью проникали подразделения пехоты, до батальона, для удара по скоплениям танков в целях предупреждения их возможного сосредоточенного удара. Главной силой против танков противника были истребительно-противотанковые батареи, приданные полкам из АРВГК [АРВГК – Артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования]. Хорошо била по вражеским танкам и пехоте батарея 171-го гв. артиллерийского полка, которым командовал гв. полковник Жариков.

Несмотря на яростные атаки своих многочисленных танковых и механизированных частей, противнику нигде прорвать оборону гвардейцев не удалось, и расстояние между окружённым и основным фронтами не сокращалось, а даже увеличилось. Наш же полк в это время, не имея оружия, ничем не мог помочь в бою.

У меня, на курсах, в целом, закончилась теоретическая подготовка, и основное внимание мы сосредоточили на тренировке в приёме азбуки Морзе, как в классе, так и, в первую очередь, с эфира. Мне стало значительно легче, можно было уже не отнимать время у сна, иногда даже получалось выкраивать один–два часа на решение текущих проблем.

Интересен был хозяин хаты, в которой мы остановились. Это был, демобилизованный лет за семь лет до войны, кадровый сержант Красной Армии, который после этого каждое лето призывался для обучения молодых солдат и запасных. Его жена – небольшого роста, весёлая, очень трудолюбивая женщина, до войны работала в одном из колхозов (их в селе было несколько), в свекловодческом звене. Тогда свекла обрабатывалась вручную и была очень трудоёмкой культурой (по трудоёмкости с ней могло сравниться только производство каучука, тогда распространяемая, а теперь позабытая культура). Работницы свекловодческих звеньев (свекла по-украински – «буряк») работали всё лето, от зари до зари, в поле, но зато и заработок их был самым высоким на селе (и деньгами, и зерном, и сахаром).

Благодаря её заработкам, их семья смогла построить хороший дом и развести сад. Строила дом почти одна хозяйка, главным образом, по ночам. И сейчас, когда в доме расквартировалось более 10 постояльцев, было поразительно, как в февральскую слякоть она поддерживала идеальную чистоту. Глиняный пол хаты был всегда вовремя подмазан и покрыт тонким слоем чистой, золотистой душистой, соломы.

В 1940-м году хозяин дома был призван и воевал в финской кампании, где последние дни командовал ротой, хотя оставался в звании сержанта. Был ранен в ноги и поморóзился (долго лежал на морозном снегу). До самого 1941 года лечился, только перед войной стал ходить, но во время оккупации раны опять открылись, и он с трудом передвигался.

В селе стояли тылы многих частей, и с внешнего, и внутреннего фронта кольца окружения, кроме того через этот населённый пункт, стоявший на

дороге, постоянно проходили части и отдельные команды наших войск, поэтому хозяин нашей хаты ночами не спал, караулил, как бы не увели корову. Такими ночами он много рассказывал мне о боях на линии Маннергейма и в глубоком снегу межозёрья Финляндии, в очень морозные дни и ночи.

Удалённость от тыловых баз снабжения, единственная разбитая в течение зимы дорога очень затрудняли обеспечение войск боеприпасами и продуктами. Для упорядочения подвоза, приказом по дивизии, был создан транспортный автогужевой батальон под командой пом. командира нашего 232-го гв. полка гв. майора Коркина, в распоряжении которого выделили весь, какой только можно было, автомобильный и гужевой транспорт полков нашей дивизии.

А непроходимая дорожная грязь не прекращалась, а всё увеличивалась, хотя и казалось сначала, что хуже уже не может быть. Целыми днями шли тёплые зимние дожди, вода заливала поля и дороги, перемешиваемая с землёй непрерывным движением транспорта.

Потянуло к чтению, а книг на русском языке не было. У местного пожилого учителя была солидная библиотека, но – на украинском языке, поэтому я решил попробовать читать на нём, надеясь, что при этом хоть немного научусь и понимать, и говорить по-украински. Взял «Войну и мир» Л. Н. Толстого, как наиболее знакомую мне книгу, по которой, надеялся я, будет легче вникнуть в смысл незнакомых слов, а ещё взял «Энеиду» И. Котляревского, про которую много слышал, но с которой всё не удавалось познакомиться. Однако, от такое чтении для меня никакого толка не было – «Вiйна і мир» в украинской версии была для меня так же понятна, как какие-нибудь глиняные таблички Хаммурапи; больше разбираясь во французском тексте, чем в украинском; «Энеида» теми фрагментами, которые были доступны мне в понимании украинских, более близких русским, слов, вызвала у меня отторжение, т. к. я представлял себе эту книгу, чем-то подобной Гомеру с его пышностью и торжественностью, а тут, вместо гомеровских «Нимфа

Калипса, богиня богинь, Одиссею сказала...»[1], читаю «Юнона, [злая] сучья дочка...».

С украинским языком иногда попадали впросак и курсанты. Так один из них, кажется Кошкарёв, получив хлеб, обратился с просьбой прибрать его к нашей хозяйке (она аккуратно прибирала все солдатские продукты), та, занятая у горящей печи, сказала ему по-украински: «поклады його в скры́ню». Кошкарёв знал по-украински «в крыны́цю», то есть «в колодец» (первое время и «паляны́цю» – «хлеб» путал с поленницей). Вот он и понял, что хлеб нужно положить в колодец и, хотя и был этим изумлён, переспросив, опять, услышав «скрыню», принял за «крыныцю».

Он вспомнил, что летом у них, на Урале, иногда спускают в холодный колодец сметану, мясо, поэтому решил, что так делают и в этих местах с хлебом. Придя во двор, к колодцу, начал ломать голову, как же этот хлеб там приспособить.

В это время хозяйка, выбежавшая из дома, застала своего постояльца наклонившимся над колодцем с зажатым подмышкой кирпичом хлеба. Она отобрала у него хлеб и положила в скрыню – в сундук для продуктов [скриня, произносится «скры́ня» – «сундук», укр.], потом влетела в комнату, где занимались остальные курсанты, схватившись за живот, минут пять, шлёпнувшись на скамью, просто не могла от безудержного хохота ничего произнести, только грозясь умереть со смеху.

Мы долго не могли понять, над чем она хохочет, а она была не в силах говорить. Тут вошедший Кошкарёв рассказал нам свою часть истории, мы посмеялись, но немного, потому что так и не поняли комичность ситуации глазами украинской женщины. Подать ей воды [далее – тетрадь 39], чтобы она пришла в себя, мы не догадались, а, может, не решились, потому что вода-то, она ж из того колодца, куда Кошкарёв хлеб хотел пристроить.

[1] Автор цитирует строку из Песни пятой «Одиссеи».

В другой раз, принесли солдаты обед в котелках, поели, и захотелось им чаю попить. У хозяйки в это время, на печи, кипела вода, да, вот, беда, – заварки нет. Горюют солдаты, – вот женщина им и предложила в сад пойти, да веточек вишни нарвать, чтобы бросить в кипяток и, когда заварится, пить. Это солдаты, вроде, поняли, но какое из деревьев, растущих в саду, вишня? Как узнать, на стволах же не написано, а плодов ещё нет и в помине?! Когда хозяйка поняла, в чём дело, опять закатилась от смеха, т. к. не укладывалось у неё в голове, как взрослый человек не может вишню от яблони или какого-то другого дерева отличить!

Прохохоталась она и объяснила, что вишня – по тропинке, пятое дерево справа. Отправился за вишней Кошкарёв, который захотел как-то реабилитироваться за конфуз с крыныцей-скрыней и принёс веточек на заварку... целую охапку, как в костёр зимой.

Что тут было с хозяйкой! – она ещё не отошла от предыдущего приступа смеха, а постоялец добил её, принеся не пару щепоток, ну, – горсточку – веточек вишни, а объём, которого хватило бы, чтоб всё село заваривало вишнёвый чай пару лет. И чувствует себя неудобно, что опять смех её мучит, и смеётся над тем же парнем, и в перерывы, когда спазмы отпускали, и хватало воздуха, она начинала объяснять:

- Цэ ж нэ на чётыры склянкы! ... [Это ж не на четыре стакана], ... тут і на дэсять відэр багато» [Тут и на десять вёдер много], – но хохот никак не давал ей договорить, куски фраз мы слышали через очередной приступ, и вот – последняя:

- Таку́ сылу-сылэнну завары́ты!» [такую уйму заварить], – опять перешедшая в раскаты смеха.

Прожили мы в селе Лебёдки недели две, и стал я соображать, как солдат помыть (полк в это время ещё пополнение не получил, поэтому баню не организовывали). Узнал я, что на местном сахарном заводе имеется хорошая баня, но для того, чтобы она заработала, для движка, генерирующего тепло,

нужно горючее, которого у них в наличии не было. Те воинские части, которые могли выделить горючее, в бане этой и мылись, а у меня – какое горючее? Тогда я решил: когда большая часть моется, добавятся к ней один–два человека – никто и не заметит; и стал отправлять своих подопечных по очереди. Так почти все вымылись, пошли последние – мл. сержант Леонов и с ним ещё два курсанта. Возвращаются и рассказывают:

- Приходим, баня работает, а народу не видать. Разыскали дежурного по бане, старшину, обратились, как полагается:

- Товарищ гвардии старшина, разрешите троим помыться?

А он и слушать не хочет, – гонит нас из бани этой. Тогда мы в одну дверь вышли, а через другую-то сразу же и зашли опять.

Глядим – в раздевалке никого, только в углу обмундирование на лавке лежит, да сапоги рядом стоят, хромовые, начищенные. Заглянули в мойку – там всего один человек и моется. Так, мы быстро разделись – и туда же!

Я мимо того, который раньше нас-то пришёл, прохожу, вижу – человек пожилой, голова такая, с сединой, лысоватенький чуток уже, мочалкой длинной спину трёт. Я его по плечу похлопал так, спрашиваю:

- Как, батя, банька?

Он так, будто удивился, что в бане кроме него тоже кто-то мыться привык, отвечает:

- Банька ничего. А вы что мыться пришли? Ну, мойтесь!

Как я ещё не ответил, а хотел ведь съязвить:

Нет, мы-то не за мытьём, – так, книжки сюда почитать пришли!

Начали мы мыться, а пожилой этот товарищ (у него ж форы было, – он раньше пришёл) уже заканчивает. Вдруг заглядывает из раздевалки капитан и спрашивает:

- Товарищ генерал, одеваться в раздевалку или сюда бельё подать?

«Генерал?!» – звякнуло у нас в голове. А как по уставу голый солдат или офицер должен старшего, даже – очень сильно старшего по званию

приветствовать, никто ж не знает. Ну, уж точно, не похлопывая по плечу! Хотя, я-то ж откуда знал, – на плече-то ж погона нет, ни на левом, ни на правом!

Ушёл генерал одеваться, а мы, ни живые – ни мёртвые, замерли, не знаем, что дальше будет. А ну, как адъютант устроит нам головомойку, что не соблюдаем субординацию, а то ещё старшина с голым задом прям выгонит из бани своей! А мы-то впервые вживую генерала видели, да так близко. Ан, нет – обошлось. Так, мы быстро домылись и – бегом, до дому. Вот такая у нас баня случилась, с генеральским парко́м.

Но эта была не единственная генеральская история, которая приключилась с нашими курсантами в селе Лебёдки. Вот ещё один случай.

К концу февраля погода совсем испортилась, дождь лил сутками, не переставая, дорога окончательно размокла. Но хотя грязи стало ещё больше – по самую ступицу колёс брички, но лошадям стало легче, потому что грязь-то более жидкая.

Закончив занятия, радисты поужинали и, подстелив на пол соломы, улеглись спать в маленькой хатке, половину которой занимала большая печь. На печи улеглась пожилая хозяйка с внучатами, а десять солдат-курсантов с мл. лейтенантом Михайловым (он перебрался жить туда) заняли весь пол, только у порога оставалось немного свободного места.

Сперва послушали перед сном одну–две сказки (которые бабушка рассказывала своим внучатам), затем наступила тишина. Только все заснули, вдруг – стук в дверь:

- Пустите переночевать!

Хозяйка говорит:

- Пустила бы, да некуда – полная хата солдат.

Из-за двери:

- Хозяйка, пустите генерала! Ночь ненастная, на улице не заночуешь.

Сжалилась хозяйка:

- Мне-то что! А вот солдаты как? Если согласны, пусть решают. Не околевать же на улице человеку – открыли дверь.

Заходит в плащ-палатке генерал, а с него вода ручьём бежит. Отряхнулся, сбросил накидку, снял шинель, смотрит – куда бы ему устроиться. Раздвинулись солдаты, приглашают в середину:

- Сюда, товарищ генерал, в середине с улицы быстрее согреетесь. В тесноте, да не в обиде.

Генерал отвечает:

- Спасибо, ребята! Мне только до утра немного вздремнуть да согреться. Получил приказ в штабе Армии – приять командование первой гвардейской дивизией. Думал, к вечеру до неё верхом доберусь, да в такую грязь разве быстро доедешь! Вот и пришлось вас беспокоить.

Тут в хату зашёл генеральский адъютант, устраивавший всё это время лошадей во дворе. Ему уже пришлось устроиться у порога. Заснули. Утром проснулись солдаты, проснулся генерал и приказал адъютанту готовить лошадей, чтобы дальше ехать. Вернулся адъютант и сообщает:

- Нет лошадей, товарищ генерал! Даже сёдел не осталось! Увели ночью.

Генерал отвечает:

- Идите, и чтобы через час лошади были, не пойду же я пешком в такую грязь!

Адъютант ушёл, а солдаты сходили за завтраком – сами поели, генерала угостили. Тот поел, поблагодарил солдат за угощенье, хозяйку – за ночлег. Часа через два вернулся адъютант с одной лошадью, посадил своего генерала в седло, а сам пешком пошёл. Куда же делись генеральские лошади и усидел ли «в своём седле», т. е. на своём месте после этого его адъютант, мы так и не узнали.

В конце февраля – начале марта мы завершили курсы, наши слушатели стали радистами третьего класса и разъехались по полкам.

В это же время пришёл приказ, и нашего комполка гв. подполковника Зверева перевели в 217-й гв. стр. полк, а новым командиром был назначен бывший командир этого, 217-го полка гв. подполковник Маркелов. Полк был отправлен из села Лебедин на станцию Шпóла.

На прощание наша хозяйка наварила чугун грушевого взвара да две поллитры самогона на стол поставила. Выпил я полстакана самогона, потом подумал, что надо с командиром полка попрощаться. Взял записанную на бумажку свежую сводку Совинформбюро, и пошёл к комполка, хотя давно уже не требовалось приносить ему эти сведения, ведь у него стоял свой приёмник, и он сам мог их слушать.

Захожу в хату (у подполковника уже и чемоданы собраны), обращаюсь:

- Товарищ гвардии подполковник, разрешите свежую сводку доложить?

Он ответил: «Докладывай!» и, после того, как выслушал меня, говорит адъютанту:

- Налей Плотникову на прощание сто грамм спирту[1]!

Я отвечаю:

- Товарищ подполковник, не надо спирта, я ведь непьющий, а сегодня уже сто граммов самогона от гостеприимной хозяйки при прощании выпил.

- Ну-ну, какое, – говорит, – имеешь право отказываться, если командир полка угощает!

Пришлось выпить, так и расстались мы с гв. подполковников Зверевым. Слышал я потом, что перевели его в другую дивизию, и что звание Героя Советского Союза ему присвоили, а встретиться с ним довелось только в 1966 году, в Молдавии, куда пригласили нас колхозники сёл, освобождённых от румынско-фашистских захватчиков нашим полком.

А тогда, к началу марта 1944 года, закончились бои по уничтожению окружённых под Корсунь-Шевченковским войск противника. Стихли бои и на участке нашей дивизии. Перемолоты были отборные танковые части немцев,

[1] Автор приводит форму дательного падежа – «спи́рту», употребляемую в народе, хотя по нормам русского языка нужно произносить «спи́рта».

рвавшиеся через внешнее кольцо окружения. Самому мне не довелось участвовать в этом сражении и побывать, непосредственно на месте боёв, как и всему нашему, остававшемуся в ту пору в неукомплектованном виде, полку.

Ездил туда нач. связи дивизии гв. майор Дудников. Целью его поездки было побывать на могиле украинского поэта и писателя Тараса Шевченко, и, конечно, пополнить имуществом связи за счёт трофеев.

По его рассказам всё поле было усыпано трупами немецких солдат вперемежку с разбитой техникой. Такого количества человеческих тел в одном месте, ни ранее, ни позже ему видеть не приходилось. Подобное же утверждает и Маршал Советского Союза Конев И. С., командовавший в то время 2-м Украинским фронтом и ликвидировавший окружённые войска противника. Даже под Сталинградом, где часть окружённых немецких войск отказалась сдаваться, у врага не было таких безвозвратных потерь, или, в совокупности, их можно было бы сравнить, но они были рассредоточены по большой площади, а здесь валялись рядами.

Не желавшие сдаваться, немецкие генералы повели свои войска построенными в колонну, в надежде, что хоть кому-нибудь, пятой или десятой части, удастся прорваться, думая, что наша сторона не способна вести такой огонь, чтобы за короткое время уничтожить столько живой силы. Но в Советской Красной Армии уже была такая техника. Вражеские колонны сминали танками; целыми шеренгами враги падали, поражённые очередями из счетверённых пулемётных установок, ведущих огонь с автомашин. Тысячи немецких «сверхчеловеков», по прихоти своего правителя и командования, становились безжизненными трупами после разрывов наших ракетных снарядов из гвардейских миномётов «Катюша». В результате, только единицам немцев чудом удалось прорваться. Недаром этот бой затем получил название «Корсунь-Шевченковское побоище».

В полдень одного из первых дней марта 1944 года наш полк построился для перехода в несколько километров на станцию Шпóла. [Далее – тетрадь 40.]

Глава VIII

«Христиновско-Уманская[1] операция»

К вечеру мы пришли в посёлок при станции Шпола. Я с частью радистов разместился в небольшой украинской хате. Здесь же, с нами, поселился и начальник связи полка гв. капитан Друзь.

Чуть отдохнув после небольшого марша, мы планировали поесть. Хозяйка хаты, молодая украинка, стала собираться в дорогу: тепло оделась сама и завернула грудного ребёнка, завязав в узелок необходимые для ухода за ним вещи. А мы этому удивились – не боится же она ночевать в одной хате с советскими солдатами.

Из рассказов жителей оккупированных фашистами селений мы знали, что, когда в доме размещались немецкие военные, все молодые женщины, взрослые и юные девушки чаще всего убегали прятаться в соседние деревни или в лес. Но ведь это от врага, убивающего и насилующего! Мы, прошедшие от Волги до Днепра, совместно с бойцами других фронтов избавившие от оккупантов более половины Украины, ещё такого не наблюдали, не знали ни одного случая, чтобы советский солдат обижал тех, кого он освободил, и чтобы нас боялись и от нас прятались.

Тогда мы эту женщину спросили, куда она убегает, не из-за того ли куда-то собралась, что ей кажется, будто её кто-то обидит. Она с грустной улыбкой ответила:

- У меня муж в Красной Армии, и я боюсь, что он вот-вот придёт меня навестить, а я уже опять замуж вышла, вот и ребёнок у меня уже родился. Боюсь с ним встретиться, пойду в соседнюю деревню, там у подруги поживу

[1] В военной литературе та операция, об участии в которой на территории Христиновского района Черкасской области пишет автор в этой главе, названа «Уманско-Ботошанской»; см. справку по адресу: http://www.pomnivoinu.ru/home/calendar/3/5/168/.

несколько дней. Вы уж, люди добрые, меня не осуждайте. Виновата я перед мужем, но сейчас уже ничего не поправишь.

И ушла.

Только мы поели, появился сержант, её муж, – надо такому случится, что дивизия, в которой он воевал, подошла и разместилась рядом с нашей, а, значит, и недалеко от его дома, дома, в котором он надеялся встретить свою жену. Вот, думаем, как вовремя ушла молодая хозяйка-то, а сами приглашаем сержанта (получается, хозяина этой хаты) к столу. О жене, оказывается, он уже знал, – рассказали родственники, живущие на окраине посёлка. Посидел он, немного отдохнул, поговорил и пошёл в свою часть, дальше воевать (командир отпустил его навестить родной посёлок только до утра).

На другой день приехал новый командир полка – гвардии подполковник Маркелов Иван Иванович. Командиры всех подразделений и начальники всех служб нашей части ходили к нему представляться.

На станции Шпола простояли мы недолго. Войска нашего 2-го Украинского фронта готовились к наступлению, и перед началом операции шла необходимая перегруппировка сил. Наша дивизия занимала исходные рубежи для наступления юго-западнее станции Звени́городка, на правом фланге и на главном направлении удара нашей, 5-й гвардейской Армии. Ещё правее нас, наносили главный удар воинские соединения 52-й Армии, 6-й танковой Армии.

217-й и 230-й гвардейские стрелковые полки выкопали и заняли окопы фронтом на юго-запад; здесь линия фронта, пересекая грейдер (дорогу, по-украински «шлях») на Ольховéц, проходила по окраине посёлка *ст.* Звенигородка, находившийся в руках врага, и далее – вела к городу Тальнóе. В нейтральной полосе находился Звенигородский сахарный завод.

Наш полк, получив пополнение в личном составе, до сих пор не получил оружия, поэтому активно действовать в наступлении не мог, а должен был двигаться во втором эшелоне дивизии. Подразделения полка расположились в большом посёлке при станции Звенигородка.

Начальника связи полка гв. капитана Друзя́ перевели в 230-й гв. стр. полк, а на его должность пришёл из этого, 230-го полка гв. капитан П. (фамилии его я не помню). Жалко было расставаться с капитаном Друзём, – мы к нему привыкли, ведь прошли вместе со Сталинграда (а в дивизии он был с первых дней её формирования), однако приказ есть приказ. Проводив капитана Друзя до штаба 230-го полка, оттуда пришёл с новым нач. связи, который оказался человеком с большими претензиями, потребовав для себя ординарца, и чтобы тот, непременно, был в должности помкомвзвода. В итоге, командир роты связи прикомандировал к нему в ординарцы помощника командира штабного взвода.

От солдат тех частей, от которых мы принимали боевой участок, мы узнали, что в нейтральной полосе, на сахарном заводе, много сахара, и наш хозяйственный старшина, Андрей Иванович Щербаков, сам лично, взяв с собой одного повозочного, пробрался туда ночью и привёз мешок сахара. Сахар он тут же раздал солдатам. Такие же опасные экспедиции за «сладкой жизнью» совершали и другие подразделения. Рассказывали, что и немцы, несмотря на хвалёную дисциплину, тоже, нет-нет, да лазили туда же.

Старшина одного из спецподразделений нашего полка (не помню, то ли из сапёрного, то ли из химвзвода) взял с собой в поход за сахаром, кроме солдата, ещё и хозяйку квартиры, в которой стоял взвод. Наверное, надеялся, что эта хозяйка будет ему хорошим проводником, и ему не придётся плутать по территории завода, – были случаи, что, не зная завода, солдаты ша́рились по нему в поисках сахара всю ночь, а днём оттуда уже не выбраться, т. ч. тем, кто остался там, приходилось дожидаться следующей ночи (чаще всего, прячась между мешками с сахаром). Хозяйка же надеялась запастись сахаром для себя.

Однако, когда они пришли туда, немцы по заводу дали несколько миномётных залпов, и осколком мины женщину ранило в ногу, поэтому старшине с солдатом пришлось тащить вместо сахара её на себе, вернувшись только к рассвету. После этого случая командование запретило подобные продовольственные стихийные вылазки.

В одном из домиков, на окраине посёлка, мои солдаты-радисты отыскали интересного человека. Это был старый монах. За свою долгую жизнь (которую он, почему-то, провёл вне монастыря) ему удалось собрать большую библиотеку, главным образом, философских и религиозных сочинений. Среди книг его библиотеки были написанные в жанре сказок сочинения графа Льва Николаевича Толстого, в своё время запрещённые царским правительством. Монах охотно дал почитать нам эти сказки, но, несмотря на жажду чтения, смысл, заложенный великим русским писателем, нам понять, признаюсь, не удалось.

Кроме того, монах этот дал нам несколько выбракованных им книг, для употребления в качестве бумаги для писания при тренировках в приёме по азбуке Морзе. Эта бумага нам очень пригодилась, т. к. таскать с собой железки и фанерки для письма было не очень удобно, но предстояло продолжать занятия и на марше.

Между тем, полки первого эшелона изготовились для наступления. Одной из рот 217-го гв. стр. полка командовал молодой гв. ст. лейтенант, мой земляк, барнау́лец Шкутин Анатолий Фёдорович.

Проверив, в который раз, готовность взводов к бою, отпустив отдыхать командиров взводов, сам он решил не ложиться спать, т. к. до начала артподготовки оставалось всего часа три. Немцы, не подозревая о готовящемся ударе, как обычно, постреливали из пулемётов (у них для ночной стрельбы специально выделялись пулемёты). Пули, в-основном, щёлкали, не долетая до бруствера наших траншей, но некоторые перелетали траншею, ударяясь позади её. Т. к. в траншее было очень сыро и душно, старший лейтенант вылез из траншеи, сев на её задний край, спустив ноги на чёрную, уже подсыхающую, землю. Не торопясь вытащив из кармана кисет и бумагу, оторвал на закурку, завернул папиросу. Уже хотел было прикурить спичкой, коробок с которыми держал глубоко в рукаве шинели, но подумал, что рисковать не стоит. Соскочил в траншею, там, низко пригнувшись, прикурил, после чего опять

вылез, сев на то же место. Так курил он, пряча папиросу в рукав, чтобы не никакого света видно не было. Но докурить ему в этот раз было не суждено, – шальная пуля, чиркнула по его голове, сорвав кожу. Рана пустяковая, однако врач немедленно направил его в медсанбат, не разрешив оставаться в строю.

Но вот 10 марта 1944 года, на рассвете, заиграла «Катюша». Как обычно, её залп был сигналом к началу артподготовки. Артиллеристы дёрнули за натянутые шнуры, а миномётчики отправили в полёт мины, которые были заготовлены в стволах, – тишина ночи сразу сменилась сплошным рёвом сотен орудий.

Изготовившимся к атаке передовым подразделениям при артиллерийской подготовке одинаково громко слышны и орудийные выстрелы, и разрывы, вырвавшихся из стволов этих орудий, снарядов; в сплошном гуле выстрелов пушек и гаубиц не слышно только более тихих хлопков миномётных выстрелов.

Нам же, находящимся позади артиллерийских позиций, слышны были только выстрелы, а вот разрывов снарядов за этими звуками мы уже не различали. При этом различить отдельные залпы, выстрелы было невозможно, всё сливалось в единое беспрерывное гудение. Вблизи же артиллерийских позиций, во время артподготовки, вообще, чувствуешь колебания воздуха всей площадью своего тела.

Но вот артподготовка закончилась, и полки пошли в атаку. За первые сутки 217-й и 230-й полки захватили первую траншею неприятеля, а на следующий день была прорвана вся немецкая оборона, освобождено большое село Ольховéц, служившее главным опорным пунктом в системе оборонительных позиций противника на этом участке фронта.

Вслед за полками первой линии тронулись обозы и второй эшелон. Двигались по шляху на Ольховец. В нейтральной полосе, где доро́гой не пользовались давно, она была сухой. Тылы первого эшелона и второй эшелон двигались беспрерывным потоком, но общей колонны войска не составляли,

ведь двигались (иногда – с разной скоростью) отдельные подразделения разных частей.

Шлях шёл на юго-запад по чуть наклонённой к северу равнине. Слева от дороги возвышалась на несколько метров высотка. Наш левый сосед ещё не прорвал оборону, поэтому слева от нас ещё находился противник. В момент, когда мы проходили мимо высотки, на неё медленно выдвинулась мощная немецкая самоходная артиллерийская установка «Фердинанд» и начала обстреливать тяжёлыми снарядами двигающиеся по шляху обозы и войска.

Первые снаряды разорвались с большим недолётом. Этот обстрел не вызвал никакого замешательства, все (как брички, так и пешие подразделения) только ускорили темп передвижения.

Тут, на наше счастье, нас догнала, почему-то отставшая до этого, гаубица 171-го гв. артполка. В кузове крытого брезентом «Студебеккера» сидел расчёт и лежали снаряды в ящиках. Сама гаубица катилась сзади, на прицепе.

В тот момент, когда «Фердинанд» дал свой первый залп, расчёт, ещё на ходу, спрыгнул на землю. Машина, сбавляя скорость до полной остановки, проехала так, что артиллеристы оказались напротив гаубицы, тут же отцепив и развернув её за несколько секунд дулом к фрицу. В это же время один из них уже заряжал снаряд. Автомобиль за эти секунды отъехал в сторону – гаубица послала «Фердинанду» своё первое предупреждение.

Немец, поняв, что он сам становится мишенью, начал разворачивать ствол в сторону обидчика (или обидчицы, раз это была гаубица). Начался поединок одетого в мощную броню «Фердинанда» и открыто стоящей гаубицы.

Ту же слаженность, которой поразили нас наши артиллеристы, моментально подготовив и сделав первый выстрел, они демонстрировали и далее, отвечая на один выстрел немца своими двумя (хотя заряжать гаубицу дольше). Разрывы наших снарядов ложились всё ближе, и вот уже кажется, что очередной разорвался прямо под гусеницей «Фердинанда», но нет, немец сдал назад, и оттого вышел недолёт – только осколки усыпали броню.

Немецкие нервы не выдержали – «Фердинанд» по-английски, не прощаясь больше ни одним выстрелом, ускоряясь, скрылся за высоткой. Расчёт же нашей гаубицы, сделав вдогонку последний выстрел, как бы говоря: «Надумаешь вернуться сюда, знай, домой, в Германию не вернёшься!», опять подцепили орудие к машине, как на отлаженных учениях, махом вскочили в кузов, продолжили свой путь.

А дорога становилась всё хуже и хуже. Перед самым селом и в селе грязь почти достигала колен солдат (описывать эту грязь я не буду – это мастерски делал Борис Полевой[1]). Около села́ и на его улицах стояли несколько подбитых немецких танков, а вдоль дороги остались две широкие глубокие, выдавленные ими, колеи. Густая грязь не успела их заполнить, поэтому наши пешие солдаты шли именно там.

Брички еле тащились, тянущие их лошади взмокли, и приходилось часто останавливаться, чтобы дать им отдохнуть. Время от времени солдатам приходилось вытаскивать то одну, то другую застрявшую в грязи бричку. Но вот кто-то из пово́зных сообразил, и появилась пара лошадей в постро́мках. Эту пару подпрягали к застрявшим бричкам, и движение быстро возобновлялось.

Чем ближе к селу приближаешься, тем чаще на дороге стоят, застрявшие в грязи, брошенные немцами автомобили всевозможных марок (всех стран Европы) с разнообразным грузом, одни из них были абсолютно целыми, другие сгорели. Подобное мы видели когда-то под Сталинградом. Вот, правее нас, стоит грузовик с обожжёнными скатами и кузовом, в котором лежат обгоревшие туши скота и остатки каких-то продуктов в ящиках. Вот, на другом грузовике, свалена чья-то мебель и прочий домашний скарб, как будто в мирное время люди переезжают на новую квартиру. Большую часть автомашин немцы поджечь не успели, и, опять-таки, скорость с которой им пришлось спасать свою шкуру напомнила нам их бегство в битве там же, под Сталинградом (ну, а с этого дня, подумал я, у нас будет ещё с чем сравнить).

[1] Б. Полевой был военным корреспондентом и написал немало рассказов о фронтовой жизни; можно обратиться к его дневниковым записям, составляющим двухтомник «Эти четыре года».

Когда мы вышли на равнину, юго-западнее села Ольховéц, в воздухе появилось больше десятка немецких бомбардировщиков. Они, не долетая до нас, перестроившись в свою привычную карусель, сбросили несколько бомб и, обстреляв из крупнокалиберных пулемётов что-то впереди нас, километрах в двух, улетели. Очевидно, подразделения полков первой линии настигли удиравших пеших немцев, и воздушные пираты штурмовали их, чтобы дать возможность удрать своим подельникам.

Часа через два подверглась бомбёжке и колонна нашего полка. Когда стало понятно, что самолёты противника идут на нас, раздалась команда «Воздух!», подразделения залегли вправо и влево от дороги, и начался «сабантуй». Мощные моторы бомбардировщиков, казалось, хотят оглушить нас, пролетая низко над землёй, широко расставив крылья и по-журавлиному вытянув кривые ноги шасси. Самолёты сбросили несколько фугасных бомб и несколько контейнеров гранат, которые раскрывались в полёте, рассыпая своё содержимое, как крестьяне в старину по весне разбрасывали зерно в пашню, но странное и страшное различие состояло в том, что эти нелюди разбрасывали вокруг себя смерть, боль и отвращение к себе.

Я лежал, уткнув лицо в сырую землю, стараясь втиснуться как можно глубже, но, всё-таки, как и все мои товарищи, против летящей с неба смерти был спасаем только солдатской удачей и, чуть-чуть, собственным опытом и хладнокровием. Впереди меня, в метре от моей головы, торчали подошвы радиста Кошкарёва, справа и слева лежали другие однополчане. Тут одна из гранат упала в моих ногах, вроде бы и неслышный на фоне рёва моторов, взрыв, и чуть выше моей нервно-напряжённой спины, свистя (это было уже намного ближе, потому слух различал) полетели осколки, стукаясь со всех сторон. Я не успел понять, попал ли какой-то осколок в меня или в кого-то из находящихся рядом со мной солдат, потому что в этот же момент затрещал крупнокалиберный пулемёт немецкого самолёта, выпуская пули танцевать свой дьявольский смертельный танец; характерное чоканье сообщало, что противник

использует разрывные пули, а значит, раны от этих пуль будут очень тяжёлыми.

Чуть повернув голову, я заметил, как проскакали и скрылись два всадника, ну а воздушная атака продолжалась почти час (нам, лежащим на земле, показалось, что прошло часов пять). Когда самолёты улетели, стали подсчитывать потери, по нашему полку оказалось двое убитых и десять раненых. Также были убиты несколько лошадей, среди которых две или три – наших (так как к этому моменту обоз нашего полка отстал, и под бомбёжку не попал, пострадали лошади, на которых до обстрела ехали верхом).

[Далее – тетрадь 41.]

Так, командир роты связи гв. капитан Чебоненко при появлении бомбардировщиков мог спрыгнуть с коня, чтобы спастись самому, но он решил уберечь и животное, попытавшись ускакать от падающих бомб. Когда же немецкие лётчики начали обстрел из пулемётов, он, понимая, шансов выжить становится всё меньше, на всём скаку влетел с конём в большую воронку от бомбы, уже там слез с коня.

Уже вечером, когда полк расположился на ночёвку, радист Кошкарёв обнаружил, что шинель у него в нескольких местах пробита мелкими осколками, а в санроте у него из спины вытащили несколько мелких гранатных осколков.

В деревне, в которой мы остановились на ночлег, местные жители нам рассказали, как немцы отступают пешие. Непривычные к ходьбе, к тому же большинство из них плоскостóпые, они добирались до очередной стоянки еле живые, некоторые дальше совсем не могли идти; чтобы продолжать своё бесславное бегство, они забирали всё, на чём только можно передвигаться – не только лошадей, но даже и коров. Тогда мирные жители стали прятать свою скотину.

Вместе с немцами отступала команда латышей, мобилизованных на земляные работы, так те шли легко и потешались над «сверхчеловеками»,

говоря, что такие пешие «прогулки» перебьют немецкую армию быстрее русского оружия; немецкие солдаты терпели этот чёрный латышский юмор (или не понимали, о чём так нагло шутят на чужом языке их временные «союзники»), в ответ жалко улыбаясь. Куда только их нахальство девалось?! Не зря в русском языке есть пословица: «Молодец против овец, а против молодца сам, как овца».

В последующие дни передовые подразделения 217-го и 230-го гв. стр. полков почти без задержек продвигались вперёд, иногда настигая отступающего противника, тогда немецкое командование, не имея на земле никаких шансов, пускало в ход авиацию (как в последнем случае с нашей колонной), пытаясь задержать наши преследующие части. Так, почти каждый день на марше подвергался бомбёжкам и авиаобстрелу наш полк, и можно сказать, что, в какой-то мере, мы уже начали к этому привыкать (если, конечно, можно когда-то привыкнуть к подобному), – полк при очередном авианалёте привычно залегал, в результате потери были очень незначительные (как правило, два–три раненых).

Только у города Тально́е [укр. – Тальне́], опираясь на оборону вдоль реки Горный Тикич, немцам удалось на непродолжительное время приостановить продвижение наших частей. В нескольких километрах северо-восточнее Тально́ва, в болотистой ложбине, широко разбросало свои хаты село Соколовка [Соколо́вочка]. На его северо-восточной окраине расположился штаб нашей дивизии, а на противоположной, юго-западной, – штаб нашего полка.

Днём до десятка вражеских самолётов пробомби́ли участок вокруг штаба дивизии; наступил вечер, я сидел за столом в небольшой украинской хате, а рядом со мной сидел старшина роты, составляя строевую записку. По другую сторону стола стояли командир роты гв. капитан Чебоненко и командир штабного взвода гв. лейтенант Переверзев.

Изредка звенели стёкла о́кон, и содрогались стены постройки от недалёких разрывов тяжёлых снарядов (иногда, когда они пролетали над нами,

был слышен их шелест), – юго-западная часть села методически обстреливалась немцами из бронепоезда.

Вдруг стены хаты заходили ходуном, как при сильном землетрясении, оконное стекло разлетелось мелкими осколками, раздался оглушительный взрыв, – мы моментально попадали на пол, но другого взрыва не последовало. Оказалось, метрах в пяти от хаты взорвался тяжёлый снаряд, пять солидных его осколков, пробив окно и пролетев через помещение, впились в противоположную стену. Наружная стена тоже была иссечена осколками. Солдатская удача была в этот вечер с нами, – даже офицеры, стоявшие у окна и успевшие броситься на пол, уже через несколько секунд встали и только отряхнулись, как ни в чём не бывало.

На следующий день гвардейцы прорвали оборону противника, освободили город Тально́е и стремительно продвинулись вперёд, поставив этим под угрозу окружения группировку механизированных войск немцев в районе города Умань, в т. ч. – танковую дивизию СС «Адольф Гитлер».

Испугавшись возможного окружения, немецкие войска панически побежали из Умани, прославленные вояки из дивизии СС «Адольф Гитлер», очевидно, удирали первыми, бросив на станции Умань не разгруженными и неповреждёнными десятки новых танков с инициалами своего фюрера на борту. Трофеи в Умани были богатыми, но пошли они не на счёт нашей дивизии, а правым нашим соседям. Нашей же дивизии за освобождение города, позже, было присвоено звание «Уманская».

Вечером следующего дня мы слушали приказ Верховного Главнокомандующего с благодарностью войскам под командованием гвардии полковника Яковлева (нашего комдива).

Мы вступили в Тально́е (которое тогда было ещё не городом, а, хоть и крупным, но селом) вечером, в темноте, по железнодорожному мосту, по которому двигались и брички обоза. Этот мост немцы взорвать не успели, настолько стремительным было наступление гвардейцев-сталинградцев.

Наш хозяйственный старшина в первый же час пребывания в Тальнóм разузнал, что на сахарном заводе (таких предприятий в регионе было много, т. к. здесь выращивали, а значит, и перерабатывали свеклу в сахар) имеются запасы сахара, которые охраняются комендантским взводом нашего же полка. Взяв с собой двух солдат, старшина притащил полный мешок сахарного песка.

В этот время, командир роты вызвал всех командиров взводов и объявил, что далее, вследствие ухудшения дорог и задержки обоза, всё боевое имущество предстоит нести на себе: радисты понесут на себе радиостанции, связисты – кабель и аппараты, кроме того каждому необходимо прихватить хотя бы по паре гранат (так как винтовок у нас не было). Персонально распределил, кто и что несёт, только девушек-телефонисток комроты освободил от обязанности по переноске (понятно, что они несли в своём вещмешке личные вещи).

Из-за такой нагрузки от сахара пришлось отказаться, лишь девушки взяли по несколько килограммов, но потом и эту часть выбросили, чтобы облегчить свои девичьи плечи.

По причине распутицы усложнялось дело с обеспечением солдат продуктами. В целях недопущения вынужденного мародёрства комполка приказал командирам подразделений обеспечить организованное питание.

При входе на отдых в село штаб распределял хаты по подразделениям, а командиры этих подразделений в момент расселения просили хозяев, если у тех есть такая возможность, накормить картошкой или кукурузой стоящих на постое солдат. Не слышал случаев, чтобы хоть один из них (хозяин или хозяйка) отказали бы выполнить такую просьбу.

В это время, как никогда, была актуальна пословица «Как полопаешь – так и потопаешь». Организованное в таких условиях питание было заслугой службы тыла, во главе которой стоял помощник командира полка гв. капитан Старцев (гв. майор Коркин в это время выбыл из полка на учёбу). Отобранные у местных жителей немцами и оставленные ими при спешном отступлении,

продукты брались на учёт, производился помол зерна, затем мука раздавалась подразделениям, старшины организовывали выпечку хлеба или обменивали муку на хлеб. Обед солдат, иногда дополняемый картошкой и выпеченным хлебом, был вполне сытным и вкусным, а, скорее всего, ещё и практически ежедневные 30– 40-километровые марши по грязи делали пищу необыкновенно аппетитной.

Таким образом, почти безостановочно продвигаясь вперёд, гвардейцы приближались к Южному Бугу, реке, которая была естественной границей «Великой Румынии» (как называлось государство в период правления И. Антонéску).

Находящиеся на этом участке фронта, деморализованные остатки частей и соединений немецкой армии и их союзников-сателлитов неорганизованными толпами отходили на северо-запад.

Подходя к Южному Бугу, через который уже был наведён хороший мост, мы увидели, как впереди нас, над переправой, выныривая из лёгкой облачности, своей зловещей каруселью кружат немецкие бомбардировщики. Но, когда мы подошли к мосту, было тихо, не заметно никаких следов бомбёжки.

Похолодало, дождь перешёл в снег, мокрые хлопья которого быстро налепились на солдатские каски, шапки, вещмешки, но полк бодро шёл вперёд.

В первых же прибу́жских украинских деревнях жители рассказали нам, как они жили под управлением румынских фашистов. В каждое селение румыны назначали, прежде всего, попа и «примаря́»[1]-старосту.

Румынские попы ведут службу, как и русские, на церковно-славянском языке и все великолепно говорят по-русски. Присланный новыми властями поп, по прибытии разом крестил всё население, собранное (или согнанное) в церковь, всех женатых и замужних венчал, а всех похороненных отпевал, независимо от того, крещёны или нет умершие. При этом, рассказывали

[1] Primar, рум. – в Румынии – возглавляющий административную единицу / город, район, село.

украинцы, эти румынские попы особо не следили, чтобы все являлись на крестины или на венчание, за что им местные жители были благодарны. Но зато такие присланные церковнослужители очень рьяно контролировали, чтобы за каждого, хотел он или не хотел, был он в храме или нет, заплатил за обряд (крещения, венчания; за отпевание родственников тоже платил каждый близкий родственник, не зависимо, заказывал он это или нет). Окрещён (или перекрещён) был каждый, начиная с грудных младенцев и заканчивая седыми стариками.

Школы в сёлах тоже были румынизи́рованы. В одном из сёл мне в руки попался учебник географии на русском языке, изданный в Румынии. В этой книге я обратил внимание, что нигде не встречается слово Румыния, везде – только «Великая Румыния». Это величие глядело с каждой страницы; к примеру, одна из диаграмм показывала большим квадратом саму «Великую Румынию», а маленьким – Бельгию, Голландию, Швейцарию, с надписью, во сколько раз крупнее «Великая ...», вот Люксембург она превосходит в 20 раз! Кто ж после такого усомниться в величии?!

Румынская администрация доказывала величие своей страны и своё собственное, главным образом, кулаком и, преимущественно, – в зубы. Так, если районный управляющий вызывал к себе сельского примаря, то, первым делом, тыкал тому несколько раз в зубы, а уж потом снисходил до «беседы», да и во время «милого» разговора ещё несколько раз подтверждал свои указания или указы короля Михея [в годы войны, скорее – номинального, чем реального, в отличие от Антонеску, правителя Румынии] аргументами зуботычин. Ну, а прима́рь, живя среди украинцев, хоть и реже, но всё ж тоже прибегал к такой же аргументации. При этом они все боялись партизан, не веря в то, что Великая Румыния (или Германия) сумеет защитить их от партизанского возмездия.

При приближении Советской (во время войны в официальных бумагах она по-прежнему именовалась Красной) Армии эти кулачные администраторы «великой» Румынии смывались первыми, а попы почти всегда оставались,

причём объяснялось это не любовью к возвращающейся власти, а стремлением сохранить нажитое за это время имущество и тот доход, которые приносил приход (хотя, безусловно, были среди них и искренне религиозные люди, несущие «опиум для народа»[1], под которым можно понимать религию, как избавление от страданий). При этом, попы охотно беседовали с советскими офицерами, отвечали на все вопросы, в первую очередь – военного характера (о количестве немецких или румынских войск, стоявших в селе, и их вооружении и пр.).

Румынские солдаты убегали с Украины вперёд своих хозяев-союзников немцев, рядом вприпрыжку бежали и румынские администраторы, после чего о недавнем присутствии этой власти выдавало только отсутствие 1–2 зубов у местных колхозников.

Между тем, полки первой линии настолько стремительно продвинулись вперёд, что уже опасно удалились от неуспевающих за ними тыловых служб, а из-за удалённости затруднялась, не успевающая отлаживаться, связь между подразделениями. Правые соседи ещё чуть опережали нас, а слева – наоборот, значительно отставали, т. ч. с запада наш фронт был открыт.

В нашем полку вооружён был только 1-й батальон, и тот – не полностью. Командир дивизии приказал для обороны небольшого моста, связывающего штаб дивизии с передовыми полками, развернуть этот батальон под командованием гв. капитана Н. (фамилии не помню).

Этот капитан до этого в боях ещё не участвовал. Расположив в оборону свой батальон, сам выбрал себе командный пункт в отрыве от рот. В результате, когда ночью по мосту двинулась отставшая (или пришедшая с нашего левого фланга) колонна отступающих войск противника (в несколько тысяч человек), плохо вооружённый малочисленный батальон был смят превосходящим, в

[1] Известное выражение, авторство которого в то время связывали исключительно с именем К. Маркса, интерпретируя смысл как «дурман, нереальность», но у более раннего сравнения Ж.-Ж. Руссо всё гораздо глубже и полнее – см. https://fr.wikisource.org/wiki/Page:%C5%92uvres_compl%C3%A8tes_de_Jean-Jacques_Rousseau_-_II.djvu/354.

первую очередь, численным составом, немцев, которые для спасения своей жизни, во что бы то ни стало, рвались на запад.

В результате смятые роты 1-го стрелкового батальона присоединились к передовым полкам нашей дивизии, а отрезанный от них комбат явился к командиру дивизии гв. полковнику Яковлеву, доложив, что подчинённый ему батальон уничтожен и лишь один он остался в живых. Комдив был взбешён и объявил о разжаловании этого командира батальона в командиры отделения, лично отвёл того в оборону, указав на окоп, где нужно находится, и дал в подчинение двух солдат.

В эту же ночь перед штабом дивизии немцы высадили десант с несколькими самоходными артиллерийскими установками, отрезав его, таким образом, от наступающих полков. Как я раньше сообщал, в нашем полку (за исключением первого батальона, перешедшего под напором врага в 1-ю линию атаки) вооружённых солдат всё ещё не было. В оборону штаба дивизии поставили сапёрный батальон, часть солдат дивизионной роты связи, комендантскую роту, подкрепив их несколькими установками СУ-76 противотанкового истребительного дивизиона.

Утром командный пункт дивизии должен был перемещаться вперёд, чтобы не отстать от 2-го и 3-го стрелковых батальонов, идущих в 1-й линии атаки. На новое место уже была подведена связь, телефонистка штабного взвода отдельной 112-й гв. роты связи Люба Долгова (ветеран дивизии) была готова приступить к дежурству. На рассвете она, взяв свой телефонный аппарат, пошла по «нитке» и, напоровшись на немецких десантников, была убита наповал первой же очередью.

У вражеских парашютистов так сдали нервы в ожидании советских солдат, что они, демаскировав себя, открыли автоматный огонь по беззащитной девушке, одиноко идущей с телефонным аппаратом на плече!

Так погибла славная дочь Алтая, Люба Долгова, с 1941 года, плечом к плечу, с мужчинами защищавшая и освобождавшая свою Родину от

фашистских захватчиков. Через несколько дней, когда в этих местах уже затихли бои, колхозники нашли тело гвардейской связистки и заботливо похоронили, а документы выслали её матери, в Алтайский край.

Сразу же после этого случая с немецким десантом, не успел наш полк выйти из села, нас, наконец-то догнал обоз с винтовками для вооружения личного состава. В своё время, с этим обозом за винтовками был отправлен на бричке один повозочный с нашей роты связи. У него в бричку была запряжена серая кобыла, прошедшая с дивизией за два с лишним года весь путь из Сибири, через Подмосковье, Сталинград, Тульскую и Воронежскую области, Полтавщину. Прибывшая в полк из Алейска (ещё при формировании дивизии), она пережила и бескормицу (питаясь и хвоей смоленских лесов, и соломенными трофейными немецкими лаптями), и многочисленные бомбёжки (а ведь после них, обычно, ни одной целой лошади не оставалось). Никто её не учил, однако во время бомбёжки, при первых звуках взрывов, когда повозочные соскакивали с брички и прыгали в кювет, она тоже, по-своему, по-лошадиному залегала.

Когда обоз с оружием догонял полк, и лошади шли узкой просекой, с трудом тянули тяжёлые брички по густой лесной грязи, налетели бомбардировщики противника, сбросив несколько [далее – тетрадь 42] бомб, начали обстреливать из пулемётов, летая вдоль просеки. Если бы этот налёт произошёл на открытой местности, то, можно с уверенностью предположить, ни одна бы лошадь не уцелела, однако в лесу потери были не столь велики – чуть меньше лошадей было убито и покалечено.

Была убита лошадь, запряжённая в бричке роты связи в паре с серой кобылой, но та, как и прежде, легла при первых взрывах (а может, и с приближением гула самолётных моторов) и вновь осталась цела. С трудом пожилой повозочный Сухнин доставил бричку с оружием на одной лошади. Старшина роты Щербаков, услышав эту историю, ласково потрепал кобылу по голове, высказав недоумение, почему лошадям не выдают наград.

В селе, где штаб дивизии задержался на несколько дней, была сооружена хорошая баня, под которую приспособили большой деревянный дом. Достаточно широкая раздевалка была разъединена филенчатой дверью с просторным «моечным отделением». Нагревалась баня двумя большими железными печами. Мылись из жестяных тазиков на деревянных крашенных скамьях.

Вот прийдя в эту баню помыться, в раздевалке я застал несколько незнакомых мне офицеров. В разговоре выяснилось, что они из офицерского резерва дивизии. Увидели баню и тоже решили помыться, зашли в штаб, попросили разрешение и вот – здесь. Пошли в мойку. Баня им очень понравилась, с начала войны, говорят, не мылись так – с таким удобством, не торопясь, с наслаждением, тёрли друг другу спины.

Я уже закончил мыться и пошёл одеваться, как в баню влетел ПНШ-1 полка гв. ст. лейтенант Рябчиков С. Он моментально разделся, проскочил в мойку, вдруг слышу оттуда крик – этот старший лейтенант гонит остальных офицеров из бани, хотя помешать они ему не могли, ведь помещение было настолько просторное, что там могли прекрасно поместиться ещё человек 10.

Я приоткрыл дверь и увидел, как он, размахивая тазиком, выгоняет остальных из мойки; те поспешно окатившись, выходят в раздевалку, а Рябчиков кричит вдогонку:

- Вы кто такие?! А я оденусь, старшим лейтенантом буду!

Офицеры, расстроенные скандалом, торопливо одевались, а один из них спросил меня: «Кто он такой?», я ответил, что он ПНШ-1 полка. Тогда тот офицер сказал:

- Поздно он сказал, что у него погоны старшего лейтенанта, я ведь подумал, что он, по крайней мере, если не подполковник, то майор. Раньше бы узнал его звание, ни за что не ушёл бы из мойки, а если он начал выступать – то просто съездил бы ему пару раз в ухо!

Я на это заметил:

- Съездить в ухо он не хуже Вас может, несмотря на то, что щуплый, но, на самом деле, вполне ловкий и сильный. А вот ушли из мойки, конечно, зря, он и при вашем присутствии вымылся бы ничуть не хуже.

Буквально на следующий день наступление возобновилось с прежней скоростью. Передовые полки дивизии (217-й и 230-й) продолжили продвижение, наш полк отставал от них километров на десять. 1-м стрелковым батальоном теперь командовал гв. капитан Глазырин Дмитрий Фёдорович, который попал в наше дивизию ещё под Сталинградом и до этого был начхи́м [начальник химической службы] полка.

Весна никак не могла решиться, куда ей повернуть: на лето или ещё чуть подружить с уходящей зимой. Снег в этих местах уже давно растаял, но тёплые дни и часы чередовались с прохладными. Вот и очередной день, было порадовавший ярким солнцем с утра, захму́рился и охладел.

Тут и у меня перемены не в лучшую сторону – лопнул брючный ремень. Послужил мне он, выделанный из хорошей кожи, изрядно, захватил я его ещё из дому. За все фронтовые годы я несколько раз сдавал его в дезока́меры [камеры дезинфекции], и возвращался он ко мне целёхонек. Но вот, перед очередным наступлением, в Звени́городке, когда мы мылись в походной палаточной бане, ремень, сданный вместе с брюками в дезокамеру, вернулся с огрубевшей кожей, съёжившимся, а потому – коротковатым для моего, не самого богатырского объёма. Сегодня же, на марше, он окончательно демобилизовался – лопнул. Идти стало неудобно – то одной, то другой рукой приходилось поддерживать спадающие брюки.

Решил связать лопнувший ремень телефонным кабелем. Пошёл в обоз, нашёл повозку с кабелем и попросил повозочного отрубить кусочек. Тот попросил у проходящего солдата карабин, положил себе на колени, и отрубив прицельной рамкой кусок стального кабеля, подал мне. Я выдернул из изоляции стальные жилы и на ходу кое-как связал лопнувший ремень, скрутив концы кабеля. Идти стало легче, т. к. уже не нужно было поддерживать брюки

руками, хотя острые концы кабеля иногда кололи в живот. Я повеселел и ускорил шаг, чтобы догнать радиостанции, двигающиеся в голове колонны.

Вдруг тишину разорвал резкий взрыв небольшого снаряда, за ним – второй. Разорвались эти снаряды слева от дороги, где из-за обратного ската выползали два немецких танка. Недолёт был солидный, но следующие выстрелы, после корректировки, ударят по обозу. Повозочные ударили по лошадям, свернув вправо, и повозки, собирая кочки и рытвины, покатились вниз, по склону. На дороге нас осталось несколько человек без оружия.

Свернув вправо и отбежав метров пять, мы залегли, что оказалось своевременным, – снаряды, хоть и с большим разбросом, стали рваться около дороги. Я по отработанной привычке с каждым взрывом вжимался в землю, но при этом концы кабеля впивались в живот. И смех, и горе. В правой руке держу пистолет, левым глазом смотрю в сторону танков, не покажется ли и пехота противника, а левой рукой стараюсь направить острый кабель куда-нибудь в сторону.

Но вот, танки, дав ещё несколько выстрелов, попятились и скрылись. Повозки вернулись на дорогу, но за это время колонна оторвалась от нас ещё сильнее, я же так и остался здесь, с обозом.

Стало темно, большими хлопьями повалил мокрый снег, видимость менее 5 метров. Куда двигаться – представления не имею. Но вот из темноты вынырнул всадник на белой лошади, оказалось, новый помощник командира полка по МТО (материально-техническому обеспечению) гв. капитан Старцев. Он рассказал, что впереди нас большое село, в которое зашла отступающая группа немцев с двумя танками, перед этим наскочившая на нашу колонну.

Полк сосредотачивается в лесу, в двух километрах от села, где-то столько же – и от места, где он нас перехватил. Договорились, что мы пристроимся за ним и так, не отставая, доберёмся до полка. Капитан тронул вперёд по неторной просёлочной дороге, а мы, двигаясь за ним, радовались, что его лошадь оказалась такого яркого (для спустившейся во время снегопада темноты)

окраса. Шагая сбоку от первой повозки, иногда ясно, иногда смутно, но всё-таки видел белую лошадь капитана, служившую нам ориентиром.

Вот идём полчаса, идём час, два километра уже давно остались под ногами, а леса всё нет. Наконец, и капитану показалось это сомнительным, он остановил лошадь, спешился, прошёл чуть вперёд, потом подозвал меня и говорит:

- Впереди нас никого не было, а теперь ясно видно, что недавно прошёл большой обоз.

Я нагнулся к земле, и, действительно, там остались и колея от колёс, и следы копыт и ног, ещё не закрытые снегом.

В этот момент капитана осенило: «Так это мы по своим следам ходим, кругом! Как же я так мог закружиться?! Ну, теперь-то я не собьюсь». И он пошёл вперёд, ведя на поводу лошадь, обоз тронулся за ним. Через полчаса мы были в лесу.

Ввиду близости противника костров разводить не разрешили. Снег вскоре перестал идти, а я за это время отыскал радиостанции; радисты доложили, что связь с дивизией устойчивая.

Дивизионная радиостанция была слышна громко, но работала очень редко и, кроме коротких позывных, ничего не сообщала. Позже я узнал, что, когда на восточную окраину села вышли немцы, на западной стороне развёртывался командный пункт комдива. В одной из хат расположился командир дивизии генерал-майор Яковлев и начальник штаба дивизии полковник Камышников. При генерале была радиостанция. Начальник этой радиостанции, широкоплечий гв. старшина Арчибасов и радист сержант Фроленков, развернув аппарат и проверив связь, дежурили на приёме.

Вошедший в хату генерал-майор спросил:

- Радисты, а у вас есть винтовки?

- Никак нет, товарищ генерал. Были карабины, да их ещё в прошлом году старшина роты забрал, – ответил Арчибасов.

- Как же вы от немцев отбиваться будете? – они рядом, уже в село вошли?

- А мы кулаками отобьёмся, товарищ генерал, – невозмутимо парировал Арчибасов.

- Кулаками? А ты когда-нибудь дрался, кулаками-то? – поинтересовался генерал.

- Дрался, товарищ генерал, – всё так же спокойно отвечает старшина.

- А с кем же? – продолжал выяснять генерал.

- Да вот с Фроленковым, – показал Арчибасов на маленького, тщедушного сержанта.

Генералу, очевидно, показалось забавным, как этот громила дерётся на кулачках с соперником, который чуть не вполовину ниже его ростом; он предложил показать, как проходит такой поединок, для чего начал освобождать пространство, отдвигая к стене стол.

Вошедший в этот момент начштаба встревоженным голосом спросил:

- Товарищ генерал, а нельзя ли прерваться?

- Ну, ладно, радисты, отставить показательную драку между собой. А вот к встрече немцев, всё-таки приготовьтесь.

Тут в полк поступил приказ выбить противника из села; задачу эту возложили на 1-й стрелковый батальон гв. капитана Глазырина. Главное, на что рассчитывал в этой операции комбат, это страх деморализованных отступающих немцев перед нашей армией, а более ему рассчитывать было не на что, ведь по численности людей и по оружию явное превосходство было у противника.

Уже через час, глубокой ночью, батальон был готов к выполнению задачи. Тихо подобравшись к восточной окраине села, где в хатах спали немцы, а на улице, на обочине, стояли два танка, наши батальоны с криком «Ура!» бросились в село. Танки сразу же (скорее всего, танкисты спали внутри) двинулись из села, немецкая пехота кинулась со всех ног за танками. Возникшая в первые минуты редкая перестрелка быстро заглохла.

Несколько десятков солдат противника было взято в плен; часть из них проспали и не успели удрать вместе с остальными, другая часть, разочарованная такой войной, пожелала сохранить свою жизнь и даже не пыталась скрыться, а, бросив оружие, с поднятыми вверх руками ожидали ворвавшихся в село гвардейцев.

Так село было очищено от немцев, и комдив мог спокойно руководить дальнейшими действиями с приготовленного КП.

Я до этого никогда не был в южных районах Советского Союза, в т. ч. никогда не видел, как растёт виноград. Командир роты гв. капитан Чебоненко смеялся над моим неведеньем и обещал вскоре показать виноградную плантацию. И вот, колонна полка, следуя на юго-запад, спускалась с горы в широкую долину (это было между Южным Бугом и Днестром, в Винницкой области).

На противоположном склоне, в долине, среди пустынных в это время года полей, выделялись квадраты небольших участков, в шахматном порядке усаженных какими-то кустарниками. Капитан окликнул меня: «Плотников, смотри, вон виноградники!», – а когда уже проходили садами, он называл, как мне казалось, совершенно одинаковые голые деревья, то вишней, то черешней, то абрикосом. Видно было, что он с волнением, после долгого отсутствия, вглядывается в знакомые для него фруктовые посадки.

Наш полк продолжал движение во втором эшелоне дивизии, а вечером получил приказ выйти в район села Крутéньки, чтобы прикрыть фланг наступающих полков. Для этого надо было передвинуться вправо по фронту.

Командир полка наметил по карте кратчайший маршрут движения, и ночью полк тронулся к месту, для выполнения задачи. Штаб полка следовал сразу за разведчиками, а затем шла рота автоматчиков, далее- обозы спецподразделений.

Разведчики были впереди нас метров на тридцать, передвигались тихо, но особых мер для отражения возможного нападения противника не

предпринималось; путь лежал по низкой долине, местами заросшей отдельными кучками кустов, между которыми стояли несколько стогов прошлогоднего сена.

Вдруг неожиданно перед нами взлетела осветительная ракета и, повиснув на парашюте, начала медленно снижаться. Наши тени в ярком свете этой ракеты чётко выделялись на прошлогодней траве. Было необычно и странно наблюдать, как эти наши тени быстро растут в длину по мере опускания ракеты. Не желая в этих своих наблюдениях напороться на новые неприятные неожиданности, мы залегли. Не успела ракета полностью, с лёгким хлопком выстрела, погаснуть, как вверх взмыла следующая, и она, описав плавную, будто ленивую, дугу, зависла между небом и землёй.

С ночной тишиной покончила громкая очередь пулемёта, разрывные пули зачóкали вокруг нас. Комполка, шедший, а потому – и залёгший впереди меня, вскочил и перебежал за куст, где, поглядев на карту в своём планшете, отдал какую-то команду. Этот приказ быстро пробежал по цепочке, от одного солдата к другому: «Отходить назад, к дороге».

Под аккомпанемент пулемётных очередей мы, перебежками, от куста к кусту, отошли метров на двести к дороге, а затем пошли дальше уже по ней. Ясно было, что мы идём в обход.

Поднялись в гору, на рассвете прошли большое село, свернули на торную дорогу, вившуюся по холмистой местности, на которой поля перемежались берёзовыми рощами (может, какими-то другими лиственными; но мне, как сибиряку, во всех далёких деревьях виделись берёзы).

Вот с тыла, справа от нас, раздался быстро нарастающий гул мощных моторов, низко в небе показались тяжёлые, с округлыми формами, незнакомые нам самолёты. Мы, на всякий случай, бросились с дороги, чтобы укрыться, в берёзовую рощу. Но самолёты, не долетев до нас, сделали круг над какой-то поляной, и у них из брюха что-то выпало и, повиснув на парашюте, стало медленно снижаться. Сначала мы подумали, что это немецкие транспортные

самолёты, опять сбрасывают у нас в тылу десант. Но скоро разглядели на крыльях красные звёзды, а под парашютами – не люди, а какой-то груз. Тогда до нас дошло, что это горючее и снаряды для наших танковых частей, действовавших правее.

Разобравшись с ситуацией, мы вновь построились в колонну и пошли дальше, а транспортные самолёты, сделав ещё пару кругов над местом сброса (скорее всего, проконтролировав приземление доставленного груза или занося в карты уточнённые координаты), повернули на северо-восток и так же низко, над самым лесом, улетели прочь.

Но, очевидно, место сброса груза засекли и немцы, потому что минут через десять мы услышали с северо-запада гул моторов, но теперь уже – гул неприятно знакомый, от которого взнывáло сердце и становилось тоскливо. Показалась девятка «Юнкерсов», несущихся прямо на нас. Звучит команда «Воздух! Укрыться в лесу», колонна, рассыпается, поворачивая налево, укрывается в лесочке, почти вплотную подходившем к дороге.

Оказалось, немецкие самолёты имели другую цель, – промчавшись у нас над головами, они направились к тому месту, где до этого сбрасывали груз наши транспортные самолёты. [Далее – тетрадь 43.] Затем последовала их привычная карусель: сбрасывание бомб (мы к этому времени уже ушли вперёд, и самолёты скрылись из нашего вида) и многократные заходы на работу крупнокалиберными пулемётами (их характерное фырканье ещё долго доносилось до нас).

Как позже мы узнали, ещё до подлёта немецких бомбардировщиков, весь груз был убран нашими танкистами, но для дезориентации противника оставлены пустые парашюты, которые и бомбили, и расстреливали всё это время лётчики вражеских самолётов.

По мере нашего продвижения местность становилась всё более изрезанной балками, а берега болот всё более высокие, и всё менее пологие. И вот – село Крутеньки. Расположено оно на крутом каменистом склоне;

маленькие хатки с плоскими крышами расположились одна над другой, огороженные низкими каменными оградами, узкие улочки либо резко забирались вверх, либо извилисто шли вдоль склона (при этом забор на одной стороне был выше улицы, другой – ниже её).

Я с несколькими солдатами зашёл ночевать в бедную молдавскую хату. Нас сразу поразило количество ребятишек; как только они помещались в этом тесном помещении?! Хозяин принял нас радушно, но извинился, что угощать нечем, имеется только одна мамалыга (а сухая мамалыга в горло не идёт, надо либо молока, хоть немного, либо вина, но ни того, ни другого у него нет).

Чуть позже, хозяин осмелел и сказал:

- Вот если бы солдаты пошли и принесли вина из богатой усадьбы сбежавшего в Румынию примаря! Вино у него всё равно награбленное.

Один из солдат взял у хозяйки ведро и в сопровождении хозяйского мальчугана пошёл за вином; хозяйка же тем временем растопила печь, поставив на плиту большой эмалированный таз, в который налила воды и насыпала кукурузную муку.

Скоро мамалыга была готова. Хозяйка перевернула таз, вытряхнув содержимое прямо на стол, отчего по дому распространился приятный аппетитный запах. Суровой ниткой женщина разрезала мамалыгу на куски, затем покрошила в миску и залила, принесённым к этому моменту, вином. Разложив вокруг миски деревянные ложки, пригласила нас к столу. Интересно, что за стол сели не только хозяин и солдаты, но и ребятишки (только хозяйка осталась на ногах).

Мы с удовольствием кушали мамалыгу с вином, и то, и другое все мы пробовали впервые, но всё-таки больше нас удивляло, что мамалыгу с вином едят даже маленькие дети хозяев. Хозяин рассказал нам, что такое блюдо (именно с вином) они едят раза два в год, а вот с молоком (главным образом, – с кислым) – один раз в день, остальные же разы – сухую мамалыгу.

- В тех семьях, – добавил он, – у которых есть виноградники, дети едят мамалыгу с вином постоянно, от этого вина никогда не опьянеешь.

Может быть, он рассказывал о другом вине или речь шла о других пропорциях, но мы, даже немного похлебав предложенное угощение, всё-таки немного охмелели. Назавтра, при обсуждении друг с другом этой темы, у нас нашлись два предположения: либо мы ещё не привыкли к этому вину, либо местные жители называют опьянением действие куда более значительного объёма выпитого, а то, что употребили мы вчера, и во внимание не принимают.

Чуть позже принесли солдатский обед, и на этот раз уже мы пригласили всё многочисленную молдавскую семью за стол (на этот раз солдаты настояли, усадили и хозяйку). Хозяйские дети, хоть и наелись совсем недавно мамалыги с вином, с жадностью набросились на солдатскую кашу с мясом; было видно, что мясо они не видят месяцами, если не годами.

Глядя, как за одним столом сидели почти нагие молдавские ребятишки и, весело переговариваясь, хлебали из одной чашки с советскими солдатами, я подумал, что слова о силе нашей армии в единении с народом – это истинная правда; фраза эта может показаться каким-то идеологическим лозунгом лишь тому, кто никогда не оказывался в нашей ситуации, не получал из тыла подарочки, отправленные детьми и женщинами незнакомому им советскому солдату, не встречал своего освободителя или не был встречаем как освободитель. При этом, мы с однополчанами замечали, что, чем беднее хата, в которой приходилось останавливаться, тем радушнее встречают тебя хозяева, от всей души разделяя с солдатами свою простою, скромную пищу (чаще всего – картошку, а в этой местности, вот, мамалыгу).

Хлеб за ужином мы есть не стали, потому что хозяйка отказалась взять его для своих детишек, пришлось, уходя наутро дальше, «забыть» его на скамейке.

Утром полк двинулся дальше. Шли по просёлочной дороге, которая то опускалась по крутому склону в ложбину, то опять поднималась в гору. Когда

разведчики, идущие впереди, очередной раз поднялись на гору, они дали знак остановиться. К ним подошёл командир полка; выяснилось, что внизу, километрах в полутора от нас, движется большая колонна немцев (несколько тысяч человек).

В этот момент нас догнала батарея реактивных миномётов («Катюш»), командир которой поднялся к стоящим на вершине горы нашим разведчикам и комполка. Вытащив из планшета карту, он что-то отметил в ней, затем подошёл к своей батарее; расчёты расчехлили каждый свою «Катюшу» и уже поползли вверх, меняя угол, направляющие рельсы. Раздался рёв реактивных снарядов, пролетающих почти над нашими головами, а через несколько секунд впереди, под склоном раздались взрывы. Разведчики, всё ещё стоявшие на вершине, сообщили нам потом, что после того, как многотысячная немецкая колонна от взрывов разбежалась, на дороге осталось несколько сотен трупов.

Наш полк продолжил движение в колонне, преодолев спуск, а затем – и подъём в очередную горку. Тут мы услышали прерывистый рёв немецких бомбардировщиков, летевших на бреющем полёте и почти заставших нас врасплох. Пешие быстро залегли недалеко от дороги, повозочные, погоняя лошадей, гнали их по полю, стараясь рассредоточить обоз. Я отбежал от дороги метров на 20 и залёг на самой высокой точке холма.

Вражеские самолёты, со своими выставленными вперёд шасси, как журавли перед посадкой на болото, носились кругами над нами. Мне казалось, что летают они так низко, что почти задевают меня своими колёсами, а вот эмалированные гильзы крупнокалиберных пулемётов, точно, сыпались на мою спину. Бомбёжка продолжалась около часа, затем немцы улетели, а на высотке, тут и там, остались разбросанные брички с убитыми или изувеченными в упряжке лошадьми. Вот одна, с перебитыми передними ногами, жалобно глядела на нас, иногда делая попытки встать, и, чтобы прекратить её страдания, пришлось достать пистолет и пристрелить её. Только три брички успели заехать в естественную воронкообразную яму, и направляющие их лошади

остались живы. Таким образом, в результате этого вражеского налёта пострадал обоз полка, а, к счастью, в людях у нас потерь не было.

Связисты, всегда наготове давать связь, и в этот раз несли на спинах катушки с кабелем, аппараты, поэтому, чтоб облегчить своё передвижение, вещмешки сложили на повозки. После воздушной атаки содержимое вещевых мешков было простреляно, особенно досадно, что стали непригодными пробитые пулями наши алюминиевые котелки и кружки.

Старшина роты связи остался с повозочными для получения лошадей и для организации дальнейшего движения обоза, а мы тронулись вперёд.

Полки первой линии дивизии после упорного боя овладели станцией Колба́сная, захватив при этом богатые трофеи, в т. ч. несколько паровозов и много гружёных вагонов.

Когда до Днестра осталось несколько километров, все почувствовали особенность момента, ведь до 1940 года по этой реке проходила граница СССР (её называли «старая граница»), далее лежала многострадальная Бессарабия, которая ранее входила в состав России (Российской империи), но затем была оккупирована Румынией, а в 1939 году вошла в СССР, образовав равноправную Молдавскую советскую социалистическую республику. В 1941 году при помощи фашистской Германии эта земля вновь была оккупирована Румынией.

Из-за того, что в этом районе мостов через Днестр не было, а севернее, у города Ры́бница, уже были наведены хорошие мосты, обозы пошли туда, а пехота, спустившись к реке прямо здесь, расположилась в селе Гарма́цкое, на берегу Днестра.

Большое бессарабское село Гармацкое [чуть более 40 км. южнее г. Рыбница] было разбросано по крутому склону, находящемуся вдали от реки, у самого Днестра стояло лишь несколько домов. Подразделения полка разместились в дальнем от реки конце села. Днём было запрещено показываться на улице, подходить к реке, т. к. это могло демаскировать подход наших войск к реке и наведение на ней переправы.

Наш полк получил задачу первым переправиться через Днестр и продолжать наступление на правом берегу по направлению к городу Оргеев [или Орхéй].

Разведчики гв. капитана Тотенко, переправившись через Днестр, доложили, что противника у правого берега нет. Сапёры гв. лейтенанта Табакаева раздобыли несколько лодок и приступили к сооружению из подручных средств плота-парома. Для этого они сняли в прибрежной усадьбе полотна тесовых ворот и укрепили их на пустых деревянных бочках из-под вина; к раннему утру вместительный плот-паром был готов.

К рассвету на правый берег были переправлены стрелковые батальоны полка, а следом, – и штаб полка и спецподразделения. Я с радиостанцией переправился на лодке, вместе с командиром полка.

Днестр в этом районе был не широк, но имел очень быстрое течение. На правом берегу почти вплотную, к реке подступали крутые горы, с поросшими дубняком склонами; чуть выше переправы к Днестру выходила долина, врезаясь в реку песчаной косой.

Между крутым склоном и рекой было несколько метров низкого берега. Высадившись у косы, мы прошли к склону, и по узкой тропинке стали подниматься вверх, выйдя на вершине к дубовому лесу. По лесу шли, рассредоточившись. Здесь разведчики задержали несколько вооружённых людей, которых привели к командному пункту полка. Они оказались партизанами.

Вышли на опушку леса. Между лесом и тем селом, которое необходимо было занять нашему полку, лежала сильно пересечённая открытая местность, которую вдоль и поперёк пересекали две дороги, обсаженные по краям высокими деревьями. Комполка наблюдая в бинокль, ожидал донесения от разведчиков и командиров батальонов, которые должны были подойти к селу. Вскоре сообщили, что противник на пути не обнаружен, батальоны продолжают движение. Мы тоже пошли вперёд и, миновав село, попали в

очередной дубовый лес. Здесь было очень мрачно, т. к. дубы не сбрасывают на зиму почерневших засохших листьев. К тому же, хотя было начало апреля, в этих южных местах весна выдалась такой, что ни на земле, ни на деревьях зелень ещё не пробивалась.

В нескольких километрах от реки Ре́ут встретили противника. Хотя немцы и оказали сильное сопротивление, было ясно, что это не главные силы, а только выдвинутый на левый берег Реута их передовой отряд, задача которого измотать и расстроить наши передовые части, что затруднит (или, вообще, – в дальнейшем сделает невозможным) ведение нами организованного наступления против основной силы данной вражеской группировки, размещенной на другом берегу реки.

1-й стрелковый батальон гв. капитана Глазырина, при поддержке миномётной батареи и полковой батареи 76-м/м пушек, медленно продвигался вперёд. Наступление замедлялось тем, что на эту сторону Днестра не было переправлено бричек, и снаряды приходилось подносить на руках.

Местные жители были рады нашему появлению и старались всячески помочь нам. Сразу же после того, как мы переправились через реку, они, вместе с нашими солдатами, подносили снаряды, а затем, уже на своих повозках, запряжённых волами, подвозили боеприпасы на передний край и отвозили с него раненых в медсанбат.

Когда немецкий передовой отряд оказался под угрозой уничтожения, противник для прикрытия его отхода, организовал сильный огневой налёт на наседавший 1-й стрелковый батальон нашего полка. Осколком мины был убит комроты, а комбат (гв. капитан Глазырин) был тяжело ранен в ногу.

Когда командир полка получил по радио донесение о ранении комбата, он сам пришёл туда, на место, и приказал четырём солдатам отнести раненного на плащ-палатках в село, в медсанбат. Командовать батальоном стал ПНШ-1 гв. ст. лейтенант Рябчиков.

К вечеру наши наступающие цепи достигли берега Реута в районе города Оргéева. Сам город оставался вправо, а наша полоса наступления проходила через него только «исключительно». К утру командный пункт полка расположился на склоне Реута, метрах в 100 от воды.

Противоположный (правый) берег реки представлял собой крутой, метров в десять, склон, далее переходящий в более пологий подъём до самого горизонта, где темнел очередной густой дубовый лес.

Река Реут в обычное время, по рассказам местных жителей, небольшая, сейчас, весной, имела ширину более 10 метров, мутные холодные стремительно несущиеся воды. Наши сапёры быстро соорудили небольшой плот. Один из сапёров вплавь перебрался на противоположный, правый берег и перетянул туда верёвку, за которую перетянули плот с остальными сапёрами. Они, как следует, укрепив верёвку, начали переплавлять сначала разведчиков, а потом – и стрелковые роты 1-го батальона. При первом рейсе плот был обстрелян немцами с гребня крутого берега; тогда разведчики, снизу хорошо видевшие на фоне более светлого неба тёмные силуэты солдат противника, очередью из автомата заставили тех покинуть огневую точку, затем заняли гребень сами, обеспечивая в дальнейшем беспрепятственную переправу.

Накопившись под крутым берегом стрелковые роты, не дожидаясь рассвета, пошли в атаку, сбивая заслоны противника, заняли солидный плацдарм на том берегу Реута. Но утром немцы, подбросив на бронетранспортёрах подкрепление, при поддержке танков, контратаковали наших стрелков. Нам было хорошо видно, как на пологом склоне правого берега выскакивали из леса их бронемашины и, при подходе к позициям наших рот из них выскакивали солдаты, бегущие вперёд и прикрываемые танками. Имея подавляющий численный перевес, они смяли наши стрелковые роты, прижав их к реке, а в районе КП немцы вышли непосредственно к воде. Во время этой контратаки немцев был убит замкомроты гв. старший лейтенант Серебренников.

Связь с батальоном была потеряна, и командир полка, не знал положения. В это время из реки вылез солдат в одном белье, бегом устремившись к КП. Оказалось, это наш телефонист мл. сержант Решетников с донесением от комбата Рябчикова, не побоявшийся броситься в бурный поток и под огнём противника переплыть Реут. Он сообщил, что батальон справа удерживает часть плацдарма, а комбат со связистами прижат к берегу реки.

Получив эти сведения, командир полка смог поддержать действия стрелкового батальона артиллерийским огнём, таким образом, положение исправилось – стрелки опять стали продвигаться вверх по склону. В этот момент из леса вновь выскочили бронетранспортёры, а с ними стремительно катились по склону и танки. Предупреждая повторение предыдущей атаки немцев, ударила наша тяжёлая артиллерия из района г. Оргеева: вот загорелся один немецкий танк, вот – другой, остальные – повернули назад, скрывшись в лесу.

И так продолжалось несколько дней: только наши роты начинают продвигаться вперёд, их контратакуют танки и бронетранспортёры противника. [Далее – тетрадь 44.] Хотя такая контратака каждый раз отбивалась огнём тяжёлой артиллерии, но продвижение наших рот останавливалось. И всё-таки стрелковые роты, неся большие потери, медленно продвигались вперёд.

Командиром пулемётной роты в 1-м стрелковом батальоне был гв. ст. лейтенант Давыдов. Молодой офицер, участник финской кампании, он и в этой войне – с первого дня на фронте. Во время первой контратаки немцев неожиданно налетели два здоровых фрица, вышибли из рук автомат, и «Хэ́ндэ хох!» («Руки вверх!») – в грудь ему уткнули стволы двух автоматов и повели в плен. Подвели к какой-то землянке, один вошёл внутрь, другой остался караулить своего пленного.

Через несколько минут из землянки вышли ещё двое и повели старшего лейтенанта куда-то дальше (первые два немца ушли). И вот слышит он, что его

конвоиры употребляют финские слова (а по-фински Давыдов свободно говорил). Тогда наш офицер спрашивает их на финском:

- Давно вы из Финляндии?

Те ему что-то отвечают, а ему и надо было их ответов, – только бы отвлечь, усыпить бдительность разговорами.

Идут, весело болтают, как земляки, а наш комроты подобрался, мускулы, как пружины (а нервы напряжены ещё сильнее). В рукаве шинели «финка» прячется, опускает лейтенант её всё ниже, к кисти. Вот во время очередного весёлого восклицания с взмахом руки рукоятка попадает в ладонь, ещё один взмах, – и лезвие в груди одного конвоира. Второй попытался отступить, но после резкого апперкота правой, как мешок, валится на землю. Ещё миг – и Давыдов сдёрнул автомат с груди лежащего конвоира. Свободен и даже вооружён! Но как пробраться из тыла противника?

Старший лейтенант, припоминая дорогу от берега и расположение своего батальона, прислушиваясь к редкой перестрелке и прикрываясь неровностями местности (где перебежками, где по-пластунски), добрался до переднего края, где, спрятавшись в густом кустарнике, решил дождаться полной темноты приближающейся ночи. Только стемнело, – он вышел к своим и, как ни в чём не бывало, обходил свой передний край, проверяя, сколько в роте осталось пулемётов, сколько людей в расчётах, где остальные. Через некоторое время Давыдов был у комбата с докладом о положении на переднем крае; об «экскурсии» в плен сообщать не стал – мало ли что бывает в бою, да и допросами потом замучили бы. Мне он про этот случай рассказал гораздо позже, после войны.

Чтобы снизить активность наступающих частей наших войск, немцы решили ударить по командным пунктам и по артиллерии на левом берегу Реута. Вот низко над землёй показались, невидимые ещё нами, легкомоторные бипланы противника (может, немецкие, может, итальянские, а, возможно, и румынские). Они устремились прямо на нас, и над нами, с надрывным рёвом

моторов, делали мёртвую петлю, а когда лётчик находился вниз головой, он бросал небольшую бомбу. Сбросив весь имеющийся на борту запас, они начали обстреливать командный пункт полка из пулемётов. Такие налёты они совершали несколько за день.

Но тяжёлая артиллерия, от огня которой горели контратакующие танки немцев, от подобных налётов была хорошо защищена зенитными пулемётами и орудиями. Слышим, с правого берега приближается, сначала почти не заметный, затем – всё усиливающийся гул большой массы самолётов, но, сколько мы ни всматривались в яркое высокое небо, самолётов долго рассмотреть не могли. Когда этот мощный гул сотрясал, казалось, уже весь воздух, мы разглядели правильные треугольники маленьких крестиков; в этих, не-журавлиных стаях (их было несколько) на высоте не менее 2-х километров летело, держа курс на Оргеев, по девять самолётов. Над Оргеевым они, не меняя строя, высыпали бомбы и, развернувшись на 180 градусов, также неторопливо стали возвращаться, а скоро скрылись из вида, а ещё погодя и звук их моторов стал неслышен.

Но когда сброшенные ими бомбы достигли земли и начали взрываться, мы обратили внимание, что количество взрывов несравнимо меньше количества, выпущенного противником.

Когда, вскоре после этого налёта немецких самолётов, противник вновь перешёл контратаку, ответ нашей артиллерии был таким же мощным и метким, как и до воздушной атаки, вражеские танки, не достигнув переднего края, загорались или начинали крутиться на одном месте с перебитой гусеницей.

А меня интересовало, откуда такая большая разница между сброшенными немцами и взорвавшимися бомбами; невзорвавшиеся – это бомбы замедленного действия (т. е. могли взорваться позже, но тогда почему мы этого не слышали), а, быть может, негодные (но зачем из-за таких поднимать в воздух самолёты). Позже выяснилось, что, всё-таки, невзорвавшиеся бомбы были негодными. Это показывает, что на военных заводах Третьего рейха насильно согнанные со

всей Европы рабочие, рискуя своей жизнью, специально портят смертельное оружие, эти снаряды.

Через несколько дней, когда батальоны продвинулись, КП полка был перенесён на противоположный, правый берег, на высотку. Командир полка гв. подполковник Маркелов не разрешил ставить радиостанции вблизи наблюдательного пункта, т. к. это демаскировало бы эту точку, находящуюся вблизи позиций противника. Пришлось нам пристроить аппарат на обратном скате высоты, метрах в ста позади НП, а КП соединить с радиостанцией телефонной линией. Радиостанция РБМ, которая работала в дивизионной сети, позволяла вести переговоры с подключённого к ней полевого телефонного аппарата, а пользоваться радиостанцией для переговоров с командиром дивизии командиру полка пришлось неоднократно. Теперь расстояние между НП командира дивизии и НП командиров полка увеличилось, к тому же телефонная линия часто рвалась от взрывов снарядов, в таких условиях радиосвязь становилась незаменимой, и подполковник Маркелов остался доволен нашей работой.

Вскоре на правый берег Реута перебрались и тылы, и обозы полка. Через реку был построен постоянный мост, хотя за несколько апрельских дней ширина реки уменьшилась в несколько раз.

В первые дни боёв в Бессарабии, из-за отсутствия хороших переправ через Днестр в этом районе, было нарушено снабжение личного состава продовольствием. Поэтому командир полка приказал всем подразделениям организовать зáкуп продуктов в близлежащих сёлах. Комроты связи послал старшину Щербакова в одну из ближайших деревень, где тот на деньги, выданные командиром роты, закупил баранов и мукй́, организовал выпечку хлеба и варку мяса (хлеб и мясо затем выдавалось солдатам и офицерам).

Баранина в это время в Бессарабии стоила очень дёшево, – барана можно было купить всего за три рубля; также дешёвой была и мука. Это говорит, насколько бедно жили молдаване, вынужденные для уплаты налогов за гроши

сбывать то, что вырастили; особенно ужасно всё это выглядело, если вспомнить, что многие из них сами ели мясо крайне редко (1–2 раза в год), питаясь исключительно мамалыгой.

Вскоре, после того, как снабжение было налажено, закупки прекратились.

Новый начальник связи полка гв. капитан П. оказался ни на что не пригодным специалистом. Один раз он потребовал от меня прикомандировать к нему в качестве связного моего замкомвзвода мл. сержанта Щечилина (до этого у него побывали связными помкомвзвода штабного и телефонно-кабельного взводов). Сначала я отказался оголять радиостанцию (остающуюся без основного работающего на ней специалиста), но после того, как мне это было сказано в форме приказа, вынужден был подчиниться. На КП начсвязи не появлялся, а всё время находился в обозе роты связи, а затем ещё и, в пьяном виде, устроил какой-то скандал в церкви.

Сначала ко мне явился Щечилин и доложил, что он сбежал от начсвязи, потому что тот его замучил требованиями ежедневно доставлять вино и пить вместе с ним (а ефрейтор не был любителем спиртного, к тому же много пить не мог, и после небольшой дозы сразу сильно пьянел).

Вскоре на КП полка явился и сам капитан П., но толку от него было мало.

В это время войска правого фланга нашего 2-го Украинского фронта вели бои на территории Румынии, за рекой Прут. Выход наших войск на государственную границу был доведён до всего личного состава, в связи с этим фактом проводилась серьёзная работа по разъяснению того, почему мы выходим на помощь народам соседних стран и как необходимо себя вести. Сознание того, что наши товарищи уже бьют немецких вояк и их сателлитов на их же территории, воодушевляло на подвиги всех воинов.

Наступление наших войск к середине апреля уже выдыхалось. Были пройдены с тяжёлыми боями сотни километров (причём – в самую распутицу), вследствие чего растянулись коммуникации, понесены значительные потери, тылы отставали. Всё это говорило о том, что нужна передышка, нужно время,

чтобы подтянуть тылы, пополнить части личным составом, перегруппировать войска, поэтому войска 2-го Украинского фронта прекратили наступление и перешли к обороне. Началась подготовка к очередному этапу Великой Отечественной войны.

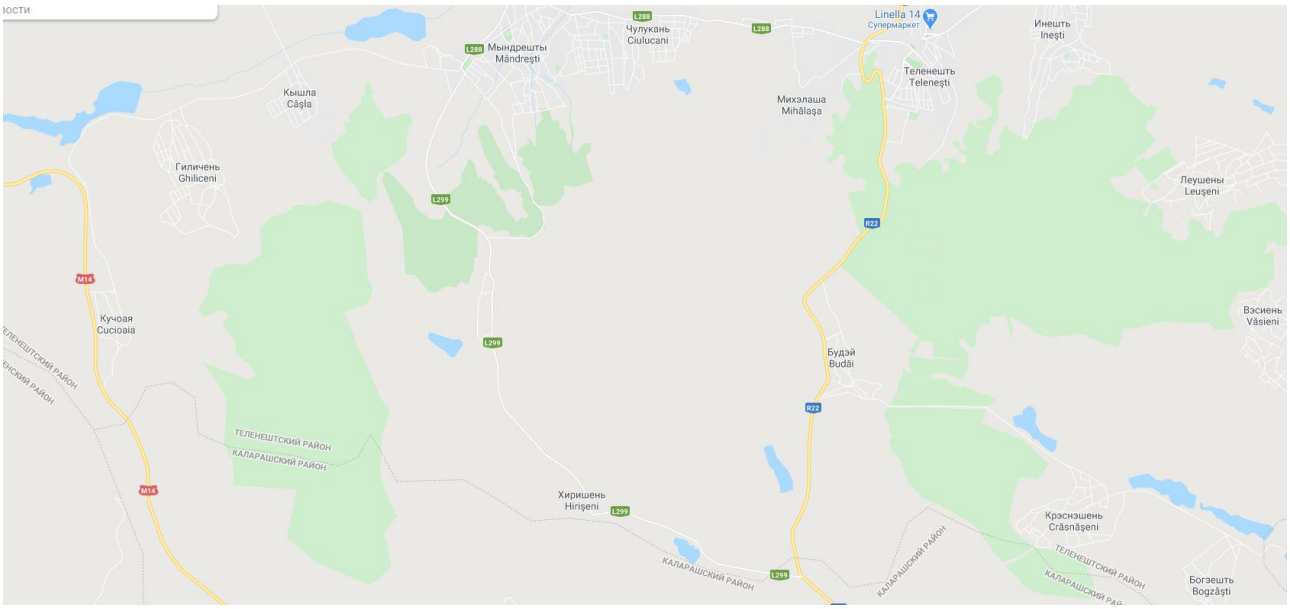
[Далее – тетрадь 45.]

Глава IX

«Ясско-Кишинёвская операция»

При переходе к обороне 4-я гв. Армия занимала позиции от р. Прут до города Оргеева [Орхей / Orhei]. При этом фронт шёл поперёк Бессарабии в широтном направлении, главным образом, – по речушке Кула ([правому] притоку Реута).

Наша дивизия получила в оборону участок в районе сёл Гирово [Хирова / Hirova], Будéй [или Будэ́й / Budăi; далее мы будем использовать эту транскрипцию], Краснашéны [Crăsnăşeni]. Полк снялся с позиций и походной колонной начал переход на назначенный участок.

Карта[1] местности, где происходили события этой части книги

Переправившись через Реут по мосту в селе <Сл-ны?> [Погорничéны или Пахарничéнь / Paharniceni], полк прошёл через небольшой город Оргеев. Проходя через городские окраины, в низменной болотистой части города, мы обратили внимание на глубокие гладкие дыры в земле. Диаметром эти дыры

[1] Адрес ресурса: https://www.google.com/maps/@47.4653656,28.3035434,11872m/data=!3m1!1e3.

были более 25 сантиметров и уходили глубоко вниз. Оставили их сброшенные с самолётов, неразорвавшиеся авиабомбы.

Во всё время перехода стояла ясная жаркая погода – хотя шёл только апрель. Пышно распускались листья на деревьях, цвёл абрикос. Как и я, многие сибиряки, впервые видели цветущие фруктовые деревья.

Хорошо укатанная, прямая широкая дорога шла то по «дну» долины, то взбиралась на высоту. Горячий пот пропитал гимнастёрку, едкие капли, попадая в глаза, жгли их. Во рту пересохло. Но вот, тянущаяся вверх дорога подошла к опушке леса, в этом месте её пересекала другая дорога.

На перекрёстке стоит высокий деревянный крест с распятием, а рядом – каменный колодец со студёной водой. Вверх поднялся журавль, с прикованным к нему тяжёлым, окованным железом, деревянным ведром. Рядом с колодцем – длинное деревянное корыто для водопоя скота. У бортика колодца лежит деревянный ковш-черпак, похожий на калошу, на длинном шесте, позволяющем одинокому путнику утолить жажду, зачерпнув воды, не опуская в колодец ведро.

Объявляется привал, и солдаты обступают колодец. Заскрипел журавль, ведро опустилось в глубину колодца и вот ужé идёт вверх, роняя вниз звонкие капли. Ведро быстро разливается по солдатским котелкам. Одновременно с ведром пользуются и деревянным ковшиком.

Холодная вода на южной жаре кажется необычайно вкусной; сколько ни пьёшь, ещё хочется. Опытные солдаты пьют мелкими глотка́ми и немного.

Вот с колодцем поравнялись и обозные брички, кони жадно поводят ноздрями в сторону воды, почуяв её, и терпеливо ждут свою очередь. Мы, утолив жажду, удовлетворённые, пытаемся разобраться, почему этот колодец выкопан не внизу, а почти на самой горé, и почему на такой высоте уровень воды в колодце меньше, чем 2 метра до бортиков.

Позже мы узнали, что в этих местах очень часто воды бывают не внизу, а вот так, близко к поверхности. Сколько надо было иметь терпения, сколько положено труда, чтобы отыскать и отрыть людям эту воду!

После этого колодца дорога несколько километров шла по гребню горы. Повеселевшие после колодезной воды солдаты бодро шагали дальше. Тут послышалось стрекотание «кукурузника» («У-2»), – головы поднялись кверху, глаза начали обыскивать небо, но, странно, на небе не только ни облачка, но и нигде не видно нашего небесного труженика. А стрекотание его моторов слышно где-то, совсем рядом. И только обратив свой взор вниз, в долину, мы увидели знакомый силуэт самолёта, медленно летящего на фоне полей и деревьев.

Прошли через село Теленéшты, после которого дорога повела нас ещё на более высокую гору, а на крутом склоне, около леса, вошли в село Будэй. Пехота расположилась на привал в лесу, начинающемся сразу за селом.

Густой весенний дубовый лес встретил нас почти райской прохладой. Ни один луч солнца не доходил до земли, оттого она под деревьями была влажной, и исходившая от земли прохладная влага была продолжением той вкусной колодезной воды, но поступавшей не внутрь, а окружающей и возрождающей усталое и измождённое солнечным жаром тело.

Карабины быстро составили в кóзлы. Добровольцы, собрав котелки, быстро принесли из деревни воды; часть её пошло на умывание, часть – на чай. На маленьких кострах вода в котелках резво закипела; кто-то из южан посоветовал нарвать и бросить туда для заварки повсюду здесь росший кустарник с разрезанными листьями и белыми цветами. В самом деле, чай получился приятный и на вкус, и на цвет, и на запах.

Наслаждаясь чаем и отдыхом, мы уже не солдатским, насторожённым взглядом, а глазами человека, впервые попавшего в какое-то новое место, рассмотрели окружающую нас природу. Если на верхних ярусах местных лесов царствовал дуб, а в нижнем – этот вот кустарник, чьи листья, цветы и мелкие

веточки мы использовали для приготовления чая, то у самой земли поражало обилие ландышей.

Полк наш должен был составить второй эшелон дивизии, и стрелковые батальоны получили участки, на которых должны были вести оборону. Штаб полка расположился через перевал от села Будэй, на обращённом к противнику склоне горы, в большом деревянном доме, стоящем недалеко от леса.

Не успели стрелки́ подготовить оборонительные позиции, как пришёл приказ временно занять оборону на другом участке, чуть правее, где линия фронта осталась не прикрытой из-за того, что не подошли части, которым поручалось то место. Обозы нашего полка остались в селе Будэй, с пехотой же последовали несколько бричек. Колонну возглавил гв. подполковник Гомолко (это, новое, звание он получил только что), зам. командира полка по строевой части.

Движение вдоль фронта и вблизи него должно было совершаться ночью, поэтому к вечеру подразделения сосредоточились в селе. Как только началось движение, пошёл дождь, и стало темно, как «у негра в животе после чашки чёрного кофе» (т. е. видимость была «ноль»), не было видно даже впереди идущего человека. Дорога раскисла, каждый шаг начинался с выдёргивания ноги из густой глубокой грязи.

Колонна быстро расстроилась и вытянулась в нитку. На выходе из села застряла машина, и несколько солдат с лопатами возятся около неё. Когда мы поравнялись с этой группой, один из копавшихся там солдат сказал: «Зря идёте по дороге. Вот через кювет перепрыгните, – там твёрдая тропинка». На самом деле, так и оказалось; передали по колонне «Перейти направо, на тропу».

Впереди меня шли разведчики; все повернули направо и прыгнули в темноту, как можно дальше, через наполненный дождевой водой кювет. Я тоже прыгнул, с трудом оттолкнувшись от скользкой травы и еле удержавшись на ногах при приземлении. Световым сопровождением моего прыжка стала молния, и при её свете я увидел слева от себя яму колодца. Мой сосед ухнул

прямо туда. Вода в колодце была почти на уровне земли, поэтому, когда через 3– 4 секунды он вынырнул, я подал ему руку (нам повезло, что всё это время разряд длиннющей молнии освещал небо) и вытянул его из воды.

Вода в этом полевом (а потому, видать, не оборудованном бортиками) колодце, наверняка, на вкус была не хуже дневной, но сейчас, ныряя по случаю в колодец, мой сосед пить её не планировал. Шёл он в шапке-ушанке, но этот прыжок такую оплошность исправил, – шапка, «напившись воды», осталась в колодце, как напоминание о посещении этих мест сибиряками.

Пока мы продолжали наш путь по тропе, которая, хоть и была скользкой от дождя, но твёрдой, продвигались вперёд не быстро, но уверенно. Через некоторое время пришлось свернуть на пахоту: свежая земля налипала на сапоги, к этой земле прицеплялась очередная порция, так что этим мы напоминали ссыльных, тянущих на ногах тяжелейшие кандалы. Плюс ко всему, в полной темноте, не видя, не только по сторонам, но и перед собой, почти ничего, мы, время от времени, вынуждены были вытянутой вперёд рукой нащупывать, как слепые перехожие калики, спину впередиидущего.

Всё время казалось, что ты идёшь не туда, куда надо, отстал или ошибочно свернул в сторону. Но вот на несколько секунд окрестность озарилась после разряда молнии, что сначала тебя ослепила, а потом вдруг понимаешь: колонна (точнее, что-то очень отдалённо напоминающее колонну) идёт где-то в стороне от тебя. Бросаешься в ту сторону, где идёт большинство, но молния уже отсверкала, и ты вновь не понимаешь, правильным путём идёшь или куда-то не туда. В такой же ситуации и с такими сомнениями идёт каждый, а то, что когда-то было колонной, разбилось на большие, маленькие группы, а то и – на одиночных ночных странников.

Подполковник Гомолко останавливает направляющих и посылает разведчиков собрать полк. А дождь всё льёт и льёт. Идём десять минут, полчаса собираем колонну, потом всё повторяется. Продвижение практически ничтожное, а сил затрачивается много. Тогда подполковник даёт команду

«Ложись!», и мы, уставшие, мокрые, валимся там, где стоим, на размокшую пахоту.

Многие солдаты были в овчинных полушубках, на некоторых были тёплые стёганные штаны, а обувь (сапоги, ботинки) у многих – изодрана после пройденных сотен зимних километров. Жаркая весна в Бессарабии пришла так быстро, а тыловые службы в ходе наступления задержались, поэтому перейти на летнюю форму мы не успели.

И вот усталые мокрые солдаты лежат на пахоте, снизу, от сырой земли, проникает сырость в те места, которые ещё чудом оставались сухими, сверху поливает дождь, сапоги, скорее, держат воду внутри себя, вместо того, чтобы не пропускать её к ногам. Радует, что воздух и вся вода имеют температуру не ниже +20°, что превращает, обычный при встрече с холодной водой, озноб в принятие комфортной тёплой ванны.

Темень настолько «густая», и, к тому же, шум дождя заглушает все другие звуки, что временами можно забыть, что ты здесь не один. Вдруг вспышка молнии прорезает всё небо, и взгляд успевает зафиксировать лежащих круго́м солдат, но при очередном разряде кто-то заметил метрах в 10–20 от нас стену и крышу дома. Повернув лицо в ту сторону, уже все напряжённо ждали новой вспышки, – так и есть, мы легли в поле, которое буквально через десять–пятнадцать шагов заканчивалось, ведь там стоял дом, а за ним – и другие.

Подполковник посылает разведчиков, через полчаса они вернулись и доложили, что мы находимся на окраине большого молдавского села. Полк поднимается и входит в село, расселяясь по хатам. Несмотря на наш, совсем не опрятный, после лежания в грязной пахоте, вид, хозяева встречают радушно, усаживают за стол, а на столе – праздничное угощение. Оказалось, мы попали как раз в ночь на [православную] Пасху (было 16 апреля).

Однако за столом мы не засиделись, – быстро улеглись спать на мягкой сухой ароматной соломе. К рассвету гроза окончилась, чуть солнце начало подниматься, – колонна вышла из села и моментально дошла до места, где

стрелковые батальоны приняли временную оборону. Назавтра подошли брички роты связи, которые вынуждены были сделать порядочный крюк, объезжая от фронта подальше. С обозом прибыл и начальник связи гв. капитан П.

На следующий день прибыли части, которых временно заменял наш полк, поэтому мы приготовились к обратному маршу в с. Будэй. Я тщетно пытался выяснить у начальника связи маршрут движения, и где мне с радистами следовать, в ответ каждый раз слыша: «Подожди, не суетись, – получим приказ, и я тебе скажу».

Между тем стрелковые батальоны, роты автоматчиков уже двинулись по лесной дороге, вдоль фронта; одна только рота связи оставалась, не зная, куда, с кем. Тогда я приказал взять радиостанции на плечи и пешим ходом догонять ушедшую колонну полка. Даже в очень приличном (по тому грузу, что приходилось нам нести) темпе мы по узкой заросшей кустарником тропе так и не смогли догнать пехоту. У меня не было карты, но мы шли по чётким следам большой колонны. Где будет сосредотачиваться полк, мне тоже не было известно.

В опускающейся на землю темноте мы подошли в Гиришéны [Хиришéнь / Hirişeni] – село, где размещался штадив. Зашли ночевать в крайнюю хату, в ней до нас солдат не было. Связисты купили у хозяйки немного домашнего вина, у каждого в вещмешке или полевой сумке нашёлся кусок хлеба.

Не успели мы выйти из-за стола, в хату зашёл младший лейтенант, отрекомендовался адъютантом командира дивизии генерал-майора Яковлева, а на время стоянки части в этом селе – его комендантом. Проверил наши документы, спросил, почему мы здесь. Нашими ответами он был удовлетворён, но сказать, как и где нам найти штаб, не смог. Младшего лейтенанта мы пригласили к себе за стол, он охотно сел, выпив до своего отхода несколько стаканов вина.

Мы приняли решение заночевать, а наутро пройти на НП командира дивизии, где у связистов взять провод на КП нашего полка. На рассвете, как и

планировали, пошли на наблюдательный пункт дивизии, находящийся на высокой горе, близ села Хирова. Оттуда мы по проводу пошли в направлении села Будэй. Оказалось, что штаб полка вернулся в тот же большой дом, у леса, а в самом селе стоят тылы полка.

Когда я вошёл в штаб и доложил зам. командира полка о прибытии радиостанций, он спросил меня, каким образом я допустил отставание почти на сутки (на самом деле мы пришли на 10–12 часов позже). Я пробовал сослаться на нераспорядительность начальника связи, от которого как своего непосредственного командира я не дождался приказа выходить, но на это подполковник мне ответил:

- Допустим, начальник связи не распорядился, но ведь с радиостанциями был командир взвода радиосвязи лейтенант Плотников, который обязан был, в любом случае, обеспечить радиосвязью штаб полка.

Всё это подполковник произносил тихо, спокойно, не повышая голоса, но его глаза смотрели на меня с укоризною, и мне стало стыдно, как допустившему глупость мальчишке. Я сказал, что вполне осознаю свою вину и приму за допущенную ошибку любое наказание, впредь такого не допущу. Замком полка никак не отреагировал на мои слова, приказав развернуть радиостанции при штабе.

Вскоре был объявлен приказ о том, что на следующий день, в районе села Будэй, состоится построение офицерского состава полка. Я почистил до блеска свои кирзовые сапоги, которые беспрерывно служили мне, начиная со Звени́городки; правда, к этому моменту правый сапог оказался слабее и, не выдержав этого перехода, – сделал в носке для моей ноги «вентиляцию», в которую высовывались завёрнутые в портянку пальцы. Тогда я, для парадности постирав портянки, принялся решать другую проблему, – на погонах у меня не осталось звёздочек. Сняв погоны и зайдя в шалаш, где жили девушки-телефонистки, я попросил их вышить нитками по две звёздочки на каждом погоне. Подшил свежий подворотничок, – и готов к построению.

На следующий день, в назначенное время, офицерский состав полка был выстроен. В строю стояли те, кто, если ни с Заячьей Горы, Сталинграда, Белгорода или Днепра, то, уж точно, прошёл от Звени́городки до этого села; пусть они одеты в потрёпанные шинели, пусть у многих на ногах стоптанные сапоги, но это они командовали взводами, ротами в боях, в результате которых была освобождена Украина и часть Молдавии.

Раздалась команда «Товарищи офицеры, равнение на право!» и мы увидели подходившего к строю нашего командира, гвардии подполковника Маркелова. Его зам, гв. подполковник Гомолко отрапортовал о построении. Комполка поздоровался с нами и дал команду «Вольно!», после чего в сопровождении зама и начальников служб стал обходить строй. Затем к ним добавился только что пришедший в полк замполит гв. майор Тяжельников Василий Иванович, который пройдя мимо меня, остановился напротив лейтенанта, у которого на два погона была только одна звёздочка. На вопрос, почему у него нет звёздочек, лейтенант сослался на их отсутствие и в ОВС, и в военторге, а майор на это показал на меня:

- Ведь вот лейтенант, несмотря на такие же проблемы, вышив звёздочки, остался в звании. А Вы, судя по одному погону – младший лейтенант, а смотришь на другой – у Вас вообще звания нет.

В это время подошёл ко мне командир полка и внимательно оглядел меня с головы до ног. На дырявом сапоге его взгляд остановился. Не отрывая взгляда от моих носков, он сказал: «Капитан Алексейцев, почему у лейтенанта пальцы торчат из сапог?». Начальник ОВС гв. капитан Алексейцев стал оправдываться тем, что тылы отстали, что полк уже полгода не получал [далее – тетрадь 46] сапог, но комполка приказал: «Завтра же чтоб лейтенант был обут, как офицер, или ещё лучше!». Мне тоже неудобно стало за эти свои дырявые сапоги, и что из-за меня начальник ОВС попал в такое положение перед командиром.

После смотра я пошёл на КП полка, который помещался в долине у подножия горы, по противоположному (южному) склону которой шли траншеи

переднего края; на вершине горы находился НП, где круглые сутки дежурили наблюдатели-разведчики, телефонисты и офицер штаба. В находившейся у подножия горы землянке разместились комполка, начштаба; радисты (с радиостанциями) расположились рядом, в землянке поменьше (сеть полковой радиосвязи не работала, потому что не хватало радистов).

Я поселился в землянке дивизионной радиостанции, начальником которой был мл. сержант Тахаев Равиль, украинский татарин, образованный (окончил 10 классов), умный парень. Письма он писал домой по-татарски на трёх алфавитах: отцу – арабскими буквами, старшей сестре – латинскими, а младшей – кириллицей. Радистом был мл. сержант Малгобекский.

Вечером меня вызывает комроты и передаёт, что капитан Алексейцев просит прийти в сапожную мастерскую для снятия мерки с ноги, однако я отказался. Комроты напомнил мне, что обеспечить меня сапогами приказал командир полка, но я и второй раз отказался, пояснив, что приказ был отдан капитану Алексейцеву, а не мне. Вскоре меня разыскал сапожник и снял мерки, а уже вечером следующего дня он принёс мне новые сапоги, сшитые из плащ-палатки, с кожаными носками и пятками. Они были необычайно лёгкие и как нельзя лучше подходили к жаркому бессарабскому лету.

Вскоре в полк прибыло пополнение из армейского Запасного полка. Состояло оно в основном из только что призванных украинцев и молдаван, жителей освобождённых нашей армией Черкасской, Винницкой областей УССР и Рыбницкого района Молдавии.

Прибыли в полк они в гражданской одежде; на ногах у них были постóлы – такая, распространённая здесь, обувь из сыромятной кожи. Делалась она просто: кусок размягчённой кожи клался на землю, по краям прорезались дырочки, через которые продевался сыромятный ремешок; после – нога ставилась на эту кожу, ремешок стягивал выше ступни края кожи, таким образом, она облегала ногу, представляя собой нечто похожее на высокий кожаный лапоть или калошу. Нога в такой обуви чувствовала себя свободно и

легко, но был один недостаток – в сырую погоду она размокала, болтаясь на ноге, а в очень сухую – ссыхалась и стягивала ногу. Однако привыкшие к ней молдаване и украинцы предпочитали её армейским ботинкам; когда же их переобули в армейское, то и дело, сержанты и старшины обнаруживали в строю солдат в постóлах. Заберут у такого солдата эту обувку, прекращая «форменное безобразие», глядь – назавтра он опять в таких же идёт, забросив армейские ботинки. Оказывается, наши новобранцы захватили с собой запас кожи для постóлов. Но, надо отметить, что таких строптивых было немного, большинство, хоть им поначалу и не понравилась армейская обувь, но носили её и вскоре привыкли, даже признавали её преимущества.

После того, как вновь прибывшие прошли санобработку и карантин, их стали распределять по подразделениям. Для получения пополнения ушёл и наш комроты связи гв. капитан Чебоненко. Вернулся он поздно вечером, приведя с собой небольшой строй новобранцев, затем, вызвав командиров взводов, указав, кто к кому уходит.

Когда я стал знакомиться с прибывшим составом, выяснилось, что они в радисты не годятся, так как все почти сплошь неграмотны или малограмотны (что называется «ни бе, ни ме»). Признаюсь, я был поражён таким количеством неграмотных среди молодых, 18–20-летних ребят, живущих в этой части нашей страны, и это в центре Европы! А ведь у нас, в Сибири, ещё до начала войны с неграмотностью было покончено: все молодые имели образование 4 класса, а многие – 7-ми или 10-тилетку. А когда подумал, всё стало ясно: в Бессарабии румынские бояре старались держать народ в темноте, а в Черкасской, Винницкой областях, оккупированных немцами и румынами, школы были закрыты, и молодёжь не имела возможности учиться.

Я был расстроен и не знал, как найти выход из создавшегося положения: полк сформирован, а радистами мы обеспечены только наполовину. Тогда пошёл к капитану и доложил ему об обнаружившейся проблеме, он же мне рассказал, что комполка приказал сначала выбрать пополнение в стрелковые

батальоны, а уж потом нам направили тех, кто остался. Тогда я, получив разрешение капитана, решил обратиться к командиру полка лично.

Прибыв к подполковнику Маркелову, я доложил о положении дел в полковой радиосвязи и, что я не могу из прибывшего пополнения подготовить радистов. Комполка понял меня и сразу нашёл выход, приказав мне пройти по подразделениям и, выбрав любых солдат и сержантов, представить ему список. Я так и сделал: приходя в роту, я записал всех, у кого было образование 6–7 классов (с 8–10-летним образованием в наш полк не попали, а были отправлены в офицерские училища). По представленному мною командиру полка списку вскоре в роту связи были прикомандированы солдаты Пинченко, Шевчук, Шевченко и Лущевский (все – с Черкасской области). Пинченко и Шевчук были самые молодые, им только исполнилось 18 лет, Шевченко был чуть постарше, а Лущевский уже имел двух детей.

Макар Ксенофонтович Пинченко был из того самого села Соколовочка, близ города Тально́е, где нас с комроты чуть не убило прилетевшими в хату осколками снаряда. Он был очень мал ростом, даже не верилось, что ему 18 лет. При немцах он сидел на печи и выходил на улицу в одной длинной рубахе без штанов, как ходят малые деревенские ребятишки (штаны носят только взрослые парубки). Вот, чтобы он сошёл за хлопчика, и не был угнанным немцами на работы в Германию, родители ему и не давали штаны.

Ещё ко мне во взвод зачислили повозочным молдаванина по фамилии Опря. Это был бойкий, не терявшийся ни в какой ситуации, молодой мужик. Он мне рассказывал, что вскоре после оккупации его схватили немцы и, заперев вместе с другими парнями в товарный вагон, повезли в Германию. Он, с этим не смирившись, решил бежать, правда, товарищей по замышляемому побегу найти не смог (никто из остальных молдаван пойти на такое не согласился).

Когда как-то где-то в западной Польше, поезд ночью медленно полз в гору, он выпрыгнул в окно, и затем больше месяца шёл на юго-восток. Польское и украинское население помогало ему: скрывали на день, давали на

дорогу еды. Вот только он боялся, что схватят его на мосту через большую реку, где ночью останавливали каждого человека. Он долго наблюдал за движением по этому мосту, и, наконец, решил перейти его днём, во время интенсивного передвижения, когда охрана не успевала проверить каждого. Вот под вечер, когда через мост направилась какая-то немецкая воинская часть, кроме того, ехали болгары-селяне, он, замешавшись в толпу, спокойно перешёл на другую сторону реки, после уж без проблем добравшись до своих мест.

Дом его находился на границе трёх районов, в каждом – свой немецкий начальник (гауляйтер). Периодически районная полиция проводила по сёлам своего района облавы, вылавливая скрывающихся от мобилизации на работу в Германию девушек и парней. Опре приходилось особенно скрываться, как сбежавшему, ведь в случае поимки ему грозило ещё и серьёзное наказание – могли, в назидание другим, и повесить. Однако, когда полиция назначала облаву, всему, ненавидящему оккупантов, населению становилось это известно, и Опря переходил на это время в соседний район (когда же подобное начиналось и в этом районе – он возвращался в свой или скрывался в третьем). Так он и дождался Советской (Красной) армии и был зачислен в Запасный полк.

Дома, в колхозе, он пас и доил овец, тогда, в мирное время, среди колхозников широко развивалось соревновательное движение по разным специальностям, так он был одним из лучших дояров в районе, выдаивая ежедневно более 200 овец. Когда я усомнился в этом, он сказал: «Да что тут невозможного, это ведь овца, а не корова. Встанешь так, чтобы она поместилась меж ног, подставишь ей под вымя посудину, нажмёшь два–три раза на вымя, и – следующая». Ездили у них, в селе, на волах (только команда волам у них не похожа на украинскую), а вот ездить на лошадях ему не приходилось, но здесь, в армии, он быстро освоил и это.

Готовить вновь зачисленных радистов приходилось «на скаку», – пришлось пересмотреть для них программу (урезать, в разумном размере,

теоретическую часть, сделав упор на азбуку Морзе и на практику работы на радиостанциях) При этом, находясь в обороне, где работа радиостанций вблизи переднего края должна была быть сведена до минимума, приходилось практику по вступлению в связь и по передаче–приёму радиограмм вести по проводам (практика приёма на слух с эфира производилась на радиостанциях). В обучении радистов мне помогали дивизионные радисты и опытные радисты – ветераны полка, Платонов, Щечилин.

Рассчитывал я на то, что при таком обучении, через 2 месяца они смогут работать уже самостоятельно, если же такого не потребуется, и найдётся время для дальнейшей учёбы, её можно и продолжить на более глубоком уровне. Забегая вперёд, могу отметить, что эти мои планы были успешно выполнены.

В начале мая в полк прибыл новый начальник связи – гвардии капитан Попов, широко образованный молодой офицер, окончивший перед войной Ульяновское спецучилище по специальности телемеханик, т. е. управление механизмами, осуществляемое на расстоянии по проводам. Но, поскольку в войсках, в то время, телемеханика не применялась, ему пришлось сменить несколько специальностей. В первые месяцы войны он возглавлял подрывные команды, – шёл в арьергарде отходящих частей, подрывая, зачастую – под огнём противника, мосты и другие военные объекты, потом догоняя свою часть. Потом переквалифицировался на связиста.

Жил он до войны в Киеве, был женат, жена в начале войны эвакуировалась в Батýм, а теперь не могла добиться разрешения вернуться обратно. Я ему посоветовал обратиться к Сталину:

- Конечно, Ваше заявление в руки Сталина не попадёт, но, во всяком случае, пересланное на место от имени вождя, оно привлечёт к себе внимание, и очевидно, Ваша просьба будет удовлетворена.

В подтверждение этого я ему рассказал, как поступила моя мать, которая до войны жила с моей семьёй в Томске, а потом уехала в Хабаровск, к жене младшего сына, который военным врачом служил в действующей армии. Ей не

разрешали вернуться в Западную Сибирь, но, когда она послала заявление на имя Сталина, ей незамедлительно выдали пропуск.

Капитан Попов Сталину писать не решился, а написал в Киев Н. С. Хрущёву, и вскоре, действительно, его жена, получив разрешение, переехала в свой родной город.

Новый начальник связи полка в первый же день прибытия в часть пожелал ознакомиться с боевыми порядками и попросил меня проводить его по нашему участку линии обороны. Вечером, как только стемнело, я зашёл за капитаном, и мы отправились в 1-й и 3-й батальоны, нёсшие оборону на южном склоне высоты, перед небольшой рекой Кула, в 150–200 метрах от противника, оборонявшегося на противоположном берег реки, на крутом склоне такой же высоты. Когда мы уже порядочно отошли от КП полка, я спросил капитана, узнал ли он в штабе пароль и отзыв на сегодняшний день. Оказалось, что он позабыл это сделать и собирался вернуться, но я сказал, что хоть это и неудобно, можно пройти и без пароля. Мы с ним посетили огневые позиции миномётной батареи, командные пункты стрелковых батальонов и прошли по первой траншее, которая была выкопана в скалистом грунте крутого склона. На ночь впереди траншеи выставлялись секреты, т. к. были попытки немецкой разведки взять языка. Наши разведчики тоже ходили за языком, но также, неудачно, противник вёл себя осторожно, и подобраться не представлялось возможным.

Когда мы проходили по нашей, погружённой в темноту, траншее, хорошо был виден передний край, со стороны противника через регулярные промежутки времени взлетали осветительные ракеты, повисая на парашютах над нейтральной полосой («ничейной» долиной), где протекала речка Кула. В середине лета эта река была так мала, что даже в ослепительном, неестественно бледном свете ракет её разглядеть было нельзя, но положение её угадывалось по камышам, росшим на берегах. Со стороны противника изредка раздавались пулемётные очереди, иногда через реку протягивался разноцветный пунктир

трассирующих пуль. Однако до нашей траншеи пули не долетали, характерного свиста этих пуль над головой мы не слышали.

Из-за недостатка боеприпасов, обычно, мы огня не вели, но в этот вечер, впервые, было приказано периодически его открывать, и из винтовок, и из пулемётов. И ручные, и станковые пулемёты пристреливались днём, для ночной стрельбы закреплялись в нужном положении.

[Далее – тетрадь 47.]

Прицельного огня вести́ было нельзя из-за отсутствия, или скорее, из-за недостатка, трассирующих пуль. Так как наши солдаты не привыкли вести ночной огонь, то было дано задание каждому бойцу сделать за ночь 90 выстрелов из винтовки (а утром надо было сдать 90 стрелянных гильз).

Бывало так: стоит в траншее солдат, дремлет, приставит карабин к плечу, нажмёт на спусковой крючок, выстрелит про себя сосчитает «двадцать один», передёрнет затвор, опять подремлет, опять выстрелит «двадцать один» и так далее – до девяносто, произнося последний счёт с облегчением, т. к. после этого можно, с сознанием выполненного приказа, спокойно отдыхать. Конечно, таких были единицы, большинство с удовольствием готовились днём к ночной стрельбе, пристреливая и запоминая установку карабина в позиции, когда пули летят во вражескую траншею.

Снаряды экономили, накапливая их для ведения интенсивного огня в период активных боевых действий. А пока разрешалось расходовать в сутки 6 снарядов на орудие (и то, иногда о поражении цели нужно было предоставить акт, как оправдательный документ по поводу израсходованных снарядов).

В стрелковых батальонах на ночь выделялся дежурный офицер, который контролировал ведение огня ночью, но, несмотря на все принятые меры, ночной огонь эффекта не давал (как и во много более интенсивный ночной огонь противника, не приводящий к потерям нашей стороны). Единственная причина, заставляющая продолжать это делать (не чрезмерно усердствуя), – противник ночью стал более осторожный, реже высовываясь из своих траншей.

Мы с капитаном вернулись на КП под утро, уставшие, но довольные этим ночным обходом переднего края. Это внесло разнообразие в монотонное течение оборонительного стояния, когда почти весь день приходится сидеть в блиндаже.

Между тем в Бессарабии уже в мае месяце наступил разгар лета, стали поспевать фрукты (первой поспела черешня). Радисты решили отметить этот факт изготовлением вареников с черешней, сержант Фроленков, который в это время был начальников радиостанции дивизионной сети, взялся их наготовить и сварить (причём делать это на костре, чтобы не демаскироваться, можно было только в удалении от КП).

Вот он, взяв котелок, пошёл метров за 500 от командного пункта. Радисты ждут час, – Фроленкова с варениками нет, ждут два – сержант никак не несёт их, третий час пошёл, – где повар, где блюдо?! Уже принесли с кухни обед, но до его вареников есть не стали. Мл. сержант Тахаев пошёл узнать, в чём дело, и ещё через час они вдвоём вернулись, принеся вареники. Поели, и Тахаев, закрутив солидную самокрутку, стал рассказывать о поварском «секрете» Фроленкова.

«Налепив вареники, сложил их наш друг в котелок, залил их холодной водой и поставил на костёр. Слиплось это всё в сплошной комок и, несмотря на почти бесконечное кипячение, проварить в середине этот огромный ком не получается. Выбросил я это варево, начал лепить новые вареники (благо, тесто и черешня ещё остались), в это же время поставив кипятиться воду. Долепил последний, – вода уже кипит, бросил, через десять минут всё и готово было».

Все землянки на КП были хорошо замаскированы. Т. к. земля, накиданная на перекрытие, сильно выделялась по цвету на фоне остальной весенней зелени, сверху был вы́сеян овёс, который моментально взошёл, став естественным продолжение лесной природы.

Совсем недалеко от КП находилось болотистое, заросшее камышом, место. В центре, на островке, посередине этого болотца, была оборудована в

большой палатке баня. Палатка была разделена полотняной перегородкой на раздевалку и мойку, где стояла большая железная печка. Заведовал баней ефрейтор Клейменов Егор Иванович, пожилой видный полный мужчина, носивший пышные чёрные усы.

Баня у него всегда была в полной «боевой» готовности, – в любое время приходи и парься. Я старался никогда на войне не упускать возможность, чтобы посетить это мирное заведение, а сейчас это было двойным удовольствием – кроме самой банной процедуры для тела, здесь можно было душевно пообщаться с её хозяином. Говорили мы с Егором Ивановичем на разные темы; заглавной, конечно, была «Когда закончится война». У него можно было узнать все полковые новости, т. к. здесь мылся весь личный состав.

В мае в нашей части, как и во всей стране, проходила подписка на заём[1]. В нашей роте подписку проводил парторг роты, ст. сержант Булгаков (нач. ЦТС и помощник командира штабного взвода). Для оформления подписки мы подходили к нему и расписывались в подписном листе; сумма подписки нас особо не интересовала, т. к. мы жили на всё готовом и деньги[2] никуда расходовать не могли.

Вскоре после этой подписки, позвонили из штаба и просили всех офицеров подойти туда, к начфи́ну [начальнику финансовой службы], для получения денежного содержания.

Начфина, гв. капитана К. (фамилии не припомню) Евгения Евгеньевича, я застал за примитивным столом, вкопанным в землю среди густых кустов. Он пригласил меня сесть, налил кружку виноградного вина, а когда я её опростал, налил вторую и, несмотря на мой отказ, настоял, чтобы я повторил. После, разложив ведомость и найдя строку с моей фамилией и суммой месячного денежного довольствия (что-то около 1300 рублей – оклад комвзвода плюс 10 % за радиовзвод и гвардейские), начал заполнять остальные пустые графы.

[1] См. к примеру, статью по адресу: http://torzhokadm.nichost.ru/files/7.indd.pdf.

[2] См. статью о денежном довольствии в годы войны по адресу: http://history.milportal.ru/denezhnoe-dovolstvie-voennosluzhashhix-krasnoj-armii-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny/.

Заполнив перевод на аттестат[1] моей семье, капитан спросил, на сколько я подписался на заём, а я не могу вспомнить – забыл (причём на память я никогда не жаловался, просто я не обратил особого внимания во время подписки на сумму). Так я ему и сказал:

- Не знаю.

На это он резонно заметил:

- Как так! – на свои ведь деньги подписывался!

Я быстро нашёлся и сказал:

- Так ведь парторг, как и Вы, перед оформлением подписки, тоже угощал вином (это была правда, хотя в тот раз я выпил полкружки, а старший сержант больше не настаивал), – вот память и отшибло.

Капитан сказал, что сам узнает, а оставшиеся за мной средства я его попросил перевести моей жене, в Барнаул, по имеющемуся у него адресу (эту сумму нельзя было получить наличными, можно было только зачислить на сберкнижку).

Один раз командир роты связи гв. капитан Чебоненко, прибыв от комполка, предупредил старшину, помкомвзводов и нас, командиров взво́дов[2], что завтра прибудет специальная комиссия из штаба дивизии. Она будет проверять санитарное состояние в полку, в частности, чистоту белья солдат, состояние землянок, наличие вшей.

- Командир полка предупредил, – сказал капитан, – сколько вшей найдут на солдатах вверенного подразделения, столько суток ареста получит его командир.

Старшина роты, гв. старшина Щербаков заверил, что он регулярно проверяет, – ни у одного солдата вшей нет, а бельё меняли во время последней

[1] Денежный аттестат; как и сейчас, во время войны выдавался за счёт денежного довольствия военнослужащего его семье.

[2] Правильное форма ударения слова «взвод» в родительном падеже – на первый слог, хотя военные (не можем однозначно сказать, как было в годы войны) в наше время чаще говорят «взводо́в».

помывки, три дня назад. Однако, когда на следующий день военврач стал проверять солдат роты связи, у одного телефониста нашли одну вошь.

Когда комполка спросил:

- Чебоненко, что это значит?!

Тот не растерялся, ответив:

- Товарищ гвардии подполковник, честное слово, вошь не наша, видите, чёрная, – с сапёра переползла.

Комполка усмехнулся и ушёл, но назавтра капитана, всё-таки, посадили на сутки под арест. Офицеры тогда, в связи с ведущимися военными действиями, арест не отбывали, вместо этого у них высчитывался определённый процент из денежного довольствия (за простой – меньше, за строгий – больше), т. ч. это наказание обязательно вносилось в расчётную книжку.

На нашем участке фронта продолжалось затишье, но левее немцы пытались атаковать танками, чтобы смять оборону стоявших там частей. Во время отражения одной из таких атак отличился рядовой Роман Смищук подбивший один за другим шесть танков противника[1]. Об этом его подвиге было написано в газетах: от всесоюзной «Красной звезды» до фронтовой, армейской и нашей, дивизионной («В атаку!»). Подробно описывая действия солдата, газеты призывали изучать этот опыт, чтобы в соответствующий момент быть готовыми применить его.

Сообщалось, что за свой подвиг рядовой получил звание Героя Советского Союза, кроме этого ему был предоставлен месячный отпуск домой. Последнему мы очень завидовали, ведь рядовой Смищук попал на фронт всего три месяца назад и уже попал домой, а большинство из нас ушли служить в самом начале войны (были даже те, кто за год–два до войны пошёл в армию и, не успев вернуться, остался в ней уже на войне), потому по несколько лет не видели своих семей.

[1] Об этом можно прочитать материал по адресу: https://ru.wikipedia.org/wiki/Смищук,_Роман_Семёнович.

Ещё в начале 1944 года был опубликован новый закон о браке, по которому не зарегистрированные браки признавались недействительными. Я же, хоть имел двух сыновей, с женой не регистрировался, и в случае, если б я погиб на войне, мои сыновья и жена не имели бы, по этому закону, права на пенсию. По этому же са́мому закону разрешалось регистрировать старые фактические (не зафиксированные официально) браки, поэтому я написал заявление в Барнаульский ЗАГС, прося зарегистрировать мой брак с октября 1936 года. Для того, чтобы заявление было действительным, я решил заверить свою подпись в штабе полка и пошёл в строевую часть, располагающуюся у села Будэй.

Чтобы добраться быстрее, шёл я напрямик, без дороги: пересёк камыши, поднялся в гору, начал с неё спускаться. На спуске, в кустарниках, располагались некоторые подразделения полка, в том числе – сапёрный взвод. В нём служил мой земляк, лейтенант Табакаев Николай Николаевич, как и я, дослужившийся до этого звания, попав на фронт рядовым.

Встретив меня, он предложил зайти к нему в шалаш, там посадил за стол и стал угощать. Как я ни отнекивался, говоря, что спешу в штаб, и обещая прийти вскоре ещё, он заставил выпить кружку виноградного вина и закусить оладьями. Против оладий я ничего не имел, а вот доказать, что, действительно, не хочу вина не мог. Николай Николаевич принимал мой отказ за маскировку желания («Не пьёт лишь тот, кто не живёт...») или за скромность («..., да тот не пьёт, кто не имеет, не угощают вдруг кого»); чем сильнее я отказывался, тем более настойчиво он предлагал «николаева вина» (до «демьяновой ухи», дело не дошло). Видя, что по-простому тут не отвертеться, я пошёл на хитрость. Как будто деликатно, полушёпотом спросил его на ухо:

- Где тут у вас уборная?

Товарищ мне с готовностью, почти стихами, ответил:

- Вот там, метрах в двухстах, в кустах.

Я – в кусты (во всех смыслах), и дальше – в штаб, не знаю, что Табакаев про меня тогда подумал (мы потом не виделись долго, а при очередной встрече, он не вспоминал этот случай: то ли забыл, то ли из деликатности).

Придя в стройчасть полка, я обратился к ПНШ-4 гв. ст. лейтенанту Гаврилову, попросив его заверить моё заявление. Он, не торопясь, достал из кармана футляр, вытащив из него тяжёлые очки в пластмассовой оправе, протёр стёкла платком и нацепил их на нос. Внимательно прочитал заявление и сказал:

- Вот дурак! Все разводятся, а он жениться вздумал!

Пришлось ему напомнить его прямые обязанности:

- Ты, давай, заверяй! Что я надумал, и мои умственные способности тебя не касаются.

Чётким подчерком он заверил мой документ, аккуратно приложив полковую печать, вернул мне его. Я, попросив лейтенанта отправить почтой эту бумагу, тут же запечатал заявление в конверт с предварительно обозначенным адресом получателя. Забегая вперёд, сообщу, что из этой моей затеи ничего не вышло, – из Барнаульского ЗАГСА пришло очень вежливое письмо, в котором его работники мне сообщали:

«Здравствуйте, уважаемый гвардии лейтенант Плотников Глеб Виссарионович! Со всем понимаем Ваших обстоятельств, вынуждены Вам, гражданин Плотников Г. В., сообщить, что заочно браки, согласно действующему законодательству Союза ССР, не могут быть зарегистрированы. Желая Вам и всей нашей стране скорейшей победы, ждём Вас в нашем ЗАГСе, где в кратчайшие сроки будет произведено юридически правомочное оформление Вашего с Лучниковой Н. П. брака».

В это же время в газетах было сообщено, что разрешено, в отдельных случаях, давать отпуска из действующей армии. Я подумал, чем чёрт не шутит?! – Вызовут меня в штаб, сообщат: «Вам, как ветерану полка, предоставляется отпуск на столько-то дней», а мне и поехать не на что, ведь я

уже все деньги истратил (записался на заём, перевёл жене). Решил я с ближайших получек отложить, на такой неожиданный случай, на книжку, накопив за 4 месяца 400 рублей. Этого я счёл достаточным на проезд в оба конца, а остальное, всё так же, переводил домой.

За время стояния в обороне, я несколько раз бывал в дивизионной роте связи, у командира взвода радиосвязи гв. лейтенант Снегирёва, а также – в боепитании, у ст. лейтенанта Толузенко и радиотехника гв. лейтенанта Гречишкина; чаще ездил верхом, а иногда ходил пешком. Дивизионная рота связи размещалась в селе Гиришéны.

Летом из прифронтовых сёл, расположенных на расстоянии до 25 километров, с помощью воинских частей было эвакуировано всё гражданское население (жители сёл в районе размещения нашей дивизии переехали в район г. Рыбница), т. ч. в усадьбах и домах молдаван хозяйствовать остались солдаты.

Некоторые постояльцы-военные, за недолгое время пребывания, так вошли к хозяевам в доверие, что те оставляли ключи от подвалов с вином и другими запасами, которые захватить при временном переезде с собой не могли (так, были подвалы, где стояли 100-вёдерные бочки с вином, которые, даже при всём желании, вытащить было невозможно, разлить же такое количество вина – не было посуды). Одним из таких доверенных лиц оказался гв. лейтенант Снегирёв. Хозяин, зная его трезвость, оставил ему ключи от своего подвала с вином. Снегирёв, действительно не пил, но вино употреблял... на умывание! Для умывания воду надо было нести с речки, а белое чистое вино было уже под рукой. Кто-то мне про это говорил, но я считал это солдатской байкой, пока сам не застал лейтенанта за этим процессом.

В один из дней я получил извещение начальника связи о том, что мне следует получить в дивизионной роте связи сто шесть [далее – тетрадь 48] комплектов электробатарей для радиостанций. Я приказал гв. сержанту Платонову утром запрячь лошадь в двуколку и ехать со мной в с. Гиришены за этими батареями.

Утром, в назначенное время, Платонов был готов, я сел к нему в двуколку, и мы отправились в путь. Ехать нужно было от с. Будэй, спустившись под гору, затем – по полевой дорожке, через невысокий гребень, после которого – всё время, только спускаясь до са́мого села.

На самой вершине (на гребне), у дороги, стояла батарея 176-м/м орудий. Мы спокойно проехали мимо неё и, съехав с горы, попали в село. Там без труда разыскали хату, в которой помещалась мастерская роты связи. Начальника мастерской ст. лейтенанта Толузенко мы не застали, он с утра уехал в корпус, но, встретивший нас, радиотехник Гречишкин распорядился о выдаче нам полагающегося по разнарядке имущества.

Сразу, по приезду, сержант Платонов распряг лошадь, а по получении всех положенных нам батарей я, для оформления документов, вновь зашёл к Гречишкину. Он подписал все накладные и наливает мне кружку молодого вина. Вспомнили мы с ним работу в радиосвязи, ещё до войны, в Нарымском округе, где Гречишкин был инженером Колпашевской радиостанции, а я – начальником связи треста «Томлес» и, хотя проживал в г. Томске, но большинство подчинённых мне радиостанций находилось в том же Нарымском округе, и у нас с лейтенантом было много общих знакомых (наша же первая встреча произошла только на фронте, в под городом Юхновым).

Разговаривая, Вячеслав Митрофанович (так звали лейтенанта Гречишкина) не забывал подливать в кружку вина. Молодое вино, как выяснилось, действует не сразу, пока пьёшь – ничего, а часа через два окажешься пьян. Я тогда этого не знал и, утоляя жажду и не чувствуя градуса, выпил кружки три.

В это время, подъехал начальник мастерской ст. лейтенант Толузенко, который, поздоровавшись, налил нам, за встречу, ещё по кружке. Тут я забеспокоился, зная, что он сам пьёт много и гостей на своих ногах не отпускает. С кружкой в руках я подошёл к окну и крикнул Платонову скорее запрягать коня (хотя, что уже говорит об изменении моего состояния, у нас

была лошадь). Стараясь, как можно медленнее, выпил кружку и, поблагодарив за приём, а заодно – и попрощавшись, поставил её на стол. Толузенко тут же налил вторую и чуть не насильно стал заставлять меня её выпить. Мне ничего не оставалось, как выпрыгнуть в окно, там, у дома уже стояла наша двуколка, я сел в неё, Платонов рванул с места.

Назад ехали той же дорогой, но, когда подъехали к батарее, нас остановил часовой-артиллерист с кобурой на правом боку. Он сообщил, что проезд по этой дороге, в целях маскировки батареи, воспрещён, и потребовал, чтобы мы повернули обратно. Для объезда кругом нам нужно было сделать лишних пару километров, и, если бы я был трезвый, мы так бы и поступили. Но молодое молдавское вино начало действовать, я оказался пьян и начал спорить с часовым, усомнившись в его праве задерживать проезжающих. По этой же причине не помню, какими словами мы с ним обменялись, но точно, разговор наш шёл на повышенных тонах. А когда часовой в подтверждение своих прав вытащил парабеллум, я совсем возмутился тем, что на меня, советского офицера, солдат направляет оружие.

Гв. сержант Платонов за всё, длительное время совместной службы никогда не видал меня пьяным и начал уговаривать вернуться назад, объехать, но я ему ответил: «Если хочешь, можешь объезжать, а я пойду прямо». И, впрямь, пошёл. Часовой начал криком вызывать дежурного по батарее, но тот не появлялся; в это время я прошёл мимо запретного места. Спустившись с горы, я увидел двуколку, на которой Платонов успел объехать кругом. Далее мы, уже без приключений, добрались до расположения роты связи.

После этого случая, я несколько раз бывал в мастерской, но старший лейтенант, с тех пор, зная, что мне легче выпрыгнуть окно, чем выпить лишнюю кружку вина, больше меня угощать не пытался.

Кстати, ещё до этого, во время одного из своих визитов, я увидел у начальника мастерской (у Толузенко) яркую книжку на немецком языке. Оказалось, что это «Путеводитель по Вене», в котором были указаны все

исторические места и здания, мне в то время не знакомые и не интересовавшие, все гостиницы, вокзалы, рестораны и другие увеселительные заведения, о которых не принято говорить в солидном обществе. Из всего этого, перечисленного, в путеводителе я с любопытством рассматривал фотографию Венского университета, потому что слышал о нём в 20-х годах, когда учился в школе. Тогда к отцу в гости приходило семейство, о которых он с уважением говорил: «Оба они окончили Венский университет: он – как учёный-агроном, она – как врач».

Я спросил Толузенко, где он взял этот «Путеводитель» и зачем ему нужна такая книга. На это старший лейтенант ответил, что подобрал эту книжку ещё под Сталинградом, среди всякого барахла, оставшегося от немцев, и хранил её в надежде, что мы, может быть, попадём в этот город, чем чёрт ни шутит. Вот тогда ему этот «Путеводитель» пригодится; при этом он со смехом добавил:

- Конечно, Венский университет, Шёнбрюнн и другие всемирно известные исторические памятники можно найти и так. А другие места будет неудобно спрашивать, а по такому путеводителю я их легко найду.

Все присутствующие при этом нашем разговоре весело посмеялись над его надеждой попасть в Вену, представляя в этих словах лишь шутку. Нет, в том, что мы будем за границей, давно никто не сомневался, ведь к тому моменту наши войска уже перешли государственную границу и били врага в Румынии (хоть ещё на очень незначительной её части). Хотя мы все и тогда верили, что победим и сделаем это, скорее всего, на территории противника, но вряд ли надеялись дожить до этого момента, а вот Толузенко, что удивляет, сохраняя этот справочник со Сталинграда, верил, что доживёт до этого момента!

Забегая вперёд, отмечу, что менее чем через год, в апреле 1945 года, мы, на самом деле, дошли до Вены, а наш полк за освобождение этого города получил почётное наименование «Венский».

Возвращаясь в май 1944 года, добавлю, что тогда в числе пополнения, полученного в роту связи, пришёл один связист, сержант, который служил в армии ещё до войны. Он имел понятие о воинских званиях и знаках различия, используемых ещё до начала 1942 года, а в новой системе первое время путался и чувствовал себя неуверенно.

Как сержанта, его назначили дежурным по расположению роты связи. Во время этого дежурства туда пришёл начальник связи гв. капитан Попов, сержант, раньше видевший капитана издалека и знавший, что это наш прямой начальник, звание-то не знал. При приближении командира он громким голосом подал команду: «Смирно!», затем, взглянув на погоны капитана и увидев там не только 4 звезды (уже запомнив, что это капитан), но и ещё какой-то знак (это был «жучок» – значок радиста), продолжил:

- Товарищ гвардии старший капитан, ... (и далее).

Выскочившие из шалашей и палаток солдаты и сержанты, встав по команде «Смирно», еле сдерживались от смеха, который иногда всё-таки выскакивал из-под их плотно сжатых туб. Капитан же, услышав такой вариант своего звания, сначала растерялся и задержался с ответной командой «Вольно», что стало дополнительным испытанием для подчинённых, из которых смех, хотя и не имел право, согласно уставу, но так и рвался наружу.

Затем, обратившись к сержанту, начальник связи спросил, почему тот решил, что он старший капитан. Сержант объяснил свою логику: «У гвардии капитана Чебоненко 4 звезды, а у Вас выше таких 4-х я увидел 5-ю или что-то там ещё, дополнительное. Поэтому я решил, что лучше повысить в звании, чем понизить». Капитан приказал старшине после наряда провести с сержантом занятие по изучению действующих знаков отличия и званий в современной Красной Армии.

Где-то в июле начальник радиостанции дивизионной сети гв. сержант Тахаев обратился ко мне с просьбой отпустить на три дня его и радиста ефрейтора Уткина, которому исполнялось 20 лет, для празднования дня

рождения. Он объяснил этот так: один день нужен на подготовку, второй – на празднование, а третий – «... сами понимаете, товарищ гвардии старший лейтенант, после хорошего празднования мы просто будем не в состоянии вернуться», – доверительно сообщил мне сержант.

Я подумал, что надо дать молодым парням разрядку. Два месяца они непрерывно вдвоём дежурят у радиостанции. Иначе они самостоятельно устроят что-нибудь, а так дело может дойти до трибунала, с их размахом в замыслах. Удивительно, что Тахаев, при таком обилии вина вокруг, держит себя до сих пор в руках. И я разрешил им отлучиться на три дня в село Гиришены (где они запланировали отмечать день рождения в кругу друзей), обязав их обязательно доложить командиру своего взвода гв. лейтенанту Снегирёву о том, что я отпустил их. Сержант ответил, что они уже спрашивали комзвода, и он разрешил при условии моего согласия. Предупредив: «Смотри, Тахаев, чтобы всё было в порядке!», – и услышав от него страстные уверения, что ни драк, ни иных нарушений воинского порядка с их стороны не случится, я сказал, что, в таком случае, я обеспечу, на время их отсутствия, поддержание связи с дивизией силами полковых связистов под своим личным руководством.

На следующий день сержант с ефрейтором ушли, а через три дня возвратился один Тахаев и на вопрос «А где Уткин?» рассказал так:

«Мы, в первый день, в пустующей хате, на краю села́, приготовили всё для празднования. Купили трёх уток, зажарили их. А-а, конечно вином запаслись, чтоб хватило! В свой день рождения, за несколько часов до сбора гостей, Уткин, проверяя приготовленное, решил, что для хорошего празднования его, гвардии ефрейтора, сталинградца, круглой даты, такого количества вина маловато. Я уговаривал его, говорил, что нам хватит, а он, всё равно, ушёл, 5 котелков с собою, с крышками, взял.

Уже назначенное время подошло, и гости – тоже подошли, именинника только нет. Час прождали, два – выпили за здоровье Уткина, только мне как-то

не по себе, как праздновать-то без самого именинника. Может, случилось что-то? Помочь ему? – Да где он?

Я, уж совсем собрался его искать, но в расположение роты связи мне ж нельзя появляться, ведь могут спросить, почему я не в полку. Тогда я попросил одного радистов, пришедших на День рождения и несших службу здесь в этом селе, походить, поискать Уткина. Так он минут через двадцать пришёл, говорит, что ефрейтор наш новорождённый, не совсем трезвый и с котелками, налетел на капитана Лютикова, командира роты, – так тот за каждых его два года ему сутки отвалил, то есть, всего – десять суток ареста. Сразу же посадил в подвал, а у подвала часового поставил.

Гости, уже подвыпившие из-за того, что не закусывали, потому, как утку без Уткина все есть отказывались. Стали рваться на выручку ефрейтора, хватались за карабин, клялись в горячей дружбе, что готовы за него жизнь отдать. Но я им сказал, что сначала надо потренироваться в искусстве расправы на птице, которую для них сам Уткин приготовил. Стали они налегать на утку, а, чтобы лучше прожёвывалось, запивать вином, которое пока ещё оставалось. Ну, и грозили перед каждой кружкой:

- Ты думаешь, я боюсь капитана? Да пусть он мне хоть сто раз встретится, я его не боюсь! А что он мне может сделать?! Десять суток? – так я за друга и сто просижу.

Когда вино кончилось, не осталось и тех, кто мог ещё передвигаться, поэтому на «губу» никто не пошёл, ни за Уткиным, ни для того, чтоб самому нарваться и сесть. Заснули.

Уткин уже наказан, а я виноват в том, что отпросился у Вас, товарищ гвардии лейтенант, за себя и за него. Хоть и явился в срок, но один. Поэтому готов понести за это наказание».

Я ему ответил:

- Что ж наказывать, Тахаев, – мы, в конце концов, оба с тобой виноваты.

Сержант стоял передо мной, опустив голову, и, не поднимая головы, глядя мне в глаза, тихо попросил:

- Накажите, товарищ гвардии лейтенант, ведь Вас, возможно, тоже накажет начсвязи дивизии.

Я видел, что Тахаев переживает не столько за нарушение воинской дисциплины, сколько за то, что он не сдержал слова передо мной, а, может, и подвёл меня под наказание. Поняв, что для него важно понести наказание (самого наказания он нисколько не боялся), я объявил ему непредусмотренные уставом для сержантов трое суток домашнего ареста с выполнением службы. Он высидел трое суток в землянке у радиостанции (подменяли его только на время короткого сна).

Отсидев свои десять суток, явился с извинениями ефрейтор Уткин. Рассказывая о времени, проведённом под арестом, поведал он историю другого ефрейтора, телефониста К.:

«К. из кабельного взвода, он там служит ещё с 41-го года, как в декабре дивизию сформировали. Он мне рассказывал, что его в пример ставили, потому что старательно всё всегда делал, ответственно.

Штаб дивизии встал в селе (в Гиришенах), его с другими телефонистами послали прокладывать линии к полкам. Они бегом бежали, с барабанами, с кабелями на спине. И в гору, и под горку. Сделали к утру связь. А устали и не убрали остатки кабеля, только в кучу его собрали, на землянку положили. Поспать в землянке, там, на горе, около НП комдива, легли.

Утром, ещё на рассвете, они ж совсем недавно поспать легли, а комдив наш, генерал-майор Яковлев, шёл на наблюдательный пункт. С ним ещё был командовавший артиллерией дивизии, полковник, кажется Бояджан – его фамилия. А ещё – адъютант, конечно, и кто-то там ещё. Когда они поравнялись с землянкой телефонистов [далее – тетрадь 49], полковник увидел этот брошенный кабель. Подошёл, потрогал его и говорит:

- Вот как связисты небрежно относятся к вверенному им военному имуществу!

А телефонисты-то спят, ведь они всю ночь прокладывали линию. Полковник тут взял и дёрнул за кабель, а конец кабеля был зафиксирован на К. (на нашем ефрейторе). Они же так всегда и ведут нитку, – чуть выше локтя подвяжут, а руки зато свободные. А он, К., и не стал отвязывать кабель, чтобы, если что, почувствовать – и проснуться. Так и проснулся, – подумал, что кто-то из солдат хочет позаимствовать кабель. Вставать ефрейтору не охота, так он воришку обложил прямо из землянки (на этот случай всегда находятся словечки). Да, чтоб страшнее было, – громко так, на всю Бессарабию.

Генерал-майор услышал эти слова:

- Ну-ка кто там? – Вылазь!

Ефрейтор вылез, чин по чину представился:

- Телефонист кабельного взвода 112-ой отдельной гвардейской роты связи гвардии ефрейтор К.

А генерал, вспоминая то, что там ефрейтор наруга́л из палатки:

- Адъютант, палку! – (и сразу же) – Адъютант, оставить палку. Зачислить ефрейтора в первый полк первого батальона, в первый взвод первого отделения! И проследить, чтобы он там первым бойцом был!

Вот так попал ефрейтор во всё первое, и попало ему по первое. Но он там первым стал, мы, связисты по-другому не умеем. Командиру роты связи и начальнику связи дивизии больших трудов стоило, перетащить обратно ефрейтора. Я его встретил в роте, так он мне сказал:

- Не перевели б меня обратно, я б в своей новой первой роте месяца через два уже командиром взвода был, – потом добавил, – Хотя в своей-то родной роте лучше!

А, между тем, дивизия наша стояла в обороне, на одном месте, уже третий месяц. Немцы усиленно вели разведку, в т. ч. – подслушивание телефонных разговоров. На одном из участков фронта в наши руки попал

журнал прослушивания, – там расшифровывались все условные словечки, принятые в подразделениях нашей армии для маскировки переговоров: «семечки» – патроны, «огурцы» – мины, «самовары» – миномёты, «карандаши» – солдаты, «коробочки» – танки, «хозяин» – командир и пр.

Подслушивание телефонных разговоров вести было легко, т. к. однопроводные линии можно было прослушать, растянув «усы» подслушивающих станций на расстоянии до 2-х километров, если нитка проходила параллельно линии фронта.

Учитывая этот факт, был издан приказ, запрещающий телефонные переговоры открытым текстом и условными словами, вводились меняющиеся переговорные таблицы, позывные подразделений и командиров.

Линии связи переоборудовались на двухпроводные, которые прослушивать гораздо сложнее. Во избежание порыва линий гусеничными машинами, на наиболее опасных участках, кабель закапывался в землю.

Основной же проблемой оставался недостаток телефонного кабеля. Этот, казалось бы, неразрешимый в местных условиях, вопрос был решён просто. В качестве второго провода прокладывали стальную проволоку от заградительной «колючки». Для этого брали бухты колючей проволоки, расплетали её, убирая шипы. Стальная проволока быстро ржавела, и окислившийся слой служил изоляцией. Таким способом, в короткий срок, вся телефонная связь была переоборудована на двухпроводную. Естественно, для этого связистам пришлось потрудиться; им охотно оказывали помощь, выделяя солдат, стрелковые подразделения, а также – мы, радисты, засидевшиеся за изучением азбуки Морзе и матчасти радиодела.

Вновь набранные радисты уже могли потихоньку передавать на ключе и принимать на слух азбуку Морзе, могли переговариваться при помощи микрофона, но им не хватало практики, а включать в работу радиостанции непосредственно у линии фронта не разрешалось.

Старые радисты, обучая молодых, тоже сильно повысили свою квалификацию. Я понял, что правильно поступил, когда поручил обучение сержантам («Уча, учимся!»), хотя сам бы лучше провёл это обучение, но при этом у меня, при всём желании, не хватило бы времени для обучения и новеньких, и «старичков». Некоторые обнаруженные пробелы же в знаниях, при такой форме обучения, мне легко удавалось ликвидировать. Ещё необходимо помнить, что вся учёба протекала при отсутствии всяких учебников; на руках у нас имелись только инструкции, прилагаемые к радиостанциям.

Классные дивизионные радисты, Тахаев и Уткин, чтобы не потерять квалификации, часто тренировались на «холостом» ключе. Потом Тахаев решил заняться математикой. Помню, что он, дойдя до квадратичных уравнений, долго вспоминал вывод формулы и, когда самостоятельно, после упорного труда, восстановил решение, был очень доволен.

В это время, впервые в нашей дивизии, вспыхнула эпидемия «свинки», эта, считавшаяся детской, болезнь поражала солдат одного за другим. Занесена она была прибывшим в мае пополнением из только что освобождённых от оккупации мест. Несмотря на строгий карантин, эпидемия распространилась на дивизию.

Большинством заболевших болезнь протекала в лёгкой форме и переносилась на ногах. А вот дивизионный радиотехник Гречишкин заболел серьёзно, был помещён в медсанбат, где ему была сделана операция, после которой он медленно поправлялся.

До этого никаких эпидемий в дивизии не было, отдельные заболевания заразными болезнями случались, в частности, в 112 отд. гв. роте связи в мае были заболевания свиным тифом, вследствие нарушения элементарных санитарных правил.

Когда был получен приказ о передислокации штаба дивизии в с. Гиришены, вместе с разведкой в село прибыл и врач для санитарной

разведки; им были взяты на учёт дома, в которых были заболевания свиным тифом. Он на этих домах сделал надпись: «Тиф. Не занимать!». Однако командование роты связи не придало значения этому предупреждению, всё-таки заняв несколько тифозных домов. Вскоре заболела девушка-телефонистка, потом ещё несколько человек, но, благодаря энергичным действиям медперсонала, эпидемия тифа была предотвращена.

В эти месяцы, когда заканчивалось очищение нашей Родины от оккупантов, среди солдат и командиров дискуссировался вопрос «Будет ли закончена война освобождением нашей земли или продолжится на вражеской территории, а если продолжится, то как наши бойцы должны относиться к жителям противной стороны (в первую очередь, Германии).

Некоторые считали, что всё немецкое население должно нести ответственность за злодеяния, чинимые немецкой армией на оккупированной территории. «Никакой пощады немцам, кто бы они не были, ибо они не люди, а звери», – такие мысли до лета 1944 года были ярко выражены в сильных статьях Ильи Эренбурга, которые печатались в центральных газетах, главным образом, – в «Красной звезде», и которые перепечатывались во фронтовых и армейских газетах. Главной темой его статей было «Убей немца!», не фашиста, а именно немца [И. Эренбургу с К. Симоновым исследователи отдают литературное авторство этого лозунга, в отличие от широко ходившего в народе «Бей фашиста!»].

Были мнения, что освобождать другие страны от фашистов мы не обязаны, что, очистив свою территорию, надо на этом ограничиться, а остальные там поляки, чехи, австрийцы, румыны прочие пусть сами меняют «новый порядок», сами избавляются от фашистов, и своих, и немецких. Люди, так размышляющие, забывали, что бить поодиночке – это то, что более всего и устраивает немецких фашистов.

Третьи соглашались с первыми в том, что войну надо продолжать на неприятельской территории, но исключительно в целях освобождения

остальных стран и народов от фашизма, в том числе, от фашистов нужно освободить и немецкий народ, а фашизм, где бы он ни был, никакой нации не принадлежит, и его необходимо уничтожить. Эта, третья группа, призывала остальных понять, что нельзя возлагать ответственность за действия немецко-фашистской армии на весь немецкий народ – на детей, женщин, стариков, призывая различать тех, кто является немцем, от тех, кто является фашистом. Кроме того, большинство спорящих, конечно, понимало, что наша армия не может действовать, как каратели, против безвинного населения, ей не свойственны мародёрство, грабёж, поджигательство, убийства детей, надругательство над женщинами, что советский солдат не убийца, а воин-освободитель.

И, наконец, были и такие, кто считал, что войну надо продолжать до установления социализма на всё Земном «шарике» или, по крайней мере, во всей Европе. В частности, они считали, что, покончив с немцами, надо будет воевать с «союзниками», которые будут, безусловно, препятствовать установлению власти рабочих и крестьян в европейских странах. Надо признать, что подобные мнения были самыми немногочисленными (точнее – единичными), а подавляющее большинство считало главной целью такое скорейшее окончание войны, чтоб её больше не было никогда.

Забегая вперёд, скажу, что после войны, к четвёртой группе присоединились очень многие (и она стала, если не самой многочисленной, то, точно, почти не уступала остальным), говоря, что надо было воевать до конца, но на это есть хорошая русская поговорка – «После драки кулаками не машут».

Союзники к этому времени, наконец, открыли второй фронт в Европе. Известие о высадке войск союзников, у которых, наконец-то, была пришита последняя пуговица у последнего солдата, было встречено радостно. Газеты с этой новостью перечитывались много раз. Теперь все надеялись, что воевать станет легче. Но вскоре мы убедились, что немцы не снимают дивизий с

восточного фронта для переправки на западный, а даже, наоборот, нет-нет, да и появлялась немецкая дивизия с фронта западного на восточном, против нас.

В это же время начались челночные операции союзной авиации. Американские бомбардировщики (типа «Летающая крепость»), взлетая с аэродромов в Италии, бомбили вражеские объекты, а затем опускались на аэродромы в Советском Союзе, где заправлялись горючим и боеприпасами, а затем летели обратно, по пути вновь сбрасывая бомбы на военно-промышленные предприятия (чаще) и скопления войск (реже) фашистов и контролируемых ими сателлитов. Надо признать, что на эти операции мы тоже возлагали большие надежды.

В конце мая или в июне наш полк должен был получить гвардейское знамя. По этому случаю был назначен парад, который решили провести в ореховом саду, между сёлами Будэй и Теленешты, в бывшей панской усадьбе, от которой и сохранился только один этот сад.

Ореховые деревья имели широкую крону, и потому, сохраняя простор внизу, у земли, они при этом закрывали то, что находилось под ними, от наблюдения с воздуха. Таким образом, парад здесь можно было проводить, не опасаясь того, что его прервёт налёт вражеской авиации.

В день парад всё небо затянуло густыми низкими облаками, почти всё время моросил мелкий дождь.

В саду были выстроены несколько стрелковых рот и спецподразделения. После команды «Под знамя – смирно! Равнение налево!» перед строем пронесли наше боевое, всё пробитое осколками и пулями, шефское знамя, вручённое полку в феврале 1942 года рабочими города Алейска. За этим пронесли и новое, сверкающее свежей тканью, гвардейское знамя. При полном безветрии, да ещё под мелким дождём, тяжёлое полотнище обвисало вдоль древка, и нам не было видно, что на нём изображено.

Командир дивизии, после короткого приветствия и поздравления, вручил знамя командиру полка гв. подполковнику Маркелову, который, встав на одно

колено, произнёс гвардейскую клятву и, поцеловав край полотнища, принял наше новое боевое знамя. Когда подполковник взялся за угол полотнища, оно натянулось, и мы увидели знакомые профили Ленина и Сталина. Молча смотрели гвардейцы на это знамя, на коленопреклонённого командира, а в нашей памяти проносились те события, в которых участвовал полк для того, чтобы сейчас принять этот символ: и Заячья Гора, и Сталинград, и Днепр, вспоминались однополчане, пережившие с нами все героические и трагические часы, дни, месяцы, вспоминались те боевые товарищи, которые не дожили до этого торжественного момента, отдав свою жизнь за нашу будущую победу.

После этого все гвардейцы встали на одно колено и повторили слова гвардейской клятвы. Далее, командир дивизии и командир полка поднялись на небольшую трибуну, а комполка даёт команду: «К торжественному маршу, первая рота прямо! Остальные направо!». Пусть этот парад проходил не на Красной площади, перед Кремлём, пусть перед нами на небольшой трибуне были только наш командир дивизии и, такой знакомый и привычный, комполка, пусть на нас не парадные мундиры, а потрёпанные б/у х\б (бывшая в употреблении хлопчатобумажная [летняя] форма), и мы не особо горазды в равнении и строевом шаге, но наши сердца полны гордости. Мы, с боями прошагавшие от стен Москвы и Сталинграда, принимали заслуженное, в прямом смысле, кровью и потом, гвардейское знамя здесь, на краю советской земли, у самой её границы, в богато одарённой природой Молдавии, где жил бедный народ под игом румынских бояр, а теперь навсегда ставший советским.

Пусть ещё в двух километрах от места нашего парада часть этой же молдавской земли занимают фашистские немецко-румынские войска, но твёрдо знаем, что до полного освобождения от оккупантов всей советской земли остались считанные дни, и близок день избавления всех народов, страдающих под фашистским игом.

После парада командир полка вручал рядовым, сержантам и офицерам заслуженные награды, среди которых были и «скромные» медали «За отвагу», и

яркие «Славы», «Отечественной войны» обеих степеней. Потом были зачитаны приказы о присвоении некоторым офицерам следующего воинского звания [далее – тетрадь 50], при этом комполка сам прикреплял на грудь награждённым ордена и медали, вручал новые погоны.

Так, в этот день, получил орден «Отечественной войны» командир батальона капитан Никульшин, которому несколько минут спустя были вручены и майорские погоны.

После парада мы, взволнованные, разошлись по подразделениям и почти до утра обменивались со своими товарищами чувствами, мыслями, вспоминали своих родных, представляя, как они живут, что делают сейчас, гадая, скоро ли мы с ними встретимся.

В эти же дни был получен приказ о проведении учений в районе г. Рыбница для практического обучения радистов работе на радиостанциях. Для этого моему взводу предстояло прибыть в большое село, расположенное в 30 километрах от с. Будэй (в нескольких – от Рыбницы).

Старшина роты Щербаков выделил нам перекошенную бричку, которую мы заполнили запасом продуктов на 10 дней (часть положили в вещмешки).

Я приказал помкомвзводу Щечилину проверить предварительную готовность каждого радиста к маршу. Радиостанции решил везти на бричке, а тренировкой ношения их за плечами заняться на учениях. За день до выхода лично проверил каждого солдата: наличие ложки, котелка, нет ли в вещмешке лишнего, ненужного имущества. Проверил обувь, обмундирование, чистоту портянок (проверив, как каждый солдат их заворачивает).

За несколько дней до похода мне нужно было сходить в штаб полка, и поднимаясь в гору, я почувствовал, что задыхаюсь. Сказалось длительное отсутствие тренировок в ходьбе, сидячая жизнь в землянке. Поэтому решил марш совершать пешком, ни в коем случае на бричку садиться не буду.

Вот, рано утром, до восхода солнца, взвод построился, и вот я уже чувствую уверенный стройный шаг идущих за мной радистов; замыкал строй

помкомвзвода Щечилин (в его задачу входило следить, чтобы на марше не было отстающих). В строю, кроме Щечилина, находились: сержант Платонов, мл. сержанты Леонов, Гресько, Матвеев, ефрейтор Алемский, радисты Шевчук, Шевченок, Пинченко, Лущевский и ещё два солдата, фамилии которых не могу вспомнить. На бричке ехал (в качестве ездового) Опря.

Миновали лесистые горы, примыкавшие к р. Кула, и перед нами раскинулась степная (хотя и сильно всхолмлённая) Бессарабия. К полудню, когда была пройдена большая часть пути, южное августовское солнце распалилось немилосердно, – вся спина взмокла, по лицу из-под пилотки тёк солёный пот, попадая в глаза и разъедая их.

Шли спокойным, неторопливым мерным шагом (около 4 километра в час), ежечасно вставая на 10-минутный привал. На этом марше я решил узнать, как каждый солдат переносит ходьбу, а также – дать тренировку, т. к. новички ещё, как следует, не ходили, старые же радисты засиделись, а нам, очевидно, предстоит наступать, придётся преследовать противника, не исключено, – что сутками, следовательно, надо, чтобы радисты были тренированы не хуже, а лучше пехотинцев.

Вот наша небольшая колонна вышла на хорошую старую дорогу, ведущую в г. Бельцы. Обсаженная по сторонам вековыми деревьями, она давала путникам надёжную тень, почти при любом положении солнца на небосклоне (за исключение зенита). Удивляла пустынность такой удобной дороги в прифронтовой полосе. Но на привале, в ближайшем селе, нам рассказали, что пустынна она только днём, ночью же по ней беспрерывным потоком движутся в обоих направлениях автомобили и повозки, а иногда, глубокой ночью, длительное время слышен грохот тяжёлых гусеничных машин. По всему видно, что готовится большое наступление, ведь две недели назад тут было спокойное дневное движение.

После полудня я почувствовал сильную усталость, но продолжал в том же темпе идти перед взводом, затем поднялась температура, ноги налились

будто свинцом, но садиться на бричку было нельзя, это было бы хуже и для меня, и для тех, кто шёл со мной, ведь я бы не получил нужной тренировки, а солдатам было бы значительно тяжелее идти, когда командира нет впереди.

Последние километры я всё чаще и чаще поглядывал на карту, прикидывая, сколько ещё осталось идти. Но вот и нужное нам украинское село [скорее всего, Михайловка]. В центре его – небольшое деревянное здание школы, огороженное штакетником, в ограде – густая немятая зелёная травка. На этой травке мы и растянулись. Я приказал Щечилину организовать приготовление обеда, а сам, завернувшись в шинель в тени брички, повалился почти без сознания.

К утру температура спала, только сильная слабость и неприятный вкус во рту напоминал о болезни. Умывшись у колодца и съев похлёбку, приготовленную Лущевским в солдатском котелке, я почувствовал себя почти здоровым. Приказав начальникам радиостанций готовить аппараты к работе, я пошёл на окраину села, где должен был находиться начальник сборов, пом. начальника связи дивизии гв. капитан Ковордеев.

Вскоре после того, как подошёл я, у него собрались все командиры взводов. Он кратко поставил перед нами задачи, указав каждому район расположения радиостанции, позывные и волны, порядок и сроки их смены.

Вернувшись во взвод, я сообщил начальникам раций местоположение их радиостанций, сигналы для перехода на другие места, раздал схемы радиосвязи, тексты радиограмм с указанием времени их передачи (эти тексты, заранее заготовленные мной на первый день учений, были составлены как открытым, так и цифровым шифром, а также – клёром). Основной упор делался на приём открытого текста и буквенного шифра, т. к. приём цифрового текста не представлял затруднений и не требовал тренировки.

После обеда расчёты разошлись по своим точкам. Я был недоволен только тем, что у меня самого́ нет хотя бы приёмника, чтобы лично контролировать работу радиосети. Осуществлять контроль я мог только путём

проверки принятых радиограмм, а использовать в целях контроля одну из радиостанций, значит, оставить без тренировки её расчёт. Приходилось ограничиться включением в приёмник вторых наушников (понятно, что поочерёдно, на разных аппаратах). Находиться долгое время на одной и той же радиостанции я считал лишним, стесняющим её начальника в выборе самостоятельных решений и действий. К моему сожалению, я не мог, по правилам этих учений, дать радистам тренировку в определении и устранении неисправностей, к тому же мы тренировались на боевых аппаратах.

Главная радиостанция сети был расположена на склоне глубокой лощины, среди сливовых деревьев. Здесь же, недалеко, была разбита палатка и для меня, в ней спал и Опря, смотревший за конями.

С утра, до рассвета, я принимал доклады начальника главной радиостанции сержанта Щечилина о полученных радиограммах и о состоянии радиосвязи, затем, проверив правильность принятого текста, вручал ему для передачи очередной.

Затем, после завтрака, отправлялся в обход остальных радиостанций. Часто отыскать их было не так просто, ведь я знал только район их расположения, а маскировались расчёты порой очень искусно. При обходе мне необходимо было проверить не только точность принятых радиограмм, но и правильность установки радиостанций (особенно – их антенн), их маскировку, а также – оружие и др. имущество личного состава (котелки и пр.).

В районе учений была возведена оборонительная полоса. По склону балки тщательно выкопана зигзагообразная траншея, на определённом расстоянии друг от друга были приготовлены ДЗОТы, траншея была готова в любую минуту принять войска, а ДЗОТы, казалось, только и ждали, чтобы в них установили пулемёты. Более того, за этой траншеей была ещё одна, кое-где связанная с первой.

Меня сначала удивило, зачем здесь, в 30 километрах от фронта, траншея. Но потом, поразмыслив, я понял, что, хотя немецкая армия, в целом, сейчас и

слабее советской, но на отдельном участке вполне может сосредоточить превосходящие силы и прорвать фронт; тогда-то такая, заранее подготовленная оборона способная спасти много солдатских жизней. А если не пригодится – лучше бы, чтоб так и было, хотя, проводя учения в таких, более приближенных к реальному переднему краю, условиях, наши радисты и в настоящей боевой обстановке будут чувствовать себя увереннее.

На нашем участке фронта, немцам, очевидно, очень хотелось ударить так, чтобы окружить советскую группировку, действующую в Румынии, под Яссами. И наше командование, понимая такие риски, подготавливало подобные дополнительные оборонительные полосы.

Вечером мимо моей палатки куда-то направляясь, шли несколько человек; разговорившись, закурив с прохожими, я выяснил, что они жители Рыбницы, переходят в сёла, подальше от города, т. к. каждую ночь немцы бомбят мост через Днестр, хотя за несколько месяцев ещё ни одного точного попадания не было. Действительно, ночами над нами пролетали в сторону этого города несколько самолётов противника, но летели они уже не массой, как в 1942 году на Узловую, а несколькими отдельными единицами. Вскоре, после их пролёта, в стороне Рыбницы, начинали шарить небо прожекторы, зенитные орудия открывали интенсивный огонь, в высоте были видны пунктирные линии трассирующих пуль и звёздочки вспышек разрывающихся снарядов. Довольно громкие звуки выстрелов зениток на некоторое время перекрывались гораздо более редкими, но более громкими звуками взрывающихся авиабомб. Вся эта ночная «музыка», обычно, продолжалась полчаса–час, потом всё смолкало.

Иду по пыльной улице большого украинского села (в этом районе Бессарабии много украинских сёл); в тени, на завалинке, сидит, с «люлькой» [курительной трубкой] в зубах, украинский дед, одетый в холщовые белые штаны и такую же длинную рубаху. Когда я поравнялся с ним, он привстал, поздоровался, пригласив отдохнуть с ним, попросил закурить табачку. Я с

удовольствием сел в тень, вытер платком пот с лица и шеи, вытащил кисет и протянул деду. После того, как дед набил свою люльку, я тоже свернул цигарку и затянулся.

Дед, страдавший от одиночества, был благодарен мне за компанию, стараясь разговорами задержать меня подольше. Первым делом сообщил, что, в своё время, тоже служил в русской армии, участвовал в войне с немцами в 1914 году. Потом рассказал мне, как научился курить.

В деревне многие ребятишки, чуть не с 8 лет, тайно от взрослых покуривают, но его табак никогда не привлекал. Уже взрослым парубком, лет в 18–19, он, как крепостной крестьянин, работал на панщине (по-нашему, на барщине). Их пан имел большие плантации табака, и почти вся их деревня всё лето работала на них. Его отец на лошади возил воду для полива, а он с другими безлошадными работал на прополке. Работали, обычно, от зари до зари. Но частенько устраивали перекуры, благо пан никогда сам на работах не присутствовал, а его староста, особенно в работе их не подгонял. И вот, когда все усядутся в тени, вынут люльки, то его, как некурящего, посылают то за тем, то за другим.

- Терпел я, терпел, – говорит дед, – потом думаю, лучше буду курить, и завёл себе трубочку.

А потом рассказал дед мне, как его отец умного пана обманул. Пан их был из образованных, вёл хозяйство «по-новому» – оплата труда крепостных была, хоть и нищенской, но сдельной, дабы не приходилось подгонять работающих, как при крепостном праве, плёткой (учёный пан подгонял их копейкой). Дедов отец набирал у колодца воду в бочку, ехал на табачные поля, где на подъезде десятник выдавал ему марку. Получив марку, возчик должен был вылить воду на плантацию, как он и поступал. Но как-то, долго возмущаясь скупостью оплаты, стал делать иначе: получив марку, объезжал поля кругом, выезжал на дорогу, идущую от колодца с той же полной бочкой, чтобы вновь получить у десятника очередную марку (и так – несколько раз).

Таким макаром дедов отец, начерпав бочку за день раза четыре, получал до 20 марок. Еженедельно, по субботам, управляющий обменивал марки на деньги.

Но и этого хитрецу было мало. Вскоре он в воскресенье, когда работы не производятся, пригласил в шинок панского денщика, угощеньями заведя с ним тесное знакомство. Явившись к этому денщику поздно вечером, он получал от него полную шапку марок. Рассказывая всё это, дед беспрерывно вытаскивал изо рта люльку и весело хихикал; особенно смешным ему казалось то, что учёный пан до самой своей смерти так и не догадался, как его обманывают.

Дед остался сидеть на своей завалинке, поджидая очередного, редкого в этих местах, собеседника, я же, продолжив свой путь, проверил работу радиостанции и, подготовив очередные радиограммы для передачи, решил потренироваться в стрельбе из пистолета, освежив навык прицеливания. Надо заметить, что обычно я никогда не держал в стволе своего «ТТ» патрона, но накануне, ложась в одиноко стоявшей палатке, на всякий случай, дослал патрон в патронник.

И сейчас, сев около палатки, вытащил из кобуры пистолет и, заметив висящую на ветке сливу, совместил прорезь прицела с мушкой с целью. Вот плавно нажимаю спусковой курок, и вдруг, неожиданно для меня, раздаётся выстрел. Вот так сам себя напугал. Нет, думаю, так больше тренироваться не буду, – надо вынимать патроны из магазина, а то можно и кого-нибудь подстрелись (рикошетом или из-за сбившегося прицела).

Сразу после выстрела я оглядел противоположный склон балки, куда улетела пуля. Слива, в которую я метился, продолжала висеть, будто дожидаясь более ласкового, привычного способа сбора урожая. На склоне продолжали пастись коровы (может, не понявшие, какая им от связиста грозила опасность, может, привычные к таким выходкам людей), из чего я понял, что моя случайная пуля в этот раз не оказалась дурой, т. е. никого не повредила.

В другой раз, когда я сидел около палатки, ко мне подошла молодая молдаванка и что-то, очень эмоционально, начала мне говорить. Она говорила

без умолку, минут десять, и всё это время лицо её, то ли от сильного гнева, то ли от великой радости, оставалось красным. Я ни одного слова не понял и, когда она, закончив свою [далее – тетрадь 51] речь, вопросительно взглянула на меня, а я в ответ мог ей ответить лишь «ну шти» (не понимаю [на самом деле, по-молдавски «ну штю» / «nu stiu» означает «не знаю»]). Тогда она заговорила ещё горячей, и опять речь её безостановочно длилась не менее десяти минут, как понимаете, я за это время оставался всё также знаком с молдавским языком в объёме 5–6 слов, может быть, и с не совсем точным вариантом перевода, представленным мне Опрей. Мой повторный ответ «нушти» заставил её сердито махнуть рукой, после чего она, резко повернувшись ко мне спиной, со словами «Ты “ну шти”, я “ну шти!”», ушла.

Учения наши закончились, по их окончанию я провёл анализ проделанной работы: сначала – отметил лучшие расчёты, потом – остановился на тех недостатках, которые были выявлены в эти дни, затем – конкретно указал, над чем каждый должен работать, чтобы быть хорошим, надёжным, грамотным связистом.

Меня радовало то, что все расчёты показали понимание необходимости быстрого окапывания и хорошей маскировки радиостанции. А вот умение продвигаться, используя естественные укрытия под огнём противника, проверить в наших обстоятельствах можно было лишь условно. Кроме того, все расчёты могли самостоятельно вступать в связь и вести передачу и приём сообщений азбукой Морзе, хотя и медленно, но уверенно. А такие начальники радиостанций, как Платонов и Леонов, могли самостоятельно обнаружить и исправить простейшие неисправности радиостанций.

И вот рано утром взвод выстроен, о чём доложил мне помкомвзвода сержант Щечилин. Я, поприветствовав вверенный личный состав, с командой «Вольно!» прохожу вдоль строя, чтобы увидеть лица радистов. За эти дни можно заметить изменения в их выражении, – появилась уверенность и сознание своей силы и правоты, а это самое главное для солдата. При втором

обходе осматриваю ноги, – обувь поистрепалась, но тщательно вычищена (как и всё остальное обмундирование, где особо выделяются белые подворотнички, оттеняющие загоревшую под южным солнцем кожу на шее).

Человек, попавший в армию, в условия реального фронта, до тех пор не будет настоящим солдатом, пока не научится при любых обстоятельствах быть аккуратным и чистым: в эшелоне, в переполненном вагоне, в траншее, на тяжёлом марше, как летом, так и зимой.

Передо мной стояли Пинченко, Шевчук – молодые ребята, всего четыре месяца назад мобилизованные, а по всему их виду уже можно было сказать, что это настоящие солдаты-гвардейцы.

Опросив, нет ли больных, не потёрты ли у кого ноги, я подал команду «На право! Шагом марш!», – и радисты, начав с нескольких чётких ударов, перешли на лёгкий походный шаг; позади ехал на бричке Опря.

В начале обратного марша всех насмешил Лущевский. Когда наш строй стал обгонять ехавшую по дороге бричку, запряжённую парой голубых волов, он обратился ко мне с горячей просьбой:

- Товарищ гвардии лейтенант, дозвольте выйти из строя, на волах прокатиться!

На это я сказал, что молдавские волы не знают украинских «цоб–цобе́!»[1], но любитель езды на волах не успокаивался:

- Да я только хвосты им покручу, всё на душе легче станет.

- Хорошо, выходи из строя, но, чтобы через час нас догнал. И не забудь хозяину волов оставить! – отвечаю я.

И вот Лущевский взгромоздился на бричку, потеснив возницу, смирного молодого молдаванина. Очевидно, волы не сильно обращали внимания на нового погонщика, т. к. его бричка вскоре сильно отстала от нас. Радисты сначала часто поворачивали головы назад, чтобы полюбоваться, как мастерски

[1] «Цоб–цобе» – «налево–направо!», команды, используемые для управления волами в южных областях России, на Украине; лингвисты видят истоки этих слов от произношения на украинском и польском языках «от себя, к себе!».

пытается украинец Лущевский управлять бессарабскими волами. Кстати, и управлять ими не было никакой надобности, – они и сами спокойно шли по ровной дороге, прилежно таща пустую бричку (так же везли б и тяжело нагруженный воз). Минут через сорок Лущевский строй догнал с таким лицом, будто сбылась его самая заветная мечта.

В селе Теленешты нам сообщили, что наш полк сменил полосу обороны и в настоящее время находится по фронту левее села Будэй, за селом Краснашéны.

Село Краснашены разбросано на крутом высоком склоне. При взгляде на него казалось, что это не одно село, а несколько небольших деревенек, расположенных близко друг к другу. В самом селе разместился дивизионный медсанбат и тылы полка. Выше села, до самой макушки горы, рос густой лес, там и расположился штаб полка и командный пункт.

Стрелковые батальоны находились в траншее на южном склоне горы, а на самом дне долины, извиваясь между болотистыми берегами, текла речка Кула (пока мы там находились, даже не речка, а небольшой ручей). Противник оборонялся на противоположном её берегу, на склоне соседней горы.

В преддверии наступления нашими бойцами был захвачен на южном берегу Кулы небольшой плацдарм. Этот клочок земли подвергался сильному огневому воздействию с трёх сторон. Болотистое место не давало возможности глубоко закапываться в землю, поэтому брустверы мелковатой траншеи были подсыпаны специально принесённой сюда землёй. Несмотря на небольшую глубину этого укрытия, солдаты вынуждены были беспрерывно откачивать воду, ногами находясь всё время в грязи. Днём из траншеи и носу нельзя было высунуть. Т. к. сидеть на этом плацдарме было изнурительно, каждую ночь «гарнизон» сменяли один за другим разные стрелковые взвóды.

При подходе к плацдарму свежего взвода (как и при отходе сменяемого) бывали потери раненными, а иногда – и убитыми. Несколько раз немцы ночью

вели такой интенсивный обстрел, что смениться не было никакой возможности, и солдаты находились там двое суток подряд, на сухом пайке и болотной воде.

Ещё мы узнали, что за время нашего отсутствия на учениях радистов к обычной жизни нашего полка добавилось ещё одно, приятное занятие. Так как население из прифронтовой полосы было эвакуировано, а урожай в первой декаде августа уже поспел, командование приказало военным частям произвести уборку. В нашей части эти работы возглавил помощник командира полка гв. майор Старцев В. П. На это дело со всех подразделений полка были выделены люди, повозки, лошади. Сумели где-то достать молотилку с локомобилем (в Бессарабии тракторов тогда не было). Солдаты за время войны соскучились по мирной работе и горячо взялись за уборку урожая.

В садах села Будэй созревали фрукты (только виноград ещё не поспел). Сливовые деревья так густо были усеяны плодами, что даже толстые ветви не выдерживали и ломались под тяжестью фруктов. Спели яблоки, абрикосы. Полк получил задание и по сбору и сушке фруктов, а среди солдат нашлись специалисты по этой части.

Наконец, наша команда добралась до места, а я, явившись в роту, доложил командиру, гв. капитану Чебоненко о прибытии радистов. Он приказал распустить солдат на отдых, а мне передал приказание комполка явиться к нему.

К этому моменту в лесу уже совсем стемнело, и тропинки уже нельзя было различить глазами, можно было только нащупать ногами. Заблудиться была возможность не меньшая, чем в ночной сталинградской степи, к тому же я в первый раз был в этих местах, не зная даже, в какую сторону идти, поэтому капитан послал со мной своего связного.

Подходя к домику, где поселился комполка, я оправил амуницию, провёл руками по гимнастёрке, проверяя, все ли пуговицы застёгнуты, и, о, ужас! одна из них оторвалась. Явиться в таком виде – командир может не принять, вернуться в роту, значит, потерять целый час, а комроты ещё полчаса назад

доложил по телефону о моём выходе. Решил я, что в позднее время, при свечке гв. подполковник Маркелов не заметит.

Сказав пароль часовому, я вошёл в дом и, как положено по уставу, доложил:

- Гвардии лейтенант Плотников явился по Вашему приказанию.

Комполка, глянув на меня, сразу скомандовал:

- Кругом! Пришейте сначала пуговицу, а потом являйтесь.

Выйдя из дома в лес, я был рад темноте, потому что днём, наверное, сгорел бы со стыда, провалился бы сквозь землю, щёки от прилива крови горели. Однако я быстро успокоился и вспомнил, что иногда солдаты ловко выходят из таких положений. Я вытащил из кармана коробок и, достав одну спичку, отломил от неё половинку; вставив пуговицу в петлю, воткнул спичечный обломок в ушко пуговицы. Пуговица была на месте, можно было возвращаться к командиру.

На этот раз подполковник Маркелов со мной поздоровался и спросив, как прошли учения, попросил проверить приёмник, который у него на новом месте не работал. Быстро отыскав неисправность, я устранил её (в отсутствие радистов приёмник устанавливали телеграфисты и неправильно подключили батареи).

После этого я вернулся в роту и, с наслаждением сняв сапоги и завернувшись в шинель, моментально уснул (ещё и потому, что такое удовольствие, как сон без сапог, я себе позволял очень редко).

Утром я очередной раз проверил радиостанции. Ещё на учениях радиостанция 3-го стр. батальона перестала работать телефоном, – я нашёл, обрыв вторичной обмотки микрофонного трансформатора. Кроме того, все аккумуляторы были разряжены, поэтому, погрузив их на бричку, я поехал в с. Гиришены, в дивизионную роту связи.

Там у меня приняли аккумуляторы в зарядку, приняли и неисправную радиостанцию, но скоро отремонтировать не обещали, т. к. радиотехник

Гречишкин всё ещё находился на излечении в медсанбате (ему, по словам электромеханика, из-за свинки делали операцию со щекой, и после этого врачи сказали, что он долго пролежит).

Я, было, хотел взять радиостанцию обратно, но мне её не отдали. Нач. мастерских гв. ст. лейтенант Толузенко сказал, что неисправную радиостанцию выдавать не имеет права, и, как я не доказывал, что радиостанция может работать телеграфом, он аппарат мне так и не вернул (а может, это была расплата за мой побег от, предложенного старшим лейтенантом в последней нашей встрече, вина).

В дивизионной роте связи мне рассказали, что у них в подразделении два сержанта выбыли из строя по ранению. Дело было так. Свободные от несения службы солдаты и сержанты роты, под командой одного из офицеров, занимались строевой подготовкой, – маршировали по дороге, внизу лощины, по обе стороны которой возвышались высокие, с довольно крутыми склонами гребни. Неожиданно из-за горы вынырнули два «Фокке-Вульф-190» – новые немецкие истребители[1]. Стремительно снижаясь, они сбросили на колонну небольшую бомбу, при взрыве которой осколками и были ранены два сержанта.

В эти дни на нашем участке фронта стояло продолжительное затишье, бомбардировочная авиация противника почти не появлялась (наши истребители иногда пролетали в небе). Лишь один раз несколько самолётов отбомбили с. Будэй и один раз – Краснашены. И вот появились эти «Фокке-Вульфы». За день они несколько раз, па́рами, прилетали на свободную «охоту». Это было, конечно, не то, что когда-то под Зайцевой Горой или под Сталинградом, когда над нами зависала на целый день «рама», или, когда их бомбардировщики гонялись за нашими одинокими солдатами. Ныне немецкие лётчики старались как можно быстрее вернуться на свой аэродром, – стремительно пролетят в одну сторону, через некоторое время, также, без малейших задержек – обратно.

[1] Речь, скорее всего, идёт о модификации FW-190 A-8 или FW-190 D «Дора», к выпуску которых немцы перешли в 1944 году.

Но вот поступил приказ сменить (в очередной раз) участок фронта. Полку предстояло перейти на правый фланг дивизии. Ночью наши стрелковые батальоны были сменены, а днём полк перешёл на назначенные позиции, заняв в следующую ночь отведённые ему траншеи. Я с дивизионной и полковой радиостанциями поместился на наблюдательном пункте командира полка.

Новая оборона полка проходила по северному берегу реки Кула, на северном склоне её долины. Этот склон был более пологим, чем южный, занятый противником, к тому же, в отличие от обратного склона, покрытого густым лесом (где разместились тылы полка), был, почти абсолютно, безлесен.

Примерно посередине участка полка, из этого склона на юг, к самому берегу реки Кулы, выдвигался невысокий, с крутыми склонами отрог, на конце которого и был оборудован НП. Здесь же, на восточном склоне отрога, была выкопана землянка для командира полка; я же с радиостанциями помещался в землянках на западном склоне отрога.

Река Кула, шириной 1–2 метра, вилась по поросшей осокой и камышами сырой долине. Три траншеи противника были оборудованы по её противоположному, более крутому, берегу. Первая отстояла от нашей всего метров на 200 и на столько же – от своей второй; ещё выше шла третья. Растущий на верхней части склона лес в нескольких местах подходил близко ко второй траншеи противника.

Немного левее НП, на противоположном склоне, скрывалось в складке село Редéны; нам была видна лишь белая колокольня церкви и несколько окраинных домиков.

Как только мы устроились на новом месте, из штаба принесли для ознакомления приказ командира дивизии, где предписывалось каждому из трёх полков атаковать противника одним батальоном, сосредоточив его на полосе до 200 метров; остальной участок полка (до 2-х километров) надлежало оборонять силами двух других батальонов. Атака назначалась [далее – тетрадь 52] 20 августа 1944 года на 15:00 по московскому времени.

Этим же приказом предписывалось иметь в боевой готовности в стрелковых батальонах радиостанции, обеспечив их запасным комплектом заряженных аккумуляторов. У меня же, в 3-м батальоне радиостанция была на ремонте, а в остальных – не было запасных комплектов (только что были сданы на зарядку). Пришлось тут же ехать в штаб дивизии (в с. Гиришены), к начсвязи гв. майору Дудникову. Доложив ему состояние радиосвязи полка, я просил его дать указание начальнику мастерской дивизионной роты связи выдать мне радиостанцию, хоть не отремонтированную, а также обязать его срочно зарядить все аккумуляторы. Однако он оказался давать такое указание, когда же я сослался на приказ комдива о наступлении, он только посмеялся, сказав:

- Какое же это наступление?! Это лишь разведка боем, успеха такая атака иметь не может.

Так я вернулся ни с чем.

Сразу же, с разрешения начсвязи, я лично доложил командиру полка о положении с радиосвязью. Подполковник ответил, что он сейчас же едет к комдиву, чтобы принять меры через него. Утром следующего дня он вызвал меня и приказал ехать за аккумуляторами и радиостанцией; и действительно, на этот раз я всё быстро получил. Теперь в полку с радиосвязью всё было в полном порядке, если не считать радиостанцию 3-го батальона, не работающую телефоном.

В 1-м стр. батальоне начальником радиостанции был Леонов, радистом Шевчук; во 2-м – Платонов и Алемский, в 3-м – Матвеев и Пинченко. Расчёт главной станции полковой сети – Щечилин и Гресько. Кроме того, в резерве были Шевченко и Лущевский; на них, вместе с повозочным Опрей, возлагалась обязанность возить на зарядку аккумуляторы и своевременно их обменивать в стрелковых батальонах.

Командир полка решил атаковать противника силами 3-го стр. батальона, которым командовал гв. капитан Бойко (ранее он командовал 2-й ротой автоматчиков).

На 20 августа выдался ясный, безветренный и жаркий день. Чтобы соблюсти внезапность атаки, решено было не предварять её артиллерийской подготовкой, а артогонь открыть одновременно с началом атаки на первую траншею противника, в 15 часов, когда обычно немцы отдыхают после обеда. Сразу же постараться перейти на вторую траншею и на засечённые огневые точки противника. Артогонь поддерживался силами 3-го дивизиона 171-го гв. артполка, приданного нашему полку, а также – силами 120-м/м миномётов и батареи 76-м/м полковых пушек. Минро́та [минная рота] и взвод ПТО [противотанковых орудий] ведут огонь по указанию комбата.

В полдень перестрелка затихла, изредка звучала со стороны противника короткая пулемётная или автоматная очередь, и опять – тишина. И вдруг в воздух взвились три красные ракеты, и мгновенно из нашей траншеи выскочили бойцы, устремившись к реке. Замершие в безветрии камыши и осока закачались беспорядочными волнами, раздвигаемые бегущими солдатами и офицерами. Впереди, как и обычно, воодушевляя солдат личным примером, бежали замполит батальона, политруки рот, парторг и комсорг батальона.

Кого-то, в первые же минуты, обгоняли более тренированные и более сильные солдаты. И вот – река, прыжок, – и цепи наступающих уже на берегу противника. Некоторые солдаты, не прыгая, пробежали в 2–3 шага мелкую речушку, было видно, как от них вовсе стороны разлетаются брызги.

В этот же момент траншея немцев была покрыта частыми разрывами снарядов нашей артиллерии. Обычных криков «Ура!», в целях максимальной внезапности, не было (хотя даже, если бы атакующие и кричали что-то, их криков на фоне взрывов не было бы слышно). Хотя это не был сплошной гул, как бывает при мощной артподготовке, когда огонь ведут несколько артиллерийских полков, но всё же, хоть и можно было различить звонкие выстрелы дивизионного 76-м/м орудия и хлопки миномёта, все эти выстрелы и взрывы были практически непрерывными, для тишины не оставалось ни секунды.

Когда атакующие, преодолев болотистую низину, устремились вверх по склону, артогонь перенесли на вторую траншею немцев, а траншеи противника всё молчали. Но вот, на фоне нашего артогня раздались с трудом различаемые негромкие звуки выстрелов немецких орудий, и прибрежные болотца покрылись фонтанами взрывов. Враг совершенно понапрасну израсходовал эти снаряды, ведь наша пехота прошла это место несколько минут назад, а этот момент была уже далеко впереди!

Вот из немецкой траншеи послышались одиночные недлинные автоматные очереди, и в то же время, фрицы, выпрыгивая оттуда, вприпрыжку понеслись наутёк. Тогда за дело взялись ручные пулемёты и автоматы атакующих, и удирающие немцы стали спотыкаться и падать. Наши прыгают в траншею и оттуда обстреливают убегающего противника, число упавших среди отступающих значительно увеличилось. Вторая траншея немцев молчит, т. к. им нельзя стрелять, чтобы не поразить своих же (хотя довольно часто фашисты открывали по своим отходящим жестокий пулемётный огонь).

Тут немцы открывают артогонь по району бывшей своей первой траншеи, но – опять поздно, потому что все наши бойцы добрались до укрытия. Командиры рот докладывают по телефону из траншеи, о том, что она целиком взята, потерь нет.

Комполка призывает немедленно, пока противник не опомнился, продолжить атаку и занять вторую траншею. И опять, густо выскакивая из траншеи, уже – с криком «Ура!», наши стрелки устремляются ко второй траншее противника. Но теперь уже нет фактора внезапности, противник открывает из своей второй траншеи плотный пулемётный и автоматный огонь, и у нас появляются потери, падают убитые и тяжело раненные, уцелевшие и получившие более лёгкие ранения продолжают бежать вперёд, т. к. залегать на чистом месте под таким плотным огнём смерти подобно.

За несколько минут гвардейцы достигают второй траншеи и прыгают в неё, а из неё, сначала редко, а потом всё гуще, выпрыгивают немцы, убегая в

гору, к своей третьей траншее. Многие из них падают, оставаясь лежать на крутом склоне. Некоторые наши солдаты, в горячке боя, тоже выпрыгивают из траншеи, преследуя убегающих фрицев, но, когда из леса показываются два вражеских бронетранспортёра и открывают ураганный огонь, бойцы опять возвращаются в траншею. Саму траншею уже не видно из-за разрывов вражеских снарядов, а противник, из третьей траншеи, устремляется в контратаку на наших бойцов, засевших во второй траншее.

Надо помнить, что всё это происходит на узкой полосе фронта, шириной около 200 метров, а на остальных 2-х километрах участка нашего полка, тишина. Именно поэтому противник имеет возможность оттянуть оттуда свои силы и организовать в этом месте мощную контратаку.

Первую контратаку успешно отбили, но за ней следует вторая. Особенно много неприятностей доставляют два бронетранспортёра, которые своим плотным пулемётным огнём не дают возможности встретить немцев в штыки у траншеи (штыковой русской атаки немцы никогда не выдерживали). Несмотря на большие потери, противник продолжает контратаковать свою бывшую вторую траншею.

Болотная пойма реки не даёт возможности переправить днём под огнём противника противотанковые пушки, чтобы прямой наводкой подбить бронетранспортёры. К вечеру наши были вынуждены покинуть вторую траншею, но в первой закрепились крепко.

В первые часы боя, при атаке второй траншеи, был убит парторг батальона, а вечером тяжело ранен комсорг гв. мл. лейтенант Решетов, тяжело ранен и комроты гв. ст. лейтенант Шкутин. Много других солдат, сержантов и офицеров было убито, ещё больше – ранено.

Бои за вторую траншею продолжались до 23 августа, но безуспешно, больше овладеть ей не удалось. По плотности огня было видно, что противник подтянул на атакуемый участок крупные силы. За эти дни немцы неоднократно

пытались выбить наших из первой траншеи, но все их атаки были отбиты с большими для них потерями.

Но вот в ночь на 23 августа стало необычайно тихо. Разведчики доложили, что противника во второй и третьей траншеях нет, также нет его и в селе Редены. Отходили немцы поспешно, даже, против обыкновения, не подожгли дома и не взорвали церковь в селе. Исходя из складывающейся ситуации, командир дивизии настойчиво требовал немедленно двинуть полк в атаку, и к рассвету части перестроились на преследование.

Первым двинулся передовой отряд 2-го стрелкового батальона, за ним – главные силы. Как всегда, впереди шли разведчики, за ними на красивом гнедом коне – командир полка гв. подполковник Маркелов, на полкорпуса сзади – его адъютант, затем несли знамёна полка в чехлах, за знамёнами – радисты с радиостанциями, включёнными для работы на ходу, спецподразделения, 1-й и 3-й стр. батальоны, обоз и тылы полка.

Далеко впереди передового отряда действовали неутомимые разведчики гв. капитана Тотенко. Они, достигая каждого села, неизменно доносили, что противник не обнаружен.

Вскоре колонну главных сил обогнали походные кухни с дымившимися трубами котлов, в которых варилось мясо; на бричках, ехавших за кухнями, солдаты хозвзводов на ходу чистили большими ножами картошку.

Когда солдаты к полудню притомились, комполка подбадривал их, пропуская мимо себя колонны рот, сообщал, что обед будет в следующем селе, а до него сколько-то километров. И, чаще всего – на окраине, в селе нас ожидали кухни с привычным (но от этого не менее вкусным) обедом. Солдаты, поставив карабины в ко́злы, с наслаждением опускались на землю, сняв с натруженных ног сапоги (кто-то – ботинки), раскладывали просушить портянки и, в предвкушении еды, подняв ноги, отдыхали, полузакрыв глаза.

Но вот обед ро́здан, – или повара на ходу приготовили необыкновенно смачно, или к этому добавился аппетит, подслащённый пройденными

километрами, но только полбуханки, тоже – особенно вкусного, хлеба и полная солдатская порция моментально исчезали во рту, показавшись меньшими, чем обычно. Сидя в обороне, такой порции вполне хватало, а у большинства солдат зачастую оставались несъеденными и хлеб, и варево.

После длительного нахождения в обороне, когда солдат сидит в траншее, и даже всего неба ему не видно, непривычно праздничным казался открывающийся взору простор. Даже в лесу, идя по дороге, кажешься сам себе непривычно высоким. А, главное, к этому добавилась уже давно позабытая тишина – ни орудийных выстрелов, ни грохота взрывов, ни пулемётных или автоматных очередей. Даже слышно пение жаворонка! Но никогда ещё нас так не радовал тот шум, который нарушил всю эту тишину, – в последнем перед привалом селе нас встретила на околице стайка босоногих, все как один – побритых наголо, чернявых ребятишек. И бежали они рядом с нами, радостно улыбаясь и сча́стливо, как птички, переговариваясь друг с другом, до тех пор, пока не остановили их стоявшие у хат, в барашковых шапках и холщовых рубахах, взрослые молдаване, да и те не смогли удержать своих внуков-детей, малышня побежала провожать нас и за село. А всё это время, те, кто, по-видимому, не успел или почему-то не решился выйти на улицу, приветливо улыбались нам из-за заборов.

Кажется, целый год мы не видели женщин в мирной, как будто, довоенной одежде. Вот одна, с ведром и ковшиком, вышла к колонне, предлагая солдатам студёную воду; другая – из придерживаемого фартука раздаёт громадные яблоки, третья – вынесла солдатам прохладные молодые огурчики. Строй на какое-то время сбивается, но быстро утолив жажду, жуя на ходу, солдаты дальше шагают, вытирая рукавом с лица разъедающий глаза пот.

Милые, родные наши женщины, даже здесь, в далёкой от родных нам мест, Молдавии, которая и советской-то стала недавно, как вы заботливы к солдатам! Несколько лет «нового порядка», который под давлением немцев

наводили здесь румынские фашисты и бояре, не только не оторвали вас от советского народа, а ещё больше сроднили вас с ним.

Всё это мелькало у нас в головах: тишина, пение птиц, дети, женская забота, не военная, а мирная одежда и жизнь, – иногда казалось, что это в полубредý похода и налетевший после обеда сонный дурман, когда глаза невольно смыкаются, мысли путаются. А тут встали на последний привал – и все самые яркие и радостные впечатления понеслись по новой, но победила страшная усталость, и вдруг команда «Подъём!». Казалось, только закрыл глаза, но – нет, солнце уже заметно повернуло на закат, заметно вытянулись тени деревьев.

Быстро обуваемся, скатки, мешки – на себя, разбираем из кóзел винтовки и строимся ротными колоннами. Командир полка на коне, стоящий рядом с ним разведчик поднимает руку с ракетницей, и в воздухе вспыхивает зелёная ракета, колонна тронулась дальше.

Особенно достаётся радистам, у которых спина ещё не успела отдохнуть от радиостанций, но вновь, хочешь – не хочешь, получает привычную, нужную для всех идущих рядом, но от этого, не менее лёгкую, поклажу. Но никто из них не жалуется; на мой вопрос все одинаково бодро отвечают, что отдохнули замечательно.

Стало легче, когда солнце скрылось за горизонтом, и потянул, чуть заметный и тёплый, но всё-таки – охлаждающий разгорячённые длительной ходьбой спины и лица солдат, ветер. Лесистые и крутые окрестности Кулы поменялись на равнинный пейзаж, с более часто встречающимися сёлами.

Мы шли остаток дня и всю ночь, а потом – и часть следующего дня. Утром вновь нас приободрили обгоняющие походные кухни, и, как и накануне, комполка предупредил нас об остановке на завтрак, а разведчики – о том, что впереди до сих пор противник не обнаружен.

Пока мы не понимали, отчего и куда так поспешно удирает фриц, ведь наши атаки в последние дни ему ничем не угрожали. Как позже стало нам

известно, ударная сила всего 2-го Украинского фронта, которым в это время командовал генерал армии Малиновский, была сосредоточена на румынской территории, и несколько общевойсковых Армий и одна танковая [далее – тетрадь 53] ударили на Яссы, прорвали сильно укреплённую оборонительную полосу противника и стремительно продвигались на юг, по правому берегу р. Прут, угрожая отрезать на левом берегу Прута, в Бессарабии, немецкие и румынские войска. Поэтому-то немецкие вояки, бросив свои позиции, удирали [в юго-западном направлении] к переправам через реку Прут у села Леушены [Leuşeni], чтобы успеть выскочить в Румынию, пока их не блокировали советские войска.

Одновременно с этим войска 3-го Украинского фронта под командованием генерала армии Толбухина прорвали оборону противника на правом берегу Днестра и активно продвигались к р. Прут. Наша 4-я гв. Армия, войска которой растянулись от р. Прут до р. Днестр (с запад на восток) фронтом на юг, имела задачу своим правым флангом, двигаясь в южном направлении по левому берегу Прута, прочно занять переправы у села Леушены. Однако сил нашей 4-й Армии для этого было недостаточно, и часть войск противника смогла выскочить на румынский берег, в тыл уже прошедшим далее главным силам 2-го Украинского фронта.

Августовское южное солнце пекло немилосердно; пот непрестанно лил в глаза, спина мокрая, ремни радиостанции режут плечи. Иногда, чтобы «обмануть» мышцы, радисты снизу руками поддерживали поклажу, на некоторое время (в таком положении получалось пройти не более 2-х минут) давая облегчение плечам. Ноги, как чужие, автоматически отмеряли километры, затем сотни метров, потом – намеченную взглядом метку, с надеждой остановиться (правда, эта надежда почти всегда была призрачной). Голова, будто сдана куда-то на склад, потому что мозги упрямо отправляют хозяину лишь одну мысль: «Скоро привал?», но такой привал (с обедом; на 2–3 часа) лишь раз в сутки.

Чтобы сохранить хоть остаток сил у радистов, начальник связи гв. капитан Попов отдал под радиостанции свою лошадь; с одного бока повесили дивизионную, с другого – полковую. Спина возрадовалась, а ноги – завидовали, по-прежнему вынужденные шагать и шагать.

Хотя я в ходьбе до этого считал себя тренированным (всегда много ходил и любил это делать), но на этот раз, тоже, порядком измотался. Но тут пришло спасение – адъютант комполка, ехавший на лошади чуть сзади от командира, не выдержал долгого сидения в седле, слез и предложил мне проехать час–другой. С трудом взгромоздившись на лошадь, я поехал. Отдых был хорош, но не долог – оказывается и верхом можно устать!

А противника впереди всё нет и нет. Вот так драпанул! Тут получаем сигнал штаба дивизии остановиться и ждать офицера связи; передаём команду в передовой отряд. В доставленном пакете – боевой приказ «Повернув почти на 180 градусов, атаковать большую колонну немцев, движущуюся по шоссейной дороге».

Местность в этой части Молдавии, по сравнению с той, где мы долго находились, и с той, по которой мы до этого передвигались, сильно изменилась, – горы стали высокие и крутые, их обрывистые склоны во многих местах покрыты густым лесом.

Вот над нашими головами, чуть не задевая «брюхом» за вершины гор, пронеслась девятка наших Ил`ов, а потом от них, с фырканьем, отделились огненные ракеты, разорвавшись где-то за горами. За этой группой, сразу же, с паузой всего в несколько минут, проследовала и отстрелялась вторая, потом – третья, четвёртая.

Мы представляли, какое побоище творится в местах, где рвутся выпущенные нашими лётчиками снаряды! Большая колонна противника, с автомашинами, где-нибудь на повороте входящего в горы шоссе, застигнута врасплох; и солдаты в панике выпрыгивают из кузовов, карабкаются по скалам, прыгают с обрывов. Да, это вам не 1941 год! Попасть в такую переделку и

бежать от взрывающегося возмездия, это вам не бомбёжка отступающих мирных жителей, это вам не расстреливать или поджигать согнанных в церковь или в сарай женщин, стариков, детей в белорусском или украинском селе.

Ну, а тем, кто сумеет спастись от ракет наших «летающих танков», мы мысленно обещали, что постараемся завершить начатое ими же противостояние одной, бесчеловечной (с их стороны) силы против другой, нашей, несущей свободу и мир.

Вот мы сближаемся с противником. Командир полка отдаёт приказ 1-му стр. батальону атаковать врага, а 3-му – залечь в засаду, в балке с крутыми склонами, куда, несомненно, кинутся обозы атакованной колонны (при этом развороте 2-й батальон, до этого шедший в передовом отряде, отстал на несколько километров и ещё не подошёл). Стрелки, развёртывая боевые порядки, приступили к выполнению приказа.

Командный пункт командира полка расположился на небольшом кукурузном поле; рядом поставили радиостанции. Вот 3-й батальон доложил по радио о готовности, и комполка ракетой даёт 1-му батальону сигнал атаковать.

Послышались крики «Ура!» и стрельба из автоматов и пулемётов. Отступающие в колонне немцы, с большим количеством конных повозок, с автомашинами, множеством верховых, несмотря на беспрерывные атаки с воздуха, ещё не потеряли надежды вырваться за Прут, веря, что наши их не запрут. Те, кто передвигались верхом на конях, при первых выстрелах наших бойцов спешно спешились и залегли вдоль шоссе, а автомашины и брички стали отходить как раз в ту балку, где их поджидал наш 3-й батальон.

Наши самолёты продолжали атаковать сбившуюся колонну противника с неба, но их ракеты взрывались дальше, там, где шоссе входило в узкое каменистое ущелье. Когда Ил`ы, заходя на атаку, пролетали над нами, их моторы заглушали все звуки недалёкого боя, в эти моменты невозможно было разговаривать и даже приходилось приоткрывать рот и затыкать уши.

Тут радист полковой радиостанции Гресько подаёт мне радиограмму из 3-го батальона, в которой сообщается, что подразделением захвачено 30 автомашин, 300 лошадей и много бричек с грузом. Комполка, выслушав от меня содержание этой радиограммы, сказал:

- Неправда! Запроси ещё!

Я сам сел за радиостанцию; в 3-м батальоне аппарат работал только ключом, радисты Матвеев и Пинченко вели передачу и приём не быстро, но чётко. Я прошу их повторить текст, – нет, всё, как было передано три минуты назад, «... докладывает командир батальона гвардии капитан Бойко».

Я второй раз докладываю комполка, но тот опять не верит и говорит:

- Запросите, кто держит лошадей, ведь у него самогó всего 50 человек!

Делаю запрос, – отвечают:

- Никто не держит. Лошади в тяжёлых бричках застряли на склоне балки. Автомашины в ручье. Пришлите людей собрать лошадей.

Подполковник приказал штабу направить туда всех, кого можно, из спецподразделений и тылов, для сбора трофеев.

Оказывается, когда автомобили и брички противника наткнулись на наш 3-й батальон, в котором, действительно, было только (из-за потерь, понесённых при атаке долговременной обороны на реке Кула) полсотни бойцов, правда, вооружённых пулемётами и автоматами, под их огнём немцы кинулись наутёк, кто куда, побросав застрявшую технику и гужевой транспорт, запряжённый ширококостными арденскими лошадьми. Часть фрицов, в итоге, сдались этому же, 3-му батальону, часть – нашим соседним частям.

Метрах в двадцати от КП, в кукурузе, стоял конь, на котором везли радиостанции. Смотрю, к Лущевскому, который караулил этого коня, подбежал полковой инженер и что-то ему пытается приказать, но мой связист на это отнекивается, показывая на меня. Вот капитан быстрым шагом подходит ко мне и просит дать ему на один час лошадь, чтобы съездить на поле боя и поймать там уже лошадь, брошенную немцами. Я сначала отказал ему, ссылаясь на то,

что лошадь принадлежит начальнику связи, но Ренёв настойчиво просил, обещая, как штык, вернуть взятое через 60 минут, и я уступил.

Через час капитан Ренёв появился на красивом сером, высоком рысаке. Смотрю, а на этом коне узда ведь – с нашего. Я с трудом остановил его, потребовав вернуть взятого коня. Тогда инженер повёл разговор в том духе, что «какое право, я, лейтенант, имею требовать с него, капитана». На это я напомнил ему о его же обещании и совести, а он, уже смутившись, стал говорить, зачем вам такая невзрачная лошадь, вон поезжай и выбирай там, какую хочешь. Инженер поехал и привёл на верёвочке нашего коня, только после моего предупреждения, что я буду вынужден доложить комполка, т. к. он, капитан Ренёв, бросил казённую лошадь из-под полковой и дивизионной радиостанций, а значит, не только наносит ущерб имуществу части, но и подрывает связь. Позже ещё пришлось вести с ним подобный разговор и по поводу узды.

Немецкие лошади, действительно, хороши, но менять их на наших, сибирских, никак нельзя. Пусть они невзрачны, но в выносливости к пище и воде равных им нет. Что вскоре и подтвердилось.

К вечеру бой закончился полным разгромом колонны противника. Пытающиеся скрыться немецкие военнослужащие, частично сдались, а те, кто отказался и оказывал огневое сопротивление, были убиты. Всё их военное имущество досталось нам в качестве трофеев; кстати, среди трофеев были деньги – два миллиона рублей, их взяли под охрану и вскоре сдали в госбанк.

Вот сапёры подогнали к штабу крытую брезентом грузовую машину, в которой находились горы писчей бумаги, которая сгодится штабным. Штаб полка (его, как и КП полка после боя перенесли в деревню Лопушна [село Лэпушна]) и командир полка расположились в крайнем домике, и здесь же, у дома, прямо на завалинке, была развёрнута радиостанция.

Старшина роты связи был озабочен сбором кабеля, т. к., если ты не соберёшь его вовремя, другие, те, кто в нём нужды не видит, выбросят или попортят нужную в нашем связном деле вещь.

На склоне балки стоит немецкая повозка с высокими бортами, а в ней оказались несколько ящиков с консервами и галетами; а от брички вниз по склону – барабанов двадцать кабеля. Скорее всего, немцы, чтобы прибавить ходу, торопились разгрузить повозку, выбросив из неё кабель, а вот продукты – либо пожадничав, оставили, либо просто не успели скинуть. Но, как всё чаще и чаще, дело обернулось в нашу пользу: катушки с кабелем припас заботливый старшина, консервы и галеты съедят русские гвардейцы, немец, если остался жив, шагает где-нибудь без пояса в колонне военнопленных.

Из 3-го батальона доложили, что на их КП убит любимец полка, гвардии лейтенант, командир 7-й роты, известный в части под именем «Чапай». Коренастый, широкоплечий, с чёрными густыми усами, в кубанке с алым верхом, он, в самом деле, был похож на Василия Ивановича. На учениях 1943 года он был командиром первой роты, лучшей в строевой подготовке. Раненый в Полтавской области, он вернулся в полк и возглавил 7-ю роту.

КП 3-го батальона располагался в кукурузе, где было выкопано несколько одиночных окопов. По окончании боя комбат был вызван к командиру полка, а «Чапай» оставался за комбата. Отойдя от КП на несколько метров, он был подло застрелен прятавшимися в кукурузе немцами. На звуки выстрелов прибежали бойцы, найдя его уже мёртвым. Убийцы недалеко успели уйти – всех их, пятнадцать здоровенных фрицов, настигли и окружили наши солдаты, а после того, как те отказались сдаться, – забросали гранатами.

Комполка поставил перед комбатами дальнейшую задачу – батальонам предстояло, после короткого отдыха, двигаться дальше, через с. Лопушнэ. Но вот по радио получен приказ комдива с другой задачей полку, поэтому командир полка приказал начштаба и его первому помощнику встретить на окраине села проходящие батальоны и изменить им направление движения.

Вечером вышла из строя полковая радиостанция ВР. Для её ремонта я зашёл в дом, где был штаб полка; в одной комнате отдыхал комполка, в другой – начштаба. Здесь же, в проходной большой комнате находился ПНШ-1 гв. капитан Рябчиков, он сидел над бумагами, с трудом преодолевая сон.

Я устроился на полу, прислонившись спиной к стене. Рядом поставил требующий ремонта аппарат. Взяв инструкцию, развернул принципиальную схему радиостанции, благодаря которой повреждённый узел (сгоревшее сопротивление) нашёлся моментально. Быстро вытащив из корпуса шасси приёмопередатчика, я никак не мог в реальности найти это самое сопротивление. А тут ещё сон (может, от капитана Рябчикова) на меня навалился, ведь мы не спали уже несколько ночей.

Вот, кажется, здесь должно быть это, сопротивляющееся моему ремонту, сопротивление, и я уже́ тянусь правой рукой с кусачками к нему, но рука опускается на колени, голова – на грудь... И я уже не в Молдавии, а в далёкой Сибири, сижу за школьной партой, строгий учитель физики, Кузьма Лукич, спрашивает меня о чём-то, а я не могу уловить смысл его вопроса. Тут, просыпаясь, я резко вскидываю голову, стукнувшись затылком о стену, этим окончательно себя взбодрив.

Опять передо мной ждущая ремонта радиостанция, где мне надо найти это чёртово-дюженное, тринадцатое сопротивление (вот и номер-то ему достался по схеме!). История (или физика, или физиология) повторяется: кусачки, сон, просыпание, поиск, кусачки ...

Вдруг, сквозь очередной сон, слышу гневный голос командира полка и просыпаюсь при свете [далее – тетрадь 54] свечи и вижу, – стоят навытяжку перед командиром полка начштаба гв. майор Волков и его 1-й помощник гв. капитан Рябчиков. Оказывается, Рябчиков, понадеявшись на себя, не назначил оперативного дежурного, но, природа взяла своё, он задремал и проспал прошедшие батальоны. Теперь нужно было их догонять.

Быстро, как только умел делать один он, комполка послал связных в батальоны, которые повернули в правильном направлении. Я же окончательно проснулся и, на этот раз, взбодрённый такими эмоциями, нашёл 13-е сопротивление, далее, – вырезав его, и, пока, временно, без пайки, поставил другое, трофейное. Наутро же и штаб полка тронулся дальше.

Вскоре мы встретились с войсками 3-го Украинского фронта, двигавшимися нам навстречу. Это были танкисты. С ними мы обменялись последними трофеями, – они нам отдали лошадей с бричками, а мы им – автомобили. Затем полк, сосредоточился в большом дубовом лесу, юго-западнее Кишинёва.

К этому времени главные силы 2-го Украинского фронта уже подошли к Бухаресту; королём Михеем было объявлено о смещении фашиста Антонеску с поста главы румынского правительства. Тут же было сформировано новое, демократическое королевское правительство Румынии и страна объявила войну фашистской Германии.

Нашим же частям предстояло, в кратчайший срок, догнать фронт у города Бухареста. Это можно было сделать, лишь только посадив всех солдат на повозки, захваченные при разгроме немецких дивизий (лошадиные силы превосходили наши, человеческие, солдатские). Но трофеи распределились не равномерно, – так, 2-й батальон совсем их не имел (т. к. подошёл к месту боя в тот момент, когда брошенное немцами имущество уже нашло новых хозяев), а спецподразделения и тыловые службы до всех этих событий имели наибольшее количество лошадей. По приказу командира полка штаб быстро взял на учёт всех трофейных лошадей, распределив их равномерно по подразделениям. В итоге, для предстоящего марша все, за исключением одной роты, получили возможность ехать на повозках. Было решено, что идти будут поочерёдно все роты.

Нам же, радистам, было необходимо приспособить радиостанции для работы на ходу, на лошадях. Из трофейного имущества я (вместе со старшиной

роты Щербаковым) выбрал две коляски на пневматических шинах, с кузовом в виде небольшого металлического квадратного ящика, размером 0,6 на 0,6 метра.

К первой коляске спереди прикреплялись оглобли для запряжки одной лошади, а сзади прицеплялась вторая коляска. Кроме того, по углам коляски были установлены небольшие, метра в два высотой, шесты, на которых была растянута антенна дивизионной радиостанции. На передней коляске сидел Лущевский (в качестве ездового), на задней – сидели дежурный радист и я, и стояла дивизионная радиостанция. Сидеть приходилось на бортах, наши ноги с трудом помещались в кузове, а сами мы висели снаружи, над дорогой.

Остальные радисты ехали, кто – на повозке, кто – верхом на лошадях. Так, начальник полковой радиостанции мл. сержант Гресько ехал на громадном сером красивом коне, который был предназначен для начштаба, но тот был ранен в ляжку и попал в санбат, а оставшегося без хозяина коня принял наш радист.

Вскоре полк тронулся форсированным маршем догонять фронт. Путь наш сначала лежал на с. Леушены, где через р. Прут был хороший мост, захваченный у немцев в целости. Впереди колонны двигался на повозках передовой отряд – один из стрелковых батальонов. Затем – и главные силы, но и здесь, в авангарде, ехали на лошадях несколько разведчиков, а затем – комполка с адъютантом и радиостанция (мы, на трофейных колясках), почётная охрана со знамёнами в чехлах. Далее – двигалась высокая трофейная бричка с брезентовым верхом, предназначенная для ночного сна командира. Следующими были спецподразделения и стрелковые батальоны.

Командир полка с рассвета до заката ехал на своём коне во главе колонны, с наступлением темноты он отдыхал 3– 4 часа в бричке (в конце августа ночи были ещё короткими).

Вскоре подъехали к Прутý и без задержек переправились по мосту через эту реку. Вот она, граница! Только что мы были на своей Родине, на земле

советской, преодолеваем по мосту «ничейный» участок, и уже ступаем на землю королевской Румынии, ещё недавно – нашего противника, союзника фашистской Германии, а теперь, – пока ещё ненадёжного, нашего союзника.

Даже не верится, что здесь, в нескольких метрах от советского социалистического государства имеется король, бояре и прочая доисторическая, ещё феодальная, нечисть. Уверения этого короля (с его мамашей и со своими боярами) в дружбе к советскому народу означают, что плохо им пришлось в дружбе с фашистами, и нет у них другого выхода.

После Прута колонна полка повернула на юг. Хорошее асфальтированное шоссе было пустынно. Лошади весело бежали, легко катились по асфальту кованые колёса военных бричек.

Связь по радио поддерживалась с трудом – чувствовалось, что расстояние до штадива значительно превышает дальность действия нашей рации. Часто, когда радист переставал различать еле слышимые сигналы, мне приходилось самому надевать наушники, но иногда и мне не удавалось разобрать ни знака.

Колонна двигалась почти беспрерывно, делая привал (по красной ракете, выпускаемой ехавшим впереди разведчиком) только 2–3 раза в сутки, для обеда; в это же время подкармливались лошади. Предусмотрительный старшина Щербаков изготовил подвесные торбы, позволяющие кормить лошадей овсом или комбикормом и на ходу.

Конец привала и начало движения означали две красные ракеты, а три – боевую тревогу, на что было необходимо развернуться в боевые порядки (правда, с такой ситуацией нам столкнуться, к счастью, не пришлось).

Сигналы на привал следовали, хотя и регулярно, но конечно, реже, чем нам мечталось, – мучило недосыпание. Сидит солдат на бричке, свесив ноги и держа на коленях карабин, а голова, волей-неволей, склоняется на грудь; если со стороны смотреть, то кажется, сейчас нырнёт в асфальт, но – обходилось. А вот пилотки иногда падали с таких сонных голов, тогда, коль сам не проснётся, сосед выручал – толкал под бок. Соскочит солдат, вернётся за упавшей

пилоткой, а обратно пробежался, догоняя повозку, и отогнал сон на час–другой. А там – опять. Хуже ночью, – не увидишь, когда соскользнёт головной убор, а хватишься, – скорее всего, и не найти под тёмным, глубоким ночным южным небом. Только поутру, смотришь, – у того нет пилотки, этот с непокрытой головой.

Комполка терпеть не мог неаккуратности, в т. ч. – непокрытых голов. Особенно доставалось разведчикам, которые ехали на бричке, чуть впереди самого командира полка. Он их, то и дело, отчитывал. Потерявшие пилотки солдаты надевали, что придётся – чёрные молдавские барашковые шапки или просто белый носовой платок с завязанными уголками.

Я, после случая с отлетевшей во время марша с учений пуговицей, особенно боялся потерять пилотку. Ну, думаю, оброню, а утром комполка увидит гвардии лейтенанта без головного убора, разнесёт меня окончательно. И вот, ночью, борюсь, как могу, со сном. Заверну потолще цигарку, – но и табак не помогает. Глаза, сами собой, закрываются, никакими силами их не раскрыть. Голова клюёт, всё ниже, ниже, уже скоро на колени упадёт. Просыпаешься и сразу же хватаешься за голову, на лету подхватывая падающую (может быть, от этого, последнего движения) пилотку, а от испуга даже сердце сильнее биться начинает. Сон, на какое-то время, перекочёвывает к соседям.

Справляюсь у сержанта Тахаева, как связь. Он отвечает, что слышимость несколько улучшилась, но появились помехи более мощных радиостанций. Перед рассветом – опять заснул, а дёрнувшись после пробуждения и схватившись за голову, обнаружил, что пилотки нет. Где она, моя офицерская суконная пилотка? – Может, лежит за десять километров, втоптанная в пыль, и по ней уже сотни колёс и лошадиных ног прошлись.

Как обычно, на рассвете, командир полка едет верхом и, увидев меня в таком виде, непременно взгреет, чего мне очень не хотелось бы в это, итак жаркое, время. Надо побыстрее соорудить какой-то шапкозаменитель, – поворачиваюсь, чтоб достать носовой платок, и вижу вплотную едущего за

мной на белом коне мл. сержанта Гресько, точнее, его улыбку, к которой в этот раз примешалась какая-то хитрицá:

- Что, товарищ гвардии лейтенант, пилотку потеряли? – и в конце этого, почти искренне заботливого, вопроса лицо сержанта расплылось шире, чем Днепр с его притоками.

- Да, вот, проспал, – говорю, а он уже вытаскивает из своего кармана мою пилотку и, смеясь, протягивает мне.

- Как же ты её нашёл? – спрашиваю.

- Да я сам за минуту до этого клевал носом в гриву, тут смотрю, как Вы сладко посапываете, голова в коленях. Пилотка почти съехала, я соскочил с коня, чтобы поправить, так она уже на дороге. Поднял и понял, что отдавать пока не стоит, – второй раз так не совпадёт, чтобы и я не спал, и она падала.

После этого случая я (скорее всего ни один я) стал снимать с головы пилотку и убирал её в дорожную сумку на время ночной дороги; всем своим радистам тоже наказал так делать. И спать-то стало слаще, насколько можно дремать, сидя на ребре коляски, как петух на заборе.

Но вот, в очередной раз, всходит солнце, ярко освещая весело катящиеся по дороге брички, как будто делая более резвыми лошадей, бегущих рысцой и стучащих коваными копытами по, пока ещё не размякшему от жары, асфальту. На одной из повозок запели неизменную «Землянку», тут же мотив подхватили другие.

Колонна подрастянулась, комполка остановил лошадь и бросил назад команду «Подтянуться и привести себя в порядок!». Это значит, впереди населённый пункт (село или городок). Строй подправлен, колонна продолжает движение и, действительно, скоро видим по придорожному столбу, справа от шоссе, надпись «Roman» [Роман], сообщающую, что показавшиеся постройки принадлежат этому румынскому городу.

Мы проезжаем узкими улицами города, между чистенькими белыми каменными домами. Населённые пункты на этом шоссе нам встречаются часто,

и бросается в глаза, что и в сёлах, и в городах нет деревянных построек. Все дома, и нежилые постройки, заборы кирпичные, а крыши, главным образом, черепичные, ярко-красные.

В этом городе жителей не видно, будто всё вымерло. Должно быть, людям всякого наврали про Красную Армию. На одном привале к нам подошли из расположенного рядом румынского села несколько румын, среди них оказался один русский. Он рассказал, что попал в плен, раненный в 1941 году, и с тех пор работал батраком в имении румынской боярыни. Дело в том, что до 1941 года в Румынии не было тракторов, и когда их, награбленные на Украине, привезли в страну, на них некому было работать. Вот тогда и стали они (по указу короля Михея, по которому определялось, какое содержание и какую пищу должен хозяин давать такому рабочему) искать трактористов среди советских военнопленных.

- Вот и я, – рассказывал нам этот, пришедший к нам, русский, – был направлен для работы на тракторе в имение боярыни, вместе с другими бедолагами, волей или неволей, попавших в румынский плен. Всесильные бояре плевать хотели на указы своего короля Михея, держали нас впроголодь, заболеет или умрёт от недоедания такой работник, – просто требуют другого. Но наша боярыня и самым бездушным и жестоким фору давала. Её муж, румынский генерал, был убит под Одессой, так она, видать, мстила всем русским, стремилась как можно больше душ человеческих загубить.

Когда жалобы на такое её обращение с работниками-военнопленными достигли Бухареста (столицы), оттуда приехал чиновник. Он составил акт о нарушающем указ короля Михея неправильном содержании батраков и просил боярыню об аудиенции, чтобы обсудить эту бумагу (может, подачку хотел выпросить). Камердинер боярыни велел тому чиновнику ожидать на улице, пока она не проснётся. С утра до 12 часов простоял чиновник, наконец, его впустили, правда, только на веранду, туда соизволила боярыня снизойти. Но, когда королевский чиновник вручил ей для ознакомления составленную им

бумагу, боярыня разорвала её в клочки, велев ему убираться вон. Но нас с той поры стали кормить чуть лучше.

Работали мы, военнопленные, вместе с румынскими крестьянами и батраками, которые жили тоже очень плохо. Может, с виду, кажется, что природа тут щедрая, так и люди богато живут. А вы попадите в деревню в Карпатах, так там почти все крестьянские хаты топятся по-чёрному, потому что с трубы надо налог платить. А этого налога столько, что крестьянин должен всю пшеницу, что вырастил, всё мясо, что получил (овец, свиней), продать, а сам круглый год есть одну мамалыгу. Цены-то за всё, за это назначают такие, что крестьянин еле-еле душа в теле, концы с концами сводит. И эта дешевизна не признак богатства, а способ сделать всех нищими и голыми».

[Далее – тетрадь 55.]

Рассказал он нам и о табачной монополии. По существующим в королевской Румынии законам право выращивать, обрабатывать и продавать табак и изделия из него принадлежит государству, но государство, представленное фашистским правительством генерала Антонеску, продало это право за солидную сумму богатому откупщику. Последний и осуществляет «государственную» монополию, – его агенты следят за этим: ходят по крестьянским хозяйствам, проверяя, чтобы никто не садил табак сверх собственных нужд (эта норма – 10 корней на хозяйство). Если такой агент найдёт на грядах огорода или в поле превышение, выдёргивает лишнее.

Все эти румынские порядки были для нас так непривычно дики, что мы даже не поверили в это, думая, что он нам «заливает». Однако, несмотря на это недоверие, солдаты щедро оделили рассказчика махоркой. Предлагали махорку и подошедшим румынским крестьянам, однако они отказались, т. к. все были некурящими (вследствие той же табачной монополии).

Особенно невероятным нам показалось то, что крестьяне, живущие и работающие на такой плодородной земле, при самом благоприятном для сельского хозяйства климате, собирающие обильные урожаи пшеницы,

выращивающие скот, сами так скудно питаются. Получается какой-то парадокс – чем обильнее земля, тем беднее живёт на ней простой народ! Как же это может быть? Но вскоре мы в этом убедились. Оказывается, это совершенно естественно при капитализме, а в Румынии, вдобавок был ещё силён феодализм с его боярством и королевской властью (хотя до настоящего времени, во время Антонеску, эта власть служила только ширмой самому настоящему фашизму).

В первых числах сентября наша дивизия получила боевую задачу по ликвидации разрозненных частей противника, вырвавшихся из Кишинёвского котла и разбежавшихся по тылам основной группировки армий 2-го Украинского фронта, стремительно продвигавшихся к Бухаресту. Поэтому дальнейшее движение нашей дивизии было приостановлено и её полки приступили к выполнению задачи.

На лежащей перед нами холмистой местности, между сёлами, среди хорошо развитой сети дорог, были разбросаны небольшие леса. Эти лесные «острова» имели, в среднем, 10–15 километров в длину и 1–2 километра в ширину. Вот по этим-то лесам рассеялись остатки немецких частей, а нам нужно было прочесать эту территорию.

Южные леса густы и темны, и солдатам надо идти почти вплотную друг к другу, чтобы быть уверенным в том, что никого в лесу не осталось. Это отнимало много времени, да и было весьма утомительным. Но вот кто-то догадался значительно ускорить такую работу – командир 2-го стр. батальона садил верхом на лошадей человек 20 солдат, те стреляя из автоматов в сторону леса, обскакивали его кругом, и тогда находящиеся там немцы выходили оттуда с поднятыми вверх руками. Вот как они стали бояться окружения, хотя это окружение было, в данном случае, фиктивным.

Один раз, когда колонна штаба и спецподразделений проходила по опушке довольно большого лесного массива, командир полка гв. подполковник Маркелов, указав на лес, сказал:

- Там скрывается командир немецкого корпуса, генерал, кто хочет заработать орден, может поохотиться за ним. Может он охотно сдастся, но, вернее всего, будет до последнего патрона отстреливаться из имеющегося оружия.

Командир комендантского взвода полка гв. лейтенант Пешков А.Ф. пошёл на эту охоту, но быстро этого генерал найти не смог, а отставать от полка не захотел (позднее этот генерал, всё-таки, сдался советским солдатам).

Иногда нам попадались навстречу румынские солдаты и, даже, целые румынские воинские части с офицерами во главе и с оружием в руках, идущие в тыл для переформирования, ведь отныне Румыния вступила в союз с Советским Союзом и объявила войну фашистской Германии. По лицам румынских солдат было видно, что они таким оборотом дела были довольны.

Теперь нам стало ясно, что с румынским королём Михеем, а может быть, с его мамашей, представители нашего государства вели переговоры ещё до начала этого наступления. Мы вспомнили, как в один из августовских дней, когда наш полк стоял в обороне на берегу молдавской реки Кула, по части был объявлен такой приказ, – в случае, если в данную ночь через линию нашей обороны со стороны противника будет перелетать самолёт, огонь по нему не открывать.

Ещё мы вспомнили, что, когда наш полк переправился через Прут на румынскую сторону, нашу, утомлённую многодневным круглосуточным маршем, колонну обгоняли новенькие автомобили, в кузовах которых сидели молодые здоровые сытые солдаты в советском обмундировании, вооружённые советскими автоматами, но с румынским знаками различия. Как позже мы узнали, это двигалась румынская дивизия им. Думитреску[1], сформированная на территории Советского Союза из бывших военнопленных румын (в основном –

[1] Речь идёт о 1-й румынской добровольческой пехотной дивизии имени Тудора Владимирéску. Генерал П. Думитреску, имя которого ошибочно вспоминает автор, – тоже известный румынский командир, после 23 августа повернувший оружие против немецко-фашистских войск и даже захвативший в плен около 6 тысяч немецких солдат.

попавших в плен ещё зимой 1942 года, под Сталинградом), выразивших желание сражаться с немецкими фашистами.

Этой дивизии предоставлялось право первой вступить в столицу новой, демократической Румынии, город Бухарест, и этим, может быть, спасти его от разрушения бывшими союзниками или хозяевами – войсками гитлеровской Германии. Такая угроза над городом реально нависла, ведь немецкие фашисты всегда, когда только могли, разрушали то, что не могли отстоять, тем более, теперь, обозлённые потерей такого, богатого нефтью и хлебом, союзника, как Румыния, они клялись не оставить камня на камне от её столицы. И только стремительное наступление советских войск, и вступление в него румынских дивизий, из союзников ставших противниками фашистской Германии, (а затем – и мощный удар танковых частей нашей армии) помешали немцам выполнить их намерение[1].

Интересный, произошедший с ним в то время, случай мне позже рассказал начальник связи дивизии гв. майор Дудников Иван Арсентьевич. Выполняя задачу по прочистке от противника тылов 2-го Украинского фронта, наша часть сильно рассредоточилась, и вот, выполняя приказ начальника штаба дивизии, он, майор Дудников, ехал в один из полков. Ехал верхом, почему-то не взяв с собой ни одного солдата.

Великолепный наездник, он красиво и легко сидел в седле, передвигаясь под ярким южным солнцем. Хотя встречным ветерком и обдувало на ходу, при быстрой езде, всё-таки из-под фуражки тёк пот, образуя вертикальные полоски, проходящие через лицо за стоячий подворотничок суконной гимнастёрки. Пользуясь тем, что рядом с ним не было солдат, майор расстегнул две верхние пуговицы гимнастёрки. И вот, обогнув лесок, он увидел перед собой двигающуюся навстречу ему большую колонну какой-то воинской части, явно

[1] Ситуация на этом направлении в сентябре – октябре 1944 года развивалась очень не однозначно, что объясняется наличием множества игроков-участников, действующих и на военной, и на политической карте этой части Европы (румынские, болгарские, словацкие, венгерские и др.); см. о военной части материал по адресу: http://pobeda.elar.ru/issues/osvobozhdenie-rumynii/vperedi-karpaty/.

(судя по обмундированию) не принадлежавшей советской армии, а знаки различия на большом расстоянии ещё не были хорошо видны.

Сердце майора ёкнуло, хотя он был не из трусливых: «Неужели немцы?». Поворачивать назад было уже поздно, ведь они его уже заметили и, если что, – снимут пулей в спину. Да и с какой стати он, советский офицер-гвардеец, будет показывать им свою спину. Если и встретить смерть, так – лицом. Иван Арсентьевич застегнул все пуговицы на гимнастёрке, привычным движением поправил ремень, расправив складки, и, не снижая скорость, изображая полное спокойствие, уверенно стал сближаться с колонной.

Скоро по широкой тулье офицерской фуражки возглавляющего строй военного он понял, что это румыны, что придало ему немного бодрости, но всё же, кто их знает, как поступят они при встрече на пустынной дороге с одиноко направляющимся советским офицером?! Во всяком случае, нельзя дать им догадаться, что он хоть чуточку не уверен в своей безопасности. До колонны осталось несколько метров. Как себя вести? Что сказать? Или, молча, ехать мимо? Чтобы позже получить пулю в спину? Опять в спину – лучше в грудь.

И вот, поравнявшись с колонной, остановив лошадь, гвардии майор громким командным голосом спрашивает едущего впереди румынского офицера:

- Где ваш командир?

Тот офицер, также остановив свою лошадь и приложив к козырьку своей фасонистой фуражки два пальца правой руки, что-то быстро проговорил с почтительными интонациями в голосе. Из его слов наш майор понял только «дóмнуле колонéль» [точнее, «domnule colonelul» – «дóмнуле колонэ́люль], т. е. «господин полковник».

Видя, что советский офицер его не понимает, румын что-то крикнул, обернувшись назад, оттуда подбежал чернявый солдат и остановился рядом. Румынский офицер повторил свою длинную фразу, и солдатик (очевидно, из Бессарабии) перевёл на русский:

- Господин колонель сейчас находится в середине колонны. Ему доложат о прибытии представителя советского Главного командования, и он обязательно появится здесь.

Тогда майор Дудников приказал:

- Не нужно вызывать господина полковника, проводите меня к нему.

Переводчик и румынский офицер обменялись несколькими фразами, и солдат вызвался проводить майора, который тронув коня, направился вслед за ним. Румынские солдаты, воспользовавшись случаем и присев на неожиданный отдых, вставали, когда мимо проезжал советский офицер. Но вот с ними поравнялся всадник, судя по всему, старший офицер, сам поприветствовавший нашего майора, а солдат перевёл:

- Господин колонель спрашивает, кто и где будет принимать оружие от идущего в плен румынского полка.

Майор Дудников в то время не знал, что есть приказ направлять румын на сборные пункты с оружием, поэтому он направил румынский полк в расположение штаба дивизии, показав колонелю на карте село, в которое им надлежит прибыть. А также – сообщил, что сам не сможет их сопровождать, т. к. имеет задание встречать другие сдающиеся в плен румынские части.

Направившись дальше, Иван Арсентьевич, хотя в основном успокоился, но, всё же, не исключал возможности провокации со стороны какого-нибудь офицера-железногвардейца (из румынской фашистской организации). Возьмёт и отправит пулю, а то – и целую очередь в спину. И так хотелось оглянуться назад, но всё же хватило выдержки не делать этого.

Пока стрелковые батальоны прочищали лесные островки, командир полка со штабом вошёл в небольшую румынскую деревню, лежащую в стороне от шоссейных дорог. Я с радистами расположился в небогатом румынском дворе, вместе с комроты гв. лейтенантом Переверзевым М., сюда же заехали и несколько повозок роты связи, во главе со старшиной Щербаковым. Вскоре к нам присоединился и начсвязи гв. капитан Попов.

Время подошло к полудню, солнце немилосердно пеклó. Развернув радиостанции в тени, проверив связь, я подошёл к командиру роты. Около него стояли адъютант комполка и мой повозочный, молдаванин рядовой Опря.

- Задача ясна? – спросил комроты Опрю.

- Ясна́, товарищ командир, – ответил тот.

- Выполняйте! – приказал капитан, и Опря вышел со двора, вместе с адъютантом.

Я недоумевал, зачем мог потребоваться адъютанту, а тем более – командиру полка, Опря. Однако, спрашивать командира роты счёл неудобным, решив спросить после самого рядового.

В это время хозяйка-румынка принесла из дома, поставив на стол, стоявший до этого во дворе, в тени фруктовых деревьев, большой тазик с дымящейся мамалыгой, знакомым нам по Бессарабии, движением перевернула, нарезала блюдо на куски, рядом с которыми положила варёные яйца.

Старшина пригласил офицеров за стол. Капитан Попов (предупредив, что яйца иногда попадаются и тухлые, но, если такие достанутся – обмену не будут подлежать) стал делить их по старшинству: первое – положил себе, потом – комроты, потом – Переверзеву, мне и старшине. Мы посмеялись над предупреждением, понадеявшись на свою удачу, в итоге, получив по пять штук. В это время хозяйка принесла и поставила перед каждым по кружке молока.

Приступили к еде, по которой успели соскучиться, т. к. до этого ели очень рано утром, а после пешком прошли порядочное расстояние, приобретя аппетит, который кто-то называет собачьим, кто-то – волчьим. Но, как только начсвязи, постучав яйцом о стол, начал его, самим же собой распределённое, облупливать, всем нам в нос ударил резкий запах сероводорода, а капитан, не продолжая безнадёжное дело, забросил это протухшее угощение далеко, в кусты.

Я, оказавшись за столом, как раз напротив капитана, очищая яйцо, невольно улыбнулся, хотя это было и не тактично (и даже не стратегúчно) по отношению к собственному командиру.

- Что, Плотников, улыбаешься? – по теории вероятности, следующие у меня окажутся свежими, а вот у тебя всё более возрастает шанс наткнуться на такой вот сюрприз. Вот тогда и посмотрим на твою улыбку, – сказал начсвязи.

Однако вопреки всякой теории на практике следующее яйцо, напомню, доставшееся ему в результате его собственной раздачи, оказалось вновь тухлым, у всех же остальных – вновь только свежие.

Закинув этот «подарочек» ещё дальше, метров на пять, капитан Попов стал разбивать третье. В-общем, по итогам этой лотереи, ему пришлось трижды практиковаться в метании на дальность, у комроты и старшины яйцо с душком попалось однажды, а нас с Переверзевым судьба, хозяйка или капитанская раздача миловала.

- В следующий раз я вам яйца делить не буду, а заставлю это делать, вот, Плотникова, – сказал в завершении этого (для одних – обеденного, для других – бедного) перекуса начсвязи, – тогда, наверняка, совесть не позволит курам, с их несознательными яйцами, на смех меня выставлять.

Вскоре, после того, как окончился обед, явился Опря и доложил капитану Попову, что его приказание выполнено, а я, в тот момент, когда мой повозочный отошёл в сторону, поинтересовался, что за задание тот получил и как его выполнял.

Вытерев пилоткой с лица пот, Опря ответил мне, что он сопровождал адъютанта, выступая в роли переводчика, во время поиска хлеба на обед для комполка. Обошли всю деревню, кое-как найдя немного хлеба в одном-единственном доме, в остальных [далее – тетрадь 56] – жили без хлеба. Как в большинстве румынских сёл и семей, основная масса крестьян питались почти

исключительно одной мамалыгой и снятым[1] молоком, и это при такой плодородной земле и таком благоприятном климате!

Вскоре в полк прибыл заместитель командира дивизии гв. подполковник Матвеев. Он шёл через лес в сопровождении ординарца и по пути был обстрелян из автомата. Комполка приказал командиру 2-й роты автоматчиков ещё раз прочесать лес, в результате бойцы обнаружили там и привели к штабу одного немца. Командир полка приказал перевести КП полка из румынской деревни на опушку леса, километров в четырёх от населённого пункта, в район обозначенного на картах колодца; в связи с этим начальник связи гв. капитан Попов приказал мне немедленно перенести туда и радиостанции.

Радисты взяли на плечи аппараты и следом за мной тронулись на новое место. Традиционно солнце жалило на всю катушку, к тому же, так совпало, что переезд этот выпал на самое жаркое время дня. Минут через 10 нашим спинам могли позавидовать любители парных (не котлет, а банных помещений). Я вёл радистов по карте, прямо к колодцу, по пути преодолевая виноградники. В этих местах, наконец, мы сибиряки, увидели богатый, чуть недозревший урожай этой культуры. Крупные гроздья густо висели на лозах, а мы срывали небольшие кисти и, морщась от кислятины, пытались сочными ягодами утолить жажду, когда же едкий вкус незрелого винограда исчезал во рту, съедали ещё чуток.

Но вот путь окончен, мы на опушке леса, у колодца. Сняты и поставлены на землю радиостанции, сброшены вещмешки, поставлены в козлы карабины. Потные спины в тени и рядом со студёной водой моментально стали холодными, но пить хотелось страшно. Несмотря на то, что колодец находился на возвышенности, вода в нём стояла очень высоко. Кроме окованной железом деревянной бадьи, висевшей на журавле, около колодца, как это нам встречалось на Украине и в Бессарабии, лежал специальный ковш на двухметровом шесте. Зачерпывая этим ковшом воду, мы поочерёдно, с

[1] Снятое молоко – молоко, полученное в результате отделения сливок и содержащее не более 0,5 % жирности; обычно идёт в корм скоту.

наслаждением, мелкими глотка́ми пили холодную воду и удивлялись, как мудро устроена природа, что в такую жару, когда, кажется, солнце прогрело всё на несколько метров, находится такая студёная вода! На самом деле, на опыте своей солдатской жизни, выкопав сотни окопов, мы знали, что земля и в самое пекло на глубине холодная, а зимой – наоборот, тёплая.

Здесь, у колодца мы встретились с нашим однополчанином-автоматчиком, который вёл в штаб дивизии пленённого им в лесу немца. Я попробовал расспросить пленного, о том, откуда он, есть ли у него семья, зачем он пошёл воевать. Моих познаний в немецком языке хватило лишь на то, чтобы понять, что у пойманного есть жена и две дочки, что он бы охотно показал их фотографии, но они были отобраны. Наш солдат вытащил из полевой сумки документы и письма, изъятые у немца, среди них оказались и фотографии серьёзной полной женщины с двумя девочками 8–10-летнего возраста. Немного передохнув у колодца, автоматчик поднял «фрица» (в документах мы даже не додумались посмотреть его имя) и повёл его дальше.

В это время на новый КП стали подходить штабные офицеры. Комендантский взвод занялся установкой палаток для штаба. Принесли оба полковых знамени в чехлах, поставив их под охраной часового. Подъехала повозка рты связи, и радисты установили палатки, рядом с которыми, как по линейке, выстроились и палатки телефонистов.

Так, к вечеру, у командного пункта был разбит довольно крупный лагерь, а на небольшом расстоянии от КП расположились и стрелковые батальоны. Я воспользовался этим и пошёл проверить батальонные радиостанции, да и радистов не мешало осмотреть, в каком они виде, после боёв.

Подопечные мои выглядели неважно: у одних порвалась обувь, продрали́сь локти на гимнастёрках, да и брюки у некоторых разлазились. Я приказал начальникам радиостанции обеспечить на завтрашний день стирку и починку обмундирования, а негодную обувь заменить у старшины. Радовало бережное отношение солдат и сержантов к вверенной им аппаратуре (может

быть, не зря, в своё время, я организовывал торжественное вручение радиостанций расчётам, и с тех пор мы не допускали «обезлички», все работали строго на полученном приборе), – вот и сейчас все аппараты оказались в полном порядке, на каждом имелись запасные источники питания, аккумуляторы накала и анодные батареи.

В это время мне из одного батальона был доставлен трофейный немецкий всеволновый радиоприёмник. Меня заинтересовало в этом приёмнике то, что у него не было анодной батареи, а анодные цепи аппарата питались от аккумулятора накала через вибропреобразователь напряжения (по этой причине и щелочной аккумулятор был в два раза большей ёмкости, чем обычно).

На другой день командир роты связи явился от комполка и сообщил нам, что наш полк (как и вся дивизия) получил приказ с утра двинуться на станцию Пашка́ни [Paşcani] для погрузки в железнодорожные вагоны.

Станция эта находилась на румынской территории, севернее города Яссы, и была ближайшим к нам железнодорожным пунктом, перешитым на нашу колею[1].

Было понятно, что дивизия наша, в составе всей Армии, перебрасывается на другой участок фронта, а куда – нам было неизвестно. На переформировку дивизия следовать ещё не должна, т. к. получила пополнение совсем недавно, в Молдавии, а в прошедших боях понесла не такие большие потери, чтобы потерять боеспособность.

И вот, полк опять в походном порядке следует, теперь – на север, вдоль Прута. Впереди, вслед за разведкой, традиционно – комполка с адъютантом, а далее – расчёт дивизионных радистов на трофейной коляске (полковые радиостанции не разворачивались, – ехали на повозках), радисты моего взвода шли с помкомвзвода Щечилиным в общем строю роты связи; я шёл с дивизионной радиостанцией, иногда присаживаясь на коляску.

[Далее – тетрадь 57.]

[1] С середины XIX в. на территории Российской империи (в современной Финляндии, Украине, Армении, Монголии и др.) ширина колеи 1524 мм, а в Европе (Китае, Сев. Америке и др.) – 1435 мм.

Глава X

«Больше пота в учении – меньше крови в бою»

В начале сентября наш полк сосредоточился в районе станции Пашка́ни. Перед погрузкой комполка вызвал командиров подразделений и объявил, что вагоны подадут из расчёта штатного количества лошадей и повозок, а так как в полку этого добра прибыло за счёт трофеев, то в крытые вагоны погрузим всех лошадей, а на платформы – в несколько рядов повозки, личный же состав разместится на повозках.

Погода стояла тёплая (иногда – и жаркая), так что личный состав был рад такому обороту дела, – прокатиться на свежем воздухе представлялось более комфортным, чем ехать в духоте в условиях «40 человек (или 8 лошадей)». Боялись лишь того, что многоярусная погрузка повозок займёт слишком много времени.

Когда подали вагоны под погрузку, в нашей роте уже было всё готово: одни команды занялись погрузкой лошадей, другие – погружали брички. Бричка, с которой сняли колёса, на руках ставилась на платформу, в строго отведённое место одного из четырёх, находящихся один на другом, рядов. Затем на брички грузилось военное имущество и фураж для лошадей. Вопреки ожиданиям, этот процесс занял минимум времени, эшелон был погружен по графику.

Солдаты разместились на бричках довольно комфортабельно. Так, я, на одной из бричек, на тюках сена, установил трофейный немецкий радиоприёмник и вдоволь наслушался передач московских радиостанций.

Эшелон со станции Пашкани двигался через г. Черновцы́ на Шепето́вку. На узловой станции Шепетовка скопилось много воинских эшелонов. Начальник нашего эшелона, вернувшись от коменданта станции, сообщил, что паровоза нам не дадут раньше вечера, потому можно произвести выводку лошадей, чтобы они не застоялись в вагонах. Однако вскоре после этого

паровозы откуда-то взялись, и стоявшие на станции эшелоны, один за другим, начали отбывать, и не больше, чем за полчаса, остались лишь мы.

Откуда-то стало известно, что комендант получил сообщение о том, что в направлении станции, с запада, летит большая группа немецких бомбардировщиков, потому и были приняты оперативные меры для разгрузки путей от такого скопления потенциальных мишеней. И когда наш состав остался один, и ни какие другие вагоны не заслоняли обзор, мы увидели батареи зенитных орудий, размещённые на небольших возвышенностях вблизи путей. Сквозь маскировочную сетку был видно, что расчёты находятся на своих местах, а стволы орудий плавно двигаются вверх.

Хотя нам неоднократно приходилось следовать в воинских эшелонах (к примеру, мне, – начиная с сорок первого года), однако воздушная тревога на станции застала впервые почти всех из нас, и поэтому мы чувствовали себя неуверенно, ожидая команды покинуть вагоны и искать укрытия подальше от путей. Кто-то даже пытался покинуть вагон, не дожидаясь этого сигнала, а это грозило нарушением воинской дисциплины, и могло повлечь снижение боеспособности (из-за отставших, из-за не услышавших, а потому не выполнивших оперативные команды по обороне). Пришлось энергично вмешаться и удержать таких «паникёров».

Мы ожидали, что и наш эшелон вот-вот тронется. В самом деле, к составу подошёл паровоз, но в это время уже можно было различить, хотя ещё и тихий, гул моторов многочисленной группы самолётов. Сила звука нарастала, приближаясь с запада. Но что это? – Когда звук стал более различим, мы поняли, что это не «Юнкерсы», к которым мы за это время привыкли и ни с чем бы ни спутали (ведь всё, что связано с инстинктом самосохранения, впечатывается крепко). Может быть, на нас идут какие-то новые тяжёлые бомбардировщики?

Но вот они и показались – необычайно большие самолёты летели нескольким отрядами (всего не менее сотни). Откуда у немцев такие,

совершенно не похожие на всё предыдущее, самолёта, да ещё и в таком количестве?! Между тем, команды рассыпаться всё нет, – а ведь тут, наверху, в четвёртом ярусе, от осколков не будет спасения, да и падать отсюда, с такой высоты, на рельсы только подготовленный цирковой гимнаст рискнёт, чтоб без увечий.

А стволы орудий, задранные в небо и, казалось, вот-вот, готовые начать своё зенитное дело, вдруг все, как один, плавно пошли вниз. И, наконец, телефонист, дежуривший у аппарата, сообщил, что это летят союзники. У нас отлегло от сердца. Оказывается, это американские «летающие крепости», заправившись в Италии и отработав по неприятельским военным целям, направляются на наши аэродромы, чтобы там, вновь заправившись горючим и боезапасами, продолжить своё челночное курсы, в которых отсутствует холостой пролёт, каждый является боевым. До этого мы читали в газетах о таких операциях, и вот, впервые, довелось встретиться с ними «вживую».

Скоро наш эшелон отправился от Шепетовки, в тот же день прибыв на станцию назначения, около города Ро́вно (Украинской ССР). Разгрузка прошла организованно и быстро, и подразделения, прибывшие этим эшелоном, тронулись к месту расположения.

С удивлением мы смотрели на лежащую по сторонам местность, временами разительно отличающуюся от той части Украины, где нам довелось побывать ранее. Обращала на себя внимание земля, – это был уже не тучный чернозём, а какие-то суглинки, а местами и настоящие пески. Дорога, по которой мы шли, была грунтовой, но твёрдой; по бокам – обсажена деревьями, главным образом, тополем, но попадалась и дикая груша.

На последнюю мы смотрели с особым интересом; мощные деревья были усыпаны небольшими плодами, а кое-где (чаще – валяясь на земле) попадались и крупные жёлтые груши этой дички. Нам, сибирякам, они напоминали по форме и размерам плоды картофеля («белобочки», как у нас её называют). На вкус дикая груша оказалась кислой, терпкой, больше, чем 1–2 плода не съешь.

Украинцы нам объяснили, что дикие груши сырыми не едят, а парят в печи, чтобы они потеряли свою кислоту, становясь довольно вкусными; из сушёных же диких груш делают «взвар».

Необычный вид был и у попадавшихся нам по дороге сёл. Собственно, сёл, как таковых, не было, а крестьянские (как мы потом узнали – польские) дома стояли, каждый – на своём земельном наделе, потому одна постройка от другой располагалась необычно далеко, и отсутствовали, привычные для русской деревни, общие выгон, пашня, луга-сенокосы.

Но вот мы подошли к большому лесу, огороженному добротной изгородью, что для сибиряков тоже было удивительно. В этом лесу мы и расположились на ночлег (а на следующий день здесь нас нагнали остальные подразделения полка).

Вернувшиеся с совещания у комполка командир роты гв. капитан Чебоненко объявил, что в этом лесу приказано разбить зимний лагерь. Для личного состава приказано построить тёплые просторные землянки.

Когда было отведено место для землянки роты связи, специальные команды, составленные из представителей всех взводов, приступили к строительным работам. Одни выкапывали котлован (глубиной немного более метра, шириной метра три и длиной – восемь), чтобы в такой землянке могла свободно разместиться вся рота. Другие в это время заготавливали лес и, когда котлован был готов, на нём ставили сруб (венца в четыре), предварительно посередине котлована, метра через два, вкопав столбы – опору для крыши. Столбы делали выше сруба, чтобы крыша (выполненная из жердей, на которые набросали ветки и траву, затем – землю и дёрн) получилась двускатная.

Как всегда, среди солдат роты нашлись всякого рода специалисты, к примеру, хорошие плотники, срубившие топорами сруб (даже с фамилией Плотников, здесь мне без тавтологии не обойтись), да так плотно, что, налей туда воды, кажется, нигде бы не просочилась. Обнаружились мастера, способные выполнить кровлю из дёрна, и, в итоге, такая крыша не промокала

(дожди в этих местах в течение всей осени чаще шли, чем отсутствовали). Наш хозяйственный старшина смог откуда-то привезти две застеклённые рамы, и в торцах землянки (в переднем – над дверью, в заднем – на высоте груди) были прорублены и поставлены окна.

Внутри землянки из жердей были сооружены двухъярусные нары, а в проходе стояло несколько столов и скамей. И вскоре в заселённой землянке уже был настоящий воинский порядок. У двери сидел дневальный, подававший дежурному сержанту либо командиру роты команду о прибывшем командире, а также, по мере необходимости, – выполнявший работу по хозяйству, в т. ч. иногда направляемый с поручениями. Остальная рота (в землянке или за её пределами), по расписанию или по отдельному распоряжению командира, занималась учебными, хозяйственными и прочими делами.

Можно добавить, что радисты принимали активное участие в построении землянки (т. к. телефонисты в это время были задействованы, протягивая по лагерю линии связи, соединявшие штаб полка и подразделения, а также – на дежурствах у телефонных аппаратов). В этот период я, по приказанию начальника связи, успел установить трофейный радиоприёмник у командира полка.

Пожить же в новой землянке роты связи радистам было суждено совсем недолго, – из штаба дивизии пришёл приказ, что взвод радиосвязи должен в полном составе явиться в 112-ю отд. гв. роту связи для прохождения учений. И вот, взвод построен, радиостанции закинуты на плечи, я докладываю комроты о готовности выступать и, получив разрешение, командую «Направо! Шагом марш!», и мы шагаем по дороге, мимо разбросанных по полям домов.

В дивизионной роте связи я сдал продовольственный аттестат на свой взвод, по остальным же вопросам мне было приказано обратиться к помощнику начальника связи дивизии гв. капитану Ковордееву. Почти одновременно с нами подошли два других взвода радиосвязи (из 217-го и 230-го полков), поэтому с их командирами мы втроём и явились к капитану, узнав от него, что

на время учений наши взводы объединяются в сводную учебную радиороту, командиром которой был назначен я (с продолжением исполнения обязанностей комвзвода радиосвязи 232 гв. стр. полка).

Известие это, признаюсь, меня не особо обрадовало, т. к. я рассчитывал вплотную заняться обучением своих солдат, хотя и готов был оказывать необходимую помощь в обучении других взводов, а тут на меня свалились обязанности организовывать и осуществлять и теоретическую, и практическую подготовку всех, сведённых в эту временную роту, радистов дивизии.

Мне было понятно, что один я не смогу преподавать радиотехнику, электротехнику, устройство матчасти радиостанций для всех взводов сразу, а организация квалифицированного обучения (для остальных взводов) другими специалистами была для меня непривычным и, поэтому, сложным делом. Однако, времени на раздумывание не было, – надо было приступать к выполнению приказа.

Первым делом распределили места расположения взводов, и они, каждый – под руководством своего помкомвзвода, направились туда. Классы оборудовались прямо на воздухе, на лесных полянах; мы с командирами двух других взводов занялись составлением распорядка дня и расписания занятий (просидев за этим всю ночь), а наутро приступили к регулярным занятиям.

Урокам ежедневно отводилось 12 часов. По азбуке Морзе класс вели лучшие радисты; радио- и электротехнику я взял на себя (на это время сводилась вся рота); командиры радиовзводов других полков преподавали устройство радиостанции, руководить же практической работой на ней тоже выпало мне, к чему я каждый раз тщательно готовился.

Много времени и сил отнимало у меня поддержание в роте должной дисциплины. Особенно были расхлябаны солдаты взвода 230-го стр. полка. Командир взвода гв. лейтенант Козлов, по всей вероятности, не обладал нужными для этого качествами характера. Бывало, зайдёт в землянку, сядет, схватится за голову:

- Ну, что у меня за взвод, Плотников! Что мне с ними делать?!

Приходилось ему объяснять, что у него обычные, нормальные солдаты, а всё зависит от него самого, от элементарных правил взаимоотношения с подчинёнными.

Все эти дела занимали у меня страшно много времени – по 18 часов в сутки, поэтому спал не больше 4–5 часов (приходилось ещё каждую ночь проверять, как спят подчинённые, как несёт службу наряд).

А тут ещё вызывает меня как-то раз к себе гв. капитан Ковордеев и приказывает арестовать радиста-сержанта из взвода радиосвязи 112-й гв. роты связи (к которой я никакого отношения не имел), посадив того в пустую землянку и приставив к нему часового. Наказание было на сержанта наложено после того, как застали его за распитием самогона. Конечно, проступок такой заслуживает ареста, но вся пикантность ситуации заключалась в том, что выносящий наказание капитан сам был в этот момент выпившим. Я хотел, было, отказаться выполнять это приказание, но понял, что это не пойдёт на укрепление дисциплины.

Сержант этот меня хорошо знал (не раз давал связь нашему полку), но, будучи в этот момент пьяным, заартачился, стал ругать начальство, которое само пьёт не меньше. Тогда я ему сказал:

- Чего Вы возражаете? Ведь Вы пьяны, и сейчас я с Вами разговаривать не буду. Вот проспитесь – тогда и всё обсудим.

Он стал мне жаловаться, что ему стыдно будет сидеть под охраной часового, однако я его успокоил, что часового я ставить не буду, т. к. не намерен из-за его (сержанта) поведения отрывать кого-то от учёбы. Я приказал провинившемуся лезть в небольшую свободную землянку и ложиться спать, чтобы выспаться. Сколько он там находился, я не знаю, т. к. более на эту, вдруг повешенную на меня проблему, я решил не отвлекаться.

За месяц напряжённой учебной работы я так вымотался, что больше уже был не в состоянии заниматься. Особенно расстроились нервы. Как-то не

выдержал, явился к капитану Ковордееву и стал требовать, чтобы он принял немедленные меры по снабжению радистов новым обмундированием, ведь сейчас они ходят все рваные, заплаты (особенно – на рукава гимнастёрок, в районе локтей, и на седло брюк) не из чего ставить.

Естественно, он этого выполнить не смог, т. к. дивизия, прибыв на новое место, ещё не получила очередного тылового снабжения. Тогда я сказал, что сам пойду к начштаба дивизии гв. полковнику Камышникову, потребую от него решить эту проблему, но капитан, повысив голос, сказал, что делать мне это запрещает. [Далее – тетрадь 58.]

Нервы мои окончательно сдали, я тоже повысил голос:

- А я сейчас пойду к полковнику!

Далее, не помню конкретно, что мы высказывали друг другу, но, точно, – «пообщались» хлёстко, после чего я повернулся и вышел.

Пошёл я в радиомастерскую, где в это время мой земляк, радиотехник (гв. техник-лейтенант) Гречишкин, наконец, выздоровевший после долгой болезни, возился с паяльником. Оказавшись в их землянке, я спросил Гречишкина, не найдётся ли у них места, где бы мне можно было выспаться. Он указал мне на свою постель на ящиках из-под радиоаппаратуры, я улёгся и вмиг заснул.

Когда, часа через четыре, я проснулся, успокоившийся, полный сил, мой земляк сообщил, что капитан Ковордеев присылал посыльного с приказанием мне явиться к нему. Я направился к помначсвязи с осадком сознания своей вины, – в период ответственных занятий распустил нервы, как кисейная барышня, оставив роту без руководства, в общем, чувствовал себя почти дезертиром.

- Ты, Плотников, где был? – спросил меня Ковордеев, когда я пришёл.

- В радиомастерской, – ответил я.

- А в полку, в штадиве?

- Нет, только в мастерской, выспался там и готов продолжать выполнение возложенных на меня обязанностей, – уточнил я.

- Это хорошо, что ты никуда не пошёл, а то я уже и в полк посылал, – боялся, что ты наделаешь глупостей. Иди занимайся своим делом! – сказал капитан, и по его интонациям я понял, что и он чувствует себя виноватым в произошедшем. Плюс ко всему, приказом по штабу дивизии командиром сводной роты был назначен капитан Ковордеев, но, считая, что с этими обязанностями лучше справлюсь я, он переложил их на меня.

Дня через два я опять явился к нему, чтобы попросить разрешения отлучиться в полк по личным вопросам, всё-таки надеясь выяснить вопрос с обмундированием и для себя (поэтому – «по личному»), и для остальных своих радистов («всё равно, попутно решая»). Капитан разрешил, сказав:

- Подожди минутку, передашь от меня письмо майору Волкову (начштаба полка), – быстро написал на бумажке несколько слов, вложил записку в конверт и, не запечатывая, отдал мне.

Оставив за себя в роте одного из командиров взводов, я пошёл в полк.

Штаб полка размещался в одном из крестьянских домов, и там я застал одного ПНШ-1, гв. капитана Рябчикова, на мой вопрос ответившего, что начштаба до вечера не будет. Не зная содержания записки капитана, я не решился оставлять её другому человеку (подумав, что там может оказаться что-то насчёт вина, какой-нибудь личный вопрос). Но уходя, начал соображать: вдруг это какой-то служебный вопрос, требующий неотлагательного решения, а конверт и не запечатан, что свидетельствует об открытости содержания.

Какого́ же было моё удивление, когда я, чтобы убедиться, не подставлю ли я капитана, отдав записку не лично в руки, а через ПНШ-1, прочитал в записке: «Тов. Волков, у меня Плотников командиром роты, а у него … голая, неужели нельзя его прилично одеть?!». Ну, думаю, такую записку нельзя, вообще, никому передавать, ведь, оставлю Рябчикову, – через день весь полк будет знать её содержание и смеяться надо мной.

После штаба направился я в роту связи, где комроты сообщил мне о приказании комполка явиться к нему, как только появлюсь в полку́. Я незамедлительно отправился к подполковнику Маркелову, тот, ответив на моё приветствие, приказал осмотреть приёмник, который что-то капризничал. Подчистив контакты, я восстановил работоспособность трофейного аппарата.

- Ну, как дела, Плотников, говори честно? – спросил комполка, как будто что-то уже знал.

- Да вот, товарищ подполковник, до чего дослужился! – ответил я, показывая записку капитана Ковордеева.

- Сейчас пойдёшь и получишь! – с этими словами командир, взяв со стола красный карандаш, наложил свою резолюцию на капитанскую записку: «Алексейцеву. Выдать немедленно обмундирование!».

На складах ОВС я встретил незнакомого мне полковника, а с ним – ещё нескольких офицеров; предположив, что это какая-то комиссия проверяет нашу обозно-вещевую службу (капитан Алексейцев, явно, нервничал), я решил не торопиться. Дождавшись момента, когда полковник с офицерами куда-то удалились, я протянул бумажку с резолюцией комполка капитану. Тот, прочитав записку, вернул её мне, сказав, что ничего нет. В ответ я показал ему расходящиеся заплаты на локтях и брюках. В ответ капитан нервно (хотя, очевидно, сдерживая усилием громкость своего голоса) закричал:

- У меня не трикотажная фабрика. Когда получу – тогда дам. Сейчас ничего нет.

Всё-таки, как себя не сдерживал капитан, полковник услышал его повышенные тона, потому что вернулся и поинтересовался у меня, что за скандал, а узнав, что я прошу пару обмундирования [пару составляет гимнастёрка и брюки], сказал Алексейцеву:

- Ну, выдайте лейтенанту, ведь у Вас есть на складе 16 пар офицерского обмундирования.

Уже после этого нач. ОВС дал кладовщику распоряжение выдать мне комплект. Так я оделся и стал походить на настоящего командира роты, правда для солдат на этот раз я ничего добиться не смог, лишь взял у старшины тряпок для починки и с этим вернулся к своим курсантам (новое обмундирование всему полку было выдано позже, через 1–2 недели, когда полку предстояло сняться с места).

Между тем, учёба радистов шла к концу; все они с большим желанием изучали теорию и практику радиосвязи, что, несмотря на такой короткий срок, обеспечило хорошее усвоении учебной программы и успешное выполнение контрольных практических заданий (испытаний на классность). Хочу добавить, что у нас не было никаких наглядных и учебных пособий, только сами радиостанции и описание к ним. Примитивная классная доска и мел заменяли всё остальное.

Недостаточная (ещё до попадания на фронт) подготовка радистов по математике не позволяла обращать внимание таких учеников на количественную сторону физических явлений и процессов, математическим языком показывая их сущность, приходилось довольствоваться только объяснением сути и вытекающих из неё следствий. Хотя, скорее всего, это делало занятия несколько скучными, цели были достигнуты, – все радисты представляли себе физическую суть возможных и случающихся неполадок, во многих случаях были способны грамотно устранить таковые.

Из достижений, таким же важным было то, что значительно повысились скорость и качество приёма и передачи азбукой Морзе. В конце сборов были проведены испытания, по результатам которых были присвоены звания радистов II и III классов (за этот срок подготовить на радиста I класса никого из полковых радистов, конечно же, не было возможности, но такой задачи нам и не ставилось), а их обладатели, соответственно получили очередные воинские звания (от младшего до старшего сержанта).

В конце сборов со мной случилась неприятность. Как-то мне передали приказание о том, что все офицеры-радисты должны явиться в 112-ю отд. гв. роту связи для проверки умения стрелять из пистолета.

Я из пистолета тогда стрелять не умел, хотя винтовкой владел отлично. Для того, чтобы вытянуть стрельбу хотя бы на «удовлетворительно», я решил стрелять не из «ТТ», а из трофейного парабеллума, потому что слышал, он-де удобнее.

Вынув из кобуры «ТТ», положил его в вещмешок, заменив лежащим там до этого парабеллум. Оставив вещмешок в землянке, пошёл на стрельбище. Там, кое-как на «троечку», отстрелялся, благополучно вернувшись в роту. Занявшись текущими делами, вспомнил о пистолетах, которые надо опять поменять местами (т. к. «ТТ» табельный, потому всегда должен быть при офицере).

Сунул руку в вещмешок – пистолета нет. Потеря оружия в военное время – за это офицеров отдают под суд военного трибунала! Я был так взволнован и расстроен, что никак не мог уснуть. Утром рассказал о пропаже своему заместителю, Гресько (ему накануне присвоили звание сержанта), попросив его пораспросить, не заметил ли кто моего пистолета у радистов других взводов, но вечером он сообщил, что никто ничего не знает.

Тогда я решил идти в полк, к начальнику артснабжения, и заявить ему об утере пистолета, приготовившись отвечать перед трибуналом. Когда, с сжавшимся сердцем, я туда пришёл и, сообщив о самом факте, начал рассказывать, как это произошло, нач. артснабжения (не могу вспомнить его имени, должно быть оно позабылось, вместо этого неприятного происшествия), перебил меня:

- Так тебе что, новый выдать?

- Да, если так можно, – опешив ответил я.

Он приказал сержанту выдать мне наган с шестью патронами, после чего вычеркнув злосчастный «ТТ», вписал в удостоверение этот новый пистолет.

Выйдя из боепитания, я с облегчением вздохнул, т. к. даже и предположить не мог, что всё так удачно, без всяких для меня неприятностей, разрешится. Правда, к нагану трудно получить патроны, а для «ТТ» подходили автоматные, которых было, сколько угодно.

Вскоре сборы радистов закончились, и взводы разошлись по своим полка́м. Мы, из палаток, в которых жили на сборах, вернулись в просторную землянку роты связи, что было весьма своевременно – по ночам на улице стало прохладно (хотя заморозков пока ещё не было). К концу октября в этих местах деревья ещё не сбрасывают листья, как у нас, в Сибири, но печку в землянки приходилось на ночь хорошо протапливать.

Примитивные железные печи имели прямую трубу, и только переложишь дров, пламя вырывалось из трубы наружу, демаскируя расположение полка, что было категорически запрещено. По расположению части по ночам ходили специальные патрули, в обязанности которых, за прочим, входило и наблюдение за светомаскировкой. В некоторых случаях, им надоедало неоднократно предупреждать небрежных истопников (такие бывали в санроте), и, чтобы наказать нерадивых, в трубу бросали патрон (целый подсумок всегда под рукой, и в прямом, и переносном смыслах). Небольшой взрыв в печке разбрасывал угли по землянке, а дневальный после этого надолго становился очень аккуратным.

Маскировка была необходима, поскольку место сосредоточения нашей Армии тщательно скрывалось, потому что в этот период нам даже не доставляли письма (уже перед самым отбытием мы получили корреспонденцию сразу за всё проведённое здесь время).

Ночами над нашим лагерем не смолкал мощный гул многочисленных моторов. Беспрерывными волнами, начиная с первой половины ночи, он перетекал с востока на запад, а через некоторое время, почти до рассвета, в обратном направлении.

Эти ночные звуки напоминали нам подготовку операции под Тулой (в тот момент формировалась Армия, в которую вошла и наша дивизия), но сейчас дело затевалось, будто бы, судя по интенсивности и силе звука (тренированный слух радиста отличал такую разницу), ещё более масштабное. И, главное, тот звук шёл с запада и заставлял нас бессильно сжимать челюсти и кулаки, а этот был своим, полня сердца гордостью за свою страну, подкрепляя нашу веру в скорое приближение окончательной победы. И, слыша этот гул, думаю, каждый из нас начинал верить ещё и в то, что сможет вернуться домой живым.

Наряду с военной подготовкой, велась в этот период среди личного состава и большая политработа. Так, когда я вернулся с учений в роту связи полка, мне пришлось взять на себя политзанятия с сержантами роты, т. к. комроты у нас был беспартийным, а парторг (сержант Булгаков) очень занят (он был нач. ЦТС полка и дежурил на коммутаторе).

В этой работе новым было то, что много внимания с этого времени стало уделяться подготовке к походу за пределы нашей Родины. «Добить зверя в его собственной берлоге (позже мы узнали, что на гербе Берлина изображён медведь), после того, как будет полностью очищена наша страна!» – вот главная цель, стоящая перед нашей армией. «Советский солдат – воин-освободитель, а не каратель» – сущность поведения за границей. Нашим бойцам прививалось сознание того, что гражданское население в Германии и в союзных ей странах не ответственно за действия немецкой армии на территории Советского Союза, что советские солдаты не должны вести себя так, как вели себя фашисты. Из «Красной звезды» исчезли страстные статьи Ильи Эренбурга под лозунгами «Убей немца!», кто бы он ни был.

В первых числах ноября полк получил приказ выступить в небольшой украинский город для погрузки в железнодорожные эшелоны. Естественно, куда будет следовать поезд, не объявлялось, а мы, собственно, не только не интересовались (это глупо для опытного военного), но и соревновались в своих

предположениях. Главное было, – что на фронт, а на какой его участок – уже́ мелочи.

На этот раз, по какой-то причине, нам не выдали положенной махорки, и я, страстный курильщик, этим был сильно огорчён, тем более, понимая, что, находясь в тесном вагоне, трудно будет обойтись без неё. А у меня на книжке лежало 200 рублей, вот я и решил их снять, взяв в дорогу, с надеждой купить махорки на станции погрузки или как-нибудь в пути. Потому, в день, когда рота должна была следовать на станцию, на погрузку, я, с разрешения комроты, рано утром отправился в пристанционный городок, где стояла контора Госбанка (только там можно было получить вклады с полевых сберкнижек).

Как ни рано я подошёл к конторе, там уже стояла большая очередь, т. к. ни один я нуждался в дорожных деньгах (так, следом за мной занял очередь знакомый старший лейтенант из нашего полка). Только к двум часам дня получил я свои двести рублей (четырьмя бумажками по пять червонцев).

Получив деньги, я торопился на базар, чтобы купить там махорки (в коробочке к этому моменту у меня оставались одни крошки). Дорогой меня догнал старший лейтенант, пригласив зайти вместе с ним в одно место, и как я не отговаривался, схватил меня за руку и завёл в небольшой барак, стоявший чуть в стороне от улицы, по которой мы шли до этого. В комнате, в которую мы попали, находился знакомый мне старшина с девушкой и, как я понял, с хозяйкой квартиры.

Старший лейтенант снял шинель и меня пригласил сделать то же. Мы сели за стол, на котором тут же появилась пол-литра. Хозяйка подала стаканы, извиняясь, что закусить ничего не может дать, и все выпили по стакану без закуски. Несмотря на то, что я не ел с самого раннего утра, водка на меня почему-то не подействовала. Вслед за этим мы из трёх портсигаров кое-как наскребли и завернули по папиросе. Пока курили эти (даже не полноценные) самокрутки, на столе появились очередные пол-литра. После второго стакана я охмелел (закусить было нечем, курить – тоже). Тогда я спросил хозяйку, далеко

ли до базара, и, когда она ответила, что совсем рядом, я вытащил одну бумажку (50 рублей), попросив её сходить и купить там любого табаку́[1].

Она ушла и, быстро вернувшись, сообщила, что табаку на базаре нет, однако деньги обратно не отдала. После третьего стакана я дал ей ещё одну банкноту, попросил сходить за табаком, и на этот раз она вернулась ни с чем. После очередного стакана я отдал две последние бумажки (100 рублей) и попросил обязательно купить махорки. За это время старшина и девушка, которая сидела с ним, куда-то вышли. Хозяйка вернулась, в третий раз – без покупки.

Не успел я задать вопрос, где же табак или деньги, как вбежала девушка, сообщив, что в соседнем бараке какой-то капитан и старлей бьют нашего старшину. Я соскочил: «Где?», она показала мне, – заскочив в какую-то комнату, увидел, что два офицера бьют старшину. Тут, не помню (или из-за действия спиртного, или из-за того, что моя память этого запоминать не пожелала), ударил ли я кого и как, но мне здорово досталось. Показали бы они мне, почём фунт лиха [далее – тетрадь 59], но тут со двора вбежала девушка, крикнув «Патруль».

Как я ни был пьян, но сообразил, что в момент погрузки попадать в комендатуру совсем некстати, – могу вообще отстать от поезда, а значит, и от полка, который стал мне родным. Поэтому я, выскочив за дверь, выкрикнул:

- Патруль, здесь драка!

Пропустил их в помещение, сам в этот момент юркнул в какой-то курятник.

Там осмотрелся – ну и вид! Один погон почти сорван, пуговицы покинули разорванную гимнастёрку. Медали «За оборону Сталинграда» нет, «За отвагу» продолжает отважно висеть на ниточке.

[1] У автора написано так, как говорили тогда на фронте, а не литературная норма – «табака́».

Немного оправившись, я прошёл в квартиру, в которой мы выпивали, – там, кроме старшего лейтенанта сидел за столом майор, парторг нашего полка, со стаканом в руке. Увидев меня, он сказал:

- Вот все вы так, даже пить, как следует, не умеете!

Я обиделся на это и сказал:

- Что, я пьян, что ли?! Смотрите, товарищ майор, даже по одной линейке пройду, – и прошёл по половице, не качнувшись (я всегда на ногах твёрд, а вот по глазам меня всегда видно, даже, если чуть выпил).

Надев шинель, я подпоясался ремнём с кобурой, проверил заправку, сказал старшему лейтенанту:

- Спасибо за угощение! Я пошёл на погрузку, – и покинул это место.

Вокзал нашёл быстро, увидел стоявший воинский эшелон, уже готовый к отправке, у одного из крытых вагонов стоял наш комроты, поэтому я, перейдя на чёткий строевой шаг, подошёл, доложив:

- Товарищ гвардии капитан, гвардии лейтенант Плотников прибыл на погрузку!

- Вольно! Лезь в вагон, да – на верхнюю полку! – улыбнувшись ответил капитан Чебоненко.

Я подал в дверь руку, её подхватили солдаты, втянув меня в вагон; там я забрался на верхнюю полку и, как был, прямо в шинели, заснул.

Проснулся я уже где-то километров за двести от городка, предоставившего мне науку выбирать компанию и вовремя отказываться. Сразу же вспомнил последние события, и тут опомнился, что медаль «За отвагу» еле держалась. Расстегнул крючки шинели, посмотрел на грудь – там пусто. «Ну, – думаю, – пр́опил лейтенант всю свою воинскую доблесть». А на следующий день нашёл я свою медаль в нагрудном кармане гимнастёрки, – очевидно, ещё в курятнике, прибрал её, но потом об этом уже не помнил.

Ехали мы быстро и спокойно до Бессарабии. Перед Бессарабией наш эшелон разделили на два, т. к. длина путей на станциях, на этом участке пути,

не позволяла принять состав длиною в 500 метров. Связисты об этом не были заранее предупреждены, им пришлось в срочном порядке организовывать связь на два эшелона.

Вскоре мы пересекли границу с Румынией (проходящую по знакомой нам реке Прут) и прибыли на станцию Бырла́д. Здесь эшелон выгрузился, и дальше, до г. Гала́ц, повозки двинулись своим ходом, а солдаты были посажены на автомобили. Это объяснялось тем, что до сих пор не был восстановлен мост через р. Сире́т. В Галаце мы стали грузиться уже в румынские вагоны (здесь колея не была перешита), поэтому, без замены скатов, наши вагоны здесь ходить не могли. Кстати, несмотря на то, что румынская колея железной дороги, как и [почти] во всей остальной Европе, у́же нашей, вагоны у них несколько просторнее.

Быстро погрузившись, мы стали приглядываться к течению не нашей, заграничной жизни. А она, действительно, была не похожа: около вокзала стояла целая вереница извозчиков; дежурный по станции, румын в широкой фуражке с красным верхом, бегал вдоль нашего эшелона и настойчиво предлагал обменять рубли на румынские ле́и (давая сто лей за рубль, по официальному курсу). Тут и там между вагонами появлялись торговки, в больших корзинах у них лежали сдобные булочки, колбаса, и всё это по неимоверно низким ценам (10–15 копеек булочка, и сколько-то копеек колбаса, на наши деньги). Однако наши деньги многие отказывались брать, требовали леи, – в этих случаях солдаты прибегали к услугам дежурного по станции, хотя должны были обращаться в банк. Но этот банк, где его найдёшь, а дежурный, забыв о своих прямых обязанностях, продолжал носиться вдоль вагонов, выкрикивая «Леи, леи!».

Что ж, он оказался в больших барышах, а торговки, отказавшиеся от рублей, сильно проиграли. Уже через несколько дней леи стали сильно обесцениваться, рубль же стоял на своих позициях.

В вагоне почти все солдаты ели сдобные булочки с колбасой, чего не удавалось с начала войны. При этом все удивлялись низким ценам на продукты в Румынии, хотя в этом мы убедились ещё, будучи в Молдавии, думая, какая богатая страна, и не сообразив, что это идёт от обратного – подними цену хоть чуток, и никто не купит (такая беднота). Румынские крестьяне отдавали продукты почти за бесценок, сами жили впроголодь, а богатели за их счёт те, кто, имея деньги, скупал всё оптом (в то время, главным образом, – немцы).

А я лежал на нарах и сверху только наблюдал, как другие едят колбасу, ведь у меня ни копейки не было, – все снятые в банке 200 рублей остались у той хозяйки, а за них – ни понюшки табаку (кстати, табак мы вскоре получили). Правда, старшина (Щербаков) угостил меня румынскими продуктами.

Когда поезд тронулся, мне солдаты дали гармошку с предложением разучить «Катюшу», но, так как инструмент этот был у меня в руках первый раз в жизни, и, вообще, музыкой до этого никогда не занимаясь, вытягивал я, скорее не мелодию, а нервы из окружающих. В конце концов (странно, что этого не произошло в первые двое суток), моя версия всеми любимой «Катюши» так надоела солдатам, что кто-то попросил меня:

- Лейтенант, ну, прекратите же мучить песенку, а то, за других не скажу, а за себя не ручаюсь, – скоро не вытерплю и выброшу из вагона ... гармошку, конечно!

Я, было, предложил, взамен мелодии, на одной кнопке гармони (с помощью азбуки Морзе) передать «в эфир» слова этой песни, но, видимо, никто не поверил, что это будет достойной компенсацией за мои звуковые издевательства предыдущих двух дорожных дней.

На одной из румынских станций, где эшелон несколько задержался, комроты, а с ним – ещё кто-то из командиров взводов, сели на извозчика и проехались по городку. Вернувшись, хвастались, что впервые в жизни ехали, как «паны́».

Вот подъезжаем к Плоéшты [или Плоéшть / Ploiești], и на невысоких холмах, по обе стороны железной дороги, густо вырастают нефтяные вышки.

Наши войска в августе–сентябре так стремительно продвигались в этом районе, что немцы не успели вывести из строя нефтепромыслы, и теперь румынская нефть шла, в том числе, и на нужды советской Красной Армии, увеличивая её боевую мощь, а этим – приближая день окончания войны.

В самом Бухаресте мы не побывали, но даже из вагонов было видно, что город большой. Поражала уже величина железнодорожного узла. Наш эшелон стоял между двумя товарными составами, а всё остальное пространство пристанционных коммуникаций представляло собою хаос, – тут и там валялись заржавленные вагонные скаты. Некоторые из них были наполовину засыпаны землёй. Повсюду были раскиданы причудливо изогнутые рельсы, некоторые – вертикально торчали из земли. Как нам объяснили, это результаты работы авиации союзников.

Местные жители рассказывали, что наибольшие разрушения причиняли бомбардировки, которые устраивали американцы (их «Летающие крепости»). Обычно они летели несколькими волнами, штук по 200 в каждой. Первая волна сбрасывала бомбы на защитные батареи, а следующая – уже ударяла по городу; причём бомбили они, главным образом, рабочие окраины. Прилетали, почти всегда, днём, поэтому жители успевали уйти в бомбоубежища. А вот советские самолёты бомбили, чаще всего, ночами, потому их налёты были менее предсказуемы, а разрушений они причиняли меньше, и всегда – военным объектам, а не по жилым кварталам.

С нами в эшелоне ехал дивизионный прокурор – майор. Во время стоянки эшелона в Бухаресте он, подведя к нашему вагону гв. сержанта Тахаева – дивизионного радиста, начал спрашивать, чей это сержант, кто командир взвода. Я сказал, что я командир взвода, и тогда майор сообщил, что он поймал сержанта за вагоном, где тот пил из бутылки вино, за что пригрозил отдать под суд военного трибунала и самого сержанта, и его командира (то есть, меня).

Я пообещал своей властью наказать провинившегося (здесь корень не только «вина», но и «вино»), но майор всё никак не мог успокоиться, и не скоро ушёл от нас. Пришлось приказать Тахаеву лезть под нары на трое суток (именно там, под нарами, отбывается в воинских эшелонах арест).

27-ю годовщину Великой Октябрьской революции мы провели в эшелоне, миновав румынский город Крайóва [Craiova]. Вблизи города Дунай проходит так называемые Железные Ворота [по-румынски «Porţile de Fier», по-сербски «Ђердапска клисура»], т. е. прорывается в ущелье через отроги Карпат. Железная дорога идёт сначала по самому берегу Дуная, а затем, отвернув от него на север, пересекает один из отрогов Карпатских гор.

Ввиду того, что в румынских вагонах не действовали автоматические тормоза, при проезде через хребет с крутыми подъёмами и спусками на тормозных площадках, рядом с румынскими железнодорожниками, были выставлены наши солдаты. Для уверенного торможения вагоны с тормозными площадками были распределены по всему составу довольно часто (если мне не изменяет память, таким был каждый четвёртый вагон).

Вот проехали крупный железнодорожный узел и большой город в западной Румынии – Арáд, откуда наш маршрут пролегал на юг, до *ст.* Темишоáра. Здесь подразделения быстро разгрузились и отошли в лес, в нескольких километрах от самого города (Темишоáра или Темишвар / Timişoara). В этом лесу наскоро разбили временный лагерь из плащ-палаток.

Несмотря на то, что уже пошла вторая неделя ноября, было тепло. Весь день моросил мелкий дождь, и пришлось сушиться у костров. Сырые дрова разгорались кое-как, но, как стемнело, раздалась команда «Воздух!», и костры пришлось затушить. Шум моторов был слышен всю ночь, а на севере раздавались отдалённые взрывы, затем северная часть неба осветилась заревом, которое продержалось до утра. Это немецкая авиация бомбила железнодорожный узел Арáд [Arad], через который недавно прошёл наш эшелон, и продолжали идти другие эшелоны нашей дивизии.

Когда костры были затушены, мы, чтобы больше не мокнуть, залезли в палатки и устроились спать. Я, так как не любил спать в середине, лёг с краю. Все мы, четверо в одной палатке, разулись и хорошо укрылись шинелями.

Под утро я проснулся, потому что у меня замёрз один бок, что-то холодное давило на меня сверху. Когда я выглянул из палатки, то увидел, что вокруг всё бело, – ночью значительно похолодало, и дождь переквалифицировался в снег. Под тяжестью снега платка провисла и, покрытая снегом, лежала на моём левом боку.

Пришлось обуться и стряхнуть этот снег с обоих скатов плащ-палатки. После такой лёгкой работы или потому что, снег напомнил о Сибири, спать уже не хотелось. Обошёл другие палатки нашей роты, стряхнул снег и с них. Вышел на опушку леса, поглядел на зарево пожаров на севере, потом опять залез в палатку, бок после прогулки отогрелся, так что я скоро заснул, уже до утра.

Заснул быстро ещё и потому, что на свежем прохладном воздухе, после долгих тёплых, жарких и даже душных месяцев, наконец, дышалось, почти, как дома, на Алтае; к тому же мы уже несколько недель не спали на свежем воздухе (то – в землянке, то – в душном вагоне). К слову, выпавший ночью снег, как выяснилось, был случайным; днём он растаял, и наступили тёплые, вполне летние, дни.

Здесь, вблизи Темишоа́ры, сосредоточивалась вся дивизия. В первые же дни ожидания остальных эшелонов многие офицеры ходили в город – смотреть, как живут люди в другой стране. У меня же последняя попытка купить табачку, перед посадкой в эшелон, отбила охоту ко всяким прогулкам, но затем любопытство взяло своё – когда ещё представится шанс узнать об этой стране, да и будет, что рассказать потом на родине.

В городе было много мелких частных магазинов и мастерских. Было много разных увеселительных заведений, вплоть до таких, перед которыми горели красные фонари; мы сначала не поняли, а когда сообразили по

жеманной навязчивости прогуливающихся там особ, стали обходить подобные места.

Опять, как и в румынском городе Роман, по которому мы проезжали чуть более двух месяцев назад, бросалось в глаза, что все строения (дома, заборы) – кирпичные, деревянных же не было совсем, как в центре, так и на окраинах. Поэтому большинство домов, хотя и были старинной постройки, не выглядели ветхими, как это бывает со сделанными из дерева.

На первый взгляд, вспоминая пушкинское «И́зоб нет, везде палаты»[1], казалось, что живут тут богато. Но потом, когда мы поближе познакомились с румынской и, особенно, венгерской заграничной жизнью, мы поняли вот что. Здесь, действительно, хорошо живут, но – только хозяева – владельцы земли, лавки, мастерской, большого городского дома. Остальные же, наёмные рабочие, батраки не имеют возможности строить каменные или какие-то другие дома (в местном климате можно соорудить дом и из фанеры), но для этого надо купить землю, которая очень дорога, потому они вынуждены ютиться где попало: батраки – по сеновалам, рабочие – по баракам. А многие, не имея жилья, не рискуют и заводить семью. Только сколотив порядочно денег и купив дом (и землю, на которой он стоит) или наняв квартиру, можно обзавестись семьёй, а для этого надо проработать одинокому лет десять.

Но вот дивизия в полном составе сосредоточилась, и полки в походных колоннах двинулись на запад.

В это время (середина ноября 1944 года) войска 3-го Украинского фронта освободили Болгарию и Белград (столицу Югославии), а войска 2-го Украинского фронта форсировали реку Ти́са и, преследуя отходящего врага, приближались к столице Венгрии, к Будапешту. Уже был освобождён второй по величине венгерский город Де́брецен. В составе 2-го Украинского фронта сражались румынские дивизии, а в 3-ем Украинском – болгары, также с

[1] Автор цитирует «Сказку о царе Салтане...», где предыдущая строка «Все в том острове богаты».

нашими войсками взаимодействовала Югославская народно-освободительная армия, во главе которой стоял Броз Ти́то[1].

После трёх дней марша полагалась днёвка, на которую полк остановился в очень большом румынском селе, куда колонна полка вошла вечером. Штаб быстро разделил дома, в которых должны были расположиться подразделения (другие части нашей дивизии тоже остановились в этом же селе). Для роты связи были отведены три дома: один – маленький, за глухим высоким забором (его командир отвёл для телефонно-кабельного взвода), второй – большой, с двумя выходами на улицу (одну половину отвели радистам, а вторую – для другого подразделения). В третьем большом доме, с солидным двором и многочисленными надворными постройками, должен был остановиться обоз роты, штабной взвод и весь офицерский состав роты связи.

Солдаты телефонно-кабельного взвода долго и безуспешно стучались в ворота отведённого им дома, – никто не открывал и даже не отзывался. Когда солдаты перелезли через забор, они обнаружили, что окна дома открыты, т. е., очевидно, хозяева, испугавшись русских солдат, вылезли через эти окна и куда-то скрылись. Пришлось располагаться без хозяев.

Во втором доме, в обе его двери, стучать пришлось долго: сначала – культурно, потом так, что двери ходуном ходили. Опять – ни привета, ни ответа. Где-то через час подошли их соседи и сообщили, что в этот дом стучаться нельзя и заходить в него нельзя, потому что в нём живут монашки. Пришлось половину радистов отправить к телефонистам, половину – повести к штабному взводу. Но, когда мы с ними подошли к третьему из отведённых нам домов, старшина всё ещё не мог достучаться до хозяев.

Терпение у комроты лопнуло, и он отдал приказ взломать двери, за которыми, видать, поняли эти намерения, потому что раздался мужской голос, что-то сообщавший нам по-румынски. Мы позвали нашего внештатного

[1] Ио́сип Броз Тито (1892–1980), будущий лидер Демократической федеративной республики Югославия, через 11 лет после смерти которого страна была растерзана, в т. ч. американскими бомбардировками, на мелкие республики.

переводчика, молдаванина Опрю, который потребовал, чтобы открыли дверь. Хозяин, так же через двери ответил, что открывать он их не [далее – тетрадь 60] будет, после чего ещё долго что-то говорил по-румынски. Молдавский язык похож на румынский, но имеет и различия, к тому же румын за дверью тараторил так, что мог поставить рекорд по скорости произношения, поэтому Опря не сразу перевёл нам, предупредив, что за точность перевода не может ручаться. По его словам, хозяин утверждал, что в его дом даже стучаться нельзя, ведь его дочь замужем за кумом короля Михея.

Наш комроты был взбешён. Ругая и короля Михея, и его кума, он велел передать хозяину, что, если он в сей момент не откроет дверь, то через минуту её выломают. Дверь тут же открылась, оттуда выскочил хозяин и, закрыв дверь на ключ уже с внешней стороны, начал ещё быстрее (казалось, на такую скорость речи не способен уже ни один человек) что-то скоро говорить или скороговóрить, постоянно так жестикулируя, будто на него налетел рой пчёл.

Это был невысокий, лет сорока, сухощавый, тёмный (как все румыны), человек. Когда он сделал передышку, Опря перевёл, что хозяин опять доказывает, почему не может ни в коем случае пускать господ русских, на этот раз, выясняется, у него тяжело больна жена. Однако по величине дома было видно, что даже, если за хозяйкой (чтобы её не тревожить) останется половина апартаментов, в оставшейся части разместится целая рота. Мы стояли в сенях, из которых одна дверь вела направо, в зимние тёплые комнаты, откуда вышел румын, а другая, стеклянная – налево, в холодные летние.

Наш капитан велел передать хозяину, чтобы тот открыл дверь в холодную часть дома, где мы никак не сможем помешать больной хозяйке дома, а ещё открыть ворота, чтобы можно было поставить во двор обоз. Хозяин, однако, опять отказывался что-то для нас открывать, уже ссылая на все причины (на короля, на кума, на болезнь хозяйки). Тогда гв. капитан Чебоненко дрожащей от нервного напряжения рукой расстегнул кобуру, вытащив «Вальтер» и направил его за несговорчивого хозяина:

- Открывай, ... (эту, пропущенную мной для записи на бумаги, часть слов капитана румын, может и не понял дословно, но почувствовал по интонациям, а русский человек может сам догадаться, какого рода звучали фразы), или я тебя сейчас пристрелю!

И обе двери, и ворота гостеприимно открылись, причём комроты со старшиной хозяин настойчиво провёл в тёплую часть дома, мы же (остальные – командиры взводов и несколько радистов) поместились в летней комнате, где было много скамеек, на которых быстро и удобно устроились. Остальных радистов и телеграфистов хозяин провёл в «рабо́тницкую» избу, которая стояла в ряд с другими надворными хозяйственными постройками.

Днём картина резко изменилась. Видя, что русские никого не обижают, а спокойно занимаются своими делами, ничего не трогая из имущества румын, те начали появляться, сначала на улице, а затем – и своих домах. Потом на улицах стали бегать ребятишки, вышли женщины, последними появились и девушки.

И вот, к вечеру, то здесь – то там, можно было видеть такую картину – во дворе дома какой-нибудь пожилой русский солдат держит на коленях или рядом с собой румынского мальчугана или девчушку лет 6–10, играя с ним. К примеру, показывая руками: «море» – «корабль» – «пушки» – «детские игрушки». Заинтриговано смотрит ребёнок (и находящиеся рядом другие ребятишки или даже взрослые румыны) на «море» (две сведённые ладони) и на «корабль» (чуть сильнее вертикально сведенные ладони); но испуганно-настороженно – на направленные дулом–указательным пальцем «пушки», и вдруг заливается-хохочет, когда из страшных «пушек» получаются фигушки («детские игрушки»). Взрослые женщины начинаются спокойно-ласково улыбаться.

Особенно поражало румын то, что русский солдаты равнодушно смотрят на их продукты (у тех, кто мог себе что-то позволить – на сало, яйца, хлеб), при этом, не только не отбирают, но даже ничего не просят.

Днём открылись частные лавочки, в одной из них продавалась колбаса (не помню уже, по сколько копеек за килограмм, по 20-ть или по 25-ть); солдаты её быстро раскупили, хозяин подвёз ещё – но скоро распродал русским и это, тогда подрядил на подвоз новой партии автомашину. Так, до самого вечера, шла его бойкая торговля, такую выручку не получал он ещё никогда в своей жизни.

Изменил своё отношение к нам и хозяин (дочь которого была замужем-де кума короля; сразу приходила на ум русская пословица «кум королю, брат министру»); его просто нельзя было узнать – просто ухаживал за нами, уже искренне, а не испугано, как вчера, при встрече с русским матом и немецким пистолетом советского офицера. Утром, когда мы поднялись и не торопясь умывались, он подходил, наверное, к каждому и, ласково улыбаясь, что-то спрашивал по-своему, мы предположили, что это было «как Вам спалось?». А вечером подал на стол для нас, всех ночевавших у него на дворе, жареных уток, а для лошадей велел своему работнику насыпать в колоду мешок овса.

Эта, описанная мной картина, затем повторялась в разных вариациях везде, за границей: сначала, поддавшееся фашистской или профашистской пропаганде (через печать и радио), население со страхом встречало нас, а провожало – с уважением, а иногда – и с любовью.

На территории Румынии есть сёла, населённые этническими немцами, так в одном из них мы тоже попали на ночёвку. На дворе было прохладно, в избе – тоже; в ней не стояла большая постоянная печь (для выпечки хлеба, например), в углу виднелась металлическая, покрытая тёмной блестящей эмалью, плита на четырёх ножках. В маленькой комнате, на широкой деревянной кровати, закрытый пуховой периной, лежал древний старик.

Молодые солдаты с интересом поглядывали на этого старика, а один сказал: «Интересно, сколько лет ему?», другой («знаток» немецкого языка) взялся спросить: «Вии́ фии́ле яа́рэ? («Wie viele Jahre?» / «Сколько лет?»), но

немец ничего не отвечал на этот чёткий вопрос. Когда я подошёл, солдат уже отчаялся получить ответ, решив, что старик не хочет с ним разговаривать.

- Wie alt sind Sie? («Насколько Вы стары?») – спросил я, и все, кто хоть немного разбирался с цифрами на немецком языке, поняли «93».

Вскоре наш полк пошёл по маршруту, отличному от дороги других двух полков дивизии, которые передвигались по асфальтированному шоссе. Мы двинулись по грунтовой дороге, да ещё по крутым горам. Скорее всего, за неимением корректной топографической карты местности (разведчики не успели раздобыть, либо получили дезинформацию и не успели раскрыть это), маршрут составлялся на карте, где он не выглядел так страшно. Как говорится, «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним – ходить»[1]. Нам в этот раз предстояло преодолеть не овраги, а горы, точнее – одну из них.

Гора эта, поросшая лесом, имела высоту около километра, но крутизна превышала 30˚, поэтому каждую повозку приходилось поднимать уступами, метров по 50, с помощью людей, затем наш старшина стал припрягать и ещё двух лошадей. Практически это выглядело так: как только шедшая впереди бричка продвигалась в гору на полсотни метров, лошадей из неё подпрягали в ту, что осталась внизу (перед уже запряжёнными в ней лошадями), за борта брички брались человек десять солдат, а самые сильные толкали её сзади. Затем под её колёса ложились камни, а запасная пара лошадей и солдаты шли вниз, чтобы так же поднимать следующую бричку. В общем, подъём обоза полка занял целые сутки, поэтому он, хотя и повторил одну из частей альпийского похода Суворова, но отстал от дивизии.

Вскоре румынские селения сменились мадьярскими (венгерскими). Когда мы в них входили, нас встречало полнейшее молчание (как правило, все жители скрывались), а из окон домов, на коротких палках, торчали белые флаги как знак безоговорочной капитуляции. А вот на окраинах, там, где жила беднейшая часть населения (в том числе, батраки), жизнь продолжалась.

[1] Во время Крымской войны Л. Н. Толстой написал стихотворение, в котором были строчки «Чисто писано в бумаге, да забыли про овраги, как по ним ходить».

Стараясь выровнять, общую с другими продвигающимися полками дивизии, линию, мы шли почти без отдыха. К вечеру одного из дней, когда колонна подошла к очередному селению, комполка, видя, как сильно все устали, приказал здесь сделать привал на несколько часов.

Так как расстояние до штаба дивизии (при нашем отставании из-за долгого подъёма в гору) значительно увеличилось, радиосвязь днём, хоть и поддерживалась, но была очень неустойчивой. А когда радиостанция въехала (на трофейной коляске, переделанной из миномётных повозок, на пневматических шинах, что мы обзавелись под Кишинёвом) в село, расположенное между высоких холмов, радиосвязь совсем прекратилась.

Я приказал ехать на вершину холма, там сел за аппарат, радиста с автоматом поставил в караул, а повозочного Лущевского послал в деревню приобрести что-либо покушать (т. к. мы с утра ничего не ели – кухни остали).

Часа три я бросал в эфир короткие вызовы, а потом напряжённо вслушивался, медленно поворачивая рукоятку настроек вправо–влево от нужной волны. Увы, рации штадива не было слышно, и, не теряя надежды, я повторял свои попытки вновь и вновь.

Вот вернулся Лущевский и прошептал мне в ухо, закрытое наушником телефона:

- Товарищ лейтенант, достал колбасы, хлеба и маринованных огурцов.

- Подожди, не мешай! – бросил я ему посреди очередного вызова рации штаба дивизии.

И, наконец, это сделать удалось! Сначала я смутно услышал повтор своих позывных (даже не услышал – догадался), повторил вызов и получил уже внятный ответ. Когда связь была установлена, я, крикнув радиста, передал ему наушники.

Почему-то так устал, что не нашёл сил слезть с борта коляски, на которой эти несколько часов ловил связь; я попросил Лущевского принести мне поесть сюда. Он протянул мне кусок белого хлеба, кусок колбасы и завязанную

пергаментом 3-литровую банку маринованных огурцов. От голода и давно забытых, но так манящих запахов у меня потекли слюни изо рта, причём – не в переносном, а в прямом смысле, т. ч. хорошо, что всё это происходило уже в темноте, и никто из солдат не видел мой конфуз. Я уже почти физически представлял хрустящий у меня на зубах, как в далёкое довоенное время, молодой крепенький маринованный огурчик.

С нетерпением прорвав пергамент на банке, я двумя пальцами нащупал огурец, осторожно, чтобы он не сорвался опять в маринад, вытащил и отправил в рот. Но, чем дальше жевал, тем явственнее понимал, что это не огурец, а перец (по-венгерски «па́прика»), они его, действительно, едят, как огурцы. И, хотя, как мы позже узнавали, чаще для этого дела используют сладкие или слабожгучие сорта, хозяева, продавшие нам эту банку, оказались либо любителями розыгрышей, либо, на самом деле, предпочитали самые жгучие породы перца. Я пытался заесть остроту́ колбасой с хлебом, но во рту получался эффект, что вместо одного пылающего куска оказалось в три–четыре раза больше, причём – не менее жгучие. Конечно, больше к «вожделенным» огурцам, до самого конца ужина, я не прикасался, потому что, казалось, каждое нервное окончание на моём языке было непрекращающимся напоминанием «Нет! Не надо!».

Лущевский виновато говорил:

- Ну, кто ж его знал, товарищ лейтенант?!

Он, между прочим, не сразу поверил мне, что это не сладенькие маринованные огурчики, а жгучий перец, попробовав же, ничуть не расстроился, т. к., видать, живя на Украине, был приучен к подобной кухне.

Незадолго до рассвета полк выступил из села (мы часа за три до этого вернулись с холма), радиостанция примкнула к колонне.

В последний день нашего марша к Тиссе погода испортилась – не переставая, моросил дождь, низкие тучи покрывали всё небо, не пропуская солнечных лучей, стало прохладно (температура упала где-то до нуля). Хотя и

тяжело было идти последний день по грязи, но мы такой погоде были даже рады, – переправа обещала быть спокойной, без воздушных налётов.

Скоро местность стала понижаться, и мы подошли к реке Ти́са (в нижней части) – крупной реке Венгрии. Многие венгры, называя Ти́су главной рекой своего края, утверждают, что не она впадает в Дунай, а наоборот, Дунай – в неё.

По берегам Ти́сы, в месте, куда мы подошли, лежало большое село со смешанным, венгерским и сербским, населением. Первые занимая, главным образом, центр села, жили в добротных домах, сербы же составляли беднейшую, батрацкую часть, ютясь в бедных хатенках на окраинах.

Чтобы не подвергать местных жителей опасности воздушного нападения, полк был размещён подальше от переправы, на самой окраине села. Мне с радистами отвели небольшую хатку, в которой жили хозяин с женой и тремя босоногими детишками. К их «гарнизону» добавились и мы (впятером).

Вскоре после прибытия принесли солдатский обед в котелках, мы покушали сами и покормили ребятишек. Нам, всегда сытым, было не по себе от вида голодных, тем более, детей. Кусок застревает в горле, когда видишь их голодные, разгоревшиеся от одного вида хлеба, глаза.

Когда мы закончили с обедом, кто-то из солдат сказал:

- Хорошо бы сейчас фруктов на третье, но, за неимением таковых, отложим до конца войны!

На это хозяин, услышав слово «фрукт», где – жестами, где – почти всегда не понятными нам (но понятными Опре) словами, поведал о панском винограднике, где можно набрать созревших ягод. Чтобы мы не плутали, он послал с нами старшего сына.

Мальчик, одев отцовы сапоги и накинув на себя самотканую куртку, пошёл, захватив пару пустых вёдер, а за ним пошли два наши бойца. Очень скоро они вернулись, а вёдра были полны чёрного винограда, который кое-где уже начав подсыхать, был удивительно сладким.

Я был удивлён, как до середины ноября виноград остался на поле, но потом узнал, что для приготовления Токайского вина используется виноград специального сорта, выдержанный в поле и подсохший на лозах.

В ожидании переправы мы задержались в этом селе почти на сутки, а на следующий день, спустившись к реке, переправились на паромах на правый берег Тиссы.

Продолжал идти дождь, мне нездоровилось, и я с трудом переставлял ноги. Колонна двигалась по раскисшей дороге, пересекавшей кукурузное поле. Початки были собраны, а на поле остались стебли.

Чтобы было легче, я сошёл на обочину, но тут мешали кукурузные стебли. Я напрягал все силы, чтобы не отстать, зная, что отставшему, даже здоровому, потом очень тяжело и трудно догонять. Но, стоило только немного забыться, смотришь, – а радиостанция уже впереди на несколько десятков метров. Тогда я принял решение отстать от своих радистов, этим дать себе передышку и дождаться обоза роты связи, где можно присесть на повозку.

Начав идти медленнее, я, по всей вероятности, позволил своему организму не только отдохнуть, но и – найти, включить какие-то дополнительные «заряженные батареи», ведь скоро я разошёлся так, что часá через два догнал радиостанцию и занял своё привычное место впереди неё.

Затем нас ждали несколько переходов по шоссе, а за этим – вновь отдельный маршрут по просёлочной дороге, опять – через горы. На этот раз командир полка, во избежание отставания всего нашего подразделения, принял решение обоз с собой не брать, а пустить по шоссе. Но пулемёты и миномёты взвалили на плечи, что немного замедляло продвижение полка. А я пришёл к своему компромиссу: чтобы не тащить тяжёлый аппарат на своих плечах, мы продолжали везти его на повозке; в случае же, если дорога станет непроходимой или трудно проходимой (как в последнем горном переходе), мы бросим коляску, с этого момента заменив её своими спинами в дальнейшей транспортировке нашего оборудования.

Небо прояснилось, и появилось солнце, давшее нам жару. Вот сержант Щечилин явно употел и просит разрешения выйти из строя, чтобы забежать в один из дворов (мы как раз проходили по мадьярской деревушке) и там напиться. Я разрешил, предупредив, чтобы он не отставал (ведь обоза за нами нет, т. ч. никто его не подберёт).

Щечилин, ускорив шаг, обогнал нас, вошёл в двор и стал стучать в дверь дома. Оттуда вышел старик-мадьяр. Нам, заинтриговано повернувшимся в ту сторону, было видно, как Щечилин, открыв рот, показывает туда пальцем. Венгр сразу «понял» его и, заскочив в дом, принёс и стал подавать нашему сержанту, который с досадой мотал головой и опять тыкал в свой рот пальцем. Со второй попытки он получил от старика порядочный кусок сала. Сначала беспомощно поглядев на нас, Щечилин начал демонстрировать другой номер из своего артистическо-пантомимического репертуара – запрокидывание головы с последующим глотанием из обоих кулаков. Вы, наверняка, догадываетесь, что за угощенье ждало его в качестве оплаты за этот театральный этюд [далее – тетрадь 61; на её обложке впервые, в отличие от предыдущих тетрадей, обозначена дата – 3/I-70 г.] – да, полная бутылка вина.

В обычное время Щечилин не отказался бы от такого дела, но теперь, когда в горле пересохло, и язык не помещался в сухом рту, он в третий раз замотал головой. Никто не знает, насколько ещё могла развернуться богатая фантазия хозяина после очередного набора жестов и движений старшины, но тот, на своё счастье заметил во дворе колодец и показал на него старику. Недоумение, которое нарисовалось на лице мадьяра, когда Щечилин отказался от вина, сменилось улыбкой. Мы в этот момент уже миновали этот двор, поэтому не успели посмотреть, но представляя себе, как пьёт старшина холодную колодезную водицу, хотели оказаться рядом, хоть на пару глотков. Зато потом долго ещё смеялись солдаты, придумывая, как бы развивалась эта история, если бы колодца во дворе не оказалось: что бы ещё вынес, выкатил

или кого бы привёл старик, каким образом реагировал бы на это старшина и какими способами он добивался бы хоть несколько капелек воды.

Но вот мы вышли из деревни в молодой лес, и начался подъём в гору. Вскоре небольшая лесная тропа, ползущая в гору, перешла в крутую каменную лестницу. Причём каменные ступени не были созданы руками человека, – обо всём позаботилась сама природа. Так как никакой прораб не выписывал наряд и затем не принимал эту работу, каждая ступень имела свою высоту и свою длину, а вот с шириной матушка-природа не стала фантазировать, – везде было немногим более метра.

Вот тут-то мы и задумались. Было совершенно ясно, что лошади здесь не забраться, ведь она курсы горных козлов не заканчивала, а тут ещё и, хоть и лёгкая, коляска с её колёсами, которые будут упираться в ступени. Что ж, придётся брать радиостанцию на плечи, а лошадь с коляской оставлять здесь.

Пока я вертел головой по сторонам, надеясь на какое-то чудо и, по крайней мере, решая, как оставить нашу лошадку, чтобы она не пропала, Борис Лущевский, взяв её под уздцы, уверенно, не сбавляя скорости, направился туда, где начиналась скала (по-итальянски это слово и означает «лестница»[1], правда ударение в нём падает на первый слог).

- Лущевский, что Вы делаете – разобьёте же радиостанцию-то! – крикнул я, но он уже начал подъём, лошадь же, наша сибирская мохнатая, низкорослая лошадка, уверенно цеплялась копытами-стаканчиками за камни.

Но, так и есть! – колёса упёрлись в первую ступень, что нисколько не остановило продвижение коляски, потому что сержант Тахаев и другие радисты быстро и ловко подхватили её, так она оказалась на второй ступени, на третьей. Преодолев метров двадцать организованного таким способом подъёма, Борис дал лошади отдохнуть. Затем – ещё один отрезок, ещё – и вот, мы уже на горé.

Пока мы, радисты, с лошадью и коляской преодолевали этот горный участок, пехота ушла вперёд, так что надо было нажимать. Пошли широким

[1] И «двигающаяся» лестница – эскалатор – получила название.

шагом по извилистой лесной тропинке, благо гора пока не подготовила нам неприятного сюрприза в виде таких же ступеней вниз, но временами, даже такая узенькая, наша коляска задевала то левым, то правым колесом за растущие по бокам дорожки деревья (к счастью всякий раз всё-таки без задержки проезжая вперёд).

Так мы нагнали пехоту, которая уже начала спуск с горы. На этот раз мы поняли, что лошади с коляской тут никак не спусти́ться. Борис Лущевский молча стал распрягать лошадку, а я дал команду взять радиостанцию на спину, но тут Равиль Тахаев заверил, что они прямо с аппаратом спустят коляску с горы на руках. И правда, дружно вчетвером взявшись за оглобли, они приступили к преодолению ступеней, на этот раз ведущих вниз. Я внимательно следил за коляской, т. к. там находилась радиостанция, решив, что Лущевский расхомутав, отпустит лошадь в лесу, там наверху, но тут услышал позади себя шум скользящей с горы массы. Обернувшись, я увидел, как наша лошадь, вытянув вперёд задние ноги и сидя на кру́пе, переставляет передние, таким способом спускаясь вниз. Позже мы обменивались впечатлениями, и ни один знающий лошадей человек не припомнил подобного случая, чтобы это животное не просто преодолело такую преграду, а ещё сделало бы это так спокойно (ведь, даже спуская коней с кузовов, после транспортировки, им надевают шоры).

Таким способом были спущены вниз и коляска, и конь, запрячь которого – минутное дело, после чего мы продолжили торопливо шагать за коляской, ведь при спуске мы вновь отстали от пехоты.

Лесная тропинка вывела нас к каменоломне, справа и слева от которой зияли большие глубокие ямы, образовавшиеся от выемки камня. Далее лесок начал редеть, и мы увидели небольшой городок.

Булыжная мостовая была покрыта неглубокой, но густой грязью, прилипающей к сапогам. По обеим сторонам были проложены дощатые тротуары, но ещё более удивляли бревенчатые двухэтажные дома. Наткнуться

на деревянный дом в Молдавии и Румынии было почти невозможно, а тут – целый городок!

На тротуарах стояло много людей, они оживлённо беседовали в своих компаниях, приветливо махая нам руками. У мужчин за спиной висели немецкие автоматы или карабины, у женщин – либо тоже карабин, либо пистолет на поясе. Мы сразу поняли, что это знаменитые югославские партизаны или, теперь, бойцы Народно-освободительной армии Югославии.

Несколько человек направились ко мне, впереди группы шла молодая женщина в чёрных брюках и защитной рубашке с отложным воротничком, на широком кожаном поясе, по обоим бокам, висело по кобуре с парабеллумами.

Подойдя, она приветливо сказала:

- Зачем, ру́сски, и́дти по гря́зна мостовой? Надо и́дти по дре́во тротуару, – и, взяв меня за рукав шинели, повела к тротуару (несколько других партизан подошли к моим радистам и взошли с ними на дощатые настилы).

При нашем приближении сербы расступались, давая пройти и выкрикивали: «Жи́вео Сталин!», «Жи́вео Тито!» [Да здравствует Сталин! Да здравствует Тито!].

Партизаны, которые подошли к нам первыми и вывели к тротуару, так и продолжали идти с нами; показывая на нашу лошадку, которая катила нашу коляску с радиостанцией, они тыкали пальцем в небо, говоря этим, что она спустилась с небес. Действительно, ведь если, по Гоголю, Днепр редкая птица перелетит, то через эту гору, точно, ещё ни одна лошадь не перебиралась. Сербы весело закивали, когда один из радистов ответил им, что наша русская лошадь (как и все русские) везде пройдёт, небом ей не нужно пользоваться, да она туда и не торопится, как и все мы с вами.

После холодной пустоты каменных поселений румын и венгров наша душа радовалась встрече с деревянными домами с кирпичными трубами, это был внезапный привет из дома, из России, из Сибири. Но особенно хорошо было от такой душевной открытой искренней встречи, которая произошла у нас

с сербами, это была встреча не пленников с освободителями, а встреча родных братьев – братьев по крове, по душе, по оружию, по языку.

Только на выходе из этого городка мы догнали пехоту, а чуть позже, в ближайшем селе остановились на ночлег.

Ещё мне крепко запомнилась одна встреча, произошедшая где-то около границы Югославии и Венгрии.

Когда полк шёл через мадьярские деревни, на одном из привалов мы сидели, отдыхая и покуривая самокрутки из крепкой бийской махорки. К нам подошли человек 15 бедно одетых гражданских – стариков и женщин, с лопатами на плечах, и присели рядом. Один из них, чуть сутулый, широкоплечий, с седой головой, на чистом русском языке попросил угостить махоркой, прибавив, что и не помнит, когда её последний раз курил. Солдаты приветливо протянули им кисеты и аккуратно сложенную газетную бумагу.

Все приняли этого человека за русского, угнанного в Германию и попавшего сюда, на стык Румынии, Венгрии и Югославии. Но кто-то всё-таки спросил его, как он здесь очутился. А в ответ мы услышали, что он и все остальные его спутники – сербы, из одной, расположенной недалеко отсюда, деревни, были угнаны немцами на окопные работы. Немцы сбежали, поэтому и окопы рыть не понадобилось, вот они и возвращаются домой.

Тогда мы его спросили, откуда он так хорошо знает русский язык.

- Я командир полка пролетарской дивизии, а до этого воевал в Красной Армии, под Москвой. Но потом, по решению ЦК ВКП(б) был послан на свою родину.

Все наши офицеры и солдаты с уважением смотрели на него, а кто-то даже подарил ему свой кисет с махоркой.

Вскоре для нас прозвучала команда строиться, и мы двинулись дальше, но ещё не раз оглядывались на повстречавшихся нам сербов, особо выхватывая взглядом этого седого человека, который воевал за нашу страну, за советскую

власть, который, наверняка, был и на параде на Красной площади, и на которого смотрели Сталин, Ворошилов, другие наши вожди.

Скоро наш полк разместился в сербском хуторе, недалеко от Дуная. Этот населённый пункт очень напоминал тот польский посёлок, в котором наш полк проходил переформировку, – отдельные дома отстояли далеко друг от друга, размещаясь на своём земельном наделе.

Обоз нашей роты связи расположился в большом дворе одного из таких домов, а в самом доме – два офицера (я и гв. лейтенант Светличный) и человек 16 солдат (радисты и повозочный).

Сам дом был небольшой, деревянный, состоящий из двух половин (летней и зимней), разделённых кухней. Большая печь располагалась на зимней стороне дома, но топкой и шестко́м выходила в кухню. Печь эту вполне можно было бы назвать русской, но отличалась она от нашей тем, что на ней не было места, пригодного для сна. Вместо этого наверху у неё было нечто вроде купола, поэтому нагревалась она быстрее, при этом выделяя меньше тепла (а для здешнего, более мягкого климата, большего и не требовалось).

В этой комнате разместили офицеров. В летней же комнате, более просторной, но более прохладной, остановились радисты и повозочный (скоро, такой большой компанией, надышав до температуры нашей части дома).

Кроме того, у дома была пристройка, в которой на время нашего постоя жили сами хозяева, встретившие нас очень радушно, даже радостно. Хотя они и не говорили по-русски, но понимали нас хорошо, так же, как мы понимали, когда нам что-то говорили «срби» (сербы).

Семейство наших гостеприимных хозяев состояло из 10 человек, но шесть взрослых сыновей и дочерей хозяина сейчас не было дома – они сражались в рядах Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ). В доме остались только, как говорят, старые да малые: малоразговорчивый, всегда занятый какими-то хозяйственными делами, глава семьи (лет 60-ти), его жена и двое младших детей (девушка-гимназистка лет 16-ти и 10-летний

мальчик). Хозяйка – полная пожилая женщина, возможно, и любила поговорить, но у неё для этого почти не было времени, т. к. кроме всех других дел, на неё свалились хлопоты, связанные с нашим постоем. Она считала своим долгом напоить, накормить солдат, и отказаться от этой её помощи было просто невозможно, потому что любую нашу подобную попытку она воспринимала как обиду.

Хозяйство у них было обширным (на десять человек, восемь из которых были взрослыми) – несколько коров, свиней, сложно поддающиеся подсчёту куры и гуси, две лошадки да ещё те лошади, с которыми старшие дети хозяина ушли в НОАЮ. Когда гуси вечером возвращались на ночёвку, во двор, они забавно замирали на одной ноге, спрятав голову под крыло и напоминая снежные сугробы. В условленные сроки значительная часть домашней птицы и животины хозяева отправляли, снабжая продовольствием отряды Тито.

Сразу по прибытию нашей части в это сербское местечко, я, чтобы установить радиостанции, отправился в дом, где остановился комполка. Когда я уже заканчивал установку, гв. подполковник Маркелов сказал:

- Плотников, иди во двор, – получи зимнюю форму на голову. Алексейцев там целую машину привёз. Выбери себе, пока не порасхвата́ли, чтоб по Сеньке шапка-то была.

Выйдя во двор, я видел, как кладовщик, прямо с кузова машины, выдаёт офицерские шапки. Меня вполне устроила та, которую мне, узнав размер моей головы, протянул сержант, шапка из натурального меха, почти белая с золотистым оттенком.

В следующие дни мы получили тёплое бельё и остальное зимнее обмундирование, только на этот раз не выдавали полушубки и валенки, ведь местный климат не позволял их носить. Но зато, в первый раз за войну, офицеры получили суконные защитные брюки и гимнастёрки, – ещё мощнее заработала наша промышленность, и вид нашего воина, представляющего свою Родину в этом заграничном походе, стал ещё более представительным. Правда

попадались щёголи, которые сожалели, что брюки не синие, но подобные реплики звучали только из уст штабных и тыловых работников, потому что, находящиеся на переднем крае, стрелки понимали: синий цвет несёт, если не смерть, то рану в бою, ведь в нём ты становишься хорошей целью для противника.

Вот наш комроты гв. капитан Чебоненко достал где-то синие галифе, правда, не суконные, а диагоналевые, какие выдавались до войны сверхсрочникам. В первый же раз, вернувшись с совещания у комполка, он собрал всех комвзводов и старшину, чтобы сообщить нам следующее: в связи с вступлением нашей дивизии (и Армии, в состав которой мы сейчас входили) на территорию дружественной нам Югославии, командование дополнительно предупреждает всех о том, чтобы не было даже никаких попыток грубого отношения к населению. Особо предупреждали о суровой ответственности за посягательство на имущество югославских граждан. За мародёрство на территории Югославии виновных будут карать, вплоть до расстрела. Чтобы не было в дальнейшем никаких недоразумений, предупредил, что, если хоть что-нибудь пропадёт у местных жителей, отвечать будет тот командир подразделения, которое расквартировано в данном хозяйстве. Да и как можно было что-то взять у таких гостеприимных хозяев, которые принимали нас, как самых дорогих гостей, как своих родных?!

Также на этом совещании было решено тщательно инструктировать дежурных и дневальных, систематически проверяя несение ими службы. Дежурного каждый раз предупреждали, что он отвечает за целость не только имущества роты, но и – вещей, домашнего скота и др. хозяйства сербов, во дворах которых стоит подразделение. А комроты, комвзводов и старшина по несколько раз в сутки (особенно в ночное время) проверяли бдительность часовых, следили, чтобы те сменялись не реже, чем через два часа.

В комнате, в которой размещались мы с лейтенантом Светличным, стояло две деревянные кровати. На каждой лежало две пухóвые перины и две пухóвые

подушки. На одной перине (застеленной чистыми новыми простынями) надлежало спать, а другой – укрываться (вместо одеяла). Но, так как в комнате было очень тепло (от печки, в которой в течение всего дня готовили пищу), спать нам приходилось под одной простынёй (ни в одеяле, ни, тем более, в перине, не было никакой необходимости).

На подоконнике стояли живые цветы в горшках. Против входа находился небольшой стол, накрытый чистой скатертью. Слева от входа возвышался купол пе́чи, а справа стоял большой сундук, на котором лежал блестящий, отделанный зелёной пластмассой под перламутр, аккордеон.

На аккордеоне этом играла хозяйская дочь. Послушать её игру было для нас большим удовольствием, но она тоже целыми днями была занята по хозяйству, потому брала в руки инструмент очень редко. Обычно, когда её просили сыграть что-нибудь, она отвечала, что умеет только «србски», а для нас это будет не понятно. [Далее – тетрадь 62, от 4/I-70 г.] Тогда мы просили:

- Сыграй србски, это нам ещё интереснее и приятнее.

Действительно, сербская музыка отличалась от другой европейской, что-то в её ритме и в причудливых мелодиях напоминало нам узбекскую или казахскую, что доводилось слушать по радио в Советском Союзе.

На стол, четыре раза в день, подавались кушанья, и нас приглашали «йе́сти», причём накрывала стол всегда хозяйская дочь (больше никто из их семьи во время еды не показывался). Все наши попытки посадить за стол саму девушку, тем более – дозваться хозяина с хозяйкой, оканчивались неудачей. Гимназистка отвечала, что у них женщины никогда не кушают вместе с мужчинами, а садятся только после того, как накормят мужчин.

На стол всегда подавался полный набор посуды: глубокая и мелкая тарелки, стаканы, ножи, вилки и ложки. После того, как первое блюдо съедалось, убиралось всё – и приборы, и посуда, как использованные, так и чистые. Ко второму блюду девушка вновь выносила полный набор чистых приборов и посуды.

Перед едой, чаще всего, подавался стакан кофе, молока или молодого вина. Затем шло первое блюдо, – обычно, жареная утка или гусь, курица с жаренной или тушёной картошкой. На второе – жареная свинина, реже – котлеты. Иногда, во время обеда, заходил хозяин, чтобы посмотреть, как едят гости, справиться, как нам понравились блюда, не нужно ли чего; после этого – сразу уходил, т. к. отвлекать разговорами во время еды, очевидно, у них считалось неприличным.

Не могу утверждать, что подобные порядки за столом обычны по всей Югославии, но вот нас наши хлебосольные хозяева принимали так. Добавлю, что и офицерам, и солдатам подавались одинаковые кушанья, но солдатский обед проходил без «посудной» и «приборной» церемонии (еда раскладывалась в котелки).

Нам с лейтенантом (Светличным) было не особенно удобно и комфортно такое ухаживание за столом, в первую очередь, перед нашими радистами, ведь мы ничем от них не отличались, и всю войну ели вместе. Теперь, по воле хозяев, спим на перинах в чистом белье, едим за столом, накрытым белоснежной накрахмаленной скатертью, из фарфоровой посуды. Но надо было за границей держать марку офицера, к тому же, русская пословица говорит про такую ситуацию: «В чужой монастырь со своим Уставом не ходят» (да и, вполне вероятно, наш серб так воспитывал хорошей хозяйкой свою подрастающую дочь).

Наш полк прибыл к месту сосредоточения не в числе последних частей, поэтому, пока мы стояли в этом сербском посёлке, мимо, по большой дороге, день и ночь шли другие соединения нашей 4-й гвардейской Армии. Двор, в котором разместили остальных радистов, был крайним, т. е. находился ближе остальных к этой дороге, и от неё был отгорожен забором из трёх горизонтальных жердей.

Как-то на рассвете мимо этого двора двигалось одно из подразделений воздушно-десантной дивизии, входившей в нашу Армию. Как всегда, в центре

двора, у брички с ротным имуществом, стоял, с карабином в руках, дневальный, а в дальнем конце двора, у заднего забора, выгуливались хозяйские гуси и утки.

Когда десантники подошли к селению, и большая стая голосистых домашних птиц предстала перед глазами солдат, те, без всякой команды, закинув своё оружие (автомат или карабин) за спину, развернулись в цепь и стремительно атаковали птиц, надеясь окружить, пленить и так далее (у кого какая гастрономическая фантазия; к примеру, приготовить и поесть, доставая из котелка куски жирной тушёной гусятины).

Дневальный сразу сообразил, какой опасности подвергается вверенное его охране имущество (пусть не военное, но ответственность за этих птиц тоже лежала на нём). Но его крики: «Стой! Куда идёшь?!», «Назад! Так-перетак...!» – не возымели никакого действия. Тогда он вскинул карабин к плечу и, раз за разом, дал в воздух три выстрела, которые в утренней тишине прозвучали, как пушечные, замедлив атаку одной группы солдат и остановив остальных.

Из хаты на звуки выстрелов выскочил дежурный сержант, а через несколько секунд – и комроты со старшиной. Они пробежали, встав между всполошившимися птицами, поднявшими свой гусиный гам, и нежданными гостями, посягавшими на чужое добро. Но десантники не собирались уходить с пустыми руками, не желая отказываться от дополнительного обеда, который в их воображении был уже, можно сказать, у них во рту.

Нашему комроты (хотя и вскочившему по тревоге, но успевшему надеть суконную гимнастёрку с золотыми погонами) пришлось изрядно поругаться, прежде, чем компания атакующих (причём – не врага, а, казалось сначала, беззащитную птицу) ни с чем удалилась восвояси. Особенно упорно добивался гусей, ну, хоть пару или одного, капитан в защитных погонах с голубыми просветами и в парадной лётной фуражке (очевидно, командир подразделения). Только когда капитан Чебоненко напомнил ему об ответственности за «мародёрство на территории дружественной нам ...» страны, капитан-

десантник, дав команду «Отставить», увёл своих подопечных на дорогу, продолжая марш.

Наш же капитан ещё долго, пока не прошли все подразделения ВДВ, стоял, облокотившись на забор, на чём свет стоит, ругая десантников, иронически называя их лётчиками, которые могут летать только сверху вниз.

На следующий день нам объявили о построении полка за селом. Старшина и помкомвзвода повели роту на построение, а мы, офицеры роты, во главе с командиром, решили зайти в штаб полка. Комроты рассказал нам, что построение назначено для расстрела перед строем полка «за мародёрство на территории Югославии» конного разведчика Белова. Мы его хорошо знали, это был ветеран полка, служивший в части с самого дня формирования во взводе конной разведки и всегда отличавшийся дисциплинированностью. Его вина заключалась в том, что он в одном из сёл заменил своего, вышедшего из строя, коня на крестьянского.

Трибунал приговорил его к расстрелу, который решено было провести перед строем, чтобы другим неповадно было мародёрничать. Хотя этот случай и такой виновник не были показательными, других не нашли, и, несмотря на протест командира полка гв. подполковника Маркелова, приговор был утверждён и должен быть приведён в исполнение сегодня.

Как только мы зашли в штаб полка, туда, под конвоем двух автоматчиков, привели Белова. Увидев нас, он стеснительно заулыбался, – может быть, он ещё не знал приговора, и ему неловко, что мы его увидели, как преступника, под дулами автоматов. Комроты спросил его:

- Ну, что, Белов? ...

- Да вот, товарищ гвардии капитан, как получилось, – виноватым голосом ответил тот.

Продолжения диалога не последовало, потому что поступила команда вести арестованного на плац.

Комполка на построение не явился, принимал построение его заместитель. Когда мы встали на своё место в шеренге, мы увидели перед

строем, метрах в пятидесяти, свежевыкопанную яму, а между ней и стоящим полком взвод автоматчиков.

Когда привели Белова и поставили у ямы, которая выглядела как окоп, офицер из штаба дивизии торопясь зачитал приговор, закончив словами, что он «окончателен и обжалованию не подлежит». Всё это время мы не могли смотреть в глаза Белову и стояли, опустив взгляд в землю.

Как только прозвучала последняя фраза приговора, без всякой паузы раздалась команда «Огонь!», ...

Однако выстрелов не последовало. Только в этот момент, очевидно, Белов понял, что это по нему командуют «Огонь!», и, желая что-то сказать, крикнул: «Я ...».

Может быть, мы бы и успели дослушать эту, последнюю в его жизни, мысль, но голос Белова заглушила повторная команда «Огонь!» и, на этот раз, незамедлительно последовавший за нею, треск автоматных очередей.

Однако этот жестокий показательный спектакль ещё не закончился, – автоматчики стреляли мимо, поэтому Белов остался стоять. Он только выставил, как бы защищаясь, вперёд одну руку и наклонился вперёд, как делают, преодолевая сильный встречный ветер. Его юношеское лицо стало страшно (такого цвета я никогда прежде не встречал ни в парилке, ни во время длительного кросса) красным.

После третьей команды «Огонь!» автоматы заработали вновь, но к ним добавился пистолет командира трибунала. Белов был ранен и бессознательно, по солдатской привычке, оглянулся кругом, ища укрытие, и полез в могилу, как в спасительный окоп. Но тут подбежал командир трибунала и дал контрольный выстрел в голову. Как при этом последнем выстреле вздрогнуло тело Белова, а потом, вытянувшись, окончательно замерло, мы, конечно, не увидели.

С тяжестью на сердце и чувством вины расходились солдаты и офицеры с построения. Забегая вперёд, скажу, что приговор Белову был отменён, он

посмертно реабилитирован, а виновные в неправильном осуждении были наказаны, но ... человека уже не было.

В этот же день стало известно о гибели радиста дивизионной роты связи ефрейтора Уткина, которого я хорошо знал и ценил, ещё и за то, что он всегда был весел и умел, в любой обстановке, поднять настроение окружающим. Смерть его была нелепой, – его застрелил пьяный комвзвода этой роты связи лейтенант П. Лейтенант, расположившись в одном из домов мадьярского села (это было на территории Югославии), куда зашла дивизионная рота связи, отобрал у хозяина вино, застрелил свинью и велел нажарить ему свинины. Потом, встретив на улице ефрейтора Уткина и к чему-то придравшись, выстрелил в него. Лейтенант П. был осуждён к расстрелу и позже, когда пришёл отказ Президиума Верховного Совета в его помиловании, о котором он ходатайствовал, расстрелян.

Тяжело об этом писать и даже вспоминать. И как после такой ужасной несправедливости могут радоваться жизни те, кто был рядом, но ничем помочь не смог?! – Ответ на этот вопрос когда-нибудь может дать лишь сама жизнь. А жизнь ушедших может продолжаться в нашей доброй памяти. Мир вам.

Чуть ли не на следующий день состоялось другое – торжественное – построение, на котором нашему полку был вручён, точнее – прикреплён к знамени, орден Александра Невского, которым полк был награждён за бои в Молдавии, закончившиеся разгромом окружённых юго-западнее Кишинёва немецких дивизий. Отдельные офицеры, сержанты и рядовые солдаты получили причитающиеся им награды. Я получил орден «Красной звезды».

После построения, вечером, в местной школе состоялся торжественный вечер и обед, которым жители этого югославского селения провожали наш полк, поздравляя его с вручением ордена. На вечер приглашались все награждённые и офицерский состав.

После всех последних печальных событий у меня было тяжело на сердце, я всё старался разобраться, как такое, и с Беловым, и с Уткиным, могло случиться, и не мог понять, так как понять этого невозможно.

Сославшись на здоровье, на вечер я не пошёл, и, когда за Светличным закрылась дверь, я, чтобы избавиться от тяжёлых мыслей, решил пораньше заснуть. Сняв сапоги, гимнастёрку, брюки и оставшись в тёплом зимнем белье, лёг на перину. В хате было жарко от раскалённой печи (в ней весь день жарили и пекли для полкового вечера), поэтому я не укрылся второй периной, а утолкал её к стене. Но, как бы ни повернулся, заснуть не могу: сон идти отказывается, а всякие отвратительные мысли лезут в голову. Я пытался переключиться, думая о далёком, хорошем: о родном городе Барнауле, о школе, в которой я учился, о жене, о сыновьях, но сосредоточиться ни на чём не мог, перед глазами, вопреки моей воли, стояли то Белов, то Уткин.

Уже на исходе ночи, когда я лежал на спине, перед дверью послышались шаги, дверь отворилась. Входят двое, слышу, по голосам – Светличный и хозяйская дочь. Я накинул на себя перину и закрыл глаза. Яков Андреевич зажёг лампу и поставил её так, что свет падал прямо мне в глаза, т. ч. трудно было делать вид, что спишь и не шевелишься.

Лейтенант с девушкой уселись на сундук и начали болтовню о всяких пустяках, я же под периной употел, и пот ручьями тёк, неприятно щекоча тело.

Уж как я ругал про себя Светличного! Еле-еле дождался, пока девушка ушла, и мне можно было сбросить с себя перину, наслаждаясь прекратившейся перезатянувшейся добровольной баней. Заснул я только часов в пять, а в семь был на ногах.

О дальнейших событиях – в следующей главе.

[Далее – тетрадь 63, от 10/I-70 г.]

Глава XI

«Битва за Будапешт»

В конце ноября 1944 года войска 2-го Украинского фронта подошли к Будапешту – столице Венгрии, ещё продолжавшей воевать на стороне гитлеровской Германии. Попытка взять громадный город с ходу не удалась. Поэтому, для обхода войск противника, засевшего по обе стороны Дуная, в двух частях столицы (Буда и Пешт), у пересечения рекой югославско-венгерской границы сосредотачивались войска 3-го Украинского фронта (часть войск этого фронта осталась в Болгарии).

Нашу 4-ю гвардейскую Армию, шедшую в составе 2-го Украинского фронта, передали в подчинение 3-го Украинского фронта. Наши войска, до времени нашего подключения к боевым действия, смогли занять небольшой плацдарм на правом берегу Дуная, и на этом участке шло ожесточённое сражение, причём противник беспрерывно бросал свои танки и самолёты в атаку на наши, находящиеся на плацдарме, войска.

Наша Армия, сосредоточившись у Дуная, должна была стать частью сил, форсирующих на подручных средствах реку, выше по течению от уже́ имеющегося плацдарма.

Я получил приказание явиться в штаб дивизии к зам. начсвязи по радио. Когда я пришёл к гв. капитану Ковордееву, он вручил мне и, явившимся из других полков, начальникам связи и комвзводов радиосвязи инструкцию о порядке работы радиостанций при предстоящем форсировании Дуная и в дальнейших боях, при этом особо подчеркнув необходимость обеспечения непрерывной радиосвязи в движении. Он сообщил, что дивизионные радиостанции уже вышли в полки.

Когда я вернулся к месту расположения полка, почти все подразделения уже выступили в поход, т. ч. застать в селении мне удалось только кое-кого из тыловых. Пришлось, ускорив шаг, догонять штаб полка. Сначала я достиг хвост

колонны, но тут почувствовал, что у меня сбилась портянка, т. ч. надо сесть и переобуться, но всё-таки я принял решение сначала догнать радиостанцию. Когда же радиостанцию я догнал (радисты с другими подразделениями расположились на первый привал), на моей левой ноге уже была натоптана солидная мозоль, и каждый шаг отдавался болью.

Я присел, переобулся, и, как раз в это время раздалась команда строиться; не успев отдохнуть, пришлось опять шагать вперёд. С перемотанной портянкой идти стало чуть легче, а болевые ощущения от мозоли, к удивлению, не усиливались, видно, я привыкал к новой части тела на своей ступне (часа через два вообще забыл об этом).

Связь со штабом дивизии на ходу была чёткой, опытные радисты во главе с сержантом Тахаевым вполне обеспечивали связь, но я всё-таки старался чаще проверять сигнал лично.

Ночью полк остановился на краю большого мадьярского селения, покинутого его жителями. Мы зашли в ближайший дом, дежурный радист остался у аппарата, остальным я разрешил отдыхать.

Мы узнали, что наши войска на плацдарме прорвали оборону противника и двинулись вперёд, поэтому наша дивизия вводится в бой через этот же плацдарм, переправившись через Дунай по уже поставленному понтонному мосту, в данный же момент – ожидая, когда он освободится.

По глубокой ночи полк перешёл Дунай по понтонному мосту, направившись на северо-запад, в сторону озера Балатон [Balaton], т. е. в тыл будапештской группировке противника. Колонна полка, имея впереди передовой отряд в составе усиленного батальона, двигалась в нужном направлении почти беспрепятственно, не встречая организованного сопротивления.

Дивизионная радиостанция ехала на трофейной металлической коляске, чуть впереди штаба полка. Все радисты, кроме дежурного, шли пешком, т. к.,

по сравнению с августовским маршем (когда у нас был сцеп из двух колясок), сейчас мы, из-за повреждения колёс, одну коляску вынуждены были выбросить.

Вот холмистая местность, по которой пролегал наш путь, стала понемногу выравниваться. Прямой линией пейзаж делила река Ка́пош (или канал Капош [Kapos]), на северном берегу которой лежал город Домбовар [Dombóvár]. К этому городу и направлялась наша дивизия.

Перед городом через канал были переброшены несколько железнодорожных мостов, но при нашем подходе они были взорваны, и сейчас их металлические фермы лежали в воде. По этим взорванным мостам пехота легко могла бы переправиться на противоположный берег, если бы подходы к ним и сами пролёты не находились под вражеским перекрёстным пулемётным огнём. К тому же, пулемётные точки противника были хорошо укрыты, и нашей артиллерии никак не удавалось их подавить, невозможно было даже хотя бы снизить интенсивность вражеского обстрела, и поэтому попытки форсировать канал по лежащим в воде фермам окончились неудачно, – потеряв несколько десятков человек раненными и убитыми, подразделения вернулись на исходные позиции.

К вечеру, когда стемнело, командный пункт полка и радиостанции были подтянуты ближе, к стрелковым батальонам. С нового места были хорошо видны в темноте непрерывные по времени пунктиры пулемётных очередей противника, что были направлены на смутные очертания, чуть возвышающихся над невысокими берегами, остатков разрушенного моста. Периодически вся панорама прояснялась взлетающими в небо осветительными ракетами. То и дело, вражеские пулемёты направляли свой огонь и на берег. Отдельные пули посвистывали у нас, на командном пункте, поэтому мы, не ожидая милости фортуны, выкопали укрытия для себя и радиостанций.

Били длинными очередями по вражеским пулемётным гнёздам наши «Максимы» (как мы привыкли называть пулемёты, несмотря на то, что в

пульротах «Максимов» уже не осталось, их заменили пулемёты Горюнова, без громоздкого охлаждающего кожуха).

Ночью и следующим днём было ещё несколько попыток форсировать канал и прорваться в город, но, как и накануне, ничего, кроме потерь, они не принесли.

Тогда решили войти в город с флангов. Для этого на самоходные установки СУ-76 отдельного гв. противотанкового истребительного батальона был посажен десант, они, обойдя город слева, ворвались в него и ударили в тыл обороняющимся на берегу канала немецко-венгерским частям. При этом штурме самоходный дивизион потерял сожжёнными две установки. Поняв, что его обходят, противник, взорвав часть городских зданий, оставил населённый пункт.

Услышав взрывы (враг подрывал строения при отходе), и поняв, что немцы (а с ними и венгерские части), как обычно, уходя, разрушают, всё, что могут, за собой, наше командование бросило в очередную, на этот раз – успешную, атаку стрелковые батальоны, которые, одним броском преодолев канал, очистили город от отставших солдат противника.

Проходя ночью по улицам города, нам было видно, что он покинут, причём, не только войсками противника, но и мирными жителями. Двери домов были открыты, многие окна выбиты, на улицах ни души (причём, это не было предутреннее затишье обычного города). Непонятно, зачем горожане оставляли незапертыми двери, поэтому можно сделать вывод, что в эти несколько дней обороны военные немецких (и венгерских) частей, может быть, успели и поживиться мародёрством.

Штаб полка вышел на северную окраину города. Здесь к полковой рации подошёл начштаба полка гв. майор Волков и по радио, поочерёдно, каждому из стрелковых батальонов продиктовал, где они должны расположиться, ожидая очередного боевого приказа.

Радиосвязь со штабом дивизии была устойчивой, но штабисты ей не пользовались. Связь с батальонами сначала тоже была устойчивой, но в самый нужный момент, к вечеру, когда штабом полка была получена боевая задача, батальоны 1-й и 3-й ответили, а вот 2-й почему-то молчал.

Я терпеливо продолжал посылать в эфир позывные 2-го батальона, но ответа, всё также, не было. Начштаба уже начал выходить из себя, ругаясь, что с такой связью пошлёт меня продолжать службу командиром стрелкового, а не радиовзвода. Я в это время продолжал попытки, перестраиваясь на соседние волны, затем – включая дивизионную радиостанцию и перестраивая её на полковую волну, в конце концов, – попросился пойти лично на поиски 2-го батальона, на что майор сердито отрезал: «Не разрешаю!».

Связные, посланные штабом на место, где должен был ожидать приказа 2-й батальон, никого там не обнаружили. В итоге, вечером полк должен был выступить для преследования отступающего противника, а треть его ударной силы – 2-й стрелковый батальон – не только не знал боевой задачи, но, вообще, где-то потерялся.

От своего бессилия я очень расстроился, ко всему прочему, из-за того, что уже две ночи не спал, голова не соображала, как я ни пытался перебирать варианты выхода из сложившейся ситуации. Поняв, что сейчас из меня и связист, и солдат, и командир никакой, я принял решение, – залез между двумя стогами сена, тесно стоявшими около домика (в котором помещался штаб), и сразу заснул. Проспав около часа, встал с ясной головой, бодростью мышц и уверенностью в своих силах; сразу направился к радиостанции и узнал, что никаких изменений в связи нет. Приказав дежурному полковой радиостанции продолжать вызывать 2-й батальон, а если полк двинется, идти со штабом, я вышел из штаба.

Зимний день короткий, солнце село и быстро опускалась темнота. Я, переложив из кобуры в правый карман свой наган, пошёл в город на поиск 2-го батальона, – ну, не могли же они бесследно исчезнуть!

Допуская возможность, что в Домбоваре могли случайно или специально остаться немецкие или венгерские солдаты, которые прятались от нашей, вошедшей в город, армии, но непременно не упустят возможности напасть на одиноко направляющегося офицера, я, время от времени, заходил в подъезды и внимательно прислушивался к шуму, в настоящий момент покинутых, жилых кварталов. Никаких признаков человека звуки не выдавали, лишь поскрипывали на ветру незакрытые окна домов, да, то и дело, хлопали двери, всё от того же ветра.

Так я прошёл по одной улице до канала и возвращался по другой. Но тут мой слух уловил, сначала отдалённые, скоро – приближающиеся шаги. Я остановился под прикрытием плотных ворот и стал ожидать. Вот я чётко различаю, что идут двое, причём – открыто, посредине мостовой. Я напряжённо всматриваюсь в то место, откуда идёт звук, на всякий случай, сжимая в руке рукоятку нагана, хотя и не вытаскивая его пока из кармана.

Вот из темноты проступила фигура человека, и я, привыкший за это время к темноте, различил в ней советского солдата с автоматом на груди. Шёл он осторожно, стараясь издавать меньше шума при ходьбе, но ему это плохо удавалось. Неопытность его сказывалась и в том, что шёл не с краю, а по центру дороги, так, что сам был на виду, но не мог видеть, что происходит в тени заборов и домов. За ним угадывался второй человек, но его пока различить не было возможности (он шёл шагах в десяти от первого).

Поняв, что это свой, я окликнул:

- Стой! Кто идёт?

- Свой! – отозвался идущий и остановился, после чего я спросил:

- Кто свой? – и вышел к нему, с первыми же шагами узнал старшину 2-го батальона.

«Ну, – обрадовался я, – нашёл старшину, – найду и батальон», – в этот момент же узнав и второго, который оказался замполитом этого же батальона.

Я поздоровался с ними и сказал, что, наконец-то, нашёлся ваш батальон, с которым с утра нет никакой связи. Но тут капитан меня разочаровал, ведь и они со старшиной не могут найти своих.

Посоветовавшись, мы договорились, я вернусь к штабу полка, который где-то в это время должен был выступить на новое место, а они поищут во дворах коней и верхом продолжат поиски.

Я, ускорив шаг, пошёл на северную окраину города, как раз, застав на выходе хвост колонны. Быстро догнав штаб, занял своё место.

Проделав марш километров в сорок, к вечеру следующего дня полк остановился на отдых в небольшом, но разбросанном (в смысле удалённости одного дома от другого) селе.

Штаб остановился в помещении сельской школы; в одном из классов расположились и радиостанции. Приказав радистам продолжать попытки связаться со 2-м батальонам, свободным от дежурства – отдыхать, я направился в 1-й батальон, где барахлила радиостанция.

Из-за того, что никакого инструмента для тестирования аппаратуры не имелось, провозился я с радиостанцией в 1-м батальоне часа два, в конце концов, нашёл неисправность в одной из ламп и заменил её.

Вернувшись в штаб, застал там майора Волкова, сидевшего за столом, и прилёгшего на скамейку замполита второго, так и не нашедшегося, батальона (а они со старшиной, после встречи со мной, прошлись по городу и догнали полк).

Пройдя к радистам и узнав от них, что никаких новостей за это время не было, хотел уже пойти прилечь и докуривал самокрутку, как дежуривший у полковой радиостанции мл. сержант Гресько вскрикнул:

- Товарищ лейтенант, второй батальон! – и обеими руками прижал к ушам раковины головных микрофонов.

Я подскочил, забрал у него наушники и, включив радиостанцию на передачу, спокойно, медленно отстукал позывные, после чего, включившись на приём, сквозь ночные шумы и сигналы дальних станций ясно различил

медленную передачу радистов 2-го батальона. И позывные, и манера работать подсказывали, что это, действительно, 2-й батальон. Но я, всё-таки, запросил пароль и получил его с той стороны, крикнул в открытую дверь:

- Товарищ майор, второй батальон на связи!

Майор, а с ним – и капитан, вбежали в класс.

Я запросил: «Где находитесь?», в ответ получив группу цифр и букв – квадрат по кодировочной карте.

Майор в нетерпении развернул карту, чуть её не порвав, и, найдя по шифру место, пальцем уткнулся в мадьярскую деревню с длинным, трудно выговариваемым названием (запомнить я его не смог бы, наверное, даже если специально учил).

- Не может быть! – воскликнул он, – Как они туда могли попасть?!

Действительно, мы в данный момент находились в 40 километрах севернее пройденного нами Домбовара, а 2-й батальон – восточнее, в 20 километрах, на шоссе, тянувшемся от северной окраины города, что было далеко за полосой наступления нашего полка и дивизии.

Я попросил повторить местоположение батальона, они прислали тот же набор, т. е. подтвердили свои координаты.

Начштаба, продолжая твердить, что такое невозможно, приказал спросить у них название [далее – тетрадь 64, от 11/I-70 г.] населённого пункта, в котором находится батальон. Я на это заметил, что открытым текстом этого делать нельзя, на что майор сказал:

- Пусть передают по буквам переговорной таблицы радиста, я разрешаю.

Название села подтвердило то, что до этого было определено по квадрату на карте. Из складывающейся ситуации встала проблема, как, в отсутствии для передачи такой информации известного обеим сторонам шифра, сообщить 2-му батальону (ведь ему надлежало примкнуть к остальным силам) место расположения полка. Начштаба так разволновался, когда попытался

сформулировать передаваемое распоряжение, что совсем запутался, растерялся и, в конце концов, ушёл, на пороге сказав:

- Я, Плотников, не могу, ты сам сообрази, как передать, но чтоб к утру батальон был здесь!

Тут мы договорились с капитаном (замполитом 2-го батальона), что он встретит своих бойцов на перекрёстке у Домбовара. Я шифром передал комбату от имени начштаба, чтобы он немедленно выводил батальон к перекрёстку у города, где будет встречен замполитом, который сообщит дальнейшую задачу.

После сеанса с облегчением растянулся на составленных партах и заснул. Между прочим, парты у мадьяр были точно такими же, как и у нас, даже покрашены в такой же, чёрный цвет.

На другой день марш полка на северо-запад продолжился. Противника впереди нас не было, поэтому мы продолжали двигаться походной колонной, впереди которой действовала полковая разведка. Сапёры тщательно проверяли дорогу и, особенно, – все мостики и объезды.

Чем дальше мы отходили от Домбовара, тем холмистее вновь (как и до него) становилась местность. Т. к. дорога то поднималась на очередной холм, то скатывалась в долину, связь со штабом дивизии периодически прерывалась (особенно часто – ночью); нормальной, как правило, она была на вершинах холмов и на их южных скатах, на северных же – исчезала (иногда – на 1–2 километра, а иногда возобновлялась уже через 100 метров).

Зачастую я сам садился за аппарат, и при слабой слышимости, когда другие радисты уже не могли разобрать сигналов, мне удавалось какое-то время оставаться на связи, прочитать ещё несколько сообщений, но и это давало немного, – через несколько минут и я ничего не слышал. В таких условиях поспать, хоть немного, не удавалось ни на ходу, ни на повозке, ни на привале.

Вот колонна вошла в какое-то селение, и объявили привал. Я так устал (а, главное мои попытки продержать связь после того, как она начинала ослабевать и, практически, пропадала, были малоэффективными), что решил махнуть на всё рукой, иначе далее из меня пользы не было бы вообще никакой. Зашёл в небольшой дом, сел на лавочку и почувствовал себя так хорошо: в голове никаких мыслей, никаких желаний (ни есть, ни спать, ничего другого не хотелось), – только сидеть, ни о чём не думая, как можно дольше.

Селение это оказалось славянским, вот только какие славяне: сербы, словаки, хорваты, – мы узнать не смогли (да и сил, и времени не было на это). Тут уже прозвучала команда на построение, хочется или не хочется, а надо, – колонна тронулась вперёд. Прохладной зимней ночью идти было легко, даже, когда дорога из села шла долгим подъёмом.

Метров через 200, как мы вышли из селения, связь восстановилась. Радиостанция штадива начала греметь в наушниках, в которых долгое время мы ожидали хоть какой-нибудь, самый тихий, сигнал. На этот раз звук был настолько громкий, что мне они были слышны из наушников радиста, хотя я шёл метрах в пяти сбоку от повозки с радиостанцией.

Чуть погодя послышался треск приближающегося мотоцикла, который, поравнявшись с радиостанцией, резко остановился. Глянув на мотоциклиста, я узнал в нём начальника связи дивизии майора Дудникова, поэтому подошёл к нему.

- Плотников, почему связи нет? – раздражённо спросил майор.

- Как нет связи?! – слышите, как гремит в наушниках у радиста, – показал я в сторону радиостанции.

- Ладно, тогда – порядок! А то я ехал к вам, морду радистам бить.

- Чтобы наши морды были целы, а, главное, связь была более надёжной, предлагаю, исходя из особенностей ландшафта, сменить волну на более длинную.

- Волну такую спустили сверху, я менять её не имею права, так что изворачивайтесь на этой, а холмы мешают – сносите их, – и укатил на мотоцикле.

К озеру Балатон подходили днём, в том его месте, где с противоположного берега к нашему выдавался большой полуостров, почти пересекавший озеро. Прибрежные районы были ещё более холмистыми, чем те места, через которые мы шли до этого. Дорога змеёй извивалась между этих высоких, с очень крутыми склонами, холмов, а вдоль дороги, близко друг к другу, лежали венгерские селения с каменными домами, тоже стоявшими густо, один к другому.

Разведка доложила, что, немного впереди полка, солдаты противника отходят небольшими группами, и наш передовой отряд уже настигал их на подходе к берегу озера.

В колонне нашего полка двигался 3-й дивизион артполка на автотяге, и вот нас начал обходить на легковой машине командир этого артполка, гв. полковник Жариков, наш комполка сел к нему в автомобиль.

Штаб полка и радиостанции проходили тесной улицей мадьярского селения, а пушки артдивизиона и легковые машины с командирами полков двигались по узкой полевой дороге, слегка поднимавшейся вверх по центру западного крутого склона высокого холма. Справа от дороги склон особо круто поднимался вверх, а слева, так же круто, срывался вниз.

Чтобы дать возможность оторваться своему, преследуемому нашим полком, арьергарду, противник бросил на нашу колонну несколько девяток штурмовиков. Внезапно вылетев на бреющем полёте из-за холма, вражеские самолёты развернулись над автомашинами с пушками, начав сбрасывать небольшие бомбы.

Автомобиль с командирами свернул направо, вверх по крутому склону, но метров через пятьдесят мотор заглох. Офицеры и шофёр бросились к

ближайшему укрытию, – таким оказался один из стогов сена, стоявших тут и там по всему склону.

В это время, освободившись от бомб, самолёты стали обстреливать тех, кто был на этой полевой дороге из пулемётов, не пропуская и стога, стоявшие вокруг. Но, когда самолёты летели с юга на север, и щёлканье разрывных крупнокалиберных пуль слышалось с этой стороны, все наши спрятавшиеся в стогу перебегали на северную сторону, а когда атака шла с севера, – укрывались на южной стороне, ложась у основания, стараясь вжаться в твёрдую колючую землю недавно скошенного луга.

Самолёты пролетали над самой землёй, один за другим, так что времени осмотреться у наших не было, а, между тем, горели две автомашины. Когда у первой группы лёгких немецких бомбардировщиков закончились боеприпасы, они улетели, но их сменили несколько пар истребителей, которые продолжали обстреливать нашу колонну из пулемётов. Их налёт продолжался ровно до того момента, пока опять не появилась группа бомбардировщиков. И всё пошло по второму кругу: бомбы, пулемётные очереди...

Одна бомба разорвалась недалеко от стога, и прятавшийся там начхим полка (капитан, фамилию не помню) был ранен осколком.

Я с радиостанцией, при начале бомбёжки, находился в селении. Ничего не оставалось, как коляску с радиостанциями оставить у стены одного из домов, в густом декоративном кустарнике. Самолёты в селении бомб не сбрасывали, но обстрел из пулемётов вели беспрерывно, так что пришлось нам часто на землю бросаться, в каждый удобный момент перебегая, чтобы укрыться с одной или с другой стороны дома.

Вся эта катавасия продолжалась несколько часов и, в конце концов, так нам надоела, что, пренебрегая опасностью, мы вошли в дом, расселись на стульях, и какое-то время старались не обращать внимание на летающие над самыми крышами вражеские самолёты. Когда же пулемётная очередь, выпущенная с одного из бомбардировщиков, разбила окна дома, где нам

воображался глубокий тыл, и на нас посыпались стёкла, мы, дождавшись ухода самолёта на очередной разворот, выскочили из дома и, перебежав двор, укрылись подальше от центральной улицы, которая, в основном и подвергалась воздушной атаке.

Я залёг на картофельном поле, на котором, то там, то тут, возвышались забросанные землёй целые кучи выкопанных клубней. Вокруг каждой кучи была вырыта небольшая канавка, в одну из них я и упал, прижавшись лицом в самую пыль.

Только я устроился в эту канавку, как мимо меня, длинными прыжками, напуганная грохотом авиамоторов, промчалась дикая козочка, очевидно, из ближайшего леска́. Не знаю, как она, но я этот авианалёт пережил.

Когда уже вечерело, бомбёжка закончилась. Хоть наши нервы, технику и даже нескольких солдат (к счастью, только раненных) она потрепала, арьергард отступающей немецкой части спасти не смогла – передовой отряд полка настигнув их, частично уничтожил, частично взял в плен. У нас больше пострадал артполк – было подбито и сожжено несколько автомашин, перевозивших пушки (дальнейшая транспортировка которых была организована уже на конной тяге).

Ночью штаб полка вступил в небольшой городок, расположенный на самом берегу озера Балатон. На главной улице городка (кажется, она была и единственной) нас встретили разбитые витрины магазинов, полы которых были усыпаны мелкими осколками (витринного) стекла и какой-то мелочью (добрых товаров в продаже к этому времени в местных магазинам, видно, уже не было).

С восходом солнца мы увидели воды «Мадьярского моря» – озера Балатон. Прямо напротив нас возвышался холм полуострова, протянувшегося к этому берегу с берега противоположного, северного; правее и левее полуострова остальной части северного побережья озера видно не было. По берегу полк продолжил движение на северо-восток, к Будапешту.

Сопротивление противник не оказывал. К этому времени другие соединения нашей Армии тоже вышли на это, южное побережье озера, у города Ши́офок [Siófok], на восточной окраине которого протекала река, впадающая в Балатон.

В это время года (конец ноября) река, переполненная дождевой водой, неслась бешеным потоком. Стоявший некогда железобетонный мост через реку был взорван и лежал в воде, потому дальнейшее движение полка задержалось.

Сапёрный взвод получил задачу до конца ночи оборудовать переправу, а в это время бойцы капитана Тотенко вели разведку за рекой, где встретили подвижные арьергардные части немцев.

Разобрав за ночь, наверное, единственный в городе, деревянный дом, сапёры под руководством своего командира, гв. лейтенанта Табакаева, соорудили на обломках старого новый, прочный мост.

Стрелковые батальоны переправились и завязали бой с противником. Сбивая его подвижные заслоны, стрелки медленно продвигались по берегу озера. Иногда противник контратаковал наши цепи танками; тогда продвижение задерживалось, приходилось подтягивать артиллерию (вражеские танки, не принимая боя, отходили, что повторялось каждый раз).

Северо-восток от Шиофока был застроен дачными строениями. Здесь, в зелёном весёлом и здоровом сосновом бору находились дачи, а точнее – виллы будапештских богачей, а также – более скромные дачные посёлки.

Сразу, как только штаб и радиостанции переправились через реку и двинулись вперёд, нам встретился дивизионный радист старшина К., который, на́скоро перевязанный, шёл в медсанбат. Присев с нами перекурить, он рассказал, что на рассвете шёл с радиостанцией на выдвигавшийся вперёд наблюдательный пункт командира дивизии, но, не дойдя до указанного ему места, был обстрелян автоматчиками противника. Кое-как, укрываясь за домами, прячась в канавах, он вышел из-под огня, но всё-таки получил ранение

в праве предплечье. Пожелав ему скорейшего выздоровления и скорее вернуться в свою дивизию, мы разошлись, каждый в свою сторону.

Когда штаб полка расположился на новом КП, во 2-м батальоне забарахлила радиостанция. Я отправился туда, передав по телефону приказ радистам ожидать меня. Сначала, метров пятьсот, я прошёл спокойно, но вот в редком сосновом лесу, то там, то тут, стали рваться довольно густо снаряды. Просматривать это место противник не мог, – очевидно, огонь вёлся по месту возможного накопления сил. Пришлось двигаться перебежками, от одной воронки до другой. Иногда мины взрывались в воздухе, задев за ветки какой-нибудь сосны, и тогда осколки их сыпались сверху как шрапнель, от которой уже воронки не спасают.

Но вот, наконец, я преодолел обстреливаемый минами лесок, и впереди показались домики дачного посёлка, где помещался КП 2-го батальона. Чтобы попасть к нему, мне осталось преодолеть метров двести открытого пространства, но, едва я двинулся вперёд, решив пробежать этот участок как можно скорее, то сразу же вокруг меня засвистели пули, поэтому мне пришлось залечь и по-пластунски ползти в нужном направлении (хотя лёжа я не видел никаких ориентиров).

Несколько раз я залезал в воронки отдыхать, а затем полз дальше. Пули то свистели надо мной, то «чокали» справа и слева (немцы гораздо чаще стреляли разрывными). Ясно было, что это обычный обстрел, а не стрельба по какой-либо цели. Когда я дополз до дачных домиков, то увидел, что вплотную к стенам выкопаны окопы, а из одного торчала штыревая антенна радиостанции ВР.

Привстав, я перевалился через бруствер и уселся на дно окопа, откинув голову, и сильно вдыхал и выдыхал воздух, ведь было бы легче пробежать километра два, чем ползти на брюхе эти двести метров.

Только я отдышался, как начальник радиостанции мл. сержант Леонов спрашивает меня:

- Товарищ гвардии лейтенант, золото надо?

- Ну тебя с твоим золотом, на черта оно мне?! – сердито, ещё не отдышавшись, ответил я.

Оказалась, что, копая окоп, они вырыли шкатулку с золотыми вещами, предложили её замком полка гв. подполковнику Гомолко, комбату и ещё нескольким офицерам, все от золота отказались, а я был очередным в их попытках куда-то деть это нежданно свалившееся добро (или зло).

Я, наладив радиостанцию, остался в батальоне до вечера, чтобы по темноте с большей долей безопасности пробираться обратно. Только стемнело, я отправился назад, к КП полка.

Ночью батальон продвинулся на несколько километров, затем опять остановился, а через некоторое время вновь пошёл теснить противника. Вслед за этим несколько раз передвигался вперёд и КП, и обоз полка.

Обоз роты связи, состоявший из нескольких парных бричек, двигался ночью по дороге, ведущей через дачные посёлки. Впереди обоза ехал комроты гв. капитан Чебоненко.

В посёлке, брошенном жителями, было особенно темно, – и от домов, и от густых сосен, росших во дворах и улице. Как всегда, в темноте повозки двигались несколько разреженно, хотя повозочные и старались не отставать, чтобы не потерять [далее – тетрадь 65, от 17/I-70 г.] из виду впереди движущуюся повозку.

Тишина была почти абсолютная, во всяком случае, для фронта тишь редкая; молчали обычные источники громких, и не очень, звуков, но всегда – источники чей-то боли, страдания, иногда – и гибели: пушки, миномёты, пулемёты, автоматы. Изредка, что можно было принять за обычную сельскую обстановку, поскрипывали колёса в осях и корпусы бричек при перекосах на неровностях кое-где разбитой дороги, да ещё – отфыркивались лошади, очищая свои ноздри от набившейся пыли.

Неожиданно яркая вспышка ослепила и лошадей, тянувших повозки, нагнув головы к дороге, и белые стены домов, мимо которых шёл путь, и разлапистые сосны, стоящие по обе стороны дороги. Затем раздался оглушительный взрыв, после которого одна из бричек взлетела на воздух, снятая с передков. Её повозочный, пожилой ефрейтор Сухнин, был сброшен взрывом на дорогу, лошади с передком рванули вперёд и упёрлись дышлом в бричку, которая шла впереди. Вещевые мешки солдат и трофейный велосипед, которые до этого лежали на повозке, высоко подлетели вверх, так, что несколько вещмешков, зацепившись за сосновые ветви, остались там, но выше всех их повис велосипед. Хотя до 1 января было ещё далеко, и об этой дате никто ещё не думал, вся эта картина напоминала странно украшенное новогоднее дерево.

Командир роты, ехавший впереди повозки, при звуках взрыва пустил свою лошадь рысью. За ним, из чувства солидарности или испугавшись грохота, значительно прибавили скорости и лошади, запряжённые в брички.

Вдруг резко остановив и развернув коня, комроты срывает с груди автомат и, с криком «Ах, вы гранатами, гады?!», поскакал в обратную сторону, поливая длинной очередью окна мелькавших домов. Очевидно, он в первый момент принял разрыв мины за взрыв брошенной из окон какого-то дома гранаты, ведь настигаемые поспешно отходящие немецкие вояки могли спрятаться в стороне от дороги и, в попытке задержать преследующих, напасть на тех, кто едет по дороге.

Проскакав весь посёлок, он повернул назад, в этот раз обстреливая дома, стоявшие по другую сторону дороги. Но расстреляв все 70 патронов, он, натянув поводья, остановил коня, сменил в автомате диск и уже спокойно подъехал к сброшенной с передков разбитой бричке. Тут к нему подъехал старшина, который успел понять, в чём дело, и догнав передние брички, ускакавшие далеко вперёд, теперь вернул их назад.

Оба они слезли с коней и, ведя их на поводу, осмотрели бричку, разбросанные кругом вещи, воронку, оставшуюся от взрыва заложенной на дороге мины. Пока никак не могли понять, где повозочный, ведь ни тела, ни даже частей его, если взрывом убило или разорвало, нигде не было видно.

Тогда старшина стал кричать:

- Сухнин! Сухнин! Ты живой?

На эти крики из темноты показался целый и невредимый Сухнин, которого мы сразу, издалека, узнали по высокой ссутулившейся фигуре.

Он рассказал, что от взрыва или от удара о землю потерял на некоторое время сознание, а очнувшись, не подымаясь в рост и шмыгнув подальше от приготовившей нам такой «супри́с» [сюрприз; разговорное, как и другие обороты, встречающиеся в этом рассказе] дороги, лёг около забора. На вопрос о самочувствии ответил:

- Сердечко-то колоко́лится, да спина, ну, чуток больше, чем всегда, ноет, да к ней ещё тут (показал он на рёбра) добавилось, за компанию. А в ушах-то не звенит, я ж и старшину с первого зо́ву [зова] признал. Тошнит? – Да, нет, однако. Не сконту́женный [конту́женный] я, значится [значит]. Я ж, сообразил, что на мину подложенную наехал, как тогда, в сорок третьем, на берегу Во́рсклы. Какое такое у меня неправильное колесо, что мины-то находит оно везде?! Но я ж чего? – я не в обиде: я ж и тогда только пообнима́лся малость с землёй, обтряхну́лся [отряхнулся] и – дальше ехать, а сегодня, думаю, тоже подыматься пора. Да тут автомат поливать начал! Ну, соображаю я себе, это, точно, засаду фрицарьё сделало. Тогда я решил не вставать покуда [пока], а что, лу́чче [лучше], думаю, сам полежу́, чем меня они поло́жут [положат].

Собрав разбросанные вещмешки и другой имущество в повозки, наскоро прицепив пострадавшую бричку к передку, обоз двинулся дальше. Велосипед с сосны доставать не стали, – раз не хочет он с нами в Будапешт, пусть местную детвору возит, лишь бы не под фашиста.

На рассвете я с двумя радиостанциями шёл вперёд по гре́йдерной дороге, тянувшейся через па́ханое поле, в разных местах которого можно было и взглядом, и даже обонянием заметить навезённые большие кучи навоза. Видимость была метров пятьдесят, дальше всё скрывал пришедший с озера туман. Рядом шли ещё несколько связистов во главе с начсвязи гв. капитаном Поповым.

Когда кончился подъём в гору и начался пологий спуск, мы увидели своего командира полка, который стоял у дороги. Он, увидав нас, крикнул:

- Радисты, вперёд, вперёд! Только вперёд!

Мы ускорили шаг и уже через полминуты достигли стрелковых цепей, которые развернулись от дороги справа и слева. Стрелки, одни – с автоматами у груди, другие – с карабинами в руках, тяжело шагали по мокрой пахоте, почти на каждом шагу отряхивая налипшую чужеземную грязь.

Там и тут, среди пехоты, медленно ползли самоходные артиллерийские установки САУ-76 артиллерийского противотанкового дивизиона. Мы знали, что у них осталось по 5 снарядов на орудие.

Чуть отстав от развернувшейся цепи стрелков, рядом с грейдером, тоже по пахоте, ехала 45-м/м пушка, которую с трудом тянула пара лошадей (расчёт шагал на несколько шагов сзади).

Туман начал рассеиваться, но так, что видимость разъя́снилась в стороны и сзади, на горе, а вот впереди, в ложбине, облако было даже не прежней, а ещё большей густоты.

Тут с противоположного склона ложбины, в которую мы направлялись, мелькнуло пламя, затем пошёл и звук пушечного выстрела, ещё более звонкий в туманном воздухе, чем всегда, в ясную погоду. Почти одновременно с запаздывающим звуком выстрела прогремел разрыв снаряда, разорвавшегося около нашей сорокопятки [пушки 45-го калибра]. Пушка подскочила и упала набок, обе лошади упали, забившись в постромках, расчёт кинулся в стороны. Тут же раздалась длинная пулемётная очередь, и по грейдеру, вокруг нас,

защёлкали разрывные пули. В этот момент, я, различив сквозь редеющий туман, метрах в ста от нас, тёмную громаду немецкого танка, стоявшего перед нами, на противоположном склоне, на той же дороге, по которой туда направлялись мы, крикнул «Ложись!» и кинулся в правый кювет.

Оттуда, приподняв голову, огляделся и заметил в левом кювете начсвязи со связистами. Самоходные установки медленно сдавали назад, также, назад пятились стрелковые цепи.

Будь на установках больше снарядов (но там был только «НЗ» [неприкосновенный запас], состоящий из 5 снарядов и рассчитанный на крайний случай), они сразу же открыли бы огонь по танку, у которого даже не было пехотного прикрытия. Стрелки тоже не открывали огня, ведь танку это не принесло бы никакого вреда, а палить для собственной бодрости значило израсходовать впустую патроны, которые нужно было экономить, вырвавшись далеко от тыловых служб, осуществляющих подвоз боеприпасов.

Вражеские танкисты, очевидно, не видели в тумане самоходок и стрелковые цепи, поэтому огня по ним не открывали. Зато в то место, где до этого шла наша пушка, пулемётчик неприятельского танка своих разрывных пуль не жалел, – они чокали вокруг нас беспрерывно, затем к ним добавились разорвавшиеся два танковых снаряда.

Вновь приподняв голову, которой до этого, при звуке выстрелов танкового орудия, уткнулся на время в землю, я увидел, что связисты с капитаном медленно, по кювету, ползут в гору. Выше отошли и стрелковые цепи, впереди остались только мы с радистами, скорее всего, до сих пор не обнаруженные вражеским танком, потому что пули летели выше нас.

Если мы медленно поползём по кювету, велика вероятность того, что, хотя бы одна, пуля зацепит кого-нибудь из нас. Значит, надо сразу, рывком вырваться из-под обстрела. Я подал команду: «За мной, по одному, короткими перебежками! Марш!», затем, вскочив и пробежав метров десять, залёг. Слышу – за мной, один за другим, ложатся все четыре мои радиста. Спрашиваю:

- Все целы, никого не задело? (молчат) Внимание! Марш!

Опять вскочил, пробежал ещё метров десять, залёг. Во время этой, второй, перебежки слышалась только трескотня пулемёта, чоканье пуль осталось, видать, на прежнем месте. Туман опять скрыл танк от нас, а значит, и нас от немецких танкистов. По обе стороны дороги уже окапывались стрелковые цепи.

Ещё раз проверив, все ли целы радисты, радиостанции, я поднялся и мы, уже пешком, пошли в гору, к командиру полка, которого встретили на том же месте, что и пятнадцать минут назад, рядом стоял его автомобиль.

Увидев нас, он засмеялся:

- Что залетели? Ну, вот, в другой раз не будете лезть в стрелковые цепи!

Я спросил, где развернуть радиостанцию, он показал на ближайшую навозную кучу, добавив:

- Окапывайтесь вот там, под кучей.

Подойдя к куче, мы, развернув радиостанцию, проверили связь, стали копать окопы. Вскоре подошёл начсвязи с телефонистами, сообщив, что одного связиста, пока они выползали из-под огня, ранило в ногу (его отправили в санчасть).

В этот момент показалось солнце, которое своими лучами растапливало туман, и по мере рассеивания, метрах в двухстах от нас, слева от дороги, там, где кончалось паханое поле с кучами навоза, стало, как сказочное видение, появляться, сначала отделённое от земли туманом, красивое белое двухэтажное здание. Фасад его подчёркивали колонны и какие-то, издалека плохо определяемые, украшения, которые теперь зовут «архитектурными излишествами».

Мы, очарованные, смотрели на эту красоту, и вот, когда остатки тумана окончательно исчезли, и этот дворец приобрёл свою опору, раздался голос комполка:

- Радисты! Отставить окопы! Расположиться вот в том доме!

Бросив с радостью копать (к тому же, под лучами солнца, аромат навоза, в котором мы, практически находились, становился всё более концентрированным), наша группа, по всё сильнее раскисающей пашне, направилась к зданию.

Радиостанции развернули на нижнем этаже, в просторном вестибюле, где были видны следы недавнего пребывания немецких солдат: остатки еды на столе, ещё тёплое кофе в кувшине. Выходит, они здесь были совсем недавно, когда мы лежали под огнём танка. В густом тумане наши стрелки не заметили здания, и немцы (может, венгры), которые собрались и приступили здесь к завтраку, ушли, услышав стрельбу.

В этом доме развернулся командный пункт полка (вскоре сюда прибыл весь штаб), а остановивший, было, нас на дороге, танк, после первых артиллерийских выстрелов по нему, ушёл. Стрелковые роты в своём продвижении вперёд, то и дело, натыкались на танковые засады, отбивая контратаки автоматчиков противника (поддерживаемые 1–2 танками).

Особенно трудно пришлось 2-му стрелковому батальону, которому выпало идти по самому берегу озера, – здесь было много минных полей, встречались проволочные заграждения. Постоянной обороны противником организовано не было, приходилось преодолевать только подвижные отряды, имевшие задачу измотать наши силы на подходе к тому участку, который с ходу мы уже будем не в состоянии прорвать (такая укреплённая линия ждала нас где-то впереди).

Мы приближались к исторической «Линии Маргариты», на которой в средние века был остановлен завоевательный поход могучей турецкой армии. Эта линия шла от Будапешта, через озеро Веленце [Velencei-tó], к озеру Балатон. Только сравнительно небольшие низменные пространства между каменными горами Буды (правобережной части Будапешта) и озером Веленце, а также – между озёрами Веленце и Балатон, требовали искусственных фортификационных сооружений, а сами озёра и горы являлись сложными

препятствиями для наступающих, кто бы они ни были (в данном случае – для наших войск).

За день стрелковые батальоны продвинулись километров на десять. Связь с ними поддерживалась по радио. Уже в который раз, днём качество её было вполне удовлетворительным, а вот ночью начались перебои – батальонные радиостанции стали чуть слышны, разобрать их сигналы становилось всё сложнее, и наконец, связь пропала окончательно.

Распоряжения комполка повторялись по 3– 4 раза, но в ответ опять получали «rpt» [repeat[1] – повторите], т. е. «повторите, не понял», на что начштаба гв. майор Волков ругался:

- Связь есть, а передать ничего нельзя! Как это так, Плотников?

Я молчал, продолжая попытки передачи в батальон. Почти весь день (смог поспать только два часа) и сейчас, ночью, я сам сидел за полковой радиостанцией, но дальше и моё умение не приносило никакой пользы, – на той стороне не в состоянии были принять еле уловимые или совсем пропадающие сигналы.

Когда комполка понял, что управлять боем отсюда он больше не может, он приказал всем передвигаться вперёд, при этом, не указав (по крайней мере, мне и начсвязи), где именно он намерен развернуть следующий КП. К тому же, мне, как обычно, карту не дали (их всегда не хватало), но я по карте начштаба уже изучил всю лежащую перед нами местность.

Мы (непосредственно у воды это делал 2-й стр. батальон) как раз подходили к северо-восточной оконечности озера Балатон, туда, где береговая линия поворачивает сначала на северо-запад, а вскоре – и на юго-запад.

Следуя изгибами этого берега, километрах в двух от него, шла грейдерная дорога (та, на которой нас перед рассветом обстрелял танк). Километрах в шести по этой дороге, от нашего настоящего местоположения, на самом берегу озера, лежало большое мадьярское село (название его мне память не сохранила

[1] О наиболее часто используемых телеграфистами, в т. ч. – и в настоящее время, аббревиатурах можно посмотреть материал по адресу: http://deadland.ru/node/5017.

[это, скорее всего, Balatonakarattya]). К этому селу от основного грейдера под прямым углом отходила такая же, хорошо сделанная широкая грунтовая дорога.

Радисты за день отдохнули, хорошо выспались, более того, – они успели проверить и облазить весь верхний этаж этого баронского дома – дворца, где расположился КП полка. Было видно, что хозяина давно здесь не было, но в основном всё сохранилось так, будто бы он должен вот-вот вернуться.

Большинство старых баронских имений перешло в руки английских хозяев, но, всё равно, жильё того, когда-то жившего здесь феодала, сохранялось. Так, к примеру, пуховые перины и атласные одеяла, которые радисты притащили себе сюда (с верхнего этажа) для собственного удобного сна. Разуваться я не разрешил (эта роскошь только для глубокого тыла), так они спали и по-баронски (на перине, под одеялами), и по-батрацки (не разутыми).

Но сейчас их барство закончилось, – взвалив радиостанции на спины, мы покинули дворец и направились к шоссе, через то же, паханое поле, но теперь уже – по полевой дорожке, вслед за командиром полка. На шоссе стояли 4 бортовые автомашины с миномётами на прицепе; три из них – новенькие «Студебеккеры» (к ним были прицеплены по одному миномёту), четвёртая, стоявшая последней, – наш старенький ЗИС-5, с двумя прицепленными миномётами [далее – тетрадь 66, от 18/I-70 г.]; в кузовах лежали ящики с минами, и сидели расчёты.

Это была выезжавшая на огневые позиции одна из миномётных батарей миномётного полка артбригады (приданной нашему полку).

Комполка стоял около автомашин, и, когда мы подошли, объявил:

- Движение дальше – с комфортом, на автомобилях! Начальник связи, занимайте заднюю машину и – за мной!

Мы быстро залезли в кузов и уселись на ящики с минами. Радиостанции радисты держали на коленях.

Тут оказалось, что у нашей машины не работает стартер, от руки её тоже завести не удавалось из-за негодных аккумуляторов, поэтому впереди стоящий «Студебеккер» взял наш ЗИС на буксир, а когда мотор у нас завёлся, буксир отцепили, мы поехали автономно. Три первые шофёра, то ли гордясь своей безотказной техникой, то ли подгоняемые командирами (скорее попасть на место), скрылись в ту же минуту. Наш старичок-грузовичок, тронувшись самостоятельно, уже на первой сотне метров, заглох окончательно.

Водитель вылез из кабины на подножку и, чуть заикаясь, сказал:

- Давайте т-толкнём м-машину!

Вылезли мы через борт, обступили машину с трёх сторон и, – пошла-поехала, – сдвинули её с места. Вот машина пошла тяжелее, – водитель перешёл на первую передачу, а мы стали запрыгивать через борт в кузов.

Шофёр приостановил автомобиль, давая возможность забраться всем толкавшим, тронулся и ... мотор опять заглох.

Это повторилось ещё два раза, и каждый раз, получив дополнительный груз, мотор не справлялся и глох.

Тогда шофёр сказал:

- Давайте ещё т-толкнём, но вы н-не садитесь. Я п-проеду с километр, мотор п-прогреется, т-тогда з-залезите.

Так и сделали: когда мотор завёлся, почувствовалось, что машина идёт сама, мы, не отнимая рук от борта, шли рядом, всё ускоряя шаг, потом побежали, но состязаться с, даже временами не исправным, но мотором, не смогли и отстали, а автомобиль скрылся в темноте. Так мы прошли ещё минут 15, пока не увидели стоящий автомобиль, с недоверием прислушались, – мотор понемногу работал на нейтральной передаче. Забрались, и, наконец, поехали, пока не достигли развилки. Шофёр притормозил и выглянув, спросил:

- Куда п-поворачивать?

- Налево, в прибрежное село, - сказал я.

- Какое «налево», едь [езжай] прямо – там догоним те три «Тудынéхера», – иронично обозвав уехавшие вперёд «Студебеккеры», сказал капитан Попов (начсвязи), – ведь, если б они здесь свернули, они ж оставили б нам маяка какого-нибудь.

- Никак нет, товарищ гвардии капитан. Прямо, там по карте была обозначена ровная низина, в ней никакого удобного места для КП. Даже, если батальоны ушли далеко вперёд, комполка остановится в селе, чтобы выбрать другое место для нового КП.

- Ты видишь, – сказал капитан водителю, – у кого звёзд больше? Едь [езжай] прямо!

Машина тронулась, но метров через 200 в моторе раздался треск и скрежет, и мы окончательно встали. Шофёр объявил, что полетела коробка передач, поэтому мы слезли.

Тишина была изумительная! Ни грохота, ни выстрела, даже шипение и лёгкие хлопкú осветительных ракет, которыми немцы постоянно освещали передний край, не нарушали местный покой. Казалось, мы в глубоком тылу.

Перед нами, где-то в темноте, скрывалась дорога, пролегавшая по сырой низменности и не имевшая кюветов. Мы сошлись в кружок и опять, но уже тихими голосами, начали приводить свои аргументы, в какую сторону и почему надо направляться, с этого момента, уже не на машине, а пешком: дальше вперёд или назад и свернуть к прибрежному селу. Никому не хотелось оказаться не в том месте, поэтому спор пошёл на который круг, но в этот момент мы услышали приближающиеся к нам чавкающие шаги.

Из болотистой темноты появился человек в плащ-палатке с автоматом на груди. Кто-то из нашей компании крикнул:

- Стой! Кто идёт?

- Свой, – ответил тот знакомым голосом, продолжая идти к нам – оказалось, что это наш командир роты гв. капитан Чебоненко.

- Вы это куда надумали? Из связи в стрелковые князи по местной грязи? – спросил он, а когда узнал нашу историю, добавил, – так, если прямо, так там, метрах в двухстах, как раз стрелковые батальоны залегли, окапываются. Ну, а если хотите приказ комполка всё же выполнить, так в штаб – это в посёлок, к озеру.

Мы, повернув обратно, пошли к перекрёстку, благодаря по дороге полетевшую коробку передач, которая не позволила нам укатить на переднюю линию. Стремясь догнать уехавшие «Студебеккеры», мы бы проскочили мимо залёгших стрелковых цепей, и в темноте нам был гарантирован огонь с двух сторон – и от наших, и от противника, да и пули – это ещё самая мелкая, хотя и самая многочисленная из неприятностей в этой ситуации. Не известно, успел бы в темноте затормозить шофёр перед неприятельской траншеей? Или просто нарвались бы на мины, которыми противник обильно обставлял подходы к своим позициям? Но даже, если бы в нескольких случаях повезло, шансов развернуться и поехать назад почти не было, и в том случае, если бы мотор не заглох в очередной раз, а значит, в итоге, вряд ли потом кто-то остался бы цел и смог бы рассказать, почему всё так получилось.

При этих мыслях мороз прошёл по спине. Не хотелось об этом думать, да и размышлять об этом было уже поздно – всё обошлось.

Вскоре мы пришли в село, развернули радиостанции и установили связь со стрелковыми батальонами. А на утро выяснилось, что стрелки достигли постоянной, долговременной, хорошо оборудованной оборонительной полосы противника (линии Маргариты). Прорвать её, без специальной подготовки и усиления войск, не удастся, поэтому нам тоже пришлось перейти к обороне.

Радиостанции, развёрнутые в доме, где помещался штаб полка, днём были выключены, потому что была установлена постоянная телефонная связь, а рации должны были работать на порыв (в случае обрыва телефонного кабеля). У аппаратов были оставлены только дежурные радисты, остальные же (в том числе, и я) перешли в дом, занятый ротой связи.

Всё население из села было, скорее всего, эвакуировано немцами, так что жителей мы здесь не застали. Дом, в котором мы поместились, находился на береговом склоне, а вход выходил прямо к озеру.

Километрах в двух, по загибавшемуся здесь берегу озера, виднелось другое, соседнее село, находящееся в расположении войск противника. Получается, что вход в наш дом был виден (в приборы) со стороны противника.

В первый же день из противоположного села два снаряда, очевидно, из танковой пушки, ударили в наш дом, прилетев в стену, близ входной двери. Толстые каменные стены старой постройки оказалось невозможным пробить и тяжёлым снарядом, но пришлось принять меры – сократить до минимума хождение днём через дверь, а брички и лошадей поместить за домом, после чего дом наш обстрелу больше не подвергался.

Так мы простояли в этом селе несколько дней, первый раз с момента форсирования Дуная.

Почту мы не получали с лагерей в Западной Украине, и вот, наконец, она нас догнала. С полевой почты по телефону сообщили, чтобы из полка прислали повозку за корреспонденцией, которой на нашу часть накопилось несколько мешков. Поехал за ней на бричке, запряжённой парой лошадей, радист Шевченко В., т. к. он, находясь у меня в резерве, обычно возил на зарядку аккумуляторы. Вот вместе с ними и должен был заодно привести почту.

Вечером вернулся он в роту с парой коней, запряжённой в передки, но без брички, за плечами вещмешок, в котором находились аккумуляторы. На спине одного из коней были привязаны два разорванных мешка с письмами.

Мы стали расспрашивать, что случилось, Шевченко нам рассказал [русский перевод украинского текста приведён ниже, после оригинала]:

«Як ви мене послали, так і поїхав я на базу акумуляторів, змінив їх. Після – на пошту, мішки з листами взяв. А тут підходить майор, запитує:

- Ти в 232-й полк їдеш? Я – з тобою. Довезешь?

- Сідайте, товариш майор, я те що, – кінь ж пощастить.

Сів він на бортик, ноги звісив, а я попереду сів, мені ж коней поганяти. Доїхали до місця, де дорога поперек схилу (знаєте, відкритий крутий схил, там, біля берега озера).

Бац! Підірвалася моя візок на міні! Мене скинуло на землю. Коні кудись понеслися з уламком вози. Візок на боці, біля дороги. Майор, дивлюся лежить він, метра три від дороги, від лежить, а ніг у нього вже немає. Кругом листи наші розкидані, а кілька трикутників ще над землею літають, – ніяк не приземляться.

Машини, вози, які їхали по дорозі в одну сторону і в іншу, вони зупинилися. Майора занурили і до лікарів повезли, а я акумулятори підібрав ось, до вози склав, і пішов коней шукати. Слідами, хвилин через двадцять, прийшов, – вони вожжами заплуталися в кущах.

Прийшов з ними на поле, листи став підбирати, не зібрав би за тиждень, точно! Так люди допомогли.

Так от адже штука! За цим місцем скільки коліс проїхало! А вона, міна ця, нас з майором чатувала. Мені ж що – обтрусився і далі поїхав, а майор як буде без ніг! Може, диверсанти пробралися, заклали міну цю?»

[«Как Вы меня послали, так и поехал я на базу аккумуляторов, сменил их. Потом – на почту, мешки с письмами взял. А тут подходит майор, спрашивает:

- Ты в 232-й полк едешь? Я – с тобой. Довезёшь?

- Садитесь, товарищ майор, я-то что, – лошадь же повезёт.

Сел он на бортик, ноги свесил, а я впереди сел, мне ж лошадей погонять. Доехали до места, где дорога поперёк склона (знаете, открытый крутой склон, там, у берега озера).

Бац! Подорвалась моя повозка на мине! Меня сбросило на землю. Лошади куда-то унеслись с обломком повозки. Повозка на боку, около дороги. Майор, смотрю лежит он, метра три от дороги, от лежит, а ног у него уже нет. Кругом письма наши разбросаны, а несколько треугольников ещё над землёй летают, – никак не приземлятся.

Машины, повозки, которые ехали по дороге в одну сторону и в другую, они остановились. Майора погрузили и к докторам повезли, а я аккумуляторы подобрал вот, к повозке сложил, и пошёл коней искать. По следам, минут через двадцать, пришёл – они вожжами запутались в кустах.

Пришёл с ними на поле, письма стал подбирать, не собрал бы за неделю, точно! Так люди помогли.

Так вот ведь штука! По этому месту сколько колёс проехало! А она, мина эта, нас с майором караулила. Мне ведь что – отряхнулся и дальше поехал, а майор как будет без ног! Может, диверсанты пробрались, заложили мину эту?»]

Когда Шевченко всё это рассказал, старшина роты послал двух человек на бричке, чтобы ещё поискали разбросанные письма, ведь как переживают солдаты, когда писем от родных долго нет, а тут ещё и совсем потеряются вдруг. И, в самом деле, вернулись они, подобрав, совсем далеко от места взрыва, в кустарнике, ещё около десятка писем. Привезли и колёса разбитой брички.

Но вот в середине декабря наше сидение в этом месте закончилось. На переднем крае наши батальоны сменила другая часть, а наш полк в походной колонне тронулся по фронту направо, на другой участок, – происходила обычная перед продолжением наступления перегруппировка войск.

Середина декабря у нас, в Сибири, – это уже настоящая зима, когда вся земля давно укрыта снегом, все лиственные деревья давно стоят голые, морозы достигают 30– 40 градусов ниже нуля. А здесь – ещё только осень, снега нет, дуб и не думает снимать свой зелёный наряд, днём припекает солнце, правда ночью, временами, чувствуется лёгкий морозец (по нашим, сибирским меркам, как октябрьское, если не сентябрьское, временное похолодание).

Идти в такую погоду по ночам легко – и не жарко, но на ходу и не мёрзнешь, поэтому (ещё и для маскировки передислокации), как стемнело, мы снялись с места, а уже глубокой ночью колонна вошла в какое-то большое селение.

Для командира полка комендант приготовил лучший дом. А чей дом лучший, – конечно, у ксендза. Вот в комнатах католического попа – ксендза и расположился наш комполка. В этом доме я и стал развёртывать дивизионную радиостанцию. Батальонные радиостанции следовали при батальонах, в свёрнутом виде, и могли быть развёрнуты только при встрече с противником.

Мы поставили радиостанцию на небольшой столик в коридоре этого большого дома, недалеко от двери, ведущей в комнату, в которой поселился гв. подполковник Маркелов.

Развернуть передвижную радиостанцию – минутное дело. Проверить связь передачей коротких позывных тоже времени много не требуется, а работать на передачу радиостанциям войск, передвигающимся скрытно, ночью не рекомендуется. Поэтом со всеми делами я управился за пять минут.

Но, осмотревшись, я не увидел ни одного стула в коридоре, значит, надо у кого-то просить. Мы только с марша, пусть свободным радистам можно устроиться и на полу, но вот дежурному, у аппарата, стул нужен.

Тут по коридору, мимо нас, пробегает женщина в чёрном платье и белом платке. Я остановил её, чтобы спросить стул. Но как попросить, ведь мы в Венгрии, по-венгерски я говорить не умею, а по-русски она меня, несомненно, не поймёт. Как быть? А если по-немецки! Ведь жила-то она в бывшей Австро-Венгрии, где государственным был немецкий язык. Всё это промелькнуло у меня в голове, и я, уже гораздо медленнее, составил фразу на немецком:

- Фрау, гибен зи мир айн Штуль, битте! [Frau, giben Sie mir ein Stuhl, bitte / Фрау, дайте мне стул, пожалуйста], – попросил я.

- Чевой-то?! – удивлённо взглянув на меня, воскликнула женщина.

Этого русского провинциального «чевой-то» я никак посредине Европы не ожидал и от удивления чуть не сел на пол. Простояв в стопоре, наверное, почти минуту, я уже по-русски попросил её дать стул.

Она, уже без слов, куда-то удалившись, быстро принесла стул. Усевшись на него, чтобы проверить, цел ли он, я уже не смог его покинуть, а вытянув

ноги (раз передо мной своя, русская), спросил, откуда она знает русский, услышав в ответ:

- Так ведь я, милок, русская, – в четырнадцатый ро́ку [год, укр.] жила у Львова, а уж в Мировую и переехала в Уго́рщину [Венгрию, укр.], с семьёй старшей сестры, да тут вон осталась. Сюда, к ксендзу, меня послали, потому что никто тут больше по-русски ведь не говорит.

Скоро, после этой неожиданной встречи, мы с радистами сытно пообедали и, утомлённые ночным маршем, легли, прямо здесь, в коридоре, спать, завернувшись в шинели.

Утром был получен приказ о дальнейшем продвижении. Комполка вызвал двух ПНШ – первого, гв. капитана Рябчикова, и пятого, гв. капитана Костылева, приказав им верхом проехать по маршруту, проверить целостность дороги и мостов. Они вернулись к вечеру, как раз к выступлению колонны, сообщив, что всё в порядке – можно смело двигаться вперёд.

Начштаба гв. майор Волков объявил им, что, несмотря на усталость, именно им придётся вести полковую колонну, т. к. он с комполка выезжает на машине вперёд, к месту будущего сосредоточения части (к этому времени у командира нашего полка был трофейный легковой автомобиль, обзавёлся машиной и начштаба).

Для согрева преподнёс начальник штаба вернувшимся своим заместителям по две кружки виноградного вина, хотя по их лицам можно было прочитать: «Мы так устали и замёрзли, что выпили бы что-нибудь покрепче».

Полк, во главе ПНШ-1 и ПНШ-5 (за ними – знамёна, потом – я с радиостанцией), вышел на марш.

Ночью опять приморозило, а обоих капитанов к этому времени разморило от усталости и вина, и сначала Костылев, а потом – и Рябчиков, несколько, раз чуть не упав с лошади, легли на нашу повозку и через пять секунд уже храпели. Пришлось мне, как старшему из шедших в этой части колонны офицеров, заменить их.

Иду впереди колонны, за мной – знамёна и весь полк, а куда иду, не знаю. Особенно меня нервировало в сложившейся ситуации то, что на этот раз я, не только не знал названия пункта, в который мы должны прибыть, но даже карты не видел и не знал маршрута. Прямо идти или куда-то сворачивать придётся? Развилка, перекрёсток попадутся – налево, направо?

Во мне накапливалось раздражение и на капитана Рябчикова, который не рассчитал своих возможностей, – не в меру «согрелся» и посапывает беззаботно [далее – тетрадь 67, от 24/I-70 г.] на повозке, и на начштаба, поднёсшего своим помощникам лишнего и не захотевшего всю ночь шагать с колонной полка.

Ночь была лунная, морозная. Вот впереди, освещённая полной луной, появилась какая-то тёмная машина и, поравнявшись со мной, затормозила, из открывшейся дверцы вышел начштаба (гв. майор Волков) и на повышенных тонах спросил, где Рябчиков и Костылёв.

Я, еле сдерживаясь, почти на пределе, стараясь всё же быть корректным, понял, что смогу быть таким, только если отвечу кратко:

- На бричке. Спят.

Майор выругался и проворчал, что-то вроде «не вовремя напились». И тут я (всё-таки бессонные ночи плохо влияют на мои нервы), не сдержавшись, закричал:

- Так ведь это Вы их и напоили, и это, зная, что люди целый день не евши!

Выплеснув своё не столько раздражение, сколько накопившееся волнение и ответственность, а больше всего – беспомощность по поводу того, что веду полк, не известно, куда, я пришёл в себя и приготовился к тому, что майор сейчас накинется на меня, но он заговорил тихо, ласковым голосом:

- Ничего, Плотников, иди прямо по этому шоссе, тут недалеко осталось, а я вас встречу у села. Вот взгляни на карту, – и протянул мне планшет с картой.

Я посмотрел, стараясь сложить топографические обозначения в логику последнего участка нашего марша, волнение и раздражение от предыдущего

незнания сменилось уверенностью, поэтому я заверил начштаба, что всё будет в порядке.

Мы без происшествий прошли оставшиеся километры и, подойдя к повороту на село, действительно, встретили майора, ждавшего нас около своей машины. В итоге, в этом селе мы простояли около суток.

Прихватив для отдыха к оставшейся части ночи и часть дня, вечером я пошёл повидать своего земляка, врача Ивана Николаевича Колупаева.

Поговорив о разных пустяках, затем – о том, как он перенёс марш и все эти последние бои, от Дуная до Балатона, мы вспомнили свою далёкую Сибирь, но тут Иван Николаевич своим профессиональным внимательным взглядом заметил у меня на шее, под затылком, небольшую шишку и спросил, что это.

- Да это, капитан, чирей застуженный, он меня не беспокоит, – ответил я.

- Ну, брат, это пока не беспокоит, а может кончиться большими неприятностями для тебя. Надо немедленно к хирургу. Резать. Резать, и – немедленно.

- Да как тут попадёшь к хирургу, когда всё время в движении, и медсанбат ваш – неизвестно, где.

- Медсанбат в этом же селе. А сейчас мы не двигаемся, ты это признаёшь? Вот завтра, прямо с утра, заходи ко мне, вместе пойдём к хирургу, а там – раз, два и готово! Сразу, моментом тебе всё лишнее вырежут. Так и так, рано или поздно, либо сам придёшь к хирургу, либо тебя принесут, а в последнем случае, может быть, и позже, чем надо.

- Это верно, что сейчас мы не двигаемся, но завтра утром нас здесь, может, и не будет, – поднимут ночью по тревоге, и шагай дальше.

- Не-ет, суток трое здесь проторчим, – уверенно заверил Колупаев.

Вернувшись в роту, я получил распоряжение явиться с радиостанцией к комполка. С ним мы отправились за село, где в скотных дворах имения какого-то сбежавшего венгерского помещика, в помещении для батраков, нас поджидали все три комбата и ещё несколько офицеров.

Я развернул радиостанцию и вступил в связь с радиостанцией штадива. В этот момент командир полка сообщил комбатам, что дивизия получила задачу совместно с другими дивизиями Армии овладеть городом Сéкешфехервар [Székesfehérvár], прорвав оборону противника на линии Маргариты. После этого в прорыв вводится механизированный корпус, который сейчас располагается за нами.

Наш полк наступает на главном направлении, вдоль шоссе и линии железной дороги. Полоса наступления шириной 200 метров (при этом он продиктовал по карте разграничительные линии этой полосы). Справа от нас действует полк нашей же дивизии, а слева – полк дивизии другой. Для усиления нашего полка ему придаётся штрафная рота. Кроме того, нас будут поддерживать полк тяжёлых 150-м/м самоходных установок, гаубичный артиллерийский полк, истребительно-противотанковый артполк, дивизион РС [реактивных снарядов] («Катюши» и не только) и ещё ряд артчастей. Кроме артподготовки будет ещё авиационная подготовка наступления.

Когда рассвело, гв. подполковник Маркелов пошёл с офицерами на местность, я же с радиостанцией остался на месте. Вернулись они через несколько часов, наметив расположить КП на небольшой железнодорожной станции, куда вскоре я и перешёл с радиостанцией (а затем туда прибыли и работники штаба).

Подошедший начсвязи гв. капитан Попов спросил меня:

- Что, Плотников, как думаешь организовать радиосвязь, как нам с тобой исхитриться, чтобы такое количество радиостанций не мешали друг дружке? Я получил волну наших левых соседей, – и назвал цифру, полностью совпадающую с длинной нашей волны.

- Так это же наша волна! – воскликнул я, – нет, с одной стороны, это упрощает связь, не надо будет перестраиваться для разговора с ними, но, с другой стороны, мы будем мешать друг другу в эфире.

- Здесь мы с тобой ничего не поменяем, радиоволну дают сверху, – завершил мои рассуждения капитан.

Обычно одинаковые радиоволны давались радиосетям, удалённым территориально на большое расстояние, но при перемещении войск и их концентрации для проведения крупных операций (а данном случае – при подготовке наступления на Будапешт) случилось то, что случилось, – две дивизии, наша и соседняя, оказались рядом, со своими, совпавшими волнами.

Ввиду большого количества приданных полку артиллерийских частей, для управления ими, гв. подполковник Маркелов объединил их в полковую артиллерийскую группу (ПАГ), начальником которой назначил одного из командиров артиллерийских полков. Поэтому на НП командира стрелкового полка расположился с радиостанцией только нач. ПАГ, остальные радиостанции артчастей располагались не так близко, к тому же, по волнам, радиосети стрелковых полков и дивизий сильно отличались от артиллерийских, поэтому с этой стороны я помех не ждал.

Связь с самоходным артполком штурмовых орудий прорыва осуществлялась через радиостанцию их представителя, который находился на НП комполка. Эта связь могла быть продублирована путём перестройки нашей радиостанции на их волну (радиоданные сети артполка у меня имелись).

Таким образом, удалось надёжно организовать радиосвязь взаимодействия и с соседями (стрелковым полком дивизии, расположившейся слева), и с артиллерией.

На следующий день на маленькой железнодорожной станции началось оборудование многих командных пунктов. При этом началось такое движение, которое не могло остаться не замеченным противником. Однако, помешать он нам уже не мог. В воздухе часто появлялись пары наших истребителей, но под вечер над нами стремительно пронеслись два «фоки» («Фоккевульфа»), сбросив две небольших бомбы. Одна из них попала в траншею, где располагался КП

одного из артполков. При взрыве был засыпан командир этого полка, а когда его откопали, он был мёртв.

Утром началось наступление. На передний край противника обрушился мощный артиллерийский огонь. Было это 20 декабря 1944 года, в 10 часов 10 минут. Продолжалась артподготовка 65 минут, а одновременно с ней велась и авиаподготовка.

Как обычно, сигналом к началу послужил залп «Катюш». В этот же момент в воздухе, над нашими головами, появились девятки штурмовиков, которые сменяли одна группа другую при переносе артогня вглубь обороны противника.

В это время стрелковые цепи поднялись и, не встречая сопротивления, пошли вперёд.

Первый ответный огонь немецко-венгерские вояки открыли у железнодорожной будки, в которой засели несколько солдат. Толстые кирпичные стены надёжно защищали их от автоматного, пулемётного и даже артиллерийского огня. Тогда к этой будке было направлено штурмовое орудие САУ-150, которое почти в упор ударило в стену. От взрыва тяжёлого снаряда кирпичные стены будки заходили ходуном, а прятавшиеся там фашисты поняли, что после следующего выстрела им будет «аллес, капут» [alles, Kaputt – буквально «всё, сломан, разбит, уничтожен» / «всё, конец», нем.], выскочили наружу с поднятыми вверх руками.

Но вот, пройдя ещё немного, стрелковые цепи встретили упорное огневое сопротивление противника, который, очевидно, ещё до артподготовки успел отвести сюда свои войска. Сходу прорвать такую оборону не удалось.

Гв. подполковник Маркелов вызвал к себе нач. ПАГ (полковника-артиллериста) и поставил перед ним задачу артогнём нарушить оборону врага. Артиллерист был в курсе складывающейся обстановки, поэтому с полуслова понял задачу, и тут же подсчитал, сколько снарядов необходимо для её выполнения, затем, – распределив это количество по артчастям, направился на

свой НП для передачи задач вверенным подразделениям. Прошло не больше, чем полчаса, как артполки открыли огонь, а стрелковые цепи пошли вперёд.

Зимний день короткий, и вот солнце уже се́ло. Хотя зимой, в нашем сибирском смысле, здесь «и не пахло» (к примеру, многие деревья всё ещё сохраняли листву), температура не опускалась ниже 1–2 градусов тепла, но было холодно (может, из-за высокой влажности). В лёгких шинелях мы зябли, к тому же организм не восстанавливался из-за бессонной ночи и из-за того, что последний раз мы ели только рано утром.

Недалеко от землянки комполка, в брошенном немцами артиллерийском окопе собрались комроты связи гв. капитан Чебоненко и командиры взводов этой роты.

Старшина роты Щербаков привёз обед, а командиру роты флягу спирта. Комроты предложил мне полстакана спирта, я, вдруг вспомнив о предупреждении Ивана Николаевича про чирей (который в этот раз мне не суждено было удалить), решил разогреть, от греха подальше, организм и согласился, несмотря на то, что целый день не ел. Задержав дыхание, проглотил обжигающую жидкость, и от горла к желудку пошла теплота, через минуту разогревшая даже пальцы рук и ног. Очистив котелок супа с макаронами и свининой, заев это порядочным количеством оладий, я почувствовал, что меня клонит в сон.

В это время комполка, решив, что пора переносить КП, пошёл вперёд; радисты, быстро свернув рации, двинулись за ним. Я с трудом поднялся и, выйдя на шоссе, пошёл по нему, еле-еле передвигая отяжелевшие ноги. Веки опускались сами собой, закрывая глаза, а как только усилием воли я открывал их, они опять ползли вниз. Я отстал от радистов.

Стемнело окончательно, так же, как и окончательно закончились всякие мои силы бороться со сном. Вот-вот и я должен был упасть посредине шоссе. Через «не могу» сошёл в кювет, сняв с плеч плащ-палатку, закутался в неё и опустился, полусидя-полулёжа, на землю.

Заснул я моментально, равно как и проснулся в одно мгновение. Вскочил на ноги, огляделся: ночь, я один, полнейшая тишина. Вспомнив то, к чему стремился и на чём остановился до сна, я нащупал ногами кювет, шоссе. Зная, что идти мне надо на северо-запад, осталось только понять без компаса и при затянутом облаками (потому беззвёздном) небе, где это направление, а где ненужный мне юго-восток. Пришлось идти наугад.

Не прошёл я и десяти минут, как заметил слева от шоссе свет, идущий из-под земли, – это была землянка, в которой мои радисты устанавливали радиостанцию. Значит, я проспал не больше двадцати минут, хотя чувствовал себя, будто отдал сну не меньше 9–10 часов.

Хорошо, что так всё закончилось, ведь мог уйти не в ту сторону, заблудиться, могли меня утащить в качестве языка в плен. Нет, думаю, хватит, – больше спирт пить не буду.

А, между тем, пообедав с наступлением темноты, стрелковые цепи этим же поздним вечером продолжили наступление. 2-й стр. батальон наступал справа от шоссе, а темнота и кустарники скрыли от него противника, который не подавал никаких признаков своего присутствия (не стрелял и не освещал, как обычно, своего переднего края ракетами). Такое поведение было очень необычным для немцев, ведь они не прекращали огня ни на одну ночь, так же, как и ракеты пускали, как минимум, каждые 5–7 минут. Можно было подумать, что враг либо далеко отошёл, либо совершенно деморализован. Однако, к несчастью, всё оказалось совсем не так.

Когда стрелковые цепи 2-го батальона пошли вперёд, не выслав, как обычно, вперёд разведку, они напоролись на проволочное заграждение, с навешанными на нём пустыми консервными банками. Банки загремели, и противник открыл пулемётный огонь из заранее пристрелянных точек.

Стрелки отошли, оставив на проволоке часть своих товарищей – так дорого обошлась батальону, казалось бы, всего одна ошибка.

Только после этого разведка определила передний край противника, который после нашего артудара был прорван, и стрелки пошли вперёд.

До города оставалось совсем немного – небольшая равнинная низменность, но к утру стрелки наткнулись ещё на одну вражескую оборонительную линию. На этот раз это была редкая цепь закопанных в землю «Пантер», броня на башне которых неуязвима для снарядов, выпускаемых с дальних закрытых позиций, а подвести пушку не было возможности из-за пулемётного и орудийного огня немцев (может, мы про это пока не знали, и венгров). С другой стороны, даже мощная броня наших САУ-150 не могла выдержать огня «Пантер».

В темноте наши стрелки подобрались на 50–100 метров и окопались. Дивизион «Катюш» «сыграл» сигнал к артподготовке и уехал, на смену ему прибыл дивизион РС («Ванюша»)[1], который имел на вооружении мощные реактивные снаряды, которыми раньше стреляли с земли (мы их видели в 1943 году в Полтавской области, и тогда они напоминали строй солдат), теперь же, поставленные на борт обычного автомобиля, с него и пускались.

Командир этого дивизиона пришёл к нашему комполка, чтобы тот показал ему цель для стрельбы, но, получив по карте и месторасположение наших окопавшихся бойцов, сказал, что точность стрельбы его орудий небольшая, ведь они, в отличие от «Катюш» не имеют направляющей, поэтому, если в таких условиях они откроют огонь, могут поразить своих и не попасть в «Пантер». Подполковник Маркелов ответил, что других целей у него для дивизиона нет.

На рассвете, во время перемещения командного пункта, в небе показались несколько немецких самолётов. Наш зенитный дивизион тоже в этот момент передвигался, но, завидев «Фоккевульфы», которые пока

[1] Речь, скорее всего, идёт о реактивных снарядах БМ-31-12, которые до 1944 г., запускаясь с грунта, назывались М-30. Нам не удалось выяснить, автор или современные исследователи (см. материал по адресу https://russian7.ru/post/reaktivnye-minomyoty-luka-pochemu-ne/) заблуждаются, называя эту установку «Лука» или «Ванюша».

виднелись точками на горизонте, зенитчики отцепили свои орудия, развели колёса и прямо с колёс, не опуская опор, открыли огонь, немецкие лётчики свечой подняли свои самолёты, скрывшись с глаз.

Вскоре после этого послышался характерный гул реактивных снарядов, подняв глаза в небо, мы увидели [далее – тетрадь 68, от 25/I-70 г.] неторопливый полёт тяжёлых ракет (скорость их была большей, чем скорость полёта истребителя, но меньшей, чем – скорость обычного снаряда).

Гв. подполковник Маркелов, выглянув из ячейки наблюдения, крикнул:

- Плотников, узнай, куда они стреляют!

Т. к. с дивизионом РС у нас радиосвязи не было (они, вообще, попали к нам, как манна с неба, что не смогли бы сказать те, по кому они стреляли), я побежал к леску, где стояли их машины. Там сразу нашёл главного и передал, что наш комполка приказал сообщить цель их выстрелов, услышав в ответ:

- По северо-западной окраине города.

Когда я передал это комполка, тот воскликнул:

- Вот чудаки, там ведь нет немца!

На этой позиции наступление нашего полка застопорилось, и задача пройти с юго-западной окраины через центр города, чтобы выйти на окраину северо-восточную, полком выполнена не была.

Между тем, дивизии нашей Армии, действовавшие правее нас, вошли в северо-восточный пригород Секешфехервара, а на следующий день и наш полк, снявшись с позиций, вошёл в пригород, получив приказ, через него пройти в центр города, а оттуда действовать, выполняя прежнюю задачу (т. е., дойдя до северо-восточной окраины, создать этим коридор для продвижения 7-го гв. механизированного корпуса).

Ночью наши стрелковые батальоны были сменены подразделениями другой части, а наш полк сосредоточился в пригороде, который представлял собой город-сад (Маяковский, конечно, писал о другом). Небольшие земельные участки были заняты под индивидуальные фруктовые сады. Узкие улочки

проходили между этими садами-усадьбами. Каждый сад был огорожен забором, в каждом имелся небольшой беленький дом. В большой комнате каждого дома, как правило, стояли деревянные полки-пирамиды, уставленные стеклянными банками с фруктовыми компотами и вареньями.

Вот комбатам передан боевой приказ, и батальоны, один за другим, тронулись на позиции, а вскоре комбаты доложили, что вышли до соприкосновения с противником и завязали бой. Тогда стал выстраиваться для движения штаб полка.

Впереди шли два разведчика, затем комполка, я с радиостанциями, затем – зачехлённые знамёна, начштаба с помощниками. Далее – рота автоматчиков и рота ПТР [противотанковых ружей].

День клонился к вечеру, но было ещё светло. Идём узкими улочками на запад. Вот слева от нас – замаскированный между фруктовыми деревьями Т-34; около него, под забором, в неглубоком окопчике, сидит автоматчик. Увидев нашу колонну, он приподнялся и говорит:

- Куда вы прёте, – там же «Тигры»?!

Но «Тигры», видно, уже удрали, и мы беспрепятственно идём дальше. Да и чего нам было остерегаться, если перед нами здесь прошли три наших стрелковых батальона.

Справа, у поваленного забора, стоит противотанковое орудие, расчёт сидит по щелям, только дежурный у орудия. Он внимательно оглядывает местность перед собою. Увидев нас, он проводил нас удивлённым взглядом и опять стал наблюдать перед собой. Всё указывало на то, что мы проходили чей-то передний край.

Так, спокойно, мы прошли с километр. Вот впереди, в сумерках зимнего вечера, уже можно различить последние домики пригорода, а за ними виднеются кукурузные поля, за которыми начинается город.

Вдруг близкая пулемётная очередь нарушила тишину, а вокруг нас защёлкали разрывные пули. Колонна моментально рассредоточилась,

рассыпавшиеся солдаты залегли вдоль заборов. Автоматчики и пэтээровцы развернулись в цепь западнее дома.

Затем я с радиостанциями зашёл в соседний дом, куда до этого вошли комполка и начштаба; радисты моментально развернули радиостанции. В подвале этого же дома развернули перевязочный пункт, где санинструктор роты автоматчиков, Маша К., перевязывала двух легко раненных солдат.

Изредка тишину разрушали пулемётные очереди. Комполка из сеней дома залез на чердак, и из слухового окна увидев вспышки выстрелов пулемёта на крыше соседнего дома, крикнул:

- Вот он на крыше! Дайте мне ПТР, я его сниму!

Когда подполковнику подали длинное противотанковой ружьё, он, выставив его в слуховое окно, сам улёгся за ним, а нам снизу были видны его широко раскинутые ноги в хромовых сапогах. Раздался громкий выстрел ПТР, немного погодя – второй. В ответ – длинная очередь вражеского пулемёта, и сразу же, будто тяжёлый град ударил по черепичной крыше. Весь чердак заполнился пылью.

- Вот сволочь, обнаружил! – пробормотал комполка и опять приник к ружью, но тут его адъютант запротестовал:

- Товарищ подполковник, он Вас сейчас пулемётом накроет. Слезайте!

Начштаба поддержал:

- Давайте поручим это дело снайперу!

В этот момент адъютант уже схватил комполка за ноги, и тот начал слезать; в конце концов, оставив вместо себя сержанта из роты ПТР, полковник (вместе с начштаба) прошёл в комнату, где стояли радиостанции.

При попытке обойти домик, на крыше которого сидел пулемётчик, был убит командир роты ПТР, а несколько автоматчиков и пэтээровцев было ранено.

Но где же стрелковые батальоны? – они ведь должны вести бой впереди нас, а там – кукурузное ровное поле и тишина.

Начштаба запросил по радио у всех комбатов обстановку. Все трое дали одинаковый ответ: «Ведём тяжёлый бой с танками противника». Но где? В полосе наступления нашего полка нет ни наших стрелков, ни танков противника.

Было очевидно, что комбаты заблудились в узких улицах этого пригорода и, в данный момент, ведут бой в чужой полосе. Все попытки по радио уяснить, в каком конкретном месте они ведут бой, окончились неудачно. Начштаба опять сильно нервничал и только всё больше запутывался. В итоге, он приказал комбатам вывести роты из боя и немедленно двинуться туда, откуда они вышли, там их встретят связные.

За это время обстрел нашего дома противником усилился – пули щёлкали уже не только по крыше, но и по стенам, а окна были выбиты. Таким образом, нормальная работа штаба была невозможна, тем более, дверь выходила в сторону противника.

Из штаба дивизии по радио получили приказ командиру полка прибыть в штадив. Полковник, уходя (вместе с адъютантом), сказал начштабу:

- Ну, Волков, тебя учить нечего – действуй!

Майор Волков сразу же распорядился отвести штаб полка назад, метров на двести. Радисты моментом свернули рации и бегом перенесли, поставив их на новом месте. Здесь уже пули не гоняли, и даже не были слышны внутри дома пулемётные очереди. А вскоре подошли батальоны и развернулись у последних домиков, сменив роты автоматчиков и ПТР.

Кроме двух своих радиостанций при КП полка была третья – дивизиона РС, приданного нашему полку. Два их радиста несли упаковки своей рации (РБ), работой которой командовал лейтенант. Мне понравилось, что эти трое радистов держались с нами, ни на шаг не отставая, хотя и не было понятно, зачем они тут, чем они могут помочь полку. Чувствовалось, что они опытные радисты, но, как все артиллерийские связисты, азбукой Морзе они не пользовались (т. к. в канонаду очень сложно разобрать сигналы, где какая-

нибудь непринятая или неправильно понятая точка или тире может сыграть решающую, даже – роковую, роль), работая только через микрофон.

Вскоре вернулся комполка и вызвал к себе всех комбатов, поставив им задачу, сообщив, что командир дивизии требует сегодня же ворваться в город и выйти на его северо-западную окраину.

Часов в 10 вечера батальоны начали наступать, часа за два преодолев оборону противника на кукурузном поле и войдя в сам город, и, хотя там их продвижение замедлилось, до рассвета комбаты доложили, что достигли городского центра.

Было видно, что удар наших батальонов, нанесённый через кукурузное поле, был неожиданным для противника, сколько-нибудь значительных сил в городе у него нет. И вот комполка, обращаясь к командиру комендантского взвода гв. лейтенанту Пешкову, приказал:

- Комендант, стройте штаб! Пошли вперёд!

Так мы, в том же порядке, идём в ночную темноту, через кукурузное поле. Уже смутно, справа и слева, из темноты стали проступать контуры домов. Так, на рассвете мы подошли в центр города. Здесь наши батальоны ещё продолжали прочистку улиц и домов, мы же без задержек повернули в сторону северо-западной окраины.

Центр города был застроен 2-х, 3-х и 4-этажными каменными зданиями, к окраине дома ниже, переходящие в белые мазанки с соломенными крышами. В одном месте нам встретился участок мостовой, развороченной взрывами; глядя на эти воронки, мы сначала подумали, что это работа авиации, но потом вспомнили о РС`ах [реактивных снарядах]. Ни солдат противника, ни жителей в городе мы не встречали, кроме шедших без оружия двух рядовых Вермахта, да ещё группы немецких автоматчиков, сначала укрывавшихся, а после – сдавшихся в плен на северо-западной окраине.

Роты автоматчиков и ПТР, вместе со стрелковыми батальонами, развернулись за последними домами города, а комполка со штабом зашёл в

один из домов, приказав немедленно наладить связь со штадивом. Мои радисты что-то замешкались с развёртыванием луча антенны во дворе, а радисты РС уже включили свою рацию, поэтому я перестроил их рацию на нашу волну, включил ключ Морзе и вызвал штадив.

Командир передал, что задача выполнена, полк вышел на северо-западную окраину города, но через некоторое время их штадива пришёл ответ, что они не верят в это. Тогда подполковник диктует: «Сам нахожусь в точке ...», указав координаты по кодированной карте. Минут через двадцать получает радиограмму за подписью начштадива Калашникова: «Начштаба Армии не верит этому, зажгите три дома в этом месте, где вы находитесь» (текст переговоров примерный, по памяти).

Командир комендантского взвода со своими солдатами закатил в дом, в котором до этого прятались немецкие солдаты, бочку с горючим и, разлив его, поджёг. Яркое пламя озарило всё кругом, и дым от горящей соломенной крыши, без сомнения, был виден издалека.

Вскоре, после того, как мы вышли на северо-западную окраину, с севера к городу подошли два вражеских бронетранспортёра и начали нас обстреливать, но уже после нескольких выстрелов из ПТР, моментально скрылись.

Но вот в штабах (дивизии, Армии), наконец, поверили в то, что мы всё-таки вышли на заданную окраину города, потому что мимо нас, по центральной улице Секешфехервара, с юго-востока на северо-запад, сквозь образовавшийся прорыв в обороне противника, на оперативный простор пошёл гвардейский механизированный корпус. Танки, орудия на автотяге, мотопехота в кузовах новеньких машин, зенитки и прочая техника проезжали так быстро, что мы не успевали рассмотреть их.

После того, как эта мощная, как сжатая пружина, колонна прошла, снова наступила тишина. Комполка, в который раз за сегодняшние сутки, приказал штабу строиться и передислоцироваться в центр города, куда (а именно – на центральную площадь) мы и подошли где-то через час с небольшим.

Направо от нас возвышалась «двуглавая церковь», две её колокольни высоко поднимались в небо (этот собор можно увидеть в кинокартине «Альба Регия»[1]). Рядом стоял 4-этажный жилой дом, а прямо напротив нас – шикарные особняки старинной постройки.

Командир полка вышел вперёд, оглядел площадь, дома́, окружавшие её, и, подозвав гв. лейтенанта Пешкова (командира комендантского взвода), указав на особняк, сказал:

- Вот в этом дому́ [разговорная форма; литературная норма для предложного падежа – «в до́ме»] буду располагаться я. Рядом, слева – штаб полка, остальное – распределите сами.

Высокий стройный гвардии лейтенант Пешков, приложил руку к головному убору, затем одновременно оторвав её и повернувшись кругом, бегом направился к указанному дому, взбежал на крыльцо и, дёрнув дверь, стал по ней стучать кулаком в перчатке.

Дверь отворилась, из неё вышел капитан, они обменялись с лейтенантом несколькими фразами, после чего Пешков, также бегом возвращается к комполка, докладывая:

- Товарищ подполковник, я потребовал от капитана очистить дом, т. к. в нём будет располагаться командир гвардейского стрелкового полка, но этот пронырливый капитан ответил, что здесь будет жить командир 20-го гвардейского корпуса генерал-майор Бирюков, а командир полка должен найти себе место ближе к передовой.

- Действительно, идём обратно, на окраину, – сморщившись, сказал полковник.

И опять колонна штаба двинулась по протоптанному маршруту, на северо-запад. Здесь штаб и спецподразделения разместились в белых домиках с соломенными крышами.

[1] Справка о фильме – по адресу https://www.kinopoisk.ru/film/alba-regiya-1961-75516/.

В это время мехкорпус, пройдя через город, вышел в тылы немецких войск, оборонявших Будапешт и линию Маргариты, вражеские танки замкнули место прорыва перед позициями наших батальонов, но вскоре свернули свою оборону и отошли.

Мы остались стоять в городе. Буквально перед этим пришёл приказ, разрешающий отправлять посылки на родину. Для того, чтобы дать возможность каждому солдату выслать что-то, кроме письма, своим родным, близким, чаще всего – полуголодным, раздетым, разутым, работающим на нашу армию, командир полка приказал своему помощнику по МТО гв. майору Старцеву организовать сбор разных вещей в брошенных фашистских домах.

Для каждого солдата была приготовлена посылка, ему оставалось только заколотить ящичек и написать адрес. Мне тоже досталась для отправки семье такая посылка, в которой, помню, был пёстренький фартучек, одно или два платьица и ещё что-то.

Не знаю, как в других местах, а у нас, в Томске, Барнауле (не говоря о более мелких населённых пунктах, где довелось жить и работать) до войны с текстильными товарами было довольно скудно, в свободную продажу они почти не поступали, промтовары покупались по талонам, распределяемым через профсоюз, да в крупных городах – в специальных магазинах, по высоким, так называемым коммерческим, ценам. Во время войны, естественно, стало гораздо хуже, т. ч. эти дешёвенькие подарочки были не только знаком внимания и благодарности, но нужной бытовой мелочью.

Простояв в Секешфехерваре около двух суток, мы за это время отдохнули, привели в порядок и себя, и оружие, и технику.

Противник окончательно свернул разодранную к этому времени в клочья оборону на линии Маргариты, и в этот огромный по широте полосы прорыв вошли [далее – тетрадь 69, от 31/I-70 г.]: между Будапештом и озером Веленце – 46-я Армия, а между озёрами Балатон и Веленце – наша, 4-я гвардейская. В это время впереди действовали мехкорпуса. 46-я Армия должна была образовать

внутренний фронт окружения у Будапешта, а наша – внешний, от Балатона до Дуная.

На второй день нашего отдыха в Секешфехерваре поступил приказ о переходе нашей дивизии в подчинение 31-го гв. стрелкового корпуса, выступив для дальнейшего наступления[1]. И вот полк – опять на марше.

Сначала шли, не имея соприкосновения с противником. Ночью было довольно прохладно, иногда с неба сыпал реденький снежок, дул пронизывающий ветер, под ногами – слякотно, но достаточно легко проходимо.

Шли почти без отдыха. Наконец, в одной из деревень, дома которой были разбросаны по обеим сторонам дороги, объявили привал. Комполка для отдыха зашёл в один из домов, радиостанцию развернули во дворе, но тут к забору, огораживающему этот дом, подъехал майор в шинели и чёрной бурке и спросил командира полка. Он оказался командиром эскадрона казачьего полка и просил пропустить его подразделение вперёд, что займёт минут двадцать.

Подполковник Маркелов не возражал, и вот мимо нас разреженной колонной небыстрой рысью уже скачут казаки. Мы первый раз за всю войну видели кавалерийскую часть и гордостью смотрели на их движение.

Большинство были вооружены карабинами, но часть – автоматами, а изредка – и с ручными пулемётами. Проехало несколько батарей 76-м/м орудий, запряжённых шестёрками сытых лошадей.

Прошло 20 минут, прошёл час, прошло два, а казачья колонна всё не заканчивалась. Вот, думаю, хитрый майор попался, но потом сообразил, что это идут вплотную друг за дружкой и другие эскадроны, командиры которых не знали о договорённости первого казачьего командира. Так мимо нас прошёл уже, наверное, целый полк.

Наш комполка, видя, что казаков не переждать, дал нам команду к отправлению. Солдаты на этом, случайно удлинённом, привале успели не только отдохнуть, но и порядком подзамёрзли, поэтому с радостью, широким

[1] Документально – материалы из журнала боевых действий 4-й Армии со стр. 151 по адресу https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=130117573.

шагом, двинулись параллельно казачьим полкам. Кроме морозца, ещё дул несильный, но постоянный холодный ветер, и казаки, которые в отличие от пехоты, сидя верхом, не имели возможность согреваться в движении, слезли со своих коней и, ведя их на поводу, шли рядом с нами.

Где-то завязалась беседа, но не зря есть пословица «конный пешему не товарищ», длинным разговор не получался. Дорога шла чуть в гору, по узкой долине с крутыми скатами, заросшими редким лиственным лесом, такими же редкими фразами перебрасывались казаки и стрелки, а может, наездникам, без тренировки, просто не хватало дыхания и на ходьбу, и на разговоры.

Перед рассветом, при выезде из долины на открытую равнину, казаки вспомнили, что они наездники, и, забравшись на коней, скоро освободили нам всю дорогу, ускакав вперёд.

Показалось солнышко, стало теплее, к тому же согревало передвижение по сильно пересечённой местности, открытой, с редкими пятнами зимних лиственных лесков (скорее, даже рощ). Так, то поднимаясь по дороге вверх, то спускаясь по ней вниз, мы шли, минуя одну деревеньку за другой.

Но тут, на подходе к небольшому селению Уйбарок [Újbarok] вдалеке, справа от нас, показались эскадрильи немецких бомбардировщиков. Солдаты забеспокоились, поглядывая по сторонам, готовясь по команде «Воздух!» бегом рассыпаться и укрыть хотя бы голову в какой-нибудь яме, вражеские самолёты прошли стороной и где-то впереди перестроились в карусель, начав пикировать на какую-то наземную цель. К далёкому гулу их моторов добавились резкие мощные удары взрывов.

- Кто-то сейчас попал в переделку, скорее всего, казаки, – переговаривались мы друг с другом, и эти наши мрачные предположения оправдались. На подходе к Уйбароку по обе стороны дороги валялись трупы лошадей. Как всегда, при бомбёжке лошади страдают первые, необученные ложиться они погибают от осколков бомб, от пуль авиационных пулемётов, среди залегших людей потерь почти не было.

Вот какая судьба, совсем недавно обогнали нас казаки, а теперь, в лучшем случае, идут так же, как мы. Нам же в этот день фартило, – ещё несколько раз появлялись немецкие самолёты, но каждый раз до нас не долетали, преследуя какие-то другие цели.

К вечеру мы спустились по очень крутому склону в большое селение Майя[1], на выходе из которого полк развернул свои боевые порядки, т. к. впереди, перед селом Та́рдош[2] разведка обнаружила противника – несколько танков, окопанные по обе стороны дороги, вели сильный огонь из своих пушек и пулемётов.

Ночью стрелковым ротам удалось немного продвинуться, заставив вражеские танки отойти, но с рассветом, из-за, более прицельного, чем в тёмное время суток, огня противника, атаки были прекращены, чтобы избежать потерь личного состава.

Дело усугублялось тем, что полк располагал только полковой батареей короткоствольных 76-м/м орудий. Будь у нас 3-й дивизион артполка, тогда, без сомнения, его орудия расправились бы с танками противника, а полковые пушки с расстояния не позволяют вести точную прицельную стрельбу, а подкатить их ближе к танкам, особенно днём, невозможно, без огромного риска быть уничтоженным.

Командир дивизии неоднократно вызывал к радиотелефону комполка и возмущался, что полк стоит на месте, до сих пор не добравшись до Тарьяна. При этом, добавлял он: «Вот Жариков (командир 171-го гв. артполка), со всем своим хозяйством, уже в Тарьяне. Тарьян [Tarján] – это большое село, лежащее [в то время] на магистральной шоссейной дороге, ведущей из Будапешта в Вену, таким образом, взятием села Тарьян наши войска перерезали одну из важнейших коммуникаций будапештской группировки войск противника.

[1] Дальше в тексте венгерское селение Mány обозначается также – Майя.

[2] Скорее всего, речь идёт о селе Жамбек [Zsámbék]; карта местности, где происходили события – по адресу https://pamyat-naroda.ru/ops/?adv=Y&date_from=26.06.1941&date_to=02.09.1945.

Но мы не могли понять, как мог артполк попасть в тыл к немцам. Мы не особенно верили этому, считая, что комдив старается устыдить нас, побуждая на быстрое взятие лежащего перед нами села, однако без артиллерии этого невозможно сделать.

После заката солнца, под покровом ночной темноты, удалось подкатить пушки ближе. После того, как один танк был подбит, остальные ретировались, и мы к началу ночи, наконец, продолжили путь, а к утру уже были в Тарьяне.

Штаб полка расположился в центре этого большого мадьярского села, стрелковые батальоны заняли оборону по обе стороны шоссе, идущего с востока на запад, фронтом на запад, при этом противника разведка нащупать пока не могла.

Оказалось, что артполк, получив ту же задачу, что и стрелковые полки, – овладеть к вечеру селом Тарьян, направляясь в ту сторону, сначала получил перед нами гандикап, сложившийся в момент более медленного прохождения нами полевыми дорожками от Уйбарок к Майя, затем миновал на полном ходу то село, где нас позже встретили танки (они в этот момент либо ещё не были вкопаны, либо почему-то не выдали себя). Когда же колонна артиллерийского полка, с автомашинами, везущими на прицепе пушки, с легковой машиной комполка – гв. полковника Жарикова – по главе, въехала в Тарьян, стало понятно, что в селе полно вооружённых немцев.

Перед командиром полка встал вопрос «Что делать?»: остановить машину и дать команду «Орудия к бою!», – но, пока разворачиваются машины, пока отцепляют орудия, немцы всех перестреляют. Между тем немцы спокойно смотрят на русскую артиллерию, не делая никаких попыток применить оружие.

Тогда полковник Жариков приказал шофёру притормозить, открыв дверцу, подозвал ближайшего немецкого солдата и спросил, где его командир (полковник хорошо говорил по-немецки). Солдат показал ему на один из недалеко расположенных домов, полковник приказал проводить его туда.

Войдя в дом, в котором немецкий гауптман (капитан), командир пехотного батальона, завтракал (но, при появлении такого неожиданного «гостя» вскочил), наш полковник спокойно обрисовал в выгодном для себя свете складывающуюся обстановку, показав на стоящую колонну своих автомашин, предложил сдаться.

Кузова автомобилей были закрыты брезентом, т. ч. у немца не было возможности разобраться, какая сила там скрывается. Гауптманн предложил нашему полковнику сесть и попросил несколько минут на обдумывание. Поразмышляв минут пять, он согласился сдаться в плен, для этого, выйдя на улицу, он подал команду построить батальон.

В итоге, на одной стороне широкого шоссе в походном положении стояла большая русская колонна «Студебеккеров» с орудиями на прицепе, на другой же стороне командиры немецких рот выстраивали свой пехотный батальон. И вот лейтенанты и обер-лейтенанты докладывают гауптману о построении своих подразделений, тот отдаёт короткую команду, и батальон, чётко отсчитав шаги до середины дороги, кладут на неё свои автоматы и карабины, так же чётко, поворачиваются кругом и возвращаются в строй на обочине.

Теперь следовало пленных (целый пехотный батальон) отправить в тыл, но надёжного стабильного тыла, как такого, ещё не было, поскольку за нашими спинами была только очень неширокая полоса прорыва, внедрившегося в территорию, занятую противником. По этой причине пленных пришлось размещать здесь же, в Тарьяне, к тому же организовав круговую оборону.

Связавшись по радио с комдивом, командир артполка доложил о местонахождении, но как полк туда прошёл, и какие обстоятельства возникли в самом населённом пункте, сообщать через радиосвязь не рискнул.

Наш же стрелковый полк, выполнив боевой приказ, т. е. добравшись до Тарьяна, простоял до вечера, когда получил приказ продолжить наступление, на этот раз, идя по шоссе на запад. Изменение направления движения (до этого мы шли прямо на север) говорило о том, что части, действующие вместе с

нами, севернее вышли к Дунаю, а значит, будапештская группировка противника отрезана от Германии двумя линиями, где войска 46-й Армии составляли внутренний фронт окружения, а войска нашей, 4-й Армии – внешний. Поворотом на запад мы расширяли коридор, отделяющий будапештский котёл от основных немецких войск.

Стрелковые батальоны двинулись вперёд, докладывая комполка, что идут, не встречая противника; штаб перемещался тоже, а подполковник Маркелов, увидав меня, воскликнул:

- Плотников, пошли! Ходом, дня через два, будем в Вене! Пешком ты за мной не успеешь, так что давай садись в мою машину с радиостанциями!

Но в машину с радиостанциями сесть было некуда, – трофейный опель-капитан был слишком тесен. Поняв это комполка, сказал:

- Садись в машину к Старцеву!

И уже обращаясь к самому майору, добавил:

- Старцев, посадишь к себе в машину радистов и не отставай от меня. Ну, до Вены! – добавил он, захлопывая дверцу, и его машина ушла в темноту.

Майору Старцеву, как помощнику командира по МТО, первому в полку обзаведшемуся легковой машиной, совсем ни к чему было везти радистов, к тому же, как начальник по тылу, он зачастую должен быть сзади, но приказ есть приказ.

Радиостанции и я с двумя радистами кое-как поместились внутрь машины, а двум радистам пришлось сесть снаружи: одному – на запасное колесо, другому удалось взгромоздиться на крышу. Машина тронулась, – вперёд, на Вену! Но до столицы Австрии было ещё очень далеко.

Западнее Тарьяна шоссе идёт по открытой местности, затем, круто взбираясь в гору, пересекая лесной горный район, располагающийся между Дунаем и озером Балатон. Там, где шоссе, делая крутую петлю, поднимается в гору, стрелковые батальоны наткнулись на противника и залегли, окопавшись на подъёме (насколько можно было окопаться на каменистой почве).

Мы вовремя догнали автомобиль комполка до начала этого долгого подъёма метров за двести, на перекрёстке с другой дорогой, где стояла небольшая дощатая полосатая будочка, предназначенная для укрытия регулировщика от дождя. Здесь мы с радиостанциями высадились и, отойдя немного от шоссе, развернули рации. По обе стороны шоссе успели занять позиции батареи 3-го дивизиона артполка, у подъёма – полковая батарея и батарея 120-м/м миномётов.

На подъёме, слева от шоссе, почти вертикально поднималась вверх каменная скала, справа же местами были довольно ровные площадки, на одной из которых расположились боевые порядки 1-го и 3-го стрелковых батальонов. Вместе с ними находилась батарея САУ-76 противотанкового истребительного батальона. Выше же шоссе круто поднималось, прижатое с обоих боков высокими каменными стенами, за которыми, в ущелье, и находились вражеские части.

Обойти ущелье вблизи не позволяли почти отвесные обрывы, поэтому комполка решил, что 2-й батальон по горным тропам поднимется на гору и атакует неприятеля с тыла. Эту задачу он поручил своему заместителю, гв. подполковнику Гомолко, а пока бойцы 2-го батальона, с пулемётами и миномётами на плечах, преодолевали подъём, остальные, в напряжении, ждали.

Ночью опять подморозило, а за время этого наступления не выдержали мои кирзовые сапоги, так что, завёрнутые в портянки, пальцы ног выглядывали наружу, желая, то ли, увидеть пейзажи Венгрии, то ли мне показать, где местные венгерские раки зимуют (как говорят солдаты: «сапоги, разинув рот, просили каши»). Так вот, пальцы мёрзли, поэтому я вынужден былбеспрерывно ходить взад-вперёд по шоссе, от полосатой будки, метров двести на восток, потом – обратно.

Командир полка, подняв воротник шинели (он был в фуражке), укрылся в самой будке, но там было, пожалуй, ещё холоднее, чем наружи, потому что в многочисленные щели между дощечками задувал ветер.

В один из своих рейсов, отойдя от будки на восток метров сто, я почувствовал запах дыма, и спустившись под откос, увидел, что там, где под шоссе проходит водосточная труба (диаметром чуть больше метра), несколько солдат развели костёр и грелись около него. Я, по настоятельной просьбе своих замёрзших пальцев ног, подошёл к костру и среди сидящих узнал командира артдивизиона и ещё несколько офицеров-артиллеристов.

Дым от костра медленно двигался по «потолку» трубы, поэтому, когда поднимешь голову, сразу заходишься кашлем. Не особенно комфортное, но чуть более тёплое убежище от холода. Но зря я надеялся, мои ноги мёрзли и тут, даже при ходьбе кровь более активно гоняла остатки былого тепла. [Далее – тетрадь 70, от 1/II-70 г.] Тогда я вылез из трубы наружу, и в своих «прогулках» очередной раз подошёл к будке, в которой, согреваясь, «плясал», часто перестукивая ногами, наш комполка, и подзадорил его:

- Товарищ подполковник, вон артиллеристы лучше Вас устроились, – у костра греются.

- Ну, правда?! Ну-ка, покажи, где, – спросил он.

Я довёл его до трубы, посмотрел, как артиллеристы потеснились, предоставляя «гостю» самое тёплое место, у самого костра, и продолжил своё курсирование от будки и обратно.

Но недолго пришлось греться у костра гв. подполковнику Маркелову, т. к. вскоре его вызвал к радиостанции для переговоров комдив, который сообщил, что к нам в поддержку идёт «такое же, как Ваше, хозяйство коробочек» (т. е. танковый полк). Это была хорошая новость, и наш комполка воскликнул:

- Теперь живём, теперь воюем! – и стал энергично вызывать начальников служб и командиров подразделений, кого – лично, кого – по телефону.

Это известие настолько захватило его, так обрадовало, что он уже позабыл про холод, про то, что ещё недавно замерзал (даже не прикрытые уши раскраснелись от прилива тепла).

Чтобы ободрить и стрелковые батальоны, он сообщил комбатам о скором прибытии «коробочек», приказав сообщить это в роты.

Приехали кухни, привезли обед, но меня больше горячей еды обрадовало то, что Лущевский привёз мне сапоги. Сапоги были не наши (не кирзовые), а какие-то старинные мадьярские, с твёрдыми голенищами-бутылками и кисточками, но, за неимением других, пришлось переобуться в них. В целых сапогах, после сытного обеда, я согрелся.

Давно рассвело, но солнца сквозь низкие облака видно не было. И вдруг из ущелья, сверху, выскочили четыре немецких танка. Первыми же выстрелами они подбили две наши самоходки. Наша САУ-76 не осталась в долгу – подбила одного фрица, а вторым – ещё один вражеский танк. Экипажи вылезли из горящих машин и убежали к своим, в ущелье, туда же поспешили убраться и остальные танки, причём все эти события произошли буквально за 5 минут.

Один из подбитых немецких танков стоял на шоссе в середине подъёма. Снаряд нашей 76-м/м самоходной установки сшиб поддерживающий ролик гусеницы танка, поэтому вражеская машина на ходу уткнулась передом в кювет, а пушкой – почти упёрлась в отвесную скалу.

Наши артиллеристы залезли в этот танк и развернули башню на 180°, так, что теперь его ствол торчал вверх. Чтобы не пропадали снаряды (их в танке осталось не меньше сотни), они всех их выпустили по дуге в ущелье.

К этому моменту подошёл наш, обещанный танковый полк, хотя полком его можно было назвать с натяжкой – всего 16 машин. Танкисты ознакомились с обстановкой, а их разведчики проникли за гору.

И вот Т-34 выстроились на подъёме шоссе, один за другим, и первая машина, отделившись от остальных, на полной скорости скрылась в ущелье.

После того, как дорога по горé выходит из ущелья, она 100–120 метров идёт по открытому пространству, за которым вновь «ныряет» в «неизвестность» – входит в густой старинный дубовый лес. На опушке этого леса стоял немецкий танк.

Когда Т-34 на полной скорости сблизился с ним, раздались два, практически одновременных, выстрела. Наш танк резко остановился, к нему, вынырнув из ущелья, подъехал юркий «ГАЗ»ик. Раненных танкистов положили в него и увезли. А уже в это же время из ущелья вырвалась колонна остальных наших танков, которая, обогнув подбитого товарища, скрылась в лесу, а пехота поднялась из окопов и побежала вперёд, за танками, но разве за ними угонишься!

Обогнув лесом гору, шоссе, крутым поворотом в извилистой узкой ложбине, спускается в село [речь идёт о селе Várgesztes; которое автором, как и в штабных архивных документах, называется Агоштьян]. Когда мы подошли к этому селу, у самого входа в него, загородив полдороги, стоял подбитый немецкий танк, в центре селения – ещё одни, и третий – на выходе (всего, мы насчитали, семь подбитых немецких и один наш). Так, умело, быстро, смело, действовали наши танкисты! Наши солдаты и офицеры от их действий были в восторге:

- Вот это война! Вот это продвижение! Нам, чтобы вышибить немца с горы и села потребовался бы не один день, кто знает, может, и за неделю бы не управились, а танкисты-молодцы за несколько часов показали, кто в доме хозяин! Вот техника! Вот люди!

За селом дорога выходит в довольно глубокую долину. По правую её сторону возвышаются крутые склоны, покрытые дубовым лесом, а по левую – не особенно высокий ровный гребень. Дальше, дорога пересекает этот гребень, направляясь к небольшому городу Тата [Tata]. За горным гребнем, параллельным ему курсом, идёт железная дорога.

Между железнодорожным полотном и гребнем немцы оборудовали постоянную линию обороны, поэтому наше наступление было приостановлено, а стрелковые роты окопались на склоне гребня, по обе стороны шоссейной дороги; танкисты расположились тут же, поблизости. На вершине гребня были установлены зенитные батареи, предназначенные для прикрытия с воздуха

наших танков и пехоты. Там же, на одной из самых высоких точек гребня, был оборудован запасной командный пункт полка.

Место для наблюдательного пункта комполка было выбрано на правом фланге, на западном склоне горного гребня, на открытой местности, в одиноко стоявшем домике. Этот склон был почти на всём своём протяжении покрыт прямоугольниками виноградников, в которых расположилась часть артиллерии и зенитчики.

Оборона с нашей стороны получилась редкая, промежуток между 1-м (он стоял в центре) и 3-м батальонами – около 200 метров, а между 1-м и 2-м – целых семьсот, столько же – между соседним полком нашей дивизии. 2-й батальон занял позиции чуть позже, потому что (как было задумано командиром полка), его бойцы должны были, пройдя горами, атаковать немцев с тыла. Но получилось не так, как замышлялось.

Пробравшись по горным тропам, бойцы 2-го батальона опустились с гребня, вклинившись в расположение противника, сами были атакованы немцами, боевые порядки которых были насыщены самоходными орудиями, наши же не могли быть поддержаны даже 45-м/м пушками.

Когда подполковник Гомолко доложил о складывающейся обстановке командиру полка, добавив, что немецкие самоходки находятся совсем недалеко от него самого и от радиостанции и могут вот-вот раздавить, комполка разрешил передвинуть батальон на другое место, в лес, где не могли действовать танки и другая техника противника. Чуть позже 2-й батальон занял оборону в линию с другими батальонами полка.

Шли последние дни (даже – часы) декабря 1944 года, стоял лёгкий морозец, земля была покрыта очень тонким слоем снега. Дом, в котором расположился комполка, имел комнату, кухоньку с плитой и сенки. В комнате поселился сам подполковник Маркелов, капитан Рябчиков (ПНШ-1, временно исполняющий обязанности начштаба, вместо гв. майора Волкова, выбывшего из полка для учёбы в академии), а в маленькой кухне установили радиостанции

и телефонный аппарат, в ней отдыхали телефонисты и радисты, здесь же располагался и начсвязи полка гв. капитан Попов.

Охраняли командный пункт десять автоматчиков из 2-й роты автоматчиков. Хождение около КП, а также топка печи были запрещены, т. к. домик этот стоял на открытом месте, хорошо просматриваемом противником.

Только здесь, когда продвижение нашей дивизии вперёд остановилось, мы узнали о том, что в Будапеште прочно окружена крупная группировка немецко-венгерских войск. Правее нас, на берегу Дуная, была захвачена станция железной дороги, где в числе наших трофеев оказались 30 новеньких немецких танков, стоящих на платформах.

Дежурный телефонист из дивизионной роты связи рассказал нам, что из будапештского котла вырвалось несколько тысяч немецких солдат, посаженных на коней, поэтому приказано подтянуть ближе к боевым порядкам тылы, чтобы они не подверглись нападению этой конной фашистской банды.

Штаб дивизии был расположен в селе, поэтому туда были стянуты и тылы части, в том числе – медсанбат. А для преследования и уничтожение этой конной группы противника, гулявшей в тылах наших войск, направлялась мехбригада, до этого взаимодействующая с нашей дивизией. Танки снялись и ушли, этим наши боевые порядки оголились ещё сильнее, а тут ещё снялись и зенитчики.

31 декабря командир полка был в штабе дивизии. Приехав оттуда, он рассказал, что по данным разведки, противник подтянул к нашему фронту 18 дивизий, большинство из которых – танковые СС (он перечислил все их по названиям). Очевидно, враг готовит удар с целью деблокирования группировки, окружённой в Будапеште. К сожалению, нашей разведке не удалось установить, где предполагается нанесение этого удара. Не исключена вероятность, что попытка эта будет предпринята на участке нашего полка.

В особенности беспокоился компполка за 2-й батальон, стоявший на левом фланге, в отрыве от остальных сил полка. Он связался со своим заместителем

(подполковником Гомолко), который до сих пор находился в этом батальоне, и дал ему ряд указаний о мерах, которые необходимо срочно предпринять для усиления обороны.

Стемнело. Близился Новый, 1945, год, – год, в который, мы надеялись, война будет закончена, и, наконец, начнётся мирная жизнь.

Телефонисты где-то достали немного виноградного вина, и решили отметить Новый год вином с оладьями. Затопили плиту, но адъютант комполка стал ругаться, что надымили в комнате, приказав затушить огонь. Тогда решили ограничиться только вином, оставив оладьи до другого случая.

Ночь прошла спокойно. Утром комполка уехал во 2-й стр. батальон, на КП остался гв. капитан Рябчиков и начсвязи гв. капитан Попов. День также прошёл спокойно – противник не проявлял особой активности, но и не вёл себя подозрительно тихо (как часто бывает перед наступлением).

Первые, более серьёзные, атаки со стороны врага, начались в 22 часа 1 января, но эти атаки были успешно отбиты. Более мощные атаки противник начал в 2 часа ночи 2 января – на редкую оборону дивизии обрушился мощный удар всего 4-го танкового корпуса СС, в составе пяти танковых и трёх пехотных дивизий. Действия этой ударной группы поддерживали 775 самолётов и 50 артиллерийских и миномётных батарей! Почти весь этот страшнейший удар был направлен на позиции нашего полка.

Вот как об этом написано в книге «Будапешт, Вена, Прага» под редакцией Маршала Советского Союза Малиновского Г. Я.: «Ожесточённые бои развернулись в полосе обороны 80-й гвардейской стрелковой дивизии, главным образом, на участке 232-го гвардейского стрелкового полка».

А эта полоса обороны, по данным вышеуказанной книги, была очень редка: «Плотность обороны, например, в 80-й гвардейской стрелковой дивизии составляла 275 активных штыков, 10 ручных и 5 станковых пулемётов, 7 противотанковых ружей, 13 орудий и миномётов на один километр фронта» (стр. 106).

Это на порядок меньше, по сравнению с противником, который смог «... сосредоточить на участке прорыва в полосе обороны 80-й гвардейской стрелковой дивизии (12 километров) 145 орудий и миномётов, 50 танков и штурмовых орудий на один километр фронта» (стр. 106).

Волна за волной, без всякого перерыва, накатывались штурмующие цепи врага на нашу оборону. Отражённые огнём наших пулемётов, миномётов и орудий, они откатывались назад, а из-за них сразу же появлялась другая цепь. Но и она вынуждена была отойти назад. Миномётчики из 120-м/м орудий мину за миной посылали туда, куда просили стрелки.

Но вот крупные группы противника проникли через стыки в тыл обороняющихся стрелковых батальонов, немецкие автоматчики атакуют позиции миномётчиков. Тогда часть (около половины) миномётчиков отражает эту атаку огнём из карабинов и штыками, остальные же продолжают вести обстрел, согласно координации со стрелковыми батальонами. Ряды миномётчиков редеют, поэтому огонь уже не такой плотный. То же произошло и с артиллерийской батареей.

В результате ослабления артиллерийского огня противник проник в нашу оборону, и уже ворвался на наблюдательный пункт миномётной батареи, и командующий её огнём гв. старшина Николай Шадрин вызывает огонь на себя.

Мина за миной летят из горячих стволов, и через несколько секунд там, где был НП батареи, всё перепахано взрывами. Теперь уже некому командовать огнём, да и стрелять уже нет возможности: огневые позиции обстреливает подошедший танк, кончаются собственные боеприпасы.

Тогда миномётчики взваливают на спины и тяжёлые стволы, и ещё более тяжёлые плиты и, под прикрытием небольшой группы своих товарищей, отходят в лес. Лишённые огневой поддержки, 1-й и 3-й стр. батальоны уже не могут противостоять многократно превосходящей силе и плотности вражеского огня. Много товарищей осталось лежать бездыханными на том месте, где их

застала пуля или настиг снаряд, выпущенные противником, но ещё больше (в несколько раз больше) на этом поле боя лежало фашистов.

Командир дивизии выдвинул на участок нашего полка противотанково-истребительный дивизион самоходных орудий, но те смогли лишь на немного задержать танки противника на шоссе. Было поздно – большие группы противника и его танков проникли к нам в тыл.

Одна из таких групп атаковала командный пункт нашего полка. Гв. капитан Рябчиков выскочил наружу, чтобы организовать оборону. Я тоже, оставив в доме радистов с аппаратами и капитаном Поповым, выскочил на улицу, при этом оставив внутри свою полевую сумку с документами радиосвязи.

Огонь десятка наших автоматчиков не смог остановить противника, вот уже немцы бросают гранаты, одна из них ударила в стену дома. Я понял, что пора выводить радиостанцию, может быть, ещё есть шанс. Кинулся в дом, но не нашёл там ни радистов, ни капитана Попова, ни радиостанций. Опять выскочил к автоматчикам [далее – тетрадь 71, от 7/II-70 г.], но и их не оказалось на том, месте, где были вот, только что, и капитан Рябчиков куда-то подевался. Всё, что осталось из знакомого мне – разрывные немецкие пули, чикающие рядом, но, не понятно, откуда прилетающие.

Переложив наган из кобуры в карман, я, пригнувшись и перебежками, направился вдоль гребня к запасному командному пункту, обвиняя себя в том, что, хотя всего и на пару минут, и с начальником связи, но оставил радиостанции. Куда направились радисты, где искать, что говорить комполка?

На запасном КП я не был и его расположение представлял смутно. Самое плохое в моём положении было то, что я был один. Недаром старая солдатская пословица говорит: «Один солдат – солдат, два солдата – рота» (т. е. уже подразделение, способное решать задачи, гораздо более масштабные). Но я надеялся, что вскоре кого-нибудь из своих встречу, и мы составим, если не

роту, то взвод Советской Армии, которым способны будем успешно действовать.

С этими мыслями шёл по покрытой минимальным слоем снега земле, то резко пересекая открытые участки, то затаиваясь в тени виноградников и прислушиваясь к окружающим звукам. Вдруг заметил впереди какое-то движение! Но кто там: свои или фашисты? Рука инстинктивно крепче сжала рукоятку пистолета.

Ещё сосредоточеннее вслушиваюсь и, к радости, различаю русскую речь, после чего решительно выхожу из-за кустов и вижу домик, около которого стоят несколько солдат. Насколько же я был счастлив, застав в этом домишке всех, кто мне нужен, в том числе, тех, чей след потерял я некоторое время назад. На запасном КП (а это оказался он) находились комполка, и. о. начштаба капитан Рябчиков, начсвязи капитан Попов и все мои радисты с радиостанциями.

Сержант Тахаев, сидя у дивизионной радиостанции, безрезультатно пытался установить связь со штабом дивизии. Отправляемые им позывные каждый раз оставались без ответа, а это означало, что радиостанция штадива почему-то не работала, ведь расстояние до неё было не больше четырёх километров (при такой дистанции связь должна быть уверенной).

Телефонной связи тоже не было. Телефонист с привязанной к голове телефонной трубкой беспрерывно повторял позывные, но, как говорится, ни привета, ни ответа, – скорее всего, порыв. Два, посланных проверить линию, телефониста не вернулись, начсвязи отправляет третьего.

Я, чтобы сориентироваться в ситуации, вышел из дома, повернулся на запад, – слева от шоссе, у которого стоял дом, шёл сильный бой: были слышны частые разрывы снарядов, в промежутке между которыми доносилась работа станковых пулемётов. Значит, немцы до сих пор атакуют. А вот справа бой затихал, но было не понятно: то ли потому что атака немцев была отбита, то ли

потому что не осталось защитников в нашей траншее. О последнем даже не хотелось думать.

Тут послышались шаги сзади, – я оборачиваюсь и вижу, как снизу, из темноты выходят на открытое место и направляются к дому два солдата с зачехлёнными знамёнами на плече, а за ними, с карабинами на ремне ПНШ-4 гв. лейтенант Гаврилов и комендант полка гв. лейтенант Пешков. Зашли в дом.

Командир полка, увидав знамёна, обрадовался:

- Теперь я спокоен – знамёна со мной! Вот молодцы!

Он обнял Пешкова, несмотря на то, что тот был значительно выше его самого, приподнял и в порыве чувств поцеловал в щёку.

Радость тоже, видать, не ходит одна, – телефонист в этот момент доложил, что связь восстановлена, и начштадив полковник Камышников на проводе. Подполковник Маркелов доложил обстановку, сообщив, что через боевые порядки полка прошли значительные силы противника – танки и пехота.

- Ждите, сейчас они будут у вас, – закончил он свой доклад.

- Но-но, они до нас не дойдут, у меня сапёрный батальон есть, – ответил полковник Камышников, и связь опять оборвалась.

Вернувшийся с линии телефонист доложил:

- Товарищ командир полка, в ложбине, по направлению к селу Агоштьян [Várgesztes], через телефонную линию прошли танки противника и вырвали порядочный кусок кабеля. Линию я соединил.

- Молодец! Я только что говорил с штадивом через твою линию, но её хватило лишь на две минуты. Ты же знаешь, где это злосчастное место. Иди ещё раз, сынок, подладь! – сказал телефонисту командир полка, и тот, перебросив карабин, пошёл второй раз проверять кабель.

По радио связи с дивизией по-прежнему не было, а через некоторое время вернулся телефонист, сообщив, что в селе немцы, а КП дивизии там нет.

К командиру полка обратился, вошедший в дом командир САУ-76, стоявшей на шоссе:

- Товарищ гвардии подполковник, на меня по дороге надвигается немецкий «Тигр», мои снаряды его чёртову броню не берут! Дайте пехотное прикрытие, иначе он меня заглушит.

К этому моменту на КП собрались человек тридцать бойцов, вооружённых карабинами, автоматами и пистолетами, но ни пулемётов, ни гранат ни у кого не было.

Комполка оглянулся вокруг и, остановив свой взгляд на длинной фигуре мл. лейтенанта Трибунского, ведавшего снабжением полка ГМС [горюче-смазочными материалами], приказал ему:

- Трибунский, возьмите гранаты и подбейте «Тигр»!

- Есть! (ответил младший лейтенант командиру) Дайте кто-нибудь гранату! – обратился он к присутствующим.

У дежурного телефониста нашлась РГД, схватив её за длинную рукоятку, Трибунский выскочил из дома, затем лёг и ползком стал приближаться к немецкому танку. Вот он приподнялся и бросил гранату, танк остановился, но только на минуту. В это время наша самоходка пятилась по шоссе назад.

Когда «Тигр» поравнялся с домиком, где находился наш КП, комполка приказал всем:

- Все за мной!

Мы спустились в долину и, повернув направо, пошли к селу, минуя место, где совсем недавно были позиции наших миномётчиков (сейчас же, находившиеся слева от нас, окопы были пусты, за исключением нескольких тел убитых солдат).

Тут со стороны села послышались автоматные очереди, и вокруг нас засвистели пули, но раз слышишь, – значит, пролетела мимо. Мы резко свернули налево, в гору, заросшую лесом. Так мы скоро вышли на правый фланг обороны дивизии, к КП 230-го гв. стр. полка.

Здесь радисты развернули радиостанции. По требованию комполка я начал вызывать 2-й стрелковый батальон; вскоре связь была установлена.

- Гомолко! Что у тебя там? – закричал подполковник Маркелов.

- Ведём бой с превосходящими силами противника. Траншею не удержали. Сейчас 10 с лишним самоходок атакуют КП, ближняя – в 50 метрах. Прошу разрешения отойти в горы, чтобы сохранить людей! – ответил его зам.

Пока подполковник смотрел в карту, видать, решая, куда направить 2-й батальон, их радист отбил ключом «Самоходки», и связь прекратилась. Больше на вызовы никто не отвечал.

На следующий день (2 января), к вечеру, и 230-й полк, с которым мы стояли последние часы, снялся с позиций и отошёл в лесной горный массив. Наша группа осталась прикрывать их отход, правда, к этому моменту противник не проявлял активности. Когда же на рассвете мы тоже стали отходить немецкие танки следовали за нами, держась на значительной дистанции и не приближаясь.

К ночи в лесу, в горах, сосредоточились 171-й артиллерийский и 217-й с 230-м стрелковые полки, а также группа 232-го стр. полка, состоящая всего из 40 человек (во главе с командиром); здесь же был подполковник Матвеев, заместитель командира дивизии.

Группа нашего полка расположилась на ночь в небольшом мадьярском селении, покинутом жителями. Комполка выставил вокруг села парные патрули, приказал мне установить связь со 2-м батальном. Когда из села мне этого сделать не удалось, я решил попытаться установить связь, вынеся станцию за село, на высоту. Для этого дела комендант полка дал мне в охрану двух автоматчиков.

Два часа я продолжал попытки связаться со 2-м стрелковым батальоном, но все они оказались безуспешными, т. ч. пришлось вернуться в село ни с чем.

В одном из домов, в котором поселился комполка, я прилёг соснуть, но лишь только задремал, зашёл автоматчик и доложил:

- Товарищ комполка, к селу приближаются немецкие автоматчики!

- Подымай всех быстро! Только, смотри, чтобы без тревоги! – приказал подполковник Маркелов коменданту, очевидно, имея в виду «без паники».

Мы тут же покинули село Агоштьян, спустившись в глубокую узкую долину, лежащую между высоких гор (и долина, и склоны гор были покрыты лесом, что облегчало маскировку). Устроиться спать пришлось прямо на снегу.

Из села́ солдаты захватили несколько булок домашнего хлеба, а также – несколько кусков копчёного «венгерского» сала. Голодными мы не были, а вот помёрзнуть пришлось, поэтому ели для поддержания остатков тепла в организме.

С рассветом были составлены списки солдат и офицеров; набралось к этому времени около 80 человек, которые были разбиты на две роты, внутри рот на взводы, в которых назначили командиров. Кроме прочего, выяснилась ещё одна проблема – оружия было мало, и критически мало патронов.

Над лесом, то и дело, пролетали, гудя моторами, девятки Ил`ов, затем было слышно, как с шипением от них отлетали реактивные снаряды (нам, в лесу, не было видно их полёта).

Комполка приказал мне ещё раз попытаться установить связь со 2-м батальоном, для чего я и радисты забрались на высокую скалистую гору. Увы, связь установить вновь не удалось. Не было связи и со штадивом.

Радиоданных штаба корпуса полковые радиостанции не имели, но связаться с этим, вышестоящим штабом получилось через артиллерийские радиосети.

К этому времени немецкие танковые части заняли село Тарьян (неделю назад взятое под контроль нашим полком, совместно с артполком полковника Жарикова), бои шли на подходе к городу Бичке [Bicske].

По радио был получен приказ 217-му и 230-му стрелковым полкам, вместе с 171-м артиллерийским, выходить из окружения по шоссе, через Тарьян, с боем, а нашей группе 232-го гв. стр. полка, не имевшей обозов и

техники, – выходить лесами. Место, где можно было пересечь линию фронта, было рекомендовано на стыке двух немецких частей, близ городка [посёлка] Чаквар.

Под вечер наша группа тронулась на выход; мы стали выходить лесными дорожками и тропинками. Позже, когда стемнело, мы видели в некоторых местах, как по шоссе почти беспрерывно двигались с включенными фарами немецкая техника. Нам удалось набрести на лесную сторожку, где мы захватили лесника, взяв его проводником.

Шёл он впереди, с двумя нашими разведчиками. Но вскоре, поняв, что стрелять мы не будем, неожиданно свернув с дороги, бросился бегом в лес, а разведчики сразу его догнать не смогли, а позже это было бы связано с ещё большими рисками.

Идти по морозному воздуху было легко, правда, хотелось пить, а воды у нас не было, так что утолить жажду не получалось. Ещё более мучительно хотелось покурить, и на одном из привалов я, не вытерпел, закрывшись плотно плащ-палаткой, выкурил самокрутку.

На следующем привале ко мне подошёл адъютант комполка и попросил одолжить для подполковника Маркелова плащ-палатку, добавив, что минут через десять вернёт. Я удивился, зачем командиру моя потрёпанная, если у него есть своя, новенькая плащ-палатка. Оказалось, что подполковник заметил на предыдущем привале мою уловку с курением, и это мне удалось сделать, не демаскируя нас, поэтому командир решил, что лучшая конспирация – проверенная, и взял именно мою плащ-палатку, зная, что ей он также надёжно укроется, когда будет курить.

Для того, чтобы выйти к линии фронта в назначенном месте, нам надо было пересечь шоссе. Удобнее всего это было сделать там, где оно проходило через лес. Вот, в промежутке между двух гор, где шоссе, пройдя глубокую выемку в одной горе, шло по невысокой насыпи через долину, а затем опять

уходило в другую глубокую выемку (уже в следующей горе), было решено переходить шоссе.

Приказав всем ждать в лесу, метрах в ста от шоссе, командир полка с двумя разведчиками подошёл вплотную к дороге, чтобы проследить за движением на нём и выбрать наилучший момент для перехода. Мы, оставшись дожидаться команды, забрались в глубокую воронку (от взрыва крупной авиабомбы) и улеглись в ней на снегу, прислушиваясь, как по трассе, то и дело, шумя моторами, проходят автомашины. Иногда этот шум заглушался лязгом гусениц, значит, шли танки.

Минут через тридцать подошёл комполка и шёпотом приказал всем быстро следовать за ним. Оказывается, на шоссе остановилось несколько бронетранспортёров, из которых высадились автоматчики, чтобы прочёсывать лес. Мы быстро выскочили из воронки и быстрым шагом стали круто подниматься в гору, заросшую лесом.

Бывший с нами врач, старший лейтенант медицинской службы Поперечный, так утомился за время марша, что в воронке заснул и не слышал, когда мы уходили. Проснулся он, услышав немецкую речь подходивших автоматчиков. Поняв, что его вот-вот схватят немцы и потащат в плен (а он уже был в плену, в лагере для военнопленных, и знал, что это такое), он соскочил и бегом бросился в лес, в гору, подальше от ненавистного немецкого говора, случайно угадав направление, в котором ушли мы. Вскоре он, тяжело дыша, присоединился к общей группе.

Когда мы зашли на гору, над шоссе, тихо журча моторами, летел наш родной У-2 (кукурузник). Шум мотора прекратился (лётчик выключил мотор), засвистела бомба, и на шоссе раздался взрыв.

На горé мы опять подошли к шоссе, в этом месте, чтобы его пересечь, надо было опускаться вниз почти по отвесному склону, потом пробежать метром 50 по лесу, собственно миновать саму дорогу, затем метров 20 по кустарнику и вновь – по крутому склону, ужé вверх.

У спуска остановились, затем кое-как спустились вниз, но на шоссе в этот момент стояли две немецкие машины (очевидно, одна из них была подбита взрывом бомбы, и теперь четыре немца возились с ней). [Далее – тетрадь 72, от 8/II-70 г.] Но что нам (а нас-то, между прочим, 80 человек) четверо, к тому же, явно, «нестроевых», фрицев!

Последовала команда «Оружие к бою!», – автоматчики сняли с шеи свои ППШ [пистолет-пулемет Шпагина], офицеры вынули пистолеты (я выдернул из кармана наган и поднял перед собой). «Огонь!», смотрю рядом со мной замполит полка вскинул руку с пистолетом вверх, я тоже нажал спусковой крючок. Раздалась серия пистолетных выстрелов, с секундной задержкой их заглушили, окончательно разрезав оставшиеся промежутки тишины, звуки очередей десятков наших автоматов, и мы кинулись вперёд.

Быстро, как только могли наши ноги, мы перебежали лесок, прыжок через кювет, и мы – на шоссе, секунда и ещё один прыжок, уже на другую обочину дроги. Моментально преодолели кустарник, но в это время что-то дёргает меня за ноги, и я с размаху падаю носом в кусты. Оказывается, шоссе в этом месте было огорожено проволокой, протянутой по столбикам, высотой сантиметров в тридцать. Днём такое препятствие можно было заметить, а ночью проволоки не видно, поэтому все, кто бежал впереди, попадали, задние же учли наш опыт и перепрыгивали через это препятствие (я был впереди, т. к., чего-чего, а бегать умел).

Тут же вскочили на ноги и, почти не замедляя бега по очень крутому склону, забежали на гору. Уже во время подъёма сзади нас, где-то на шоссе, раздались автоматные очереди, это прибавило сил и заставило, не обращая внимания на бешено колотившееся сердце, не сбавлять скорости. На горе перешли на шаг, минут через десять отдышавшись.

Мысленно оглядываясь назад, мы понимали, что в нормальных условиях почти никто из нас не смог бы бегом забежать в гору такой крутизны подъёма, но под влиянием опасности человек способен на сверхусилие. Что подгоняло

нас? – Боязнь? Или просто нежелание попасть в руки фашистов? Правильнее, честнее назвать это инстинктом самосохранения, когда ты, наученный опытом страшной войны, реально осознаёшь опасность, в данном случае, – плена и, скорее всего, смерти, оценивая возможности свои и своих товарищей.

Когда, отдышавшись, мы стали в состоянии соображать нормально, я проверил, все ли радисты здесь, не побросал ли кто радиостанции. Оказалось, что оторвалась лямка у одной упаковки, радист (Щечилин) хотел её бросить, но подбежавший напарник помог ему, поддержав на бегу ношу на его спине. Теперь, продолжая идти, они прикрепляли кабелем оборванный кусок.

Пришлось немного задержаться, чтобы помочь надёжнее зафиксировать эту упаковку, а в это время мимо нас по лесу шли и шли солдаты. Я обратил внимание, что нас стало очень много, – не группа в 80 человек, а несколько сотен бойцов.

Когда пошли дальше, я спросил идущего рядом сержанта, какого они полка. Тот ответил, поправляя на плече погон, смятый ремнём карабина, что он из артполка. Закурили, разговорились. Он рассказал, как они пытались пробиться по шоссе через село Тарьян, но не смогли этого сделать. Пришлось, приведя в негодность орудия, бросить их в лесу (кстати, стрелковым ротам пришлось бросить обозы). Раненных (не способных передвигаться самостоятельно) пришлось оставить с врачом, вынести не было никакой возможности.

Ночью 171-й артиллерийский, 217-й и 230-й стрелковые полки двинулись тем же направлением, что и наша группа. Подойдя к шоссе, они увидели небольшую колонну танков, остановившуюся между двух выемок. В это время, левее по дороге, поднялась стрельба (это мы, перед тем, как пересечь шоссе, открыли огонь). Танкисты-немцы в панике кинулись врассыпную по кустам, даже те, которые до этого сидели в танках, выпрыгивали из люков и бежали в кустарники. Тогда артиллеристы, с криком «Ура!» и автоматным огнём, бросились мимо танков, пересекая шоссе, поднимаясь в гору, где скоро догнали

нас, почти одной волной с ними пересекли эту трассу бойцы 217-го и 230-го полков.

- Очень обидно, что у нас не было ни одной гранаты, – нечем подорвать танки¸ – добавил в конце своего рассказа артиллерист.

Таким образом, в начатом нами прорыве собралась почти вся дивизия, хотя и разбитая, без материальной части, но не уничтоженная. Зам. командира дивизии подполковник Матвеев заболел, и вывод из окружения возглавлял командир нашего 232-го гв. стр. полка (хотя он, по порядку, в дивизии был не первым, а третьим) подполковник Маркелов Иван Иванович.

Не представляю, как он ориентировался в густом (хотя и – голом, без листьев) лесу, ночью, в сильно пересечённой местности. Идти по компасу он не мог, потому что направление всё время менялось (из-за рельефа, из-за обстоятельств, связанных с действиями противника), мы ни разу не шли по прямой линии. Ни звёзд, ни солнца на небе видно не было, но вывел он нас лучше, чем какой-нибудь местный проводник, прямо к тому месту, куда и было назначено – на стык двух немецких частей.

Перед переходом линии фронта мы расположились на горе, в редком лесу. Впереди нас, на востоке, и чуть левее, в глубокой долине, между гор, лежал посёлок. На западной его окраине стояло несколько сараев (кажется, кирпичных), по краям этих сараев можно было заметить замаскированные противотанковые орудия.

Шоссе проходило через этот посёлок, и когда рассвело, на него двинулись несколько десятков немецких танков. Нам сверху было хорошо видно, как длинные коробки танков, рассыпавшись по обе стороны шоссе, довольно быстро катились на посёлок, изредка стреляя на ходу.

Защитники посёлка молчали. Мы про себя торопили их: «Ну, стреляйте же, стреляйте скорее, ведь они сейчас раздавят вас!». Но у артиллеристов выдержки было больше, чем у нас. Только подпустив танки на расстояние

прямого выстрела, стоявшие у сараев орудия (которых оказалось не два, как мы думали, а больше) открыли частый огонь.

Тут обнаружился ещё один «подарочек» для немцев, – из-за крыши сарая полетели, описывая крутую дугу, ракеты «Катюш», а скоро до нас донеслась ослабленная расстоянием «катюшина музыка».

Бег танков сначала замедлился, а потом они совсем остановились. Некоторые машины беспомощно замерли, потому что, стараниями наших артиллеристов, оказались без гусениц, без башни или дымили подбитым мотором. Те немецкие танкисты, чьи машины ещё не получил порцию «горячего» из «русских самоваров», перевели рычаги на задний ход, ползя назад, сначала, будто бы нехотя, затем – всё ускоряясь, видать, вспомнив, что дома, в Германии, у них молоко на плите убегает, и его надо срочно выключить. Большая часть, первоначально так смело направлявшихся к посёлку, немецких танков уже никуда не спешила, оставшись наглядным уроком для тех, кто ещё раз попробует сюда сунуться.

Эскадрильи немецких бомбардировщиков пытались подавить артбатареи и «Катюши», но наши «ястребки» быстро разогнали самолёты противника.

Мощным гулом моторов заявили о своём появлении наши Ил`ы; их девятки неслись, казалось, над самой землёй, – наши «летающие танки» пошли добивать немецких наземных. Где они выпускали свои ракеты, нам видно не было, но вот, почти прямо над нами, пошла на разворот одна из девяток, а между самолётами видны клубы разрывов зенитных снарядов.

Один из «Ил`ов задымил, из него выпрыгнул комочек, над которым скоро развернулся парашют. Лётчик опустился в лес, а самолёт врезался в землю где-то, вдали от нас. Через несколько минут лётчик вышел прямо к нам, окончательно убедившись, что мы русские, он, конечно, обрадовался:

- Вот повезло – опустился к своим! А ведь так не хотелось спускаться к земле, думал, к немцам приземляюсь, уж приготовил последний патрон для себя.

Мы ему объяснили, что он, как и мы, пока ещё в немецком тылу. А, главное, мы начали беспокоиться, что артиллеристы, показавшие свою меткость на вражеских «Тиграх», заметив нас в этом редком лесу и приняв за скопление пехоты противника, ударят по нам «Катюшами» или сообщат лётчикам. Тогда нам придётся туго или совсем плохо.

В течение дня ещё несколько раз немецкие танки предпринимали попытки ворваться в посёлок, но каждый раз история повторялась, – получив «по шее», «Тигры» отползали назад, оставив на поле боя часть своего звериного племени. В одной из своих попыток немцам удалось поджечь левый (от дороги) сарай, но наши артиллеристы умели маскироваться и в дыму пожара, и, позже, в остатках этого сарая.

После бессонной ночи хотелось спать, кроме того, не знаю, как другие, а я во время ночного бега пропотел, а сейчас, находясь без движения, мёрз. А ещё, после еды всухомятку венгерского сала с хлебом, мучала жажда, которую снегом утолить не удавалось.

Решив согреться и заснуть, я завернулся в плащ-палатку, но, когда немного согрелся, позволяя сну выключить хотя бы часть настороженного внимания, меня разбудил капитан Алексейцев (нач. ОВС полка):

- Плотников, вставай! Нельзя спать на снегу, – простынешь.

Пришлось вылезти из плащ-палатки и сказать всё, что я думаю о его и своём здоровье. Опять завернулся, вновь чуть согрелся и только, секунд на пять, отдался сну, – Алексейцев нашёл ещё какой-то повод позвать меня. В-общем, как я ни призывал его оставить меня в покое, нач. ОВС сОВСем не дал мне поспать.

Пока у посёлка шли бои, а мы прятались, бродили, отлёживались в находящемся поблизости реденьком лесочке, гв. капитан Каштанов, начальник разведки 230-го гв. стр. полка днём перешёл линию фронта и договорился с артиллеристами, что на сумерках они артогнём подавят пулемёт,

прикрывающий стык двух немецких частей, а в образовавшийся прорыв наша дивизия выйдет к своим. С этой новостью он вернулся к нам.

В сумерках перед нами раздались взрывы нескольких снарядов, и мы цепочкой, бегом спустились вниз, а затем поднялись на соседнюю гору, оказавшись на «своей» земле. С этого момента сократили шаг, построились в колонну и, сойдя по противоположному склону, вошли в какой-то посёлок.

В самом посёлке дорога поднималась на мост, перекинутый через небольшую реку. Когда колонна подошла к мосту, солдаты и офицеры, будто по команде «Воздух!», рассыпались по обе стороны дороги и кинулись к реке. Здесь, лёжа на животе, слегка опираясь на согнутые руки, я губами прильнул к холодному потоку и с наслаждением тянул воду в себя. Рядом с тем же чувством восторга пили прямо из реки ещё сотни моих сослуживцев. Казалось, что такой вкусной воды мы не пили никогда! Может быть, речка эта была мутна, и в обычное время мы бы с отвращением прошли мимо, даже не представляя, что из неё можно пить. Но сейчас для нас не существовало ничего лучше! Только от души напившись этой водички, мы вышли на дорогу, опять построились в колонну и направились в село, в котором нам предстояло отдохнуть.

В селе разошлись по избам, в тепле хорошо выспались. На следующий день, к вечеру, тронулись дальше, по направлению к городу Бичке, восточнее которого сосредотачивалась наша дивизия. Тут произошёл ничем не объяснимый (если не считать нервного состояния людей, которые последние несколько суток пытаются избежать почти неминуемой смерти, окружённые превосходящим в силе врагом), позорный для нас, гвардейцев, случай.

Наша небольшая колонна шла по дороге, между лесистых гор. Всё было спокойно, тихо, будто и войны никакой нет. И вдруг, неожиданно, впереди нас раздались, одна за другой, несколько коротких пулемётных очередей. Это так подействовало на всех идущих, что колонна повернула назад, и все, кто в ней находились, бросились наутёк.

Где-то через минуту мы опомнились и, опустив голову, уперев глаза в землю, не глядя друг на друга, стали возвращаться на свои места в строю, а командир полка стоял на том месте, где нас застали эти обычные для войны звуки пулемёта, и укоризненно смотрел на свою опозорившуюся гвардию. Дождавшись, когда все окажутся в строю, он тихо, даже не скомандовал – сказал:

- Шагом марш, – и, повернувшись, пошёл вперёд.

Километра через полтора мы увидели одиноко стоящий дом, а около него – несколько солдат, возившихся с пулемётами Дегтярёва. Очевидно, здесь разместилась, оружейная мастерская одной из частей. Испытывая отремонтированный пулемёт, они и напугали нас. Остаток марша прошёл уже без эксцессов, если не принимать во внимание, что всё это время, с каждым часом всё сильнее мы чесались, т. к. за время выхода из окружения почти весь личный состав обовшивел. Как быстро размножаются эти твари!

Западнее города Бичке танковые дивизии немцев, которые должны были деблокировать окружённую в Будапеште группировку, были остановлены. Здесь теперь шли тяжёлые бои, а нам нужно было занять отведённое нам место, восточнее города; здесь мы нашли стрелковые батальоны нашего полка, – 1-й и 3-й отошли сюда ещё 2 января, сразу после того, как их попытка остановить немцев на склонах горы у Агоштьян [Várgesztes] потерпела неудачу. 2-й стр. батальон во главе с гв. подполковником Гомолко вышел из окружения на сутки раньше нас.

Здесь же нашлась и часть полкового обоза. Повозочный (мой однофамилец) Плотников Нестор Харитонович сумел вывезти все дела части. Когда 2 января обоз отходил под бомбёжкой, погибли начфин полка и нач. ПФС полка. Почти всё имущество проводной связи – кабель и аппараты – сохранить не удалось. Имущество радиосвязи было всё налицо, за исключением радиостанции 2-го батальона, разбитой осколком снаряда. Аккумуляторы были все целы, кроме того, повозочным Лущевским были вывезены и все резервные

аккумуляторы НКН-100 (подобранные ещё под Сталинградом), а также – приёмник командира полка.

Стрелковые батальоны занимали оборону на указанном им месте, на случай прорыва немцами фронта, а штаб полка расположился в небольшом селе, куда я был направлен, чтобы установить приёмник комполка.

Пока я подключал приёмник, подполковник Маркелов пожаловался:

- Вот, Плотников, довоевались! А как дальше воевать будем? Связи-то нет (он имел ввиду, телефонной), а радио в обороне применять нельзя. Как я с комбатами разговаривать буду? А?

Мне очень хотелось успокоить командира, чем-то ему помочь. Но что я мог сделать? Слова же мои ему не были нужны. И тут я вспомнил, что, когда мы подходили к селу, около дороги валялись провода высоковольтной электролинии. Эти провода состояли из скрученной алюминиевой проволоки. Правда, она была голая, без изоляции, но алюминий всегда покрыт тонкой плёнкой оксида, что является хорошим изолятором. Такой провод сможет послужить хорошим телефонным кабелем, он будет гораздо лучше, чем колючая проволока, которую мы когда-то применяли для связи в Молдавии.

Всё это я и доложил комполка, который сразу же вызвал начсвязи, приказав ему подобрать кабель. Вот уже связисты с пустыми катушками за спиной отправились за село на сбор кабеля.

Скоро алюминиевые линии связи соединили штаб полка с командирами стрелковых батальонов. Единственный недостаток этих линий – их механическая слабость.

Телефонные аппараты, несколько штук, сохранились, а три – были налажены из присланных нам штабом Фронта неисправных (зам. начштаба Фронта был бывший наш зам. комдива по политчасти гв. полковник Шварев М. А., он и прислал нам откуда-то целую машину неисправной телефонной техники).

Вскоре меня вызвали к начсвязи дивизии. Я отправился пешком. Шёл по просёлочной зимней дорожке через лес. Дорога вилась по ложбине между высоких крутых холмов, склоны которых были покрыты голым лесом. Было тихо и тепло.

Вот, у развилки дороги, показался домик, окружённый кустарником. Солдат с карабином подкрадывался к курам, ходившим по кустарнику. Подошёл метра на два, потом ещё немного, вот до курицы уже можно рукой достать. Но та ближе не подпускает. Раздаётся выстрел, – и птица, хлопая крыльями, убегает в кустарник глубже. Солдат начинает следующую попытку ... – И так повторялось несколько раз, пока я приближался к дому.

[Далее – тетрадь 73, от 14/II-70 г.]

Я сразу понял, в чём дело, – карабин и винтовка имеют наименьший прицел на сто метров, а стрелять на два метра из них нельзя – пуля пройдёт выше мишени. Зная это, надо специально пристреляться. Так, этот солдат должен стрелять гораздо ближе курицы, чтобы попасть в неё.

В солдате я узнал телефониста из дивизионной роты связи, которая дежурила на промежуточной точке, расположенной в этом домике. Он мне признался, что курица его уже замучила, а сама всё равно либо погибнет с голода, либо лисица её утащит, но вот ему никак с ней справиться не удаётся.

Когда мы с ним, сев покурить, поговорили, и я объяснил ему, в чём его ошибка. Хотел помочь ему и подстрелить курицу из нагана, но вспомнил, что сам с наганом (при отсутствии свободных патронов) не освоился, из винтовки же я отлично стрелял на 200– 400 метров, с предельно малого же расстояния сам никогда не пробовал. Тогда я предложил телефонисту поймать курицу ящиком, как ребятишки в Сибири ловят голубей и воробьёв. Отдохнув, я пошёл дальше. За спиной выстрелов уже не раздавалось, видно, солдатик всё-таки справился «ящиковым» способом.

Когда я прибыл к начсвязи гв. майору Дудникову, он приказал мне доложить о наличии имущества радиосвязи, я сообщил о потере одной

радиостанции и о наличии полного комплекта аккумуляторов к имеющимся аппаратам. Он спросил:

- Ты мне лучше скажи, Плотников, аккумуляторы НКН-100 есть у тебя?

- Так точно, со Сталинграда возим. Запас, ведь, карман не тянет, - ответил ему я.

- В 24 часа сдай половину НКН-100 в дивизионную роту связи для выдачи их в полки, там у них большая часть имущества осталась не вынесенной из окружения.

Я, было, вспылил и хотел ответить категорическим отказом. В других полках аккумуляторы побросали, а мы всё спасли, так я же им должен отдать?! Но я сдержался, сжал рот крепко, так, что зубы поскрипывали. Подумав, понял, что всё равно придётся подчиниться, иначе дело страдает, ведь 217-й и 230-й полки – наши соседи в бою, а без радиосвязи они не боеспособны. Так я сам себе объяснил пользу такой помощи (при всей её несправедливости по отношению к нам), и ответил:

- Есть! Приказ будет выполнен.

В начале нашего разговора майор был в нервном состоянии, было видно, что он тяжело переживает тяжёлое положение, в котором очутилась дивизия, и особенно, потери имущества связи. После моего доклада и, особенно, после последнего ответа он несколько успокоился, сказав:

- Ты, Плотников, всю дивизию выручишь, когда передашь эти аккумуляторы.

На следующий день я с Лущевским отправил в дивизионную роту связи НКН-100. Между тем из лесов, близ села Агоштьян [Várgesztes], продолжали выходить солдаты и офицеры нашей дивизии, – кто-то в группе по 10–20 человек, кто-то в одиночку.

Вернувшиеся последними рассказывали, что по опушке леса ездит немецкая машина с громкоговорящей установкой, призывая гвардейцев 80-й дивизии сдаваться в плен, убеждая, что они окружены, что дальнейшее

сопротивление бесполезно, обещая все блага, в первую очередь, хороший обед и т. д., хотя сейчас они кричат уже в пустом лесу, а дивизия наша, хотя и без тяжёлого вооружения, но вот она, почти вся целая. Основная масса личного состава вышла из окружения.

Надо признать, что были отдельные, недостаточно стойкие солдаты и даже офицеры, не пожелавшие выходить из окружения и сдавшиеся в плен, хотя таких были жалкие единицы. Среди них оказался командир взвода радиосвязи 230-го стр. полка лейтенант Козлов. Когда его полк, после неудачной попытки прорваться через с. Тарьян, подошёл к линии фронта, бывший лейтенант Козлов незаметно отстал и сдался первому попавшемуся немецкому солдату. В нашем полку таких козлов(ых) не было.

В первые же дни после выхода из окружения, в одном из пустых домов венгерского селения была устроена великолепная баня. Подразделения полка начали помывку, отправился туда и я.

Как в большинстве случаев, баня состояла из двух половин – раздевалки (меньшей части, где люди сдавали одежду в прожарку) и помывочной. Я, как и все, сдал санитару всё своё обмундирование, шинель и даже меховую шапку (хотя в ней «автоматчиков», так у нас называли вшей, не водилось, потому сдавать её не было нужды).

Не торопясь, с наслаждением помылся, прошёл в раздевалку, пока прожаривалось обмундирование, сидя на чистой скамейке, закурил. Принесли вещи, я оделся, но шапку на голову надеть не смог, – в жаре дезокамеры кожа так съёжилась, что шапка после этого могла налезть, разве что, на мой кулак, но никак не на голову. Я был так огорчён, – моя меховая шапка золотистого цвета очень мне нравилась, теперь придётся носить обыкновенную, из искусственного меха.

Вскоре после меня отправились в баню комроты связи гв. капитан Чебоненко, командир штабного взвода связи гв. лейтенант Переверзев и связной комроты, бывший мой повозочный, Опря.

Когда они пришли в баню, там мылся стрелковый взвод одной из рот нашего полка. Стрелки закончили мыться раньше и ушли одеваться в раздевалку, наши же связисты решили, что там уже тесно, и остались одеваться в помывочной. Опря получил на всех и принёс обмундирование, и они, не торопясь, стали одеваться.

В это время один из уже одевшихся стрелков стал прицеплять к поясу гранату Ф-1 со вставленным в неё запалом, при этом нечаянно сорвал кольцо, граната же упала на пол, с горящим запалом. В раздевалке находились человек 15, дверь в мойку была открыта (там были только трое наших связистов). Командир стрелкового взвода пинком вышиб шипевшую гранату в мойку. Наши офицеры, увидев готовую взорваться гранату, бросились на пол, а Опря остался стоять. Раздался взрыв, от которого капитана Чебоненко ранило в ногу – сквозь подошву сапога прошло несколько мелких осколков, а голенище оказалось разрезано вдоль, в нескольких местах. Несколько небольших осколков получил и лейтенант Переверзев. Опрю ранило в ногу и в шею.

Таким образом, наш комроты (Чебоненко) ходить не мог и был отправлен из санчасти в госпиталь, а лейтенант (Переверзев) и рядовой (Опря) после перевязки вернулись в роту.

Неприятный случай произошёл в этой же бане с начальником радиостанции 1-го стр. батальона гв. сержантом Платоновым Дмитрием Фомичём. Перед помывкой он отдал свой партбилет одному из солдат, помывшись и вернувшись на КП батальона, он хватился, а билета нет. Он не помнил, как солдат вернул ему его, хотя тот уверял, что возвращал. Возможно, потерял доро́гой.

Написал он в парбюро полка заявление с просьбой выдать ему новый. Началось расследование. Может эта история закончилась бы значительно быстрее и проще, если бы не выход из окружения. Платонова обвинили в том, что он сознательно выбросил партбилет, когда оказался в окружении, и ему пришлось выставлять свидетелей, видевших у него билет после выхода из

окружения. Вызывали его и в дивизионную, и в армейскую парткомиссию, а, в итоге, новый билет он получил, но только в мае.

Между тем, полк пополнялся и личным составом, и оружием. Не хватало только имущества связи. Если с кабелем мы вышли из положения (заменив его алюминиевым проводом), то телефонных аппаратов не хватало. Из полученных дивизией неисправных полк получил только три (остальные в мастерской восстановить не могли).

Меня это сильно возмущало. Из кучи телефонных аппаратов в любых условиях всегда можно, пользуясь одним паяльником, соорудить несколько телефонных аппаратов. Я это и высказал начальнику связи, причём, не знаю, как так получилось, в присутствии командира полка. Попросив разрешения съездить в дивизионную роту связи, чтобы отремонтировать там пару аппаратов, я сразу же получил разрешение.

Выехал я на следующий день, с утра, на парной бричке, с Лущевским Борисом.

В дивизионной роте связи я нашёл радиотехника Гречишкина и нач. мастерской Толузенко и давай их стыдить, как это они, такие мастера, не могут исправить несколько телефонных аппаратов. Они оправдывались тем, что у них нет никаких приборов, никаких инструментов, – всё осталось в Агоштьяне [в селе Várgesztes], поэтому и сейчас выбирать, и ремонтировать аппараты они отказались. Я стал настаивать, говоря, что для ремонта телефонного аппарата достаточно лампочки от карманного фонаря с батарейкой и паяльника, но, оказывается, у них не было даже паяльника! хотя такой «инструмент» всегда можно сделать из любого куска меди, а в крайнем случае, из железа. В ответ они мне сказали:

- Хочешь – сам делай.

Я выбрал из кучи наваленных неисправных телефонных аппаратов три штуки, вся проблема которых заключалась в нарушении по одной пайке, поэтому для их ремонта требовались считанные минуты. При помощи

Лущевского я восстановил отпаявшиеся контакты в двух аппаратах, привязав монтажные проводники к контактам трансформатора тонкими проволочками, и техника заработала. Только собрался браться за третий, но подошедший телефонист позвал меня к телефону, – начсвязи полка капитан Попов приказал мне немедленно выехать в часть, а когда я спросил разрешения задержаться для ремонта ещё одного аппарата, он повторил требование выехать незамедлительно, добавив, что в случае опоздания я не застану полк.

Пришлось сесть в бричку и ехать в полк, куда мы добрались, когда уже стемнело и все стояли в походной колонне, готовые к выходу на марш. Я с бричкой пристроился к обозу роты связи, передав отремонтированные аппараты в штабной взвод и пообещав при случае отремонтировать и третий. Однако комвзвода лейтенант Переверзев взял неисправный аппарат, сказав, что отремонтирует сам.

На марше я узнал, что в этот день, 11 января, немецкие танки прорвали нашу оборону в районе села Замой, захватив его. И теперь наш полк идёт туда, чтобы закрыть образовавшийся прорыв в обороне.

Стояла холодная январская ночь, но на ходу холод не чувствовался, а вот на привалах, остановках ветер забирался под шинель, ноги в сапогах коченели и приходилось постоянно приплясывать.

В одной из деревень, через которую проходил наш маршрут, получился затор, и мы пережидали, когда освободится дорога. Этот вынужденный привал продолжался свыше часа, и мы всё больше превращались в куски льда. Чтобы сделать этот процесс промерзания не таким быстрым, я беспрерывно ходил вперёд-назад. Капитан Попов тоже последовал моему способу, но быстро устал, его лицо было ненормально бледным, тело пробирала дрожь, так, что зубы ча́кали [стучали]. Раньше я за ним такого не замечал, и вот он, не выдержав, сказал мне:

- Плотников, я окончательно заболел, пойду в санроту.

Назавтра я узнал, что его отправили в госпиталь.

Но вот дорога освободилась, и наша колонна тронулась дальше. Пройдя мимо большого села Чаквар, стали спускаться под гору на низменную равнину. Перед рассветом небо покрылось тучами, и стало очень темно.

Впереди колонны (после разведчиков) ехал верхом комполка, я шёл около него. В это время навстречу нам попался казак (в чёрной бурке), который вёл на поводу трёх коней, видно, с водопоя. Гв. подполковник Маркелов окликнул его:

- Скажи, казак, где тут дорога на Замой?

Казак остановился, как вкопанный, и с изумлением посмотрел на нас, переспросив:

- На Замой?! А шо вы там нэ бачили? (но дорогу всё-таки показал).

Комполка свернул на указанную казаком дорогу и, ухмыляясь, проговорил:

- Да, и мне интересно было бы побачить, чего в той Замои сейчас творится.

Когда мы подошли, батальоны заняли оборону вдоль русла, во втором эшелоне дивизии (в первом оборонялись 217-й и 230-й гв. стр. полки; в са́мой низине, у небольшой речки, в господском саду, расположился КП полка, а я с радистами – в жилой пристройке при скотном дворе.

На следующий день, направляясь мимо скотного двора, по дороге, которая выходила на мостик через речку, я обратил внимание на провод в хорошей белой изоляции; он тянулся по кювету, вдоль дороги. Я как раз думал о том, где взять провод, чтобы удлинить антенну дивизионной радиостанции, т. к. слышимость (из-за особенностей рельефа, ведь мы стояли в низине) была слабой.

Решив, что этот провод остался ещё от немцев, я достал нож из кармана и вырезал метров двадцать, а зайдя в помещение, передал добычу сержанту Тахаеву, рассказав, как надставить антенну.

В это время открылась дверь, и к нам зашёл командир сапёрного взвода гв. лейтенант Табакаев:

- Так это ты провод к взрывной машине вырезал?

Я ответил, что, действительно, вырезал провод, валявшийся у дороги, но он был, явно, брошенным, на что Табакаев сказал:

- Ох, уж эти связисты! Провод этот – от заряда взрывчатки, заложенной под мостом. Шёл он к подрывной машинке, мы её в скотном дворе поставили. Там у нас круглосуточно дежурный сапёр сидит, чтобы подорвать мост, если танки пойдут немецкие.

Конечно, отобрал он этот провод, сказав, что он думает про тех, кто чужую вещь без спросу берёт, и ушёл.

На следующий день полк наш получил 76-м/м орудия и другое вооружение, а также – имущество связи, пополнившись и личным составом.

Здесь мы простояли около недели. Противник, заняв большое село Замой (в нём, до занятия его немцами, помещался штаб 20-го гв. стрелкового корпуса, а также – армейский склад артснабжения), вёл себя спокойно, попыток наступать больше не предпринимал.

Остановленный у города Бичке противник предпринял наступление на левом фланге нашей Армии, и 20–21 января овладел городом Секешфехервар, перерезав наши коммуникации. Теперь войска 2-й гв. Армии находились в мешке, на севере, западе и юге которого был противник, а на востоке – Будапешт, в котором без надежды на выход оборонялась вражеская группировка, и только небольшой коридор между Будапештом и оз. Веленце соединял нас с переправами через Дунай, которые работали плохо, т. к. в это время по реке шёл лёд с шугой.

Танковые атаки противника следовали то в одном месте, то в другом. В связи с усложнившейся обстановкой наш полк получил приказ сняться с позиций и следовать в село [деревню] Ловашберень [Lovasberény], на охрану штаба корпуса. Ночью, когда батальоны сосредоточились у господского двора, полк выступил к этому селу.

По полям имения, где стоял полк, была проведена узкоколейная железная дорога, по которой лошадь тянула целый поезд вагонеток к скотным дворам, такая же узкоколейка соединяла это имение с железной [далее – тетрадь 74, от 15/II-70 г.] дорогой нормальной колеи у Ловашберень. Вдоль этой узкоколейки мы и шли грунтовой дорогой, по которой, было видно, в грязь с грузом не проедешь (именно для этих случаев, в том числе, и пригождалась, железная дорога). Для нас же было удивительным, как это, на поля проложены рельсы?! По ним конь гораздо легче вёз несколько тонн, правда прокладывать такой путь нужно было только на совершенно ровной местности.

Я, как и другие, с интересом смотрел (насколько можно смотреть ночью) на эту железную дорогу. Так засмотрелся, что провалился под лёд, в холодную воду. У дороги, наверное, ещё в декабре, был кем-то выкопан окоп, за это время, использовался ли он или нет, но вода накопилась доверху, а сверху подзаморозило, – туда я ступил в полутьме.

Чувство было не из приятных, когда, разгорячённый ходьбой, неожиданно окунаешься, по самые плечи, в ледяную воду. До сих пор пробирает дрожь, когда вспоминаю этот случай.

В этот момент мы как раз проходили господский двор, где расположилась ремонтная мастерская, кажется, соседнего полка. Увидев идущий из трубы дым, я завернул туда, – у них топилась печка, и я немного погрелся около неё, даже чуть подсушился. Хотя и шинель, и прочее обмундирование были ещё сырыми, но минут через десять пришлось вставать и догонять полк.

Полк я догнал, когда колонна входила в Ловашберень. Выяснилось, что нам предстоит идти дальше, в село Валь [Vál], на охрану штаба Армии. К утру, когда штаба Армии там ещё не было, мы вошли в Валь.

Этот населённый пункт находился посередине узкой горловины, соединяющей плацдарм, занимаемый Армией, с другими участками фронта, севернее села, километрах в шести, проходила передняя линия фронта, другая, – примерно на таком же расстоянии, проходила южнее Ловашбереня.

Встал вопрос, как организовать оборону села. По обстановке необходимо было занять круговую оборону, но сил полка для ведения эффективных действий при таком расположении, явно, не хватило бы. Тогда командир полка решил занять оборону на наиболее опасном направлении – южном.

Для оборудования обороны было мобилизовано местное население (венгры). Руководил всеми фортификационными работами инженер полка гв. капитан Т., а также – командир сапёрного взвода гв. лейтенант Табакаев. Обязанности начальника связи и командира роты выполнял гв. лейтенант Светличный, который с вверенным ему личным составом быстро проложил и наладил телефонную связь с подразделениями. Я в это время развернул радиостанции, поместив аппараты в небольшой комнатке, пристроенной к дому, в котором поселился комполка. Обе радиостанции (и дивизионная, и полковая) были включены на приём (как обычно, работать на передачу до соприкосновения с противником было запрещено).

Днём приехал командующий Армией генерал Захаров М. В. (со своим штабом) и приказал полку занять круговую оборону, придав нам четыре самоходные артиллерийские установки.

Оборона получилась редкая, – солдат от солдата чуть не в пятидесяти метрах. Так как севернее и южнее села шли интенсивные бои, по дороге, проходящей через сам населённый пункт постоянно метались обозные брички и группы солдат, отбившиеся от своих частей.

В селе был поставлен контрольно-пропускной пункт, на котором всех отбившихся от своих частей солдат задерживали и зачисляли в наш полк. Таким образом, за три дня личный состав пополнился почти до штатного количества.

Я, проконтролировав установку радиостанций, ушёл в дом к командиру полка и дежурил у телефонного аппарата, который, включив в коммутатор штаба Армии, поставили нашему подполковнику.

Вечером, зайдя к радистам, я удивился, как неудобно сидит дежурный. Радиостанции стояли на небольшом столике. Сиденье дежурного дивизионной радиостанции зачем-то было покрыто стёганным одеялом, поэтому совокупная высота почти достигала высоты столика (колени сидящего упирались в стол).

Я подошёл к сидевшему за аппаратом сержанту Тахаеву и, подняв одеяло, обнаружил, что он им прикрывал бочку с вином, а что вино это уже, даже не частично, переместилось из этой ёмкости в окружающих, было видно по лицам.

Это так возмутило меня, что рука моя непроизвольно потянулась к кобуре, но я, взяв в руки, всё-таки не наган, а себя, сжал зубы и немного просто помолчал. Затем приказал:

- Встать и выкатить бочку на улицу!

Дом стоял на краю села, на горке с крутым склоном, внизу же протекала речка с болотистыми берегами. Я приказал положить бочку на бок и толкнуть с обрыва, и когда она, ускоряя своё движение, покатилась, подпрыгивая на кочках, вместе с ней кануло в речку и искушение моих солдат.

Я, вообще, не считал особенным грехом, когда солдат на фронте немного выпьет, но это, конечно, зависит от момента. В данной обстановке, когда мы находились почти «мешке», когда от нас зависела и жизнь других, когда вот-вот может начаться тяжёлый бой, надо каждому иметь ясную голову. Потому на этот поступок или проступок я не мог не отреагировать, а главное, не мог не устранить источник возможных проблем.

Дня через два, тихой зимней ночью, с юга подошёл одиночный немецкий танк и дал два выстрела по нашей траншее, после чего, развернувшись, ушёл назад. Командир стрелкового батальона сейчас же доложил об этом комполка, добавив, что при этом был ранен один сержант.

Немного погодя, зазвонил аппарат штаба Армии, я взял трубку, в которой незнакомый голос потребовал командира полка. Я позвал. Подполковник, взяв трубку, доложил об этом происшествии с танком и опять ушёл отдыхать, но штабармовский телефон зазвони снова, и, уже другим голосом, требуют к

аппарату командира полка. Всего, за небольшой промежуток времени, разные люди на том конце провода вызывали нашего комполка раз пять, а может, и больше, и каждый раз он, одинаково подробно, докладывал, что, ровным счётом, ничего серьёзного у нас не произошло.

Однако в штабе Армии, восприняв этот подход танка, как предварительную разведку, решили дальнейшее пребывание самого штаба в этом селе опасным, потому днём перевели его в другое место, забрав от нас один стрелковый батальон и артиллерию. Уезжая, командующий Армии наказал командиру нашего полка стоять насмерть.

И вот, в этот же день, 24 января, в районе села Замой, где занимала оборону оставшимися двумя полками наша, 80-я гв. стр. дивизия, противник предпринял мощную атаку пехотой при поддержке большого количества танков. Немцам (так продолжали мы называть врага, хотя на той стороне воевали и венгры) удалось вклиниться в первую полосу нашей обороны, а так как второй эшелон, который готовил наш полк, был очень разрежен (почти пуст), дело грозило серьёзными последствиями. Положение удалось спасти, подкинув на этот участок фронта зенитный армейский полк.

Зенитчики, быстро подъехав, открыли мощный огонь из орудий и крупнокалиберных пулемётов. Орудия били по танкам, и громадные вражеские железные машины, одна за другой, выходили из строя.

Вот один из немецких танков приближается к мостику через речку, но боясь, что тот заминирован, свернул с дороги, направившись мимо моста, прямо через водную преграду. Как только он, спускаясь с крутого склона, подставил под огонь свой верх, сразу же получил снаряд, прилетевший под башню, а значит, разорвавшийся внутри самой машины. В итоге, он, уткнувшись дулом в речку, остался наглядным напоминанием остальным желающим повторить такой способ форсирования.

Крупнокалиберные пулемёты били по пехоте противника, устилая немецкими трупами этот участок венгерской земли. Этого противник не

выдержал и, оставив на поле боя больше десятка своих танков и сотни убитых, прекратил атаки.

Однако вернуть свои позиции 230-му гв. полку не удалось, и после ухода зенитного полка, оборона дивизии осталась не надёжной. Тогда командующий Армии приказал нашему полку вернуться в свою дивизию (при этом наш 3-й стр. батальон и батарея 76-м/м орудий оставались на охране штаба Армии).

Когда мы были в селе Валь на охране штаба Армии, в полк вернулись начальник связи гв. капитан Попов и командир роты связи гв. капитан Чебоненко. Они рассказали, что, когда создалась угроза госпиталям со стороны прорвавшихся танковых частей немцев (устремившихся к Дунаю и Будапешту; некоторые госпитали и тыловые части были разбиты вражескими танками, танки, бывало, и на дороге давили людей, повозки и автомашины), тяжелораненных эвакуировали за Дунай на самолётах, а легкораненным дали команду возвращаться к своим частям. Вот и они самостоятельно, кое-как, добирались.

Вечером 24 января полк двинулся по единственной дороге, через Вереб [Vereb], Ловашберень, Чаквар [Csákvár] к селу Замой [Zámoly].

Село Вереб мы прошли около 12 часов ночи, а через час или два туда ворвались немецкие танки. Там стоял штаб 21-го гв. стр. корпуса и его спецподразделения – в том числе батальон связи. Часть солдат попала в плен.

Как выяснилось позже, фашистские палачи затащили пленных в ку́зницу и там их зверски замучили. Они разбивали людям кувалдой пальцы, головы раздавливали в кузнечных тисах, ещё живым на лбу и груди вырезали пятиконечную звезду.

26 января наши войска выбили фашистов из села Вереб. Палачи так быстро убегали, что не успели скрыть следов своих преступлений, и об этих зверствах был тогда же составлен официальный акт (это мы узнали через несколько дней, когда документы были опубликованы в газетах). А сейчас там, в этом венгерском местечке, стоит памятник замученным советским бойцам, а

по обе стороны посажены каштаны. Жители Вереба ухаживают за памятником и могилами советских солдат.

Наш же полк, воссоединившись со своей дивизией, помог 230-му гв. стр. полку восстановить утраченные позиции.

В эти дни в полк прибыл из резерва назначенный начальником штаба гв. майор Сорочан. Это был худой высокий мужчина, выглядевший старше своих лет и отличавшийся своей энергичностью и трудолюбием (правда, был у него один недостаток – пристрастие к вину).

Явился он в полк вместе со своей женой, которую звали Женя. Оказывается, он нашёл её в лагере угнанных фашистами советских женщин. Она умела держать мужа в руках, не позволяя ему пить, потому этот его недостаток в это время никак не проявлялся, т. е. ничего работать ему не мешало. Женю зачислили к нам, в роту связи, телефонисткой штабного взвода.

На этот раз полк занял позиции в первом эшелоне, в линию с двумя другими полками дивизии, как раз напротив села Замой.

Командный пункт разместился в одиноко стоящем каменном доме, а в подвале расположился узел связи – коммутатор телефонной связи и радиостанции.

В следующие дни дивизия пыталась овладеть селом, наступая всеми тремя полками, но фронт наступления был слишком широк, потому эти попытки не увенчались успехом.

Затем, сосредоточив основные силы на флангах (за счёт увеличения полосы обороны нашего полка), стали наступать силами 230-го и 217-го полков, охватывая село справа и слева.

Когда наступающие продвинулись достаточно далеко вперёд, перед немцами встала угроза окружения, и они оставили населённый пункт, о чём нашему командиру полка сразу же доложила разведка.

Тогда гв. подполковник Маркелов (комполка) приказал немедленно войти в село всем батальонам (к этому времени вернулся в полк 3-й батальон) и повёл

туда весь штаб и обоз (вместе с нашим штабом в Замой зашёл и штаб 171-го артиллерийского полка).

Но на окраинах села наши стрелки наткнулись на хорошо оборудованную оборону противника и дальше продвинуться не смогли.

Здесь трагически погиб ПНШ-1 гв. капитан С. Рябчиков, который, несмотря на приказ командира полка прекратить атаки, будучи не совсем трезвым, решил воодушевить солдат личным примером на ещё один штурм. Он выскочил из траншеи с криком:

- За Родину! За Сталина! Ура!

Но был сразу же сражён насмерть. Ночью тело его вытащили с переднего края. Похоронен он в церковной оградке села Замой.

Штаб полка оказался в не совсем удобном месте – всего лишь в 100–150 метрах от переднего края. Улицы простреливались пулемётным огнём, на них, хоть и изредка, но рвались мины, хотя крепкие каменные дома вполне предохраняли от пуль и осколков (лошади обозов были размещены по конюшням). Днём показываться на улицах было нельзя, лошадей выводили только ночью.

В конце января – начале февраля армия испытывала большие трудности со снабжением боеприпасами и продуктами. Одной из причин было то, что переправы через Дунай действовали с перебоями, – мосты срывало плывущим по реке льдом с шугой.

От основных переправ нашей армии в районе Байя [Baja] мы были отрезаны ещё 19 января, когда немецкая дивизия СС «Викинг» овладела населённым пунктом Дунай...<не помню>? [скорее всего, Dunaszentbenedek], что стоит на берегу Дуная.

Доставка от переправы по единственной разъезженной дороге тоже была затруднительна. В самые сложные дни переправляли только боеприпасы, а части обязывались изыскивать продукты питания на месте, а это не всегда удавалось.

Полку повезло, в селе Замой нами был захвачен склад с заготовленной немцами пшеницей и много свиней, поэтому личный состав питался и снабжал другие части зерном и мясом.

Кроме того, в селе были взяты одно 57-м/м противотанковое и несколько 76-м/м орудий, оставленных нашими войсками 11 января. А самое важное, нам достался тогда же оставленный большой склад боеприпасов, находящийся на краю села, противник не успел его ни вывезти, ни взорвать.

Командир полка особенно был рад 57-м/м орудию, которое сразу же было передано в стрелковый батальон и поставлено на танкоопасном направлении, ведь эта пушка доставала дальше других, была способна подбить «Тигра», «Пантеру» (для 45-м/м орудий, которые были во взводах ПТО, эти вражеские машины были почти неуязвимы).

Кроме того, на этом складе было много трассирующих пуль, которых у нас всегда не хватало и по причине отсутствия которых нельзя было организовать ночную прицельную стрельбу пулемётов.

Обеспечив пулемёты трассирующими пулями, командир полка лично сам и через других командиров, за несколько дней, обучил пулемётчиков ночной стрельбе, и теперь ночью наши пулемёты вели почти беспрерывный огонь.

Приданные полку артиллерийские части (дивизион 171-го гв. артполка, гаубичный и миномётный полки артдивизии РГК [Резерва Главного Командования]) были снабжены вдоволь боезапасами и хорошо досаждали противнику своим огнём.

Так как штаб (командный пункт помещался в бункере – железобетонном погребе – одного из домов села) находился в опасной близости к переднему краю, командир полка предпочитал ночью не спать, он вызывал с вечера своего помощника по МТО [далее – тетрадь 75, от 21/II-70 г.] гв. майора Старцева, полкового врача Колупаева И.Н. и меня, и все мы, чтобы быть готовыми в любой момент отреагировать на изменение ситуации, садились до утра за преферанс.

В одну из ночей командир 2-го стр. батальона гв. майор Мошкин докладывает комполка:

- Товарищ командир, со стороны немцев слышен шум моторов, но определить технику (танки или автомобили) и её количество не можем. Просим подкинуть «огонька».

Подполковник по телефону отдал приказ:

- Чайная, по 10 огурчиков снарядов на самовар да кулёчек, с пол-тыщи семечек – огонь!

И началось! Немцы ответили, мы – ещё.

У комполка стоял телефонный аппарат, подключённый к коммутатору штаба корпуса, – командир корпуса, обеспокоенный этой артиллерийской дуэлью, слышной за много километров, звонит:

- Маркелов, что у вас там происходит?

- Ничего особенного, обычная перестрелка, – отвечает подполковник.

Этой же ночью произошёл такой инцидент. В ближнем тылу у немцев лежал небольшой населённый пункт Бор-Бала (у нас его почему-то называли «хутор Барба́ла»[1]). Позиции противника, огибая этот «хутор», вклинивались в нашу сторону, наши же позиции, огибая позиции немцев и хутор, располагались по вытянутой дуге.

Разведчики (то ли корпусной, то ли армейской разведки), имея задание прощупать вражескую оборону и взять языка, тёмной ночью вышли из траншеи и поползли перпендикулярно расположению передней линии, но так как она располагалась полукругом, вскоре вышли к нашей же траншее, где оборонялось другое подразделение.

Проникнув в траншею и выставив автоматы, они увидели прижавшегося к земле пожилого солдата, недавно прибывшего к нам в полк (до этого его не брали в армию по болезни). Уперев ему в грудь автоматы, разведчики громким шёпотом скомандовали:

[1] В настоящее время в городе Татабанья / Tatabánya есть госпиталь Szent Borbála, название которого идёт от женского имени Borbála; о каком месте идёт речь у автора, нужно разбираться.

- Хэндэ хох! [руки вверх, нем.]

Каковó же было их удивление, когда солдат поднял руки и проговорил:

- Я за Власова[1]!

Тут они поняли, что попали в свои траншеи и взяли в плен своего.

Но раз он оказался таким трусом и предателем, они крикнули по-русски:

- Есть кто живой?

В траншее появился сержант, они рассказали ему, как им только что «сдавался» его солдат. Повели того к комбату, бывший у комбата замкомполка гв. подполковник Гомолко доложил по телефону о происшедшем командиру полка и попросил разрешения расправиться с трусом и изменником здесь же, на месте, сказав, что об этом просят солдаты батальона. Однако комполка этого не разрешил, приказав отправить того солдата в особый отдел. Конвоировавшие по дороге успели помять бока арестованному, а что с ним было дальше, не знаю.

Следующим вечером к комполка явился командир разведподразделения и доложил, что все попытки разведчиков добраться до обороны противника окончились неудачно, – не имея никакого транспорта, его бойцы теряли направление. Поэтому он просит ровно в полночь выстрелить четырьмя минами по хутору Барбала, тогда разведчики, ориентируясь на эти взрывы, не потеряют направление движения.

Обычно расположение вражеской обороны хорошо обозначалось ночью, – немцы всё тёмное время суток освещали местность перед своими траншеями ракетами. Но перед нашим полком они вскоре прекратили это дело, т. к. наши пулемётчики, так удачно обеспеченные трассирующими пулями, вели прицельный огонь, который позже, по заказу стрелковых подразделений, поддерживался и артиллерией. Противник понял, что лучше сидеть тихо в темноте, – вот, что значит, иметь вдоволь боезапасов.

[1] Справку про генерала Власова, сдавшегося в плен и перешедшего на сторону немцев, расстрелянного по приговору суда в 1946 году, можно посмотреть по адресу: https://aif.ru/society/history/put_predatelya_kak_sdavalsya_v_plen_general_vlasov.

К этому времени солдаты последнего союзника гитлеровской Германии – Венгрии – уже поняли бесперспективность войны за чужие интересы и ночами десятками перебегали на нашу сторону, сдаваясь. На нашем же участке такого не было, ведь интенсивный огонь с нашей стороны не позволял безопасно перебраться через нейтральную полосу.

Возвращаясь к задумке разведчиков – просьбу их командира гв. подполковник Маркелов пообещал выполнить и приказал мне передать командиру батареи 120-м/м миномётов в 00 часов 00 минут дать четыре выстрела по хутору Барбала. Я тут же соединился с батареей и передал приказание.

И вот ровно в 12 часов ночи раздался глухой хлопок миномётного выстрела, который был хорошо слышен даже на КП (в глубоком бункере). Подполковник Маркелов отсчитал:

- Раз, два, три, четыре.

Однако, вопреки ожиданиям выстрелы продолжались, мы насчитали их двенадцать. Тогда комполка берёт трубку телефона, начиная уже не отсчитывать, а отчитывать комбата за то, что тот неточно выполняет приказание, дав вместо четырёх двенадцать выстрелов.

Комбат удивлённо спрашивает:

- А что же Вам, товарищ командир, для немцев и мин жалко?

Командир разведподразделения из-за этой недисциплинированности миномётчиков не решился на поиск, ведь немцы после такого обстрела насторожились и, кроме того, он боялся, что миномётчики вновь по своему порыву, не согласовывая ни с кем, начнут стрелять в тот момент, когда его разведчики находятся на вражеской территории.

Уже на следующую ночь артиллеристы пунктуально и точно выполнили заказ, и разведчики сходили на ту сторону.

Между тем, на других участках фронта шли напряжённые бои, – немецкие танковые дивизии продолжали попытки окружить нашу Армию и

прорваться к своим, окружённым в Будапеште. Одно время это им почти удалось, – вражеские танки удалось остановить, только когда им до Буды оставались считанные километры.

Была возможность того, что и на нашем участке противник перейдёт в атаку, создав перевес в силе, что было сделать нетрудно, т. к. наша оборона было очень редкой, – солдат от солдата был далеко, только насыщенность артиллерией и обеспеченность боеприпасами делали оборону более уверенной.

Командир корпуса и командир дивизии неоднократно предлагали нашему комполка вывести штаб из села Замой в более безопасное место, однако гв. подполковник Маркелов каждый раз находил аргументы, чтобы убедить их в своей правоте. К примеру, говорил:

- Пока я сам в Замое, Замой будет наша, а уйду оттуда – села не удержать.

В этом он был, действительно, в значительной мере, прав, ведь уход своего командира в тыл бойцы могли расценить, как неверие в то, что эти позиции можно удержать, что могло оказаться решающим для отдельного солдата, маленького участка обороны и, в конце концов, для всего полка.

Мои радиостанции были в исправности, но, как обычно, в обороне бездействовали. Телефонная связь работала надёжно, но в полку ощущался острый недостаток сменных капсюлей для телефонных трубок, поэтому слышимость зачастую была очень скверной, и командиры ругали телефонистов.

Командир штабного взвода роты связи гв. лейтенант Переверзев из-за этого сильно переживал. Он разбирал капсюли, просушивал порошок, что-то в него добавлял, но ничего не помогало. Тогда он, в бессилии, запускал такой мат в адрес бога и всех боженят, а также – всех тех, кто обязан снабжать полк капсюлями, правда – не называя их по фамилии и не показывая на них пальцами, но поглядывал при этом на начальника связи полка гв. капитана Попова.

Я решил вмешаться в это дело и попытаться помочь телефонистам, – попросил разрешения начальника связи съездить в дивизионную роту связи,

добавив, что, неужели, мне хотя бы пару капсюлей там не дадут, если я им, как следует, объясню, что от этого зависит надёжность обороны.

Разрешение я получил и вечером, как только стемнело, на парной бричке (лошадьми правил мой повозочный Лущевский) поехал в господский двор, где размещалась дивизионная рота связи. Однако все мои попытки получить капсюли остались безрезультатно. Начальник мастерских связи, ведавший и снабжением имуществом связи техник, гв. ст. лейтенант Толузенко отвечал, что капсюлей нет, больше не желая продолжать разговор.

Я говорю ему:

- Если Вы не снабдите капсюлями наш полк, он не сможет удержать оборону, тогда Вам же придётся либо драпать, либо с автоматом в руках отстреливаться от немца.

- Как я тебе дам того, чего у меня нет. Всё, закончили разговор! – отвечает в очередной раз Толузенко и, для убедительности, приносил книгу учёта имущества:

- Вот смотри, сколько получил – столько выдал. Всё, конец разговора.

Пришлось возвращаться ни с чем. Я вышел во двор, сел в бричку и приказал Лущевскому выезжать. Он, по моему виду, поняв, что я сильно расстроен, стал деликатно расспрашивать, что случилось. Рассказал я ему всю эту историю, добавив:

- Вот ведь дурость какая, – из-за того, что в снабжении кто-то не может пошевелиться по поводу нескольких малюсеньких капсюлей, может лишиться боеспособности целый полк, а это же даже не только жизнь и здоровье наших солдат! А как прорвут фрицы кольцо?! А как опять по лесам нашим из окружения выбираться?!

Помолчав немного, Борис Тимофеевич (так звали Лущевского) сказал:

- Товарищ лейтенант, давайте я попробую достать эти капсули!

Я усомнился в возможности этого, но он настаивал, тогда я согласился.

Побежал он в дивизионную роту связи, я же с повозкой остался на обочине дороги, ведь мы отъехали от господского двора ещё только метро двести.

Не прошло и полчаса, как Лущевский вернулся, молча протягивая мне два новеньких, завёрнутых в замасленную бумажку, капсюля.

- Как?! Откуда ты их достал?! – обрадованно вскрикнул я.

- У ребят на трофейные часы сменял, – равнодушно ответил повозочный.

Вернувшись в свою роту, я передал капсюля комроты, а когда он стал меня хвалить, я ответил:

- Я-то тут не при чём, я только за лошадьми следил. Это Лущевский достал! (после чего пересказал все детали этой своей поездки).

13 февраля была вынуждена капитулировать последняя группа осаждённых в Будапеште немцев. Хотя на нашем участке фронта положение оставалось тяжёлым, но всё же мы очень обрадовались, ведь теперь в тылу у нас не было, хоть и окружённого, врага. А, по сообщениям газет, немцы теперь сильно атаковали наши и болгарские войска южнее озера Балатон.

Ночью спать, по-прежнему, не приходилось, – я дежурил у телефона комполка, а перед рассветом надо было успеть вернуться в дом, где стояли радиостанции, ведь днём на улицах показываться было нельзя.

Нам зачитали приказ командира дивизии, где говорилось, что в полосе расположения нашей Армии, в лужах, образовавшихся от таяния снега, находят большое количество станиолевых ленточек. Предполагается, что их разбрасывает противник для отравления водоёмов. В приказе приводились факты, когда в такой-то части напилась из лужи лошадь и сдохла, в такой-то дивизии солдата, напившегося из лужи, с признаками отравления доставили в медсанбат. Поэтому приказывалось не пить воду самим и не поить лошадей из водоёмов, в которых могут быть эти станиолевые ленточки.

Только после войны я узнал, что станиолевые ленточки безвредны и разбрасывались с самолётов наших союзников при челночных операциях с целью сбить с толку радиолокационные станции немцев.

Тут же, в середине февраля, был получен приказ командира дивизии, категорически требующий командиру 232-го гв. стр. полка сменить КП, т. к. нынешний, расположенный в с. Замой, не обеспечивает нормальной работы штаба полка, ввиду непосредственной близости к переднему краю (новый предлагали обустроить не менее, чем в двух километрах от переднего края).

Наш комполка смирился с необходимостью смены КП, хотя по-прежнему считал, что делать этого не нужно, может быть, поэтому делать это не спешил. Вскоре пришёл новый приказ, – сдать оборону другой части, а полку расположиться в селе Ловашберень, куда отводилась вся дивизия, как резерв командующего Армией.

В этот же день произошёл трагический случай, когда ехавший через населённый пункт на автомашине артиллерийский генерал, не выполнил команду патруля и не остановился, в итоге, был убит из автомата. Патруль, чтобы вынудить водителя машины выполнить их команду, открыл огонь по шинам, срикошетившая от дороги пуля попала находившемуся генералу в голову.

После этого происшествия приказом по Армии предписывалось всем командирам частей и начальствующему составу принять меры к строгому выполнению правил внутренней службы, в т. ч. чтобы по требованию патрулей и караулов сообщали пароль, все незнающие его должны быть задержаны и сопровождены в штаб части для выяснения личности и обстоятельств пребывания в данном месте.

Передача позиций другой части должна была состояться ночью, через сутки, а для подготовки размещения полка (включая связь) в новом районе (в Ловашберене) туда были направлены комендант полка гв. лейтенант Пешков, начсвязи гв. капитан Попов, я и гв. лейтенант Светличный с телефонистами.

Как только стемнело, мы вышли из Замоя, с нами была одна повозка с имуществом связи. Ночь выдалась по-весеннему тёплой (хотя была лишь середина февраля), а весенний воздух прибавлял бодрости. Я даже снял шапку и положил её на бричку, оставшись в плащ-палатке.

Поля наполовину освободились от снега, а та их часть, что, по обе стороны от дороги, находились в низине, были покрыты талой водой.

Настроение был приподнятое, как всегда, когда покидаешь передний край, где-то в глубине испытывая облегчение от того, что остался цел и постоянная инстинктивная, какая-то звериная, настороженность сменяется человеческим наслаждением окружающей красотой, планами, которые позволяешь себе строить на будущее.

Отойдя от села Замой километра два, мы с удивлением увидели траншею, в которой сидело много солдат. А мы-то считали, что только наша редкая оборона гарантировала от прорыва немцами линии фронта на нашем участке, а, оказывается, сзади нас стояла часть с более плотным, а значит, более надёжным заслоном. Позже, в селе мы увидели большое количество не встречавшихся нам никогда ранее тяжёлых танков ИС [«ИосифСталин»] с мощным артиллерийским вооружением, а также – впервые повстречались с 150-м/м миномётами.

Но вот и большое село Ловашберень, на одном краю которого должен был расположиться наш полк. Комендант указал нам дома, в которых планировалось размещение штаба, комполка, стрелковых батальонов, после чего связисты, не отдыхая, принялись протягивать связь (к вечеру, когда подошёл полк, они уже управились).

На следующий день, отдохнув, – наконец-то, выспавшись, принялись приводить в порядок обмундирование, оружие и имущество связи. Лично я занялся проверкой и профилактикой радиостанций [далее – тетрадь 76, от 22/II-70 г.], поручив помкомвзвода Гресько проверить оружие и обмундирование личного состава подразделения.

Я тщательно осматривал каждую радиостанцию, осторожно вытаскивая монтаж из упаковки, чтобы просушить и то, и другое, проверял прочность пайки, подбирал наилучшие лампы и прочее.

Начсвязи гв. капитан Попов, вернувшись из госпиталя, но, не долечившись, чувствовал себя временами плохо, говорил с хрипом, у него по-прежнему болело горло. Врачи, отпуская его, как слабораненного, рекомендовали ему пить горячее молоко, а коровы в то время у нас, в полку, были, вот комполка приказал своему повару выдавать капитану по литру молока в день. Была корова и при комендантской кухне, от неё ему тоже давали литр молока.

Сейчас, устанавливая телефонную связь между подразделениями полка и командованием, капитан (Попов) присваивал позывные телефонным аппаратам. Так, аппарату помощника комполка (гв. майора Старцева) он дал позывной «Оглобля». Майор потом возмутился и стал требовать сменить позывной на более благозвучный:

- А то я, всё-таки, помощник командира полка, хотя и по МТО, не просто майор, а – гвардии майор, и вдруг «Оглобля»! – выговаривая позывной по слогам, настаивал он.

Наконец, капитан согласился:

- Хорошо, сменю твою «Оглоблю» на «Розу», но за это ты мне будешь давать литр молока, мне ж надо здоровье поправлять.

Майор согласился, и вот рядовой Опря (готовивший для офицеров роты связи обед) стал получать для начсвязи уже три литра молока, которых для одного человека, безусловно, было много, поэтому капитан приказал готовить блюда нашей офицерской компании только на молоке.

Я не любил молока, а уж кипячёное молоко совсем не терпел, поэтому за столом не ел, отвечая интересующимся, почему я отказываюсь от еды:

- Мне не три года, чтобы молоко кушать!

- Ничего, дня три поголодаешь, будешь есть и молоко, – отвечал мне капитан Попов, доставая из котелка алюминиевой ложкой молочную лапшу.

Капитан просто не знал, что Опря за час до общего обеда, на который на квартиру комроты сходились офицеры роты связи, приносил мне, по старой дружбе (на мою квартиру) полный котелок горячих оладий.

Приближался праздник, День Красной Армии. Нашему командиру к этой дате присвоили очередное звание – гвардии полковник. Кроме того, его наградили медалью «За боевые заслуги» (медаль он получил за выслугу лет; такая полагалась за 10 лет службы в РККА, за 15 – «Орден Красной Звезды», за 20 – «Орден Красного Знамени», за 25 – «Орден Ленина»).

23 февраля, поднявшись, я прошёл к радистам, – поздравил их с 27-й годовщиной Рабоче-крестьянской Красной Армии. А когда заходил, заметил, как Гресько, увидев меня, поспешно отвёл руку за спину – «значит, раздобыл вина», сделал я вывод и, чтобы они могли спокойно отметить праздник (сейчас условия и обстановка позволяла), сказал вслух:

- Я – к комроты, на весь день, знаете, как вызвать, при необходимости.

После завтрака занялся чтением, как обычно, взяв в руки единственную, имеющуюся у нас книгу – «Пётр I» Алексея Толстого. Носили мы её уже, без малого, третий год; раза три за это время я успел прочитать, но, за неимением другого, пошёл на четвёртый.

В обед выпили с офицерами по стакану вина (те, кто хотел, – как и в случае с книгой, – повторили несколько раз), потом сели играть в карты – в «21», на деньги, а деньги трофейные – венгерские «пенгё».

Гв. старшина Щербаков, когда проигрывает, горячится, повышает ставки. Гв. лейтенант Переверзев подсмеивается. А комроты гв. капитан Чебоненко играет серьёзно, будто выполняет какое-то очень важное дело. Я же не любил, да надо признаться, и не умел играть в «очко», а тут мне, как говорят, повалило, – выиграл кучу денег, играть надоело. Уйти с выигранным считается (во всякой компании) неприличным, а никакого предлога – нет.

Но тут зуммерит телефон, телефонист, взявший трубку, передаёт:

- Командир полка приказал лейтенанту Плотникову немедленно явиться к нему.

Ну, вот, есть предлог закончить с картами, – я, извинившись и не собирая со стола денег, ушёл.

У гв. полковника (третью звезду к погонам он, правда, ещё не доставил) я застал доктора Колупаева (гв. капитана медицинской службы) и гв. майора Старцева. Все трое уже сидели за столом, в центре которого лежал расчерченный карандашом лист бумаги. Это значило, компания вызывала четвёртого партнёра для преферанса (эта игра мне нравилась, хотя я ею не увлекался).

Через некоторое время игра чуть прервалась на ужин, за которым выпили спирту (вина комполка, даже будучи подполковником, не признавал). Далее общение пошло оживлённее, но тут адъютант докладывает командиру полка:

- Товарищ гвардии полковник, патруль задержал на улице села полковника, который не знал пароля. Начальник патруля спрашивает, что с ним делать.

- Что? – Веди его сюда, ко мне.

Убрали со стола игральные карты, поменяв их на карту топографическую.

Вот заходит невысокий полный чернявый полковник и представляется:

- Начальник политотдела 20-го гвардейского стрелкового корпуса гвардии полковник Чикова́ни, – и протягивает удостоверение личности.

Наш полковник тоже представился, извинившись за то, что наш патруль задержал гостя.

- Да молодцы ваши бойцы! Верно действуют! Прошу похвалить их за правильное несение службы, тем более – в праздник! – похвалил задержанный полковник и продолжил, – Сам виноват, выехал из политотдела, а пароль на сегодняшний день спросить забыл. Рад, что представился случай лично

познакомиться с командиром славного 232-го гвардейского полка. Много о вас слышал, но вот увидать пришлось только сейчас, когда нашей армии 27 лет.

Комполка, с дежурными словами ответного поздравления с праздником и радостью встречи, сообщил начПО пароль и, прощаясь, приказал начальнику патруля пропустить гостя с машиной.

[Далее – тетрадь 77, от 1/III-70 г.]

Глава XII

«Битва за Вену[1]»

Подразделения нашего полка во время нахождения в Ловашберене продолжали боевую и политическую подготовку. Боевые стрельбы из карабинов проводились за селом. И однажды, когда взвод радиосвязи пришёл на стрельбище, один радист выронил из рук автомат, который ударившись о землю, начал стрелять. Немного подпрыгивая и медленно разворачивая ствол, он, как ядовитая змея, изрыгал смерть, а кругом находились солдаты.

Что в такой момент делать? Бежать, – от пули не убежишь. Первым опомнился ефрейтор Алямский. Он грудью упал на автомат и, схватив его правой рукой, задержал затвор, этим прекратив огонь.

Мне показалось, что автомат стрелял секунд тридцать, хотя, конечно, времени прошло в несколько раз меньше. Нам очень повезло, что каждое из этих длинных мгновений не стало последним для кого-то из нас, ствол каждый раз был направлен мимо. Страшно подумать, что всё имело гораздо бóльшие шансы сложиться трагично для кого-то, а если бы такое случилось с кем-то из моих подчинённых, мне бы лично штрафного не миновать.

В тот момент, отложив всякие посторонние мысли, я подал команду начинать стрельбу. Хотя радистам приходилось стрелять редко, делали они это хорошо и всегда с большой охотой.

Но тут получили приказ тотчас закончить стрельбы и приступить к эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы (этим наше командование проявляло заботу о мирных жителях, ведь незачем было подвергать стариков, женщин и детей всяким опасностям и случайностям боя, который может разыграться в любой точке, находящейся у фронта).

[1] Описываемые автором события этой и «венской» части следующей главы можно отслеживать, обратившись к карте города Вена, составленной советскими картографами в 1945 году и размещённой по адресу: https://pobeda.elar.ru/images/vena/plan_veny_map.jpg.

Для эвакуации Советская армия предоставляла транспорт, наша рота тоже получила приказ выделить брички семьям жителей тех домов, которые она занимала. Одной из таких бричек управлял повозочный Борис Лущевский.

Когда он, дня через три, вернулся, то рассказал, что единственной дорогой, оставшейся в расположении нашей Армии, беспрерывно идут машины с боеприпасами, а во всех сёлах стоят войска. В одном месте, где дорога подходила близко к переднему краю, было слышно, что за находящейся рядом высоткой идёт ожесточённый бой.

Вот в верхней точке этого холма показались танки противника. На дороге разорвалось несколько снарядов, лошади шарахнулись, началась давка, правда, порядок быстро восстановили, и движение продолжилось. А на высотке накопился не один десяток танков, и, собравшись всей своей хищной стаей, они разом двинулись в сторону дороги, намереваясь, как это бывало, увы не раз, даже не стрелять (они уже имели такую возможность), а давить повозки и находящихся в них мирных местных жителей (ведь в это время по дороге шла именно колонна эвакуируемых).

В это время раздался гул моторов, низко над землёй пролетела девятка «Ду́гласов», обрушив на немецкие танки бомбы, а когда самолёты, развернувшись, прошли над высоткой второй раз, не осталось ни одного целого танка, только чёрный дым горящего мазута расстилался от подбитых, некогда грозных, машин.

Я получил приказ опечатать радиостанции, а это означало, что предстоит перегруппировка войск, скорее всего, – для наступления. Правда, обычно перед началом наступательных операций нам объявляли о запрещении включения радиостанций, а сейчас этим не ограничились, а потребовали вообще перекрыть доступ к аппаратам. Сделать это было нетрудно, но, понимая какое возможно продолжение, и насколько ответственно не подвести в тот момент, когда рация понадобиться вновь, стоило хорошенько осмотреть каждый аппарат и выполнить профилактический ремонт.

Параллельно, для повышения знаний офицеров-связистов и для обмена опытом действий в предыдущих боях в дивизионной роте связи было проведено учение, на котором некоторые специалисты, в том числе, прочитали доклады (мой доклад назывался «Радиосвязь в стрелковом полку в период наступления», я рассказал об организации радиосвязи в бою под Секешфехерваром, когда мне пришлось размещать на узкой полосе большое количество радиостанций).

После совещания командир дивизионной роты связи гв. капитан Лютиков пригласил всех офицеров (участников этих сборов) на ужин. Первый раз за войну собрались почти все офицеры-связисты нашей дивизии.

На столах стояли бутылки шампанского и других хороших вин из подвалов Будафока[1], славившихся этой своей продукцией на весь Мир.

Выпили за Верховного Главнокомандующего, за Советскую Армию, за гвардию и за славную Уманскую дивизию. Потом пели незатейливые, душевные фронтовые песни, сначала хором, потом – кто-то и соло.

Ни до, ни после этого такого задушевного ужина я не могу припомнить.

Но вот и приказ выступать. Дивизия должна была овладеть (вновь, ведь мы проходили его чуть более двух месяцев назад) городом Секешфехервар и, выйдя к озеру Балатон, окружить танковые части врага. Эта задача выполнялась совместно с другими соединениями корпуса и Армии.

Если в декабре, в успешных боях за этот важный узел дорог и ещё более важный опорный пункт обороны немцев, мы наступали с юго-востока, то теперь шли с противоположной стороны. Задачей нашего полка было вести наступление с северо-западной окраины через центр к юго-восточным пригородам.

14 марта мы покидали Ловашберень. В домах, которые до этого занимала наша рота, уже располагался медсанбат какой-то части. Его работники торопили нас, желали успешного боя, и чтобы мы к ним не попадали.

[1] До 1886 г. назывался Промонтор; в 1987 г. вместе с Римом получил почётное звание «Город винограда и вина».

Уже в этот же день полк занял исходное положение для наступления. НП расположился на пологом длинном склоне, а ниже по склону, в траншеях, находились стрелковые батальоны.

В самом низу долины, на ничейной полосе, была видна насосная станция городского водопровода. За ней находились несколько рядов траншей противника, а далее – начиналась северо-западная окраина города.

Радиостанции, ещё в запечатанном виде, были установлены на КП полка и батальонов. Меня волновало, как они будут работать; вскрыть печать можно было только перед са́мой артподготовкой, т. ч. проверить аппараты я пока не мог, поэтому ещё и ещё вспоминал, как я их осматривал, в каком состоянии был каждый из них, как их разгружали из повозки. Всё было правильно, нигде ошибки допущено не было, а значит, можно успокоиться, будут работать, но...

Эти мои размышления и переживания были прерваны начальником связи полка, который сообщил мне, что меня вызывает начсвязи дивизии. Я растерялся, – зачем я ему потребовался? Но, раз вызывают, – надо ехать.

Узнав у дивизионных телефонистов, где расположился штаб дивизии, посмотрев в штабе полка, где это на карте, я позвонил старшине роты, попросив его передать Лущевскому, чтобы он оседлал двух лошадей и был готов со мной ехать в дивизию. Быстро собрался сам и пошёл.

Немного отойдя от КП полка, я увидел на обратном скате холма КП зенитной артиллерии. Мне впервые встречалась многометровая труба дальномера, т. к. раньше мы воевали без прикрытия с воздуха. Тут увидел Лущевского, который уже ждал меня, держа на поводу двух лошадей, – маленького сибирячка для себя и высокого венгерского рысака мне.

Я верхом ездил мало, ездить не умел, и что тут было причиной, а что следствием, непонятно, скорее, взаимосвязано одно с другим. Но на этот раз как-то особенно не мог подладиться под шаг лошади. Надо было торопиться, чтобы успеть к назначенному часу, но я был вынужден, то и дело, переводить

лошадь на шаг, т. к. рысью меня растрясло, и уставали ноги (а про себя я ругал Лущевского за то, что он оседлал мне такого неудобного коня).

Ехали всё время хорошей твёрдой дорогой, навстречу попадались обозы, подвозящие грузы к переднему краю. Недалеко от дороги, по обеим её сторонам, располагались многочисленные орудия; таких раньше я никогда не видел, – очень большого калибра, с коротким стволом, а другие – с очень длинным стволом. Куда ни глянешь, – везде орудия; ни одна сотня стволов на километр фронта.

Вот дорога проходит под железной дорогой. А когда я выехал из-под виадука, в воздухе прожужжали два «Фокке-Вульфа», попытавшись спикировать вниз, но в то же мгновение всё небо вокруг них окрасилось дымка́ми разрывов зенитных снарядов, и лётчики, выйдя из пике, улетели восвояси. Инстинктивно я собрался повернуть коня в укрытие, обратно под виадук (зная, что оставаться на лошади во время бомбёжки – верная смерть), но тут же понял, что этого не понадобится (к тому же, осознавал, если вражеские лётчики настолько безрассудны, что решат вернуться, они будут выбирать цель, более важную, чем мы, пара всадников), поэтому поехал дальше.

Вот и село, где расположился штаб дивизии. Оказалось, меня вызывал гв. капитан Ковордеев; он, усадив меня, расспросил о состоянии рдиосвязив полку, а потом сообщил, что он решил назначить меня начальником радиостанции РБС в роту связи дивизии, взамен младшего лейтенанта Михайлова, который не обеспечивает работу этой станции.

Это сообщение было так неожиданно, что я сразу не мог сообразить, что к чему. Но, подумав, попросил гв. капитана не делать этого перед началом боя, ведь сейчас я подготовил свой взвод и знаю, что мне следует делать, а чего не нужно. Как будет действовать Михайлов на моём месте, да и я, сходу, на его? По тому, как я знал Михайлова, был он хорошим радиотехником, но человеком и командиром, довольно слабохарактерным, тем более ему лучше командовать одной радиостанцией. Как я буду передавать ему радиостанции, которые даже

включать пока нельзя? Ни он, ни я не знаем людей, с которыми предстоит работать, причём – сразу в экстремальной, постоянно меняющейся ситуации наступления.

Гв. капитан Ковордеев, приняв во внимание мои доводы, согласился с ними и отпустил меня. А я предположил, что он, рассердившись за что-то на мл. лейтенанта Михайлова, в горячке решил наказать того этой заменой, теперь же, остыв, понял, что этого делать не следует.

На обратный путь я отдал венгерского рысака Лущевскому, несмотря на его неудовольствие. Действительно, на сибирском коньке ехать можно было спокойно, и ноги не уставали. Ещё мне было интересно, как справиться с конём, который вызвал у меня столько мучений, Лущевский. Он оказался седоком ещё худшим, чем я. Не выдержав и километра, слез и повёл коня на поводу, а затем пристроился на проезжавшую мимо бричку, привязав к ней же коня.

В полку, между тем, готовились к бою. Всему личному составу было зачитано обращение Военного Совета 3-го Украинского фронта к красноармейцам, сержантам и офицерам 20-го гвардейского стрелкового корпуса. В нём говорилось:

«Дорогие товарищи, наши боевые друзья!

Многочисленные вражеские танковые и пехотные атаки разбились о несокрушимую стойкость бойцов нашего Фронта и силу нашего могучего оружия.

Не помогли врагу лучшие его танковые дивизии, переброшенные из района Варшавы, с их угрожающими и крикливыми названиями “Мёртвая голова” и “Викинг”.

Авантюрная затея прорваться к Будапешту позорно провалилась. Враг понёс огромные потери в живой силе и технике. Он измотан и обескровлен.

В этой беспримерной битве войска Фронта, в том числе и вы, воины 20-го гвардейского корпуса, показали образцы стойкости и храбрости и не допустили прорыва противника к Будапешту.

Дорогие товарищи!

Настал момент перейти в решительное наступление и уничтожить зарвавшегося врага...

Военный Совет Фронта уверен, что вы с честью выполните поставленную задачу...»

По всему чувствовалось, что такой момент, действительно, настал.

В ночь на 16 марта сапёрный взвод гв. лейтенанта Табакаева приступил к разминированию проходов к переднему краю противника. Минные поля немцы установили между упомянутой выше насосной станцией и своими траншеями, но подобная работа для наших сапёров была привычным делом, – в абсолютной темноте, бесшумно подойдя к минным полям, сапёры начали вытаскивать мины в местах, указанных командиром.

Гв. лейтенант Табакаев, расставив своих сапёров, решил проверить, что находится в насосной станции. Зайдя в раскрытую настежь дверь, он, вытянув руку вперёд и осторожно переступая ногами, двинулся вперёд. Но вдруг левая нога его не нашла очередной опоры, и он полетел куда-то вниз. Расшибся он сильно, но руки-ноги остались целы.

Ощупав руками стены, он понял, что находится в каком-то поземном помещении, по которому проложены трубы. До люка, в который он провалился, самостоятельно ему добраться невозможно, а звать на помощь нельзя, ведь в сотне метров – немцы. Единственное, что ему оставалось – дожидаться, когда сапёры кончат разминирование, хватятся его и начнут искать.

Но ведь сюда может забраться и немецкая разведка и забрать его в качестве «языка». Такое ему не улыбалось. Значит, надо сидеть тихо, ничем не выдавая себя и быть готовым к бою, – он расстегнул кобуру, вытащил пистолет, передёрнув затвором, дослал патрон патронник.

В неподвижном положении долго пробыть нельзя, – затекает то нога, то рука, поэтому изредка приходилось менять позу. Угнетало полное отсутствие звуков. Ему уже казалось, что ночь давно прошла, настал день, но почему не слышно боя, ведь артподготовка назначена на 8:00. утра?

Тут он ясно услышал громкий шёпот:

- Товарищ гвардии лейтенант! [далее – тетрадь 78, от 2-5/Ш-70 г.] Где Вы?

По шёпоту невозможно определить тембр голоса и его хозяина, но было понятно, что это кто-то из его сапёров, поэтому Табакаев, так же, шёпотом отозвался:

- Здесь! Не могу достать до люка.

- Слава богу, а мы уж думали, что фриц Вас за языка утянул!

Сапёры опустили ему верёвку и, выбравшись из ямы, лейтенант, во главе своего взвода, вернулся на КП, доложив о выполнении задания, умолчав о своём падении и сидении в подвале (он рассказал нам об этом на встрече однополчан, состоявшейся лет через десять после войны).

Рассвело, но видимость была почти нулевая, т. к. всю долину заполнил плотный туман, поэтому начало наступления было отложено.

Только к тринадцати часам туман рассеялся, и в 13:00 тишина раскололась: сначала воздух ударил по перепонкам, затем взрывы многочисленных снарядов стали чувствоваться ногами через вздрагивание земли. Отдельных выстрелов, как это чаще всего бывало при артподготовке раньше, различить было нельзя, всё слилось с один мощный гул. Целый час продолжали играть свою «музыку» артиллеристы, и каждая из этих шестидесяти минут была для командиров и бойцов стрелковых батальонов временем приближающегося момента, когда надо покинуть свой, такой надёжный, окоп (или траншею) и, как можно быстрее, преодолеть расстояние, разделяющее его от фашиста, чтобы штыком или гранатой уничтожить его, ведь, если не ты его, то он убьёт тебя. А пока над твоей головой летят снаряды, можно мысленно повторить свою жизнь, вспомнить своих родных.

Но вот включилась «Катюша», значит, – пора! Так же внезапно вернулась тишина, к которой тоже надо привыкнуть, но – не сегодня.

С первыми звуками артподготовки я сорвал с радиостанций пломбы и стал проверять связь. Когда убедился, что оба аппарата работают нормально, на сердце отлегло, стало спокойно, уверенность в своих силах вернулась, хотя пока нужды в радиосвязи не было, – чётко работала проводная.

Стрелковые батальоны, после артподготовки, одни броском заняли первую траншею и уверенно продвигались дальше, но тут навстречу им двинулись немецкие танки. Одно дело встречаться с этими громадами, находясь в траншее, другое дело – в чистом поле. Всё перемешалось: отдельные подбитые танки горят, другие врезались в стрелковые цепи, но вот, встретившись с огнём противотанковых орудий, противник, не выдержав выстрелов прямой наводкой, включил заднюю передачу и, прикрываясь уже навсегда замершими машинами, отходит в тыл.

Стрелки в это время начали окапываться, подтягивалась артиллерия, бой становился затяжным. После ночного, настороженного с обеих сторон, противостояния, наблюдательный пункт командира полка передвинулся вперёд.

Любому перемещению сильно мешал огонь той миномётной батареи противника, что стояла за четырёхэтажным домом, на центральной площади города, рядом с двуглавой церковью. Огонь этой батареи (и, скорее всего, других – тоже) немцы корректировали с наблюдательного пункта, расположенного на колокольне двуглавой церкви. Наша артиллерия пыталась сбить эту колокольню, но прочная старинная кирпичная кладка выдерживала прямые попадания, после которых на стенах оставались только выбоины.

На НП командира нашего полка скопилось много народа, – главным образом, артиллеристы, приданных полку артчастей. Когда комполка попытался перенести НП и пошёл, сопровождаемый всеми этими командирами,

на новое место, немцы открыли по ним плотный огонь, который заставил всех вернуться на старое место.

Наши стрелки, хоть и медленно, но продвигались вперёд, и НП, всё-таки, передвинулся вслед за ними. Ячейка наблюдения была оборудована на небольшой высотке, на обратном скате которой проходила отбитая у немцев траншея, а также – находились несколько хорошо оборудованных просторных землянок. Рядом с НП встала резервная самоходная установка САУ-76 противотанкового истребительного дивизиона.

Изредка среди этих землянок рвались тяжёлые снаряды, поэтому расчёт САУ-76 выкопал окоп, в котором и отсиживался (эта установка имеет противопульную броню, но сверху совсем открыта).

Днём привезли обед, и несколько офицеров собрались в одной из перешедших к нам землянок противника. Были здесь в это время замполит гв. майор Тяжельников, начсвязи гв. капитан Попов, полковой инженер гв. капитан Г., несколько артиллеристов и я.

Во время обеда в землянку вошёл сапёр, держа в руках новую немецкую противотанковую мину, представляющую собою брусок, сечением 10 на 10 сантиметров и длиною 80. Спросив разрешения майора, он обратился к инженеру:

- Товарищ капитан, по Вашему приказу доставил новую немецкую мину.

Капитан, отложив в сторону котелок и ложку, стал, прямо здесь же, возиться с этой миной. Несколько офицеров, в том числе – начсвязи, не выдержали:

- Капитан, прекрати эти свои эксперименты, да ещё в присутствии людей!

- Да тут ничего опасного, ерунда! – отмахнулся инженер.

Тогда капитан Попов и ещё пара офицеров, встав из-за стола, ушли из землянки.

Лейтенант-артиллерист сказал капитану-инженеру:

- Вы, капитан, зря возитесь с этой штукой. Ведь в «Атаке» (дивизионной газете) была статья дивизионного инженера полковника Пивоварова о том, что такие новые немецкие мины не вскрываются.

- Покажешь газету – поверю, – опять отбрыкну́лся инженер Г., продолжая крутить-вертеть этот брусок в руках, пытаясь отвёрткой чего-то подцепить.

Тут не выдержал и майор:

- Ты, если такой любопытный, иди отсюда туда, где народа-то нет! Или прекрати, в самом-то деле!

После этих слов инженер Г., не выпуская мины из рук, вышел вместе с сапёром из землянки. За ними, то ли просто до ветра, то ли, заинтересовавшись, что там за новая модель, выскочил лейтенант-артиллерист.

Где-то через полчаса раздался близкий громкий взрыв – разорвалась та самая мина, в результате чего инженер погиб, а сапёр с лейтенантом-артиллеристом получили тяжёлые ранения.

Оказывается, выйдя из нашей землянки, инженер пошёл к комполка и попросил дать распоряжение комроты связи, чтобы тот выделил ему связиста и катушку кабеля для работы с этой новой миной. Гв. полковник Маркелов, отказав капитану, категорически запретил ему заниматься вскрытием мины.

Но полковой инженер пошёл к комроты связи гв. капитану Чебоненко, и тот дал ему связиста и кабель. Капитан, сапёр и связист, привязав мину кабелем и укрывшись в траншее, стали таскать мину по полю. Мина эти перемещения выдержала.

Тогда инженер вылез из укрытия и, подойдя к мине, наклонился над ней. В этот момент к нему подбежал, размахивая газетой, счастливый лейтенант-артиллерист:

- Капитан, я нашёл статью про то, что мина не вскрывается, – смотрите!

- Ну, давайте, почитаем эти враки, – не оборачиваясь, проворчал Г.

Лейтенанту оставалось три–четыре шага до инженера, когда мина разорвалась. Сапёру осколки прилетели в голову, а артиллеристу – в ноги. Всё,

что осталось от капитана – нога в сапоге и несколько писем, которые он хранил во внутреннем кармане френча.

Я подобрал разбросанные по полю письма и фото, на котором были сняты две девочки. Складывая всё это в пачку, обратил внимание на строчку «Очень прошу, побереги себя...».

Тяжело осела в душе эта никому ненужная гибель, но, опять, переживать было некогда, – телефонист сообщил мне, что ранен в ухо радист Пинченко М. К. Я, позвав Пинченко к телефону, спросил, может ли он оставаться на месте или его надо эвакуировать, на что он мне ответил:

- Пустяки. Заслушался я в наушниках, да вынул голову, с окопчика своего мелкого, неосторожно. А мина как раз рванула рядом, осколок мне послала. Так бы, может, сильнее за ухо цапнул меня тот осколок, но я ж – при исполнении, в наушниках. Так осколок на наушник силу истратил, на ухо и не осталось.

- Иди в санчасть на перевязку и отдохни немножко. Слышишь? – сказал я ему, но он запротестовал:

- Не, товарищ командир, мне перевязку здесь сделали, а крови я не потерял – какая ж в ухе кровь ведь?! Разрешите остаться?

Я не стал возражать. К тому же, слышавший этот наш разговор замполит (майор Тяжельников) в этот момент спросил меня биографические данные на Пинченко, записав их себе в книжку. Майор сразу же пошёл на позиции, в стрелковый батальон и прямо в окопе вручил Пинченко медаль «За боевые заслуги».

Кстати, пробраться и к КП батальона, и обратно было не так просто. Комбат и радисты помещались в наскоро отрытых довольно мелких окопах, недалеко от шоссе, ведущего к северо-западной городской окраине по совсем открытой местности, обстреливаемой с сотни метров (из крайних домов) пулемётами и миномётами противника.

Приблизительно в это же время случайный снаряд попал в окоп, в котором сидел расчёт САУ-76. Прямое попадание – явление редкое, даже при

самом плотном обстреле, тем более кажется невероятным такое трагическое стечение обстоятельств, при той интенсивности, которая была со стороны немцев в этот раз. Из всего расчёты в живых (хотя и с перебитыми ногами) остался лишь командир (гвардии лейтенант).

К вечеру наши стрелки заняли четыре крайних дома, и комполка приказал переносить в один из них свой КП. Мы с радистами, не дожидаясь темноты, первыми направились к этим домам. Сложнее всего оказалось преодолеть последние сто метров, лишённые всякого укрытия, кроме наспех отрытых нашими стрелками маленьких окопов. Перебежками, от одного окопа к другому, но я больше всего боялся за радиостанции (которые сильно выдаются за спиной, с трудов вмещаются в окоп), потому что зачем мы на КП без аппаратов.

Но вот, пробежав последний отрезок пути, я запрыгнул через окно в дом. У противоположных окон, с автоматами в руках стоят несколько офицеров, а комроты сапёров гв. лейтенант Табакаев сам себе перевязывает руку бинтом. Оказывается, только что отбили атаку немцев, лейтенанту вражеская пуля по касательной прошла вдоль предплечья левой руки.

В данный момент противник находится метрах в ста, за решётчатой железной садовой оградой, с полуметровым кирпичным основанием и кирпичными же столбами. Выбивать противника, засевшего в каменных домах (или за такими заборами) с толстыми стенами, было трудно, но офицерам помогало знание города (не только по карте), ведь чуть более трёх месяцев назад, мы вели здесь бои (хотя двигались в противоположном направлении).

Но, всё-таки, в сумерки стрелкам удалось выдавить врага из-за этого укрытия, продолжая, дом за домом, очищать городскую окраину от фрицев. Такое продвижение стало возможным и, благодаря тому, что в боевых порядках стрелковых рот двигались САУ-76 (их, в свою очередь оберегали наши стрелки). После их выстрелов прямой наводкой в окна домов, где засели

фашисты, те, как можно скорее, стремились покинуть жилище, оказавшееся ненадёжным для таких непрошенных гостей.

Одна из самоходок осторожно (не отрываясь от поддерживающей её пехоты) двигалась по правой стороне главной улицы города, приближаясь к двуглавой церкви, стоявшей на центральной площади. Вдруг из-за ближайшего угла немцы, выкатив противотанковую пушку, в упор расстреляли нашу самоходку. Вскоре была подбита ещё одна.

Тогда стрелки стали двигаться чуть впереди самоходных установок, предупреждая нападение на технику, в то время как техника прикрывала пехоту своим мощным огнём. Так скоро была очищена и центральная площадь с стоящей на ней церковью.

ПНШ-1 гв. капитан Кондратенко в сопровождении связного шёл мимо двуглавой церкви в батальоны. Навстречу ему попалась группа мужчин в гражданской одежде, неожиданно один из них, выйдя из-за спин, вытащил из-под пальто ручной пулемёт и длинной очередью полоснул капитана по ногам. Сопровождавший связист из автомата положил всех замаскировавшихся под гражданских немецко-венгерских вояк.

Командный пункт перенесли в центр города, а к утру 22 марта полк вышел на юго-восточную окраину Секешфехервара. Однако своевременно выйти к берегу озера Балатон и отрезать танковые части противника нашему стрелковому корпусу (и тем частям, которые действовали вместе с ним) не удалось – танки противника успели удрать.

Правее, чуть позже нашей Армии, начала наступление только что сформированная и полностью укомплектованная 9-я гвардейская Армия, за которой следовала 6-я танковая Армия (переданная из 2-го Украинского фронта в состав 3-го для развития успеха в наступлении на Вену). Наступление 9-й Армии развивалось хоть и медленнее, чем планировалось, но к 22 марта оно увенчалось успехом, и 6-я танковая Армия, войдя в прорыв, начала гнать врага такими темпами, что пехота не могла за ней угнаться.

Полностью овладев Секешфехерваром, наш полк двинулся в город Мор. В нём мы простояли около суток, а вечером, около города было назначено построение полка для зачтения приказа Верховного Главнокомандующего, в котором он объявлял благодарность войскам, участвовавшим в прорыве обороны противника и взятии нескольких городов (в том числе – Секешфехервара); упоминались в этом приказе и войска гвардии полковника Чижова (т. е. наша дивизия).

Редкий лесок, где должен был строиться полк, земля в нём покрыта тонким слоем свежего снега. В ожидании подхода других подразделений и общего построения несколько офицеров (в том числе, и я) стояли кучкой и разговаривали.

Прислушиваясь к беседе, я разгребал носком правого сапога снег, из-под которого показалась ржавая мадьярская граната с развинчивающимся корпусом. Подняв эту гранату, я взял её обеими руками и стал вращать одну часть взад-вперёд, при этом она то навинчивалась, то свинчивалась с другой.

Увидев это, гв. лейтенант Табакаев (командир сапёрного взвода) сказал:

- Брось, Плотников, баловаться с гранатой.

- Да ну, что может быть, ведь она вся заржавела, и запал в ней нет, – ответил я, продолжая крутить железяку.

Табакаев не стал спорить, а демонстративно повернулся кругом и пошёл прочь. Тогда я, вспомнив полкового инженера и его трагическую гибель, подумал:

- Да ведь, действительно, граната есть граната, лучше с ней дела не иметь.

Хотел её бросить под ноги, но опять что-то сработало в голове:

- Бросать, так подальше!

Заметив метрах в двадцати от нас окоп, размахнулся и бросил эту ржавую гранату туда.

Каково же было моё изумление, когда из этого окопа [далее – тетрадь 79, от 6/III-70 г.] раздался взрыв! Заржавевшая граната, без запала, сработала! Дрожь

прошла по моему телу, когда я представил, что было бы, если бы она взорвалась у меня в руках.

Вскоре раздалась команда «Становись!», а через несколько минут полк стоял смирно, встречая подходившего командира гв. полковника Маркелова. Вынесли знамёна, и мы, с чувством, даже не гордости, а благодарности слушали текст приказа тов. Сталина, который показывал внимание к каждому из миллионов солдат, участвующих в этой грандиозной битве.

Тем временем войска 6-й танковой армии продолжали стремительно продвигаться вперёд, а мы, пехота, с такой скоростью справиться не могли, а шли, в сущности, у них в тылу.

Но под городом Чорна противник контратаковал одну из мехбригад, и мы должны были вступить в бой, для чего нам надо было переправиться через реку Ра́ба (которую почему-то называли каналом). В месте переправы Раба разделялась на два рукава, между которыми находился остров.

Через восточный рукав полк без проблем переправился на лодках и понтонах. Всё это время радиостанции для связи вверх (с дивизией) и вниз (с батальонами) транспортировались на бричке, которую переправили через рукав вброд (небольшая глубина позволяла это сделать).

Западный рукав был шире и глубже, поэтому полк для переправы через него двинулся к наведённому инженерными войсками временному мосту (находящемуся рядом с взорванным противником постоянным мостом).

У моста стояли две большие очереди: одна из бричек, другая – из машин. Часовой, стоявший у моста, пропускал несколько машин, затем – несколько бричек, а пехота шла без задержки (для этого весь транспорт останавливался).

Когда я с радиостанциями на бричке попытался проехать на мост вслед за нашими стрелками, часовой преградил дорогу, сказав:

- Только в хвост очереди.

Такое развитие ситуации гарантировало нам ожидание не менее суток, в течение которых полк бы оставался без связи. Оставалось только взять на плечи

радиостанции и так догонять уходящую вперёд колонну. Однако продвижение было настолько быстрым, что при всём старании нам не хватило бы сил передвигаться со скоростью колонны и на пять–десять минут, не говоря о том, чтобы выдержать несколько часов, к тому же успеть догнать, всё сильнее удаляющуюся к этому времени от нас колонну.

Я доложил о создавшемся положении начсвязи, но он ответил, что ничем помочь не может, посоветовав обратиться с просьбой пропустить бричку по мосту к командовавшему переправой полковнику, который стоял в группе офицеров, метрах в пятидесяти от моста.

Подойдя к полковнику, я спросил разрешения обратиться и, получив его, доложил о создавшемся положении, передав просьбу своего начальства пропустить нашу бричку без очереди, чтобы полк не остался без связи. Полковник, отрубив короткое «Нет!», отвернувшись от меня, продолжил свой разговор с собеседниками, я, опустив голову, медленно шёл к бричке.

Ничего не оставалось, как, взвалив аппараты на спины, идти сзади полка, это гарантировало меньшее отставание, чем суточное стояние у моста. Но тут я подумал: ведь часовой не слышал ответа полковника, не проявить ли ради нужного полку дела находчивость.

Бодро подняв голову, излучая вселенскую радость, я подошёл к стоявшему у моста часовому:

- Полковник приказал пропустить нашу бричку без очереди.

Часовой, видевший, как я подходил к его командиру, прервал поток машин, в это время заходящих на мост, пропустил нашу повозку, а за ней опять пошли автомобили, т. ч. вернуть нас с этого момента было уже почти невозможно (если только у кого-нибудь не возникло желания задержать общую переправу ещё минут на пять).

Временный мост, наведённый сапёрами через западный рукав реки Раба, был невысок, ниже берега, а правее него возвышались остатки постоянного моста, взорванного немцами. На западном берегу реки, у самого обрыва, на

дороге, которая вела с запада на бывший мост, стоял подбитый и обгоревший танк «Т-34», загородив собою всю дорогу.

Оказывается, когда накануне наша танковая колонна подошла с востока к мосту, этот танк, успев проскочить мост, был подбит немцами, а мост сразу взорван. Так попытка захватить мост с ходу не удалась, но экипаж танка, выскочив из горящей машины, помог автоматчикам захватить плацдарм на этом, западном, берегу, и таким образом, была обеспечена дальнейшая переправа всей мехбригады.

Мы, переправившись по временному мосту, догнали полк, который в тот момент отдыхал на западной окраине близлежащего села. В это же время к полку присоединился 85-й отдельный гвардейский самоходный артдивизион нашей дивизии, состоявший из двенадцати новых САУ-76. Командир дивизиона гв. майор Федоненко [Федоренко?] ехал на легковой машине.

Наш комполка, конечно, был рад такому подкреплению и, сев в автомобиль к майору, крикнул мне:

- Плотников, не отставай!

Машина тронулась вперёд, за ней 12 самоходок, а потом – я с радистами на бричке. Но, как ни старался Лущевский разогнать коней по хорошей дороге, мощёной булыжником, мы всё-таки понемногу отставали от колонны автомашин. Правда, когда они остановились в следующем селе, за время их стоянки мы успели, объехав самоходки, вырулить к комполка, входящему в этот момент в дом, и доложить о прибытии рации.

Приказав Лущевскому поставить бричку у стены дома, я (с радистами) развернул временную антенну и проверил связь с дивизией.

Быстро смеркалось. Примерно через час подошли стрелковые батальоны и также остановились в этом селе на привал, а когда прозвучали команды «По машинам! Батальоны в колонну становись!», полк продолжил движение в той же последовательности: комполка с майором на машине, самоходки, мы на бричке, батальоны.

Это повторялось несколько раз, но на остановке в последнем, перед городом Чорна [Csorna], селе ко мне подошёл военный в комбинезоне и шлеме, спросив:

- Лейтенант, где можно увидеть вашего комполка?

- Зачем Вам нужен командир полка? – в ответ спросил я.

- Я водитель броневика, вёз командира роты и на выезде из этого села, примерно в километре отсюда, был подбит очередью из пулемёта. Командир роты убит. Надо разыскать замаскировавшегося фрица с пулемётом.

Тогда я проводил его к полковнику Маркелову, а через несколько минут на поиске вражеского пулемёта выехала одна из самоходок. Но, понятно, что оставленный у дороги немецкий пулемётчик не стал стрелять по самоходной установке и не обнаружил себя, найти же его тёмной ночью было невозможно.

Когда, по окончанию привала, комполка опять, сев в машину, произнёс: «Плотников, не отставай!», – я сообразил, в какое опасное положение я попадаю, – отстань бричка от самоходок, противник одной пулемётной очередью перебьёт коней, нас и аппаратуру.

Я готов был принять решение двигаться с пехотой (тогда затаившийся пулемётчик не осмелиться стрелять), но командир приказал не отставать, а приказ надо выполнять. Тогда я сказал Лущевскому:

- Борис, на тебя вся надежда. Отстанешь от самоходок – нам не быть живыми.

Он это понимал и сам. И вот мы помчались. Лущевский поочерёдно ударял по лошадям, и та, на спину которой прилетал удар, дёргала бричку вперёд, занося бричку в свою сторону. Таким образом, повозка наша, как пьяная, виляла вправо (когда Борис доставал левую лошадь), то влево (когда доставалось правой), но зато мы держались метрах в пяти от последней самоходки. Нам помогло ещё и то, что здесь, перед городом булыжная мостовая переходила в асфальтовую, поэтому колёса катились мягче, и коням стало полегче.

Перед въездом в город машины остановились, и бричка, обогнав самоходки, подъехала к автомобилю командиров, я доложил о прибытии радиостанций.

Входить в город, без разведки, командир благоразумно не стал. Правда, через город уже прошла мехбригада, но справа от города оставались войска противника, оборону против которых и должен был занять наш полк (рядом с другими полками дивизии). Кроме того, в самом городе могли остаться отдельные немецкие (венгерские) солдаты или даже затаившиеся группы.

Подошли стрелковые батальоны, и специально выделенные подразделения занялись прочёсыванием городских кварталов. Я с радиостанциями получил приказ двигаться уже, когда рассвело.

Грустную картину мы увидели в городе: весенний ветер гонял по дорогам какие-то бумаги, многочисленные лавочки на центральной улице стояли с разбитыми окнами и открытыми настежь дверями. В одну из них я, из любопытства, зашёл.

В открытых коробках и по всему полу валялись деревянные катушки ниток защитного цвета разных номеров [указывающих на диаметр нити], – очевидно, этот товар для немецких мародёров не представлял ценности, поэтому они только разбросали его. По всей вероятности, всё ценное, если хозяин не успел спрятать, было разграблено, потому что кругом, кроме этих катушек, было, что называется, шаром покати.

Жители попрятались по бункерам-подвалам, потому город казался вымершим. Однако наши солдаты, то и дело, вытаскивали из подвалов домов немецких солдат, прячущихся среди детей, женщин и стариков.

Советская Армия освобождала последний район Венгрии. Венгерские войска с самого начала войны не выказывали особого рвения, когда же линия фронта зашла на венгерскую территорию, они окончательно поняли, что пора с такой войной заканчивать, и, при первой же возможности, стали сдаваться в

плен. Когда стало известно о сформировании в Дéбрецене[1] демократического правительства, которое объявило войну Германии и стало набирать свою армию, то не только рядовые, но и большинство офицеров стало переходить на сторону нового правительства и новой армии.

Немцам удавалось лишь путём жёсткого контроля и репрессий удерживать остатки былых венгерских войск на фронте. Незадолго до этого они арестовали и посадили в тюрьму главнокомандующего венгерскими вооружёнными силами (из которой его через несколько дней освободила Советская Армия). Арест главнокомандующего переполнил чашу терпения венгров, и последние их части, державшие оборону на нашем участке, начали переговоры о переходе на сторону нового правительства.

Так, и командир венгерского батальона, стоявшего против нашего полка, прислал своих парламентариев, а вскоре всё их подразделение, оставив свои позиции, проследовало через наши боевые порядки в тыл, для переформирования. Подобным образом перешли на нашу сторону несколько венгерских дивизий, а оборона немцев, в результате, была дезорганизована, фронт на много километров был открыт.

К сожалению, у нашего командования не было в резерве нужных войск, чтобы, продвигаясь на открывшиеся участки, обеспечить свои фланги. Тогда наш полк получил приказ двумя батальонами держать оборону, а третий посадить на автомашины 3-го дивизиона 171-го гв. артполка, вводя в прорыв фронта немцев на западном направлении (аналогичные подвижны́е отряды выделяли и другие полки дивизии).

Так, 1-й стр. батальон был посажен по кузовам «Студебеккеров», которые буксировали 76-м/м орудия 3-го артдивизиона. При комбате была радиостанция ВР, начальником которой был мл. сержант Леонов Фёдор Алексеевич, а радистом Шевчук Владимир Яковлевич.

[1] Дебрецен – город на востоке Венгрии, второй по населённости после столицы.

Батальон устремился на запад со скоростью, которую позволяли держать машины. Дальность действия радиостанции 6–8 километров была перекрыта в первый же час, но днём, когда помех меньше, удавалось поддерживать связь с батальоном, ночью связь прекратилась совсем.

Между тем и начштаба майор Сорочан, и комполка волновались за батальон и всю ночь ждали от комбата донесений. Они понимали, что установить на таком расстоянии связь очень трудно, скорее, это было бы чудом сверхдальней связи, случающимся чрезвычайно редко и кратковременно. Но всё же, как и я, всю ночь сидевший у аппарата (и переключив на связь более надёжную дивизионную радиостанцию РБ), не оставляли надежды получить хоть короткое сообщение.

Продолжая посылать в эфир позывные подвижнóго отряда, я, с какого-то момента, начал делать это уже на автомате (бессонная ночь или монотонность операции повлияли), и вдруг, не поверите! Я и сам не поверил! – шла вторая половина ночи, и я услышал позывные подвижного отряда. Причём, слышно было очень громко. Тон сигналов был чистый уверенный («ч9», как говорят радисты), явно работали не на ВР.

По характеру передачи можно было признать, что работал Леонов, но незнакомый тон сигналов делал непривычной «руку» радиста. Так кто же отвечает позывными подвижного отряда? Неужели немцы? Это было возможно, так как на мои вызовы наша станция не отвечала.

Тогда я запросил пароль. Ответ был правильный. Для проверки задал какой-то пустяковый вопрос, на который мог ответить только Леонов (вроде, «Как фамилия бывшего старшины роты?»), и на этот вопрос получил верный уверенный ответ.

Сомнений не оставалось, – со мной говорит Леонов. Захвачен немцами и вынужден работать от них? Если это так, честного ответа на этот вопрос не получить. Тогда я спрашиваю:

- На чём работаешь?

- На трофейной немецкой рации, – отвечает.

Этого я от Леонова не ожидал. Ведь надо было суметь не только включить радию, но и пересчитать волны с немецких на наши. Но факт оставался фактом, что он самостоятельно сумел всё это сделать.

Вскоре он передал донесение, расшифровав которое в штабе, я прикинул, что расстояние от той рации до нашей было более 80 километров (т. е. более чем в 10 раз превышало дальность действия моего аппарат ВР, а РБ, – вообще, в 40 раз). Казалось бы, в таких условиях нечего и пытаться устанавливать связь (пусть, я не был уверен, что батальон смог отъехать так далеко), однако Леонов тоже упорно это делал, сначала на ВР, а потом – на немецкой радиостанции, работавшей от 2-вольтовых аккумуляторов (питание анода через вибропреобразователь). В течение получаса Леонов сумел включить и настроить трофейную радиостанцию и обеспечил [далее – тетрадь 80, от 9/III-70 г.] передачу донесения и приём приказа из штаба полка.

Через несколько дней, когда подвижной отряд присоединился к полку (это случилось уже перед самой австрийской границей), командир 1-го батальона рассказал мне историю появления трофейной рации:

- Дело было так. Двенадцать больших машин, «Стыдобре́херы» (комбат критически относился к американским союзникам, так долго не открывавшим второй фронт, поэтому на соответствующий манер переиначил название лендли́зовского автомобиля «Студебеккера»), забрали нас под брезент, а сзади, на прицепе орудия тащат. Дорога, ничего не попишешь, у венгров хорошая, мягонько и быстро мы по ней докатились по низи́нке.

А вот как завоет, так я толкаю водителя: «Стой!» и своим, в кузове ору «Воздух!». Колонна встала, а свернуть некуда, – шоссе ведь на такой насыпи, что вниз, почти отвесно, метр будет. Мои бойцы – через задний борт на шоссе попрыгали, с насыпи вниз, и на землю залегли. Леонов прыгнул тоже, рацию за собой не потащил, понятно дело, – это ж только внимание привлекать ею немецкое.

Пара фок [«Фокке-Вульфов»] летят, торопятся с нами познакомиться. Пулемёты свои включили, посыпают нас крупнокалиберными пулями. На второй заход не пошли, я думаю, кончились у фрицов все их ховня́нские «подарочки», смотались махом, даже быстрее, чем к нам прискакали.

Одну машину, подбили, мерзавцы, как раз ту, где радиостанция ехала. И, главное, когда фрицы улетели, все машины целые, будто, были. Бойцы с земли поднялись, отряхаются, шутят: «Поспали вот, пора на завтрак идти», «Ты чего это ко мне задом-то повернулся, да попу́кивал, громче самолёту», – ну, знаешь, солдатские прибаутки. Подходят к машинам, начали в них залазить.

Тут борт того «Брехера», в котором твои связисты ехали, будто, язык пламени лизнул. При свете солнца его и не видно почти. До брезента дотянулся, брезент сухой, пропылённый, вспыхнул враз! Пылает, дым тёмный пошёл, видно, бак загорелся-то.

Твой Леонов как заорёт: «Рация!», – и прыг, перекинулся через борт в машину, а та ведь горит уже нешуточно, от брезента уже только пшик остался, – одни лохмотья в воздухе летают. Так там, в кузове, до рации, он её, чтобы не растрясти к кабине ближе поставил, ящики со снарядами, уже до этих ящиков огонь добрался. Леонов через них прыг-прыг, схватил свою рацию и бросил моим стрелкам в руки. Сам выпрыгнул с машины, уже гимнастёрка тлела в двух местах, похлопали по ней, потушили.

Леонов взял радию за ремни, отошёл, уже ме-едленно, подальше, сел на землю, рацию – между ног, облокотился на неё и смотрит, как бойцы мои шофёра отгоняют от машины его горящей, там уже снаряды рваться начали.

Потом мы рассадили погорельцев по другим машинам и дальше покатили. Вот такая история.

Да! А потом мои бойцы, брошенную фрицами коробочку нашли, говорят: «Похожа на рацию. Может, Леонова за пожарную храбрость ею отметим. Да и хорошо будет, коли фри́цевая техника против него повоюет». Принесли твоему

радисту, чтобы кумекал, нужна – нет ли. Так он на ней до тебя и достучался. Башковитый парень оказался, не только смелый![1]

Вскоре весь наш полк двинулся на запад и пересёк венгеро-австрийскую границу. Это была уже третья страна, на землю которой вступили солдаты нашей дивизии.

В первой австрийской деревне полк остановился на ночь. Посреди ночи разбудил меня старшина и сообщил, что начрации их батальона Щечилин, выпив несколько кружек вина, выкатил на площадь, посредине деревни, ви́нную бочку, уселся на неё и теперь его никак не могут отправить спать. Мл. сержант Щечилин, самый пожилой из моих радистов, с 1943 года назначенный начальником полковой радиостанции и моим помощником, в последнее время пристрастился к вину, и его пришлось перевести начальником рации в батальон (там было меньше возможности для подобных вольностей).

Я, в сопровождении старшины, пошёл на площадь, где увидел, будто бы созданную местным мастером скульптуру, – постаментом была поставленная на попа бочка, на ней восседала фигура, свесившая голову на грудь. Можно было бы, и вправду, принять это за сатирическую аллегорию пьянству, но подойдя ближе (когда уже был слышен храп спящего) и уже различая, что человек этот в форме советского солдата, становилось стыдно.

Подойдя почти вплотную, я, чуть повысив голос, спокойно сказал:

- Щечилин, вставайте!

Щечилин чуть приподнял голову, и что-то невнятно пробормотал.

- Воздух! – вполнакала крикнул я, и Щечилин моментально вскочил с бочки и бестолково заметался, не соображая куда бежать.

- Щечилин, стойте! Зачем Вы здесь, когда нужно спать, – спросил я.

Сержант, наконец, признал меня и сделал попытку встать смирно, и забормотал:

- Я ничего, я могу спать, я иду спать.

[1] Текст сюжета обработан при оцифровке.

- Ступайте спать, а завтра явитесь ко мне и доложите, что с вами произошло, – произнёс я, как можно чётче.

- Есть идти спать и завтра доложить! – уже вполне очухавшись, ответил Щечилин, повернулся кругом и, хотя не очень твёрдо, но направился к тем домам, где разместился батальон.

Я тоже пошёл досыпать, а рано утром полк двинулся дальше.

Мы шли по долине Дуная, а левее нас и впереди стремительно продвигались соединения 6-й танковой Армии (именно поэтому мы почти не встречали сопротивления).

Местность, за редким исключением, низменная, с многочисленными мелкими речками и густонаселённая. Получалось, что только выйдешь из одного селения, почти сразу начинается другое (лежали они друг от друга в 1–2 километрах). Названия этих населённых пунктов чаще всего были труднопроизносимыми и плохо запоминающимися (кроме обыкновенного окончания «дорф» [Dorf – «деревня, село», нем.]), для нашего русского уха, даже с кое-какой подготовкой по немецкому языку.

Австрийские сёла своим внешним видом резко отличались от сёл венгерских. Дома венгров приземистые, широкие, будто прижатые к земле, с аккуратными невысокими крышами и ровными белыми стенами, говорили о добротности, бережливости, хозяйственной целесообразности, без высоких претензий на красоту.

Другое дело – австрийские сёла. Здесь тоже встречалось много хозяйственных простых домов, попадались и бедные, но бросалась в глаза та часть домов, которые чаще располагались в центре селения, построены они были в готическом стиле, в двух этажах, с мансардами в крыше, с балконами, красивой кирпичной кладки, с высокими узкими окнами и с необычайно высокими, можно сказать, острыми, крышами (обычно – черепичными). Такие дома строились не столько удобными, сколько красивыми (для своего

времени), а это больше характерно не для села, а для города. Вообще, все австрийские сёла имеют какой-то городской облик.

Население, в большинстве своём, покидало деревни до нашего прихода, и мы заставали пустые дома с раскрытыми настежь дверями, брошенным имуществом. Было видно, что хозяева убегали, не успев захватить с собой ничего, – на вешалках оставалась одежда, продукты (в т. ч. – одно-, двухдневные – булки хлеба, куски сала и др.) лежали в кухонных столах и шкафчиках.

Один раз, получив дивизионную газету, мы прочитали сводку Совинформбюро, где были перечислены, как освобождённые от врага, населённые пункты в Австрии, и, среди них, 5–6 – лежащих перед нами. Каково было наше удивление, когда во второй деревне оказались немцы.

Наши стрелковые батальоны развёртывались на выходе из предыдущей деревни, справа и слева от дороги. Вдруг мимо них, на большой скорости, в направлении следующего селения проехала грузовая машина (очевидно, сидящие в ней тоже читали сводку). Наши стрелки сообразили, что машина, с находящимися в ней солдатами, офицерами, грузом, достанется немцам, но автомобиль был уже далеко. Открыли огонь из автоматов и карабинов, но шофёр упрямо удалялся на своём «ЗИС»-5[1], въехав в занятую противником деревню.

После этого комполка приказал перегородить дорогу, и через некоторое время на обочине стояло уже несколько автомобилей, а рядом – сопровождающие их офицеры, ругающиеся и никак не принимающих того, что дальше ехать нельзя – опасно. Некоторые, достав ту газету, тыкали в неё пальцем: «Вот, читайте, раз напечатали, значит лучше вашего знают!».

Причём, объявлять кого-то виноватым в том, что была напечатана недостоверная информация, конечно, было не правильным. Действительно, два дня назад соединения 6-ой танковой Армии прошли этой трассой, но они

[1] ЗИС-5 или «трёхтонка» – один из основных транспортных автомобилей Красной Армии в период Великой Отечественной войны.

выполняли задачу быстрее двигаться к Вене, а не заниматься зачисткой селений, что как раз и выполняли следующие следом стрелковые части (в том числе – и наш полк).

Отдельные подразделения немецких войск (оставшиеся в тылу нашей, мчащейся на запад, танковой Армии) иногда пробовали организовать оборону, но, в большинстве случаев, из этого ничего не получалось. Так, в этом селении, пытаясь организовать бой в окружении, к вечеру, под нажимом наших гвардейских батальонов, капитулировали (при этом были освобождены водитель и офицер, так самоуверенно заехавшие к противнику).

Чуть позже, продолжая продвигаться к Вене, на западном, луговом берегу Дуная мы увидели большие железобетонные колпаки с толстыми стальными дверями и амбразурами. Своим внешним видом, напоминая резервуары для нефти, диаметром метров пять и такой же высоты, они бросались в глаза, – белые, на ярко-зелёном фоне молодой весенней травы.

Все двери были закрыты на прочные замки, которые никак не удавалось сбить, и только, подкатив вплотную 45-м/м пушку, её выстрелом в упор получилось это сделать.

Из рассказов местных жителей удалось узнать, что колпаки эти, ДОТы [ДОТ – долговременная оборонительная точка], соорудили здесь в прошлое лето, но, до настоящего времени, оборонительная линия, которую они должны были представлять, осталась только на бумаге, ведь они между собой так и не были соединены, а сами «колпаки» не успели засыпать землёй (к тому же, в них не было ни оружия, ни гарнизонов).

Каждый ДОТ предназначался для помещения в него одного орудия и двух пулемётов. Его стены способен был разрушить снаряд лишь более чем 120-м/м калибра, и то – при прямом попадании.

Безусловно, главным «виновником» подобной, досадной для противника, незавершённости всей этой (может быть, в дальнейшем, не проходимой, по крайней мере, потребовавшей бы значительных потерь не только времени, но и

жертв) оборонительной линии была та скорость, с которой шло наступление нашей советской Красной Армии, в первую очередь, её 6-й танковой Армии.

Первые числа апреля были здесь уже концом весны. Стояли тёплые солнечные дни, кругом ярко зеленело, но ночи были прохладные (скорее всего, эту свежесть давала река).

Колонна полка продолжала движение долиной Дуная, по пыльной просёлочной дороге. Открытая низменная местность, почти без деревьев, позволяла видеть далеко вокруг. Справа от нас, километрах в пяти, был сам Дунай, его русло можно было определить по деревьям и кустам.

Ближе к нам, по параллельным дорогам двигалось ещё несколько колонн частей нашей Армии и 46-й Армии 2-го Украинского фронта.

Вот, с душераздирающим скрежетом, там, впереди, где уже можно было различить предместья Вены, завыл вражеский шестиствольный миномёт, и несколько его реактивных снарядов разорвались между колоннами наших войск. С противоположного берега Дуная, где тоже находился противник, изредка раздавались орудийные выстрелы, и отдельные взрывы тяжёлых снарядов возникали то около одной, то возле другой колонны.

Немцы, и от Вены, и с того берега Дуная видели неторопливое, но неуклонное движение больших масс советских войск. Даже нам, невооружённым глазом, было видно более десяти параллельных потоков военной техники и живой силы, а уж противник, в стекло наблюдательных труб, безусловно, мог насчитать гораздо больше, но, к большой своей досаде, ничему воспрепятствовать он уже не мог (кстати, на отдельные взрывы тяжёлых снарядов, наши войска никак не реагировали, безостановочно продвигаясь к столице Австрии).

Основные силы противника, в настоящее время, были связаны боями с частями нашей 6-й танковой Армии и 1-й Гвардейской Армии, уже ворвавшихся, с юго-запада и с юга, в Вену. А мы вскоре, около дороги, по

которой подходили к городу, увидели несколько больших транспортных самолётов и несколько больших бараков [ангаров] с раскрытыми дверями.

Войдя в один из них, я обнаружил там склад разного авиационного имущества: в одной стороне рядами стояли резиновые покрышки, размером, превышающим рост человека, в одном из углов – рулоны светло-жёлтого брезента (может, даже, клеёнки), очевидно, для маскировочной оплётки самолётов. Зашедшему вслед за мной старшине я посоветовал взять в обоз этот брезент-клеёнку для покрытия бричек, чтобы предохранять их на стоянках и от возможных авианалётов, а находящееся в них имущество связи (в первую очередь, телефонные аппараты и радиостанции) – от дождя и сырости. Он так и сделал и на следующий день все брички были накрыты этим материалом.

А вот и Вена!

Полк разместился на юго-восточной окраине города, там, где узкие улочки застроены небольшими, в большинстве своём – двухэтажными, домиками, с тесными крошечными двориками, недалеко от крупной товарной (сортировочной) станции с многочисленными железнодорожными путями.

Вена! Кто не слышал об этом, одном из крупнейших и древнейших городов Европы, долгое время (когда Берлин и Париж были ещё маленькими захолустными городами) являвшимся культурным и торговым центром!

При слове «Вена» на память сразу приходят мелодии весёлых парадных вальсов Штрауса. Венский университет, до самых мрачных дней захвата Австрии немецкими фашистами, был одним из лучших Мире. А венская опера! Долго перечислять всё, чем славиться этот город, в котором в то время проживало чуть не половина населения Австрии.

Нам, с юго-восточной низменной окраины, не было видно центра города. Над городом нависал дым. Ворвавшиеся с налёту [разг.; литерат. – «с налёта»] войска 6-й танковой Армии встретили упорное сопротивление противника на Дунайском канале.

К этому времени бóльшая часть города была очищена от врага, почти не пострадав от боёв. В руках противника оставалась часть города, расположенная на острове между Дунайским каналом и Дунаем, а также – задунайские пригороды.

Не широкий, но глубокий Дунайский канал, по сторонам сплошь застроенный многоэтажными кирпичными зданиями с толстыми стенами, позволял немцам держать устойчивую оборону и свёл на нет превосходство наступающей стороны в танках. Уже несколько дней здесь шли бои [далее – тетрадь 81, от 13/III-70 г.], и интенсивный артиллерийский огонь, особенно – с нашей стороны, сильно повредил здания на северном берегу канала, но вышибить из них противника не помог (а все, многочисленные, мосты через эту преграду, при подходе передовых частей нашей армии, были взорваны немцами).

Именно поэтому наша дивизия получила задание переправиться через Дунайский канал у его «устья», в восточной части города, и очистить от противника часть города, лежавшую между каналом и Дунаем, в том числе, так называемый Аристократический квартал и знаменитый парк «Пратер» с его гигантским колесом-качелями, видным почти с любой точки Вены.

Пройдя через многочисленные железнодорожные пути, мы подошли к каналу в месте его выхода из реки. Здесь в воде лежали стальные фермы подорванного железнодорожного моста. Вот по этим фермам мы, совершенно беспрепятственно, и перебрались на другую сторону канала.

Наш полк начал продвигаться на запад у самого берега Дуная. Левым нашим соседом был 230-й стр. полк нашей дивизии. С нами должны были взаимодействовать подразделения мехбригады и корабли Дунайской флотилии.

На левом берегу Дуная был противник, который, очевидно, не ожидал в этом месте переправы наших подразделений, поскольку они никакого сопротивления не встретили (с левой стороны Дуная даже не было обстрела). Но вскоре немцы опомнились и организовали оборону.

Стрелковые роты полка продолжали продвигаться вверх по Дунаю. Командир полка переправился сразу за стрелковыми батальонами, я с обеими радиостанциями следовал за ним.

В восточной части острова, на самом берегу Дуная находилось здание насосной станции. Вот в этом помещении, с толстыми каменными стенами, мы и развернули аппараты.

Я стоял у входа в насосную станцию, у южной стены, гв. полковник стоял метрах в пяти от меня, у самого угла здания и, выставив голову за угол, наблюдал за продвижением стрелковых рот.

Впереди нас возвышались несколько цилиндрических белого цвета резервуаров с нефтью, а ещё дальше был чётко виден на фоне реки длинный, многопролётный железнодорожный мост (вдали, в серой дымке, виднелись другие мосты).

В этот момент снаряд попал в верхнюю часть одного из нефтянных резервуаров, и в пробитое отверстие толстой крутой струёй стала выливаться нефть. Почти сразу же, второй снаряд пробил резервуар чуть ниже, и из этого места нефть пошла более пологой струёй. Всё это напоминало картинку из учебника физики, наглядно демонстрирующую давление столба жидкости.

Командир полка окликнул меня:

- Плотников, смотри, смотри, сейчас мост будет наш!

Я перевёл взгляд с резервуаров на мост, и в это время, нарушая все законы физики, многотонные махины стальных ферм моста, словно живые, двумя соседними концами приподнялись, будто пытаясь стать на дыбы, после чего рухнули в реку. После чего, с запозданием, показывающим разность скорости света и звука, раздался сильный грохот взрыва.

Как раз в это время наши стрелки, взбираясь на насыпь, поравнялись с этим мостом, который, действительно, стал нашим, – но только одним своим концом (от правого берега до разрушенного пролёта).

За первым железнодорожным мостом начинался жилой район, густо застроенный небольшими одноэтажными домами, и в этом месте продвижение стрелковых рот замедлилось.

Свой наблюдательный пункт командир полка перемещал несколько раз вперёд, и вот, очередной раз, он даёт команду мне двигаться с радиостанциями на очередную точку – к пятиэтажному дому, возвышающемуся среди одно- и двухэтажек. На последнем, пятом, этаже мы и развернули радиостанции, в комнате, обращённой окнами на запад, командир полка устроил НП (хотя среди домов наблюдать что-либо было трудно).

В подвальном этаже этого здания телефонисты установили коммутатор, но провод к командиру ещё не подали, поэтому я пошёл туда, чтобы поторопить коллег-связистов.

Жители этого большого дома, в большинстве своём, покинули здание заранее, но некоторые, то ли не успели, то ли не смогли уйти, как раз в подвале и укрывались, там, где по бокам длинного чистого коридора были у них устроены маленькие чуланчики.

Проходя по корридору, я услышал за дощатой тонкой дверью странные звуки; кто-то беспрерывно повторял «Ур-ур-ур». Я, из любопытства, толкнул дверь и увидел в темноте чулана, чуть освещённого карманным фонариком, лежащую на железной койке старую немку, а у изголовья – стоящего солдата-телефониста из нашей роты, нажимающего ей на грудь, требуя «Uhr!», т. е. часы.

Я, вытащив из кобуры наган, направил его на солдата и сказал:

- Выйдете в корридор! Грабить мирных жителей?! Да ещё – в районе расположения командного пункта! Сейчас же идём к командиру роты, пусть он скажет, что с тобой делать.

- Товарищ лейтенант! Лучше пристрелите меня сами, только не докладывайте комроты, – сникшим голосом протянул солдат.

- Стыдно стало, – значит, ещё не всю совесть потерял? – подумал я, и мой гнев прошёл, а связисту я ответил:

- Идите на своё место и больше такими делами не занимайтесь! – и пошёл на узел связи.

Этот солдат, фамилии его я не помню (к счастью, память старательно стирает плохое), попал к нам, в роту связи, недавно, – когда полк подходил к Вене. На одной из ночёвок подошёл к повозкам связистов небольшого роста молодой солдат, сказав, что отстал от части, и попросил поесть.

Старшина, конечно, покормил его, а утром направил на работы по сматыванию кабеля. Так он (солдатик, и кабель, конечно, тоже) и остался.

Позже выяснилось, что у него есть мать, но он ей не пишет, и от неё писем тоже не получает. Когда его стали расспрашивать, что да почему, он ответил:

- Как же я буду писать ей, когда она уже несколько раз получала на меня похоронку!

Начали спрашивать, почему это произошло, – оказалось, что отстаёт он уже не первый раз от своей части, а потому его записывают убитым, следовательно, посылают похоронную матери. Исключение его из списков части, как пропавшего без вести, было связано с большой волокитой, и командир роты предпочитал списать своего пропавшего бойца в убитые. И так – несколько раз.

В нашей роте его уговорили написать матери, стал он привыкать к товарищам, к дисциплине, но вот, оказывается, что-то у него не ладно. Впоследствии я с ним несколько раз беседовал, ни в чём подобном больше замечен он не был.

К вечеру стрелковые роты ворвались в так называемый аристократический квартал. Представлял он из себя несколько старинных двухэтажных кирпичных, с толстыми стенами, дворцов, стоящих в обширных усадьбах-парках.

Когда стрелковые цепи очистили два таких дворца и продвинулись от них метров на пятьдесят, командир полка решил перенести в один из них свой КП. Он отправил туда коменданта полка гв. лейтенанта Пешкова; с ним пошли радисты, телефонисты, я тоже.

Ещё не стемнело, на улицах посвистывали пули, изредка рвались снаряды, так что приходилось продвигаться осторожно, перебежками, от одного подъезда к другому.

Но вот улица кончилась, упёршись в красивую ограду с цоколем и столбами из красного кирпича и металлическими изыскано выкованными решётками. За оградой виднелся двухэтажный, художественной кладки, тоже – из красного кирпича, дом-дворец.

Перебежав открытое пространство, мы укрылись за этим зданием. Вход в дом был только один, со стороны противника, поэтому опять пришлось перебегать, уже – поочерёдно, из-за угла в дверь, находящуюся по центру фасада.

Кроме двух этажей сверху, дом имел простроное подвальное помещение, разгороженное на отдельные комнаты.

Комендант полка быстро осмотрел и распределил комнаты. Так, телефонный коммутатор и радиостанции, по его указанию, поставили в одной из больших подвальных комнат, а в соседней должен был разместиться командир полка.

Вскоре гв. полковник пришёл, комендант доложил ему о том, как он распределил помещения.

- Чтобы я сидел, как крыса какая-то, в подвале?! Никогда! Только на втором этаже, – отреагировал на это компполка и выбрал себе комнату на верхнем этаже, с окнами в тыл, приказав рядом разместить радистов с аппаратами.

- Всё, больше мне никого не нужно. Остальных прячь в свой подвал, – добавил он, уже с видимым удовлетворением, коменданту.

Когда радиостанции установили наверху, я, проверив их работоспособность и наличие связи, спустился в подвал, к телефонистам, как раз попав к обеду, который раздавал старшина.

Один из связистов перед едой предложил мне попробовать австрийского пива. Оказалось, когда мы сюда пробирались, кто-то заметил стоящую неподалёку пивную и только что один неспокойный солдат сбегал туда и принёс немного пива.

До войны я пиво (в отличие от другого алкоголя) любил, а теперь, признаться и позабыл, какой у него вкус. К тому же, мне предлагали настоящее венское пиво. Но, на мой вкус, оказалось, что оно значительно уступает нашему, новосибирскому, а, тем более, омскому (местное пиво было намного жиже, словно его развели водой). Не знаю, может, это в военное время качество было утеряно, но и такое пиво я с радостью выпил, где-то с литр.

Здесь, в подвале, было тихо, лишь довольно часто доносились негромкие отзвуки взрывов тех снарядов, которые падали вблизи дома.

За первую половину ночи стрелковые роты продвинулись в парк метров на двести–триста, и пули перестали доставать до дома, в котором мы укрылись, а уже глубокой ночью перестали рваться и снаряды. Я вышел на улицу.

Стояла тихая весенняя ночь. Ни единого звука, вроде бы и нет никакой войны. Но ни прошло и пяти минут, как где-то вдали захлопали орудийные выстрелы, и через несколько мгновений у меня над головой, ударившись в стену дома, разорвались несколько снарядов.

Я упал на землю, голова сильно кружилась, в ушах неистово звенело, а во рту чувствовалась горечь, да сердце неистово колотилось.

Я, должно быть, на мгновение потерял сознание, но быстро, сразу же, очнулся и, не поднимаясь с земли, сразу же юркнул в дверь, а затем скатился по бетонным ступеням в подвал.

Ни рук, ни ног, ни туловища – никакую часть тела я не чувствовал, поэтому не понимал, цел я или нет. Через какое-то время я ощупал свои ноги и

туловище руками, которые оказались целыми и первыми вернулись под мой контроль, и, с облегчением, понял, что ранений нет. Тогда я поднялся и пошёл на узел связи, где горела немецкая плоская свеча-плошка.

Телефонист, сидевший за коммутатором, повернувшись ко мне, вскрикнул:

- Вы ранены, товарищ лейтенант! – и вскочил с места.

- Нет, счастливо отделался, одним испугом, – ответил я, дальше переступая на дрожащих ногах.

- А на лбу-то кровь, поглядите-ка, – достав из полевой сумки маленькое зеркальце, протянул его мне.

Я посмотрел и, действительно, обнаружил у себя на лбу небольшой разрез. Очевидно, один из осколков пролетел мимо меня, разрезав пару миллиметров кожи. Когда я это понял, меня обдало жаром, ведь окажись мы с этим осколком на полсантиметра ближе друг к другу, вряд ли бы я тут ходил. Но, с другой стороны, размышлял я, всё обошлось благополучно, значит об этом можно и нужно теперь позабыть.

С утра, в одной из комнат верхнего этажа, обращённой окнами на запад (к противнику) посадили связиста с ракетницей и запасом ракет. Его обязанностью было при появлении наших штурмовиков показывать ракетами направление на передний край.

Комната эта, скорее всего, была кабинетом. Посреди неё стоял массивный старинный письменный стол, на котором находился большой письменный прибор с чёрными и красными чернилами в чернильнице. В столе лежали ручки, перья, карандаши, великолепная почтовая бумага и белые конверты с тонкой подкладкой разных цветов.

Этот связист решил воспользоваться предоставившимся случаем и, расположившись в мягком кресле с высокой резной спинкой, стал писать письма. Когда послышался шум моторов подлетающих Ил`ов, он схватил

ракеты и, подбежав к раскрытому окну, выпустил в сторону противника сразу три штуки.

В комнате было два широких окна с узким простенком. Одно из них он держал открытым. Однако наши штурмовики не долетели до этого квартала, а отбомбились в другом месте. Как мы позже узнали, лётчики имели устаревшие данные, поэтому их реактивные снаряды пришлись на наши же тылы (к счастью и на удивление, никто тогда не пострадал от дружественного огня).

Когда связной сделал своё дело, он опять уселся за стол и продолжил писать письма. Но противник засёк окно, из которого взвились сигнальные ракеты, и решил уничтожить точку.

Когда солдат дописывал письмо, в стену дома ударили несколько снарядов. Один угодил в простенок, и сразу же вылетели стёкла из обоих, находящихся по его сторонам, окон, с потолка посыпалась штукатурка, а со стола разлетелись к дверям конверты и почтовая бумага.

Солдат лёг грудью на стол, а затем выскочил в дверь. Минут через пять он пришёл в себя и, вернувшись в комнату, наскоро дописал своё письмо, подобрал с полу разбросанные конверты и бумагу.

В этот день много снарядов попало в фасад этого дома-дворца, несколько разорвались у восточной стены (прилетев из-за Дуная). Ни одного целого стекла в окнах не осталось.

Комполка перешёл в подвал, туда же перенесли и рации. Только ракетчик-сигнальщик остался на своём посту, на втором этаже.

К вечеру стрелковые роты очистили аристократический квартал, выйдя к району, густо застроенному домами и с асфальтированными узкими улицами, так что НП командира полка опять передвинулся вперёд, и я с радистами пошёл на новый КП.

Улицы простреливались, то тут, то там, чаще – посреди улицы, рвались снаряды. Идём опять, от ворот до ворот. В одном дворе застали несколько самоходок САУ-76, и ко мне от них подошёл офицер в чёрной морской форме с

четырьмя звёздочками на погоне (соображаю – капитан-лейтенант, по-флотски) и спрашивает:

- Вы, товарищ лейтенант, из стрелкового полка?

Я подтвердил это.

- Скажите, где передний край?

- Метров пятьсот западнее, – отвечаю.

- А почему же нас обстреляли со всех сторон, когда мы пытались проехать по улице?

Тогда я сказал ему:

- Так за Дунаем немцы, и слева немцы [далее – тетрадь 82, от 16/III-70 г.], так как левый наш сосед несколько отстал.

- А я уж подумал, что мы в окружение попали! – успокоился капитан-лейтенант.

Я знал, что в это время совместно с Дунайской флотилией готовится операция по захвату центрального шоссейного моста через Дунай (“Reichbrücke”), который представлял из себя большую художественную ценность, а, кроме того, имел большое военное значение.

Усиленный батальон 217-го гв. полка, под командованием капитана Севастьянова был посажен на бронетранспортёры Дунайской флотилии и высажен на правой и левой стороне Дуная, с задачей захватить мост. А самоходный артиллерийский дивизион Дунайской флотилии выдвигался на огневые позиции, чтобы артогнём обеспечить высадку десанта.

Оставив капитан-лейтенанта с самоходками во дворе, я с радистами отправился дальше, и скоро перед нами возникло открытое место с несколькими па́рами железнодорожных путей, за которыми стояли длинные сараи складов.

Теперь надо было броском быстро перебежать через пути и укрыться в каком-нибудь сарае, а, между тем, изредка между рельсами возникали чёрные фонтаны взрывов (из-за Дуная стреляли немцы).

Вот сейчас, как только прилетит очередная партия, надо, одновременно с взрывом, стартовать, и я говорю:

- Внимание! – дожидаюсь, и – Бегом!

И мы, со всей скоростью, которую позволяли развить наши мускулы и сердца (а ещё – радиостанции за спиной), рванули вперёд, через рельсы.

Как назло, на дороге попался телефонный кабель, висевший у рельсов и чуть не достававший до земли. Я, глядя по сторонам за своей группой, не заметил его и, запнувшись, растянулся на земле, больно ударившись лбом. Но, оказывается, судьба этим меня сберегла, – в это же время чуть впереди меня раздался взрыв, и над моим распластанным телом просвистели осколки, а несколько, более тяжёлых, ударили в рельс передо мной. Я плотнее прижался ушибленным лбом к рельсу и поблагодарил телефонистов, так удачно проложивших этот, остановивший меня, кабель.

Я целый, а как там мои радисты, ведь они в это время бежали? Я, приподнявшись, оглянулся, – все четверо, с упаковками на спинах, лежали между рельсов и тоже, приподняв головы, осматривались.

Как и в начале нашего забега, я крикнул:

- Приготовились! – и, дождавшись очередного разрыва, – Бегом!

Я бросился к ближайшему сараю, но в это же время один из снарядов пробив его крышу, разорвался внутри. Пришлось искать местечко погостеприимнее, – бежать к соседнему.

Отодвинув тяжёлую дверь сарая-пакгауза (австрийцы произносили это, пришедшее из немецкого языка слово «пакхаус»), подскочили остальные, мы сели на пол и отдышались.

После я узнал, что немного раньше нас перебегал эти рельсы гв. подполковник Гомолко К.К. Он забежал и укрылся как раз в том, ближайшем сарае, куда попал снаряд. Прилетел этот немецкий «сюрприз» прямиком в бумажные мешки с австрийским (не болгарским) перцем. Взрывом разорвало мешки и распылило молотый перец. Находящемуся там

подполковнику дышать стало невозможно, потемнело в глазах (не от цвета поднявшегося облака, а от разъедания перцем слизистой глаз и носоглотки), глубокий кашель, казалось, заставит разорваться лёгкие.

Теряя сознание, подполковник выскочил из сарая и сразу свалился. Смог он продолжить путь, откашлявшись, лишь где-то через час.

Мы же, выйдя на узкую улицу, нашли в одном из домов комполка и, быстро развернув радиостанции, вступили в связь.

В этот момент был высажен (и на правом, и на левом берегах) десант для захвата моста. Но к мосту пробиться группа не смогла. На правом берегу, под нажимом противника, десантники отошли к боевым порядкам нашего полка, а на левом сутки отбивались от превосходящих сил врага, а на следующий день были сняты кораблями флотилии.

Вскоре наши стрелки очистили правый берег, у начала моста, а затем и прошли дальше. Мост немцы взорвать не смогли, и он остался цел.

Мост этот, конечно, был красавец! Он опирался на две опоры, стоявшие на низких берегах, у самой воды. Низкий берег на правом берегу упирался метрах в двадцати от воды в набережную улицу, а на левом – в земляную дамбу (метрах в ста от опоры). Толщина же моста между опорами была более двух метров, а сходы с него на набережную и дамбу были тонкими. Между высокими опорами, сильно провисая, весела гигантская цепь, соединённая, будто, большущими заклёпками из толстых и широких стальных пластин, в несколько рядов. К этой цепи, по всей её длине и был подвешан мост.

Сам настил моста поднимался к середине от берега, а затем – опять спускался к берегу противоположному. Из-за этого горба не было видно, что делается на том конце моста, он не позволял и обстреливать всю длину моста.

Ночью, когда подошли боевые порядки полка, командир послал начхимслужбы (майора) пройти, сколько можно, по мосту и узнать, что там есть. Было удивительно, почему это важнейшее фортификационное сооружение уцелело.

Майор в сопровождении автоматчиков спокойно прошёл до середины, но, как только перевалил через высшую его точку, кругом засвистели пули, потому он, ничего не выяснив, вернулся назад.

Чуть позже к комполка явился мужчина в гражданском. Он назвал себя сербом и заявил, что мост заминирован, но ему известно, где проложены провода к взрывчатке.

- Про́шу, господин полковник, да́ешь мне лю́дин до лодки, на перережи тот прово́д, – предложил серб.

После раздумья наш комполка всё-таки послал с ним сапёров под командованием сержанта. После того, как они подошли на лодке к мосту, серб водил их, водил ближе-дальше от моста, но так ничего показать и не смог, поэтому группа вернулась ни с чем.

После моста пошли жилые кварталы, застроенные большими многоэтажными зданиями. Улицы были сплошь асфальтированные, поэтому нельзя было выкопать никакого укрытия, и солдаты укрывались в домах.

Улицы, как продольные, так и поперечные, простреливались многослойным пулемётным огнём. Несколько танков и бронетранспортёров стояло у перекрёстков, ведя такой обстрел, что ни одну улицу нельзя было ни одному солдату проскочить.

2-й стр. батальон, под командованием гв. майра Мошкина и замкомполка гв. подполковника Гомолко, ночью преодолел одну поперечную улицу, но днём оказался отрезан пулемётным огнём, и все попытки пробиться к ним окончились неудачно.

Было досадно, что сзади нас находятся танки и артиллерия мехбригады, но никакой помощи от них мы не имеем. Тогда комполка пригласил к себе командира мехбригады.

КП полка в это время помещался в подвале дома, стоящего на стыке двух улиц, сходящихся в одну и идущую далее в жилой массив, занятый

противником. Усадьба эта имела внутренний двор и ворота, выходящие на эту самую улицу, по которой беспрерывно свистели пули.

Рано утром помощник начсвязи дивизии гв. капитан Ковордеев с радистами ехал на автомашине на новый КП комдива (весь штаб должен был переместиться вперёд, в расчёте на то, что наш полк за ночь продвинется). Но так как позиции остались на прежнем месте, машина, проехавшая мимо КП полка, подверглась пулемётному обстрелу. Опытный шофёр сумел быстро развернуть автомобиль и заскочил в ворота, на наш КП (здесь, во дворе, было неплохое укрытие, но выехать отсюда до наступления темноты было невозможно).

Сюда же, тоже под обстрелом, сумела проскочить машина с командиром мехбригады и начштаба.

Хороший подвал дома, в котором находился КП полка, имел несколько комнат, выходящих в коридор, в одной из них разместился полковник. Радиостанции стояли в коридоре, я был рядом.

Комбриг и его начштаба (подполковник) прошли к нашему комполка, а прибывший с ними лейтенант в танкистком шлеме остался в коридоре и подсел к нам с радистами.

Закурили. Лейтенант-танкист спросил:

- А какие силы у фрица-то?

- 2 танка Т-4 мы насчитали и два бронетраснпортёра, не считая пехоты, – ответил я.

- А, это нам не страшно, – потом немного погодя, поинтересовался, – а фаустпатроны у них есть?

- Вот этого я не знаю, пока они их не использовали, ведь у нас здесь и техники никакой не было пока, – чуть уколол я, хотя понимал танкиста с его беспокойством, ведь фаустпатрон в условиях уличных боёв – самое грозное оружие, не один танк не может от него предохраниться.

Действительно, командир мехбригады не согласился пускать свои танки на верное уничтожение, а вот помочь артогнём пообещал.

Начштаба нашего полка майор Сорочан сел в легковую машину с начштаба мехбригады (подполковником), чтобы на местности показать тому, где стоит установить орудия. Но проехали они совсем немного, – перед автомобилем разорвался снаряд, осколками которого были убиты шофёр и подполковник. Наш майор, выскочив из машины, укрылся в ближайшем подвале.

Ночью наши стрелки, штурмуя один дом за другим, стали опять, сначала – медленно, а потом всё быстрее и быстрее продвигаться вперёд и 13 апреля очистили последние кварталы Вены от противника.

Несколько железнодорожных мостов через Дунай и верхний шоссейный взлетали на воздух, как только наши стрелки приближались к ним. Один только центральный мост “Reichbrücke” продолжал соединять в городе берега реки: правый, очищенный от врага, и левый, где в пригородах, <Когфане?> [скорее всего, речь идёт о Бригиттенау / Brigittenau] и Флоридсдорфе [Floridsdorf], ещё был противник.

Вечером 13 апреля мы по радио слушали Приказ Верховного Главнокомандующего, благодарившего войска, взявшие Вену. В этом приказе упоминались и войска генерала Захватаева (наша Армия), генерала Бирюкова (наш корпус) и полковника Чижова (наша дивизия).

Приказ заканчивался словами «Вечная слава павшим в боях за освобождение нашей Родины и народов, попавших в фашисткое рабство! Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!»

Каждый ждал того дня, когда это случится и когда можно будет вернуться к своим родным, но все мы прекрасно понимали, что до него надо дожить. А сейчас, пока враг ещё не добит в его собственной берлоге, рано думать об этом.

На другой день полк получил приказ перейти Дунай по мосту и занять оборону в районе задунайских озёр.

Командир полка гв. полковник Маркелов заболел, и полком стал командовать его заместитель гв. подполковник Гомолко.

Первым через мост решил ехать замполит полка гв. майор Тяжельников В. П. Он сел на подобранную в городе «венскую» коляску, покрытую жёлтым лаком, на рессорах и резиновых шинах. В коляску была запряжена пара белых красивых лошадей. На козлах сидел солдат.

Вот коляска обогнула большой семиэтажный дом, стоявший как раз напротив моста, и, мягко шурша резиной своих колёс по деревянной торцевой мостовой, покатилась по мосту.

Когда коляска миновала самую высокую точку моста, раздалась пулемётная очередь, и разрывные пули зацокали вокруг коляски. Гв. майор спрыгнул и, прижимаясь к мостовой, по-пластунски пополз обратно. Ездовой круто развернул лошадей и погнал их к правому берегу, остановившись только за горбом моста и посадив майора. Одна из лошадей была ранена.

Исполнявший обязанности полкового инженера гв. лейтенант Табакаев с сапёрным взводом и разведчиками были высланы вперёд для обеспечения переправы полка по мосту. Табакаев установил, что в настоящий момент переправиться по мосту нельзя, т. к. метрах в ста от противоположного берега, в высокой дамбе, шедшей параллельно Дунаю, окопался противник, а вражеские пулемёты перекрывают съезд с моста.

Ещё удалось узнать, что в толстой части моста, от опоры до опоры, проходит труба, метра полтора в диаметре, в которой проложены водопроводные трубы и электрические кабели, и по которой пехота может перебраться на левый берег. Выход из трубы находился под съездом моста и этим укрывал и от огня, и от наблюдения.

Никакой взрывчатки на мосту обнаружено не было; всё, что оставили там немцы – это повешанные ими собственный офицер и несколько солдат, как

гласили надписи на дощечках, болтавшихся на груди трупов, за пособничество коммунистам.

Гв. лейтенант Табакаев с сапёрами и гв. майор Тяжельников укрылись в подвале семиэтажки, стоявшей рядом с мостом. А на рассвете передовой отряд полка – 2-й стр. батальон во главе которого шёл командир, гв. майор Мошкин, обогнув 7-этажный дом, вступил на мост.

Когда они миновали высшую точку, немцы, конечно, открыли огонь из нескольких пулемётов и миномётов. Голова колонны, подвергнувшаяся обстрелу, сразу рассредоточилась и залегла, а затем, короткими перебежками, отошла за мост и укрылась в том же подвале.

Вскоре подошли главные силы полка, впереди которых шагали два разведчика, дальше – знамёна, я и радисты с радиостанциями.

Когда мы обогнули дом и направились на мост, гв. лейтенант Табакаев, увидел это, выскочив из подвала, и закричал:

- Плотников, так-перетак, стой! Там немцы!

Я, как и все, кто направлялся на мост, оставился. Подошедший гв. подполковник Гомолко дал команду развернуть рации в подвале 7-этажного здания (там же, телефонистами был устроен узел связи, одной ниткой соообщающийся с седьмым этажом, где было самое удачное место для НП полка). В другом подъезде, тоже – на седьмом этаже был оборудован артиллерийский наблюдательный пункт.

Вскоре стрелковые роты переправились через Дунай по трубе, находящейся в корпусе моста, и залегли вдоль берега, у самой воды, по обе стороны моста.

Вплоть до самой дамбы, где в надёжных укрытиях держали оборону немцы, было совершенно открытое место, и без помощи артиллерии туда подойти было невозможно. Артиллерийский огонь с правой стороны реки не был достаточно точным и эффективным, а в трубу (чтобы уменьшить расстояние и увеличить прицельную точность стрельбы) даже 45-м/м пушки

протащить было нельзя. По воде орудия переправить не было возможности, потому что весной Дунай вздулся, и скорость течения снесла бы плоты ниже пятачка, занимаемого нашими, а, это создавало риск того, что переправляемый груз и люди могли попасть к немцам. По этим причинам попытки сбить врга с дамбы потерпели неудачу.

Установив рации в подвале, в одном из многочисленных чуланчиков, радисты дивизионной радиостанции не получили устойчивой радиосвязи со штабом дивизии. Пробовали растягивать антену и по потолку подвального коридора, наконец, вынесли её на улицу, в сторону расположения штадива, да ещё – подняли на макушку стоявшего около дома дерева. После этого мы, наконец, хоть и с трудом, но слышали работу рации из штаба дивизии. Все наши усилия [далее – тетрадь 83, от 20/III-70 г.] дали минимальный результат (слышимость была на грани разборчивой).

Через несколько дней, побывав в штабе дивизии, я узнал, что они выбросили антену на обратную сторону железобетонного дома, и даже не пытались что-либо предпринимать для улучшения связи. Между тем, по рациям ВР с батальонами связь была отличной (как телефонная, так и телеграфная). Правда, все три комбата с радиостанциями находились метрах в пятидесяти от нас, под съездом с моста, у правой его опоры, где был вход в трубу.

Кажется, на второй день боёв у дамбы командовавший полком гв. подполковник Гомолко приказал комбатам к исходу дня вышибить немцев из их обороны на дамбе, а для этого всем трём командирам лично переправиться на левый берег и организовать, как следует, атаку.

После этого телефонисты, дежурившие в батальонах, сообщали на ЦТС, что они отключают телефонные аппараты для перехода, тоже самое сообщали и радисты всех трёх радиостанций.

Проходит час, два, три, а ни телефоны, ни рации не отвечают. Я сам сел за полковую радиостанцию, беспрерывно вызываю поочерёдно то 1-й, то 2-й,

то 3-й стрелковые батальоны, но всё безответно. В соседней каморке подвала дежурный телефонист на коммутаторе уже охрип от беспрерывных вызовов.

Пришедший связной передал мне приказ гв. подполковника немедленно явиться к нему на НП. Я поднялся на 7-й этаж, в комнату, из окон которой открывался великолепный вид на левый берег Дуная. Подполковник Гомолко укаризненно посмотрел на меня и спросил:

- Почему нет радиосвязи, и что ты, комвзвода, предпринял для её восстановления? Я ведь так надеялся на эти ваши «точки-тиры», потому что знал – во главе всего этого стоит лейтенант Плотников.

Мне стало стыдно от этих слов. В самом деле, кто должен отвечать за отсутствие радиосвязи, кроме меня? Но ответить я ничего не мог: расстояние было небольшое, ну, никаких причин для нарушения связи не было.

Тогда я попросил разрешения лично сходить в батальоны и на месте выяснить и устранить причины, мешающие радиосвязи, но подполковник коротко ответил:

- Нет.

Я спустился в подвал и в раздумье присел около радиостанции. Время близилось к вечеру, и тут радист полковой радиостанции доложил:

- Товарищ лейтенант, есть связь! Первый батальон! Второй!

В соседней комнатушке тоже послышались громкие (хотя и хриплые) возгласы, – появилась и телефонная связь.

Оказалось, получив приказ переправиться на левый берег Дуная, комбаты дали приказ и телефонистам, и радистам отключиться для перехода, но переходить туда не спешили, считая дневную атаку бесполезной, т. к. она привела бы только к большим потерям, но не обеспечила бы выполнение приказа. Они договорились атаковать немцев в темноте.

Когда вечером, в сумерки, стрелковые роты внезапно, а потому – без потерь, ворвались в траншеи противника, бой сразу же и закончился (после этого и включились все радио- и телефонные аппараты). Кстати, помогло ещё и

то обстоятельство, что части 16-й Армии 2-го Украинского фронта стали в это же время обходить левобережный район Вены с севера.

Захватив дамбу, батальоны повернули на запад, в пригород Вены – Флоридсдорф, который через несколько часов и очистили от разрозненных групп немецких солдат.

Около полуночи КП полка перемещался во Флоридсдорф.

Перейдя Дунай, оглянувшись назад, на правый его берег, мы увидели, что из окна верхнего этажа 7-этажного дома, где несколько дней находились НП полка и артиллерии, вырываются яркие языки пламени.

Я вслух удивился:

- Странно, как мог загореться дом, ведь даже, когда в первый день боя туда часто попадали снаряды, такого не случилось?!

Тогда один из телефонистов, шедших рядом, ответил на мой вопрос:

- Артиллеристы, уходя из дома, высыпав из гильзы снаряда порох, подожгли его.

- Опять не понимаю, зачем они это сделали? Если из мести за наши сожженные города и сёла, то тем, кому можно было бы мстить, от этого пожара ничего не будет, ни лучше, ни хуже! – опять, недоумевая, произнёс я.

Это был последний пожар войны в Вене – городе, освобождённом от фашистов. А несгоревший, и чуть тронутый пожаром дом, конечно, не сравним с взрывом Бюргтеатра, подорванным Собором Святого Стефана, которые пытались уничтожить гитлеровцы, уходя из города, даже не из какого-то чувства мести, а просто из-за того, что Вена и эти шедевры мирового искусства уже не под их властью.

Когда мы на рассвете, перейдя по мосту Дунай, добрались до Флоридсдорфа, на его главной площади, на осветительных столбах качались трупы нескольких повешанных немецких солдат. Вспоминая похожую картину на мосту, мы сделали вывод, что в армии противника уже так плохи дела, что

дисциплину оставшихся приходится держать таким способом устрашения (подобного нам не приходилось наблюдать за все годы войны).

Во Флоридсдорфе были автомобильный и паровозостроительный заводы, но несколько месяцев назад американские бомбардировщики разбомбили их, а ещё – и рабочие посёлки, расположенные рядом с преприятиями.

Бóльшая часть города представляла из себя груды битых кирпичей. Часть домов ещё стояла, но – в полуразрушенном состоянии. С огромным трудом удалось найти целый дом для штаба полка.

Дом этот – длинный кирпичный барак. Через всю его длину, вдоль одной из стен, шёл коридор, из которого многочисленный двери вели в небольшие квартирки, каждая из которых состояла из тёмной прихожей и комнаты.

В одной из таких прихожих разместился я с радиостанциями. Радисты быстро включили рации, проверели связь и занялись, каждый, чем мог. Дверь в комнату была на замке.

Начальник дивизионной радиостанции сержант Равиль Тахаев обратился ко мне:

- Товарищ лейтенант, у нас здесь всё-таки воинские радиостанции, а рядом, в комнате, неизвестно что, может там шпион сидит. Давайте взломаем дверь, проверим.

С одной стороны, я осознавал разумность этого предложения, – ведь барак мог быть заминирован. Тут я вспомнил о подожёной артиллеристами комнате (в 7-этажном доме на том берегу Дуная), опять пришло то ощущение стыда, которое я испытал, узнав о таком их поступке. В итоге, я, смеясь, сказал:

- Сейчас, Равиль, нам уже никакие шпионы навредить не смогут, хотя, дверь можешь вскрыть и проверить, что там.

Сержант рычагом раздвинул дверь и косяк в месте, где стояла личинка замка. В комнате, за дверью, вдоль одной из стен оказались многочисленные полки, на которых лежали кипы шерстяной материи. Сама комната была перегорожена прилавком, перед которым стояли два манекена.

Мы ещё никогда не видели столько дорогого сукна. До войны мы, даже не каждый год, получали талон на 1–3 метра какой-нибудь дешёвой материи. Чуть развернув один из рулонов, мы увидели у края материи надпись «Made in England», т. е. сукно английское, значит ещё довоенное. Полюбовавшись качеством выделки ткани, мы вернулись в прихожую, к аппаратам.

Через какое-то время к нам заглянула (скорее всего, ошибшись дверью, ведь в длинном коридоре этого барака все они были одинаковые) жена начальника штаба гв. майора Сорочан, Женя:

- Здравствуйте!

Равиль, как и все мы, конечно, испытывавший дефицит общения с женщинами, моментально подскочил к двери, открывая её шире, и на одном дыхании выпалил:

- Здравствуйте, товарищ Женя, телефонист штабного взвода связи, товарищ и жена начальника штаба гвардии майора Сорочана!

Женя рассмеялась от такого приветствия, а сержант, не унимаясь, продолжал:

- Просим к нам. Сегодня радисты представляют лучшие образцы английской ткани, завезли ещё до сорок первого, да вот, всё никак Вы к нам не заходите, мы уж думали, придётся со всем этим добром к Вам, да тут нам повезло – Вы сами сюда выбрались!

Я, было, подумал, что неспроста Женя к нам заглянула, – скорее, Равиль, отлучаясь, будто бы по нужде, пригласил её. Но, это было и не важно, потому что надо было видеть ту радость, которой светились глаза женщины, увидевшей разложенную сержантом на прилавке ткань.

Равиль, продолжая играть роль щедрого хозяина, выкладывал на прилавок один рулон за другим. Я засмеялся:

- Женя, куда Вам столько сукна, столько и не унести.

- А Вы бы, чем смеяться, лучше помогли мне! – попыталась изобразить строгость, но, не скрывая восторга, Женя.

Вспоминая и представляя, сколько ей довелось испытать в немецком плену, пришлось помочь и отнести к ней в комнату несколько рулонов ткани. Было понятно её поведение, ведь она до этого в своей жизни, до войны ходила, скорее всего, в линялых ситцевых платьях, не говоря о «нарядах», которые приготовила нашим женщинам война.

На следующий день явились из батальонов мои радисты. Посмотрел я на них и схватился за голову, – передо мной стояли какие-то босяки. Вот высокий сухощавый сержант Леонов: локти наружу, на коленках чуть держатся наскоро и грубо пришитые заплаты, а на брюхе и заплаты ставить нет никакого толка.

Да иначе и быть не могло, – за полгода боёв им порядочно пришлось поползать. Тут не только х/б не выдержит, будь у них кожаное обмундирование, и то дыры были бы уже насквозь.

- Ничего, Леонов. Пока бои для нас кончились, оденемся в новое, – говорю я сержанту, подразумевая и остальных, – Тем более, и срок переобмундирования подходит.

А я в штабе слышал, что полк получил третью часть необходимого, в том числе и на роту связи – более десяти комплектов. Поэтому, устроив радистов с жильём в подвальной части дома, я отправился к старшине роты, от которого узнал, что он, действительно, получил обмундирование, но сразу раздал его тем, кто был под рукой (в основном – ездовым).

Тогда я пошёл к комроты и с возмущением доложил ему, что повозочные получили новые комплекты формы, хотя на них и старые были сносными, а радисты, полгода проведшие в стрелковых батальонах, остались чуть не в одних дырах. Командир выслушал и сказал:

- Да, лейтенант, старшина, и впрямь, дал ошибку, надеясь вскоре получить остальные комплекты. Но не снимать же с людей. Так что, придётся несколько дней, пока остальное не получим, обождать.

Я не успокаивался, потому что знал, насколько, во время наступления, могут растянуться «несколько дней», поэтому сказал:

- Разрешите по этому вопросу обратиться к начальнику ОВС?

- Давай! – охотно разрешил капитан.

Узнав у старшины, где помещается склад ОВС, я пошёл по тесным, заваленным битым кирпичом, улочкам Флоридсдорфа, мимо многоэтажных домов, почти сплошь зияющих выбитыми окнами.

На одной из улиц мне встретился капитан с голубыми погонами. Когда я его поприветствовал, он, ответив мне на приветствие, спросил:

- Не скажите ли мне, товарищ лейтенант, где здесь можно найти целый дом, чтобы разместить в нём штаб лётной части?

- Я во всём Флоридсдорфе знаю лишь один целый дом, но в нём уже стоит штаб стрелкового полка. Возможно, где-нибудь ещё, среди многочисленных развалин, и найдётся целое строение, но это надо искать. Кстати, если Вы из штурмовиков, не советую обращаться с вопросами к стрелкам.

- А почему так вдруг? – удивился капитан.

- Да, в Вене вы наши тылы штурманули. Хорошо, если только поругают или пошлют не в ту сторону или ещё куда, а то нарвётесь на того, кто лежал под разрывами ваших вполне реактивных снарядов, так ещё и смазать могут.

Капитан виновато поник головой и ответил:

- Да ведь мы тут не при чём, – по старым данным работали.

На этом мы с ним распрощались, а вскоре я отыскал ОВС, хотя у меня было мало надежды, что выбью что-то из одежды. Я помнил свои попытки получить обмундирование в октябре прошлого года, в Западной Украине, когда он мне ответил:

- Ничем помочь не могу, – у меня нет на «одном месте» трикотажной фабрики!

Но, поскольку я пообещал радистам, я должен попытаться сделать всё, что от меня зависит. И каковó же было моё удивление, когда гв. капитан

Алексейцев, выслушав меня, сразу же приказал кладовщику выдать мне за счёт роты связи восемь пар обмундирования. Теперь мои радисты будут одеты!

Вечером ко мне опять обратился сержант Тахаев:

- Товарищ лейтенант, все берут сукно, а мы чем хуже других?! Разрешите взять и нам?

- Равиль, Равиль! Куда же ты возьмёшь? На радиостанцию сверху привяжешь? У нас с тобой нет личной автомашины.

- Да мы в мешок завяжем и на повозку положим, – предложил Тахаев.

- Так он тебе и улежит на повозке! Через несколько дней от сукна и воспоминаний не останется.

- Не останется – жалеть не будем, но, может, хоть немного, да достанется на нашу долю, – не унимался сержант, его поддержали остальные радисты.

- Я не возражаю, берите – сколько желаете, – согласился с коллективом я.

Радисты достали заранее приготовленный мешок (т. е. были уверенны в моём положительном ответе, отметил про себя я), сунули в него рулончиков пять (тоже не целых рулонов, а уже нарезанных кем-то кусков) и отнесли на повозки роты связи полка.

Вскоре ко мне подошёл сержант Щечилин:

- Товарищ лейтенант, разрешите сходить в лагерь освобождённых русских женщин, угнанных на работу в Германию. Это здесь, недалеко. Среди них, вроде, есть моя землячка, может, что знает о моих. Я ведь, как в марте сорок первого на сборы ушёл, потом – строил аэродром в Латвии, потом, с началом войны, в команде военкомата прошагал до Урала, где зачислили меня в Запасный полк связи, с семьёй с того времени, уже пятый год, не знаю, что.

Я разрешил ему отлучиться до 12 часов ночи.

Он, опоздав на несколько минут, разбудил меня, чтобы доложить о явке. По его виду можно было понять, что землячка на радостях крепко его угостила, и, хотя он на ногах стоял довольно твёрдо, всё ж был выпивший изрядно.

Я приказал ему немедленно ложиться спать, а вскоре полк подняли в походной колонне, направив нас к Дунайскому мосту. (Я до этого уже слышал, что полк, после окончания боёв за Вену, должен расположиться в Венском лесу.)

Ночь была прохладной, поэтому я сверху шинели накинул плащ-палатку. Пояс с кобурой (и пистолетом в ней), я оставил под шинелью, на гимнастёрке.

Шёл я, как всегда, за знамёнами, с дивизионной радиостанцией, которую несли радисты, в готовности в любое время развернуть её для связи. Полковые радиостанции ехали на повозке в обозе роты связи, а радисты моего взвода шли в колонне роты связи.

Вскоре после выходы из Флоридсдорфа я решил посмотреть, как там мой взвод, и для этого отошёл на обочину, дождавшись роты связи. Все радисты бодро шагали в колонне, было видно, что они явно отдыхают на ходу, ведь первый раз за несколько месяцев не нужно было нести на спине громоздкие аппараты. Стоп! А где Щечилин?

- Грисько, где Щечилин? [далее – тетрадь 84, от 18/V-70 г.] – спросил я.

- Он в обозе, на повозке, товарищ лейтенант, – ответил помкомвзвода.

Я дождался подхода обоза и увидел Щечилина, который в одной гимнастёрке, скорчившись и втянув голову в плечи, сидел, дрожа от холода, на верху брички.

«Ведь он же так простынет, – подумал я, – надо заставить его пройтись пешком», и сказал вслух:

- Щеличин, слазьте с повозки и – в строй, ведь Вы же замёрзли.

Но Щечилин продолжал сидеть. После моей повторной команды он нехотя стал слезать.

Догнав роту связи и оставив в строю Щечилина, я, тем же ускоренным шагом, дошёл до головы колонны, встроившись в своё место.

Примерно через час решил проверить, как там Щечилин, и опять обнаружил его на повозке. Опять пришлось приказать ему встать в строй, но на этот раз Щечилин слез быстро и, подойдя ко мне, вдруг неожиданно закричал:

- Долго ты ещё меня мучить будешь?! – и, подняв карабин к плечу, направил его ствол мне в грудь.

Я, в горячках, хотел, было, накинуться на него и отобрать карабин, но сразу сообразил, что Щечилин пьян, а я в гневе. Если сейчас кинусь на него, то произойдёт просто-напросто драка с пьяным. Во-первых, чем кончится – предвидеть трудно: возможно ранением или смертью одного из нас. У Щечилина уже в руках – карабин с патронами в магазине, а у меня наган – под шинелью, на поясе.

Между тем, в темноте ночи мимо нас двигалась колонна полка, и в этот момент с нами поравнялся хозвзвод 1-го стр. батальона. Старшина этого взвода, увидев сержанта с карабином, направленным в грудь лейтенанта, подошёл к нему и, отведя ствол вниз и в сторону, спросил:

- Сержант, что это такое?

- Он меня из пистолета хотел застрелить, – не моргнув, отвечает Щечилин.

Этот его ответ так возмутил меня, что моё сердце бешено забилось, а в глазах потемнело. Тут я, вспомнив, что мой связист пьян, всё-таки взял свои эмоции под контроль и, приподняв руки, сказал:

- Что ты говоришь? Смотри, у меня и пистолета-то с собой нет.

Тогда Щечилин что-то забормотал, невразумительное, а старшина, забрав его карабин себе, произнёс:

- Однако ты не в себе, дружище. Идём к нам в строй, – и увёл сержанта в колонну 1-го батальона.

Вскоре полк взошёл на мост через Дунай. Даже сейчас, когда только что отгремели бои, в полной темноте, мы любовались своеобразной красотой и массивностью, монументальной прочностью этого сооружения. Так, в

настоящий момент по почти километровому мосту, висящему между двух опор, энергично двигаются, отталкиваясь от его поверхности, несколько тысяч ног людей и лошадей (солдаты, безусловно, шли не в ногу, а походным маршем, иначе обязательно бы прозвучала команда «Сбить шаг!», для избежания эффекта резонанса). Обычные мосты при этом, больше или меньше, дрожат, а этот неподвижен, как будто, высечен из цельного камня. На середине моста, где его подвеска ближе всего к полотну, можно и в ночной темноте рассмотреть гигантские стальные пластины, из которых набраны подвесные цепи. Головка каждой заклёпки, соединяющей отдельные звенья цепи, почти с голову взрослого человека.

По всем законам войны этот красавец-мост, такое грандиозное сооружение, должен был быть разрушен (как взрывалось почти всё, что помогло бы наступающим форсировать любую большую реку: все венские мосты через Дунай и Дунайский канал, прекраснейшие мосты Будапешта и др.).

Но мост остался цел! Сам этот факт не представляет чего-то особенного, ведь были случаи, когда наши войска захватывали заминированные мосты. Так, в той же Вене, под огнём был разминирован мост через Дунайский канал. Но ведь этот мост даже не заминировали. Почему? – Конечно, не из любви фашистского командования к прекрасному.

Очевидно, команда немцев или австрийцев (или даже – венцев), та, которой было приказано заминировать мост, этого приказа не выполнила. Может, именно их трупы мы видели повешенными на мосту. Так, ценой своей жизни, они спасли (и для Вены, и для страны, столицей которой она является, и для всего человечества) это красивейшее и полезное сооружение.

Через центр города мы прошли на самом рассвете. У Дунайского канала многоэтажные дома были сильно разрушены, а вот южнее – всё осталось целым. Узкие улицы были чисто подметены.

Довольно долго шла колонна полка по Вене, а когда город закончился, шли по асфальтированному шоссе, вдоль небольшого ручья, текущего по

долине, поросшей красивым чистым лесом. Мы поняли, что это и есть знаменитый Венский лес.

Вдоль шоссе часто попадались небольшие населённые пункты, возможно городки, может, сёла, застроенные красивыми старинными зданиями высоких домов с крутыми черепичными крышами.

Марш через большой город всегда утомителен, тем более, что привалов в городе, чаще, не делают, – так было и на этот раз. Поэтому солдаты сильно утомились, и командир полка приказал всем сесть на повозки и двигаться рысью, чтобы до наступления темноты выйти в заданный район Венского леса, туда, где наша часть должна был встать лагерем.

Все солдаты, сержанты и офицеры сели на повозки. Лошади легко бежали, т. к. по гладкому асфальту, да ещё – под небольшой уклон, повозки катились без усилия.

Зная, что после подобного отдыха идти будет очень трудно, я решил не садиться на повозку, решив: сяду только на последнюю, если буду отставать. Естественно, наши повозки обогнали меня, но, как я и ожидал, на первом же перекрёстке колонна остановилась, мне же, пешему, это не было помехой – гандикап был отыгран. Когда колонна опять трогалась и передвигалась рысью, я опять подотставал, но при её остановке вновь навёрстывал эту разницу в скорости лошадиного и человеческого шага. Хвост колонны, однако, со мной ни разу не поравнялся.

То, что я шёл пешком, а не сел на повозку, как все, почему-то заботило коменданта полка гв. лейтенанта Пешкова А.Ф. Он всякий раз, когда обгонял меня на своей повозке, кричал:

- Плотников, садись к нам, ведь комполка приказал, а то отстанешь!

- Не отстану, где это видано, чтоб обоз обгонял пехоту! – отшучивался я.

На самом деле, мне нужно было дать себе тренировку в ходьбе, а то я уже начинал отвыкать от неё, что для пехотинца (тем более – для связиста) очень плохо.

Но вот на окраине небольшого селения наш марш закончился, и подразделения стали располагаться на ужин и на ночлег. На другой день командование должно было выбрать здесь площадку для лагеря.

Слева от дороги журчал чистый горный ручей, справа – поднимался склон долины, покрытой лесом. Немного ниже селения высота подходила к самой дороге и голым каменистым утёсом нависала над ней. В этом утёсе был искусно вырублен небольшой грот, посредине которого стояла отлитая из бронзы лань.

На другом берегу ручья красивый обширный парк. Было видно, что до войны за этим парком заботливо ухаживали. Там были проложены дорожки, посыпанные ярким песком, там и тут разбиты обширные цветники, установлены красивые фигуры бронзовых оленей на гранитных пьедесталах. Имелись в парке и несколько тенистых гротов.

Был в этом парке особняк, в нём-то и расположился на ночь командир полка. Когда, чтобы установить радиоприёмник, я явился на квартиру полковника Маркелова (к этому времени он вернулся к своим обязанностям), он мне рассказал, что это вилла английского посла в Вене.

На следующий день, с утра, комполка с начштаба и другими штабными офицерами уехали на выбор площадки для лагеря. Найти здесь, в отрогах Альп, ровную площадку было довольно трудно. Но днём доставили из штаба дивизии пакет с боевым приказом, по которому стоянка лагерем отменялась, а дивизия должна была занять оборону во втором эшелоне нашего, 20-го гв. стр. корпуса.[1]

[1] Здесь автор говорит о поставленной дивизии задаче встать «по обе стороны железной дороги Вена – Санкт-Пёльтен, вдоль правого берега реки <Першлинг?> и её притока <Михель?>». Таких географических названий, если мы правильно прочитали рукопись, найти на географических картах Австрии не удалось. Не смогло прояснить ситуацию и обращение к архивным документам, где на стр. 115 журналов боевых действий (от 30.04.1945 г.; архив ЦАМО, Фонд 320, опись 4522, дело 295; составлено в 4 гв. Армии 3-го Украинского фронта / гв. генерал-майор Воронцов, гв. подполковник Губарев) на 27.04.1945 80-я гв. стр. дивизия указана: 217-й гв.стр. полк – восточнее опушки леса с отм. 360, высота 302; 232-й-гв. стр. полк – Графендорф, Бохаймкирхен; 230-й гв. стр. полк – Бохаймкирхен, Санкт-Петер; штадив – Визен. См. материал по адресу: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=2977&backurl=q%5C.

И вот вечером полк опять выстроился в походную колонну и начался обычный ночной марш, за время которого мы миновали отроги Альп и, обойдя Вену с юга, вышли из неё.

На следующий вечер, когда полк расположился на отдых в селе, меня вызвал начштаба полка гв. майор Сорочан. Прийдя на место, я застал майора в просторном кабинете, за массивным письменным столом. Когда же я доложил ему о своём прибытии, он спросил меня:

- Мои помощником будете?

Для меня этот вопрос (или приказ, отданный в виде вопроса) был полной неожиданностью. Правда, начсвязи полка гв. капитан Попов был в госпитале – лечился от серьёзной болезни (название которой не принято упоминать), но его обязанности выполнял комроты связи гв. капитан Чебоненко и, по-моему, успешно. Может быть, он ещё не научился правильно оформлять штабные документы по связи, но ведь и я таким делом никогда не занимался (да и не видел этих документов, кроме схем связи).

Об этом бы и должен был я доложить начальнику штаба, однако, разговор у нас принял совсем иной, неверный характер.

- Как помощником, каким помощником? – растеряно зачастил я.

- Конечно, по связи, – ответил майор.

- Ну, нет, я на это не согласен, – не сдержался я.

- Ты что, не хочешь со мно́й рабо́тать, – уже угрожающе и раздражённо спросил майор, сделав ударение и на «со мной», и на «работать».

- С Вами-то я, пожалуй, сработался бы, а вот с другими Вашими помощниками, едва ли бы, – глупо ответил я, не найдя другого ответа на «Почему?».

Эти слова были совершенно неожиданны и для меня самого, и, если бы начштаба задал мне вопрос, каких его помощников я имею ввиду, и какой они дали повод для такого моего мнения, я бы, точно, ничего не ответил.

Но майор положил конец этому разговору по-другому:

- Хватит разговаривать. Командир полка лучше знает, кого куда назначаить. Иди!

Я повернулся кругом, вышел из дома, а сам размышляю: «Нет, всё равно по-Вашему не будет», и решил пойти в штаб дивизии. Спросил у дивизионного телефониста, где сегодня размещается штадив и начсвязи гв. майор Дудников, после чего, не дожидаясь утра, направился к нему.

Начальник связи уже лежал в постели, в тесной чистенькой комнатке, а его помощник по радио гв. капитан Ковордеев сидел за маленьким столом и что-то писал.

Когда я поздоровался и доложил, что меня назначают начальником связи полка, майор приподнялся в постели и сказал:

- А что, лучшего начальника и не найдёшь!

- Нет уж, дудки, – воскликнул капитан, я больше своих работников не отдам, и так уже одного недавно забрали (он имел ввиду гв. лейтенанта, командира взвода радиосвязи из 217-го гв. стр. полка, который выбыл из дивизии для работы в органах «Смерш»[1]).

- Ладно, иди, Плотников, домой и не волнуйся, мы тут решим, как лучше поступить, – сказал начсвязи дивизии.

На другой день, 30 апреля 1945 года, полк пришёл в живописную предальпийскую долину. Самих Альп отсюда видно не было, но сильно пересечённая холмистая местность говорила о близости гор. Высокие холмы с крутыми скатами близко подходили к реке, а в одном месте даже прижимали реку с обеих сторон, т. ч. она текла между двух высоких каменных утёсов. Какой-то австриец использовал это удобное место и, загородив реку короткой плотиной, поставил здесь водяную мельницу с красивым высоким двухэтажным готическим домиком, стоящим над са́мой рекой.

[1] «Смерш» (название, которое принято расшифровывать как аббревиатуру от «Смерть шпионам») – органы военной контрразведки, созданные в Советском Союзе во время Великой Отечественной войны.

Все населённые пункты (небольшие сёла) располагались по долине реки, где проходила оборона полка. Но штаб полка должен был расположиться, хоть немного, но восточнее обороны, а там населённых пунктов не было. Поэтому штаб (и подразделение связи) разместился в двух больших крестьянских домах с большими дворами и многочисленными надворными постройками. Через дорогу, метрах в пятидесяти, стояли ещё два дома, в них расположились замкомполка гв. подполковник Гомолко и помощник по МТО гв. майор Старцев В. П. со своими службами.

Устанавливая радиоприёмник комполка, я обратил внимание, что в эфире на всех волнах передают какую-то странную похоронно-торжественную музыку, явно церковного характера. Позже мы узнали, что в этот день застрелился Гитлер, и вот его «отпевали» по радио. Конечно, если бы мы тогда узнали об этом, мы сумели бы должным образом радостно отпраздновать этот день, ведь смерть фюрера мы все связывали с концом (так оно тогда и было, по крайней мере, к этому всё и шло).

Назначение обороны, которую готовил наш полк, было не совсем нам понятно. Фронт был где-то далеко западнее Санкт-Пёльтена. До нас, сюда, не долетал ни один звук, который мог напомнить, что идёт война; было тихо, будто на другой планете, где такого никогда не было, нет и не будет.

Из сводок Совинформбюро мы узнали, что ожесточённые бои идут в центр фашистского логова – в Берлине. 2-й Украинский фронт, наш правый сосед, ведёт бои за Дунаем, а наш, 3-й Украинский фронт выполнил свою задачу и дожидается подхода союзников, которые, хотя и стали считать теперь своё продвижение на километры, а не на ярды, как некоторое время назад, но всё же не очень торопятся закончить войну.

Нам было известно, что немецкие войска западнее нас предприняли попытку перейти в контрнаступление (так называемый Венский реванш), главным образом, силами многих полков 6-ствольных миномётов, которые были сосредоточены со всего фронта в одном месте, но у них ничего не

получилось. Кроме того, мы знали, что немецкое командование попыталось организовать в нашем тылу нечто вроде партизанских отрядов, которые они назвали «вольф» (волками [wolf, нем. – волк]), для чего старались переправлять через линию фронта убеждённых фашистов-организаторов. Вот для устранения всяких неожиданностей, очевидно, и был подтянут наш 20-й гв. стр. корпус ближе к линии фронта, хотя и на значительном от неё расстоянии.

[Далее – тетрадь 85, от 30/V-70 г.]

За те три дня, что мы простояли здесь, в обороне, было выловлено несколько таких фашистов-организаторов, просочившихся через линию фронта. Как известно, из этой затеи у фашистов ничего не вышло, ни немецкий, ни австрийский народ не пошёл за ними.

Наступил праздник 1 мая. В сам день общеполковых мероприятий не было, праздновали по подразделениям, но у нас в роте был задействован весь личный состав. Телефонисты дежурили у телефонов и на линиях, радисты находились на радиостанциях, которые, хотя и не включались, но стояли наготове.

Ко мне подошёл мой земляк, гв. лейтенант Табакаев Николай Николаевич, поздравил с Международным днём солидарности трудящихся и пожаловался, что скучно встречаем праздник, даже рюмку не выпили. На это я ему ответил:

- Рюмку можно поднять, и даже – выпить, если пойдём поздравить наших земляков – гвардии майора Старцева и гвардии капитана медицинской службы Колупаева. Неужели они нам, землякам, по 100 грамм не поднесут?!

(Первый был помкомполка по материально-техническому обеспечению, а второй – старший врач полка, и если уж у них не было в запасе спирта или чего-то подобного, то навряд ли кто другой мог бы похвастаться таким добром).

- Неудобно без приглашения приходить, даже с поздравлениями, ведь мы с ними не близкие знакомые, – возразил Николай Николаевич.

- Что ж тут неудобного?! – Земляка поздравить и навестить всегда удобно. У меня желания выпить нет, но, раз ты стесняешься, пойдём вдвоём, – ответил я.

И мы направились поздравлять земляков.

Было часов девять утра, когда мы пришли к гв. майору Старцеву, и он ещё только поднимался с постели. Поблагодарив за поздравления, он попросил нас подождать на завалинке, пока подадут на стол.

Но вот нас пригласили за стол. Подошёл квартировавший рядом замкомполка гв. подполковник Гомолко, и мы вчетвером выпили ни один раз по сто грамм спирта, хорошо закусили, а затем отправились к другому земляку.

Санрота разместилась на мельнице. Гв. капитан Колупаев встретил нас не особенно радостно, поблагодарил за поздравления, выразил сожаление, что угостить нечем, – в аптеке нет ни капли спирта.

2 мая вечером, в помещении старинного графского дома, в селе, на берегу реки (в полосе обороны 2-го стр. полка), был назначен офицерский полковой вечер. Место это находилось километрах в пяти, по дороге, от штаба полка, из них километра два шли прямиком через небольшую гору.

Решили ехать верхом. Перед тем, как выезжать из штаба, у кого-то нашлось, и мы выпили на дорожку. Мне подали оседланного маленького сибирского конька, а лейтенанту Табакаеву – серого трофейного рысака, доставшегося ему, вместе с должностью, от убитого полкового инженера.

Николай Николаевич попросил меня:

- Давай поменяемся конями, а то я, выпивший, на рысаке не усижу?

- Давай! – храбро согласился я и подошёл к коню.

Воистину, пьяного бог бережёт! Только чудом я усидел на этом рысаке, хотя, будь я трезв, никогда бы не согласился на такую замену, – скорее – пошёл бы пешком (у меня ведь предыдущей весной, под Ловашберенем, был опыт поездки на таком коне, так в обратный путь я поменялся с Лущевским). Но

пьяный, я храбрился и хотел, во что бы то ни стало, доехать на красивом высоком рысаке. До сих пор не понимаю, как мне тогда это удалось.

Оставив лошадей в хозвзводе 2-го батальона (командиром этого взвода был бывший наш старшина – гв. старшина Щербаков Андрей Иванович), мы прошли в графский дворец.

Здание дворца, П-образной формы, имело просторные помещения. В одном из залов стояли столы, составленные в один большой П-образный стол. Столы эти были великолепно сервированы, на них стояли бутылки с пивом и вином, в высоких стопках был налит спирт. На фарфоровых блюдах красиво лежали нарезанные свежие огурцы и дыни (это в мае-то месяце, 2-го числа! оказалось, что хранились они в замороженном виде).

На стенах висели написанные масляными красками портреты мужчин и женщин в старинных нарядах, – очевидно, предки владельцев этого дворца. Помню, что на одном из портретов был изображён пожилой мужчина в богатых меховых одеждах, в белых чулках и туфельках с пряжками, одной рукой он опирался на высокую подставку, со стоящей на ней короной.

Когда все собрались и уселись за стол, во главе которого оставили место для командира дивизии гв. полковника Чижова Василия Ивановича. Командир полка гв. полковник Маркелов Иван Иванович объявил:

- Всем налить, но не пить!

Вскоре вошёл комдив и сел на оставленное ему почётное место. Тогда компполка объявил первый тост:

- За нашего вождя и учителя, Верховного Главнокомандующего товарища Сталина Иосифа Виссарионовича!

Все выпили по стопке спирта, а после наливали, чего кому нравилось. Поднимали тост за командира дивизии, командира полка, за советский народ, выпили за союзников. С большим воодушевлением был встречен тост «За победу!».

Я, выпив первые сто граммов спирта, уже остерегался пить и, когда все пили, я только пригубливал.

После обеда начались танцы. Я, как не танцующий, походил, походил и решил уйти отдыхать, но во дворе меня поймал гв. подполковник Гомолко и, узнав, что я собрался уходить домой, взял меня под руку и отвёл обратно в зал. Правда, вскоре я всё же ушёл.

Побоявшись в таком виде садиться на коня, я пошёл пешком через гору. По бокам полевой дороги ярко и свежо зеленели посевы, воздух был чист и приятен. Было так тихо, что вновь показалось, – войны нет. Но в это самое время шли бои в Чехословакии, только что закончился жестокий бой в Берлине.

Я потихоньку шёл по дороге, мечтая о том дне, когда я вернусь в Сибирь и встречу своих родных – жену, сыновей, мать.

Из нагрудного кармана я вытащил фотографию старшего сына, снятого в трёхлетнем возрасте рядом со статуэткой козлёнка. Эту фотографии я носил в кармане всю войну.

На следующий день полк получил приказ свернуть оборону и прибыть в Вену для несения гарнизонной службы в этом крупном городе, столице Австрии.

[Далее – тетрадь 86, от 22/III-74 г.]

Глава XIII

«Победа!»

Всю ночь полк в походной колонне двигался по равнинной местности, пока не подошёл к Дунаю, где невысокие горы вплотную подходят к реке (за горами широко раскинулась столица Австрии – Вена). У подножия гор, там, где хорошая дорога, делая небольшие петли, начинает подъём в гору, устроили в небольшой деревне привал.

Солдаты разместились по дворам и домам. Дивизионная радиостанция была развёрнута в просторной прихожей одного большого дома, в котором расположился командир полка. Связь со штабом дивизии поддерживалась с трудом, поэтому я почти не отходил от аппарата.

Радиостанции батальона не развёртывались по пути и на стоянке, поэтому весь личный состав взвода радиосвязи следовал в строю роды связи, а на привале расположился в большом доме вместе со взводом разведки.

Вот ночью прибегает ко мне помкомвзвода мл. сержант Гресько:

- У хозяйки дома, в котором мы остановились, потерялись часы-будильник. Разведчики говорят, что взяли радисты, а зачем нам какой-то этот её будильник, если у каждого радиста, по штату, и так есть наручные часы? А австриячка грозится прямо сейчас командиру нашему, к коменданту жаловаться идти. Что нам делать, товарищ лейтенант, чтобы скандала избежать?

- Так, предположим, даже она сама свои часы от страха куда-то запрятала... , – начал я размышлять вслух, но сразу понял, что поступить надо иначе, а не выискивать каких-то виноватых, – Вот отдай хозяйке, извинись!

Я вытащил из заднего кармана брюк деньги и, отделив от пачки одну 100-шиллинговую купюру, отдал её младшему сержанту, чтобы тот заплатил хозяйке за потерю, которая, наверняка, стоила не больше 1 шиллинга.

Буквально накануне нам впервые ту часть денежного содержания, что оставалась после перевода по аттестату семье, выдали в шилингах. Я получил солидную пачку новых купюр 100-шиллинговыми бумажками.

Вскоре часовой во дворе вызвал меня, сказав, что меня желает видеть австрийская женщина. Я вышел во двор, и с трудом понял, что пришедшая женщина требует заплатить за сено, которое у неё взял для лошади комполка адъютант полковника. Я удивился и спросил:

Warum ich?! [«Почему я?!», нем.], почему я должен платить за это сено?

Но тут же догадался: видать, весть о русском лейтенанте, заплатившем за дешёвый будильник 100 шиллингов, раснеслась по всей деревне, вот хозяйка сена и решила, что я заплачу ей за него не менее щедро.

За сено, в итоге, заплатил адъютант командира. Но только ушла хозяйка сена, явилась ещё одна женщина, требующая заплатить ей за свинью, пропавшую у неё в апреле месяце и которую, она считала, взяли русские солдаты, проходившие в то время через это село. (Если лейтенант заплатил за пустячный будильник 100 шиллингов, то за свинью, наверняка, заплатит не меньше 1000, очевидно, размышляла она).

На этот раз я уже рассердился и велел часовому больше меня не тревожить и никого не пускать. Кто знает, сколько бы ещё явилось местных жителей, и какие их расходы мне, как внезапно появившемуся меценату, пришлось бы оплачивать.

Привал затянулся до рассвета, а, лишь рассвело, полк построился и начал медленный подъём в гору.

Склон горы был покрыт лесом, но росшие там деревья полностью скрыть движение колонны по шоссе не могли, и противник, находившийся в нескольких километрах, за Дунаем, видел эти передвижения по дороге.

Когда наш полк уже поднялся в гору, сзади на шоссе раздались несколько взрывов тяжелых снарядов. Следовавшие за нашим полком 230-й стрелковый и 171-й гв. артполк потеряли несколько человек убитыми и ранеными.

Спустившись с гор, мы попали прямо в западную часть Вены, туда, где город вплотную подходил к горам, на отдельных участках освоив уже и склоны, но, в первую очередь, распространяясь по глубоким лощинам.

На следующий день полк был расквартирован в 19-м районе города, в каких-то врытых в землю бараках. Рота связи и некоторые спецподразделения не поместились в эти бараки, поэтому были расформированы в крошечных дачках, по 4–5 человек в каждом домике.

Взвод радиосвязи, как самый крупный, получил помещение какой-то пивнушки. Большой дощатый прилавок был вынесен во двор, а в зале размещены железные койки, несколько тумбочек и большой стол.

Офицерский состав роты заселился в малёхонький фанерный садовый домик, который, хоть и состоял из нескольких комнат, но в каждую из них кое-как вмещалась лишь одна небольшая койка.

Сразу же с прибытием в Вену была организована учёба личного состава. Проходила она по военному распорядку дня, ежедневно, по 12 часов в сутки.

Теперь я уже не был целиком занят обучением радистов, т. к. к тренировке по приёму и передаче на ключе подключил сержантов (тем более, что это и для них самих было тоже очень хорошей практикой). Таким образом, в сутках у меня выкроилось несколько часов свободного времени.

Со всей остротой подступила тоска по книгам, по чтению. Но где их здесь, в стране чужого языка, взять? У хозяина дома, которому принадлежала дача, занимаемая офицерами роты, австрийца, хорошо говорящего по-русски, было сотни две книг на немецком языке, и я осмелился попробовать почитать по-немецки.

Как и в предыдущем своём опыте с книгами на украинском, я решил взять произведения, уже знакомые мне. И вот, перебирая книги, наткнулся на «Соломоновы острова» Джека Лондона, неоднократно прочитанные мной до войны. Я раскрыл книгу наугад и в присутствии хозяина начал вслух читать по-

немецки. Прочитав пару страниц, но поняв лишь отдельные слова, так и не связавшиеся для меня каким-то смыслом, я с огорчением захлопнул книгу:

- Ничего не понимаю!

Хозяин тут же возразил:

- Нет, хорошо читаешь, я всё понял, давай читай дальше!

Но вскоре сержанты где-то достали изданную в Вене книгу на украинском языке. В ней рассказывалось о жизни украинских эмигрантов во Франции. Прочитав книгу несколько раз, я обнаружил, что, несмотря на оставшиеся непонятными редкие слова, украинский мне понятен, хотя конечно, говорить на нём я на этом этапе не мог.

Сразу же, как только полк расположился в этом районе Вены, мне пришлось устанавливать радиоприёмник командиру полка у него на квартире. Находилась она на втором этаже (по-местному – на первом) небольшого кирпичного двухэтажного дома с высокой черепичной крышей, расположенного недалеко от бараков, в которых поселился личный состав полка, и состояла из нескольких комнат.

Вплотную застроенная небольшими двухэтажными домами улица была узка и извилиста, да ещё по ходу из центра города поднималась на довольно крутой холм.

Поднявшись на крышу и осмотрев её, я пришёл к выводу, что антенну приёмника легко можно было подвесить, прикрепив одним концом на крыше дома, стоявшего на противоположной стороне улицы (ширина которой не превышала 6–8 метров), то есть просто перекинуть оттуда сюда.

Для того, чтобы это сделать, я пошёл к тому самому, противоположному дому и на выходящей на улицу его двери увидел бумажку, на которой старательно крупными русскими буквами было написано «Этот дом находится под защитой английского флага».

Взглянув вдоль улицы, я увидел такие же бумажки на всех домах по этой стороне улицы. Меня это несколько удивило, но, так как я не собирался

посягать ни на какое имущество, ни на достоинство защищаемого английским флагом дома, я уверенно постучал в дверь. Вышел хозяин-австриец, и через сержанта, хорошо говорившего по-немецки, я передал просьбу пропустить нас на крышу, для того чтобы укрепить там антенну.

Однако хозяин опять, ссылаясь на английский флаг, ответил нам, что мы не имеем никакого права посягать на его дом. Как сержант ему не твердил, что мы не посягает на его дом и на английский флаг, хозяин упрямо стоял на своём: в дом он нас не пустит.

Я почему-то не догадался спросить, а он, очевидно, умышленно не упоминал, на каком всё-таки основании его дом, как и все, расположенные именно на этой стороне улицы, защищены английским флагом, против которого австрийцы, в составе немецкого Рейха, вели длительную войну.

Потеряв терпение добиться нужного на словах, я просто легонько отстранил его в сторону рукой и вместе с сержантом вошёл в дом. Хозяин, увидев, что мы, не считаясь с объявлениями и его словами, проникли в дом, а английский флаг не смог выполнить ожидаемых защитных функций, сразу стал любезен и предупредительно показал на вход на чердачную лестницу. А убедившись, что мы не делаем никаких попыток проникнуть в комнаты и какие-нибудь его кладовые, успокоился и беспрерывно повторял «Бите шён! Бите!» [bite schon, bite – «пожалуйста», нем.].

Поднявшись на чердак и через слуховое окно проникнув на крышу, я за несколько минут прикрепил там антенну, не задев английского флага, потому что его не было не только там, но и вообще – вблизи Вены. Уже потом только я узнал, что по этой улице, по договоренности между союзниками, должна была проходить граница между советской и английской зонами оккупации города. Как эти секретные данные попали к населению?! – Очевидно, вопреки договорённости, от англичан. Фактически потребовалось около 4-х месяцев, прежде, чем советское командование разрешило английскому флагу выполнить

свою «защитную» функцию по отношению к этому району Вены. Но вернёмся к событиям.

Хозяин, с той же широкой улыбкой, которая возникла на его лице с первым моим шагом в его дом, продолжал свои упражнения в гостеприимстве. Он лишь сменил «бите шён» на почти беспрерывное «данке, данке шён» [danke, danke schon – «спасибо, большое спасибо», нем], будто благодаря меня, то ли за каждый шаг в правильном направлении на выход, или за то, что я выбрал именно его дом, который сейчас был под двойной защитой – где-то задержавшегося английского флага и советсткой антены.

Когда я, вернувшись с «английской» стороны, закончил установку радиоприемника, полковник Маркелов стал мне показывать квартиру. Прежде всего он, зная мою страсть к книгам, похвастался библиотекой. В небольшой угловой комнате стена была занята книжными полками, на которых от пола до потолка стояли, плотно, одна к другой, книги в хороших переплетах.

Справа, в конце средней полки, особенно выделялись своим шикарным изданием несколько книг. Бросалось в глаза, что все они имели слишком новый вид, чего у нас, в Советском Союзе, у книг, которыми широко пользуются, никогда не было. А здесь было видно, что книги снимались с полки разве только для того, чтобы стереть с них пыль.

Меня заинтересовало, что же это за книги, которые купили, но не читали. Взяв одну из них, я прочитал на обложке «Adolf Hitler. Mein Kampf» (рядом оказались несколько книг Ницше, затем – Достоевский). Больше я смотреть не стал и, показав книгу полковнику, поставил её на место и вытер руки носовым платком. У меня было такое ощущение, что я держал в руках нечто грязное, липкое. Полковник, взглянув на книгу, пожал плечами и сказал:

- Другого и ожидать было нельзя, ведь в этом квартале Вены недавно жил какой-то районнный фюрер, теперь уже сбежавший, при приближении Советской Армии.

Несколько дней, занятых устройством быта и организацией занятий, прошли быстро. И вот поздно вечером 8 мая 1945 года, прошедшего в таких же хлопотах, с чувством приятной усталости, предвкушая отдых до утра, я вернулся в расположение офицерского состава взвода связи.

Командир штабного взвода Переверзев с порога заявляет мне:

- Местные жители говорят, что война окончена.

Я не придал особенного значения этим словам, считая их уже привычным и естественным проявлением ожидания окончания войны, которым жило большинство гражданского населения воюющих стран, да и все военнослужащие, конечно, тоже. Это чувство, даже не знаю, как его выразить словами, жажда мира, что ли, было особенно остро в самые первые месяцы войны, а затем, со временем, ушло в глубину нашего сознания, притупилось, и стало как бы неотделимым и привычным. Так, размышлял я, и население Вены принимает желаемое за действительное, хотя, по всему было видно, что конец войны близок, но я никак не думал, что он уже наступил.

Только я приготовился на кровати укладываться спать (что уже, само по себе, было признаком скорого окончания войны, во время которой спать по нормальному распорядку, да ещё в комфортных условиях, если и приходилось, то случалось это неожиданно), но тут пришёл сержант из штабного взвода:

- Товарищ лейтенант, я к Вам! Младший сержант Гресько и радист ефрейтор Алямский сильно навеселе и задержаны в садике одной из близлежащих дач исполняющим обязанности командира роты гвардии старшим лейтенантом Светличным.

Я сейчас же, по привычке одёрнув гимнастерку и плотно заправив её за пояс, надел фуражку и быстро пошёл в указанном направлении.

Действительно, среди редких абрикосовых деревьев, в сумерках южной ночи, старший лейтенант, явно сам – заплетающимся языком, доказывал младшему сержанту и ефрейтору всю неблаговидность их поступка. Разве

можно бродить по садам, когда, по утверждённому командиром полка распорядку дня, им полагалось спать.

Младший сержант и ефрейтор, растянул губы в улыбке во всё лицо, что-то ему пьяновато возражали. Ну, думаю, долго же он будет их так отчитывать, хотя тут всего и делов на минуту.

Подойдя к комроты строевым шагом и приложив руку к козырьку фуражки, я обратился к Светличному:

- Товарищ гвардии лейтенант, разрешите распорядиться!

И, не дожидаясь ответа, сделав чёткий поворот направо, не отнимая руки, объявил:

- Младший сержант Гресько! Ефрейтор Алямский! За нарушение распорядка дня и пререкания с командиром роты объявляю вам двое суток ареста. Кругом! В казарму шагом марш!

Они, слегка покачнувшись, выполнили команду, направившись за мной.

Теперь меня беспокоило, найдет ли командир роты дорогу домой. Поэтому, дойдя до казармы, незадолго до этого бывший пивной, я, открыв дверь, приказал ефрейтору Платонову посадить арестованных в подвал, а сам побежал обратно, к командиру роты, который что-то неясно бормоча, всё ещё кружил по тому же самому садику.

Уговорил его пойти домой и уложив по возвращении на койку, собрался сам лечь спать, но тут опять прибежал телефонист [далее – тетрадь 87, от 25/III-74 г.], сообщив, что в казарме радиовзвода идёт драка. Я бегом кинулся туда.

Подбегаю казарме, там темно. Открыв дверь, слышу кряхтение и возню. Зажёг электрофонарик и громким голосом скомандовал:

- Смирно!

Оказывается, сержант Платонов, получив мой приказ посадить Гресько и Алямского в подвал, снял с них пояса и погоны, предложив спуститься в подвал. Но они заупрямился. Тогда он, человек прямой и выполнение приказа командира считавшим своим основным долгом, решил принудить их к этому

силой. Но кто-то из них их опрокинул большой стол со состоявшей на нём керосиновой лампой. В темноте проштрафившиеся юркнули под стол, где в настоящее время уже храпели. А Платонов сослепу навалился на подвернувшегося ему под руку другого солдата, с которым и завязалась потасовка, в которой никто не понимал, с кем он боролся и для чего.

По моей команде все, кроме спавших Гресько и Алямского, вскочили и замерли. Я подал команду «Вольно!» и, разбудив арестованных, отправил их досыпать в подвале. Остальные, быстро наведя порядок в казарме, улеглись спать, только один дневальный остался у раскрытой двери.

Когда я, вернувшись на квартиру, в который раз начал уже, наконец, укладываться спать, было около часа ночи 9 мая.

Я погрузился в сон, едва голова коснулась подушки. Но тут же кто-то начал меня тормошить. Просыпаясь, я сквозь сон понял – «Победа!»

Это слово моментально согнало с меня сон. Было 3:00 ночи, и только что получив эту новость из штаба, дежурный телефонист сообщил об этом мне и командиру роты. Мы поздравили друг друга, но я сразу же вспомнил, что у меня двое арестованных, которых по случаю Победы следует амнистировать, и кроме того, меня сразу же потянуло к своим радистам. Это не было чувство обязанности, выполнение командирского долга поздравить своих подчинённых с таким долгожданным событием. Скорее, мне хотелось в такой час быть с теми, с кем я рядом лежал, тесно прижавшись к земле под воющими вражескими самолетами, и под осколками рвавшихся снарядов у Заячьей горы и у Сталинграда, с теми, с кем вместе перебегал от одного песчаного холма к другому под свист пуль на правом берегу Днепра, с кем в одном строю дошли мы до Бессарабии и Венгрии.

Разбудив солдат и обьявив им о Победе, я открыл люк подпола и пригласил Грисько с Алямским вылезать, однако, они, всё ещё не очухавшись от винного угара и не понимая, что случилось, не вылезали. Тогда я полез к ним и кое-как растолковал им: «Победа»!

В это время, кто-то из солдат, взяв из пирамиды карабин, уже открыл выстрелами торжественный салют. В перерывах между выстрелами слышна была и отдалённая пальба из карабинов и автоматов, доносившаяся из разных кварталов Вены, оттуда, где стояли части нашей армии.

С головой, кружившейся от переполнявших её радостных мыслей – о Победе, о Родине, о родных жене, матери, сыновьях, в мягком свете зарождающейся нового дня, дня Победы, я не торопясь возвращался к себе на квартиру.

Вдруг слышу, откуда-то сверху голос окликает меня. Поднимаю голову, – из окна верхнего этажа двухэтажного дома, в котором размещался штаб полка, высунувшись по пояс, стоит начштаба гв. майор Сорочан, а за ним – замполит гв. майор Тяжельников:

- С Победой, связь! Поднимайтесь сюда, лейтенант!

Когда я вошел в штаб, майор в обеих руках держал по эмалированной кружке, наполненной виноградным вином. Пришлось опорожнить их, одну за другой. Но майор Тяжельников уже протягивал мне ещё две кружки:

- Плотников, четыре года ждали этого, а не два! За Победу!

Пришлось опустошить и их. После этого мы обнялись и разцеловались.

Всё это происходило под звуки стихийного торжественного салюта. В другое время я бы принял все возможные меры, чтобы прекратить эту беспорядочную стрельбу, в результате которой могли быть и жертвы, ведь огонь вёлся боевыми патронами в густонаселенном большом городе, но сегодня – Победа!

Вышел из штаба, приятные мысли о скором возвращении к семье пьянили сильнее вина, но, хотя я твёрдо стоял на ногах, голова кружилась и от выпитого. Четыре кружки вина, залпом, да на голодный желудок! В другой раз я бы уже был в горизонтальном положении, но сегодня – Победа!

День, однако, только начался, было около 6:00 утра, и я подумал: «Только бы командир полка не вызвал, этот слабее спирта ничего не пьёт и других не

угощает! Наверное, у солдат на войне, в условиях постоянно, явно или неявно, присутствующей опасности, развивается то, что называют интуицией, – дейтсвительно, подходя к квартире, я получил приказ комроты:

- Плотников, бегом к полковнику!

Ну, думаю, теперь мне уже на ногах не устоять, и быстрым шагом поднялся в гору, к дому, в котором жил гв. полковник Маркелов.

Приняв мой рапорт о прибытии и ответив на приветствие, комполка приказал:

- Посмотри-ка, что с приёмником.

В квартире, за столом, полном закусок, сидели жена полковника, лейтенант медицинской службы Зеленцова и майор, комендант 19-го района Вены. Не знаю, почему этой компании полковнику, чтобы отметить такой день, было мало. Но он вызвал меня, а приёмник, конечно, был, в полной исправности.

Большие рюмки были наполнены чистым спиртом, а для желающих стояли стаканы с водой, так что можно было разбавить или запивать.

Подали горячие котлеты.

- Ну, за Победу! – произнёс командир.

- За Победу! – дружно, воодушевлённо подхватили все остальные.

Не успел я покончить с котлетой, как раздалось:

- За Сталина!

Дальше пили и за Родину, и за тех, кто отдал свои жизни, и за тех, кто остался жив, и за наш родной полк, и за тех, кто в тылу ковал оружие для Победы…

Я уже мало что разбирал, но пить больше не пил, а, только кое с кем чокнувшись и помахав рюмкой около рта, возвращал её полной на стол.

Вскоре раздался телефонный звонок, начштаба докладывал, что полк выстроен для торжественного митинга. Я даже удивился, – когда только майор Сорочан успел всё распланировать и подготовить. Даже в такой необычный

день штаб полка образцово выполнял функции, а его начальник при любых обстоятельствах не терял работоспособности.

Командир полка распорядился:

- Всем – на митинг! Прошу в мою машину. Поехали!

В машину, «Opel-капитан», пять человек кое-как влезли. Адъютант, по долгу своей службы, не должен был оставлять полковника, и залез на крышу обтекаемого каплеобразного кузова. Я тоже не хотел отставать, но не сильно был уверен в своих ногах, поэтому крепко уцепился руками за запаску.

Машина быстро скатилась по кривой улице с горки и бесшумно остановилась у распахнутых ворот военного городка. Стараясь поддерживать положенную дистанцию и строевой шаг, под звуки «Встречного марша», я следовал за комполка, на которого под команду «Смирно! Равнение направо» были направлены сияющие глаза тысячи однополчан (полковника Маркелова в части любили).

После того, как командир полка поздоровался и поздравил с Победой, а затем подал команду «Вольно!», я встал на своё обычное место, между другими офицерами роты связи. Когда парторг роты старший сержант Булгаков начал спрашивать, есть ли в роте желающие выступить, я, раскрепощённый долей алкоголя, а, главное, взволнованный Победой, всё великое значение которой невозможно было осмыслить, первый вызвался выступить с трибуны.

Открывший митинг замполит первому предоставил слово полковнику Маркелову, затем стали выходить и говорить другие офицеры и солдаты.

Вот вызывают и меня. Я быстрым шагом приблизился к трибуне и взошёл на неё. Глаза всего личного состава полка были устремлены на меня, но я, хотя никогда раньше и не выступал перед такой многочисленной аудиторией, всё же не смутился. Мне искренне хотелось поделиться со своими боевыми друзьями теми чувствами, которые переполняли мою грудь. Что я говорил и как говорил, я уже не помню, но, очевидно, это было созвучно мыслям и чувствам остальных, так как хлопали мне дружно и продолжительно.

Как закончился митинг, я, добравшись до квартиры, провалился в сон.

Вот так, хотя мы так долго мечтали о дне Победы, спорили, когда и как это случится, но застал он нас врасплох, и так неожиданно закончилась для нас война. Это очевидно всегда так бывает: чего долго ждут, наступает неожиданно. Иначе, как же могла так неожиданно начаться война, о необходимости готовиться к которой говорили много лет?

Проснулся я часа через четыре, почти к полудню. Тут же мне сообщили, что вечером в полку состоится торжественный обед всего личного состава. Однако я побоялся, что мне будет худо, если ещё хоть немного выпью, потому я туда не пошёл, а поздно вечером, зайдя в казарму, не нашёл там никого, хотя знал, что торжество уже должно закончинчится, и все из столовой, наверняка, разошлись.

Дорога от столовой до казармы взвода пролегала узкими проходами между заборами индивидуальных дач-садочков. Я пошёл по этим проходам и скоро встретил двоих солдат, весёлой нетвердой походкой не спеша продвигавшихся к казарме. Они мне рассказали, что остальные не смогли дойти, хотя и очень стремились к этому, но все полегли по дороге. Нельзя было допустить, чтобы советский солдат-победитель остался в такой день, вернее, ночь, ночевать под заборами, и, при помощи этих двоих, ещё способных передвигаться, я препроводил всех остальных в казарму и уложил в постель.

Меня удивило, как же мои солдаты сумели так поднакачаться, если на обеде, по приказу комполка, каждому солдату была выдана одна бутылка слабенького сухого вина. И мне рассказали.

Стол, за которым сидели радисты, стоял напротив места, где сидел командир полка со своими заместителями. Дивизионный радист сержант Тахаев быстро прикончил свою бутылку и, неудовлетворенный этим, подошёл к пом. по тылу майору Старцеву:

- Товарищ гвардии майор, разрешите получить ещё одну бутылку вина за Победу, а то я не заметил, как первая обмелела напрочь.

Однако майор отказал, но Тахаев стал шумно настаивать. Услышав шум, полковник спросил Старцев, что за спор.

- Да вот, радисты не удовлетворены, – настаивают на добавке, – ответил майор.

- Ну и чего же?! Дай ему ещё, – они, право, заслужили большего. Для хороших солдат ничего не жалко.

И майор приказал выдать ещё, потом – ещё (мне даже польстила высокая оценка моих питомцев, данная полковником, да ещё в такой день).

Но вернёмся к тому, чем закончился этот вечер. Конечно, было мало уложить людей. Мне, как командиру, ещё необходимо было организовать службу охраны. И как не были опьянены солдаты, а всю ночь один из них бодрствовал на табуретке у двери дневальным. Отсидев два часа, он будил по порядку следующего, и уже тот, без пререкания, отряхнул с себя пьяный сон, дневалил свои два часа. Я ночью несколько раз просто проверял, – очередной дневальный всегда был на месте.

Тут кто-то может мне поставить в упрёк, что недостойно советского офицера таскать своих пьяных солдат, укладывать их в постель, затем проверять их сон, и что это могло в корне подорвать авторитет командира, мол, после этого солдаты не будут считаться с таким командиром. Но, представьте себе, этого не произошло. Во-первых, некоторые солдаты едва помнили или даже совсем не знали, кто их уложил. Они считали, что самостоятельно улеглись в постель, хотя и удивились, что оказались способны на это. Во-вторых, и те двое, которые помогали мне, хоть и помнили, но их уважение ко мне после этого еще более возросло.

На следующий день весь офицерский состав полка снялся на общую фотографию. Эта фотография хранится у меня и сегодня.

Уже через несколько дней мы перешли на занятия по расписанию мирного времени. В распорядке дня было выделено личное время.

Мы стали приглядываться к жизни местных жителей, австрийских немцев или, точнее, австрийцев.

Вот, недалеко от нашей казармы, пожилой хозяин вручную катит по газону небольшую тележку, на которой установлен маленький бензиновый двигатель, приводящий в движение ревущий аппарат-косилку. Это наблюдает несколько солдат, один из них, смеясь, восклицает:

- Вот так техника! Если бы наш советский трактор не имел бы привода на колёса, и его бы пришлось толкать, сколько бы человек потребовалось?!

- Пожалуй, рота, и то – было бы мало, – добавляет другой.

Подходят ещё два австрийца, среди которых находится знающий русский язык (многие австрийцы в войну 1914–18 гг. провели по несколько лет в плену, в России). И вскоре завязалась общая беседа, в ходе которой солдаты с гордостью рассказывают какие мощные у нас трактора – «Аж 40 сил!», и как на них пашут коршуновскими плугами, добавляя:

- И при этом поля у нас не меньше 2 километров, поэтому трактор едет прямо, а не кружится на маленьком пятачке, как эта ваша крошка.

Тут многие австрийцы ухмыляются: «2 километра поле?! – Что это за хозяйство, это же целое государство, такого не бывает!»

Но другие австрийцы, бывавшие в России, подтверждают, хотя делают это, чтобы попытаться поймать наших на обмане: «Да у русских поля очень большие. Но откуда на них большие наделы, вы ж, советские, всю землю раздали крестьянам?!»

Но тут уже все солдаты хором восклицают: «Ха! Так ведь у нас же колхоз!»

Колхоз заинтересовывает австрийцев, они начинают задавать вопросы. Я уже полчаса назад подошёл для того, чтобы пригласить на занятия несколько присутствующих здесь радистов, но решился не вмешиваться, подумав: «Вот это настоящая пропаганда социализма! Вот как куётся победа социализма,

тогда, когда война кончилась, – делается это примером и словом, а не оружием».

Хозяин дачи, в которой квартировали офицеры роты (тот самый, у кого я читал книгу на немецком языке), работал конным извозчиком в частном транспортном хозяйстве [далее – тетрадь 88, от 27/III-74 г.], развозя хлеб с хлебозаводов по торговым точкам одной из двух монопольных хлебных компаний Вены. Тогда население этого города обеспечивали хлебом две монопольные хлебные компании – «Hammerbrot» и «Ankerbrot». В первые же дни после окончания войны в Вене было введена карточная система распределение продуктов, однако существовал чёрный рынок, где нелегально можно было купить еду (и другие товары) по баснословным ценам.

Однажды, я, зайдя к хозяину, застал его мрачным. Он, отвечая на мой вопрос «В чём причина такого плохого настроения?», с раздражением сказал мне, что их хозяин не удовлетворён прибылью, получаемой от развозки хлеба, и вздумал заработать на нелегальной продаже мяса, поэтому режет лошадей, а своих рабочих предупредил о скором увольнении. При этом готовящийся стать безработным извозчик разразился резкими упреками в адрес Советской Армии, которая контролирует положение в городе, но до сих пор допускает существование частных предприятий и даже не делает попытки установление в городе социализма.

Тут ему пришлось разъяснять, что социализм нельзя установить против желания масс. Если такой строй населению Австрии нужен, они сами должны его строить, а вот чтобы им извне в этом не помешали, здесь может помочь Советская Армия. Он со мной, в конце концов, согласился, но от этого ему особенно легче не стало, так как он лишался заработка. Потом я узнал от него, что рабочие этого хозяйства, собравшись, единодушно потребовали от хозяина прекратить забой лошадей, пригрозив, что в противном случае они изобличат его в спекуляции, которая преследовалась военными властями.

Вскоре в городе была восстановленная электростанция, появилось электрическое освещение, стали ходить трамваи. Неработающее трудоспособное население привлекалась для первоначальных работ по расчистке улица. Открылись парикмахерские, фотографии, мелкие мастерские, магазины. Мы, прежде всего, воспользовались услугами фотографов, для того, чтобы отправить свои снимки родным.

Удивительно быстро приспособились производители к спросу. В лавочках через несколько дней после вступления в город Советской Армии уже продавались форменные советские пуговицы, звёздочки для головных уборов и погон, погоны, фуражки и пользующиеся большим спросом у военных чемоданы.

Армия привыкала к мирной жизни. Уже не нужно было тщательно маскировать освещения. Но военные привычки еще оставались.

Как-то приехала в полк кинопередвижка. За отсутствием подходящего помещения, способного вместить более 1000 человек, а кино посмотреть желали все, киносеанс проводился на открытой площадке, как это бывало и в годы войны, на переформировке или в резерве. Но только на этот раз не были выделенны наблюдатели за воздухом. Однако, смотришь кино, а между тем, по привычке прислушиваешься к тому, что происходит вокруг.

И вот какой-то шутник, заметив это, крикнул «Воздух!». Инстинктивно все зрители, было, кинулись врассыпную, но вскоре спохватились и, смеясь над собой, опять расселись по местам.

Так как наш полк участвовал в боях непосредственно в самом городе, считалось, что он является освободителем Вены и, конечно, весь личный состав полка был уверен, что решающий для освобождения города удар по противнику нанесла именно наша часть, а остальные десять полков только содействовали нам.

Такому самоназначенному статусу никак не соответствовало то, что полк был размещен в каких-то полуземлянных бараках, где солдаты спали вповалку

на нарах, где невозможно было создать действительно порядка и тех удобств, что положены в армии в мирное время. Такое положение смущало командование полка.

И вот вскоре командир полка получил разрешение перебазировать полк в Шёнбрунн, который через какое-то время должен был стать английской зоной оккупации города. Но, пока англичан ещё не было, и неизвестно было, когда им разрешат вступить в город (и разрешат ли вообще), наша воинская часть перебралась сюда.

Шёнбрунн, этот, когда-то загородный, парк с дворцом австрийских императоров уже давно соединился с городом. Он представлял из себя прямоугольник с дворцом на одном конце, где после ликвидации императорской власти был размещен музей. На противоположном конце немцы за эти годы (где-то с 1940 года) выстроили многочисленные просторные здания танкового училища. Посреди этих, неимператорских строений был насыпной холм, на котором стоял памятник в честь посещения Шёнбрюнна императором Наполеоном.

Сюда и передислоцировался наш полк. Здесь уже размещалась ещё какая-то мехчасть, но даже и после заселения наших подразделений много помещений оставалось свободными.

Среди этих строений мне запомнилось выходящее фасадом на улицу четырёхэтажное основное штабное здание (Stabgebäude) и стоявший посредине двора, тоже четырёхэтажный, физико-химический корпус. Кроме того, было ещё несколько жилых и учебных корпусов.

В этом месте полк уже размещался по всем правилам мирного времени. Каждый из солдат был обеспечен железной койкой, матрасом, одеялом, простынёй, пододеяльником. Сначала всё это было очень непривычно. Солдаты смеялись друг над другом:

- Ого, расположились как буржуи!

В одном из зданий, на каждом из этажей, вдоль длинных коридоров располагались просторные кабинеты; один из них занимал начсвязи полка гв. капитан Попов, который только после 9 мая вернулся в полк из госпиталя. Он пригласил меня поселиться с ним (другие офицеры роты нашли себе квартиры вблизи полка, в частных австрийских домах, хотя командование этого и не рекомендовало).

Рота связи была размещена в подвальном этаже этого же здания. Взвод радиосвязи занял отдельное просторное помещение. В образовавшейся казарме были расставлены койки, тумбочки, посреди комнаты был поставлен большой стол. Вещевые мешки были сданы старшине в каптёрку.

В первый же день начальник связи осмотрел помещение и остался недоволен порядком, выкинув всё из тумбочек на пол и сорвав с коек одеяла, после чего приказал мне проконтролировать, чтобы положенный порядок был наведён. Что такое настоящий военный порядок, он мне при этом не сказал. Подразумевалось, что командир взвода, лейтенант об этом должен сам знать.

Я-то не знал, т. к. за всю свою жизнь я нигде не видел казармы, тем более не жил в ней (один раз, в 1931 году, месяца два жил в гарнизонном военном лагере, в палатках, но там всё было устроено по-полевому). У самого начсвязи спросить, что за «настоящий военный порядок», я постеснялся, решив призвать на помощь ефрейтора Алямского, который перед этим назначен на должность командира отделения (ефрейтор ещё до войны окончил пехотное училище, в первые дни войны попал в окружение, из лагеря военнопленных в Полтавской области был взят какой-то местной жительницей в мужья, и в этой, не совсем командирской, должности пробыл до прихода Красной Армии; после освобождения Полтавской области был призван полевым военкоматом и направлен рядовым в наш полк).

Ефрейтор Алямский получил мой приказ «Навести порядок в казарме», и через некоторе время я доложил начсвязи, что порядок наведён. Капитан вновь,

как и до этого, при осмотре нашёл отсутствие всякого порядка, опять сорвал одеяла с кроватей, а всё содержимое тумбочек вывалил на пол.

На этот раз я, уже совместно с Алямским, навёл порядок, но докладывать начальнику связи не торопился, а вечером, после ужина во внеслужебное время, я обратился к нему:

- Товарищ капитан, разрешите поговорить с Вами по-человечески?

- Конечно, не по-звериному же нам с тобой выть да лаяться! – получил я шутливое разрешение.

- Товарищ капитан, растолкуйте мне, какой такой должен быть настоящий воинский порядок в казарме?

- Я, брат, и сам не знаю этого – коротко признался начсвязи.

- Так, а для чего же Вы всё это затеяли?! Чем были недовольны? – ещё более ничего не понимая, задал я вопрос.

- Подожди. А разве это не помогло? – Ведь у нас в казарме с каждым разом становилось лучше и лучше!

После этого меня уже никогда не мучил вопрос «Какой должен быть настоящий воинский порядок» в казарме.

Через два с небольшим года, в Ташкенте, нам показали казарму ташкентского пехотного училища. Вот там был, действительно, настоящий воинский порядок, но в чём он, я при этом так не понял: казалось, ничем не отличается (и кровати, и тумбочки, и заправка коек, и пр.), но как-то всё это так расставлено, что заставляет всякого попавшего туда подтянуться и быть дисциплинированным.

Как только мы расположились в Шёнбрюнне, передо мной встала неотложная задача оборудовать классные комнаты для обучения радистов ожидаемого пополнения. По штатам мирного времени, на которые переходил полк, наш взвод радиосвязи увеличивался. И вот всему личному составу взвода я поставил задачу разыскивать ключи Морзе, радиолампы и другие детали радиоаппаратуры.

Через весь подвал, в котором помещалась казарма взвода, проходил длинный коридор, по сторонам которого находились просторные комнаты. Одну из них мы решили приспособить для учебного класса.

Исправили выдранный внутренний замок и снесли в помещение все наши «трофеи». В течение 3– 4 дней в классе были расставлены учебные столы, скамейки, исправлено электроосвещение. На столе (пока – в беспорядке) лежали разнокалиберные ключи Морзе, десятка два разных радиоламп, несколько междуламповых трансформаторов, конденсаторы, сопротивления [резисторы] и прочие детали.

На разбитом узле связи бывшего немецкого училища нашли целый зарядный агрегат, несколько небольших аккумуляторов (основная аккумуляторная батарея телеграфной станции ЦБ была для нас слишком громоздка). Но, как оказалось в ближайшее время, интересовались содержимым подвала не только мы одни.

Как-то меня разыскал врач полка гв. ст. лейтенант Поперечный и говорит:

- Уже два часа ищу тебя. Скажи, а тебе нужны радиолампы? Понимаешь, мы с санитарами нашли в подвале одну закрытую на замок комнату. Вскрыли её, а там радиолампы и ещё какие-то штуки. Сначала мы подумали, уже не шпион ли какой здесь оборудовался, но нет, всё ж не похоже. Хотели всё повыбросить, да потом я решил показать тебе, – может, что пригодится.

У меня сердце так и ёкнуло:

- Покажи, где?

- Пойдём, тут недалеко, – отвечает.

Так и есть! – они нашли и вскрыли наш радиокласс.

Мне так хотелось отругать его как следует за разбитую дверь и за испорченный замок, но я сдержался, сообразив, что ведь тут больше всего я сам виноват, – не сделал соответствующей надписи на двери.

Вскоре на дверь была приклеена исполненная на ватмане чёрной тушью аккуратная надпись: «Радиокласс».

Кстати, гв. ст. лейтенант медицинской службы Поперечный был известен у нас в полку как самый старший и самый высокий лейтенант, так как он имел очень высокий рост, который ещё подчеркивался его худобой. Как-то раз мне пришлось воспользоваться помощью этого, самого старшего и самого высокого, лейтенанта.

Я уже раза два пересёк плац, проталкиваясь среди солдат, но мой низкий рост не позволял мне видеть кого-либо, кроме стоящих рядом. Наконец, я наткнулся на Поперечного и попросил:

- Доктор, если можно приподнимись на носочки и посмотри, не видать ли где-то старшину Щербакова.

- Зачем приподниматься, – я и так вижу: вон он стоит, у волейбольной сетки, у правого столба – ответил мне ст. лейтенант, в пять секунд окинув взглядом площадку с высоты своего роста.

Но вскоре и он, ст. лейтенант Поперечный, попросил моей помощи, – вот как всё получилось. Обзавёлся он трофейным радиоприёмником, а этот приёмник перестал у него говорить. Я, по его просьбе, пришёл к нему на квартиру, чтобы исправить этот австрийский аппарат, который на поверку оказался массовой довольно примитивной дрянью, выпускаемой для народа во время войны.

Я включил приёмник и внимательно вслушивался в постоянное шипение, иногда, при прокручивании ручки настройки, прерываемое треском.

- Ваше дело – ветеринарное, – комментирует вдруг доктор.

- Почему это, ветеринарное? – удивился я.

- Ну, ведь ваш пациент, так же как у ветеринаров, не говорит, что у него болит. Вот, то ли дело, у нас, – спросишь: «На что жалуетесь?», человек сразу отвечает: «Голова там, или же сердце». Вот, соответственно, и даёшь лекарство.

Возразить на это было нечего, и я промолчал. Достал из полевой сумки отвёртку, снял крепящие винты и вытащил схему из корпуса.

Увидев это, я доктор поспешил поправиться:

- Э, нет, не ветеринарное. Не ветеринары, не доктора так не могут, – вытащить внутренность и пощупать инструментом неисправный орган.

Я в это время уже нажимал пружинящие контакты переключателя диапазонов, отыскивая тот, который отошёл. Найдя и прижав пружину, которой почему-то надоело стоять на месте и учавствовать в общем деле (для которого она изначально и была здесь установлена), я вставил схему в корпус. Приёмник заработал. Больше самый старший и самый высокий лейтенант не сравнивал радиотехнику с ветеринарией.

Тем временем, в ожидании пополнения, я занял весь личный состав, свободный от нарядов, оборудованием класса по начерченной мною схеме.

Под руководством сержантов, радисты прикрепляли к столам ключи Морзе и розетки, соединили их соответствующими клеммами [далее – тетрадь 89, от 29/III-74 г.] с телеграфным коммутатором на столе преподавателя.

В аудитории черчения бывшего немецкого танкового училища я отобрал себе небольшой кульман, пачку листов ватмана, плохонькую готовальню и несколько флаконов чёрной и цветной туши. Кроме того, в одной из открывшихся в городе лавочек я по очень низкой цене накупил карандашей и бумаги.

Кульман я поставил в комнате, где жил вместе с капитаном Поповым. Рано утром, сразу после подъёма и приборки комнаты (ясно, что это, как младшему по званию и по должности, нужно было делать мне), я садился за кульман и чертил схемы радиостанций, которые должны были изучать в моём взводе. В этих схемах я разной цветной тушью выделял различные цепи схемы. Кроме того, я на листах ватмана с применением цветной туши записывал отдельные законы и положения электротехники и радиотехники. Далее – каждый лист ватмана крепился к деревянным планкам со шнурком, с помощью которого вывешивался на стену и доску класса.

Скоро класс был прилично оборудован и – вовремя. Однажды вечером в комнату вошёл начальник связи, держа в руках сколотую булавкой пачку бумаг с напечатанным на них на машинке текстом и сказал:

- Ну, Плотников, сегодня ночью нам с тобой спать не придётся. Вот это программы для занятий со связистами. Задача – размножить в шести экземплярах, чтобы к утру все командиры взводов получили. Сейчас прямо и сядем писать.

- Товарищ капитан, да ведь у меня почерк неразборчивый: переписать я перепишу, но прочитать это едва ли кто сможет. А вот если вы в штабе достанете до утра пишущую машинку, то я один, часам к 12 ночи, управлюсь, и разборчиво будет.

- А разве ты умеешь? – недоверчиво спросил капитан.

- Так ведь я радист, а радисты всё умеют, – похвастался я.

Не прошло и часа, как я уже с удовольствием шлёпал пальцами по клавишам новенькой немецкой машинки, у которой какие-то местные мастера (ещё до прихода Советской Армии) поменяли латинский шрифт на русский.

До этого, надо признаться, я уже несколько дней с завистью поглядывал в штабе на пишущую машинку, на которой писари учились печатать. До войны я научился еле-еле тукать двумя пальцами, но ведь не боги горшки обжигают, – вот и настала пора это дело усовершенствовать, тем более что умение печатать на машинке я искренне считал необходимым для каждого радиста, – чтобы он мог с эфира печатать, а не писать карандашом (зачастую таким почерком, что затем встаёт необходимость, чуть ли не шифровальщика звать, чтобы понять записи). Однако до войны пишущих машинок в Советском Союзе было мало, к примеру, мне как начальнику связи треста, дорваться до неё удавалось исключительно редко, потому и людей, владеющих мастерством печатания, было очень немного. Ну, а в этот вечер, как ни медленно я печатал, а к часу ночи 6 необходимых экземпляров программы лежали на столе начальника связи.

На другой день начались регулярные занятия по утвержденной высшим начальством программе. Занятия по электрорадиотехнике и материальной части радиостанций вёл я, по Азбуке Морзе и немного общевойсковой подготовки вели сержанты.

В этот же период, помню, ко мне подошёл радист Шевчук:

- Товарищ лейтенант, не отдавайте меня в полковой оркестр. Да, я, ещё мальчишкой, научился играть на трубе, а руководитель создаваемого в нашем полку оркестра узнал как-то. Я бы зимой – с удовольствием, но летом мне слишком тяжело, когда горячий воздух жжёт лёгкие. А главное, в радиотехнике мне очень хочется поучиться.

Я ему пообещал, и он остался во взводе.

А между тем, уже мирная, солдатская жизнь текла в большом городе, где военные часто соприкасались с местным населением. Мы приглядывались к быту и порядкам, знакомым нам только по книгам, при этом всё убеждаясь, что такая жизнь – не для нас.

Вот жители Вены нам хвастались, что у них нет нищенства. Да, действительно не было, потому что не подавали. А теперь идёшь по городу, несколько мальчишек постарше идут за тобой и, коверкая русские слова, просят:

- Тава́риц, дай шиллинг!

Наши дают, жалея детей.

Зайдёшь в парикмахерскую побриться, где надо заплатить 50 грошей, то есть, пол-шиллинга, а таких мелких денег у нас не бывало. Вытаскиваешь самую маленькую из имеющихся – 10-шиллинговую банкноту, а парикмахер моментально прячет её в карман халата, двумя руками горячо трясёт твою руку, сгибаясь в низком поклоне и произнося:

- Данке шён, филь данке «спасиба» [«большое спасибо, много раз “спасибо”», нем.].

Даже противно становится.

Но тесные контакты с населением завязывались плохо – из-за незнания нами их языка.

Однажды я наблюдал такую сцену. По улице идут несколько незнакомых мне солдат, а в скверике, рядом с тротуаром, увлечённо играет компания ребятишек дошкольного возраста, громко тараторя непонятные нам немецкие слова.

Вот один пожилой солдат остановился, посмотрел на ребятишек и изумлённо произнёс:

- Вот ведь, ещё дети, а уже по-немецки разговаривают!

В другой раз идёт сержант (фамилию его моя память не сохранила), хорошо понимавший немецкий язык. А случилось это после того, как все венские газеты опубликовали сообщение о том, что Верховный главнокомандующий Советской Армии распорядился отправить в Вену дополнительное продовольствие и увеличить выдачу продуктов по карточкам. Естественно, венцы горячо обсуждали это событие. Всюду слышалось:

- Шталин, Шталин!

Этого немецкого произношения и не смог выдержать сержант, он сразу же поворачивался к говорившему так венцу и поправляя:

- Varum [почему, нем.] «Шталин»? – Сталин.

И так всю дорогу.

К этому времени в Вене было расположено командование Центральной группы советских войск и его медуправление с подчиненными ему учреждениями, в которых служило много женщин. А надо помнить, что перед войной в Советском Союзе все усилия народа направлены были на развитие необходимой для обороны страны тяжёлой индустрии, а на развитие лёгкой промышленности средств не оставалось, поэтому остро недоставало тканей, да и те, что выпускались, не отличались качеством, были не яркие и при первой стирке линяли.

Здесь же, несмотря на войну, тканей было много, ярких, нелиняющих. Вот женщины, первыми из советских военнослужащих, сразу же обзавелись модными тканяи, пошив из них платья. Да и причёски завели заграничные. Так что только опытный глаз мог отличить русскую от австрийки. Поэтому иногда происходила путаница.

Вот по одной из центральных улиц Вены идут, взявшись под руку, шеренгой пять или шесть молодых женщин в ярких платьях, а сзади них, тоже шеренгой, – несколько наших солдат. Соскучившись по женщинам за время войны, солдаты заглядываются на впереди идущую женскую компанию и начинают, приняв их за австриек, не понимающих русского языка, обсуждать женские прелести каждой. Завязывается спор, у какой что симпатичнее. Женщины же продолжают свой путь, не обращая на солдат никакого внимания, пока один из тех не сказал, указывая на крайнюю:

- Я бы вот эту молоденькую так бы пощупал...

Тогда она поворачивается и, показывая солдату кулак, говорит:

- Я тебе так пощупаю, что больше никогда уже щупать не захочешь!

Солдаты останавливаются, разинув рот, а женщина уходит вперёд.

Я тоже, несколько позднее, попал в одно неловкое положение, приняв русских женщин за австриек. Дело было так.

Как я уже упоминал, потребность в чтении реализовать было невозможно из-за отсутствия русских книг. Тогда мы с несколькими офицерами решили сходить в кино, но вскоре убедились, что фильмы, идущие в венских кинотеатрах, ничего нам не дают, почти не отличаясь своими банальными, даже примитивными, сюжетами.

Из кинотеатров же нам понравился только один, под названием «Старая Вена». Остальные располагались в жилых зданиях, имели кассу, выходящую на тротуар и вход в зрительный зал – также с улицы. А многие кинотеатры располагались даже в подвалах. И когда в здании «Фольксопер» открылся оперный театр, мы с капитаном Поповым стали его частыми посетителями.

Однажды, опоздав к началу увертюры и войдя в зрительный зал, мы заняли свои места с краю от прохода, в одном из первых к сцене рядов, причём капитан сел с краю, далее – я, затем – молодая женщина (основная публика в то время в Вене, так как молодые мужчины ещё не вернулись из плена, а старики и ребята в театре почти не ходили).

Каждая из женщин, сидевших слева от меня (насколько можно было видеть в полумраке зрительного зала, в тот момент, когда занавес был ещё закрыт) держала в руках программу. У нас же их не было совсем из-за опоздания.

Опера, естественно, исполнялась на немецком языке, который я знал достаточно, чтобы понять программу, но далеко недостаточно, чтобы понимать слова, поэтому программка нам была необходима. Тогда я сказал капитану:

- Товарищ капитан, попросите программку у моей соседки, – Вы лучше меня говорите по-немецки.

- Но мне через тебя как-то неудобно просить, спроси сам.

Наши пререкания затянулась, разговор вёлся, чтобы не мешать музыке, тем шёпотом, который по-русски называют «шепоток на весь роток».

Тогда моя соседка обернулась ко мне и на чистом русском языке сказала:

- Вам нужна программа, пожалуйста!

Выходит, это тоже были наши медички. Краснея, я поблагодарил и взял программу.

Бывший наш начальник связи гв. капитан Друзь (он теперь был начальником связи в соседнем полку), как и некоторые другие офицеры, заказал себе у частного австрийского портного гражданский костюм из хорошего чёрного сукна.

Когда костюм был готов, он для расчёта за работу протягивает ему деньги, спрашивая:

- Видишь?

Портной, явно отказываясь от денег, что-то говорит по-немецки.

Капитан Друзь немецкого языка не понимал.

Тогда портной начинают делать странные жесты правой рукой: сначала он поднял руку с вытянутым вверх указательный и средним пальцем и стал шевелить им навстречу друг другу. Затем, поставив пальцы на стол, стал передвигать их по столу отрывистыми скачками.

Капитан в недоумении смотрел на него. Портной свои жесты сопровождал числами «фир» [fier – «четыре», нем.] с добавлением какого-то непонятного слова.

Видя, что его не понимают, портной приставил кисти рук к своим ушам, давая понять, что уши длинные.

Капитан уже хотел обидеться, – что он хочет сказать, что я осёл, что-ли?

Но тут портной вытянул левую руку вперёд, а указательным пальцем полусогнутой правой сделал движение к себе и произнес:

- Paw-Paw! [«Пав-пав!»]

Тогда только наш капитан догадался, что тот просит за работу четырёх зайцев, услышав от кого-то, что капитан часто охотится в окрестностях Вены и приходит домой с богатой добычей.

Тогда капитан рассмеялся и, похлопав портного по плечу, сказал:

- Gut, fier зайцев, – и тоже пошевелил поднятыми вверх двумя пальцами, изображают движение ушей зайца.

Зайцы для венцев в то время представляли реальную стоимость, ведь они по карточкам получала совсем небольшой рацион, а на чёрном рынке мясо зайца стоило баснословно дорого. Свободная торговля по спекулятивным рыночным ценам строго преследовалась, рынки были закрыты, но, между тем, спекуляция всё ж процветала.

По рассказам очевидцев, для торговли венцы собирались на бульварах Первого (Центрального) района города, вблизи знаменитой Карловой Кирхи (церкви [Wiener Karlskirche]).

Однажды из любопытства и я решил взглянуть на эту барахолку, да, при случае, купить что-нибудь на память о Вене.

Венское метро, по оценке самих горожан, было противоположностью самого лучшего в мире Московского, то есть, – самым худшим в мире. Во всяком случае, венцы иронически говорили, что нигде в мире нет метро, равного венскому.

Линии его были проложены в глубокой выемке, открытой сверху, через которую только на перекрестках были перекинуты частые мосты.

Весь мусор с улиц сдувался в эту выемку, и когда, с шумом и грохотом, по выемке шёл поезд метро, за ним, подхваченные воздухом, неслись облако пыли и масса всевозможных бумажек.

Вот в поезде такого метро я и добрался до Центрального района. Здесь, около площади, вся выемка метро была закрыта сплошным мостом. Поднявшись на поверхность, я вышел из надземного вестибюля станции метро и, перейдя улицу, увидел, как на бульварах сплошным потоком, не торопясь, прохаживаются различные чисто одетые мужчины и женщины.

Мужчины были, главным образом, сильно пожилые, но встречались, причём – не так уж и редко, зрелые и даже призывного возраста, что меня удивило. Многие из них держали в руках разную мелочь: бритвы, флаконы одеколона, дешёвые кольца, галстуки. Но некоторые ничего не имели.

Вот один из таких поравнялся со мной и по-русски предложил:

- Господин офицер, пианино, рояль, аккордеон?

Оказывается, здесь продавались даже дома. Около часа я протолкался здесь, но так ничего подходящего себе выбрать не смог, но тут ко мне подлетел младший лейтенант с красной повязкой на рукаве. Остановившись передо мной, он, приложив руку к головному убору, доложил:

- Товарищ гвардии лейтенант, комендант первого района приказал, чтобы вас здесь через 5 минут не было.

Я, повторив приказание, повернулся кругом и пошёл через площадь к вестибюлю станции метро, подумав: «Ну, значит, будет облава со стрельбой, надо поскорее сматываться домой».

Я ускорил шаг. Но что это? – Пустынная, в тот момент, когда я приехал, площадь сейчас была заполнена толпой народа, особенно плотно стоявшим перед [далее – тетрадь 90, от 1/IV-74 г.] надземным вестибюлем метро, вход в который почему-то оказался заперт.

Как же быть? Неужели придётся идти пешком до Шёнбрунна? А я ведь и дорогу через город плохо себе представляю. Ну, ничего, буду спрашивать у венцев..., но в это время какой-то солидный мужчина в хорошем костюме, в шляпе котелком, подошёл к небольшой боковой двери вестибюля и постучал 3 раза согнутым пальцем. Дверь приоткрылась, выглянул швейцар в шитом золотом по воротнику костюме и, улыбаясь, широко открыл дверь перед господином, который сразу скрылся за ней.

Ага, думаю, а я чем хуже этого господина?! Уверенным шагом направился к этой двери, также, три раза, стукнул, и, шутя, произнёс:

- Сезам, откройся!

Дверь приоткрылась, выглянул тот же швейцар, но, при виде советского офицера, лицо вытянулось в удивлении, но всё же, сбросив цепочку с двери, он также гостеприимно раскрыл её передо мной.

Когда по лесенке, находившей за этой секретной служебной дверью, я спустился на площадку, там теснилось много народу. Но вот послышался шум приближающегося поезда, с висящими на подножках, не вошедшими в вагон, пассажирами. Поезд ненадолго приостановился, а затем, ускоряя ход, скрылся за поворотом. На следующий поезд удалось прицепиться и повиснуть на ступеньках нескольким человекам, из тех, кто скопился на перроне.

Да, думаю, тут тоже не скоро уедешь, – надо действовать смело и решительно. Заметив, где была дверь вагона при остановке поезда, я встал на самом краю платформы. Подошёл следующий поезд, и мне удалось быстро

схватиться за свободное место перил, прикреплённых вертикально вдоль двери, и кое-как встиснуть одну ногу на подножку. Другую ногу пристроил уже на ходу, когда в 30– 40 сантиметрах за моим затылком замелькали выложенные камнем стены выемки, по которой набирал скорость поезд. Боковым зрением я с ужасом видел, то и дело, пролетающие за мной, торчащие из стены, вбитые в неё какие-то грязные ржавые костыли (они выступали вперёд сантиметров на 25–30, так что почти касались моей головы). Когда очередной костыль проносился за моим затылком, я, в ужасе замерев, уже не видел его удаление, но расслабляться было рано, ведь на смену ему уже подлетал другой. В-общем, острых ощущений хватало, но до следующей станции я доехал благополучно, более того, мне даже, в инстинктивном поиске более безопасного местечка, удалось несколько укрепить свои позиции.

Только на четвёртой или пятой станции я смог полностью втиснуться в вагон. Ну, а вблизи Шёнбрунна в вагоне стало свободней, и я сошёл на станции уже спокойно. Получив таким путешествием встряску, больше на этот самый чёрный рынок я никогда не ездил.

Хотя в нашей воинской части была хорошо оборудованная солдатская столовая, весь полк в ней за один раз не помещался, поэтому распорядок дня предусматривал приёмы пищи (завтрак, обед и ужин) в две очереди. Наша рота связи должна была являться в столовую вторым потоком, поэтому до завтрака распорядок дня предусматривал два часа занятий.

Однажды, увлечённо объясняя солдатам начала радиотехники, я, чувствуя, что и слушателям интересно, в отличном настроении прозанимался эти два утренних часа. Довольный успешным занятием и чувствуя приятную усталость и голод, я направился в офицерскую столовую, где, как и все остальный, сел за столик.

За неимением халатов дежурные солдаты, носившие обед в офицерской столовой, были одеты в единообразные полосатые трофейные куртки, на спине которых остались следы споротого бубнового туза. Очевидно, заботливый

магистрат города, экономия на народном образовании и больницах, сделал достаточный на многие года запас одежды для арестантов. Поэтому дежурных солдат-официантов офицеры в шутку называли матрасами. Вот такой матрас подошёл ко мне, поставил тарелку супа и спросил:

- 100 грамм не желаете?

Я знал, что всякий желающий мог получить к обеду 100 грамм спирта-сырца, для этого надо было передать с официантом 1 шиллинг. Я ещё такой возможностью не пользовался и в этот раз решил попробовать. Вскоре солдат принёс мне полстакана спирта, и я выпил, не разбавляя водой, правда сразу же стал вливать в рот, ложка за ложкой, суп.

В голове зашумело, 100 г крепкого спирта на голодный желудок сразу же опьянили меня, я будто выключился из окружающего: всё, что происходило вокруг, – стук ложек по тарелкам, звуки передвигаемых стульев, разговоры обедающих офицеров, я, хотя и слышал, но будто бы откда-то со стороны.

И вот, когда я заканчивал тарелку супа, ко мне подошёл писарь из штаба и, попросив разрешения обратиться, протянул мне книгу приказов, предлагая прочесть и расписаться «вот здесь и вот здесь» (его палец показал место подписи).

Читаю: «взамен выбывшего члена суда офицерской чести такого-то назначается членом суда…», а дальше напечатанные на машинке звания и фамилия тщательно стёрты и от руки чернилами написано «*гвардии лейтенант Плотников Г. В.*». Пришлось здесь расписаться.

Следующий приказ гласил: «Назначить заседание суда офицерской чести такого-то числа в такое-то время, с повесткой дня о недостойном поведении Гвардии старшего лейтенанта такого-то». Пришлось расписаться и здесь.

Писарь ушёл, а я стал соображать. В обязанностях членов суда офицерской чести, скажем прямо, но деликатно, я находил мало приятного. Порицать пьяниц – так, по-моему, такую обязанность полезней было бы возложить на таких же выпивающих, ведь, если они не убедят самого пьяницу,

то, может быть, сами себя убедят. Но, ничего не поделаешь, приказ командира – закон для подчинённого. Приходится выполнять, приятно тебе это или неприятно.

Вот только как бы это самое заседание не помешало моим занятиям с солдатами, ведь я ещё не подготовил себе такого помощника, который был бы способен заменить меня по обучению теории, ведь готовиться приходилось по памяти, учебников ещё не было. Но теперь, когда война кончилась, будут и учебники, я подготовлю себе помощника, да ещё ни одного, тем более – народ у нас способный, и желание к изучению радиотехники у всех, хоть отбавляй.

Рассуждая в таком направлении, я закончил обед. Постой, думаю, а когда же заседание? Ведь это сегодня, да и, к тому же – всего через час! Занятий с солдатами у меня сегодня больше нет (я потому и решил взять предложенные официантом сто грамм), так что одна проблема отпадает. Но ведь я пьян, как же я буду судить за пьянство?! Нет, этого нельзя допустить, надо прямо так и сказать, что я, виду сильного опьянения, не могу принять участие в заседании. Но всё же хорошо бы иметь ещё какой-нибудь предлог.

Ага, и предлог есть! В книге приказов подчистка, а ведь в подлиннике все исправления должны быть удостоверены подписью, а в данном случае такого не было сделано. Сейчас[1] сказали бы, что голова моя работала с быстротой ЭВМ (тогда, во время войны, такого понятия не было).

Закончив обед, я уверенной походкой направился в партбюро полка, к майору Петрову, который был и секретарём нашей полковой парторганизации, и председателем суда офицерской чести. У майора я застал незнакомого мне полковника и, получив его разрешение, доложил, что принять участие в заседании суда не могу по двум причинам: во-первых, я пьян, а во-вторых, приказ о моём назначении поддельный. Майор пошёл в контратаку:

[1] Стоит обратить внимание читателя на то, что на тетради стоит дата 1974 год; хотя, есть предположение, что Глеб Виссарионович переписывал свои записи через 2– 4 года, – я, приезжая на летние каникулы, видел, как он сидел почти каждый день после обеда за своим письменным столом по 2–3 часа и что-то писал. Но и в таком случае фраза об ЭВМ для 1976–78 годов свидетельствует о многосторонности интересов автора и его умении подмечать самое важное в новом.

- А зачем напился, специально?

Я ему начал объяснять, что выпил за несколько минут до того, как познакомился с приказом, а если бы раньше знала о приказе, я бы, конечно, не выпил. Не знаю, что решил майор, мне кажется, что он хотел приказать мне присутствовать на заседании, но тут вмешался полковник (как я после узнал, это был представитель политотдела армии):

- Да, майор, некрасиво получилось, придётся отложить заседание.

Тогда майор сухо сказал мне:

- Иди, выспись.

- Есть выспаться! – повторил я, стараясь не подчёркивать своего удовлетворения голосом, и отправился в свою комнату.

Больше меня по этому вопросу никогда не тревожили.

В конце июля занятия были прерваны. К этому времени окончательно выяснилось, что в августе американцы, англичане и французы войдут в Вену, так же, как и в Берлин, чтобы занять, по договорённости, свои зоны. А Шёнбрюнн находится на территории будущей английской зоны оккупации. Вот полку предложили освободить помещение. В дунайской части Вены, в двадцать первом городском районе, носившем название Кагран, в своё время немцами был построенный военный городок, состоявший из 4-угольного большого четырёхэтажного здания с внутренним асфальтированным плацем. Туда и должен был переехать полк.

Это четырёхэтажное здание, на момент нашего туда переезда, стояло пустым. В угол одного из корпусов во время войны попала авиабомба, само здание пострадало мало, но во всех корпусах вылетели стёкла из окон.

Начальник связи, получив задание оборудовать новое помещение, решил сам возглавить группу связистов, а в помощь себе взял меня. Пришлось всю неделю инструктировать сержантов (и частично перекраивать расписание занятий), особо напоминая о тщательности проверки перевозимого имущества

взвода, в том числе приказал захватить с собой с разбитого узла связи училища зарядный агрегат.

Дорога к месту нового расположения пролегала через Дунай, по сохранившемуся городскому мосту Райхсбрюке, вскоре переименованного в мост имени Советской Армии. За мостом асфальтовая дорога шла вблизи озёр, представлявших собой остатки старого русла Дуная, по Кагран штрассе [в настоящее время – Ваграмен штрассе].

По прибытию, разместив телефонистов и оборудовав себе с капитаном комнату для жилья, я, по схеме данной начальником связи, раздавал задания прокладывающим кабель связистам, заодно – проверял исправность линии. Опытные связисты работали добросовестно и быстро, но мне беготни хватало, так что вечером было приятно вытянуть на постели натруженные ноги.

Капитан Попов, лежавший на койке у противоположной стены, начинал петь. Пел он, по-моему, хорошо, теноровал арии из известных опер (по крайней мере, известных мне). Слушая его пение, я вдруг вспомнил, как когда-то подшутил над ним на обеде, состоявшемся после разбора действий связи в боях за Секешфехервар. В тот момент у капитана болело горло, так что петь он не мог, но попробовал и дал петуха. А я тогда, не предполагая, что он умеет так хорошо петь, пошутил:

- А в Венгрии эту арию поют именно в таком варианте!

Сейчас же, на новое место в Вене прибыли все подразделения полка, в том числе и наша рота. Проверяя прибывшее имущество радио взвода, я не обнаружил зарядного агрегата. Старший сержант, электрик, отвечавший за доставку этого аппарата, ответил, что у него из головы выскочило моё поручение. Тогда я приказал ему взять бричку у старшины и привезти агрегат, сам же занялся с радистами установкой оборудования в новом радиоклассе.

На следующий день старший сержант вернуться пустой и, волнуясь, доложил:

- Приехали мы к старому месту расположения полка, а там у ворот стоят часовые в юбках.

А я думаю, где же это успел хватить лишку мой старший сержант.

- Чего, говорю, ты заливаешь, – что-то не слышал я, чтобы у англичан были женские части.

Но тут вспомнил, что шотландские стрелки́ у англичан носят юбки [скилсы].

Полк расположился довольно просторно, но в это, самое жаркое, время года (конец июля – начало августа) солнце так раскаляло каменный четырехугольник военного городка и асфальтовый двор, что всю ночь от каждой стены веяло жаром так, что пот покрывал кожу, и было тяжело спать.

Тогда командир полка приказал утром, прямо с подъёма, бегом, вместо физзарядки, вести солдат к озеру купаться. Тут тоже не обошлось без неудобств.

В городке были всего одни ворота, и требовалось время, чтобы весь полк через эти единственные ворота прошёл к озеру (а потом, соответственно, вернулся). Времени, отведённого для физзарядки, не хватало, и первые часы занятий срывались, сбивался и график завтрака в столовой.

Второе неудобство – это отсутствие трусов. Солдаты бегали в кальсонах по главной улице района (которую переименовали в улицу Советской Армии). Хотя эта пробежка проходила очень рано (мы жили по московскому времени, отличавшегося на два часа от среднеевропейского, по которому жили венцы), но всё равно было неприятно.

Вот как-то один из командиров отделения обратился ко мне:

- Товарищ лейтенант, уговорите комроты дать нам с товарищами увольнение в город. Мы купим какой-нибудь материал и нашьём для всего взвода трусы.

Увольнительную командир роты подписал, я добавил им шиллингов, попросив мне купить хорошую бритву и флакон одеколона (после неудачной

поездки на чёрный рынок, я больше не делал попытки обзавестись сувенирами из Вены).

Сержант привёз мне бритву, одеколон, а для взвода – порядочный кусок тёмно-серого вискозного шёлка, из которого и нашили трусов для всего взвода.

В очередное утро радисты отправились в пробежку, предвкушая торжество купания в обновке, но обратно вынуждены были возвращаться голыми, прячась в середине строя, т. к. уже после первого купания эрзац-шёлк рассыпался (оказывается, он боялся воды).

Однажды я получил письмо от брата Евгения, который служил санитарным врачом в медсанбате одной из дивизий, сформированных в 1942 году на Дальнем Востоке, а после окончания войны стоявшей в районе Праги.

Брат писал, что они передислоцируются в Венгрию и будут проезжать Дунай по Венскому мосту. «Жди меня у моста и смотри медсанбатовские машины с красными крестами» - закончил своё письмо Евгений. День проезда по мосту он указал в письме, и военная перлюстрация[1] почему-то пропустила и не заретушировала дату.

Уже на рассвете жаркого безоблачного дня я, запасшись флягой с водой и бутербродом в полевой сумке, шагал к мосту. Там выбрал удобную для наблюдения позицию, расположившись там, где после съезда с моста машины на малой скорости вливались в город.

В этот день машины по мосту шли почти беспрерывно потоком, много шло и конных обозов, но медсанбатовскую машину я не видел. Не буду описывать, как долго тянулось это моё добровольное дежурство у моста, но я дежурил, пока в темноте ещё можно было различать машины. Уже ночью вернулся в полк ни с чем. Потом выяснилось, что брат с машинами медсанбата в этот день, действительно, пересёк Дунай, но не в Вене, а в Комарно [с венгерской стороны, город Komárom, на словацкой – город Komárno].

[1] Есть мнение, по которому различают тайную перлюстрацию и военную цензуру; о последней в годы Великой Отечественной войны можно посмотреть по адресу: https://isfic.info/perl/mails08.htm.

Увидеться с братом, конечно же, очень хотелось, я ведь расстался с ним в городе Томске весной 1940 года, когда он со своей женой, окончив санфак Томского мединститута, уехал работать в Хабаровск.

По окончании войны тоска по семье чувствовалось всё острее. Днём, как только выпадало свободное время, вспоминались жена, сыновья, мать. Ночью во сне я всё чаще стал видеть себя дома, в кругу семьи.

О демобилизации или о переброске в Советский Союз ничего не было слышно. Правда, вскоре солдат старших возрастов отстранили от службы и поселили в отдельной казарме, пообещав вскоре демобилизовать, а некоторые офицеры были подменены и уехали в Советский Союз. Например, начальник связи дивизии гв. майор Дудников.

В нашей дивизии расформировали один полк (230-й гвардейский), а личный состав полка распределили по другим частям, некоторых офицеров отправили в офицерский резерв. От полка осталась группа штабных [далее – тетрадь 91, от 5/IV-74 г.] работников, во главе ПНШ-1 гв. капитаном Овсянниковым, писать историю полка; в эту группу вошёл и начальник связи гв. капитан Друзь.

В состав же нашей дивизии вошёл другой полк из расформированной дивизии МВД. С командиром взвода радиосвязи этого полка ст. лейтенантом Нечаевым Николаем Николаевичем я вскоре познакомился.

В связи с предстоящим праздником по случаю вступления в город войск союзников командиру нашего 232-го гв. полка было поручено подготовить батальон и приданный полку корпусной учебный батальон для участия в торжественном параде. В остальных подразделениях полка также была усилена строевая подготовка. Пришлось и мне заниматься каждый день строевой подготовкой взвода. Основной темой этих занятий была отработка положения по команде «Смирно! На караул» и приветствие на ходу «Здравия желаем, господин генерал!». При этом фразу приветствия никак не удавалось прокричать за два шага.

Однажды, я только заступил в наряд помощником дежурного по части, меня вызывают комполка и сообщает:

- Плотников, сам запомни и передай дежурному, кто там с тобой в наряде: завтра утром, в первый час занятий, должны приехать в полк командир корпуса генерал-лейтенант Бирюков и командир дивизии генерал-майор Чижов.

А, надо заметить, что оба командира получили эти свои звания недавно, и мы всё ещё не отвыкли называть первого генерал-майором, а второго – полковником.

- Я, – продолжил полковник, – приеду в полк до подъёма, поэтому команду «Смирно!» мне не подавать. И когда приедут генералы, такой команды вы тоже не подаёте, её потом подам я. Я в это время буду заниматься строевой подготовкой на плацу. Вы должны встретить генералов у ворот, обязательно проверьте документы и пропустите. Ты с дежурным по части, оба обратите особое внимание на порядок в ротах, а то обычно в каждой роте имеется один–два больных, так чтобы они в белье своём не высовывались со всех этажей поглазеть на генералов. Представляешь картину? Так чтоб этого не было!

Пришлось идти по ротам и дополнительно инструктировать дежурных, предупреждать командиров рот, штаб.

Вот утром, минут десять, как командир полка начал строевые занятия на плацу, я, заслышав шум подъезжающей машины, выбежал за ворота поприветствовал генералов и попросил предъявить удостоверение. Бегло взглянув на них, я приказал постовому ворота открыть. Машины, проехав ворота, сразу остановились, генералы вышли и направились к центру плаца, где проводил занятия полковник Маркелов.

Мне было видно, как командир полка отдавал команды батальону, следил за их выполнением и одновременно косил глазам, наблюдая за подходившими генералами. Когда генералы подошли на уставное расстояние, полковник отдал команду «Смирно! Равнение направо!» и, чётко повернувшись кругом,

строевым шагом, с рукой у козырька фуражки, подошёл к генералам и доложил:

- Товарищ гвардии генерал-майор!

Генерал-лейтенант Бирюков, получивший уже следующее звание, о чём свидетельствовали две генеральские звезды на его погонах, при этом, устаревшем к нему обращении, поморщился, а наш полковник, поняв свою ошибку, покраснел, но продолжал:

232-й гвардейский ордена Кутузова, Александра Невского Венский стрелковый полк находится на занятиях по строевой подготовке. Докладывает командир полка гвардии полковник Маркелов.

Сделав пол-оборота и немного отойдя в сторону, генерал-лейтенант, продолжая держать руку у козырька, поздоровался с солдатами:

- Здравствуйте гвардейцы!

Строй ему дружно ответил:

- Здравия желаем, товарищ гвардии генерал-майор!

Вижу, генерал-лейтенант опять поморщился, а командир полка готов был сквозь землю провалиться. Генерал-лейтенант произнёс, обращаясь солдатам:

- Не умеете отвечать. По уставу надо говорить: «Здравия желаю, товарищ гвардии генерал!». Ещё раз пробуем: Здравствуйте, гвардейцы!

Здравия желаем, товарищ гвардии генерал! – дружно ответил полк, но чуть не половина строя добавила: «... майор».

В остальном подготовкой полка генералы остались довольны.

Не успел я проводить генералов за ворота, постовой опять вызывает меня к воротам. Выхожу – у ворот стоит «Виллис», за рулём сидит офицер в незнакомой мне форме, с беретом на голове, а рядом с ним – другой офицер, который протянул мне удостоверение, в то время как другой на довольно чистом русском языке пояснил:

- Господин капельмейстер английского оркестра приехал к русским союзникам, чтобы с русским капельмейстером сверить ноты гимнов.

Предупредив штаб, я пропустил англичан и в сопровождении связного направил их в помещении, где репетировал наш полковой оркестр.

Вскоре, почти сразу после совместного парада с союзниками и передачи под их контроль части Вены, объявили приказ Верховного Главнокомандующего о разрешении с 18 августа отпусков из армии.

Я, услышав об этом, немедленно написал рапорт командиру полка и подал его командиру роты. Комроты, прочитав мою бумагу, немного задумался, а потом сказал:

- Сам хотел писать рапорт, но ты меня опередил. Что ж, твоя очередь, езжай, а я поеду вторым.

Он передал рапорт со своим согласием в штаб полка, и вскоре мне приказом по полку, наряду с другими, был предоставлен отпуск с 18 августа на 82 дня. Так насчитал ПНШ-4 гв. ст. лейтенант Гаврилов: из расчёта 30-ти дней отпуска и 26-ти дней дороги до Барнаула в один конец, да столько же – обратно.

Кстати, вскоре после этого из штаба Армии была получена инструкция, согласно которой при определении продолжительности отпуска время на дорогу следует исчислять из расчёта 600 километров в сутки. Тем, кто попал в приказ после этой инструкции, стали изчислять отпуск по-новому, а мне оставили мои 82 дня. Задержись мой рапорт чуть-чуть, и поехал бы я всего на 46 дней, то есть восемь дней в один конец, а разве за такой срок возможно было тогда проехать?! Так, я фактически, с большой долей везения, затратил на проезд от Вены до Барнаула 19 дней, а от Барнаула до Вены 21 день.

Итак, надо было готовиться к отпуску, что-нибудь купить в подарок всем родным. Кроме того, один офицер, незадолго до этого, уезжая из Вены, передал мне за 600 шиллингов квитанцию на принятый одной венской фабрикой заказ на кожаное офицерское снаряжение – пояс с портупеей, планшетку, кобуру.

Для покупки подарков и получения снаряжения надо было идти в город, а я никак не мог вырваться, – всё мешали занятия. Наконец, в среду, 15 августа, я заменил свои занятия и, с разрешения комроты, отправился в город.

По утренней прохладе перешёл мост (трамваи тогда по нему ещё не ходили), мимо памятного мне частично выгоревшего семиэтажного здания, где в апреле находился командный пункт полка, вошёл в город. Я рассчитывал зайти, прежде всего, в парикмахерскую, затем – в многочисленные лавочки канцелярских и хозяйственных товаров (другие магазины торговали только по карточкам).

Подхожу к первой парикмахерской – на замке. Ничего, думаю, тут их пруд пруди. Вот и следующая! – тоже закрыта. Закрытыми оказались все лавочки и парикмахерские. Что, думаю, такое, уж не воскресенье ли сегодня? Нет, среда, точно, среда!

Ладно, пойду на галантерейную фабрику. Адрес её у меня был записан на квитанции. Разыскал улицу, дом, подъезд. Теперь надо подняться на третий этаж. Вот и третий этаж, но что-то не похоже на фабрику, обыкновенные квартиры. Да что такое сегодня... Тьфу ты, как я забыл – у них же первый этаж не считается, надо подняться выше. Вот теперь похоже на фабрику.

Во всю ширину подъезда – широкая двустворчатая дверь, на двери небольшая вывеска. У двери, на стуле торжественно восседает бородатый сторож с расшитым серебряным галуном воротником. При моём появлении он встал и вопросительно посмотрел на меня. Я показал ему квитанцию. Взглянув на неё, он сказал мне по-русски «Праздник». Я удивился, размышляя вслух, не думая, что он меня поймёт:

- Какой же сегодня праздник, сегодня ж – среда?!

Однако он понял и пояснил по-немецки что-то вроде:

- Maria Himmer fahrt [с немецкого – буквально: «Мария Химмер ездит» или «Мария на небеса ездит»].

Делать было нечего, я направился к выходу. Какая-то Мария куда-то поехала, а я заказ получить не могу. Ну, дела! Однако, мне стало ясно, что в городе делать нечего, и я медленно пошёл в полк. Уже подходя к военному городку, я понял, в чём дело. Сегодня, 15 августа, христианский праздник Успения [«Mariä Himmelfahrt» / «Успение Девы Марии», нем.], а ведь в Вене строго соблюдаются не только воскресные дни, но и многие другие христианские праздники.

Так безрезультатно окончился мой поход в город. Однако к отпуску надо было готовиться, и я стал укладывать чемодан.

В качестве подарка у меня было метра четыре вискозного шёлка, принесённого до этого сержантом с барахолки. Конечно, это эрзац-материал – дрянь, но, в то время, в разрушенной войной стране и такого нет. Для старшего сына, который должен был в этом году пойти в школу, я достал хорошую бумагу и карандаши. Тестю решил подарить новенькую бритву.

На следующий день, 16 августа, начфин полка обменял мне, как и другим отпускникам, имевшиеся австрийские шиллинги на русские рубли (обмен производился на сумму, не более двойного месячного денежного содержания), и выдал денежное содержание за август.

В ПФС получил продовольственный аттестат и продуктовые талоны на дорогу. Простился с сержантами и солдатами, т. к. утром 17 августа мы, отпускники, должны были ехать на вокзал. Кроме меня, из роты ехал демобилизованный радист ефрейтор Щечилин. Старшина распорядился, чтобы нам для доставки на вокзал запрягли бричку.

И вот в 10:00 утра по московскому времени 17 августа я иду в штаб, где застаю ПНШ гв. ст. лейтенанта Гаврилова, писаря и нескольких отпускников. Старший лейтенант, не торопясь, начал рассказывать нам:

В городе Мельк, это в 90 км западнее Вены, штаб 4-й гвардейской Армии формирует специальный поезд для отпускников, и отправляется состав 18 августа. Вам надлежит выехать в Мельк, а поезд до этого города отходит

сегодня от венского вокзала в 14:00. Документы все готовы, сейчас придёт начальник штаба, у которого хранится печать, оттисну, и можете отправляться. Вот. А, Плотников? твои документы уже готовы!

Я получил отпускное удостоверение. Кроме меня, оказались готовы документы Щечилину, да ещё – сапёрному сержанту.

Вот только гв. старший лейтенант не мог точно сказать нам, с какого вокзала отправляется поезд на Мельк. Я решил, что раз поезд на Мельк (а это на запад от Вены), то он должен отправляться с Западного вокзала.

Некоторые офицеры стали возмущаться:

- Зачем ехать в Мельк 90 км на запад, да потом столько же обратно?! Мы поедем с Восточного вокзала на любом поезде на восток, на Будапешт.

Обсуждая эти вопросы, мы всё время поглядывали на часы. Вот уже 12:00, а майора Сорочана всё нет. На вопрос ст. лейтенанта по телефону он отвечал, что сейчас придёт. Вот на часах уже час, его – нет. ПНШ нервничает, нервничают и другие. Наконец, старший лейтенант спрашивает у меня:

- У тебя лошадь есть?

- А как же! С 10:00 стоит бричка наготове! – отвечаю ему.

- Так получай документы, скачи на вокзал и, во что бы то ни стало, задержи поезд.

Я, сержант и ефрейтор, схватили удостоверение и – бегом к воротам. Вкочив в бричку, я крикнул повозочному:

- Лущевский, гони вовсю на Западный вокзал!

На этом вокзале никто из нас никогда не был, но я в штабе, по большому плану Вены, заучил все улицы и переулки к нему.

С места – в карьер, сытые, немного застоявшиеся лошади понесли нас по почти пустынным улицам. Я только успевал отчитывать перекрестки и указывать Лущевскому повороты.

Наш военный повозочный не имел никакого представления об элементарных правилах уличного движения. Бричка неслась то посреди улицы, то – по левой, то – по правой стороне.

Но вот мы попали в американскую зону, и на очередном пересечении улиц стоит американский солдат из военной полиции. Коротенькие штанишки, с раскрытым воротом защитная рубашка плохо гармонировали с низко опущенной на лоб стальной каской. Он равнодушно посмотрел на нас, продолжая стоять на перекрёстке и жуя свою ароматическую резинку. А Лущевский, между тем, всё погонял лошадей: хлеснул концом вожжей правую, – наша бричка свернула влево, хлестнул левую – мы вильнули вправо. При очередном вилянии полицейский оказался прямо на пути лошадей, и только, сообразив в последнюю минуту какой опасности он подвергается, успел отскочить в сторону. А я всё поглядывал на часы, стрелки которых всё ближе подходили к двум.

Ну, вот и вокзал, но – в каком виде! Весь в развалинах, не видать никакой жизни, лишь несколько товарных вагонов на путях, да где-то в отдалении пыхтел маленький паровозик.

Бричка остановилась, я стал искать комендатуру. Обойдя многочисленные кучи кирпичей, я, наконец, увидел кусок целой стены с окном и дверью, где мелом было написано «Комендант». За дверью была запылённая небольшая комнатка с простым столом, деревянный диван и несколько стульев. На столе чернильница. В комнате никого не было.

Я вышел наружу и, увидел приближающегося сержанта, спросил:

- Где мне можно видеть коменданта вокзала?

- А я и есть комендант.

Я ему доложил, зачем прибыл сюда, а он ответил:

- Днём никакого поезда в сторону Мелька не будет, пойдёт только ночью. Дожидайтесь. Вот зала ожидания, как Вы видите, у нас нет, так что Вы располагайтесь в моём кабинете.

Делать было нечего, мы расположились. Сержант куда-то пошёл по своим делам, но вскоре вернулся и сообщил:

- Товарищ лейтенант, я сейчас отправлю в Санкт-Пёльтен два пустых товарных вагона, так, если Вас это устроит, поезжайте в них, потому что из Санкт-Пёльтена вы легко попадёте в Мельк.

Я с радостью согласился, и мы, все трое, попрощавшись с Лущевским, подхватили чемоданы и сели в товарный вагон. Скоро подъехал паровоз и покатил нас на запад, то есть – дальше от Родины. А мы сидели на чемоданах у чуть приоткрытой двери [далее – тетрадь 92, от 7/IV-74 г.] и равнодушно смотрели на мелькавшие перед нами живописные альпийские ландшафты.

Вот и Санкт-Пёльтен, конечный пункт нашего спецпоезда. Небольшой чистенький вокзал, кое-где видны развалины – результат американских бомбёжек. Через весь зал ожидания устроены деревянные нары, на которых тесно спят советские солдаты.

Вскоре подошёл поезд, и мы, забравшись в один из вагонов, направились дальше, к Мельку, где в коридоре довольно крупного вокзала мы увидели объявление – «Всем прибывающим отпускникам, сержантам и рядовым следовать в общежитие». Рядом – большая красная стрелка, показывающая направление.

Я устроил сержанта и ефрейтора на ночлег, а сам направился в комендатуру. Комендант станции мне пояснил, что офицеры расселяются в гостинице (название её я уже, через несколько десятков лет, не помню), расположенной на главной улице города, кварталах в четырёх от вокзала.

По плохо освещённой улице я вскоре дошёл до большого пятиэтажного корпуса гостиницы, выделявшейся написанными наверху золотыми буквами «Hotel» и танцевальной музыкой, которая раздавалась из-за дверей.

Зайдя в вестибюль, я невольно остановился: большой зал тесно заполняли собой танцующие пары, трудно различимые сквозь пропитанный синим табачным дымом воздух.

- Работать надо до седьмого пота, чтобы снова жизнь наладить, а они танцуют до упора, – невольно подумал я.

В одном углу вестибюля, огороженный невысоким барьером, стоял величественный швейцар. Я подошёл к нему, поставил чемодан на барьер и сказал, с трудом составив немецкую фразу:

- Ich wille Zimmer [букв. «Я хочу комнату» / «Мне нужна комната», нем.].

Швейцар, окинув меня равнодушным взглядом, произнёс:

- Papier fon Kommendant [документ от коменданта, нем.].

Вот тебе раз, мне комендант сказал, что никакого направления от комендатуры не требуется, а тут – требуют бумагу от него! Папира-фон-коментант`а у меня не было, поэтому я сразу же отправился в обратный путь, на станцию.

Комендант станции удивился:

- Да что они там навыдумали?! Я и моя комендатура никакого отношения к гостинице не имеет, потому что гостиницу эту арендовал штаб вашей Армии специально для офицеров-отпускников.

- Но меня же туда без папиры-фон-комендант не пускают, – возразил я.

- Вот что, старший лейтенант, – сказал комендант, обращая к своему помощнику, – нам, понимаю, и дальше придётся сталкиваться с этим. Так вот, чтобы была ясность, сходите с лейтенантом, выясните всё там.

И вот мы уже вдвоём подходим к тому же швейцару, я вновь говорю на немецком:

- Мне нужна комната!

Швейцар всё так же равнодушно, бросает ожидаемый ответ:

- Папир фон комендант.

Старлей, не удержавшись, произносит:

- Что за чёрт?!

И тут меня осенила догадка: а может быть, нужно направление из штаба Армии, и я спрашиваю:

- Wo ist Kommendant? [Где находится комендант?]

И мы слышем в ответ:

- Kommendant ist auf fierte Etag [комендант – на четвёртом этаже, нем.].

Вот так, в гостинице имеется свой комендант, который почему-то расположил свою кандидатуру так неудобно, на четвёртом этаже. От этого коменданта и ждал швейцар бумагу, а я бегал на вокзал!

- Извините, товарищ старший лейтенант, что побеспокоил, – сказал я.

- Не стоит извиняться, – мы сами теперь будем знать, что в городе есть ещё одна комендатура. Счастливого устроиться! – прощаясь, ответил помощник коменданта станции.

Я, подхватив чемодан, быстрым шагом поднялся на четвёртый этаж (по-нашему – на пятый). Там, в маленькой комнате сидел молоденький младший лейтенант, в фуражке с голубым околышем и в полевых погонах с голубой окантовкой, но без крылышек (знака авиации), оказавшимся тем таинственным комендантом, от которого требовалась «папир».

Я предъявил ему отпускное удостоверение и попросил отвести номер на трёх человек на одни сутки, пояснив, что сейчас я один, но в 3:00 утра, с венским поездом, приедут ещё два лейтенанта.

Младший лейтенант, достав из стола квитанционную книжку, выписал мне квитанцию на 3 шиллинга, получив деньги, передал мне квитанцию.

- Что, теперь я к швейцару? – спросил я у коменданта, поднимая чемодан.

- Нет, зачем к швейцару, швейцар к нам касательства не имеет. Сейчас я вам открою комнату, – вот только ключ найду.

И, выбрав из ящика стола большой ключ с привязанной к нему номерованной биркой, комендант гостиницы повёл меня в дальний конец коридора.

В открытом им номере стояли две большие деревянные кровати с пружинным матрасами, покрытые атласными тяжёлыми одеялами. На стенке, у

двери, висело большое зеркало, под которым стоял небольшой столик с тазиком и кувшин с водой, заменявший умывальник.

Младший лейтенант тщательно перечитал все простыни, одеяла, занавески, электрические лампочки и записал в свой блокнот. А когда я попросил указать третью койку, он сказал:

- Извините, номеров на троих в гостинице нет, а вы втроём на двух таких кроватях войдёте.

Задав ему несколько вопросов, я выяснил, что он недолго был командиром стрелкового взвода в одной из дивизий ВДВ, входившей в нашу Армию (потому и лётная форма), а затем, после лёгкого ранения, направлен в офицерский резерв, откуда и назначен на эту высокую должность. Он единолично принял громадную гостиницу на 1000 мест со всем её имуществом. В штабе Армии обещали прислать сержантов и рядовых в помощники, да то ли забыли, то ли, поняли, что и незачем тому, кто один справляется, и второй не нужен. Вот он в одиночку и крутится здесь.

- Да разве я один тут за всеми угляжу, – растащат, всё растащат! Ну, а отвечать, конечно, мне придётся, – уныло закончил свой рассказ комендант и вышел.

У меня же была возможность поспать пару часов до прихода венского поезда, чем я и не преминул воспользоваться. К приходу поезда я уже был на вокзале, но среди немногих сошедших моих однополчан не было, так что я в одиночестве в этом большом номере с двумя кроватями доспал остаток ночи, а в 9:00, сдав номер младшему лейтенанту, прибыл на вокзал, к поезду с отпускниками.

Состав должен был отправляться в 12:00, но поезд уже стоял на первом пути. Часть вагонов в нём были пассажирские, остальные – товарные. Товарные, оборудованные нарами, предполагались для сержантов и рядовых, пассажирские – для офицеров.

Разыскав сержанта и ефрейтора, я усадил их в один из товарных вагонов, а сам пошел к офицерскому, – не из желания воспользоваться удобствами езды в более комфортных условиях, а только из чувства дисциплины (приказано офицерам ехать в пассажирских, значит надо исполнять).

Вдоль всего вагона протянулась, равная его длине, подножка, поднявшись на которую, пассажир, через отдельную дверь, попадал в отдельное купе. Внутри, расположенные поперёк вагона, у обеих стенок купе стояли сиденья кресел, разделённых подлокотниками. В таком вагоне ехать можно было только сидя. Нет, думаю, это не для меня, пойду лучше к солдатам, и вернулся к тому вагону, где устроил сержанта и ефрейтора Щечилина.

В их вагоне было просторно, – вместо положенных сорока я не насчитал и двадцати. Меня устроили с краю, на верхних нарах.

- Вот это по-нашему! – удовлетворенно сказал, сбросив шинель и вновь соскочив вниз, на пол.

Кроме нар, в вагоне имелось несколько простеньких табуреток. Вскоре в вагон заглянул молодой общительный младший лейтенант, сказав:

- Разрешите мне с вами? – обращаясь не столько ко мне, как к старшему по званию, сколько ко всем присутствующим, и, не дожидаясь ответа, не выпуская из рук чемодана, впрыгнул в вагон.

С небольшим опозданием, поезд тронулся, держа направление уже на восток, туда, где лежит наша необъятная Родина.

В вагоне чувствуется лёгкое возбуждение, настроение у всех приподнятое, и, кажется, даже колёса вагона начали отстукивать, сначала редко «доомóой, доомóой, ...», а потом всё чаще и чаще «домой-домой, □, домой-домой, □, домой-домой, □...». Но до дома было ещё далеко.

Как-то незаметно проехали Вену (скорей всего, объехали её где-то по окраинам) и уже двигались по равнине, в сторону Будапешта. В этом месте до войны была электрифицированная двухколейная магистраль, а сейчас об этом

напоминали только пустые опоры электросети, на которых висели пустые связки изоляторов и кое-где сохранившиеся провода.

К Будапешту подъехали ночью. Приготовились к пересадке, ведь все мосты через Дунай здесь были взорваны, а по наспех наведённым временным мостам пассажирские поезда не ходили. Но, к удивлению, поезд, хотя и медленно, с многочисленными продолжительными остановками, всё продвигался вперёд. И вот уже Дунай, наш поезд мало-помалу вползает на мост, опирающийся на клетки, сложенные из шпал. Слева от нас, немного выше по течению реки, всё ясней в свете наступающего дня вырисовывается красивый мост, упавшая середина которого скрыта в быстрых струях Дуная.

Всё так же медленно паровоз перетягивает состав через реку, и поезд входит в восточную часть города. Здесь нам уже ничего не видно, кроме крутых земляных откосов и глухих кирпичных стен. Ускоряемся, и – через несколько минут мы уже на путях Восточного вокзала.

В ожидании составов, на вокзале очень много народа. Большинство – советские военные, но много – и гражданских. Мы выскочали из вагона, немного размялись, но далеко отходить побоялись, – вдруг наш поезд, ставший для нас домом, уйдёт.

Так стоим час, два, три. Солнце уже сильно припекает, но я чувствую неприятные озноб и понимаю, что начинается приступ малярии. И как я оплошал, при выезде из полка не взял в санроте лекарство?! А ведь у меня со Сталинграда не было приступов. Постепенно выясняется, что наш поезд поедет дальше не раньше, чем через 2 дня.

Старшие офицеры, ехавшие в этом поезде, сходили к коменданту вокзала, и исполнявший эту обязанность полковник ответил им, что имеет право отправить только три поезда в неделю и не больше. Тогда они поехали в город, к маршалу Ворошилову (который был здесь председателем союзного контрольного Совета), с просьбой дать указание на отправку поезда, но и маршал им отказал. Солдаты же говорили, что наш поезд должен был следовать

без задержки до Ясс, но чуть позже нашего на станцию из Чехословакии прибыл такой же состав отпускников, в котором ехал генерал, а у нас в эшелоне старшим по званию был только полковник, вот комендант и отправил их вместо нас.

Терять из своего отпускного времени два дня на ожидание отправки из Будапешта никто не собирался. На соседних путях стояло два пассажирских поезда: один – Будапешт–Дебрецен, другой – Будапешт–Сольнок. Одним можно было добраться почти до границы Советского Союза (от Дебрецена до станции Чоп Закарпатской Украины совсем близко), но, говорят, за Чопом какие-то бандиты-бандеровцы взрывают пути в тоннелях, и по несколько суток движение там прерывается. Сольнок – это только до Тиссы [также используется и другой вариант написания названия этой реки – Тиса], а дальше можно повернуть и на Дебрецен, и на Яссы. Мне было всё равно, как бы ни ехать, лишь бы – ехать.

Вместе с сержантом и Щечилиным я пошёл к дебреценскому поезду, который должен был вот-вот отправиться. Но оказалось, что мы уже опоздали, ведь все вагоны были набиты до отказа. Все подножки вагонов уже были заняты, на крышах вагонов – тоже много солдат. Волей-неволей пришлось идти к поезду, направляющемуся на Сольнок, но и там вагоны были набиты до отказа.

Я медленно двигался вдоль поезда, уже потерял всякую надежду найти в нём местечко для троих. Правда, стоя в тамбуре, ещё можно было устроиться, да и на крышах ещё кое-где оставались свободные места, но, в том-то и была беда, что я ни стоять на ногах, ни сидеть на крыше уже не мог. Ещё каким-то чудом пока держался на ногах, а страшный жар топил меня, губы пересохли, глаза воспалились, щеки ввалились. Если бы был термометр, наверняка, он показал бы за 40.

Но что это, вот вагон совершенно пустой! С трудом поднимаюсь в него и вижу пустой тамбур, открыв дверь в вагон, поражаюсь – всего несколько солдат. Тут один из них поднялся и сказал:

- Товарищ лейтенант, этот вагон занял Герой Советского Союза старший сержант … (фамилии его я не запомнил). Прошу оставить вагон.

Я машинально вышел, остановился у вагона и думаю, положено Герою Советского Союза занимать вагон или нет? – Кто его знает, может, и положено. Во всяком случае, выяснить это я не в состоянии. А что, если я попрошу Героя Советского Союза разрешить мне занять уголок, ведь вагон так велик, неужели он весь этому герою. Вот это мысль!

Как раз в это время солдат, попросивший меня освободить вагон, вышел из вагона и встал у двери. Очевидно, он изображал часового или дневального, охраняя вагон от проникновения посторонних лиц. Я спросил его:

- Можно ли мне видеть Героя Советского Союза?

- Видеть, конечно, можно, но сейчас его нет, – ответил солдат.

В моей воспаленной жарой голове мысли проходили медленно, время для меня как бы не существовало. С трудом соображаю, что предпринять дальше, а за моей спиной стоят сержант и ефрейтор с чемоданами. На ногах держаться мне было трудно, и я плечом прислонился к стене вагона. Голова опустилась, взгляд упёрся в землю. Не знаю, сколько я так простоял, но когда я понял голову, то увидел, что к вагону приближается старший сержант, на груди которого ярко блестела золотая Звезда, за ним шли ещё несколько сержантов и солдат.

Я выпрямился и, поднеся руку к головному убору, сказал:

- Товарищ Герой Советского Союза, разрешите обратиться?

Старший сержант небрежно ответил рукой на моё приветствие, остановился и сказал:

- Да, пожалуйста.

Я сказал, что у меня жестокий приступ малярии, температура за 40. Не будь этого, я бы с удовольствием проехал на крыше, но абсолютно не могу, поэтому прошу разрешения занять самую крайнюю у двери полку, мешать не буду, так как уже и сейчас почти ничего не чувствую. А следующим со мной сержанту и ефрейтору с чемоданами хватит места и в тамбуре.

Ответив «Пожалуйста, пожалуйста!», – сержант прошёл в вагон.

Уже при помощи своих попутчиков я влез в вагон, почти ощупью нашёл полку, лёг на неё и больше уже ничего не помню. Проснулся ночью, когда поезд уже стоял на узловой [далее – тетрадь 93; ориентировочно – апрель 1974 г.] станции Сольнок, и все покидали вагон.

Оставив ефрейтора Щечилина с чемоданами, я отправился к станционному зданию, где надеялся разыскать коменданта. Небольшой кабинет коменданта был уже наполнен офицерами: пришедшие первыми сидели на скамейках и стульях, остальные (большинство) – стояли. За столом, с уверенным видом, сидел молодой лейтенант с золотой и красной нашивками (за ранения) на груди. Он звучным голосом объяснял:

- Товарищи, завтра в 10 часов всех отправлю, ни одного здесь не оставлю! А пока спокойно спите. Правда, мягких коек я вам предложить не могу, зато на полу всем место найдётся. Кому надо получить продукты, прошу в продпункт. А вот столовой тоже не имею, поэтому паёк на два дня идите и получайте.

Было видно, что почти все ожидающие восприняли эти слова как пустое обещание. Один офицер так напрямую высказал лейтенанту это недоверие:

- Вон, в Будапеште, комендант вокзала – полковник, и тот имеет право всего три поезда в неделю отправлять. А ты, лейтенант, откуда вагоны возьмёшь?

Но комендант невозмутимо продолжал свою речь:

- Вы, когда к нам приехали, здесь хоть один солдат был? Нет. То-то! Вот и завтра, после 10:00 ни одного не останется. Вагонов, правда, у меня пока нет, их к утру немного подбросят, а мало будет – у венгров возьму.

Сомнений он всё-таки не рассеял, однако делать было нечего, и мы пошли досыпать ночь в указанный лейтенантом-комендантом дом, который оказался довольно большим чисто убранным помещением. Мы с сержантом и ефрейтором, поставив чемоданы, постелив шинель, ею же и накрывшись, заснули.

Утром, задолго до 10 часов, пошли к путям и, верно, там стоял оборудованный для перевозки людей, эшелон с гостеприимно распахнутыми дверями. По перрону ходили два атруля, а у здания вокзала стоял комндант.

Мы, счастливые, расселись по вагонам, которых оказалось достаточно, чтобы не только вместить всех ожидавших, но и расположиться для поездки непривычно свободно.

Ровно в 10:00 эшелон плавно тронулся на восток, через некоторое время уже шёл по мосту через Тиссу. Я пересекал эту реку второй раз, до этого её наш полк форсировал севернее, в Воеводине, дождливым ноябрём 1944 года. С того времени прошло всего девять месяцев, а сколько воды в реке прошло, сколько событий произошло! Тут же мне вспомнилось и «Тисса горит» Бела Куна[1], и то, что под нами в массе водного потока есть и вода, дошедшая сюда с нашей Родины. А через какое-то время вся эта масса, ограниченная берегами, сделав большой круг, в устье Дуная опять будет плескаться у юго-западных берегов Советского Союза. Правда, очень хочется, чтобы мы достигли границы СССР быстрее, чем эти воды Тисы.

Поезд, мерно, успокаивающе раскачиваясь, отбивая вальс на стыках рельсов, упрямо сокращал расстояние, которое так страшно долго разделяло нас с родными. Вот, незаметно пересекли границу Венгрии и Румынии (заметили мы это только по железнодорожникам, на головах которых здесь красовались не узкие высокие кепки, а необычайно широкие низкие фуражки).

Конечно, смена страны была заметна и по речи, но разговарить с румынами нам было ни к чему. Так, ехавший с нами в вагоне младший

[1] Авторство романа «Тисса горит» принадлежит другому венгерскому писателю – Белу Иллешу.

лейтенант, важно сидя на табуретке напротив раскрытых дверей, поманил пальцем проходящего по перрону дежурного в красной фуражке и, делая строгое лицо, спросил:

- Почему эшелон задерживаешь?! Чтобы через пять минут отправил!

И, повернувшись к нам, довольный своим «могуществом», бросает:

- Всё, щас тронемся.

И, действительно, конечно, не через пять минут, а как прицепили новый паровоз, и освободился впереди путь, поезд продолжил движение.

Подъехали к Южным Карпатам. Хотя эти горы и не так высоки, и подъём железной дороги на них (и спуск) не так уж крут, но перевал требовал дополнительных мер. Разбитые за время войны вагоны не имели исправных пневматических тормозов. Потому на все вагоны с тормозными площадками были посажены к ручным тормозам кондукторы, а машинист гудками предупреждал: когда зажать, когда отжать тормоза.

Путь был не близок, даже если бы поезд ехал без притормаживания, и за это время мы и поспали, и переговорили все разговоры. Вагон надоел нам настолько, насколько не терпелось нам попасть домой, а как ближайший шаг – добраться до Ясс, где мы надеялись сразу же попасть в наш, советский вагон.

Такой момент, наконец, настал! Вот и Яссы. Наш эшелон остановился вдали от вокзала, где-то в районе, 12–15-го пути. Высадившись из вагона и оставив Щечилина с чемоданами, я, в сопровождении сержанта, отправился на разведку.

На первом пути стоял состав из десяти пассажирских вагонов, в хвост которым были прицеплены ещё четыре товарных; и те, и другие – наши, советские. Вокруг вагонов стояли толпы солдат, которые занимали всё пространство между поездом и вокзалом (а это был довольно широкий перрон). Такого скопления народа я давно не видел.

Пробивая себе дорогу правым плечом, я медленно продвигался к главному входу в вокзал. Сержанта я в этой давке потерял. Хоть и с трудом, но

мне всё же удалось пробраться в здание вокзала, где меня ожидал очередной «сюрприз» – очередь офицеров, которая превышала сотню человек. Спросив: «Кто последний?», я пристроился в хвост.

Простояв с полчаса, я, из подслушанных разговоров, выяснил, что в здесь, на ясском вокзале, скопилось несколько десятков тысяч отпускников и демобилизованных. Один раз в два дня, по вечерам, отходит пассажирский поезд Яссы–Киев, а примерно в это же время, но по остальным другим дням, подают состав ВСП [военно-санитарный поезд]. Вот и сейчас на очередной состав произведена посадка. Вагоны набиты до отказу, да ещё и в тамбурах пассажиры стоят вплотную друг к другу, другие устраиваются на крышах товарных вагонов.

Комендант любому подходившему отвечал одинаково:

- Завтра, с пассажирским, отправлю! Вот рядовых и сержантов не смогу, ни одного, даже не упрашивайте! У меня ж на вокзале, сами видите, вон чего творится, народу-то тьма!

Сегодня несколько групп офицеров отправили телеграммы в Москву, Верховному Главнокомандующему товарищу Сталину.

Поняв ситацию, я решил не терять времени даром и направился к оставленному с чемоданами Щечилину, сержант уже оказался здесь. Рассказав всё, что мне удалось выяснить, своим попутчикам, я добавил:

- Вот как складывается: я имею шанс уехать отсюда завтра, а вам, наверное, придётся ещё какое-то время здесь сидеть.

Услышав такое, ефрейтор Щечилин, не отличавшийся особой смелостью и решительностью, совсем упал духом и опустил голову. А потом поднял на меня просящие глаза и произнёс:

- Не бросайте нас, товарищ лейтенант! Мы без вас пропадём тут.

- Да, – подумал я, – не известно, как сержант, а Щечилину не суметь отсюда выбраться!

- Едем на крышах! Согласны? – сказал я вслух.

- Поедем! – тут же выпалил Щечилин.

- Тогда хватайте чемоданы, пошли!

И мы, с возможной в подобной толчее скоростью, направились в хвост эшелона, где стояли прицепленные товарные вагоны. Увы, все крыши уже были полностью заселены. Мы тогда вернулись к пассажирским вагонам, на которых уже тоже расположились несколько человек, то ли опытных – знающих, что и здесь доехать получится, то ли, наоборот, наивных. У нас выбора не было, к тому же, я знал из рассказов о временах разрухи и гражданской войны, такой способ передвижения тогда применялся: всего лишь – залезть на крышу (это не составляет труда), правда высокие покатые крыши пассажирских вагонов не так удобны, как низкие и плоские – у товарных, но зато многочисленные вентиляционные трубы обеспечивали нам достаточную опору.

Меньше, чем через десять минут, мы надёжно и основательно заняли место на крыше одного из пассажирских вагонов и уже видели себя, если не в Киеве, то уже на Родине (до пограничной станции Царане[1] от Ясс меньше 30 километров), довольные ещё и тем, что находимся на свежем воздухе, а не в душной тесноте. Всё, час пути и мы – на территории Советского Союза! Правда, добрались до Цырани мы только к утру, т. к. поезд тронулся ещё не скоро, а пройдя некоторую часть пути, остановился, простояв час, другой, начал движение, но опять затормозил.

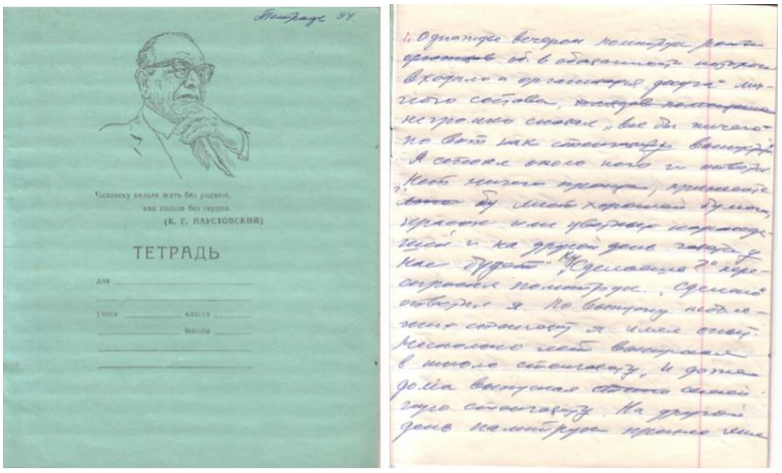
Скорая встреча с Родиной, естественно, взволновала нас, и мы почти не спали, а чуть погрузившись в полудремоту, вскидывали голову, ожидая этого момента.

Но вот начался рассвет, и поезд медленно двинулся на мост через Прут. Он двигался навстречу восходящему солнцу, навстречу наступающему новому дню, навстречу нашей великой Родине!

[1] Царане или Цырань, в настоящее время – часть более крупного населённого пункта Скулень / Скуляны.

Послесловие

* Воспоминания свои Глеб Виссарионович записывал в 12-страничных школьных тетрадях в линейку.

На фото – 94-я тетрадь воспоминаний (слева) и 1-я страница из неё (справа)

* Приведённая на фото страница – редчайшее исключение, в том смысле, что остальная часть рукописи почти не содержит исправлений.

* Тетради с воспоминаниями, оставленные автором в идеальном состоянии, сложены в папки, по 10 штук в каждой; в последней, в 10-й, последней папке: три тетради (91-я–93-я) «основных» воспоминаний, три тетради (94-я–96-я) добавлений, тетрадь с оглавлением, тетрадь «Выписки» (в неё автором внесены цитаты из энциклопедии, воспоминаний Г. К. Жукова; стоит добавить, что эти цитаты не приведены в самих дневниках Глеба Виссарионовича).

* Можно поражаться, насколько детально (в том числе, с указанием имён и фамилий) описан почти каждый эпизод в воспоминаниях (особенно, если учесть, что писал их Глеб Виссарионович, уже выйдя на пенсию, через 27-35 лет после событий)! Ныне здравствующие сыновья Глеба Виссарионовича, Александр Глебович и Павел Глебович, сообщают, что никаких записей с фронта отец не привозил и всё, что записано им, сделано по памяти, при этом документальные факты (имена военачальников и события на других фронтах,

некоторые географические названия) Глеб Виссарионович проверял по нескольким книгам, находящимся у него на рабочем столе (по «Истории Великой Отечественной войны», по мемуарам Г. К. Жукова, по географическим картам).

* Как и большинство фронтовиков, Глеб Виссарионович почти никогда и ничего не говорил о войне в кругу семьи; встречи с однополчанами фронтовики старались проводить тоже, чтобы не тревожить этой темой своих родных. О скромности таких, как мой дед, наверное, говорит и то, что их награды (медали, ордена) лежали где-то в коробочках, а на китель (пиджак), надеваемый по большим праздникам, в большинстве случаев была пристёгнута орденская планка.

В числе наград Г. В. Плотникова (что, почти полностью осталось за рамками и самих воспоминаний, и комментариев):

- медаль «За оборону Сталинграда» (наградной приказ / 25.08.1943)/ 232 гв. сп 80 гв. сд (http://podvignaroda.ru/?#id=1530277841&tab=navDetailDocument);
- орден «За отвагу» / Приказ № 03/Н от 06.02.43 по полку о награждении: п. 10 – ст. сержанту Плотникову Г. В. (за восстановление связи 21.01.43);
- орден Отечественной войны 2-й степени / наградной лист на гв. лейтенанта Плотникова Г. В.: «Участие в Отеч.войне с 26.11.41 по 13.12.41 – Московский фронт (лёгкое ранение в бедро – согласно записи в военном билете)»; 5.09.44. Комполка гв. подполковник Маркелов; начсвязи дивизии гв. майор Дудников;
- орден «Красной звезды» / Приказ по дивизии о награждении №037/Н от 23.09.44: П. 7;
- Справка об объявленных благодарностях тов. Сталина Глебу Виссарионовичу Плотникову: «Сексард, Капошвар, Пакш, Боньхад, Домбовар (2.12.44); Бичке, Секешфехервар (24.12.44); Шопрон (1.04.45); Секешфехервар, Мор, Зирез, Виспрем, Эньинг (24.05.45); Флоридсдорф, Конейбург (от 15.04.45)» Комдив – гв. полк. Чижов; начПО гв. полк. Хадневич, начШтаба гв. полк. Камышников.

Остаёмся на связи!